This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

...ДАТЕЛЬ

...Й, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

...ДЪ РЕДАКЦІЕЮ

...ОПСКАГО.

...БРЬ. 1890 ГОДЪ.

...НІЕ:

	СТРАН.
...Д. Нефедова . . .	5
...евскаго. (Оконч.). .	59
...наго.	79
...лова	81
. . . . .	108
...Д. Апраксина .	123
...Бунина .	177
...еддонъ .	179
. . . . .	279
...ъ (...) . . .	1

...ель 1890

MF 178

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ IX. НОЯБРЬ. 1890 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
I.	Въ приморскомъ городкѣ. Очеркъ. **Ф. Д. Нефедова**	5
II.	Наши сельскія библіотеки. **В. Крандіевскаго.** (*Оконч.*)	59
III.	Отрывокъ. Стихотвореніе **Ап. Коринфскаго**	79
IV.	Кавказскія преданія и легенды. **В. Свѣтлова**	81
V.	Тамбовскія смуты. **Дубасова**	108
VI.	Дорогою цѣною. Романъ. (*Окончаніе*). **А. Д. Апраксина**	123
VII.	Изъ крымскаго дневника. Стихотвореніе **Ив. Бунина**	177
VIII.	День настанетъ. Романъ. (*Окончаніе*). **Бреддонъ**	179
IX.	Осень. Стихотвореніе **Л. Афанасьева**	279
X.	Сѣдая старина. (Оригинальный романъ изъ древне-египетской жизни). **А. А. Быкова**	281
XI.	Сонетъ. **Гр. П. Д. Бутурлина**	334

(См. на оборотѣ).

№ 11 «Наблюдателя» вышелъ 1-го ноября 1890 года.

Современное обозрѣніе.

СТРАН

XII. **Политическая хроника** . . . . . .

Осеннее затишье въ политикѣ. — Значеніе послѣднихъ поѣздокъ Вильгельма II въ Роншток и Штирію.—Приготовленіе къ внутренней кампаніи противъ соціализма. — Консерваторы, пугающіе Германію призракомъ сепаратизма.—Спокойствіе соціалистовъ и празднованіе ими 1-го октября. — Программа соціализма. — Буржуазія и пролетаріи. — Статистика двадцатилѣтняго преслѣдованія соціалистовъ.—Фіаско бисмарковскихъ мѣръ.—Отчего у стараго канцлера явилась дружба къ Россіи?—Паденіе орлеанизма и манифестъ графа Парижскаго.—Положеніе Италіи и рѣчи Криспи.—Жидовствующій „Journal de S.-Pétersbourg."

XIII. Новыя книги: 1) **Я. А. Новиковъ.** Протекціонизмъ. Спб. 1890. 2) *Д. Г. Льюисъ.* **Исторія философіи,** отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени. Съ указателемъ. Спб. 1889 г., переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей *В. Чуйко.* 3) *Д. Дриль.* **Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями.** (Частная психологія преступности). Москва. 1890 г. 4) *С. Н. Уманецъ.* **Очерки развитія религіозно-философской мысли въ Исламѣ.** Спб. 1890. 5) **Люди темные.** Очерки и картинки изъ народнаго быта. *Н. Н. Захарьина* (*Якунина*). Спб. 1890 1

XIV. **Наши внутреннія дѣла.** 2

Продолженіе толковъ о „переутомленіи" учащихся въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Рядъ послѣдовательныхъ нападокъ на школьную систему въ Германіи.—Мнѣнія доктора Лоринзера и профессора Кона.—Петиціи нѣмецкихъ обществъ.—Параллельное движеніе во Франціи. — Наши „отрицатели" sui generis. — Н. Бакстъ, идущій по стопамъ доктора Захарьина.—Смѣлый проэктъ объ изгнаніи врачей изъ учебныхъ заведеній. — А. С. Вирениусъ, заступающійся за послѣднихъ. — Любопытные факты и серьезные доводы, имъ приводимые.

XV. **Фонографъ.** (Фельетонъ **«Наблюдателя»**). **И смѣхъ, и горе.** (Литературныя и общественныя замѣтки). **Ефима Простосердова.** 3

Нѣкоторыя дополненія къ предъидущему фельетону.—Алупка и Гурзуфъ.—Примитивный способъ морскаго купанья.—Отсутствіе подъемныхъ машинъ.—Кавказскія минеральныя воды.—Счастливая группировка ихъ на 17-верстномъ разстояніи.—„Битва русскихъ съ кабардинцами" изъ-за обладанія... ваннами.—Военно-грузинская дорога.—Прелести и богатства кавказской природы.—Два типа ландшафтовъ. — Тифлисъ и Боржомъ. — Миніатюрный павильонъ минеральныхъ водъ. — Полное отсутствіе всѣхъ культурныхъ удобствъ.

XVI. Объявленія. 1) О подпискѣ на еженедѣльный журналъ „Живописное Обозрѣніе" и 2) ежедневную газету „Сынъ Отечества" . . . 1—

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

№ 11. НОЯБРЬ.

ПЕРМСКАЯ
Центральная библиотека
имени Максима Горького
№ 255.978.
1943

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.
1890.

ТИПОГРАФІЯ С. *ДОБРОДѢЕВА*, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

STACKS
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

JUL 10 1973

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1891 ГОДУ (ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

P50
N32
9
.11
1890

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, К. С. Баранцевичъ, П. В. Безобразовъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ (Гл*), проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Ѳ. Каптеревъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морововъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Северинъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ) и др.

«Наблюдатель» *возвратился къ прежнему сроку выпуска нумеровъ* и выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 р.	Съ доставкою въ Спб. .	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу. .	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики **„Наблюдателя“**, желающіе получить **второе** изданіе монографій редактора: **„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“**, высылаютъ **16 р.** Городскіе и заграничные приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки. . . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою . . .	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу .	8 р.	5 р.	4 р.

Библіотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины при которыхъ они состоятъ) *пользуются разсрочкою платы подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не менѣе 15-ти годовыхъ экземпляровъ.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга дѣйствительно не доставлена по адресу. Утраченный не по винѣ редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 р. 50 к. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ вытребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 50 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію редакціи. Статьи неизвѣстныхъ редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 час. попол., *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за ½ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **5 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ КНИГА:

«ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ».

Второе, дополненное, изданіе монографій и критическихъ статей **А. П. ПЯТКОВСКАГО**, въ двухъ частяхъ (свыше *сорока* печатныхъ листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и др. предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-ой части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I-го до Александра I-го, съ 1703 г. до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія); 2) Журнальный тріумвиратъ (Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) князь В. Ѳ. Одоевскій (литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями); 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

См. отзывы: «*Историческій Вѣстникъ*», 1889 г. № 4, «*Русская Старина*», 1889 г. № 7, «*Новое Время*», № 4634, «*Русскія Вѣдомости*», 1888 г. № 343, «*Правит. Вѣстникъ*», 1888 г. № 270, «*Всемірная Иллюстрація*» и проч.

Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 рубля. Складъ въ главной конторѣ журнала **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»** (Спб., Владимірская, № 1—6). Годовые подписчики журнала, желающіе получить эту книгу, высылаютъ 16 р.

Кромѣ того, въ конторѣ журнала продаются послѣдніе экземпляры историческаго романа Георга Эберса: СЕРАПИСЪ. Цѣна 1 р., перес. за одинъ фунтъ. Романъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ВЪ ПРИМОРСКОМЪ ГОРОДКѢ.

(ОЧЕРКЪ).

Городокъ этотъ, во многихъ отношеніяхъ, примѣчателенъ. Называется онъ Бехтіосъ. Не смотря на то, что онъ находится у самаго моря и къ нему съ большой дороги ведетъ особое шоссе, никакой опытный мореплаватель,—вооружись онъ самою превосходною зрительною трубою,—не въ состояніи увидѣть Бехтіоса въ двухъ шагахъ отъ пункта наблюденія. Чтобы открыть городокъ съ моря, нужно прежде всего направить пароходъ прямо въ пустынный берегъ, къ группѣ каменныхъ страшилищъ, дерзко высунувшихся изъ воды, и пароходъ совершенно неожиданно очутится среди маленькой бухточки, ревниво заслоняемой съ моря этими страшилищами; затѣмъ, слѣдуя по извилистому рукаву между высокихъ мрачныхъ скалъ, пароходъ черезъ нѣсколько минутъ войдетъ въ спокойный заливъ, и какъ онъ только выдвинетъ свой носъ,—такъ справа разомъ и городокъ предъ нимъ откроется. А чтобы обнаружить Бехтіосъ съ материка, необходимо верхомъ или въ экипажѣ проѣхать до конца шоссе, то есть подъѣхать къ самому городку, и тогда вы его непремѣнно ужь увидите: онъ весь до послѣдняго домика себя покажетъ. Если къ сказанному добавить, что громадныя, одна на другой лѣпящіяся, скалы опоясываютъ этотъ городокъ кольцомъ, то причина трудности обнаруженія Бехтіоса будетъ вполнѣ объяснена и понятна.

Это—первая и чисто геологическая примѣчательность Бехтіоса.

Въ доисторическомъ отношеніи также, по всей вѣроятности,

онъ примѣчателенъ; но, за отсутствіемъ данныхъ въ наукѣ, положительно невозможно сейчасъ опредѣлить, чѣмъ именно Бехтіосъ прославилъ себя во времена существованія мамонта, пещернаго медвѣдя и т. п. Но что онъ былъ замѣчателенъ— свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что о заливѣ, при которомъ ютится городокъ, имѣли свѣдѣнія греки героическаго періода: такъ, великій старецъ Гомеръ въ своей безсмертной „Одиссеѣ“ упоминаетъ про нѣкій „извилистый“ заливъ Чернаго моря, который, по увѣренію эллиновъ, современныхъ жителей городка, и есть заливъ Бехтіосскій.

Жители Бехтіоса утверждаютъ, что основаніе нынѣшнему городку положено если еще не при Ликургѣ, то непремѣнно въ золотой вѣкъ Перикла; и что первые основатели были выходцы изъ Спарты и Аѳинъ. Противники же Бехтіоса оспариваютъ это положеніе и говорятъ, что Бехтіосъ основанъ не эллинами древнихъ классическихъ республикъ, а пиратами съ Архипелага, и не дальше какъ только въ прошломъ столѣтіи. Въ своемъ дерзкомъ легкомыслiи, эти недоброжелатели доходятъ до того, что отвергаютъ всякую древность за Бехтіосомъ и утверждаютъ, что не только Гомеръ не зналъ о заливѣ, но даже покойный нашъ адмиралъ Меншиковъ совсѣмъ не подозрѣвалъ его существованія. Хотя на возвышенной скалѣ близъ Бехтіоса и существовала когда-то генуэзская крѣпость, слѣды которой сохранились и до нашего времени, но она была воздвигнута гораздо раньше городка и ничего съ нимъ общаго не имѣетъ, а настоящій Бехтіосъ былъ простой греческой деревушкой и открытъ лишь въ половинѣ текущаго столѣтія англичанами и французами. Когда потомъ жителей спросили, кто они и за кого себя почитаютъ, то всѣ и одногласно назвали себя лейтенантами. Тогда только деревеньку, будто бы, возвели въ достоинство заштатнаго городка и новымъ гражданамъ даровано магдебургское право, а по части образованія мѣстнаго юношества учреждена школа для кантонистовъ.

Конечно, къ подобнаго рода показаніямъ слѣдуетъ относиться съ крайнею осторожностью: чего только злоба людская не выдумаетъ!

Въ настоящее время, Бехтіосъ ничѣмъ почти не отличается отъ любой порядочной татарской деревушки: почти такіе же,

безпорядочно разбросанные по холмамъ и предгоріямъ, бѣленькіе дома и домики съ крытыми стеклянными галерейками и балкончиками, тотъ же грязный базаръ, состоящій изъ площади и ряда плохихъ лавчонокъ, таже нечистота и тяжелый запахъ. Исключеніе составляетъ главная улица, расположенная по заливу, да новое зданіе гостинницы „Континенталь". Но все это нисколько не мѣшаетъ городку быть очень живописнымъ и весьма полезнымъ для больныхъ, ежегодно стекающихся сюда изъ столицъ на августъ и сентябрь мѣсяцы. Касательно мѣстныхъ памятниковъ старины, греки показываютъ генуэзскія развалины да Мирона Ивановича, единственнаго портнаго во всемъ городкѣ, который въ совершенствѣ постигъ искусство пришивать пуговицы одну выше, а другую ниже петли. Сверхъ того, Миронъ Ивановичъ обладаетъ еще двумя достоинствами: имѣетъ необычайно громкій голосъ и никогда не показывается на улицу.

Республиканскій духъ жителей Бехтіоса, по временамъ все же сказывается. Такъ, напримѣръ, вблизи винныхъ лавочекъ и на берегу залива нерѣдко происходятъ народныя собранія, которыя оканчиваются большими побоищами.

I.

Стоялъ октябрь. День былъ тихій, теплый и сіяющій,— въ средней Россіи такіе дни иногда выпадаютъ раннею и хорошею весною. Лучезарное солнце, описавъ по голубому небу половину дуги, поднялось высоко и стояло теперь какъ разъ надъ самымъ ущельемъ, гдѣ между каменными утесами, вѣчно о чемъ-то роняющими слезы въ синее море, спряталась небольшая бухта, съ извилистымъ проходомъ въ заливъ. Это была именно та пора дня, когда бехтіосская котловина, съ нависшими вокругъ нея дикими скалами, бываетъ вся затоплена массой какого-то веселаго свѣта и рѣзвой игры тоновъ. Развалины старинной крѣпости и красновато-сѣрыя, обнаженныя каменныя громады сбрасываютъ тогда съ себя свой мрачный покровъ и потихоньку начинаютъ смѣяться; изумрудно-бирюзовый заливъ, съ неподвижно покоящимися на немъ катерами и яликами, весь искрится, переливается цвѣтами ра-

дуги и улыбается радостно; маленькій городокъ со своими бѣлыми домами и домиками, выглядывая съ холмовъ изъ-за широколиственной зелени каштановъ и стройныхъ красавцевъ-тополей, словно для праздника принарядился, съ дѣтскою гордостью любуется собою и только что не вымолвитъ: „а вѣдь я, право, хорошенькій, даромъ что отъ меня, сказываютъ мои недоброжелатели, по временамъ рыбою попахиваетъ“! Но теперь никто, самый заклятый врагъ Бехтіоса, ничего подобнаго не посмѣлъ бы сказать: воздухъ такъ чистъ и мягокъ, онъ дышетъ южной лаской и привѣтомъ счастья.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что показавшійся на подъѣздѣ „Континенталя“ господинъ, одѣтый въ лѣтнюю сѣренькую триковую пару, сшитую, очевидно, столичнымъ портнымъ, и въ соломенной съ широкими полями шляпѣ,—былъ вызванъ на улицу непремѣнно этимъ роскошнымъ блистаніемъ и манящей улыбкою южнаго дня. Онъ сошелъ съ каменныхъ ступенекъ, направился черезъ дорогу прямо къ верандѣ, построенной на заливѣ, но, взглянувши въ сторону ущелья, пріостановился, снова посмотрѣлъ,—и довольное выраженіе разлилось по его замѣтно загорѣвшему лицу, оттѣненному небольшою бородкою. Онъ потянулъ въ себя воздухъ, полной грудью вздохнулъ и, бодро, по юношески встряхнувъ головою, пошелъ главной улицею по самому краю залива.

— Экая прелесть! — не громко, но вслухъ проговорилъ онъ, и лицо его улыбалось.—„А у насъ, на сѣверѣ, теперь холода, дожди“,—подумалъ онъ.

Поравнявшись съ палисадникомъ одного домика, онъ увидѣлъ только что распустившіяся розы, а изъ-за угла домика, открывающаго базарную площадь, выступили двое господъ, одѣтыхъ тоже по лѣтнему и въ фуражкахъ съ кокардами. Оба—съ большими орлиными носами, но одинъ только съ выцвѣтшими усами, а другой съ густой черной бородой; первый былъ высокъ и держалъ голову прямо, устремивъ задумчивый взоръ куда-то вдаль, а второй — средняго роста, съ наклоненной немного головой и сосредоточеннымъ, глубокомысленнымъ выраженіемъ лица. Съ перваго же взгляда, каждый незнакомый съ ними человѣкъ могъ легко догадаться, что это были серьезные, дѣловые люди. И, дѣйствительно, оба

служили представителями мѣстнаго муниципалитета, оба составляли гордость и красу города Бехтіоса.

— Здравствуйте, господа!

На это привѣтствіе высокій улыбнулся и молча протянулъ руку, а его спутникъ, не измѣняя глубокомысленнаго выраженія, проговорилъ: „а, Дмитрій Андреевичъ"! и тоже подалъ руку.

— Гуляете, господа?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ, пожимая знакомымъ руки грекамъ.

— Что вы?—удивился чернобородый.

— До гулянья ли намъ!—работы по горло!

— Осматриваемъ улицы,— добавилъ съ улыбкой обладатель усовъ:—наблюдаемъ за чистотою, санитарную часть совершенствуемъ.

— Очень похвально. Такъ вы не пройдетесь ли со мною къ морю, Николай Петровичъ?

Бородачъ только рукой махнулъ.

— А вы, Агафангелъ Спиридоновичъ?

Усачъ показалъ на Николая Петровича.

— Я бы съ удовольствіемъ, но, извините, я съ нимъ.... осмотръ еще не окончился.

Дѣловые люди пошли въ сторону гостинницы, а Дмитрій Андреевичъ—по направленію къ развалинамъ.

— А вы очень поправились!—крикнулъ ему вслѣдъ Агафангелъ Спиридоновичъ.

— Да, я хорошо себя чувствую,—оборачиваясь на голосъ, отвѣтилъ тотъ и продолжалъ идти.

Около купаленъ, густой, сплошной массой копошились медузы, а подлѣ берега, сквозь прозрачную бирюзу воды, на днѣ залива виднѣлись битые горшки, плошки и всякій ненужный въ домашнемъ обиходѣ, хламъ.

На встрѣчу ему приближалась уже гигантская скала, на возвышеніи которой поднимались развалины башенъ и крѣпостныхъ стѣнъ. Его вниманіе часто привлекали развалины одной башни: она имѣла видъ фигуры молящейся женщины. Онъ шелъ впередъ, думая обо всемъ и ни о чемъ опредѣленно, какъ человѣкъ, только что оправившійся послѣ тяжкой болѣзни, снова почувствовавшій себя здоровымъ и бодрымъ; ему было очень хорошо и весело, и это одно онъ только

теперь испытывалъ, отдаваясь жизнерадостнымъ ощущеніямъ. Ему пріятно было сознавать, что онъ здоровъ, и больше ничего другаго не желалось; пожалуй, онъ готовъ бы подурачиться и посмѣяться, какъ гимназистъ, вырвавшійся изъ школы на улицу. Идя по набережной, Дмитрій Андреевичъ не замѣчалъ царившей въ лучшей изъ улицъ города пустынности и отсутствія всякихъ признаковъ жизни; не замѣтилъ онъ также и единственнаго живаго существа, наблюдавшаго за нимъ съ верхней улицы, гдѣ бѣлѣлась церковь, обнесенная живой изгородью каштановъ и кипарисовъ, съ поднимавшимся надъ ними большимъ синимъ куполомъ и золоченымъ крестомъ. Это живое существо—была дѣвушка. Она сидѣла у зеленой изгороди и передъ нею на колѣняхъ лежала книга. Увидѣвъ Дмитрія Андреевича, она устремила на него свои глаза и долго смотрѣла, но тотъ прошелъ мимо, даже не взглянувъ въ сторону дѣвушки, и спустился въ долину. Черезъ минуту онъ уже поднимался по каменнымъ, почти разрушеннымъ ступенямъ, когда-то и чьей-то заботливой рукою вырубленнымъ въ скалѣ. Онъ быстро взобрался на извилистую и неровную дорожку нижней скалы; эта скала служила какъ бы основаніемъ и подпорою другой, которая была гораздо выше и господствовала надо всѣми остальными громадами. Здѣсь, по обѣимъ скаламъ сползали полуразрушенныя башни; виднѣлись цистерны и повсюду валялись груды камней—стѣны прежнихъ крѣпостныхъ сооруженій. Эти нѣмые памятники давно минувшихъ временъ и людской кровожадности, съ каждымъ годомъ разрушаясь, сиротливо доживаютъ свои послѣдніе дни въ совершенномъ пренебреженіи и полномъ забвеніи. Разсказываютъ, что, когда налетитъ на нихъ буйный порывъ вѣтра, полуразрушенныя башни принимаются громко стонать и горько жаловаться на людскую несправедливость... А пара женскихъ глазъ все слѣдила за Дмитріемъ Андреевичемъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся за однимъ изъ поворотовъ дорожки. Скоро онъ услышалъ глухой шумъ, напоминающій шумъ громаднаго лѣса, и очутился надъ самымъ моремъ.

Оно поднималось передъ нимъ свѣтлымъ громаднымъ занавѣсомъ, могущественно вскинувшимся къ небесамъ; но черезъ нѣсколько секундъ, когда онъ присмотрѣлся, море приняло иной видъ: лазурно-зеленое, съ фіолетовыми, оран-

жевыми и пурпуровыми отливами, ослѣпительно зыблющееся подъ лучами солнца, оно необозримо разстилалось во всѣ стороны, едва замѣтною и тоненькою каемкою отдѣляясь отъ блѣдно-голубаго края горизонта. Море казалось спокойнымъ, невозмутимымъ, какъ будто оно теперь отдыхало; но шумъ и сдержанный рокотъ не умолкали, ясно свидѣтельствуя, что и во снѣ исполинъ видитъ грозы и бури, что онъ ежеминутно готовъ проснуться, воздвигнуть ужасающіе хребты свирѣпыхъ волнъ, потопить суда и разбить ненавистныя ему каменныя громады, которыя стѣсняютъ его просторъ съ берега. И дѣйствительно, когда Дмитрій Андреевичъ глянулъ внизъ, онъ увидѣлъ, что о берега и утесы непрерывно ударялись волны, съ шумомъ разбиваясь въ серебряную пыль, отпрядывали назадъ и, снова набѣгая, лизали голый камень. Онъ повернулъ налѣво, прошелъ нѣсколько шаговъ по убитой щебнемъ дорожкѣ, и спустившись внизъ, гдѣ стояла деревянная скамейка, присѣлъ на ней. Набирая въ себя морскаго воздуха, онъ почувствовалъ, что ему также хорошо, даже еще лучше, чѣмъ раньше, когда шелъ, и, не сводя глазъ, любовался „свободной стихіей“. Противъ всякаго желанія, какъ-то само-собой, воскресали далекія воспоминанія, открывались новыя перспективы и въ голубой дали мелькалъ прелестный женскій образъ.

„Вотъ оно что!“—подумалъ Дмитрій Андреевичъ и улыбнулся. „Ну, нѣтъ, это пора оставить, забыть... Лучше о чемъ нибудь серьезномъ думать... ну, хоть о будущемъ земскомъ собраніи... Непремѣнно надо увеличить число школъ... Правда, средства земства ограничены. Но что же дѣлать? Надо какъ нибудь вытягиваться, а то безъ школъ бѣда“.

И опять въ голубой дали мелькнулъ тотъ же образъ, съ плѣнительной улыбкой и полнымъ любви взоромъ. „Чепуха, не поддамся, вырву послѣдніе корешки... Да, безъ школъ ничего не выйдетъ, не поможетъ и крестьянскій банкъ... А что-то однако теперь съ *нею*, вспоминаетъ ли когда обо мнѣ? Можетъ, она по прежнему... Пустяки, разъ и навсегда все порвано!.. Эхъ, жалко, семинарію учительскую закрыли! Вотъ ужь именно — сами себя высѣкли, какъ гоголевская слесарша. Убить такое учрежденіе! Гдѣ мы наберемся подготовленныхъ учителей и учительницъ? Говорятъ, изъ духов-

ныхъ учебныхъ заведеній охотно пойдутъ. Знаемъ, что пойдутъ, да толкъ-то какой отъ нихъ будетъ? Люди совсѣмъ не знакомые съ дѣломъ, они сами должны еще два-три года на школѣ учиться, выработать пріемы и тактъ. Не успѣютъ подготовиться—уйдутъ: пока до мѣста—учатъ, а открылась „вакансія“ и бросятъ безъ всякаго сожалѣнія школу... А вѣдь школьное дѣло требуетъ всего человѣка; надо, чтобъ учитель посвятилъ свою жизнь школѣ... Да, а какъ *она* искренно, беззавѣтно любила меня, и это была ея первая любовь... Неужели же все кончено, и она загубила святыню своей души?!.. Однако, что это я брежу?.. А всему причиною вчерашнее письмо Боброва: зачѣмъ онъ спрашиваетъ о ней?.. Стыдно, Дмитрій Андреевичъ, ты уже не юноша, общественнымъ дѣятелемъ тебя люди называютъ, за серьезнаго человѣка почитаютъ!.. Вѣроятно, собраніе будетъ оживленное, придется опять вести борьбу... Ахъ, что за красота это море!“

II.

Дмитрій Андреевичъ Зубовъ—кандидатъ университета, владѣтель небольшаго, но благоустроеннаго имѣнія въ одной изъ подмосковныхъ губерній; по окончаніи курса, онъ не пожелалъ служить чиновникомъ, хотя и могъ бы составить себѣ „карьеру“, а принялся за упорядоченіе своего имѣнія, доставшагося ему послѣ отца. Въ качествѣ землевладѣльца, онъ уже не одно трехлѣтіе занимаетъ званіе уѣзднаго гласнаго и избирается въ губернскіе; онъ любитъ земское дѣло и горячо преданъ его интересамъ. Въ числѣ немногихъ, онъ стоялъ за мужиковъ и дѣлалъ для нихъ все, что возможно было. Онъ смотрѣлъ на дѣло такъ, что интересы помѣщиковъ и крестьянъ одни и тѣ же, что они должны другъ друга поддерживать, и только тогда уничтожится незаглохшая еще вражда крестьянъ къ дворянамъ, а элементы хищническіе перестанутъ сосать кровь изъ мужика и подтачивать благосостояніе помѣщика. Какъ и у всякаго общественнаго дѣятеля, у Зубова есть друзья и враги: одни его любятъ, другіе ненавидятъ, но всѣ относятся къ нему съ уваженіемъ. Доживъ до трид-

цати двухъ лѣтъ, онъ встрѣтился съ одной дѣвушкой и полюбилъ ее; дѣло шло къ свадьбѣ, но, незадолго до обрученія, между ними что-то произошло, и свадьба не состоялась. Весною же прошлаго года онъ простудился, схватилъ воспаленіе легкихъ; врачи, къ счастью, захватили во-время болѣзнь, но для окончательнаго поправленія здоровья посовѣтовали ему осень провести на южномъ берегу Крыма,—въ Ялтѣ или ея окрестностяхъ. Въ Крымъ онъ поѣхалъ, но выбралъ не Ялту, о безалаберной жизни которой много слышалъ, а поселился въ скромномъ Бехтіосѣ, гдѣ онъ и живетъ уже второй мѣсяцъ.

Дмитрій Андреевичъ—довольно высокаго роста, съ темно-русыми волосами на головѣ и такого же цвѣта бородкою, черты лица его мелки и подвижны, а выраженіе сѣрыхъ глазъ доброе и хорошее. Кто не зналъ его, затруднился бы опредѣлить его лѣта: когда онъ находился въ расположеніи духа, то глядѣлъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ и ему больше 25, много ужь 30, нельзя было дать; и наоборотъ, когда онъ чѣмъ нибудь былъ разстроенъ или недоволенъ, лицо его дѣлалось лѣтъ на десять старше. Отличительную черту его характера составляла необычайная отзывчивость, что-то юношеское и привлекательное, особенно когда онъ находился въ кругу близкихъ людей и говорилъ о предметахъ ему дорогихъ или о томъ, что̀ его особенно интересовало.

— Студентъ, настоящій студентъ!—говорили о Зубовѣ его пріятели.—Какимъ онъ былъ пятнадцать лѣтъ назадъ въ университетѣ, такимъ и теперь остался.

— И благо ему! — одобрялъ сѣдовласый помѣщикъ, сосѣдъ Зубова по имѣнію и страстный охотникъ до чтенія „старыхъ“ журналовъ, но человѣкъ не практическій.—Быть молодымъ въ двадцать лѣтъ—не Богъ знаетъ какая заслуга, а вотъ сохранить до сорока лѣтъ независимый образъ мыслей и юношескій пылъ души—это, по нашему времени, заслуга не малая, это чего нибудь да стоитъ... Пусть онъ и умретъ такимъ!

Люди, подобные Зубову, очень нравятся молодымъ умнымъ дѣвушкамъ; барышни-невѣсты находятъ ихъ легкомысленными; дамы ими интересуются, но признаютъ слишкомъ ужь серьез-

ными и потому скучными, а мужчины извѣстнаго закала считаютъ ихъ людьми просто безпокойными.

Дмитрій Андреевичъ не покидалъ скамейки и, предаваясь мыслямъ о земскихъ школахъ, непослѣдовательно переходилъ къ думамъ о дѣвушкѣ, образъ которой почему-то чаще и чаще вставалъ сегодня въ его воспоминаніяхъ, граціозно носился въ голубой дали и улыбался въ лучѣ солнца, трепетавшемъ въ лазури моря; онъ прислушивался къ несмолкающему прибою волнъ и слышалъ, подъ сводами грота, какъ раздавались глухіе удары, словно отдаленный грохотъ пальбы изъ сотни орудій. Вдругъ сверху что-то пролетѣло, и къ ногамъ его упала свѣжая бѣлая роза. Онъ поднялъ душистый цвѣтокъ и вскинулъ голову.

На вершинѣ главной скалы,—тамъ, гдѣ надъ морской бездной висѣла одна изъ полуразрушенныхъ башенъ, стояла черноволосая дѣвушка и, глядя на Зубова, весело смѣялась.

— Зина! — вскрикнулъ онъ въ радостномъ изумленіи.— Что вы тамъ дѣлаете?

Въ отвѣтъ, дѣвушка только кивнула головой. Ея стройная фигура, вся освѣщенная солнцемъ, отчетливо и мягко выдѣлялась на ясной синевѣ неба.

— Не хотите ли къ морю сойти?—крикнулъ Зубовъ.

Но голосъ его безслѣдно терялся въ воздухѣ: слишкомъ было высоко, чтобы услышать, и шумъ моря заглушалъ его голосъ.

Дѣвушка снова ему кивнула и провела рукою по воздуху какой-то таинственный полукругъ.

Зубовъ понялъ и поспѣшилъ на зовъ.

„Однако, что же это“?.. задалъ онъ себѣ вопросъ, поднявшись на площадку нижней скалы и огибая ее. „Точно я на свиданіе иду... Богъ знаетъ, какіе глупые толки пойдутъ, если насъ увидятъ!.. А, можетъ, она не одна, — съ теткою или съ подругами“.

Зубовъ отыскалъ знакомую, сбѣгавшую сверху неправильной спиралью каменистую бороздку, и сталъ по ней взбираться на самую возвышенную скалу, гдѣ были развалины старинной крѣпости. Совершенно позабывъ о другомъ женскомъ образѣ, который только что передъ нимъ носился и

манилъ къ себѣ, онъ думалъ теперь объ одной Зинѣ, такъ неожиданно для него появившейся у башни.

Знакомство Дмитрія Андреевича съ этой дѣвушкой было случайное и завязалось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Врачи посовѣтовали ему ѣсть виноградъ. По пріѣздѣ въ Бехтіосъ, онъ узналъ, что свѣжій лѣчебный виноградъ всегда можно получить отъ Ксеніи Ѳедосьевны, гречанки, на дому, такъ какъ на базарѣ торговли она не вела.

Зубовъ пошелъ къ ней; продавщица попросила его подождать: виноградъ еще не приносили. Отъ нечего дѣлать, посѣтитель сталъ разспрашивать хозяйку дома о городѣ и мѣстной жизни, а гречанка, въ свою очередь, поинтересовалась узнать, откуда онъ самъ, женатый или холостой, чѣмъ занимается и гдѣ квартируетъ. Въ комнатѣ, кромѣ нихъ двоихъ, была еще дѣвушка, которая молча и съ видимымъ любопытствомъ прислушивалась къ разговору; особенно, казалось, ее занимало то, что говорилъ незнакомецъ. Во время одной паузы, она не вытерпѣла и обратилась къ хозяйкѣ на своемъ греческомъ языкѣ.

— А ты спроси, тетушка, чѣмъ онъ нездоровъ?

Затѣмъ, когда Зубовъ, не безъ комизма, разсказалъ о своихъ наблюденіяхъ, какія онъ успѣлъ сдѣлать въ ихъ городкѣ, дѣвушка опять не утерпѣла и сказала:

— А онъ, должно быть, умный, тетка!

Зубовъ при этомъ невольно улыбнулся.

Дѣвушка замѣтила, вскинула на него свои черные глаза, быстро вскочила съ мѣста и, закрывши руками лицо, кинулась въ открытую дверь.

— Зина, что ты убѣжала?—крикнула ей тетка.

Та пріостановилась и сдѣлала къ ней полуоборотъ.

— Онъ понимаетъ, тетушка, по нашему, все понимаетъ!— проговорила она и, звонко смѣясь, не оглядываясь, побѣжала вдоль стекляной галерейки.

— Ваша племянница?—спросилъ Зубовъ.

— Племянница, — отвѣтила гречанка. — Сирота-дѣвушка. Мать ея, родная моя сестра, въ прошломъ году померла.

— Она съ вами и живетъ?

— Нѣтъ, въ своемъ домѣ. У нея отецъ есть. Вонъ ихъ домъ—около церкви!

— Скажите, пожалуйста, чѣмъ у васъ молодыя дѣвушки занимаются?

— Чѣмъ занимаются дѣвушки? У богатенькихъ родителей дочери сидятъ по цѣлымъ днямъ въ комнатахъ, вышиваютъ на пяльцахъ или такъ время проводятъ, а наши по дому что нибудь дѣлаютъ. Вотъ моя племянница, Зина, обшиваетъ всю семью—у нихъ шесть человѣкъ въ семействѣ,—а старшая сестра стряпаетъ. Больше никакихъ занятій нѣтъ.

— И ничего, не скучаютъ?

— Привыкли. Другой жизни не видали, такъ и не скучаютъ: сыты, одѣты, обуты — чего имъ еще! А для развлеченія пройдутся когда по улицѣ, сходятъ въ крѣпость или на море.

На слѣдующій день, Зубовъ опять зашелъ къ гречанкѣ. Зина сидѣла въ сосѣдней комнаткѣ за работой. Хозяйка пригласила его подождать, пока она отберетъ и свѣситъ виноградъ.

— Что вы шьете?—спросилъ онъ дѣвушку.

Та показала ему свою работу.

— Посмотрите, и сами узнаете, что я шью.

— Кажется, дѣтскую рубашечку?

— Тетушка!—крикнула она черезъ открытую дверь,—онъ знаетъ дѣтскія рубашечки!

Тетка усмѣхнулась.

— Какая ты глупая! Развѣ мужчины ничего въ женскомъ рукодѣльѣ не понимаютъ.

Рукодѣльница взглянула на Зубова.

— А вы хитрый,—сказала она.

— Неужто?

— Да, хитрый! Почему вы не сказали, что знаете по гречески. Вы меня вчера сконфузили.

— Я не знаю.

— Не знаете? Ахъ, какой хитрый! Тетушка, слышишь, что онъ говоритъ?.. А почему вы улыбнулись, когда я одно слово ей про васъ сказала?

— На слово это и улыбнулся.

— Такъ какъ же вы отпираетесь? значитъ, вы понимаете, все понимаете!

— Понимать-то я кое-что могу, а языка вашего все же не знаю.

Въ черныхъ глазахъ дѣвушки выразилось недоумѣніе.

— Ну, коли такъ, я тоже ничего не понимаю,—проговорила она и, словно чѣмъ обиженная, склонилась надъ шитьемъ.

Немного погодя, дѣвушка захохотала.

— Ахъ, какой хитрый! Думаетъ, что ему такъ и повѣрятъ. Какъ же!

„Что́ она: глупа или только наивною притворяется?“—подумалъ Зубовъ.

— А вы большой насмѣшникъ!—выпалила въ упоръ ему дѣвушка.

— Ну, еще не придумаете ли чего?

— Что, не правда, вы не насмѣшникъ? — съ живостью подхватила она. — Скажите, вы не разсказывали вчера, что были на базарѣ и любовались, какъ торговцы наши, вмѣсто того чтобы торговать, забьются по ларямъ за свои лотки и хлещутъ картами другъ дружку по носамъ? Вы надъ ними не смѣялись?

— И не думалъ: я разсказалъ, что́ дѣйствительно видѣлъ.

— Ну, не хитрый ли вы послѣ этого человѣкъ!

Почти всякій разъ, когда Зубовъ приходилъ къ гречанкѣ за виноградомъ, онъ встрѣчалъ тамъ и Зину. Она держала себя по прежнему: была весела, хохотала, подмѣчала новыя черты въ характерѣ посѣтителя и озадачивала неожиданностью своихъ вопросовъ.

Разъ какъ-то онъ опоздалъ и засталъ тетку съ племянницей уже за самоваромъ; за столомъ сидѣлъ и самъ хозяинъ дома, мужъ гречанки. Зубову предложили стаканъ чаю; онъ пробылъ у нихъ дольше обыкновеннаго. Его интересовали виноградники, рыбные промыслы; хозяинъ, какъ владѣлецъ садовъ и рыбакъ, обстоятельно знакомилъ его со всѣмъ, что́ зналъ. Зина слушала, изрѣдка задавала какой нибудь вопросъ и мало смѣялась. Зубовъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Вы сегодня что-то серьезны, Зинаида Васильевна.

Дѣвушка не отвѣтила.

— Жалуется, что ей скучно,—вступилась тетка,—читать нечего.

Зубовъ посмотрѣлъ на Зину.

Центральная

— Что́ вы смотрите,—встрѣтила она его взглядъ.—Вы думаете, что я только смѣяться умѣю и читать совсѣмъ не знаю. Извините, я ученая!—и засмѣялась.

— Нѣтъ, я этого не думалъ, но, видя васъ постоянно такою веселою, мнѣ и въ голову никогда не могло бы прійти, что вы можете скучать.

— Вотъ подите жъ вы!—отозвалась дѣвушка.—А я вправду скучаю, особенно когда безо всякаго дѣла... Почитала бы книжку, да негдѣ достать.

— Развѣ у васъ нѣтъ въ городѣ библіотеки?

— Завелъ было, при школѣ, учитель шкафъ съ книгами,—вмѣшался хозяинъ,—племянница вотъ отъ него и пользовалась, а теперь, слышалъ я шкафъ пустой: книги изъ него куда-то взяли.

— Но вѣдь кто нибудь у васъ да читаетъ же?

— Никто въ нашемъ городѣ не читаетъ. У насъ и въ заведеніи этого нѣтъ.

Дмитрій Андреевичъ задумался.

— Какія же вы книги читали, Зинаида Васильевна? — спросилъ онъ, помолчавъ.

Дѣвушка смутилась.

— Да я мало читала... „Вѣчнаго жида“, „Капитанскую дочку“, „Могилу Маріи“,—проговорила она скороговоркой.—Еще читала басни Крылова, стишки разные, да это еще за уроками, когда меня наша матушка-попадья учила...

Зубовъ выручилъ дѣвушку изъ неловкаго положенія.

— Я захватилъ съ собой нѣсколько книжекъ. Если позволите, я вамъ принесу.,

Зина покраснѣла.

— А когда вы ихъ принесете?

— Да когда угодно... Хоть сейчасъ,—и онъ поднялся.—Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не далеко за ними дойти.

Онъ принесъ ей Тургенева: „Записки охотника“. Черезъ недѣлю дѣвушка возвратила: книжка ей очень понравилась. Потомъ она прочла повѣсти и разсказы Гоголя, нѣкоторыя изъ поэмъ и „Бориса Годунова“—Пушкина. Дмитрій Андреевичъ, при встрѣчѣ въ домѣ ея тетки, разспрашивалъ дѣвушку о прочитанной вещи и помогалъ ей въ уясненіи идеи того или другаго художественнаго произведенія. Она выслу-

шивала его съ какимъ-то изумленіемъ, точно передъ нею открывалось что-то новое, невѣдомое! Грудь ея тихо и медленно поднималась, а большіе черные глаза свѣтились тихо, почти благоговѣйно. „Какой онъ умный и образованный, а я-то, вѣдь, ничего этого и не знала“, можно было прочитать по ея лицу.

Зубовъ говорилъ съ Зиной охотно, съ увлеченіемъ,и былъ собою доволенъ: во-первыхъ, передъ нимъ было живое существо, съ которымъ онъ могъ говорить отъ души и о предметахъ, имъ самимъ любимыхъ; а во-вторыхъ, Зина — натура не дюжинная, съ хорошими задатками, и слова его не пропадутъ безслѣдно для такой чуткой и ко всему прекрасному отзывчивой натуры. Такимъ образомъ, незамѣтно для самого себя, Дмитрій Андреевичъ увлекался своей идеей, хотя намѣренія разыграть роль „просвѣтителя“ онъ положительно не имѣлъ. Что же касается до сердечныхъ увлеченій, то объ этомъ Зубову даже и на мысль не приходило: лично за себя онъ не боялся, былъ давно застрахованъ, а Зина... да она такое живое, веселое созданіе, что допустить относительно ея сердца что нибудь подобное было бы ужъ совсѣмъ не умно. Дѣйствительно, больше мѣсяца прошло со дня ихъ знакомства, отношенія между ними нисколько не измѣнились. Дмитрій Андреевичъ жилъ своею особою жизнью; благодаря морскому воздуху и отсутствію всякихъ тревогъ, онъ чувствовалъ, какъ въ немъ постепенно возстановляются силы, и съ наслажденіемъ думалъ о томъ, что̀ за великое благо для человѣка это здоровье. Зина обшивала братишекъ, читала книги и слушала рѣчи „умнаго“ человѣка, хохотала не меньше прежняго и сдѣлалась еще веселѣе.

Около недѣли тому назадъ, Зубовъ зашелъ въ домикъ гречанки, захвативъ съ собою „Дворянское гнѣздо“. Въ стеклянной галерейкѣ онъ чуть не натолкнулся на Зину.

— А я думала, что васъ ужь не увижу,—сказала она, и по лицу ея разлился легкій румянецъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Да вы три дня къ тетѣ не приходили, а присылали за виноградомъ лакея... Я и подумала, что вы на меня разсердились, или не захворали ли.

— Слава Богу, я здоровъ. А сердиться-то мнѣ на васъ за что же?

— Да такъ!—взглянула дѣвушка и разсмѣялась.

— Я принесъ вамъ новую книгу.

— Спасибо!—кивнула Зина.—Теперь вижу, что не сердитесь... А я завтра уѣзжаю!

— Куда?

— На свадьбу къ двоюродной сестрѣ... Верстъ за тридцать,—далеко!

— Желаю вамъ хорошо повеселиться, Зинаида Васильевна.

— Охъ, какъ повеселюсь! Плясать буду, пѣсни пѣть, дурачиться!

— Отлично... Да что же мы здѣсь стоимъ? Вамъ домой,—я провожу васъ?

Дѣвушка сконфузилась.

Зубовъ поспѣшилъ исправить промахъ, сдѣланный имъ безъ всякаго умысла.

— Впрочемъ, я позабылъ: здѣсь это не принято... До свиданья! Когда со свадьбы вернетесь?

Зина подняла глаза; выраженіе ихъ было благодарное.

— Недѣлю прогощу,—сказала она.—Можно эту книжку съ собою увезти?

— Конечно. Но вамъ не до чтенія будетъ.

— Не знаю. Я возьму,—и она прижала къ себѣ красиво переплетенную книжку.

Зубовъ направился къ виноградницѣ; у двери онъ пріостановился, чтобы постучать.

— А вы хорошій человѣкъ!—услышалъ онъ голосъ, и, обернувшись, увидалъ улетавшій край Зинина платья.

III.

Не безъ труда и не раньше, какъ минутъ черезъ десять, Зубовъ достигъ вершины горъ. Въ другой разъ онъ непремѣнно остановился бы здѣсь и полюбовался: слѣва, внизу, открывался весь маленькій городокъ, ютившійся по лазурному заливу и холмамъ, съ уходящею на сѣверъ долиною прямо—рогъ горнаго хребта, на краю котораго стояла крѣпость, и

зеленѣющія вдали пастбища, а справа — распростершееся безъ конца неоглядное море, казалось, поднимающееся къ прозрачному своду голубаго неба... Но Зубовъ былъ теперь равнодушенъ къ красамъ природы: онъ искалъ глазами дѣвушку, но не находилъ... Осматриваясь по сторонамъ, заглядывая въ уцѣлѣвшія башни и нигдѣ ее не находя, онъ, наконецъ, рѣшилъ не громко крикнуть, и назвалъ ее по имени. Отвѣта не послѣдовало.

— Ушла? — недоумѣвалъ онъ. — Едва ли! А спрятаться тутъ невозможно... — Дмитрій Андреевичъ снова заглянулъ въ одну изъ башенъ, даже осмотрѣлъ цистерну... Никого!

— Зинаида Васильевна!

На этотъ разъ, до слуха его донесся откуда-то молодой женскій смѣхъ.

— Да гдѣ же вы? откликнитесь!

— А вы найдите меня.

Зубовъ оглянулся: изъ-за дальней и почти непримѣтной развалины стѣны, существованія которой онъ и не подозрѣвалъ, показалась рука и выглянуло лицо.

— А, вотъ вы гдѣ!—воскликнулъ Зубовъ и побѣжалъ къ развалинамъ.

— Тихонько! смотрите, не убейтесь... Лѣвѣе, лѣвѣе, кругомъ лучше обойдите.

Оказалось, что наружная сторона развалины выходила въ довольно глубокую воронкообразную впадину, образующую небольшой долокъ; это углубленіе служило мѣстомъ засады и пунктомъ для наблюденія за непріятелемъ: здѣсь легко было укрыться; отсюда виднѣлся лишь горизонтъ свѣтлаго моря.

Положивъ на колѣни руки и слегка наклонивъ тонкую шею, по которой спадала длинная черная коса, дѣвушка сидѣла на большомъ камнѣ, съ обращенными на встрѣчу Зубова глазами, осѣненными густыми рѣсницами; смугло-матовый лобъ, мягко обрисовывавшійся между гладко причесанными волосами, прямой красивый лобъ и правильный овалъ лица съ нѣжнымъ бронзоватымъ оттѣнкомъ—говорили о южномъ типѣ дѣвушки. На ней было простенькое, съ мелкими красными и черными клѣтками холстинковое платьице, безъ всякихъ украшеній и отдѣлокъ; ея небольшія ноги, обутыя въ простыя

кожаныя ботинки, едва замѣтно выставлялись и покоились на тощей травкѣ, которая пробивалась сквозь каменные пласты.

— Здравствуйте, Зинаида Васильевна,—сказалъ Зубовъ, останавливаясь передъ дѣвушкой.—Когда вы пріѣхали?

Зина какъ-то стыдливо, но радостно протянула ему свою руку.

— Вчера.

— А я васъ и не видалъ?!

— Вы и сегодня меня не видали, а я долго на васъ смотрѣла, когда вы къ морю проходили.

— Извините!.. Ну, разсказывайте, какъ пировали? Много веселились?

— Много... Только не объ этомъ я съ вами хочу говорить, а о другомъ.

— О другомъ? Въ самомъ дѣлѣ? Развѣ что случилось?

— Ничего особеннаго не случилось... Но вы садитесь,— показала рукою Зина другой камень, лежавшій противъ нея.— Я не люблю, когда передо мною стоятъ.

— Слушаю.

— А это у васъ моя роза, — прибавила она, взглянувъ на цвѣтокъ, красовавшійся въ петлицѣ пиджака у Зубова.—Я нарочно ее кинула, чтобы вы меня увидали.

— Я догадался. Вы позволите мнѣ у себя ее оставить.

Слабый румянецъ проступилъ въ лицѣ Зины.

— Если вы хотите, пожалуй,—сказала она. — Какъ вы здѣсь время проводили, Дмитрій Андреевичъ?.. Тетка сказывала, что вы давно къ ней не заходили.

— Да какъ-то не удавалось, не знаю почему...

Зина помолчала, ею снова овладѣло какое-то волненіе.

— Вы не осудите, что я пришла... сюда?—глядя на кончикъ своихъ ботинокъ, выговорила не безъ усилія дѣвушка.

— Я?—воскликнулъ Дмитрій Андреевичъ.—Что вы, Зина, Господь съ вами.

Она подняла глаза и такъ свѣтло, хорошо на него посмотрѣла.

— Вотъ это мнѣ нравится, что вы Зиной меня назвали!— сказала она весело.—А то все: „Зинаида Васильевна“, точно я пожилая женщина или какая важная барыня.

Зубовъ улыбнулся.

— О чемъ же вы хотѣли со мной поговорить?

— Да, я и забыла, что мнѣ нельзя долго оставаться, — встрепенулась дѣвушка.

— Говорите, я слушаю.

Она помолчала.

— Я прочитала „Дворянское гнѣздо“.

— Вотъ какъ! Не помѣшало, значитъ, и веселье?.

— Мнѣ не было весело, Дмитрій Андреевичъ, — полупечально сказала Зина:—другіе люди веселились, а я нѣтъ... Я все читала. Давеча, когда вы по набережной шли, я опять перечитывала нѣкоторыя страницы.

— Понравилась вамъ Лиза?

— Да. И Лаврецкій, и старикъ Леммъ мнѣ понравились,— хорошіе они люди. Какъ я жалѣла о нихъ, даже плакала!.. Но Лизы я не поняла...

— Что же въ ней показалось вамъ непонятнымъ?

Легкая тѣнь скользнула по лицу Зины.

— Зачѣмъ Лиза въ монастырь ушла,—проговорила она.— Мнѣ кажется... А у васъ розы теперь цвѣтутъ?—неожиданно спросила дѣвушка.

— Странный вопросъ! У насъ скоро зима наступитъ, если ужь не наступила. Какія же розы!

— А у насъ цвѣтутъ,—задумчиво проговорила Зина.

Дмитрій Андреевичъ недоумѣвалъ.

— Къ чему вы задали мнѣ вопросъ о розахъ? Вы говорили о Лизѣ.

— Не знаю—такъ пришло въ голову.—И Зина принялась смотрѣть въ сторону моря, — оно все было залито свѣтомъ, теплomъ и нѣгою.—Мнѣ думается, что Лиза не любила Лаврецкаго,—сказала она, не отводя черныхъ, тихо-свѣтившихся, глазъ отъ голубаго моря.—Въ монастырѣ не спрячешь свою любовь.

Зубовъ глядѣлъ на дѣвушку и слушалъ ее съ возрастающимъ изумленіемъ. Онъ съ перваго же раза, какъ встрѣтился сегодня съ Зиной, замѣтилъ въ ней перемѣну: передъ нимъ была не та Зина, веселая и беззаботная хохотушка, съ какою онъ прощался недѣлю тому назадъ, а другая, какъ будто совсѣмъ незнакомая...

— Но вы знаете, вы читали, — началъ онъ съ оживленіемъ, — какъ воспитывалась Лиза, какъ она развивалась, при какой обстановкѣ складывался характеръ дочери Калитиныхъ?

И онъ, увлекаясь все больше и больше, говорилъ долго, вдаваясь въ анализъ характера Лизы, разбирая окружающую ее среду и проч.

Зина слушала его съ затаеннымъ дыханіемъ; она вся, казалась, была—одно вниманіе и жадно ловила каждое слово, а глаза ея, устремленные на красиваго собесѣдника, то вдругъ загорались какимъ-то чудеснымъ огнемъ и щоки ея заливало румянцемъ, то быстро потухали, и тогда по лицу разливалась блѣдность.

— Вы понимаете меня, Зина? довольно ли ясно я выражаюсь?—перебивая себя, обращался иногда къ ней съ вопросомъ Зубовъ.

— Что̀ вы говорите, я все понимаю, — отвѣчала дѣвушка.—Только Лизы вашей я все же не понимаю.

И когда Дмитрій Андреевичъ совсѣмъ окончилъ свою рѣчь, спросивъ: „теперь, надѣюсь, для васъ ясно, что Лиза любила Лаврецкаго“,—Зина тихо и отрицательно покачала головой, потомъ медленно выговорила:

— Нѣтъ, это не любовь! Еслибы я полюбила...—и, точно опомнившись, она разомъ умолкла и потупилась.

Немного погодя, оправившись отъ смущенія, она стала разсказывать о свадьбѣ, какъ ей было тамъ скучно: люди показались всѣ какими-то чудными, странными, и хотя бы кто одинъ нашелся, съ кѣмъ слово можно было сказать, душу отвести.

— Вы очень требовательны,—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Я?—и Зина засмѣялась, но не такъ, какъ она всегда смѣялась, не весело. — Нѣтъ! А, можетъ, я стала теперь больше понимать людей... А какъ здѣсь хорошо,—прервала себя дѣвушка:—кругомъ все тихо, никого-то нѣтъ и видишь одно море... Знаете, когда мнѣ ужь очень скучно сдѣлается, я убѣгу сюда, сяду вотъ на этомъ камнѣ и гляжу на море, долго смотрю. И о чемъ я тогда думаю — сама не знаю, а изъ глазъ слезы, слезы... Теперь этого со мной ужь не бы-

ваетъ,—давно, больше мѣсяца я здѣсь не была, теперь я не скучаю... Вотъ только на свадьбѣ случилось...

— Что случилось?

Зина улыбнулась.

— Да ничего же не случилось... Скучно отчего-то тамъ сдѣлалось... А мнѣ пора домой! — спохватилась дѣвушка и быстро поднялась.—Прощайте!

— Если вамъ пора,—идите съ Богомъ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ и, тоже вставъ, подалъ руку дѣвушкѣ.

Не выпуская его руки, Зина нерѣшительно спросила:

— Такъ вы не осуждаете, что я пришла?

— Да что вы, Зина!

— Спасибо вамъ. Мнѣ хотѣлось съ вами поговорить о Лизѣ, а у тетки объ этомъ нельзя бы говорить. Она у насъ хитрая! Я потому вѣдь нарочно сюда и пришла,—точно оправдывалась дѣвушка.—Вы придете къ теткѣ? Да, знаете: виноградъ кончается, его ужь не будетъ. Пока есть — кушайте! Книжку еще съ собой принесите.

Она крѣпко, поднявъ высоко его руку, потрясла ее и побѣжала изъ засады; Зубовъ остался, смотрѣлъ, какъ она выбиралась изъ дичка и затѣмъ пропала.

— До свиданія!—услышалъ онъ, и надъ стѣною показалась Зина.—Дмитрій Андреевичъ, а вы знаете, что бы я на мѣстѣ Лизы сдѣлала?

— Скажите?

— Сказать?—хорошо, скажу вамъ,—и глаза дѣвушки заблестѣли, лицо все залило густымъ румянцемъ. — Еслибы я кого полюбила,—начала она,— и тотъ человѣкъ меня полюбилъ, то я ни на кого и ни на что въ мірѣ не посмотрѣла бы...— тутъ она замедлила, потомъ тихо, но съ какою-то страстью, порывисто закончила:—я была бы его!

И, закрывъ руками мгновенно поблѣднѣвшее лицо, она исчезла.

IV.

Однообразно и томительно текла въ Бехтіосѣ жизнь; даже и теченія ея какъ будто не было замѣтно; она походила скорѣе на поверхность застоявшейся воды въ озерѣ, чѣмъ на

гладь нашей тихой степной рѣки; дни, недѣли, мѣсяцы проходили, не принося съ собою ничего, что̀ хотя бы разъ нарушило этотъ тяжелый покой, разогнало накопившуюся плѣсень и освѣжило дремлющія подъ нею чистыя воды.

На базарѣ, въ старинныхъ деревянныхъ лавочкахъ, здоровенные, краснощекіе дѣтины-греки, славные потомки Ликурга и Перикла, сидѣли кучками за лотками съ фруктами, печеными яйцами, овечьимъ сыромъ и т. п., дулись съ утра до вечера въ карты, играя на деньги или „въ носки“. Рыбаки уѣзжали въ море, вытаскивали изъ „заводей“ сѣти и, если оказывался уловъ, дѣлили по возвращеніи рыбу, а въ противномъ случаѣ — ждали слѣдующаго дня, попивая вино; ссорились между собою и нерѣдко дрались. Аптекарь — въ Бехтіосѣ на случай пріѣзда больныхъ въ лѣтній сезонъ заведена аптечка,—немилосердно зѣвалъ и бранилъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, жителей городка, что никто изъ нихъ и никогда не заболѣетъ. Урядникъ, за отсутствіемъ всякой практики для своей дѣятельности, спалъ или уходилъ играть въ карты съ псаломщикомъ и праздными купеческими сыновьями. Представители муниципалитета ежедневно удили рыбу, куда-то съ озабоченными лицами спѣшили и дѣлали обходъ улицъ, показывая видъ, что „совершенствуютъ санитарную часть“, а хлопотливыя гречанки-хозяйки тоже ежедневно выносили изъ своихъ домовъ все ненужное и кидали въ заливъ. Барышни сидѣли по своимъ комнатамъ за пяльцами или „такъ“, поглядывая изъ-за цвѣтовъ въ окна, на пустыя улицы, вздыхали и желали поскорѣй дождаться вечера, чтобы поужинать и въ девять часовъ лечь спать; простыя дѣвушки работали, когда была работа, и не знали, куда дѣваться отъ скуки, когда оставались безъ дѣла.

И вотъ на этомъ болотѣ, въ силу какихъ-то тайнъ природы, до сихъ поръ еще не объясненныхъ ни однимъ изъ ученыхъ міра, нежданно выросъ прекрасный цвѣтокъ. Очевидно, онъ какъ нибудь случайно попалъ на это болото, но южное солнце пригрѣло его нѣжный стебелекъ, а море вскормило и взлелѣяло. Выросъ онъ, блеснулъ красотою первыхъ своихъ распустившихся лепестковъ и, сразу почувствовавъ, что болото заглушитъ его, уныло поникъ своею головкою. Долго онъ не распускался и глохъ, хотя жизнь въ немъ порою и

пробивалась. Но пахнуло на него чѣмъ-то свѣжимъ, точно лучъ еще другаго солнца любовно коснулся его склоненной головки,—и прелестный цвѣтокъ радостно встрепенулся; его свернувшіеся лепестки снова начали развертываться и распускаться еще свѣжѣе и краше...

Нечаянное знакомство съ Зубовымъ принесло въ жизнь дѣвушки большую, свѣтлую волну; она подхватила и разомъ подняла Зину. „Хорошо тебѣ, весело, дѣвушка?“—спросила на своемъ языкѣ волна.—„Хорошо, весело, милая волна!“—отвѣтило все сладко-трепетавшее молодое существо Зины.—„Подними меня, волна, еще выше, выше!“ Все измѣнилось вокругъ: ни прежней пустоты жизни, ни тревожнаго томленія—ничего гнетущаго слѣда не осталось; дѣвушкѣ безмѣрно весело, сердце въ ней бьется учащенно, въ умѣ толпится рой новыхъ мыслей, воображеніе полно свѣтлыхъ образовъ, и ей хочется куда-то все летѣть выше, выше.

Такъ сказалось въ жизни дѣвушки знакомство съ пріѣзжимъ человѣкомъ. До самой поѣздки на свадьбу, она все летала, какъ птичка, беззаботно щебеча и распѣвая. Но тамъ, среди общаго веселья, она почувствовала какую-то особую, до сихъ поръ невѣдомую ей тоску. Дѣвушка ушла отъ этого чувства въ книгу. Она съ радостью возвращалась домой; пріѣхавъ, захотѣла видѣть Дмитрія Андреевича, говорить съ нимъ; въ первый разъ позабывъ про людское мнѣніе и сплетни, побѣжала къ развалившейся крѣпости...

Къ четыремъ часамъ Дмитрій Андреевичъ вернулся въ гостинницу. Онъ занималъ большой номеръ, состоявшій изъ двухъ комнатъ. Окна одной, съ балкончикомъ, выходили на заливъ, гдѣ была веранда, а другой — на базарную улицу и холмистую часть городка. Первая комната служила ему гостинной, а вторая—спальнею и кабинетомъ. Комнаты были прилично меблированы, а на этажеркѣ, помѣщавшейся въ спальнѣ, лежали книги, нумера журналовъ и „Русскихъ Вѣдомостей“. Съ самаго дня пріѣзда, онъ распредѣлилъ время такъ: утромъ въ 8 часовъ пилъ чай и читалъ до 11; въ двѣнадцатомъ шелъ гулять и въ три обѣдалъ; послѣ обѣда выходилъ на балконъ и, въ ожиданіи кофе, любовался видомъ залива и наблюдалъ за снующими рыбачьими лодками; передъ вечеромъ опять гулялъ, заходилъ къ гречанкѣ за вино-

градомъ, болталъ по улицѣ съ знакомыми, останавливался на берегу, гдѣ рыбаки дѣлили между собою дневную свою добычу. Къ 9 часамъ онъ возвращался и, погружаясь въ кресло, читалъ русскую или нѣмецкую книжку, вѣрнѣе — перечитывалъ художественныя произведенія классическихъ писателей (онъ привезъ съ собою цѣлый ящикъ съ книгами). Въ двѣнадцать часовъ онъ ложился спать. Разумѣется, какъ русскій человѣкъ, онъ не всегда строго держался такого порядка и часто его нарушалъ; но, по возможности, старался все таки придерживаться... Знакомыхъ у него въ Бехтіосѣ было немало; встрѣчаясь съ ними, онъ раскланивался и говорилъ, нерѣдко вмѣстѣ и гулялъ, но въ дома къ нимъ не заходилъ, такъ какъ греки ведутъ жизнь замкнутую и пріѣзжихъ не охотно къ себѣ принимаютъ. Впрочемъ Зубовъ и не чувствовалъ никакой потребности бывать въ греческихъ домахъ: съ него было достаточно и тѣхъ разговоровъ, которые онъ слышалъ на прогулкахъ или при встрѣчахъ; кромѣ скуки и желанія поскорѣй убѣжать, они ничего другаго на него не производили.

Дмитрій Андреевичъ и за обѣдомъ, и за кофе, и сейчасъ, когда онъ расхаживалъ по комнатѣ, думалъ о послѣдней встрѣчѣ съ дѣвушкой.

„Въ ней какая-то перемѣна... Есть что-то новое, чего я прежде не замѣчалъ. Откуда взялась эта смѣлость, пренебреженіе общественнымъ мнѣніемъ—правда, дикимъ мнѣніемъ, но для Зины оно все... А взглядъ на тургеневскую Лизу и слова, произнесенныя съ такою силою: „еслибы я кого полюбила?“...

Зубовъ остановился передъ открытою дверью на балконъ. Въ громадной тѣни, отбрасываемой на гладь залива противоположной скалою, виднѣлся катеръ; въ немъ сидѣли два господина, съ высоко закинутыми удочками. „Дѣловые люди ужъ рыбу ловятъ“,—подумалъ Зубовъ, и отошелъ. „Неужели въ Зинѣ проснулась женщина?“ — снова онъ думалъ, расхаживая по комнатѣ.—„Не можетъ быть! А вѣдь придетъ пора и скоро, вѣроятно, потребность любви въ ней заговоритъ... Да! И выдетъ она за какого нибудь грубаго, невѣжественнаго грека... Зачѣмъ же тогда природа дала ей богатство души, красоту и грацію? Но, можетъ быть, она найдетъ че-

ловѣка, который ее оцѣнитъ... Однако, что же я такъ много о ней думаю? Богъ съ ней!"

И ему вдругъ представился другой женскій образъ, который такъ неожиданно сегодня, когда онъ сидѣлъ на берегу моря, поднялся изъ далекаго — такъ ему казалось — прошлаго и всталъ передъ нимъ въ обаяніи всей своей чудной красоты.

— Ну, это все глупости! — проговорилъ онъ вслухъ. — Замѣчательный, однако, денекъ выдался; пойду лучше съ греками болтать!

V.

Но какого рода произошла въ дѣвушкѣ перемѣна, которую замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ? Въ теченіе недѣли, послѣ встрѣчи у развалинъ, онъ наблюдалъ за Зиной. Она казалась веселою, говорила съ нимъ и о многомъ разспрашивала, что̀ ей было непонятно въ книгѣ, или про что другое, что̀ ее интересовало, — о его личной жизни Зина ни разу не заикнулась спросить, — и ничѣмъ, повидимому, не обнаруживала какой либо перемѣны. Случалось, правда, что она дольше обыкновеннаго останавливала на Зубовѣ свои большіе глаза, въ которыхъ что-то таилось — не то проглядывала грусть, не то сдерживаемое пламя, готовое мгновенно вспыхнуть;—иногда, среди его разсказовъ, грудь ея высоко поднимется, она глубоко вздохнетъ и задумается; но, чрезъ нѣсколько минутъ, она снова весела и смѣется...

„Одна простая вспышка, и больше ничего",—рѣшилъ про себя Дмитрій Андреевичъ. — „Но какъ она день ото дня хорошѣетъ, сколько въ ней правды, чистоты дѣвичьей души. Даже и манеры у нея другія стали. Славная дѣвушка! Мнѣ будетъ жалко ее, когда уѣду", — думалъ онъ, и почему-то чаще и чаще началъ самъ заходить въ домикъ Ксеніи Ѳедосьевны за виноградомъ.

Самого хозяина, мужа гречанки, Зубовъ рѣдко видалъ: тотъ хлопоталъ или за своими виноградниками, или уѣзжалъ за рыбою въ море. Зато племянницу онъ почти всякій разъ заставалъ: дѣвушка, сидя во второй комнаткѣ, шила что-

будь на младшихъ членовъ своей семьи, работала для тетки, которая охотно пользовалась услугами племянницы, а иногда читала книжку. Кажется, дѣвушка бо́льшую часть дня проводила въ домѣ тетки. Здѣсь Дмитрій Андреевичъ встрѣчалъ и маленькихъ братишекъ, и старшую сестру Зины, весьма похожую лицомъ на нее, но молчаливую и какъ будто бы апатичную дѣвушку. Зубовъ не разъ къ ней обращался съ какимъ нибудь вопросомъ, желая втянуть ее въ общій разговоръ; но та ничего не скажетъ или коротко отвѣтитъ на вопросъ и бо́льше уже слова отъ нея не добьется собесѣдникъ. Но эта странная дѣвушка до конца выслушивала разговоръ, а глаза ея, безъ блеска и выраженія, точно усталые, время отъ времени останавливались на Зубовѣ, а съ него переходили на Зину: и тогда въ нихъ свѣтилось что-то нѣжное, мягкое и любовное. Ксенія Ѳедосьевна въ подобныхъ случаяхъ оставалась въ сосѣдней передней комнаткѣ, тщательно сортировала передъ столомъ виноградъ, развѣшивая и укладывая въ небольшія корзинки; но серьезность занятій и сосредоточенность на своемъ дѣлѣ не мѣшали почтенной женщинѣ слышать все, что́ говорилось черезъ открытую дверь, и она порою вставляла свое умное слово.

Однажды Дмитрій Андреевичъ сидѣлъ съ Зиной вдвоемъ и разсказывалъ ей о своихъ провинціальныхъ и столичныхъ знакомыхъ, занимающихъ различныя общественныя и служебныя положенія. Всѣ его симпатіи лежали на сторонѣ людей, посвятившихъ себя служенію земству и литературѣ. Ксенія Ѳедосьевна съ удвоеннымъ вниманіемъ разбирала виноградъ. Зина слушала его сперва молча, наклонивъ какъ-то ниже обыкновеннаго свою красивую голову: точно она хотѣла скрыть отъ него невольное смущеніе или боялась выдать тайну, которую онъ легко могъ разгадать по ея лицу. Но, по мѣрѣ того какъ Зубовъ разсказывалъ, иголка въ рукахъ швеи двигалась медленнѣе, лицо дѣвушки постепенно приподымалось. Скоро она, совсѣмъ забывъ про работу и вскинувъ голову, слушала расказчика, не сводя съ него глазъ...

— Дмитрій Андреевичъ,—прервала она тихо:—много вы знаете такихъ людей, которые живутъ для пользы другихъ?

— Не много, но они есть, Зинаида Васильевна... Не всѣ пока еще перевелись...

— Какъ перевелись?

— Да, такъ. Трудно ужь очень имъ живется, не ко двору они у насъ.

— Я этого не понимаю.

— Я вамъ объясню. Изъ прежнихъ многіе умерли, изъ новыхъ мѣста ихъ никто не занялъ, а кто въ живыхъ остался — усталъ, подался передъ напоромъ массы враждебныхъ силъ и, если не пошелъ на сдѣлку съ совѣстью, сложилъ руки, сидитъ въ оцѣпененіи. Тѣхъ, кто еще дѣйствуетъ, борется и, по мѣрѣ возможности, работаетъ на пользу ближняго, я могу вамъ поименно перечесть.

Дѣвушка задумалась.

— Отчего же новыхъ-то не является? — спросила она.— Развѣ труднѣе жить для другихъ, чѣмъ для самихъ себя?

— Да, видно, такъ труднѣе.

Зина вздохнула.

— А вѣдь это правда: вотъ и у насъ всѣ живутъ только для себя, а до другихъ никому нѣтъ дѣла... Ну, а скажите, Дмитрій Андреевичъ: если тѣ люди, о которыхъ вы говорили, всѣ умрутъ, — такъ вотъ всѣ до одного и перемрутъ, — неужели изъ новыхъ-то молодыхъ людей, никто ихъ и не замѣнитъ?

— Объ этомъ одинъ Богъ только знаетъ. Думаю, что Онъ не въ конецъ же на насъ распрогнѣвался и пошлетъ намъ праведниковъ. Вы знаете, что ни одинъ городъ безъ праведника существовать не можетъ?

Зина встрепенулась.

— А какъ же нашъ городъ существуетъ? У насъ вѣдь ни одного праведника нѣтъ!

— Вѣроятно, есть,—улыбнулся Зубовъ,—но вы про него не знаете.

— Нѣтъ, что вы! Я всѣхъ знаю. Какіе это праведники.

— Кажется, рѣчь ужь на божественное свели,—послышалось изъ сосѣдней комнатки.

— Да, тетушка, Дмитрій Андреевичъ изъ житія угодниковъ мнѣ разсказываетъ!—кинула въ отвѣтъ племянница, и въ голосѣ ея звучала насмѣшливая нотка.—Тетка, ты лучше бы къ намъ подсѣла, чѣмъ издали прислушиваться: пожалуй, не все разслышала, о чемъ мы говорили.

Зубовъ вопросительно посмотрѣлъ на Зину.

Дѣвушка какъ-то сердито сдвинула брови и рѣзко тряхнула головой.

— Дмитрій Андреевичъ, — начала она,—когда вы были мальчикомъ, видали вы сочинителей?

— Я видалъ ихъ мальчикомъ, видалъ и взрослымъ, итеперь я знакомъ съ нѣкоторыми изъ писателей.

— Какъ знакомы?!—удивилась Зина.

— Очень просто: какъ вотъ съ вами знакомъ, такъ и съ ними.

— Да развѣ они живы?

— Кто? писатели-то?

— Да.

— Кто умерли, а кто живы, и новые появляются.

— Неужели?! А вѣдь я думала, что они давно всѣ померли.

Зубовъ разсмѣялся. Дѣвушка смутилась, но скоро оправилась и тоже весело разсмѣялась.

Ксенія Ѳедосьевна вошла съ корзинкою винограда.

— Благодарствуйте,—сказалъ Зубовъ, и всталъ.—Теперь домой пойду.

Зина его остановила.

— Вы долго въ нашемъ городкѣ пробудете, Дмитрій Андреевичъ?—спросила она.

— Да прихвачу немного ноября, если погода не испортится.

— А отъ насъ вы домой прямо уѣдете?

— Заѣду только взглянуть на Ялту—и домой.

— Пріѣдете ли вы когда опять къ намъ?

— Врядъ ли. Развѣ еще заболѣю и доктора пошлютъ.

Зина подавила въ себѣ вздохъ.

— Какой вы счастливый, уѣдете, а я тутъ останусь. Ахъ, еслибы у меня были крылья, взвилась бы я птицею и улетѣла отсюда и никогда, никогда бы больше въ этотъ противный Бехтіосъ не вернулась.

— Что же, соберись и поѣзжай съ Богомъ, — пошутила тетка.—Можетъ, „въ Россіи“ — ты скорѣе найдешь по себѣ жениха.

Племянница вспыхнула, глаза ея сверкнули страшнымъ гнѣвомъ.

— Молчи, тетка!—вскрикнула дѣвушка. — Никакого жениха мнѣ не надо, и не смѣй ты мнѣ объ нихъ говорить.

— Вотъ ты нонче какъ!—произнесла гречанка.—Смотри, какъ бы съ такимъ характеромъ тебѣ въ дѣвкахъ не остаться.

— Останусь — не ваше дѣло. А жениховъ искать я не пойду и за вашихъ грековъ никогда не выду.

Зина быстро поднялась и, ни слова не сказавъ, оставила комнату.

— Огневая!—проговорила гречанка.

— Вы задѣли ея самолюбіе, Ксенія Ѳеодосьевна.

— Мало ли что бываетъ!—отвѣчала гречанка.—На меня нельзя обижаться: я не чужая, а родная тетка, добра ей желаю. Дѣвушкѣ семнадцать лѣтъ, пора и о замужствѣ думать, а у нея въ головѣ одни мечтанія.

Зубовъ въ этотъ вечеръ ничего не читалъ; онъ долго сидѣлъ у раскрытаго окна, слушалъ, какъ, вскидываясь на теплый воздухъ, шумно шлепались на воду играющіе въ заливѣ дельфины, и смотрѣлъ на крупныя звѣзды, трепетно горѣвшія надъ самою вершиною темной скалы. Онъ все думалъ о Зинѣ, онанесенномъ ей теткою оскорбленіи, и въ его сердце закрадывалось чувство жалости, нѣжнаго участія въ бѣдной дѣвушкѣ.

Во второмъ часу за полночь, лежа въ постели, онъ не переставалъ думать о Зинѣ, и ея лицо, взглядъ, стройная фигура вставали передъ нимъ до очевидности ясно, а лицо другой дѣвушки уходило все вдаль, блѣднѣло и покрывалось туманомъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя,—сказалъ онъ вслухъ, но чего „такъ нельзя“—не договорилъ и потушилъ свѣчи.

Но уснулъ Дмитрій Андреевичъ только на разсвѣтѣ.

VI.

Въ ресторанѣ гостинницы, гдѣ квартировалъ Зубовъ, праздновалась свадьба: хозяинъ „Континенталя“ женилъ своего сына.

зяинъ представлялъ другъ другу незнакомыхъ гостей, сопро вождая необычайно лестной аттестаціей.

— Господинъ Зубовъ, предсѣдатель... земства... Его превосходительство, генералъ Асикритъ Капитоновичъ... Начальникъ нашего города, Николай Петровичъ; Агафангелъ Спиридоновичъ, правая рука и непзмѣнный другъ Николая Петровича.

Представляя ученаго изслѣдователя, хозяинъ такъ о немъ выразился:

— Знаменитый ученый, профессоръ университета, кавалеръ ордена Станислава, Георгія и святыя...

— Ни профессоръ, ни кавалеръ,—хотѣлъ поправить хозяина представляемый.

— Все равно,—не далъ ему договорить хозяинъ,—у насъ попросту...

И скромный изслѣдователь пошелъ за профессора и кавалера.

Около восьми часовъ, оглушающіе звуки барабана возвѣстили обществу о приближеніи свадебнаго поѣзда. Все пришло въ движеніе: офиціанты бросились зажигать свѣчи, гости [illegible]али; въ окна, съ улицы, показались любопытныя лица. [illegible]лышался громъ подъѣзжающихъ экипажей, офиціанты кисъ въ переднюю, за ними поспѣшилъ хозяинъ съ супруг[illegible] нѣкоторые изъ ближайшихъ родственниковъ. И въ ту [illegible]уту, какъ дверь съ подъѣзда отворилась, раздался [illegible]венный маршъ: звуки скрипки, віолончели и турец[illegible]рабана великолѣпно изобразили вступленіе въ родительскій домъ молодой четы, въ сопровожденіи шаферовъ, по[illegible]новобрачной и поѣзжанъ.

[illegible] превосходное шампанское мѣстнаго приготовленія [illegible]нія. Новобрачный, высокій молодой челове[illegible]к пяти, съ крупными чертами лица и [illegible]бородкомъ, съ усами, какъ смоль, [illegible]съ новобрачной, молодая [illegible]

Зубовъ вопросительно посмотрѣлъ на Зину.

Дѣвушка какъ-то сердито сдвинула брови и рѣзко тряхнула головой.

— Дмитрій Андреевичъ, — начала она,—когда вы были мальчикомъ, видали вы сочинителей?

— Я видалъ ихъ мальчикомъ, видалъ и взрослымъ, итеперь я знакомъ съ нѣкоторыми изъ писателей.

— Какъ знакомы?!—удивилась Зина.

— Очень просто: какъ вотъ съ вами знакомъ, такъ и съ ними.

— Да развѣ они живы?

— Кто? писатели-то?

— Да.

— Кто умерли, а кто живы, и новые появляются.

— Неужели?! А вѣдь я думала, что они давно всѣ померли.

Зубовъ разсмѣялся. Дѣвушка смутилась, но скоро оправилась и тоже весело разсмѣялась.

Ксенія Ѳедосьевна вошла съ корзинкою винограда.

— Благодарствуйте,—сказалъ Зубовъ, и всталъ.—Теперь домой пойду.

Зина его остановила.

— Вы долго въ нашемъ городкѣ пробудете, Дмитрій Андреевичъ?—спросила она.

— Да прихвачу немного ноября, если погода не испортится.

— А отъ насъ вы домой прямо уѣдете?

— Заѣду только взглянуть на Ялту—и домой.

— Пріѣдете ли вы когда опять къ намъ?

— Врядъ ли. Развѣ еще заболѣю и доктора пошлютъ.

Зина подавила въ себѣ вздохъ.

— Какой вы счастливый, уѣдете, а я тутъ останусь. Ахъ, еслибы у меня были крылья, взвилась бы я птицею и улетѣла отсюда и никогда, никогда бы больше въ этотъ противный Бехтіосъ не вернулась.

— Что же, соберись и поѣзжай съ Богомъ, — пошутила тетка.—Можетъ, „въ Россіи“ — ты скорѣе найдешь по себѣ жениха.

Племянница вспыхнула, глаза ея сверкнули страшнымъ гнѣвомъ.

— Молчи, тетка!—вскрикнула дѣвушка. — Никакого жениха мнѣ не надо, и не смѣй ты мнѣ объ нихъ говорить.

— Вотъ ты нонче какъ!—произнесла гречанка.—Смотри, какъ бы съ такимъ характеромъ тебѣ въ дѣвкахъ не остаться.

— Останусь — не ваше дѣло. А жениховъ искать я не пойду и за вашихъ грековъ никогда не выду.

Зина быстро поднялась и, ни слова не сказавъ, оставила комнату.

— Огневая!—проговорила гречанка.

— Вы задѣли ея самолюбіе, Ксенія Ѳеодосьевна.

— Мало ли что бываетъ!—отвѣчала гречанка.—На меня нельзя обижаться: я не чужая, а родная тетка, добра ей желаю. Дѣвушкѣ семнадцать лѣтъ, пора и о замужствѣ думать, а у нея въ головѣ одни мечтанія.

Зубовъ въ этотъ вечеръ ничего не читалъ; онъ долго сидѣлъ у раскрытаго окна, слушалъ, какъ, вскидываясь на теплый воздухъ, шумно шлепались на воду играющіе въ заливѣ дельфины, и смотрѣлъ на крупныя звѣзды, трепетно горѣвшія надъ самою вершиною темной скалы. Онъ все думалъ о Зинѣ, онанесенномъ ей теткою оскорбленіи, и въ его сердце закрадывалось чувство жалости, нѣжнаго участія въ бѣдной дѣвушкѣ.

Во второмъ часу за полночь, лежа въ постели, онъ не переставалъ думать о Зинѣ, и ея лицо, взглядъ, стройная фигура вставали передъ нимъ до очевидности ясно, а лицо другой дѣвушки уходило все вдаль, блѣднѣло и покрывалось туманомъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя,—сказалъ онъ вслухъ, но чего „такъ нельзя“—не договорилъ и потушилъ свѣчи.

Но уснулъ Дмитрій Андреевичъ только на разсвѣтѣ.

VI.

Въ ресторанѣ гостинницы, гдѣ квартировалъ Зубовъ, праздновалась свадьба: хозяинъ „Континенталя“ женилъ своего сына.

Съ шести часовъ вечера, „зала“ и все помѣщеніе ресторана освѣтились лампами; въ двухъ комнатахъ были накрыты большіе столы, красовались бутылки съ виномъ мѣстнаго производства и бѣлѣлись въ бронзовыхъ канделябрахъ незажженныя свѣчи. Въ просторной передней, какъ разъ передъ аркою въ залу, виднѣлись,—облеченныя въ старыя, лишенныя мѣдныхъ пуговицъ и безъ погонъ:, солдатскія шинели,—три мрачныхъ фигуры, одна съ подвязанной щекой, а двѣ—съ подбитыми скулами и черными подтеками подъ глазами. Это были музыканты, нарочно для настоящаго торжества выписанные изъ Бахчисарая.

По „залѣ“ бѣгали тонконогіе и худощавые офиціанты въ широкихъ обтертыхъ фракахъ и въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ; двое изъ нихъ были преобразованы изъ коридорныхъ, служащихъ при гостинницѣ, а одинъ—прогнанный съ парохода матросъ. Въ половинѣ седьмаго начали собираться гости—цвѣтъ бехтіосскаго общества. Первоначально прибыли три греческихъ семейства, состоящихъ изъ супруговъ и шести дѣвицъ; за ними одинъ крупный винодѣлъ, содержатель лѣчебнаго пансіона, и съ нимъ статскій генералъ, отставной военный докторъ. Не успѣли они размѣститься по стульямъ, какъ явились Николай Петровичъ съ Агафангеломъ Спиридоновичемъ—они всегда и вездѣ являлись вдвоемъ; потомъ аптекарь, низкорослый, съ желчнымъ выраженіемъ лица; еще какіе-то тоже почетные гости и молодые греки, родственники хозяина. Позднѣе всѣхъ прибылъ франтоватый урядникъ и смотритель почтовой станціи, прозванный Зубовымъ мѣстнымъ „почтдиректоромъ“: они, какъ истинные чиновники, состоявшіе на коронной службѣ, знали себѣ цѣну и позднимъ появленіемъ какъ нельзя болѣе поддерживали свое достоинство и престижъ власти. Хозяинъ, человѣкъ средняго роста, лѣтъ за пятьдесятъ, съ мягкими движеніями и еще болѣе мягкимъ поющимъ голосомъ, любезно, съ низкимъ поклономъ, принималъ каждаго гостя, жалъ подолгу руку, умильно глядѣлъ ему въ глаза и все благодарилъ за честь, благодарилъ безъ конца.

Въ числѣ почетныхъ лицъ, приглашенныхъ на семейное торжество, оказался и Дмитрій Андреевичъ, и еще одинъ ученый изслѣдователь, также жившій въ „Континенталѣ“. Хо-

зяинъ представлялъ другъ другу незнакомыхъ гостей, сопровождая необычайно лестной аттестаціей.

— Господинъ Зубовъ, предсѣдатель... земства... Его превосходительство, генералъ Асикритъ Капитоновичъ... Начальникъ нашего города, Николай Петровичъ; Агафангелъ Спиридоновичъ, правая рука и неизмѣнный другъ Николая Петровича.

Представляя ученаго изслѣдователя, хозяинъ такъ о немъ выразился:

— Знаменитый ученый, профессоръ университета, кавалеръ ордена Станислава, Георгія и святыя...

— Ни профессоръ, ни кавалеръ,—хотѣлъ поправить хозяина представляемый.

— Все равно,—не далъ ему договорить хозяинъ,—у насъ попросту...

И скромный изслѣдователь пошелъ за профессора и кавалера.

Около восьми часовъ, оглушающіе звуки барабана возвѣстили обществу о приближеніи свадебнаго поѣзда. Все пришло въ движеніе: офиціанты бросились зажигать свѣчи, гости встали; въ окна, съ улицы, показались любопытныя лица. Послышался громъ подъѣзжающихъ экипажей, офиціанты кинулись въ переднюю, за ними поспѣшилъ хозяинъ съ супругою и нѣкоторые изъ ближайшихъ родственниковъ. И въ ту же минуту, какъ дверь съ подъѣзда отворилась, раздался торжественный маршъ: звуки скрипки, віолончели и турецкаго барабана великолѣпно изобразили вступленіе въ родительскій домъ молодой четы, въ сопровожденіи шаферовъ, подружекъ новобрачной и поѣзжанъ.

Подали превосходное шампанское мѣстнаго приготовленія и начались поздравленія. Новобрачный, высокій молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ крупными чертами лица и гладко выбритымъ подбородкомъ, съ усами, какъ смоль, важно стоялъ подъ руку съ новобрачной, молоденькою и хорошенькою блондиночкою; сознаніе величія совершоннаго имъ подвига разливалось по всему его мясистому лицу, и онъ важно принималъ привѣтствія и добрыя пожеланія гостей.

Зубовъ также подошелъ и поздравилъ.

— Благодарю васъ,—пробасилъ новобрачный.

Подали чай. Молодыхъ усадили на особое почетное мѣсто.

Послѣ чаю предложили довольно основательную закуску, потребовавшую на вниманіе къ себѣ добрыхъ полтора часа. Отдавъ должное бутылкамъ и блюдамъ, солидные люди усѣлись за зеленые столы, а молодежь и дамы перебрались въ залу; въ числѣ послѣднихъ находились и расфранченныя еврейки, въ лоснящихся новыхъ парикахъ: онѣ приходились родственницами новобрачной, выкрещенной дочери еврея. Молодые люди сновали по залѣ, приглашая дамъ на танцы. Оркестръ подалъ сигналъ къ французской кадрили. Свадебный балъ начался. Въ окна и черезъ арку изъ передней смотрѣли зрители. Дмитрій Андреевичъ замѣтилъ, что въ числѣ любопытныхъ, глядѣвшихъ съ улицы, промелькнуло и лицо Зины, но тотчасъ же скрылось.

Легкіе танцы открылъ мѣстный почтдиректоръ, маленькій брюнетикъ, съ сестрою новобрачной, живой и также хорошенькой блондиночкою. За первою парою пронесся урядникъ съ дочерью одного изъ родственниковъ хозяина, за нимъ шаферъ, румяно-ланитый псаломщикъ съ какой-то барышнею и т. д.

Отецъ молодой, содержатель нѣсколькихъ почтовыхъ станцій по главному шоссе, любуясь танцами веселящейся молодежи, вздыхалъ и говорилъ Зубову:

— Какъ тяжело отдавать замужъ дочь. До семнадцати лѣтъ жила съ родителями, мы нарадоваться не могли, глядя на нее, и вдругъ отъ насъ ее берутъ... Помилуйте, что это значитъ? Очень тягостно!

Зубовъ успокоилъ его, сказавъ, что это общій удѣлъ всѣхъ родителей, имѣющихъ невѣстъ-дочерей.

— Но каково это перенести,—не унимался родитель опечаленный разлукою съ дочерью.—Повѣрите ли, когда женихъ пріѣхалъ, со мной даже дурно сдѣлалось, я едва всѣхъ чувствъ не лишился. Такъ меня поразило...

— Вы, сказываютъ, за дочкою своею много денегъ дали?

— Три тысячи чистоганомъ, кромѣ всего другаго прочаго,—простоналъ уже родитель и испустилъ тяжелый вздохъ.

— Какъ женихъ пріѣхалъ за невѣстою, такъ я на столъ и выложилъ всѣ денежки... Ахъ, какъ тяжело разставаться съ любимымъ дѣтищемъ.

— Но вы не можете особенно огорчаться: у васъ осталась другая дочка.

Родитель посмотрѣлъ на проносившуюся, въ парѣ съ урядникомъ, дѣвушку и опять вздохнулъ.

— Вѣдь и ее надобно замужъ выдавать... А вы не подрядами занимаетесь?

Балъ сіялъ. Изъ всѣхъ кавалеровъ особенно отличался почтдиректоръ и урядникъ: первый, танцуя, превосходно отбивалъ подъ музыку каблуками тактъ, а второй звенѣлъ шпорами, какъ настоящій военный человѣкъ. Они положительно затмѣвали собою и псаломщика, и всю гречеческую молодежь.

Вытирая лобъ и задыхаясь отъ усталости, къ Зубову подлетѣлъ почтдиректоръ.

— Дмитрій Андреевичъ, что же вы не танцуете?—началъ маленькій человѣчекъ.—Барышень и дамъ много, а кавалеры не всѣ легкіе танцы умѣютъ.

— Нельзя ли уволить? Я больше десяти лѣтъ не плясалъ.

— Никакъ невозможно! Пожалуйста, окажите честь. Барышни будутъ въ восторгѣ. Я васъ подведу къ первой здѣшней красавицѣ.

Дѣлать нечего: Зубовъ пригласилъ первую красавицу.

— Я нахожу, что свадьба очень веселая,—сказалъ онъ своей дамѣ, дѣлая съ нею туръ.

— Даже ужасно веселая,—отвѣтила первая красавица.— Такихъ свадебъ у насъ никогда не бывало: самая богатая и великолѣпная, совершенно аристократическая!... Видите, здѣсь—все одни аристократы!...

Дмитрій Андреевичъ подвелъ даму къ стулу, поблагодарилъ и пригласилъ сестру новобрачной.

— Вы, кажется, очень любите танцовать?—спросилъ онъ блондинку.

— Да-съ. Я просто обожаю танцы! Мы и дома все танцуемъ.

— И вамъ не надоѣдаетъ?

— Ахъ, что это вы говорите? Еслибы не танцы, у насъ, на станціяхъ, всѣ барышни отъ скуки съ ума бы сошли, или непремѣнно давно померли.

— Неужели?

— Да-съ... Нѣкоторыя молодыя барышни по хуторамъ читаютъ отъ скуки книжки, но я ихъ не уважаю: спать мнѣ отъ книжекъ хочется.

И съ кѣмъ Дмитрій Андреевичъ ни танцовалъ, съ кѣмъ изъ дамъ ни пробовалъ говорить, кромѣ словъ о танцахъ и скукѣ, онъ ничего другаго не слыхалъ. Уступая настояніямъ почтдиректора, онъ рискнулъ еще провальсировать съ первой красавицей, надѣясь добиться отъ нея хотя одного живаго слова, но барышня кокетливо улыбалась, дѣлала язвительныя, по ея мнѣнію, замѣчанія относительно туалета присутствовавшихъ дамъ и такъ пострѣливала своими глазками, что со стороны можно было подумать, что она рѣшилась совсѣмъ лишить жизни своего кавалера.

А изъ уличной толпы, тѣснившейся подъ окнами, во все это время, на Зубова не переставали смотрѣть два молодыхъ женскихъ лица: одно все пылающее и точно гнѣвное, со сверкающими черными глазами, а другое — блѣдное и какъ будто печальное.

Рядомъ съ залой, „аристократы“ съ увлеченіемъ предавались игрѣ въ „завертку“: это чисто-мѣстная, спеціально бехтіосскаго изобрѣтенія карточная игра, которую вели исключительно одни только аристократы. Наибольшій интересъ представлялъ, конечно, столъ, за которымъ состязались сановники и представители высшей аристократіи города: Николай Петровичъ съ другомъ своимъ Агафангеломъ Спиридоновичемъ, штатскій генералъ и аптекарь. Николай Петровичъ игралъ съ выраженіемъ обычнаго глубокомыслія, аптекарь удачно билъ его карты; Агафангелъ Спиридоновичъ улыбался и смотрѣлъ куда-то вдаль черезъ очки, дѣлая постоянные промахи, а генералъ, пользуясь его оплошностью, рѣзалъ не только карту этого меланхолика, но и уничтожалъ побѣды аптекаря и надо всѣми торжествовалъ, записывая взятки. Вслѣдствіе такого превосходства, генералъ находился въ отличномъ, нѣсколько игривомъ настроеніи духа, подшучивалъ надъ меланхоликомъ и дѣлалъ тяжеловатыя, но казавшіяся всѣмъ чрезвычайно остроумными, замѣчанія относительно прекраснаго пола.

— Оставьте вашу философію,—обратился къ меланхолику генералъ,—не глядите такъ страшно въ окно—на дворѣ тем-

но и вашъ пронзительный взоръ ничего тамъ не откроетъ, а обратитесь теперь къ земному; смотрите, я рѣжу вашу карту!

— Въ самомъ дѣлѣ, я не съ той пошелъ, — улыбаясь, проговорилъ Агафангелъ Спиридоновичъ:—я все думаю, какъ усовершенствовать намъ санитарную часть.

— Съ вами невозможно играть, — сердился аптекарь и брезгливо отпихивалъ отъ себя карты.—Вы не даете мнѣ ни одной взятки.

— Станиславъ Казимировичъ, — утѣшалъ аптекаря генералъ:—вы не замѣтили молодую дамочку—она сосѣдка ваша—и сейчасъ только прошла мимо въ залу?

— Есть мнѣ время замѣчать, когда господинъ Попандопуло портитъ всю игру.

— Не сердитесь, онъ философъ! А жаль, что вы не посмотрѣли на дамочку: она значительно пополнѣла въ таліи и бюстъ сталъ еще роскошнѣе.

— А мнѣ что за дѣло?—Лѣкарства въ моей аптекѣ она не будетъ заказывать.

— Ну, вы—матерьялистъ! А я люблю полноту въ красивыхъ формахъ, эту пластичность...

— Я тоже люблю, — сказалъ Николай Петровичъ, и съ лица его какъ-то разомъ пропало глубокомысленное выраженіе, и онъ весь покраснѣлъ до корней волосъ своего низкаго, маленькаго лба.

— Ахъ, ваше превосходительство, — хихикалъ хозяинъ дома,—какой вы шутникъ!

Ученый изслѣдователь бесѣдовалъ въ уголку съ какимъ-то пожилымъ носастымъ грекомъ, изъ котораго старался выжать тѣ свѣдѣнія, какія необходимы были для его цѣлей,—но въ записную книжку, которую онъ вынулъ изъ кармана и держалъ въ рукѣ, ничего не записывалъ: такъ, должно быть, интересны были сообщенія, что не стоило ихъ и заносить.

Молодые греки, саженнаго роста юноши, съ густыми бородами или гладко выбритые, то и дѣло изъ залы проходили мимо игроковъ въ заднюю комнату, спеціально для нихъ отпертую, откуда возвращались, погодя, торопливо на ходу проглатывая что-то и вытирая губы и бороды.

Кто-то изъ ближайшихъ родственниковъ торопилъ хозяина поскорѣе пригласить гостей къ столу.

— Пора, Несторъ Памфиловичъ, за столъ садиться. Всѣ кушать хотятъ, да и новобрачныхъ тоже надо пожалѣть...

— Видите, играютъ...

— Могутъ послѣ продолжать.

— Не могу, не могу я разстраивать удовольствіе! Я ужь такой человѣкъ, что во всю свою жизнь никому не дѣлалъ ни одной непріятности, и теперь не сдѣлаю.

Зубовъ, которому окончательно все надоѣло, хотѣлъ проститься и уйти. Хозяинъ началъ упрашивать его остаться.

— Не лишайте насъ вашего пріятнаго общества, окажите намъ честь. Сію минуту за столъ сядемъ...

Но шли минуты за минутами, а накрытые столы все оставались незанятыми. Молодые греки чаще и чаще заглядывали въ уединенную комнату; отъ нихъ не отставали кое-кто и изъ людей солидныхъ, а также и шаферъ; только урядникъ съ почтдиректоромъ оставались на высотѣ своего положенія: они во весь длинный вечеръ больше десяти разъ не заглянули въ буфетъ.

Черезъ часъ, однако, новобрачные заняли свое почетное мѣсто, за ними дружно кинулись молодые греки; солидные люди, дамы и барышни тоже стали разсаживаться по мѣстамъ; одни представители муниципалитета, генералъ и аптекарь не покидали картъ.

— Да зови ихъ садиться! — настаивалъ родственникъ:— сейчасъ кушанье будутъ подавать.

— Просилъ ужь разъ пять,—отвѣчалъ плачевно хозяинъ.— Что же мнѣ съ ними дѣлать?

Ближайшій родственникъ подмигнулъ молодымъ людямъ, осаждавшимъ главный столъ. Въ одно мгновеніе ока, юношество поналегло на игральные столы и начало съ разныхъ сторонъ такъ жать и тискать игроковъ, что генералъ въ негодованіи поднялся и рѣзко замѣтилъ:

— Слѣдовало бы вамъ, молодые люди, нѣсколько деликатнѣе себя держать: что вы въ табунѣ, что ли, толкаетесь? Не должны забывать, кто здѣсь сидитъ.

— Пожалуйте, ваше превосходительство!—выступилъ на выручку хозяинъ. — Прошу покорнѣйше за столъ! Николай

Петровичъ, Агафангелъ... А вы, молодые люди,—въ другую комнату, тамъ для васъ отдѣльный столъ приготовленъ.

Молодые люди ринулись къ двери сосѣдней комнаты.

— Это для насъ еще лучше, — проговорилъ кто то, — стѣсняться тамъ некого.

Послѣ втораго блюда, хозяинъ съ бокаломъ въ рукѣ поднялся и провозгласилъ тостъ.

— За здоровье виновниковъ сегодняшняго торжества! Дай Богъ имъ счастья, любви и согласія!

— Ура!—раздалось со стороны, гдѣ пировала молодежь.

Оркестръ заигралъ тушъ.

Всѣ начали чокаться съ новобрачными, высказывая самыя задушевныя пожеланія.

Второй тостъ былъ предложенъ за „любезныхъ сватей", родителей новобрачной.

Громовое ура съ тушемъ.

Затѣмъ пошли тосты за другихъ родственниковъ молодой, за отца крестнаго и за крестную мать. Лица всѣхъ сіяли и румянились, генералъ блисталъ краснорѣчіемъ и остротами, Агафангелъ Спиридоновичъ улыбался, устремивъ взоръ къ потолку; Николай Петровичъ совсѣмъ позабылъ о поддержаніи на своемъ лицѣ обычнаго выраженія и громко смѣялся; молодежь въ другой комнатѣ шумно ликовала и кричала ура,—словомъ, только за ужиномъ явилось настоящее оживленіе и веселье.

Съ улицы, въ окнахъ, еще мелькали лица зрителей.

— Господа,—началъ, поднимаясь снова, хозяинъ. — Позвольте мнѣ...

— Ура!..

— Подождите!..

— Браво! Уррра!..

Чтобы сдержать восторгъ, овладѣвшій юношествомъ, пришлось минуты двѣ стучать по столу ножами и звонить въ стаканы. Наконецъ все смолкло, и молодые люди, выступивъ къ двери, остановились съ бакалами. Ораторъ продолжалъ.

— Вы знаете, господа, чѣмъ былъ нашъ Бехтіосъ, пока начальникомъ города еще не былъ высокоуважаемый Николай Петровичъ...

Николай Петровичъ, сидѣвшій рядомъ съ хозяиномъ, началъ толкать послѣдняго въ бокъ.

— Нечего говорить, — не обращая вниманія на толчки, шелъ дальше ораторъ, — что такое былъ нашъ Бехтіосъ: онъ спалъ, въ немъ все лежало и не двигалось. Однимъ словомъ, господа, у насъ ничего не было и мы всѣ не двигались. Но, съ тѣхъ поръ какъ Николай Петровичъ...

— Несторъ Панфиловичъ...—попытался было сдержать оратора представитель города.

— Когда Николай Петровичъ сдѣлался нашимъ начальникомъ, у насъ все задвигалось, двигается и подвигается.

— Уррра!.. За Николая Петровича!—загремѣли гости...

— Ну, Несторъ Памфиловичъ...

— Я сказалъ настоящую правду, Николай Петровичъ: кромѣ правды, я слова лишняго не сказалъ.

Отчаянный шумъ, „ура“ и голоса:

— Пусть и впередъ у насъ будетъ такъ: все двигается и подвигается...

— Нѣтъ, каковъ старина,—говорилъ генералъ:—какъ разошелся, откуда краснорѣчіе явилось!..

— Ахъ, ваше превосходительство! Я такой человѣкъ... я каждому одно пріятное желаю сдѣлать, всѣмъ угодить хочу...

Тосты продолжались.

Съ улицы зрители ужъ разошлись; оставались только двѣ женскія фигуры, съ закрытыми въ платки лицами.

— Пойдемъ, пойдемъ домой!—говорила одна. — Видишь, никого ужъ нѣтъ.

— Подожди, сестра... Я не знаю, что со мною дѣлается!.. Гляди, гляди, что она ему глазами дѣлаетъ! — говорила въ какомъ-то полузабытьи другая, показывая на „первую красавицу“, не переставшую стрѣлять въ сидѣвшаго противъ нея Зубова.

— Да полно тебѣ! Что ты понапрасну мучишься...

— Нѣтъ, не могу... Пойдемъ, убѣжимъ отсюда, сестрица!— вскрикнула первая. — Ахъ, что со мною только дѣлается!.. Лучше бы мнѣ умереть...

— Подожди, куда ты?.. Зина, да постой же!

Тосты уже рѣдѣли, хозяинъ не зналъ, за кого еще вы-

пить... Но тутъ-то выступилъ, весь блѣдный, почтдиректоръ и крикнулъ:

— За виновниковъ—родителей!..

Во второмъ часу новобрачные уѣхали въ свой домъ, но солидные аристократы, возобновивъ „завертку", играли до трехъ, а молодежь танцовала до утра.

Зубовъ удалился тотчасъ же послѣ ужина, но на разсвѣтѣ былъ разбуженъ отчаянными криками: въ одномъ изъ свободныхъ номеровъ кто-то изъ греческаго юношества колотилъ псаломщика.

VII.

Два дня Зубовъ не былъ въ домѣ гречанки. Мелькомъ, и то издали, онъ видѣлъ Зину; она замѣтила его, кивнула головой и быстро скрылась... На третій день онъ не утерпѣлъ и посѣтилъ знакомый ему домикъ.

— Сегодня послѣдніе три фунта вамъ отпускаю,—сказала гречанка:—конецъ винограду!

Онъ спросилъ о племянницѣ.

— Прибѣгала утромъ... Должно быть, еще не остыла, отъ сердца несовсѣмъ отлегло. Главная причина—васъ стѣсняется: „ты, говоритъ, мнѣ что угодно одной скажи, я все отъ тебя перенесу, но ты при Дмитріѣ Андреевичѣ меня унизила!"— такъ и сказала: „унизила". „Онъ ни вѣсть что про меня,послѣ твоихъ словъ, подумать можетъ". Даже всплакнула... Жалко мнѣ ее, Дмитрій Андреевичъ!..

— Я попрошу васъ передать ей, что ваши слова нисколько не уронили ея въ моихъ глазахъ; наоборотъ, я теперь ее еще больше уважаю и очень желаю увидѣть. Успокойте ее, Ксенія Ѳеодосьевна.

— Постараюсь успокоить. Такъ вы Зину уважаете?

— Уважаю.

Гречанка прищурила свои каріе глазки, въ которыхъ забѣгали какіе-то огоньки.

— Можетъ, она вамъ даже нравится?—укладывая въ корзинку виноградъ,спросила она, погодя.

— Да, очень нравится!—значительно, съ тономъ легкаго раздраженія, отвѣтилъ Зубовъ.

Гречанка повернулась къ нему лицомъ и спокойно на него посмотрѣла.

— Сколько времени еще разсчитываете вы у насъ прожить?

— Недѣли двѣ.

— Ну, такъ вы еще навѣстите, пожалуете къ намъ?

— Разумѣется!

Зубову, въ этотъ разъ, совсѣмъ уже не понравилось поведеніе гречанки.

„Заподозрила ли она мои отношенія къ племянницѣ, или намекнула на нѣчто особаго рода... Въ томъ и другомъ случаѣ—это глупость, гадость... Бѣдная Зина"!..

Нестройные, громкіе крики раздались съ улицы, послышалась крупная брань на двухъ языкахъ, — греческая и русская,—по набережной бѣжали люди.

— Что такое?—спросилъ онъ.

— Опять, видно, дерутся,—выглянувъ въ окно, сказала гречанка.—Такъ и есть: драка!

Дмитрій Андреевичъ вышелъ и направился прямо къ густой толпѣ, собравшейся на берегу залива. Слышались уже какъ будто звонкія пощечины и сыпались, одна за другою, точно барабанные удары.

— Такъ ты меня дерзнулъ по лицу... Ахъ ты... на же тебѣ, съѣшь моего осетра!

— Бычка ему, бычка въ морду запусти!—поощряли изъ толпы одобрительные голоса.—Ловко! Молодецъ!

— Ѳеодосусъ!—возглашалъ кто-то изъ борцовъ.—Подѣли промежъ ихъ султанку!

Ѳеодосусъ, высокій, плечистый дѣтина, съ налившимися кровью глазами на выкатѣ, размахивалъ по сторонамъ длинными и твердыми, какъ здоровыя слеги, руками и наносилъ непріятелю жестокіе удары, гулко разносившіеся по заливу и отдававшіеся въ скалахъ.

Но крѣпко стоялъ непріятель: уже много виднѣлось разбитыхъ носовъ и скулъ, а битза все продолжалась.

— Ха-ха-ха! вотъ такъ разъ! Еще! Ха-ха-ха!—раскатывалось по горамъ и заливу...

Тутъ же, невдалекѣ, находился и франтъ-урядникъ. Онъ

безмятежно покуривалъ папироску и смотрѣлъ, посмѣиваясь, на это побоище.

Зубовъ, хотя, и не разъ видалъ въ Бехтіосѣ битвы эллиновъ и довольно къ нимъ присмотрѣлся, но, не выдержавъ, подошелъ къ уряднику,

— Вы не намѣрены пріостановить?—спросилъ онъ ѳранта. Урядникъ, сдѣлавъ рукою подъ козырекъ, пріятно улыбнулся и съ любезностью отвѣтилъ:

— Само собою прекратится. Вмѣшательство со стороны начальства только подольетъ масла въ огонь. Я прежде, по своей неопытности, раза два пробовалъ было вступиться — хуже выходило.

— Изъ-за чего у нихъ вышло?

— Извѣстно, рыбу дѣлятъ.

Урядникъ оказался совершенно правъ: сраженіе прекратилось и, словно по командѣ, разомъ все стихло. Въ этой битвѣ не было ни побѣды, ни пораженія, а лишь одно взаимное и естественное удовлетвореніе требованіямъ духа: въ воюющихъ сказались потомки двухъ враждебныхъ греческихъ республикъ. Ужь герои, успѣвъ позабыть про раны и увѣчья, намѣревались дружною гурьбою двинуться въ ресторанъ съ надписью: „распивочно и на выносъ“, какъ въ улицѣ показались члены муниципалитета: они не шли, а просто бѣжали къ мѣсту окончившагося сраженія.

— Опоздали,—едва переводя дыханіе, могъ только выговорить Агафангелъ Спиридоновичъ.

— Жалко, — весь запыхавшись, прибавилъ Николай Петровичъ.—Минутою раньше... Непремѣнно бы засталъ! Какъ, довольны ли, господа?

— Вполнѣ ублаготворены, ваше высокородіе,—отозвался Ѳеодосусъ.—Идемъ миръ заключать.

— Съ Богомъ!

— Ради стараться!

Начальники, проводивъ взорами толпу, постояли немного, посмотрѣли на тихо погружающійся въ вечернюю дремоту заливъ, и безмолвно оба повернули назадъ, не зная, куда еще имъ теперь идти.

— А, Дмитрій Андреевичъ! Гуляете?

— Гуляю.

— Счастливецъ! Никакихъ заботъ, ни тревогъ не знаетъ. Не то, что нашъ, братъ, — никогда покоя себѣ не знаемъ... Не подоспѣй мы съ Агафангеломъ Спиридоновичемъ вò-время, Богъ знаетъ, чтò бы тутъ могло произойти...

— Такъ это, благодаря вашей распорядительности, все благополучно окончилось?

Николай Петровичъ скромно отвѣтилъ:

— Еслибы я сказалъ нѣтъ, — вы заподозрили бы меня въ хитрости. Я настолько здѣсь пользуюсь популярностью, что достаточно одного моего появленія... то есть вмѣстѣ съ Агафангеломъ Спиридоновичемъ, чтобы всякіе безпорядки сейчасъ прекратились.

Агафангелъ Спиридоновичъ, по обыкновенію улыбаясь, смотрѣлъ куда-то вдаль, прозрѣвая тамъ, вѣроятно, судьбы грядущаго.

„Философъ“!—подумалъ Зубовъ, и отправился домой.

Прошла недѣля. Дмитрій Андреевичъ постоянно встрѣчался съ Зиной, но встрѣчался такъ, что не въ состояніи былъ съ нею слова перемолвить; проходитъ онъ по набережной,—Зина идетъ по противоположной сторонѣ, увидитъ его, вспыхнетъ до корней волосъ, кивнетъ и бѣжитъ прочь; завернетъ Зубовъ въ одну изъ кривыхъ улицъ,—Зина перебѣгаетъ ему дорогу и, не взглянувъ, юркнетъ въ калитку ближайшаго дома и посматриваетъ оттуда вслѣдъ ему, до тѣхъ поръ пока онъ не скроется изъ виду. Случалось, что Зубовъ съ кѣмъ нибудь остановится, разговорится, — Зина ужь гдѣ нибудь тутъ, неподалеку, смотритъ на него, жадно прислушиваясь къ его голосу; глаза ея блестятъ, — а только лишь онъ оглянется въ ея сторону,—она и убѣжала...

Непонятнымъ, загадочнымъ и страннымъ все это казалось Дмитрію Андреевичу: или она стыдится его, помня, какъ ея тетка при немъ „унизила“ ее, или же ей запретили съ нимъ видѣться и говорить. Разъ они встрѣтились въ пяти шагахъ, лицомъ къ лицу, и онъ хотѣлъ ужь пріостановиться. Зина покачнулась, въ одно время—покраснѣла и поблѣднѣла, едва внятно и скороговоркой проговорила: „здравствуйте, мнѣ некогда“, и проскользнула мимо.

— На минутку, Зина! — попробовалъ было онъ ее удержать.

— Извините, послѣ когда нибудь.

Дмитрій Андреевичъ ходилъ самъ не свой: ему было страшно жаль дѣвушку и вмѣстѣ съ тѣмъ его что-то и неотразимо къ ней влекло. Онъ рѣшилъ пустить въ ходъ еще одно средство, чтобы увидѣть дѣвушку и какъ нибудь разгадать мудреную загадку: онъ сдѣлалъ визитъ тетушкѣ.

— Господинъ Зубовъ! Просимъ милости!—встрѣтила его въ первой комнатѣ гречанка. — А я ужь полагала, что вы уѣдете, не простившись съ своей виноградницей. Прошу васъ садиться. Извините, въ той комнатѣ не все прибрано, здѣсь ужь васъ приму.

— Я не надолго къ вамъ, Ксенія Ѳедосьевна. Вотъ потрудитесь Зинаидѣ Васильевнѣ книжку передать: я черезъ недѣлю уѣзжаю, она успѣетъ еще прочесть.

— Черезъ недѣлю? Какъ вы скоро!—Намъ будетъ очень жалко, что такой хорошій господинъ отъ насъ совсѣмъ уѣзжаетъ... А книжку свою вы извольте унести обратно, я вручу вамъ и другую. Зина просила меня передать.

— Эту я возьму, а ту оставьте: племянница ваша ее не читала.

— Напрасно вы безпокоитесь. Нѣтъ, извольте ужь обѣ унести. Зинѣ ваши книжки не приходится читать; у нея и такъ отъ нихъ большія мечтанія... Хорошо, что еще вовремя спохватилась, а то, Богъ одинъ знаетъ, до чего бы могло у дѣвушки мечтаніе распространиться...

— Полно-те пустое городить!—вспыхнулъ Зубовъ. — Вы, кажется, женщина не глупая, понимаете...

Въ глазахъ гречанки что-то сверкнуло, и ея правильный, но большой носъ шевельнулся.

— Дмитрій Андреевичъ!—не дала она Зубову договорить,— вы благородный человѣкъ, а она простая дѣвушка. У нея нѣтъ родной матери, а я женщина бездѣтная... Пожалѣйте насъ, сиротъ!..

Тотъ не нашелся даже сразу что̀ и сказать: такъ его ошеломила эта выходка бездѣтной „сироты“.

— Я измучилась, всю исказнила себя, что сама у васъ для племянницы книжекъ просила и ей самой въ собственномъ домѣ съ вами видѣться позволяла... Надо мною теперь всѣ смѣяться будутъ.

— Да что съ вами? Опомнитесь! — началъ Зубовъ.—Вы просто несообразное что-то говорите! Неужели вы могли допустить, что я имѣлъ какіе нибудь дурные виды на вашу племянницу... Стыдитесь!

Гречанка вытерла платкомъ глаза.

— Зина прекрасная дѣвушка, и я желалъ одного добра, а вы отравили ей свѣтлыя, самыя чистыя минуты, которыя, можетъ быть, въ ея жизни никогда больше не повторятся, и въ конецъ, совсѣмъ загубите этотъ чудесный цвѣтокъ.

— Ужь все равно... вы на ней не женитесь...

За дверью послышался чей-то тихій, словно бы черезъ силу сдерживаемый плачъ.

— Кто это... у васъ плачетъ?—не безъ удивленія спросилъ Зубовъ и поднялся.

— А это васъ не касается, — моментально очутившись у двери, рѣзко произнесла хозяйка и храбро стала на стражу заключенной въ сосѣдней комнатѣ узницы.

— Неужели... Зина?!

— Не задерживаю васъ, господинъ Зубовъ. Прощайте!

Онъ съ негодованіемъ удалился. Вслѣдъ ему раздались громкія, неутѣшныя рыданія...

VIII.

Нѣсколько дней Зубовъ совсѣмъ и нигдѣ ужь не встрѣчалъ бѣдной дѣвушки: точно и не жила она въ Бехтіосѣ, никогда въ немъ не появлялась.

Зубовъ уже и раньше догадывался, а теперь былъ почти убѣжденъ, что онъ знаетъ, какое чувство зародилось въ груди дѣвушки. Всѣ эти послѣднія, какъ будто бы нечаянныя съ нимъ встрѣчи Зины, стараніе ея избѣгать этихъ встрѣчъ и смущеніе, какое онъ всякій разъ замѣчалъ въ дѣвушкѣ, а, наконецъ, эта сцена въ домѣ тетки, неожиданно и разомъ открыли ему глаза... Есть люди, которые позднѣе всѣхъ окружающихъ узнаютъ, что ихъ любятъ. Зубовъ принадлежалъ къ разряду именно такихъ людей. И когда онъ сдѣлалъ это открытіе или, вѣрнѣе, почувствовалъ, что его любитъ молодая, полная силъ и дѣвственно-чистая натура, онъ на минуту

какъ будто затихъ: дивнымъ свѣтомъ ударило ему въ глаза, тепломъ юга пахнуло на него, и что-то невыразимо радостное овладѣло его существомъ; всѣ струны сердца зазвучали восторженно, сладко и упоительно.

Первымъ его движеніемъ было бѣжать къ Зинѣ, объясниться и прижать ее къ своему сердцу. Онъ вскочилъ, схватилъ шляпу и—остановился.

„А, можетъ, это одно увлеченіе, первый крикъ пробужденнаго сердца, но еще не самая любовь“,—пронеслось въ его головѣ, и онъ, медленно положивъ на столъ шляпу, опустился въ кресло. „Обстановка и люди, среди которыхъ она живетъ, такъ безобразны и дики, они давятъ ее своею пошлостью и ей хочется вырваться на просторъ, на свѣжій воздухъ“,—думалъ онъ, спустя нѣсколько времени. „Не мудрено, что во мнѣ она встрѣтила человѣка, непохожаго на всѣхъ тѣхъ, кого она до сихъ поръ видѣла, а книжки помогли ей сразу почувствовать и понять ту среду, въ которой она прозябала“...

„Но, еслибы она дѣйствительно меня полюбила и я на ней женился,“—думалъ онъ черезъ часъ...—„дастъ ли это намъ обоимъ настоящее счастье? Пойметъ ли она мужа, сроднится ли съ тѣми интересами, которыми онъ живетъ, будетъ ли подругою жизни, и не охладѣю ли я, не разочаруюсь ли, когда увижу, что она только жена и мать“?

Онъ вспомнилъ случаи, когда люди интеллигентные женились на простыхъ, даже вовсе безграмотныхъ и неразвитыхъ дѣвушкахъ, и какія печальныя послѣдствія выходили отъ такихъ браковъ...

„Что, если и меня впереди ждетъ подобная судьба?“—мысленно воскликнулъ Дмитрій Андреевичъ.

„Вѣдь это значитъ заживо похоронить себя и все, что во мнѣ уцѣлѣло порядочнаго, честнаго... Неравенство воспитанія, образованія и взглядовъ губитъ жизнь самыхъ близкихъ людей...“

„Да и люблю ли я еще самъ Зину“?

Передъ нимъ въ туманѣ пронесся образъ другой дѣвушки.

„Ну, съ тою все ужь покончено... Возврата нѣтъ... Разъ *она*,—допустимъ даже, что съ ея стороны ничего серьезнаго не было, что это было простое увлеченіе, — разъ любимая

„Знаешь что, другъ ты мой сердечный? Она положительно тебя любитъ и никогда не думала разлюбить. Вся бѣда изъ-за того вышла, что ты черезчуръ подозрителенъ, видишь не то, что есть въ дѣйствительности, и даешь невѣрную окраску фактамъ; а Вѣра Александровна слишкомъ горда и уважаетъ себя, чтобы стала разъяснять или оправдываться. Нѣтъ, она любитъ тебя и никогда N не нравился ей. Знаю я ее давно: не такая она, чтобы, разъ полюбивъ человѣка, могла кѣмъ нибудь другимъ увлечься... Это натура глубокая и чистая. Бросай скорѣе Крымъ и твоихъ грековъ, возвращайся къ намъ. Повѣрь, будешь доволенъ".

Долго Дмитрій Андреевичъ оставался на одномъ мѣстѣ, не снимая пальто и шляпы: такое сильное впечатлѣніе произвело на него это извѣстіе. Передъ нимъ снова и ярко всталъ знакомый образъ, во всей красотѣ и чарующей прелести; голубые глаза смотрѣли на него съ выраженіемъ прежней любви и все лицо радостно ему улыбалось.

„Вѣра... Вѣра!" — шепталъ Зубовъ, и тихо поднималъ руки. — „Зачѣмъ же, если правда, что̀ пишетъ Алексѣй, ты ни слова мнѣ тогда не сказала... Только — *одно* слово, и я повѣрилъ бы тебѣ, мы были бы счастливы"...

Онъ поднялся, сбросилъ шляпу и принялся быстро ходить по комнатѣ,—все, что имъ было пережито за послѣдніе три года, радость любви и муки разочарованія — все теперь въ немъ всколыхнулось.

„Любитъ... глубокая, честная натура", — вспомнилъ онъ письмо друга.—„Я и самъ въ нее вѣрилъ, какъ въ божество"...

„Но эти бесѣды вдвоемъ, прогулки съ N. Она видѣла, какъ это терзало мое сердце, какъ я ревновалъ ее—и она не обратила никакого вниманія, ей даже какъ будто нравилось, что я безумствовалъ... Неужели, еслибы она дѣйствительно меня любила, позволила бы себѣ такъ холодно, бездушно отнестись къ страданіямъ любимаго человѣка?"

„Бобровъ — идеалистъ или, вѣрнѣе, оптимистъ: онъ видитъ одно хорошее въ тѣхъ, кто ему нравится",—шагая отъ стѣны къ стѣнѣ, продолжалъ думать Зубовъ.—„А ея отъѣздъ, послѣ разрыва, къ богатой роднѣ? Зачѣмъ она именно къ этимъ пустымъ людямъ поѣхала? Что ихъ общество можетъ дать ей для ума и сердца? Свѣтская любезность, общество

бездушныхъ карьеристовъ и дѣльцовъ, отсутствіе всякой идеи и полная безсердечность... Воображаю, какъ это должно благодѣтельно повліять на молодую дѣвушку!.. Нѣтъ, что ни ниши Алексѣй, возвратъ къ прежнему немыслимъ и нарушеннаго счастья не вернешь. Червь сомнѣнія незамѣтно, исподволь, но всегда будетъ сосать...

— Однако, два часа! — проговорилъ Дмитрій Андреевичъ и, наклонясь, поднялъ валявшуюся на полу шляпу.—Пойду на воздухъ, освѣжусь.

Онъ шелъ задумчиво, безъ цѣли, не зная, куда идетъ; мысль о Вѣрѣ не покидала его, но и Зина вспомнилась, хотя намѣреніе пойти къ ней въ домъ уже покинуло его.

„Вотъ эта, если полюбитъ, такъ не увлечется другимъ... Еслибы я увидалъ ее сейчасъ!.. Да! Но у Боброва есть чутье, онъ рѣдко обманывается въ людяхъ, да и другъ же онъ мнѣ, не пожелаетъ зла... Но все же онъ—идеалистъ...

— Господинъ Зубовъ!—раздалось почти надъ самымъ его ухомъ.

Онъ поднялъ голову. Надъ низенькимъ каменнымъ заборчикомъ какого-то домика показалось лицо; онъ сразу узналъ его: это была сестра Зины. Она осмотрѣлась, не видитъ ли ее кто, и скороговоркою, вполголоса проговорила:

— Идите сейчасъ къ развалинамъ, тамъ васъ ждетъ сестра. Поскорѣе,—и пропала за заборомъ.

Зубовъ какъ будто отъ сна очнулся и, въ то же время, потерялъ способность ясно понимать вещи. Его словно толкнуло, онъ встряхнулъ, по юношески, головой и бодро, молодой походкой направился къ развалинамъ старой крѣпости. Миновавъ коротенькую улочку, онъ свернулъ налѣво и ударился тропинкою по долинѣ, которая сначала шла отлого, а въ концѣ круто вскидывалась къ верху и тамъ переходила въ горный отрогъ. Дорогою на него снова нахлынулъ рой мыслей и воспоминаній. Въ какіе нибудь четверть часа передъ нимъ пронеслось все его прошлое, пора юности и увлеченій, встрѣча съ Вѣрою и любовь, разрывъ и, наконецъ, знакомство съ Зиною, — все пронеслось и остановилось, порвалось предъ настоящимъ, за которымъ черезъ двѣ-три минуты его ожидало свиданіе съ дѣвушкой. И странно: чѣмъ ближе подходилъ онъ къ знакомому мѣсту, тѣмъ больше шаги его замедлялись, движенія

дѣлались нерѣшительнѣе и онъ не разъ пріостанавливался, точно раздумывая: идти ему или вернуться. Но еще одно колебаніе,—и онъ очутился на мѣстѣ свиданія.

Зина давно ждала его. Обхвативъ руками колѣни, она сидѣла на камнѣ, озиралась кругомъ и чутко прислушивалась. Она была въ темномъ платьицѣ, драповой кофточкѣ и черномъ платочкѣ. Дѣвушка сразу увидѣла Зубова, нервно вздрогнула, точно хотѣла встать и убѣжать, но стихла, какъ будто обезсиленная, и спрятала въ рукахъ свое лицо. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ, Дмитрій Андреевичъ пріостановился.

— Здравствуйте, Зинаида Васильевна.

Она не отвѣтила, не шевельнулась.

— Зина... Здравствуйте же!

Дѣвушка медленно отвела руки, робко подняла лицо и взглянула...

У Зубова даже сердце ёкнуло отъ жалости. Въ этомъ блѣдномъ, исхудаломъ, но миломъ лицѣ съ прекрасными расширившимися глазами, было столько горя, любви и мольбы о пощадѣ!

Онъ не выдержалъ, взялъ ее за похолодѣвшія руки, сжалъ въ своихъ и не выпускалъ.

— Простите меня,—съ трудомъ выговорила Зина, отводя въ сторону глаза и не зная, куда спрятать лицо.—Я не такая дурная дѣвушка... Это все тетка,—а я ни въ чемъ не виновата.

— Зина! Да развѣ я въ чемъ обвинялъ васъ?

Она молчала.

— Я знаю, вы добрый,—заговорила,—но вы могли подумать, что я такая интересанка, что я....

— Полноте! Вы этимъ меня обижаете.

Лицо дѣвушки оживилось, глаза засвѣтились радостью.

— Правда? Вы не считаете меня дурною. Спасибо! Вы добрый, хорошій. Недаромъ мое сердце... Она не договорила, румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ. Да вы сядьте,—не тамъ, а вотъ здѣсь, рядомъ со мной.

Дмитрій Андреевичъ повиновался.

— А какъ я мучилась, — начала Зина. — Мнѣ совѣстно было съ вами встрѣчаться, я боялась въ глаза вамъ посмотрѣть.

— Такъ не оттого-ли вы и прятались отъ меня, убѣгали при встрѣчахъ?

Дѣвушка опять затихла, склонила на грудь голову.

— Нѣтъ, это не оттого,—чуть слышно произнесла она.

— Такъ отчего же?—невольно вырвалось у Зубова.

Дѣвушкой овладѣло волненіе.

— Вы хотите знать? Сказать вамъ?

— Скажите,—сорвалось опять съ его языка.

Густой румянецъ залилъ все лицо Зины, голова ея еще ниже склонилась.

— Я не знаю, что̀ со мной, — начала она тихо. — Давно ужь я за собой замѣтила... Еще на той свадьбѣ почувствовала... Потомъ недавно, у васъ въ гостинницѣ,—волненіе дѣвушки усиливалось,—когда вы съ этой барышней танцовали, говорили... тутъ я совсѣмъ ужь поняла... Я испугалась...

Дмитрій Андреевичъ отлично зналъ, что̀ дальше скажетъ дѣвушка, и понималъ, какой муки ей будетъ стоить договорить до конца, но онъ не прерывалъ, не останавливалъ ее.

— Во мнѣ что-то раздѣлилось,—продолжала Зина:—я и убѣгала-то отъ васъ, и видѣть-то мнѣ страстно васъ хотѣлось... я не выдержала... уѣхала къ двоюродной сестрѣ.

— Такъ вотъ отчего васъ не видать было?

— Нѣтъ, не скажу!—проговорила Зина.—Силъ не хватитъ... Ахъ, я несчастная!—И она, чуть не ударясь лицомъ о свои колѣни, громко зарыдала.

Зубовъ встревожился.

— Зина, дорогая, успокойтесь.—Она продолжала рыдать.

— Успокойтесь же! Ну, не говорите, не надо... Будемъ говорить о другомъ.

Дѣвушка вся забилась, быстро подняла голову, устремила на него свое залитое румянцемъ лицо и съ глазами, полными чистыхъ слезъ, порывисто и какъ-то болѣзненно-страстно произнесла:

— Люблю я васъ, люблю, Дмитрій Андреевичъ!

— Зина!

Еще мгновеніе—и она упала бы ему на грудь. Но передъ нимъ нежданно пронесся образъ Вѣры, голубые глаза ея глубоко заглянули ему въ сердце. Онъ тихонько отодвинулся отъ Зины, взялъ ее за руку и сказалъ:

— И я васъ люблю... Но вы успокойтесь, дорогая!

Дѣвушка вся словно застыла: глаза ея все еще были

устремлены на него, но въ груди что-то упало и сердце замерло.

— Я получилъ сегодня письмо,—началъ онъ спустя немного.

— Получилъ сегодня письмо,—повторилъ беззвучно голосъ Зины.

— Это письмо отъ дѣвушки... я любилъ ее.

— Я любилъ ее.

— Выслушайте меня, и вы поймете, простите меня.

Дмитрій Андреевичъ, не выпуская похолодѣвшей снова руки Зины, разсказалъ исторію своей любви.

Дѣвушка относилась къ его разсказу сперва безучастно, съ ледянымъ равнодушіемъ, лицо ея было блѣдно; потомъ въ ней проснулось вниманіе, она слушала его жадно, и когда онъ окончилъ, лицо ея уже все пылало.

— И она гуляла съ другимъ?—съ какой-то необычайною силою въ голосѣ спросила дѣвушка.

— Да.

— Вы мучились, ревновали ее, она все видѣла и не утѣшила, не успокоила?!

— Нѣтъ.

— И она любила васъ!!

— Да.

Дѣвушка поднялась, стала передъ Зубовымъ и энергически провела рукой по воздуху.

— Нѣтъ, она не любила! — съ силою неотразимаго убѣжденія произнесли Зина.—Она даже меньше тебя любила, чѣмъ Лиза—Лаврецкаго. А у Лизы тоже не было настоящей любви... Да развѣ я, полюбивши тебя, могла на кого другаго глядѣть? Развѣ бы я стала гулять вдвоемъ съ мужчиной, когда я только одного тебя люблю? Никогда! Еслибы я замѣтила, что ты печаленъ, я бросилась бы къ тебѣ на шею, прижала бы твою милую голову къ своему сердцу, цѣловала твои руки.., Нѣтъ, въ Россіи не умѣютъ женщины любить!

Дочь знойнаго юга сказалась въ Зинѣ: она стояла, какъ воплощенная страсть, ничѣмъ неудержимый порывъ и негодованіе.

Зубовъ былъ пораженъ.

„И это простая дѣвушка, и ей всего семнадцать лѣтъ“!

— Но ты любилъ ее... Что̀ я?—ты любишь ее и теперь, ты никогда не разлюбишь! — воскликнула она и съ воплемъ бросилась на камень.— А я... я несчастная, бѣдная!.. Какъ я люблю тебя!

Скажи онъ только одно слово, протяни ей руки, и эта сильная, молодая жизнь, въ восторгѣ и упоеніи отъ блаженства любви, устремилась бы къ нему на встрѣчу и слилась съ его жизнью.

Но онъ сидѣлъ молча, неподвижно, хотя сердце въ немъ и ныло.

Прошли минуты. Дѣвушка, наконецъ, успокоилась.

— Поѣзжай,—начала она, и голосъ ея звучалъ уже тихими, печальными нотами, онъ былъ ровенъ и кротокъ.—Ты долженъ ѣхать. Дай Богъ тебѣ счастья.

— Но если я не найду его, Зина?

— Скажи, еслибы ты не любилъ *той*, — ты полюбилъ бы меня?

— О, да, Зина, непремѣнно!

Она такъ нѣжно, съ такою любовью на него посмотрѣла.

— Тогда ты пріѣзжай сюда:—ты будешь мой.

— Но вы забыли, Зина: я вѣдь вдвое старше васъ.

Она положила ему на плечо руку, заглянула въ лицо и проговорила:

— Нѣтъ, ты для меня—молодой... Скажи, когда ты ѣдешь?

— Послѣ завтра.

— Послѣ завтра... уѣдешь и я ужь не увижу тебя больше... Да нѣтъ, мнѣ сердце говоритъ, что мы не навѣкъ разстаемся... А то, знаешь что̀?—возьми меня съ собою, увези въ Москву, я тамъ мѣсто себѣ найду и буду знать, что̀ съ тобой дѣлается—вѣдь ты, сказывалъ, недалеко отъ Москвы живешь?

Черезъ полчаса они простились.

— Помни,—сказала дѣвушка:—женишься ли ты на той, или нѣтъ, я ни за кого не выду замужъ, — я буду только тебя одного любить... А теперь уходи... Прощай!

Дмитрій Андреевичъ крѣпко, крѣпко пожалъ ей обѣ руки и пошелъ. Она провожала его глазами.

— Воротись.

Онъ обернулся. Зина сдѣлала нѣсколько шаговъ; онъ подбѣжалъ къ ней.

— Прощай еще разъ, — сказала она.—Милый ты мой! Радость, жизнь моя!—И она вдругъ и страстно поцѣловала его, быстро отпрянула и проговорила:—Теперь уходи, уходи скорѣе; а то я не знаю, что̀ съ собой сдѣлаю... Мы увидимся! Помни: ты будешь мой!

Пасмурное, облачное было утро, когда Зубовъ покинулъ Бехтіосъ. О чемъ онъ думалъ, что̀ чувствовалъ, катясь по гладкому шоссе въ коляскѣ, — сказать трудно. Впереди его ждала еще неизвѣстность, но сердце его неслось туда, на холодный сѣверъ; а позади—оставалась молодая, горячая, но отвергнутая имъ любовь дочери юга.

Къ полудню начинала разыгрываться буря. Мелкія волны побѣжали по заливу; а море, темное и грозное, все пѣнилось, ревѣло и гнало чудовищные валы съ бѣлыми сверкающими гривами.

Около трехъ часовъ пополудни, мимо развалинъ старинной крѣпости проходилъ въ Ялту пароходъ. Сердитыя волны качали изъ стороны въ сторону его мачты, накренивая на бокъ длинный, черный корпусъ; казалось, еще минута-двѣ, и пароходъ исчезнетъ въ пучинѣ.

У башни, надъ пропастью, въ это время стояла женская фигура, простирая къ морю свои руки, съ мучительной тоской въ голосѣ, и страстно взывала:

— Воротись! Милый, жизнь моя, счастье!

Ф. Нефедовъ.

НАШИ СЕЛЬСКІЯ БИБЛІОТЕКИ.

III.

Интересно теперь взглянуть на тѣ внѣшнія условія, которыя окружаютъ народно-библіотечное дѣло, такъ какъ отъ нихъ главнымъ образомъ зависитъ судьба этого, въ высшей степени полезнаго, дѣла: благопріятныя условія помогутъ ему окрѣпнуть и развиться въ пышный цвѣтъ, а неблагопріятныя погубятъ въ самомъ зачаткѣ.

Итакъ, каково отношеніе къ народно-библіотечному дѣлу: съ одной стороны, земства и интеллигентнаго общества, въ лицѣ его представителей, а съ другой—деревенскаго населенія, для котораго собственно и предназначаются библіотеки? Мы уже имѣли случай убѣдиться въ томъ, что земство съ большимъ вниманіемъ относится къ дѣлу организаціи сельскихъ библіотекъ. Свое теплое отношеніе къ нему оно доказываетъ на дѣлѣ, изъ года въ годъ открывая новыя библіотеки и подновляя уже существующія. Что касается общества, то оно съ своей стороны также очень сочувственно относится къ народно-библіотечному дѣлу и по мѣрѣ силъ помогаетъ ему и матеріальными средствами, и своими знаніями. Въ предъидущей главѣ мы уже имѣли случай отмѣтить факты частной иниціативы въ дѣлѣ открытія сельскихъ библіотекъ. Такъ, въ Донской области, изъ 21 библіотеки 10 открыто на частныя пожертвованія. Такіе же факты частной благотворительности на пользу народныхъ библіотекъ встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Баронъ Корфъ, въ отчетѣ о народномъ образованіи въ Александровскомъ уѣздѣ за 1869—1870 годъ, указываетъ на нѣсколько народныхъ библіотекъ, вызванныхъ къ жизни частными лицами. Въ числѣ жертвователей былъ, между прочимъ, благодатовскій учитель А. А. Дьяковъ, пожертвовавшій 100 р. своего жалованья на устройство библіотеки при школѣ, учителемъ которой онъ состоялъ. «Я не сомнѣваюсь въ томъ,—говоритъ Н. А. Корфъ,—что совѣтъ признаетъ справедливымъ выразить г. Дьякову глубокую признательность за пожертвованіе, которое имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что оно исходитъ отъ человѣка, для котораго сотня рублей не можетъ не имѣть значительной цѣнности». Примѣръ учителя

Дьякова, дѣйствительно, заслуживаетъ полнаго подражанія. Нужно сильно проникнуться интересами народнаго образованія, чтобы изъ скудныхъ учительскихъ средствъ пожертвовать такую сравнительно большую сумму. Не всякій на это способенъ.

Корреспондентъ «Народной Школы» разсказываетъ о другомъ примѣрѣ такого же добраго отношенія учителей къ интересамъ народнаго образованія. При Аньковской женской народной школѣ, владимірской губерніи, юрьевскаго уѣзда, была основана библіотека при слѣдующихъ обстоятельствахъ: съ самаго начала открытія школы, т. е. съ января мѣсяца 1877 года, у преподавателей явилась мысль о необходимости библіотеки въ школѣ. Въ 1878 году, на свои трудовыя копѣйки преподаватели выписали журналъ «Народную Школу», а затѣмъ—сборникъ учебно-русской литературы. Это было первое пріобрѣтеніе, положенное въ основаніе библіотеки. Въ томъ же году, на получаемыя копѣйки отъ ученицъ и ихъ родителей было выписано 30 книгъ изъ московскаго отдѣла «общества распространенія духовно-нравственныхъ книгъ». Кромѣ того, попечитель училища, крестьянинъ Ив. Ершовъ, пожертвовалъ въ школу книгъ рублей на 8. Мысль о библіотекѣ побудила преподавателей обратиться съ просьбой въ комитетъ грамотности о высылкѣ книгъ. Просьба эта, къ великому удовольствію всего преподавательскаго персонала Аньковской школы, была удовлетворена: 14 ноября 1879 года отъ комитета было получено болѣе 200 книгъ для школы. «Вѣрите ли, читатель,—восклицаетъ законоучитель Аньковской школы,—какъ много было радости въ школѣ при полученіи такого подарка! За такое пожертвованіе, столь неожиданное, столь полезное для школы, мы не знаемъ, чѣмъ и какъ благодарить членовъ комитета, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія».

Кромѣ вполнѣ случайной и неорганизованной помощи отдѣльныхъ лицъ, народно-библіотечное дѣло имѣетъ сильныхъ и полезныхъ союзниковъ въ лицѣ московскаго и петербургскаго комитетовъ грамотности. Съ ихъ стороны помощь библіотечному дѣлу является болѣе ощутительною и постоянною. Правда, московскій комитетъ грамотности только въ 1884 году выступилъ на поприще народно-библіотечнаго дѣла, а потому, за краткостью времени, не успѣлъ еще ничего сдѣлать въ этой области [1]). Зато петер-

[1]) Въ началѣ 1884 года, въ засѣданіи московскаго комитета грамотности, г. Тихомировымъ былъ возбужденъ вопросъ о содѣйствіи со стороны комитета грамотности образованію при школахъ народныхъ библіотекъ. Указавъ на важное значеніе этихъ библіотекъ, г. Тихомировъ предложилъ въ общихъ чертахъ и планъ устройства ихъ: 1) библіотеки открываются при школахъ для окончившихъ курсъ и взрослыхъ; 2) библіотеки находятся на отвѣтственности учителя и попечителя школы, но подъ надзоромъ инспекціи отъ министерства народнаго просвѣщенія, т. е. дирекціи и инспекторовъ народныхъ училищъ; 3) книги допускаются дозволенныя цензурою, но съ разрѣшенія инспекціи; 4) книги выдаются безплатно, лишь съ вознагражденіемъ за ихъ порчу и утрату. Комитетъ постановилъ по этому вопросу выработать проэктъ устава и послать его на утвержде-

бургскій комитетъ грамотности своими матеріальными средствами оказалъ большую услугу народной библіотекѣ. Помощь его главнымъ образомъ заключается въ ежегодной безплатной разсылкѣ книгъ въ сельскія библіотеки. Такъ, въ теченіе 6 лѣтъ, съ 1881 по 1886 годъ включительно, петербургскимъ комитетомъ грамотности было разослано 83,508 книгъ въ 448 сельскихъ библіотекъ. По годамъ, эта разсылка распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Года.	Число книгъ, разосланныхъ въ народныя школы.	Изъ нихъ разосланы въ сельскія библіотеки.	Число библіотекъ, снабженныхъ книгами.
1881	30,108	12,925	60
1882	31,417	9,160	40
1883	30,764	14,260	88
1884	37,856	14,550	82
1885	31,101	18,576	96
1886	18,360	14,037	82

Наконецъ, и въ литературѣ народно-библіотечное дѣло имѣетъ видныхъ защитниковъ своихъ интересовъ. Много писалось и теперь пишется о пользахъ сельской библіотеки для деревенскаго населенія, составляются программы для изученія условій существованія народной библіотеки и ея нуждъ (программы А. Полякова, Д. Шаховскаго и А. Пругавина), изыскиваются средства для надлежащей постановки библіотечнаго дѣла. Особенно много и плодотворно потрудился баронъ Н. А. Корфъ. Состоя членомъ александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, Н. А. Корфъ производилъ опыты въ народно-библіотечномъ дѣлѣ и результатами этихъ опытовъ дѣлился съ читающей публикой. Такъ, напримѣръ, онъ первый указалъ и доказалъ на опытѣ существенное значеніе повторительной воскресной школы, какъ средства къ пропагандѣ «нравственной книги» и воспитанію въ народѣ вкуса къ чтенію. Баронъ Н. А. Корфъ, какъ извѣстно, былъ иниціаторомъ воскрёсныхъ повторительныхъ школъ въ Россіи. Основная задача этихъ школъ, по его объясненію, состоитъ въ томъ, чтобы «воскресники» пользовались книгами для чтенія изъ народныхъ библіотекъ, открытыхъ при повторительныхъ школахъ. Говоря объ успѣхахъ библіотекъ при воскресныхъ повторительныхъ школахъ, открытыхъ въ двухъ селеніяхъ александровскаго уѣзда, Н. А. Корфъ замѣчаетъ слѣдующее: «библіотеки эти существуютъ только одинъ годъ (это писалось въ 1883 году), но уже этотъ первый годъ до очевидности выяснилъ, что не существуетъ средства, которое лучше повторительной школы воспитывало бы въ народѣ вкусъ и склонность къ чтенію толковой книги и поддерживало бы

ніе министерства народнаго просвѣщенія. Съ своей стороны, комитетъ принялъ на себя указаніе пригодныхъ книгъ и съ этою цѣлью, по предложенію г. Тихомирова, задумалъ издать „библіографическій указатель“ всѣхъ вышедшихъ книгъ, предназначенныхъ для народнаго чтенія, и затѣмъ издавать ежегодный библіографическій обзоръ народной литературы.

общеніе учителя съ учившимися». Далѣе, Н. А. Корфъ приводитъ любопытныя данныя о воскресной школѣ и библіотекѣ при ней въ селѣ Времевкѣ. Оказывается, что за пять зимнихъ мѣсяцевъ, при населеніи въ 800 душъ, у означенной библіотеки было 127 читателей, прочитавшихъ за зиму 878 книгъ; при этомъ, на 127 читателей было только 36 учащихся въ двухъ старшихъ классахъ начальной школы, а всѣ остальные относились къ подростающему и взрослому грамотному населенію. Еще драгоцѣннѣе то указаніе, что изъ числа послѣднихъ было 56 «воскресниковъ», т. е. посѣщавшихъ въ эту зиму воскресную повторительную школу, и 35 такихъ грамотныхъ взрослыхъ, которые повторительной школы не посѣщали. Такихъ «воскресниковъ», которые сколько нибудь исправно посѣщали повторительную школу и не взяли бы домой читать ни одной книги, вовсе не было; среднимъ числомъ взрослые воскресники прочитали за зиму по 6,6 книгъ, между тѣмъ какъ грамотные, не привлекавшіеся къ библіотекѣ повторительною школою, прочитали среднимъ числомъ всего по 4,5 книги за зиму. 12 «воскресниковъ», благодаря непрерывному общенію съ учительницей, оказались настолько ревностными читателями, что прочитали за 4 зимнихъ мѣсяца по 10 и болѣе книгъ...

Такимъ образомъ, и земство, и общество, и литература одинаково сочувственно относятся къ народнымъ библіотекамъ. Въ этомъ отношеніи, судьба ихъ можетъ считаться до нѣкоторой степени обезпеченной [1]). Что же касается деревенскаго населенія, для котораго собственно и назначена сельская библіотека, то сочувствіе его къ этой послѣдней станетъ для насъ вполнѣ очевиднымъ, если мы припомнимъ многочисленные отзывы учителей, учительницъ и вообще лицъ, стоящихъ близко къ народу, о той жаждѣ чтенія, которою томится деревенскій обыватель. Во всякомъ случаѣ, мы приведемъ еще нѣсколько фактовъ, воочію доказывающихъ, что библіотека очень дорога сельскому населенію.

«Сельскій Вѣстникъ», напр., передаетъ, что въ земскія собранія все чаще и чаще поступаютъ просьбы крестьянъ объ устройствѣ библіотекъ при школахъ. Тамъ, гдѣ существуютъ народныя библіотеки, крестьяне, особенно молодежь, скоро привыкаютъ къ нимъ, привязываются къ чтенію книгъ, и если библіотека почему нибудь вдругъ закроется, то они не мирятся съ ея отсутствіемъ. Такъ, когда при школѣ въ селѣ Липцахъ, харьковскаго уѣзда, сгорѣла библіотека, то крестьяне упросили одного изъ гласныхъ-крестьянъ ходатайствовать предъ земствомъ о пособіи на возобновленіе библіотеки. При этомъ, одинъ крестьянинъ пожертвовалъ на нее 50 рублей.

Инспекторъ училищъ лужскаго уѣзда, г. Александровъ, въ отчетѣ за 1884 годъ, сообщаетъ интересный фактъ о составленіи

---

[1]) Указывая на сочувствіе земства, общества и литературы къ народно-библіотечному дѣлу, мы не думаемъ утверждать, что со стороны земства, общества и литературы для этого дѣла дѣлается *все, что можно сдѣлать*, Напротивъ, намъ думается, что для народной библіотеки въ сущности сдѣлано еще очень мало.

крестьянами трехъ волостей лужскаго уѣзда особыхъ общественныхъ приговоровъ, которыми установленъ трехкопѣечный сборъ съ души на устройство какъ школьныхъ библіотекъ, такъ и библіотекъ для чтенія. Въ одной волости собрано было съ этою цѣлью 15 руб., въ другой—25 руб. и въ третьей—50 руб. Въ селѣ Ростовкѣ, нижнеломовскаго уѣзда, пензенской губерніи, крестьяне устроили подписку на составленіе при мѣстной народной школѣ библіотеки, съ цѣлью снабжать книгами для чтенія учениковъ школы и окончившихъ въ ней курсъ. Кромѣ того, общество отдѣлило часть общественной земли, доходы съ которой назначены на содержаніе библіотеки.

Есть, однако, среди внѣшнихъ условій, окружающихъ народно-библіотечное дѣло, и такія, которыя служатъ значительнымъ тормозомъ въ его развитіи. Отсутствіе надлежащей организаціи въ дѣлѣ открытія народныхъ библіотекъ является однимъ изъ такихъ условій. Недостаточно имѣть желаніе устроить библіотеку и отпустить на это опредѣленную сумму; кромѣ добрыхъ желаній, необходимо еще знать, какъ будетъ цѣлесообразнѣе устроить эту народную библіотеку. А этого-то въ большинствѣ случаевъ намъ и недостаетъ. Земство, которое главнымъ образомъ и является устроителемъ судебъ народной библіотеки,—не спеціалистъ въ этомъ дѣлѣ. Ему нужна помощь спеціалистовъ, чтобы поставить народно-библіотечное дѣло въ болѣе или менѣе сносныя условія. Между тѣмъ, помощь эту бываетъ трудно сыскать, такъ какъ лица, сочувствующія народно-библіотечному дѣлу, дѣйствуютъ разрозненно, безъ всякой системы и надлежащей организаціи. Насколько указанное обстоятельство вредно вліяетъ на развитіе библіотечнаго дѣла, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Бердянское земское собраніе, какъ мы видѣли, еще въ октябрѣ 1876 года постановило открыть въ уѣздѣ школьныя библіотеки, между тѣмъ постановленіе это приведено въ исполненіе лишь въ 1883 году. Причина такой медлительности, по объясненію самой управы, заключалась въ слѣдующемъ. Земское собраніе, признавая необходимымъ имѣть при народныхъ училищахъ библіотеки, имѣло цѣлью дать возможность, какъ учащимся, такъ и окончившимъ курсъ въ народныхъ училищахъ, дополнять и развивать свои знанія посредствомъ чтенія книгъ. Чтобы составить такія библіотеки, необходимо было сдѣлать хорошій подборъ книгъ, что, конечно, доступно только лицамъ вполнѣ компетентнымъ въ дѣлѣ образованія. Управа, не считая себя въ этомъ случаѣ компетентною, намѣтила только, что ученическимъ библіотекамъ желательно было бы придать характеръ реальный, примѣнительно къ земледѣлію и промышленности, и частію народно-беллетристическій. Затѣмъ управа обратилась съ просьбою за указаніями къ слѣдующимъ мѣстамъ и лицамъ: 1) 27 ноября 1876 г., къ бердянскому училищному совѣту и отдѣльно ко всѣмъ его членамъ; 21 января 1878 года къ г. инспектору народныхъ училищъ таврической губ., И. Д. Гарусову; 2) въ петербургское педагогическое общество; 3) въ комитетъ

грамотности въ С.-Петербургѣ; 4) въ редакцію журнала «Семья и Школа».

Означенную просьбу бердянской уѣздной управы училищный совѣтъ, члены его, и г. инспекторъ народныхъ училищъ оставили безъ отвѣта. Редакція журнала «Семья и Школа», 9 февраля, просила нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній, которыя управою и были даны, однако просимыхъ указаній редакція не прислала. Педагогическое общество рѣшило составленіе просимаго управою списка книгъ отложить до появленія въ свѣтъ каталога книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Наконецъ, комитетъ грамотности, отъ 2 мая за № 54, извѣстилъ управу, что онъ не могъ такъ долго отвѣчать на запросъ управы, потому что предположенный комитетомъ къ изданію обзоръ русской учебной народной литературы не былъ еще приведенъ къ окончанію; нынѣ же обзоръ этотъ вышелъ и продается по 2 руб. 50 коп. По этому изданію управою можетъ быть составленъ списокъ книгъ для предполагаемыхъ библіотекъ.

Такимъ образомъ, желаніе управы получить указаніе въ дѣлѣ составленія библіотекъ отъ компетентныхъ лицъ и учрежденій не увѣнчалось успѣхомъ. «Нашему земству,—замѣчаетъ по этому поводу бердянская управа,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и земской управѣ, уже не разъ приходилось самимъ разрѣшать педагогическіе вопросы, и приходилось именно потому, что они получали отказъ въ содѣйствіи тамъ, гдѣ, казалось, не должно быть отказа; по этому и въ данномъ случаѣ управа, выписавъ обзоръ учебно-народной литературы, приступитъ при содѣйствіи лучшихъ изъ народныхъ учителей, по окончаніи сессіи земскаго собранія, къ составленію списка книгъ, которыя необходимо выписать для библіотекъ. Управа не можетъ еще не высказать сожалѣнія, что она, ведя переписку съ поименованными выше лицами и учрежденіями, потеряла понапрасну цѣлый годъ, въ который учащіеся и учившіеся могли бы много прочесть; между тѣмъ пришлось сидѣть безъ книгъ».

Другимъ стѣснительнымъ условіемъ въ дѣлѣ развитія народно-библіотечнаго дѣла является министерскій каталогъ. На это обстоятельство указывается многими земствами. Такъ, шадринское земство замѣчаетъ, что «стремленіе земства къ снабженію школъ потребными книгами стѣсняется особымъ каталогомъ одобренныхъ книгъ, что, какъ оказалось, вредно отзывается на ходѣ образованія, такъ какъ въ существующія школы весьма мало проникаетъ книгъ, могущихъ произвести благотворное вліяніе на учащихся». Въ виду этого, шадринское земство въ 1883 году вошло въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о разрѣшеніи уѣздному училищному совѣту производить выборъ книгъ для училищъ, не стѣсняясь спискомъ книгъ, дозволенныхъ ученымъ комитетомъ министерства. Къ сожалѣнію, означенное ходатайство не было удовлетворено, и тѣмъ самымъ шадринское земство было повергнуто въ уныніе. «Въ виду такого отказа, едва ли представляется возможнымъ,—замѣчаетъ управа

въ своемъ докладѣ земскому собранію,—возбуждать какія либо новыя ходатайства, имѣющія цѣлью двинуть впередъ дорогое для насъ дѣло народнаго образованія».

Главною причиною того, что народная школа не даетъ отвѣта на многія жизненныя явленія, по мнѣнію уржумскаго земства, служитъ то обстоятельство, что кругъ книгъ, могущихъ обращаться въ народной школѣ, очень узокъ и ограниченъ министерскимъ каталогомъ. «Стоитъ только посмотрѣть на него,—говорится въ докладѣ управы за 1880 годъ,—чтобы убѣдиться, насколько скудна предлагаемая министерствомъ крестьянскому населенію умственная пища. Эти,—если не считать букварей и учебниковъ,—какихъ-либо 150—200 книгъ, и притомъ тощаго формата, составляютъ для грамотнаго крестьянина умственную пищу на всю жизнь... Поэтому было своевременно ходатайствовать, чтобы для школъ могли бы пріобрѣтаться всѣ книги, какія не запрещены правительствомъ къ общему обращенію, или же, по крайней мѣрѣ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія просмотрѣло вновь каталогъ и внесло въ него больше книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія». Далѣе, московское земство также указывало на стѣснительность министерскаго каталога и вообще способа снабженія народныхъ школъ книгами. Такъ, гласный А. А. Оленинъ, признавая циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 5 декабря 1879 года, по снабженію земскихъ начальныхъ народныхъ школъ книгами, весьма стѣснительнымъ для хода народнаго образованія въ московской губерніи, предлагалъ губернскому собранію въ 1880 году просить г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія измѣнить циркуляръ въ томъ смыслѣ, чтобы было дозволено гг. попечителямъ училищъ и уѣзднымъ управамъ снабжать школы книгами хотя и по списку, утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія, но не представляя ихъ на предварительное разсмотрѣніе инспекціи. Собраніе согласилось съ предложеніемъ А. А. Оленина и постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ означеннаго циркуляра. Благодаря ли ходатайству земства, или по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ, но только стѣснительныя правила, установленныя циркуляромъ отъ 5 декабря 1879 года, были отмѣнены въ 1881 году, и земскимъ учрежденіямъ было предоставлено право непосредственно отъ себя отсылать книги въ школы, содержимыя на счетъ или при участіи земства. Указанныя стѣснительныя условія не могутъ, конечно, остановить развитія народно-библіотечнаго дѣла, но, тѣмъ не менѣе, они въ состояніи до нѣкоторой степени ослабить то благотворное вліяніе, которое при другихъ условіяхъ могла бы имѣть библіотека на деревенскаго читателя.

IV.

Въ какомъ же положеніи находится въ настоящее время народно-библіотечное дѣло въ Россіи и удовлетворяетъ ли оно тѣмъ

требованіямъ, которыя предъявляются къ нему со стороны деревенскаго населенія?

Къ сожалѣнію, вполнѣ удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ въ настоящее время невозможно, такъ какъ данныя о состояніи народно-библіотечнаго дѣла имѣются только по нѣкоторымъ земскимъ губерніямъ и уѣздамъ, и притомъ данныя невполнѣ точныя и подробныя. Дѣлать какіе-либо выводы, на основаніи ихъ, для цѣлой Россіи очень рискованно. Во всякомъ случаѣ, и эти неточныя данныя, по новости самого библіотечнаго дѣла, представляютъ собой нѣкоторый интересъ, а потому, намъ кажется, не лишнимъ будетъ познакомиться съ ними хотя въ самыхъ общихъ чертахъ. Мы остановимся на данныхъ о библіотечномъ дѣлѣ въ губерніяхъ: московской и новгородской, и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ самарской, псковской, вятской и таврической губерній.

Народно-библіотечное дѣло въ московской губерніи. Данныя о библіотекахъ въ московской губерніи относятся къ 1882—3 учебному году. Статистическое отдѣленіе губернской земской управы, собиравшее свѣдѣнія по народному образованію въ московской губерніи, поставило, между прочимъ, слѣдующіе, относящіеся къ школьной библіотекѣ, вопросы: имѣется ли при школѣ библіотека для чтенія учениковъ внѣ класса? на чьи средства учреждена? сколько сочиненій и экземпляровъ? пополняется ли и какъ часто? пользуется ли библіотекою прочее грамотное населеніе данной мѣстности и какъ относится къ чтенію книгъ? какія книги ему особенно нравятся? Отвѣты на эти вопросы частію даны законоучителями и учителями школъ, частію же получены путемъ спроса мѣстныхъ жителей. «Нельзя сказать,—замѣчаетъ статистическое отдѣленіе,—чтобы полученныя данныя по всѣмъ означеннымъ вопросамъ отличались надлежащею полнотою и обстоятельностью: многіе отвѣты слишкомъ кратки или неопредѣленны, а по нѣкоторымъ школьнымъ районамъ совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній, относящихся до вопросовъ о чтеніи населенія; тѣмъ не менѣе, въ общемъ по цѣлой губерніи, можно сдѣлать на основаніи имѣющихся данныхъ нѣкоторыя небезъинтересныя обобщенія».

Собранныя такимъ образомъ данныя показали, что въ 1882—3 учебномъ году въ московской губерніи изъ 554 сельскихъ школъ только въ 187 имѣлись библіотеки, причемъ болѣе или менѣе порядочныя библіотеки [1]) были въ 60 школахъ. 20 библіотекъ имѣло болѣе 200 книгъ. По уѣздамъ, число школьныхъ библіотекъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Вообще подъ библіотекою статистическое отдѣленіе разумѣетъ такое собраніе книгъ для чтенія (помимо учебниковъ), въ которомъ имѣется не менѣе 30 экземпляровъ; подъ порядочною библіотекою разумѣется такая библіотека, въ которой имѣется 100 и болѣе книгъ для чтенія.

УѢЗДЫ.	Число сельскихъ школъ. Всего.	Въ томъ числѣ школы съ библіотеками.	% отношеніе числа школъ съ библіотеками къ общему числу школъ.
Московскій . . .	84	66	78
Дмитровскій. . .	41	19	46
Серпуховскій . .	57	16	28
Бронницкій . . .	41	12	29
Волоколамскій. .	26	12	46
Подольскій . . .	28	11	39
Звенигородскій .	46	10	21
Клинскій	41	9	22
Богородскій. . .	51	9	17
Верейскій. . . .	40	7	17
Можайскій . . .	22	6	27
Коломенскій. . .	43	5	11
Рузскій	34	5	15
По губерніи. . .	554	187	33

Изъ приведенной таблицы видно, что школьныя библіотеки очень неравномѣрно распредѣлены между 13 уѣздами московской губерніи. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ напр., въ московскомъ, изъ общаго числа школъ 78 проц. имѣютъ библіотеки; въ другихъ же, какъ напр., въ верейскомъ, процентъ этотъ падаетъ до 11. Такое сильное колебаніе числа школьныхъ библіотекъ по уѣздамъ, безъ сомнѣнія, указываетъ на то, что не всѣ уѣзды московской губерніи сознаютъ въ одинаковой степени пользу народной библіотеки. Составъ книгъ, имѣющихся въ школьныхъ библіотекахъ, нельзя назвать удовлетворительнымъ. Всѣ земскія библіотеки составляются изъ дешевыхъ изданій, предназначенныхъ преимущественно для дѣтскаго чтенія. Полныхъ изданій произведеній нашихъ классическихъ писателей почти нигдѣ не встрѣчается. Это происходитъ отъ того, что на библіотеки расходуется вообще очень ничтожная сумма. Такъ, цѣнность большинства школьныхъ библіотекъ простирается отъ 5 до 50 рублей; дороже стоютъ не больше 30 библіотекъ. Къ тому же, эти сравнительно небольшія суммы расходуются уѣздными управами крайне неумѣло. Достаточно указать на то, что для пріобрѣтенія книгъ не имѣется никакого нормальнаго каталога. Не удивительно послѣ этого, что составъ библіотекъ въ разныхъ уѣздахъ различенъ, и притомъ находится въ зависимости отъ случайныхъ причинъ.

Пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ библіотека при Раменской школѣ гг. Малютиныхъ, въ бронницкомъ уѣздѣ. Въ этой библіотекѣ, кромѣ учебныхъ книгъ, имѣется 1,098 названій въ 2,554 экземплярахъ, стоимостью въ 2,145 р. 36 к. [1]). Постоянно пользуются книгами 1,750 человѣкъ; книги мѣняются еженедѣльно. По содержанію, книги, имѣющіяся въ библіотекѣ, раздѣляются на пять отдѣловъ—религіозно-нравственный, историческій, географическій, математическій и беллетристическій; кромѣ

[1]) Сюда вошла и фабричная библіотека.

того, существуетъ еще дѣленіе книгъ на нѣсколько отдѣловъ по своей доступности, такъ что всякая книга, взятая изъ библіотеки, не только прочитывается, но и вполнѣ понимается. Такимъ образомъ, администрація раменской библіотеки поняла свое истинное назначеніе: она не просто даетъ книги для чтенія, а руководитъ чтеніемъ своихъ кліентовъ. Это очень важное условіе въ дѣлѣ развитія толковаго народнаго чтенія.

Книги изъ школьныхъ библіотекъ берутся и читаются населеніемъ охотно. Почти всѣ учителя и учительницы школъ, при которыхъ существуютъ библіотеки, единогласно заявляютъ объ этомъ. Вотъ, между прочимъ, нѣсколько отвѣтовъ преподавателей по этому вопросу.

«Библіотека при Воробьевскомъ училищѣ, подольскаго уѣзда, учрежденная на средства попечительницы, г-жи Ершовой, состоитъ изъ 267 экземпляровъ книгъ разнаго названія. Книгами изъ библіотеки пользуются, кромѣ учениковъ, взрослые крестьяне сосѣднихъ деревень и рабочіе, находящіеся при усадьбѣ. Раздача книгъ производится по средамъ и субботамъ, а затѣмъ—въ праздники. Сами взрослые крестьяне, не обучавшіеся въ школѣ, рѣдко являются за книгами: чувствуютъ себя какъ-то неловко; обыкновенно поручаютъ это кому нибудь изъ учениковъ. Выборъ книгъ предоставляютъ учительницѣ, а иногда намѣчаютъ сами. Любимыми книгами крестьянъ являются книги духовнаго содержанія и историческія повѣсти, какъ напр., «Князь Серебряный».

«Библіотека при Тимановскомъ училищѣ, клинскаго уѣзда, устроена недавно при участіи губернскаго земства. Человѣкъ 10 изъ взрослыхъ крестьянъ читаютъ постоянно. Вообще крестьяне, разъ начавши читать, пріохочиваются къ чтенію и уже постоянно обращаются за книгами».

Учитель Ершовскаго училища, звенигородскаго уѣзда, заявляетъ, что школьная библіотека имѣетъ 30 постоянныхъ читателей изъ взрослыхъ крестьянъ, а учитель Солнышковской школы, серпуховскаго уѣзда, жалуется на то, что въ школьной библіотекѣ ощущается большой недостатокъ въ книгахъ, такъ какъ всѣ имѣющіяся книги прочитаны уже по нѣскольку разъ. Словомъ, въ большинствѣ отвѣтовъ имѣются указанія на то, что библіотека успѣла уже пріобрѣсти довольно значительный контингентъ читателей среди взрослыхъ крестьянъ. Приходится только пожалѣть, что школьныя библіотеки въ московской губ. очень бѣдны, какъ по количеству, такъ и по качеству заключающихся въ нихъ книгъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ о школьныхъ библіотекахъ за послѣдніе годы. Быть можетъ, указанный недостатокъ теперь уже и не имѣетъ мѣста, что̀, конечно, было бы въ высшей степени желательно.

Какія книги преимущественно берутся изъ школьныхъ библіотекъ? Изъ полученныхъ отвѣтовъ преподавателей видно, что большимъ вниманіемъ сельскаго населенія пользуются книги религіознаго и историческаго содержанія, а также нѣкоторыя повѣсти и разсказы нашихъ писателей. Изъ книгъ религіознаго содержанія съ наибольшимъ интересомъ читаются житія святыхъ и описанія

монастырей; изъ книгъ историческаго содержанія отмѣчены, какъ наиболѣе читающіяся: разсказы Петрушевскаго про старое время на Руси, разсказы о Петрѣ Великомъ, о Владимірѣ Святомъ, о Суворовѣ и др. Изъ поэтическихъ произведеній нашихъ классическихъ писателей указываются: повѣсти и разсказы Григоровича, «Тарасъ Бульба» и «Вечера на хуторѣ» Гоголя, «Капитанская дочка» и сказки Пушкина, «Князь Серебряный» А. Толстаго, всѣ разсказы Л. Толстаго, стихотворенія Кольцова и Некрасова. Спросъ на книги естественнаго и географическаго содержанія сравнительно весьма малый. Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что выборъ книгъ по этому отдѣлу въ школьныхъ библіотекахъ вообще очень бѣденъ, сравнительно съ другими отдѣлами. Многимъ сельскимъ читателямъ нравится «Земская служба» Блинова. На основаніи приведенныхъ отвѣтовъ по вопросу о томъ, какія книги берутся изъ школьныхъ библіотекъ, мы можемъ только отчасти судить о литературныхъ вкусахъ деревенскаго читателя, ибо кругъ книгъ, предлагаемый школьными библіотеками, очень ограниченъ, а слѣдовательно и предѣлы проявленія литературныхъ симпатій и антипатій читателя школьныхъ библіотекъ ограничены только даннымъ, сравнительно очень бѣднымъ, матеріаломъ для чтенія.

Относительно того, кто именно читаетъ тѣ или другія книги, въ отвѣтахъ учителей и учительницъ имѣются нѣкоторыя любопытныя указанія. Оказывается, что каждый отдѣлъ книгъ имѣетъ свой особый кругъ читателей. Такъ, старые люди, старообрядцы, крестьяне, преимущественно занимающіеся земледѣліемъ и живущіе въ глухихъ мѣстностяхъ, грамотѣи, учившіеся въ старыхъ школахъ, всѣ любятъ читать преимущественно книги «божественныя»; молодое поколѣніе, учившееся въ новыхъ школахъ, отдаетъ предпочтеніе историческимъ повѣстямъ и разсказамъ; солдаты особенно любятъ читать разсказы о событіяхъ прошлой войны; дѣти предпочитаютъ сказки.

Изъ всего вышесказаннаго о библіотечномъ дѣлѣ въ московской губерніи приходится сдѣлать тотъ выводъ, что сельскія библіотеки московской губерніи далеко не удовлетворяютъ той потребности, которая ощущается въ нихъ среди мѣстнаго крестьянскаго населенія. Это происходитъ, во 1-хъ, отъ недостаточнаго количества библіотекъ по отношенію къ спросу на нихъ, а, во 2-хъ, отъ бѣдности заключающагося въ нихъ матеріала для чтенія. И то, и другое обстоятельство въ свою очередь обусловливается тѣмъ, что уѣздныя земства московской губерніи, въ непосредственномъ вѣдѣніи которыхъ находится библіотечное дѣло, еще не въ достаточной степени прониклись сознаніемъ громадной пользы народныхъ библіотекъ, вслѣдствіе чего затраты на народно-библіотечное дѣло ограничиваются крайне небольшими суммами (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, всего 5 руб. на библіотеку). Впрочемъ, этимъ недостаткомъ, какъ мы увидимъ ниже, страдаютъ и другія земства.

Народно-библіотечное дѣло въ новгородской губерніи. Свѣдѣнія о школьныхъ библіотекахъ въ новгородской губерніи, собранныя при посредствѣ учителей и законоучителей народныхъ школъ,

относятся къ 1884—85 учебному году. По этимъ свѣдѣніямъ, число школьныхъ библіотекъ въ новгородской губерніи равно 329, причемъ 63 изъ нихъ — очень неполныя библіотеки. По уѣздамъ, означенное число библіотекъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

УѢЗДЫ.	Число школъ. Всего.	Число школъ съ библіотеками.	% отношенія числа школъ съ библіотеками къ общему числу школъ.
Новгородскій . .	68	51	75
Старорусскій . .	34	8	23
Крестецкій. . . .	33	32	97
Демянскій	26	21	80
Валдайскій . . .	36	25	69
Боровичскій . . .	39	26	66
Тихвинскій . . .	32	22	68
Устюженскій . .	34	28	82
Череповецкій . .	75	40	53
Кирилловскій . .	46	35	76
Бѣлозерскій. . .	40	32	80
По губерніи .	463	329	71.

Наибольшее число библіотекъ по отношенію къ общему числу школъ, какъ видно изъ таблицы, падаетъ на уѣзды: крестецкій, демянскій и бѣлозерскій, а наименьшее—на старорусскій уѣздъ. Вообще, въ отношеніи количества школьныхъ библіотекъ, новгородская губернія стоитъ выше московской. Въ послѣдней число школъ съ библіотеками составляетъ всего 33 проц., тогда какъ въ первой онѣ составляютъ 71 проц. по отношенію къ общему числу школъ. При этомъ, школьныя библіотеки новгородской губ. и по количеству заключающихся въ нихъ книгъ преимуществуютъ предъ московскими. Такъ, въ 226 библіотекахъ, о которыхъ имѣются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія, имѣется 47,792 книги, т. е. на одну библіотеку въ среднемъ приходится по 211 книгъ. Но есть уѣзды, гдѣ на каждую библіотеку приходится и по 520 книгъ. Слѣдующая таблица укажетъ намъ на сравнительное богатство школьныхъ библіотекъ въ каждомъ уѣздѣ новгородской губерніи.

УѢЗДЫ.	Число школьныхъ библіотекъ.	Число въ нихъ книгъ.	Число книгъ на одну библіотеку.
Новгородскій . .	26	5,815	224
Старорусскій . .	6	3,120	520
Крестецкій . . .	23	4,585	199
Демянскій . . .	16	3,074	192
Валдайскій . . .	17	4,959	291
Боровичскій. . .	16	3,020	189
Тихвинскій . . .	21	5,065	241
Устюженскій. . .	19	3,193	168
Череповецкій . .	21	3,418	163
Кирилловскій . .	35	5,417	155
Бѣлозерскій . .	26	6,126	235
По губерніи .	226	47,792	211

Оказывается, что школьныя библіотеки старорусскаго уѣзда, по количеству заключающихся въ нихъ книгъ для чтенія, занимаютъ первое мѣсто среди библіотекъ другихъ 10 уѣздовъ. Но въ виду того, что во всемъ старорусскомъ уѣздѣ имѣется всего шесть полныхъ библіотекъ, сравнительное богатство этихъ послѣднихъ, намъ думается, не можетъ восполнить того пробѣла въ школьно-библіотечномъ дѣлѣ, который является, благодаря крайне недостаточному количеству школьныхъ библіотекъ. Въ самомъ дѣлѣ, шесть школъ пользуются сравнительно богатыми библіотеками, остальныя же 28 школъ не имѣютъ ровно никакого матеріала для чтенія. Такое положеніе вещей, безъ сомнѣнія, въ высшей степени не нормально. По возможности уравнять всѣ школы, въ смыслѣ предоставленія имъ матеріала для чтенія,—должно составлять въ настоящее время главную заботу старорусскаго земства.

Деревенское населеніе новгородской губерніи также очень охотно пользуется книгами изъ школьныхъ библіотекъ. По этому вопросу, отъ народныхъ учителей поступило 438 сообщеній. Оказывается, что въ 229 случаяхъ все населеніе охотно беретъ книги изъ библіотекъ, затѣмъ въ 116 случаяхъ берутъ книги для чтенія только окончившіе курсъ въ школахъ и только по отзывамъ 93 учителей населеніе относится къ чтенію книгъ равнодушно. Свѣдѣнія, полученныя отъ народныхъ учителей по вопросу о томъ, кто и какъ пользуется библіотекой, группируются по уѣздамъ слѣдующимъ образомъ:

УѢЗДЫ.	Въ скольких школахъ, кто и какъ пользуется библіотекой. Польз. только окончив. курсъ.	Польз. оконч. курсъ и насел.	Охотно читаютъ.	Равнод. относ. къ чтен. (мало или вовсе не чит.
Новгородскій.	33	19	19	31
Старорусскій.	7	6	—	3
Крестецкій. .	7	20	—	2
Демянскій . .	4	5	6	9
Валдайскій. .	7	13	—	3
Боровичскій .	14	11	7	7
Тихвинскій. .	2	12	4	4
Устюженскій .	6	21	9	10
Череповецкій.	10	22	—	17
Кирилловскій.	13	28	—	4
Бѣлозерскій .	3	27	—	3
По губерніи .	116	184	45	93

Самое большое число читателей приходится на отдѣлы религіозно-нравственный и историческій. Остальные отдѣлы пользуются меньшимъ вниманіемъ. Впрочемъ, по вопросу объ отношеніи народа къ выбору той или другой книги, трудно сдѣлать какіе либо опредѣленные выводы на основаніи сообщенія учителей, такъ какъ въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣетъ какъ составъ библіотекъ, такъ и порядокъ пользованія книгами, препятствующій или поощряющій народъ къ чтенію. А этихъ-то именно свѣдѣній и нѣтъ въ сообщеніяхъ учителей. Вообще, благодаря неполнотѣ свѣдѣній, собранныхъ при посредствѣ народныхъ учите-

лей, а также и тому обстоятельству, что въ этихъ свѣдѣніяхъ нѣтъ цифровыхъ данныхъ, многіе очень интересные вопросы въ области народно-библіотечнаго дѣла новгородской губ. остаются открытыми. Впрочемъ, то же самое нужно сказать и по отношенію къ московской губерніи, хотя по нѣкоторымъ вопросамъ въ ней имѣются болѣе полныя свѣдѣнія, чѣмъ въ новгородской губерніи.

Народно-библіотечное дѣло въ бердянскомъ уѣздѣ. Цѣль учрежденія сельскихъ библіотекъ въ бердянскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ постановленія земскаго собранія, заключается въ слѣдующемъ: библіотека не только должна поддержать нить знаній ученика-крестьянина, почерпнутыхъ имъ въ періодъ посѣщенія училища, но и пополнять тотъ умственный пробѣлъ, какой оставила ему школа, при ограниченномъ періодѣ учебнаго времени. Въ виду такого опредѣленія цѣли сельской библіотеки, и подборъ книгъ для нея долженъ быть простъ, незатѣйливъ и доступенъ пониманію читателей. Комисія, работавшая по вопросу объ устройствѣ библіотекъ при народныхъ училищахъ, высказываетъ слѣдующія соображенія относительно книгъ, потребныхъ для народныхъ библіотекъ: «присматриваясь къ крестьянину въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ своей народной дѣятельности [1]), комисія замѣтила, что, при чтеніи книгъ, крестьянина всего больше интересуютъ не только книги религіозно-нравственнаго характера, но и географическіе разсказы, описаніе путешествій по разнымъ странамъ, приключенія, охота» и т. п. Поэтому комисія полагаетъ, что подборъ «книгъ, въ основѣ которыхъ лежала бы занимательность, но которыя не были бы лишены географическихъ, этнографическихъ, физическихъ, историческихъ и т. п. свѣдѣній, такъ сильно интересующихъ наше крестьянство и знакомящихъ его съ природой, людьми, ихъ дѣйствіями во всѣхъ частяхъ свѣта, — былъ бы какъ нельзя болѣе правиленъ и удобенъ». Однако, для того чтобы подобныя книги не являлись преобладающимъ элементомъ въ ущербъ другимъ отдѣламъ, комисія признала цѣлесообразнымъ рекомендовать: во 1-хъ, книги, относящіяся до сельскаго хозяйства, садоводства, пчеловодства, естествовѣдѣнія, овцеводства и т. п., а, во 2-хъ, произведенія нашихъ классиковъ: Пушкина, Гоголя, Некрасова, Тургенева и др. Соотвѣтственно съ указаннымъ заключеніемъ комисіи и былъ составленъ каталогъ книгъ для народныхъ библіотекъ. Каталогъ состоитъ изъ 180 названій (до 200 томовъ). По отдѣламъ книги распредѣляются слѣдующимъ образомъ: по отдѣлу религіозно-нравственныхъ книгъ— 33 названія, по литературному отдѣлу — 89 названій, историко-географическому—23, естественно-историческому—21 и по сельско-хозяйственному и юридическому отдѣлу—14.

Чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о подборѣ книгъ въ сельскихъ библіотекахъ бердянскаго уѣзда, приведемъ нѣсколько названій по каждому отдѣлу. На первомъ мѣстѣ въ религіозно-нравственномъ отдѣлѣ стоитъ библія на русскомъ языкѣ, синодальнаго изданія. Затѣмъ слѣдуютъ другія болѣе или

[1]) Большинство членовъ комисіи состояло изъ народныхъ учителей.

менѣе цѣнныя изданія, изъ которыхъ назовемъ слѣдующія: «Полное собраніе поученій», протоіерея Путятина, «Училище благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранныя изъ житія святыхъ», «Разсказы изъ исторіи христіанской церкви», изд. Бахметевой, «Разсказы изъ исторіи русской церкви» Толстаго, «Вечернія бесѣды съ крестьянами» Беллюстина, «Катакомбы» Евг. Туръ и др. Изъ мелкихъ брошюръ укажемъ на «Разсказы для дѣтей о земной жизни Спасителя» Бахметевой, «Жизнь Божіей Матери и праздники въ честь ея» Соколова, «Жизнь св. апостола Петра и Павла» и «Житіе преподобныхъ Кирилла и Меѳодія» В. Михайловскаго, «Духовныя стихотворенія разныхъ сочинителей: Ломоносова, Державина, Капниста, Ѳ. Глинки» и другія. Кромѣ того, имѣется нѣсколько брошюръ, знакомящихъ читателя съ повседневными церковными службами и нѣкоторыми таинствами.

Литературный отдѣлъ составленъ значительно полнѣе. Онъ, какъ мы видѣли, состоитъ изъ 89 названій. Изъ произведеній нашихъ классическихъ писателей имѣются, между прочимъ, слѣдующія: «Записки Охотника», «Бирюкъ», «Постоялый дворъ» и «Пѣвцы» Тургенева, «Капитанская дочка», «Скупой Рыцарь», «Полтава» и сказки Пушкина, Разсказы для крестьянскихъ ребятъ» графа Толстаго, «Ночь предъ Рождествомъ Христовымъ», «Майская ночь, или утопленница», «Сорочинская ярмарка», «Тарасъ Бульба» Гоголя, «Честный воръ» Достоевскаго, «Рыбаки», «Антонъ Горемыка», «Пахарь», «Бобыль» и «Деревня» Григоровича, стихотворенія Некрасова и Кольцова, «Басни» Крылова, «Кобзарь» Шевченко и др. Кромѣ того, въ литературномъ отдѣлѣ имѣется «Русская библіотека» съ біографіями и избранными сочиненіями Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Жуковскаго и Тургенева. Изъ другихъ произведеній слѣдуетъ отмѣтить: «Князь Серебряный» Толстаго, «Недоросль» Фонъ-Визина, «Крылья мужества» Жоржъ-Зандъ, «Маруся» Марко Вовчка и другія.

Въ историко-географическомъ отдѣлѣ заключается всего 23 названія. Среди нихъ есть нѣсколько такихъ книгъ, которыя для народной библіотеки составляютъ очень цѣнное пріобрѣтеніе. Укажемъ, между прочимъ, на слѣдующія книги: «Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній» Груббе, «Родная Старина» Сиповскаго, «Отечествовѣдѣніе» Семенова, «Рукописи о севастопольской оборонѣ» и «Учебникъ географіи» Корнелля. Естественно-историческій, сельско-хозяйственный и юридическій отдѣлы составлены такимъ образомъ, что въ нихъ сельскій читатель можетъ найти отвѣты почти на всѣ запросы повседневной жизни. Здѣсь встрѣчаются слѣдующія книги и брошюры, отвѣчающія запросамъ деревенскаго обывателя: «Сельско-хозяйственная зоологія» и «Вредныя насѣкомыя» Иверсена, «Хлѣбный жукъ», «Отвѣты на вопросы, какъ и изъ чего что дѣлается» Рейнбота, «Жизнь растенія» Тихомірова, «Какъ нужно обращаться съ животными» Богданова, «О птицахъ и садахъ, вредныхъ для земледѣльца и лѣсовода» Аникѣева, «Наши добрые слуги четвероногіе» А. Погосскаго, «Бесѣды о русскомъ лѣсѣ» Кайгородова, «Какъ узнать почву и ка-

кія бываютъ почвы» Н. Горбунова, «Азбука домоводства и домашней гигіены», переводъ подъ редакціей барона Корфа съ его дополненіями, «Наша пища», «Наши жилища» и «Одежда и чистоплотность» Ильинскаго. Кромѣ того, въ отдѣлѣ естественно-историческихъ книгъ имѣются: «Первое понятіе о зоологіи» Поля Бера, «Элементарная анатомія, физіологія и гигіена» Герасимова, «Физика по Крюгеру» и «Первыя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ» Санина, а въ юридическомъ — «Сельская общественная служба» и «Земская служба» Блинова, «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» и «Судебные уставы». Каждая сельская библіотека въ бердянскомъ уѣздѣ стоитъ 95 р. 37 к., слѣдовательно, средняя цѣна каждой книги равна приблизительно 50 коп. По разнымъ отдѣламъ книгъ эта средняя цѣна значительно колеблется. Такъ, по отдѣлу религіозно-нравственному средняя цѣна книги равна 52 к., по литературному отдѣлу—40 к., историко-географическому—66 к., естественно-историческому—54, сельско-хозяйственному и юридическому—56 к. Такимъ образомъ, дороже всего стоютъ книги историко-географическаго содержанія, а дешевле—книги беллетристическія.

Сельскія библіотеки бердянскаго уѣзда начали функціонировать съ 1 мая 1884 года. Съ этого момента имѣются и свѣдѣнія о ихъ дѣятельности. Свѣдѣнія эти, по 4 параграфу библіотечныхъ правилъ [1]), должны представляться учителями въ управу

---

[1]) Общія правила сельскихъ библіотекъ въ бердянскомъ уѣздѣ состоятъ изъ слѣдующихъ 7 параграфовъ: 1) книги выдавать для чтенія безплатно какъ учащимся, такъ и прежде учившимся, а равно и другимъ лицамъ, живущимъ въ томъ селѣ, гдѣ находится библіотека. Давать книги для чтенія лицамъ, живущимъ въ другомъ селѣ, не разрѣшается. 2) Выдаваемыя для чтенія книги неупустительно записывать въ журнальную книгу, выставляя тотчасъ же въ журналѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія требуются графами журнала; въ этомъ же журналѣ отмѣчать и время возвращенія книги. Время, въ теченіе котораго взявшій книгу можетъ ею пользоваться, предоставляется устанавливать учителю, соображаясь съ мѣстными условіями. 3) При выдачѣ книгъ для чтенія, разъяснять каждому читателю какъ о необходимости своевременнаго возвращенія, такъ и о сохраненіи книгъ въ цѣлости, чистотѣ и опрятности, предупреждая притомъ, что при утратѣ или порчѣ книги виновный долженъ будетъ уплатить двойную стоимость книги. 4) Въ отчетной книгѣ библіотеки неупустительно записывать всѣ тѣ свѣдѣнія о пользующихся библіотечными книгами, какія требуются графами отчетной книги. 5) Раздачи книгъ, веденіе библіотечныхъ журналовъ и сохраненіе ихъ въ цѣлости возлагается на мѣстнаго учителя; тамъ же, гдѣ два учителя, обязанность эта возлагается на перваго учителя. 6) Всѣ книги, какія засимъ будутъ высылаться для библіотеки, немедленно по полученіи ихъ записывать въ общій списокъ книгъ библіотеки въ соотвѣтствующіе отдѣлы; бумаги же, при которыхъ будутъ препровождаться книги, и вообще всю переписку, относящуюся къ библіотекѣ, сохранять въ особомъ дѣлѣ сшитыми вмѣстѣ. 7) Учитель, завѣдующій библіотекой, доставляетъ управѣ ежегодно къ 1 іюня отчетную вѣдомость о библіотекѣ по установленной для этого формѣ.

къ 1 іюня по установленной формѣ. Благодаря такому порядку отчетности, въ управѣ накопился богатый матеріалъ по вопросу о дѣятельности сельскихъ библіотекъ. Въ этомъ матеріалѣ имѣются свѣдѣнія о возрастѣ читателей, о томъ, сколько читателей было изъ числа учащихся, окончившихъ школу и совсѣмъ не учившихся въ школѣ, и сколько прочитано ими книгъ по каждому изъ пяти отдѣловъ библіотеки.

Мы имѣемъ отчеты о дѣятельности сельскихъ библіотекъ бердянскаго уѣзда за два первыхъ, т. е. за 1884—5 и 1885—6 гг. Оказывается, что въ отчетныхъ годахъ библіотеки существовали при 87 школахъ; слѣдовательно, только 16 школъ (всѣхъ школъ въ бердянскомъ уѣздѣ 103) оставались безъ библіотекъ. Число читателей, пользовавшихся въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ книгами изъ школьныхъ библіотекъ, равно 8,210; такимъ образомъ, на одну библіотеку за два года приходится 94 читателя, а за одинъ годъ—47. По составу, читатели сельскихъ библіотекъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Число читателей:

Года.	Прежде учившихся въ начальныхъ школахъ.	Продолжающихъ учиться.	Вовсе не учившихся.	Всего.
$188^{4}/_{5}$	2,476	1,882	379	4,737
$188^{5}/_{6}$	1,283	1,991	199	3,473

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что самое большое число читателей падаетъ на бывшихъ и настоящихъ учениковъ начальной школы, и самое меньшее—на лицъ вовсе не учившихся въ школѣ. При этомъ, замѣтно значительное уменьшеніе (больше чѣмъ на тысячу) числа читателей во второмъ году сравнительно съ первымъ. Къ сожалѣнію, управа по этому поводу не даетъ никакихъ объясненій, а потому очень рискованно дѣлать какіе либо выводы относительно того, что повліяло на уменьшеніе читателей — неудовлетворительное ли состояніе библіотекъ, или какія либо другія причины, не имѣющія ничего общаго съ библіотечными распорядками.

За два отчетныхъ года, изъ 87 библіотекъ взято для чтенія 62,688 книгъ, причемъ книги историко-географическаго отдѣла пользовались наибольшимъ вниманіемъ читателей. О вкусахъ читателей сельскихъ библіотекъ въ бердянскомъ уѣздѣ можно заключить изъ слѣдующей таблицы:

Сколько прочтено книгъ по отдѣламъ:

Года.	Религіозно-нравственному.	Историко-географич.	Естественно-историческому.	Литературному.	Юридическому.	Всего.
$188^{4}/_{5}$	7,906	20,511	4,434	1,891	439	35,181
$188^{5}/_{6}$	6,571	14,807	3,979	1,600	550	27,507

Итакъ, больше всего прочтено книгъ по историко-географическому отдѣлу; затѣмъ слѣдуютъ отдѣлы: религіозно-нравствен-

ный, естественно-историческій, литературный и юридическій. Интересно, между прочимъ, отмѣтить слѣдующее явленіе. Въ московской и новгородской губерніяхъ, какъ мы видѣли, наибольшимъ вниманіемъ сельскихъ читателей пользуются книги «духовныя»; книги же другихъ отдѣловъ стоятъ на второмъ планѣ. Бердянскій уѣздъ, въ этомъ отношеніи, находится въ нѣсколько иныхъ условіяхъ. Сельскіе читатели школьныхъ библіотекъ бердянскаго уѣзда, напротивъ, предпочитаютъ книги историко-географическаго содержанія книгамъ религіозно-нравственнымъ. Но этого мало. Оказывается, что и естественно-историческій отдѣлъ имѣлъ въ два раза больше читателей, чѣмъ отдѣлъ литературный. Все это очень опредѣленно указываетъ на различіе литературныхъ вкусовъ, съ одной стороны, сельскаго грамотнаго населенія бердянскаго уѣзда, съ другой—населенія московской и новгородской губерній.

Соотвѣтственно съ уменьшеніемъ числа читателей, во второмъ году уменьшилось и число потребованныхъ книгъ. Уменьшеніе это произошло на счетъ первыхъ четырехъ отдѣловъ, по послѣднему же отдѣлу, т. е. по юридическому, не смотря на сокращеніе числа читателей; во второмъ году было потребовано на 111 книгъ больше, чѣмъ въ предъидущемъ году. Очевидно, населеніе начинаетъ сознавать пользу чтенія книгъ юридическаго содержанія. Интенсивность чтенія во второмъ году немного повысилась. Такъ, въ первомъ отчетномъ году, на каждаго читателя приходилось по 7,4 прочитанныхъ книгъ, а во второмъ по 4,9. Впрочемъ, эта средняя цифра въ отдѣльныхъ случаяхъ сильно колеблется. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, на каждаго читателя приходится по 25 и даже по 31 книгѣ (сел. Андреевское и Елисаветовское), а въ другихъ—по 3 и даже по 1 книгѣ (сел. Дунаевское и Петровское).

Изъ всего вышесказаннаго о сельскихъ библіотекахъ бердянскаго уѣзда можно сдѣлать тотъ выводъ, что вообще библіотечное дѣло въ уѣздѣ находится, сравнительно, въ очень хорошихъ условіяхъ. Прежде всего, библіотеки, какъ мы видѣли, существуютъ почти при всѣхъ начальныхъ школахъ, слѣдовательно, почти все сельское населеніе уѣзда имѣетъ возможность пользоваться безплатнымъ чтеніемъ; кромѣ того, и составъ книгъ сельскихъ библіотекъ подобранъ соотвѣтственно потребностямъ мѣстнаго населенія, что также имѣетъ существенное значеніе въ развитіи библіотечнаго дѣла. Вообще, можно сказать, что бердянское земство обратило серьезное вниманіе на тѣ именно стороны народно-библіотечнаго дѣла, противъ которыхъ погрѣшаютъ уѣздныя земства московской и новгородской губерній. Изъ другихъ уѣздовъ таврической губерніи укажемъ на мелитопольскій уѣздъ, какъ на крайнюю противоположность въ отношеніи школьно-библіотечнаго дѣла съ бердянскимъ уѣздомъ. «Школьныя библіотеки въ мелитопольскомъ уѣздѣ—однѣ изъ самыхъ бѣдныхъ, за исключеніемъ развѣ школъ перекопскаго уѣзда»—такъ характеризуютъ положеніе народно-библіотечнаго дѣла въ уѣздѣ его изслѣдователи. Дѣйствительно, для народно-библіотечнаго дѣла мелитопольскимъ земствомъ сдѣлано очень немного. Положимъ, библіотеки существуютъ почти при всѣхъ школахъ въ русскихъ селеніяхъ, зато

всѣ онѣ отличаются крайнею бѣдностью. При нѣмецкихъ же школахъ ихъ вовсе не существуетъ. Впрочемъ, эти свѣдѣнія относятся къ 1883 году. Есть основаніе думать, что въ настоящее время положеніе сельскихъ библіотекъ въ мелитопольскомъ уѣздѣ значительно улучшилось, такъ какъ въ 1883 году уѣздною земскою управою и губернскимъ училищнымъ совѣтомъ издержано 2,139 рублей на пополненіе школьныхъ библіотекъ.

Народно-библіотечное дѣло въ псковскомъ уѣздѣ. Народныя библіотеки въ псковскомъ уѣздѣ поставлены на болѣе или менѣе прочную почву сравнительно, конечно, съ другими уѣздами. Псковское уѣздное земство, устроивши при школахъ библіотеки, ежегодно ассигнуетъ извѣстную сумму на пополненіе этихъ библіотекъ. Вслѣдствіе этого, школьныя библіотеки отличаются сравнительно богатымъ количественнымъ составомъ книгъ. Такъ, къ началу 1886 года, въ 42 школьныхъ библіотекахъ состояло 6,936 книгъ; изъ нихъ въ теченіе года исключено 256, а вновь пріобрѣтено 986. Такимъ образомъ, къ концу учебнаго года общее число книгъ возрасло до 7,665; стало быть, среднимъ числомъ на каждую библіотеку приходится около 182 книгъ, а на каждаго ученика по 4 книги.

Въ теченіе 1886 года, изъ всѣхъ библіотекъ выдано было для чтенія 12,283 книги.

Изъ общаго числа книгъ было взято:

Учащимися	7,962.
Прежде учившимися . . .	3,081.
Посторонними	1,013.

Такимъ образомъ, и здѣсь наибольшее число читателей падаетъ на учениковъ земской школы. Однако, и посторонніе, т. е. не учившіеся въ земской школѣ, составляютъ довольно значительный процентъ въ числѣ читателей школьной библіотеки.

По содержанію своему, книги, выданныя въ теченіе года изъ школьныхъ библіотекъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Повѣсти и разсказы	4,129	книгъ.
Духовно-нравственныя	1,643	»
Историческія	1,117	»
Разныя книги и періодическія изданія .	1,006	»

Изъ всѣхъ книгъ, взятыхъ въ теченіе года, только 22 не возвращены и двѣ возвращены попорченными.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о состояніи народно-библіотечнаго дѣла въ нѣкоторыхъ уѣздахъ вятской и самарской губерній. Свѣдѣнія о сельскихъ библіотекахъ въ этихъ уѣздахъ очень неполныя; они касаются только количества и цѣнности книгъ, заключающихся въ библіотекахъ, причемъ въ одномъ случаѣ свѣдѣнія относятся къ 1886 году, въ другомъ—къ 1883 году. Во всякомъ случаѣ, не лишнимъ будетъ познакомиться и съ этими цифрами. О библіотекахъ уржумскаго и котельническаго уѣздовъ вятской губерніи, въ докладахъ уѣздныхъ управъ имѣются слѣдующія данныя. Во всѣхъ школьныхъ библіотекахъ уржумскаго уѣзда, въ 1886 году, было 10,761 названіе въ 15,075 томахъ на сумму 5,267 руб. 18 коп. Такъ какъ всѣхъ народныхъ учи-

лищъ въ уѣздѣ состоитъ 64, то, въ среднемъ выводѣ, на каждое училище приходится 168 названій въ 235 томахъ, на сумму 131 рубль. Вообще, въ отношеніи состоянія библіотекъ, школы уржумскаго уѣзда, какъ замѣчаетъ инспекторъ народныхъ училищъ, занимаютъ первое мѣсто въ вятской губерніи. Котельническій уѣздъ, въ этомъ отношеніи, уступаетъ уржумскому уѣзду. Такъ, по свѣдѣніямъ уѣздной управы, въ котельническомъ уѣздѣ, къ 1 января 1883 года во всѣхъ школьныхъ земскихъ библіотекахъ было всего 2,470 названій, въ 4,178 томахъ, на сумму 737 р. 76 к. Считая въ уѣздѣ 37 земскихъ школъ, при которыхъ имѣются библіотеки, будемъ имѣть на одну библіотеку 66 названій въ 112 томахъ на сумму 20 руб. Кромѣ того, библіотеки существуютъ при двухъ городскихъ и трехъ церковно-приходскихъ школахъ. Впрочемъ, при послѣднихъ имѣются очень жалкія библіотеки, состоящія всего изъ 14 названій, такъ что ихъ въ сущности и библіотеками нельзя считать. Народно-библіотечное дѣло въ самарской губерніи поражаетъ своими контрастами. Въ одномъ уѣздѣ библіотеки черезчуръ богаты, состоятъ изъ тысячи томовъ и болѣе, въ другомъ онѣ крайне бѣдны, съ какими нибудь десятками истрепанныхъ книгъ. Мало того, эти контрасты встрѣчаются въ одномъ и томъ же уѣздѣ. Въ подтвержденіе своихъ словъ приведемъ данныя о библіотекахъ ставропольскаго, бугульминскаго и бугурусланскаго уѣздовъ, имѣющіяся въ статистическихъ сборникахъ по самарской губерніи. Въ ставропольскомъ уѣздѣ довольно хорошія библіотеки существуютъ только въ 5 школахъ: Екатерининской, гдѣ библіотека состоитъ изъ 3,500 разныхъ книгъ, Дубово-уметской—изъ 1,060 экземпляровъ, Ново-костичевской—1,000 экземпляровъ, Студенецкой—936 и Елховской—753; въ остальныхъ школахъ, количество книгъ колеблется отъ 150 до 300, но есть и такія школы, въ которыхъ существуетъ не болѣе 24 весьма истрепанныхъ книгъ. Въ бугульминскомъ уѣздѣ библіотеки имѣются во всѣхъ школахъ, но во многихъ онѣ такъ малы, что учителя указываютъ на необходимость ихъ пополненія. Самая большая библіотека находится въ министерскомъ училищѣ: она имѣетъ 400 названій въ 1,200 экземплярахъ. Въ земскихъ школахъ библіотеки значительно меньше. Такъ,

въ Спасской	школѣ	имѣется	550	экземпляр.
» Рыковской	»	»	616	»
» Черемшанской	»	»	116	»
» Письмянской	»	»	220	»
» Добринской	»	»	170	»
» Шепталинской	»	»	122	»
» Борискинской	»	»	130	»
» Кичуевской	»	»	100	»
» Микулинской	»	»	285	»
» Крымъ-Сарайской	»	»	133	»
» Черканской	»	»	288	»

О библіотекахъ остальныхъ школъ свѣдѣній не имѣется.

Въ бугурусланскомъ уѣздѣ библіотечное дѣло находится въ очень печальномъ положеніи. Въ 13 школахъ совсѣмъ нѣтъ биб-

ліотекъ, въ 20 школахъ заявлено о недостаткѣ книгъ и скудномъ пополненіи ихъ. Учительница Григорьевской школы, напр., пишетъ: «библіотека для внѣкласснаго чтенія находится въ такомъ неудовлетворительномъ видѣ, что выдавать книги безполезно: книги всѣ растрепаны и изорваны, такъ что читать ихъ невозможно». Изъ Новоякушкинскаго училища пишутъ: «библіотека мала — не удовлетворяетъ потребностямъ; книги имѣются только для младшаго возраста, для старшаго же есть только три книги: «Рождество Христово», «Кулибинъ» и «Евангеліе».

Свѣдѣнія о количествѣ библіотечныхъ книгъ имѣются только по 11 школамъ. Самыя большія библіотеки, состоящія при Пономаревской и Смольковской школахъ, состоятъ—первая изъ 92, а вторая изъ 80 названій. Въ остальныхъ же библіотекахъ количество книгъ колеблется между 26 и 62 названіями.

Мы привели всѣ имѣвшіяся у насъ подъ руками данныя о состояніи библіотечнаго дѣла въ земскихъ губерніяхъ и уѣздахъ. Повторяемъ, на основаніи этихъ отрывочныхъ данныхъ, кромѣ бѣглыхъ замѣчаній по поводу того или другаго отдѣльнаго факта, никакихъ конечныхъ выводовъ сдѣлать нельзя. А, между тѣмъ, пора бы уже въ интересахъ самаго дѣла подвести итогъ всему, что сдѣлано для народныхъ библіотекъ, и такимъ образомъ опредѣлить слабыя стороны библіотечнаго дѣла. Для этого имѣется полная возможность, такъ какъ матеріала по этому вопросу, не смотря на недавнее существованіе библіотечнаго дѣла, накопилось уже достаточно. Бѣда только въ томъ, что земства почему-то неохотно пользуются этимъ матеріаломъ и такимъ образомъ оставляютъ публику, интересующуюся этимъ вопросомъ, въ полномъ невѣдѣніи. Только очень немногія земства болѣе или менѣе основательно обслѣдываютъ народно-библіотечное дѣло, большинство же ограничивается краткимъ замѣчаніемъ объ ассигновкахъ на сельскія библіотеки или же ничего не говорящимъ перечнемъ школъ, при которыхъ существуютъ библіотеки. Въ виду того интереса, съ которымъ общество относится къ народно-библіотечному дѣлу, нельзя не пожелать, чтобы земства удѣляли побольше вниманія и мѣста въ своихъ докладахъ, отчетахъ и изслѣдованіяхъ матеріалу по этому, въ высшей степени интересному, вопросу.

Заканчивая на этомъ свою статью, мы должны замѣтить, что единственною нашею цѣлью, при составленіи ея, было—собрать и сгруппировать разбросанный сырой матеріалъ по крайне интересному и еще очень молодому вопросу о сельскихъ библіотекахъ и такимъ образомъ заинтересовать имъ лицъ, работающихъ на пользу народную. Народно-библіотечное дѣло еще очень ново; надлежащимъ образомъ организовать это дѣло, дать ему желательное направленіе и расширить его — лежитъ на обязанности каждаго, кто хоть сколько нибудь интересуется русской деревней.

В. Крандіевскій.

ОТРЫВОКЪ.

Куда ни оглянись, вездѣ глухая тьма,
Вездѣ безплодные порывы и усилья...
Рождаемся мы здѣсь съ сознаніемъ безсилья,
На утрѣ нашихъ дней надламываемъ крылья
И думаемъ, что міръ—огромная тюрьма...
Огромная тюрьма за тысячью замковъ,
Угрюмый стражъ тюрьмы—безгласная природа,
Въ цѣпяхъ заключена безсмертная свобода,
А силъ ея приливъ растетъ все годъ отъ года,
Не уменьшаяся подъ бременемъ оковъ.
Подъ бременемъ оковъ—и мысль, и свѣтъ, и трудъ;
Но ждемъ мы, страстно ждемъ поры освобожденья. —
Мы ждемъ, что сокрушатъ гнилаго рабства звенья
Могучіе бойцы инаго поколѣнья,
Которые теперь на смѣну намъ идутъ...
На смѣну намъ идутъ... И день идетъ за днемъ...
За годомъ годъ идетъ крылатой вереницей...
Но міръ—все тотъ же міръ... А мы все также ждемъ,
И жизнь намъ кажется, въ волненіи своемъ,
Печальной повѣсти печальною страницей...

Ап. Коринфскій.

КАВКАЗСКІЯ ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ.

СТАРЫЙ ГУДЪ.

(Горная легенда).

I.

Краса долины.

Горная тропа, извиваясь, какъ гигантская змѣя, подползаетъ къ самымъ облакамъ. Скалы и море тумановъ, пустынныя и дикія долины, снѣжныя поля... Нѣтъ признаковъ жизни. Высоко, высоко рѣютъ орлы, высматривая себѣ добычу, и, плавно опускаясь, садятся на разлагающуюся падаль мула или верблюда, павшаго на дорогѣ. Холодно, мрачно и безнадежно - уныло кругомъ; нигдѣ нѣтъ признаковъ жилья, да и что̀ можетъ жить на такихъ высотахъ, въ такой дикой, непривѣтливой обстановкѣ... Грозныя скалы, громоздясь другъ на друга, высятся надъ узкими равнинами, по которымъ, рождаясь изъ облаковъ, снѣговъ и тумановъ, бѣжитъ быстрая горная рѣчка въ такихъ же мрачныхъ берегахъ, какъ и сама окружающая ее природа. Но чѣмъ дальше, тѣмъ потокъ ея становится медленнѣе и шире, снѣга отодвигаются, камни пропадаютъ, туманы таютъ, и веселое голубое небо блеститъ подъ горячими лучами южнаго солнца...

Тотчасъ за высшей точкой перевала лежитъ *Чортова долина*, сумрачная и непривѣтная, унылая и грозная, а еще дальше начинается спускъ, кругой и обрывистый, къ цвѣтущимъ и веселымъ долинамъ Грузіи. Переходъ отъ мрачныхъ безжизненныхъ пустынь, надъ которыми царитъ величавая вершина *Гуда*, неожиданъ и рѣзокъ: это—смерть и жизнь,

переходъ отъ безнадежнаго отчаянья къ свѣтлымъ надеждамъ, къ безумному счастью... Вправо отъ горной дороги, на самомъ днѣ глубокаго ущелья, притаился у скалъ небольшой горный аулъ. Шумно бѣгущая Арагва, только что зародившаяся въ таинственныхъ недосягаемыхъ высотахъ, рожденная отъ тумановъ, напоенная снѣгомъ, прорѣзываетъ аулъ. А дальше тянется чудная фантастическая долина *Кайшаура*. Картины мрачнаго ада дивно мѣшаются съ самыми свѣтлыми картинами рая, въ этой причудливой мѣстности. Все, что̀ только было передъ глазами, все, что̀ пугало и приводило въ трепетъ и ужасъ продрогшаго путника, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, мгновенно мѣняется. Голыя скалы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, одѣваются бархатомъ изумрудной зелени; тамъ, гдѣ недавно усталый глазъ видѣлъ безобразныя равнины льда, камней и снѣга,—появляются луга, высокіе тополи, тѣнистыя чинары, цвѣтущій миндаль, благоухающая магнолія, прохладныя рощи... Туманы, какъ духи, носившіеся надъ бездонными пропастями, таютъ и разрываются, открывая прозрачное, глубокое, синее небо; воздухъ сырой, пронизывающій и холодный становится ласкающимъ, мягкимъ и нѣжнымъ, какъ первая любовь молодой дѣвушки. Дорога спускается, извиваясь причудливыми зигзагами по самому краю крутаго и глубокаго обрыва... Десятка два саклей, какъ гнѣзда миѳическихъ птицъ, прилѣпились къ скалистымъ выступамъ горъ. Сакли, съ ихъ плоскими земляными крышами, на темныхъ столбахъ, между которыми чернѣются отверстія дверей, похожи на какія-то пещеры, расположенныя въ нѣсколько ярусовъ, тѣсно другъ къ другу. Нѣсколько высокихъ раинъ и тополей, журчащая Арагва, да синій дымокъ, высоко поднимающійся къ голубому небу, оживляютъ ландшафтъ. Въ аулѣ тихо и спокойно; не видно людей, не слышно шума людскихъ голосовъ, какъ будто все вымерло... Изрѣдка только какой нибудь караванъ высокогорбыхъ верблюдовъ или низкорослыхъ муловъ, звеня бубенчиками, спустившись съ *Гудаура* по извилистой тропѣ, нарушаетъ тишину соннаго аула. Караваны ночуютъ здѣсь, являясь къ вечерней зарѣ, а съ утренней — уже уходятъ въ дальній путь. Качаясь, какъ корабли на морѣ, верблюды и мулы, одинъ за другимъ, исчезаютъ за поворотомъ

дороги, побрякивая колокольцами, отрадные звуки которыхъ замираютъ вдали...

За много лѣтъ тому назадъ, въ незапамятныя времена, на самомъ краю аула, прилѣпившись къ угрюмому откосу отроговъ Гуда, стояла бѣдная сакля. Въ ней жили старикъ-осетинъ съ своею женою и держали пристанище для ночлега проходящихъ каравановъ. Жили они нищенски-бѣдно, питаясь *чуреком*ъ [1]) и запивая его студеной горной водою. Караваны являлись рѣдко, останавливались ненадолго; запасы имѣли съ собою. Нелегко давалась жизнь этимъ двумъ существамъ. Когда они потеряли уже всякую надежду имѣть дѣтей,—неожиданно родилась у нихъ дочка. Старики не столько обрадовались ея рожденью, сколько опечалились, потому что рожденіе дочери вообще никогда не радуетъ бѣдныхъ людей и, пожалуй, считается даже зазорнымъ, въ особенности потому, что прибавился лишній ротъ; а имъ и самимъ-то нечѣмъ было кормиться. Но дѣлать было нечего. Они помирились съ своей судьбой и назвали дочь Ниной. По мѣрѣ того какъ дочка росла, она становилась все красивѣе и красивѣе, все веселѣе и веселѣе...

— Смотри,—говорила старуха своему мужу:—Нина наша будетъ красавицей.

— Молчи, знай свое дѣло,—отвѣчалъ ей старый Асланъ:—не въ красотѣ счастье.

А самъ засматривался на свою дочку, и не могъ въ душѣ не радоваться и не соглашаться съ женою. А счастье-то оказывалось, дѣйствительно, въ красотѣ. Нина стала любимымъ дѣтищемъ аула. Аульная молодежь, старики и проѣзжіе не могли не любоваться ея красотой, ласкали и няньчились съ нею; она стала гордостью всей окружающей мѣстности. Купцы, проводившіе черезъ аулъ свои караваны, дарили ей—кто кусокъ яркой ткани, кто забавную игрушку, кто *чурчхелы* [2]), сахарный макъ или иное какое лакомство. Когда какой либо путникъ или пилигримъ, пробирающійся на богомолье, видѣлъ ея воздушную и легкую фигурку на вершинѣ обрыва или на фонѣ зеленаго луга, онъ останавливался, какъ вко-

[1]) Плоскій хлѣбъ изъ кукурузной муки.

[2]) Лакомство изъ винограднаго сока съ орѣхами.

панный, и—одинъ не чувствовалъ болѣе утомленія, а другой забывалъ шептать свою молитву. И тотъ, и другой не могли уже миновать аула, заходили ночевать въ немъ и приносили доходъ ея роднымъ. Караваны тоже стали гостить дольше. Такимъ образомъ, красота этого ребенка приносила счастье въ домъ ея родителей. Все у нихъ ожило. По праздникамъ, они ѣли уже вкусный шашлыкъ вмѣсто чурека; старикъ завелъ себѣ хорошую черкеску; появились у нихъ и бараны, завелся сыръ и *рака* [1]). Одинъ богатый купецъ подарилъ имъ даже верблюда, но они не знали, что̀ съ нимъ дѣлать, и, когда ребенку надоѣло кататься на немъ, они продали его слѣдующему каравану.

Дѣвочка подросла и стала еще лучше; она теперь уже и сама знала о своей красотѣ. Однажды, на одинъ изъ ея капризовъ, мать сказала ей строго:

— Смотри, Нина, будешь непослушной дѣвочкой—отведу тебя къ старому Гуду...

— А кто такой старый Гудъ?

— Это духъ той высокой горы; онъ сѣдой, сѣдой, какъ снѣгъ, въ который одѣвается... Ты слышала,—онъ часто несется вихремъ по ущелью, и тогда нагоняетъ сюда холодъ и непогоду.

— Я не боюсь, мать, твоего сѣдаго Гуда; еслибы онъ увидѣлъ меня—онъ полюбилъ бы меня за мою красоту.

— Нина!—строго прервалъ ее отецъ,—замолчи, не говори такъ; съ этимъ шутить не слѣдуетъ.—И старикъ прошепталъ про себя отводящую молитву святому угоднику.

Съ этихъ поръ дѣвочка стала тише и задумчивѣе. Она раздумывала о старомъ духѣ недоступной горы, и ей захотѣлось его увидѣть.

— Мать, мать,—говорила она, — послушай, что̀ я тебѣ скажу: я хочу видѣть страшнаго Гуда.

— Что ты, что ты, дитя мое? Его видѣть нельзя: можно видѣть его сѣдую одежду и слышать холодное дыханіе, но лица видѣть нельзя. Онъ страшнѣе всего, что есть самаго страшнаго на свѣтѣ, и тотъ, кто увидитъ стараго Гуда,—съ тѣмъ непремѣнно приключится несчастье, и онъ долженъ умереть.

---

[1]) Неочищенная кукурузная водка.

Но съ этихъ поръ дѣвочкѣ еще болѣе захотѣлось видѣть духа. Она стала чаще думать и говорить о немъ, стала задумчивѣе и мечтательнѣе. Старуха-мать обезпокоилась и посовѣтовалась со старикомъ. Они рѣшили отвести ее въ одинокую часовню въ горахъ и принести тамъ молитву святому угоднику, покровителю аула. А богатство и довольство все прибывали въ ихъ убогой саклѣ. Мало по малу они должны были расширить ее, потому что теперь часто нѣсколько каравановъ одновременно останавливались у нихъ и загащивались по нѣскольку дней. Много дарили купцы дѣвочкѣ и ея роднымъ, да и всѣ остальные аульные обитатели имѣли отъ нихъ пользу. Вотъ почему Нина стала общей любимицей, общимъ божествомъ всей долины. Когда ей минуло четырнадцать лѣтъ, она стала дивно-прекрасной дѣвушкой. Бѣлокурые волосы ея,—рѣдкость въ этихъ мѣстахъ,—золотистые и мягкіе, какъ паутина на солнцѣ, вились прихотливыми кольцами вокругъ высокаго бѣломраморнаго лба; темные большіе глаза блистали кроткимъ сіяніемъ на блѣдномъ прекрасномъ лицѣ. Стройная и тоненькая, она похожа была на ангела, слетѣвшаго съ неба, или на фею цвѣтущей долины. Счастье еще обильнѣе повалило старикамъ. Никто не могъ видѣть равнодушно подобной красоты...

Рядомъ съ ихъ саклей ютилась другая, въ которой жилъ такой же бѣдный осетинъ, какими были его сосѣди до рожденья дочери. У него былъ сынъ, а самъ онъ былъ вдовъ и старъ, и еле влачилъ свое одинокое существованіе, питаясь скудно на средства, которыя добывалъ его сынъ Заурбекъ, пася аульныхъ барановъ въ окрестныхъ горахъ. Заурбекъ былъ красивый голубоглазый осетинъ, высокій, ловкій и статный, храбрый, какъ барсъ, трудолюбивый, какъ мулъ, выносливый, какъ верблюдъ. Когда Нинѣ минуло четырнадцать лѣтъ, ему было уже восемнадцать. Возвращаясь передъ закатомъ солнца изъ горъ со своими стадами и наигрывая на зурнѣ заунывную пѣсенку, онъ часто видѣлъ на какомъ нибудь обрывѣ задумчивую Нину; ея стройный станъ и золотые волосы глубоко запали ему въ душу. Освѣщенная догорающимъ лучемъ алаго заката, окруженная зеленой муравой свѣжей травы, вознесенная надъ обрывомъ, изъ котораго сизой дымкой подымался туманъ и окутывалъ ея ноги,—она каза-

лась ему порожденіемъ другаго міра, таинственнаго и волшебнаго, и онъ не могъ постичь, откуда у нихъ, въ ихъ убогомъ аулѣ, явилось такое необыкновенное чудо. Онъ останавливался, какъ пораженный громомъ, оставлялъ свою зурну и не могъ оторвать глазъ отъ этого видѣнья. Онъ стоялъ до тѣхъ поръ, пока она, все больше и больше обволакиваемая быстро наступающими сумерками, теряла свои очертанія и сливалась съ надвигавшимся мракомъ, исчезая въ дымкѣ голубаго тумана. Тогда онъ пробуждался ото сна и думалъ, что его видѣнье унесли духи; понуря голову, собиралъ онъ свое далеко разбредшееся стадо и молча, уже не играя на зурнѣ, возвращался домой.

— Это ты, Заурбекъ?—спрашивалъ его отецъ при входѣ его въ кунацкую [1]) — единственную комнату ихъ сакли.— Гдѣ ты такъ долго ходилъ?

— Я, отецъ!.. — И таинственнымъ шопотомъ онъ прибавлялъ:—Я опять видѣлъ *ее*...

Старикъ усмѣхнулся.

— Да, нечего говорить, хороша Нина, очень хороша.

Но сынъ думалъ, что Нина по вечерамъ превращается въ духа или скорѣе, что духъ, котораго онъ по вечерамъ видалъ надъ пропастью, воплощается днемъ въ Нину. Не могъ онъ повѣрить, что человѣческая красота могла быть такъ прекрасна: мало ли онъ видѣлъ дѣвушекъ въ своемъ аулѣ,— ни одной не было похожей на Нину. Часто видѣлъ онъ ее, спускающуюся по тропинкѣ къ шумящей Арагвѣ съ высокимъ *кувганомъ* [2]) надъ головой, тоненькую и стройную, съ легкой поступью, съ прямымъ и гибкимъ, какъ стебель, станомъ. И когда она возвращалась, наполнивъ сосудъ студеной влагой, онъ долго слѣдилъ за нею, спрятавшись за какимъ нибудь камнемъ, кустомъ или выступомъ скалы. Она давно уже замѣтила его безмолвное восхищеніе и то, какъ ревниво слѣдилъ онъ за нею. Онъ ей тоже нравился, потому что, дѣйствительно, былъ удалымъ джигитомъ. Одно время она было думала—не старый ли это Гудъ, принявшій видъ юноши, чтобы удобнѣе слѣдить за нею, не тотъ ли это Гудъ, ко-

---

[1]) Комната для пріема гостей—гостинная.

[2]) Металлическій или глиняный кувшинъ съ узкимъ горломъ.

торымъ такъ часто мать стращала ее въ дѣтствѣ? Но когда она сообщила свои сомнѣнія матери, та разсмѣялась и увѣрила ее, что это именно тотъ самый Заурбекъ, котораго она знала съ дѣтства и съ дѣтства играла съ нимъ на дворѣ или передъ дверью своей сакли. Если она не узнаётъ его теперь, то это потому, что Заурбекъ лѣтъ уже шесть какъ не жилъ въ аулѣ, а былъ въ далекихъ странахъ, изрѣдка посылая помощь и вѣсточку о себѣ отцу съ проходившими караванами. Заурбекъ нашелъ случай сблизиться съ Ниной; онъ сталъ ей оказывать тысячу мелкихъ услугъ, одолженій, любезностей: то помогалъ ей нести кувшинъ съ водою, то приносилъ ей свѣжіе и любимые цвѣты роднаго ущелья, то мастерилъ красивую *чингару* [1]), на которой она чудно играла, то выучивалъ ее заунывнымъ пѣснямъ родимыхъ горъ. Говорилъ онъ съ ней нѣжно и ласково, смотрѣлъ на нее благоговѣйно и страстно, и въ его глазахъ она читала великую любовь и самоотверженную преданность.

Такъ шли года... Нинѣ стало семнадцать лѣтъ, а ему двадцать одинъ; красота ея еще болѣе расцвѣла, и Заурбекъ окончательно потерялъ голову. Она тоже полюбила его и сильно привязалась за его теплую ласку и страстную любовь. Но безъ *калыма* [2]) онъ не могъ жениться на ней. Необходимо было достать калымъ, а отецъ и мать Нины и слышать не хотѣли о свадьбѣ, да и слыханное ли дѣло, чтобы молодой парень взялъ изъ дому дѣвушку безъ уплаты калыма? Еще и другія мысли у нихъ были: имъ жалко было разставаться съ дочерью, принесшею имъ и богатство, и радость, и счастье. Они боялись, что, съ уходомъ ея изъ дома, все это довольство исчезнетъ такимъ же волшебствомъ, какимъ оно къ нимъ свалилось чуть ли не съ неба. А любовь между молодыми людьми разгоралась...

---

[1]) Музыкальный инструментъ примитивнаго устройства.

[2]) Выкупъ, приносимый женихомъ невѣстѣ: обычай, сохранившійся до сего времени у осетинъ-христіанъ.

II.

Царство стараго Гуда.

Темно и холодно въ царствѣ стараго Гуда. Безнадежныя поля, покрытыя дѣвственною пеленою бѣлаго снѣга, залегли далеко вокругъ. Сѣрые туманы сплошь или обрывками заволакиваютъ небосклонъ. Стонущіе вѣтры, буруны, мятели и вихри бѣшено носятся по безплоднымъ полямъ, и визгъ и вой ихъ леденитъ наболѣвшую душу несчастнаго странника, занесеннаго сюда во время снѣжной мятели и потерявшаго дорогу... Черныя скалы, какъ необитаемые островки, мрачно и одиноко торчатъ тамъ и сямъ, придавая бѣлому савану пустыни еще болѣе грустный траурный видъ.

Уныло и печально въ суровыхъ снѣжныхъ поляхъ. Ни одного живаго существа. Кое-гдѣ изъ подъ груды снѣга торчитъ одинокій остовъ засыпаннаго обваломъ верблюда, забредшаго сюда во время снѣжнаго буруна, и обледенѣлыя ребра его черною изгородью вырисовываются на бѣлой пеленѣ. Въ рѣдкія минуты, когда яркому солнцу удается прорвать море тумановъ и сѣдыхъ облаковъ, ревниво оберегающихъ печальное царство холода и запустѣнья, и заглянуть въ эту страну утесовъ и льдовъ, оно кидаетъ свой огненный лучъ по полямъ, — и тогда они ослѣпительно блестятъ милліонами самоцвѣтныхъ камней и искръ. Но это рѣдко бываетъ, какъ рѣдко заходитъ сюда и блѣдный мечтательный лучъ ночнаго свѣтила. Оно свѣтитъ на недоступной высотѣ, и здѣсь лучъ его, разлитый въ облакахъ тумана, задержанный ихъ завѣсой, разсѣивается, тускнѣетъ и бѣлесоватымъ умирающимъ пламенемъ разливается по полямъ. И тогда поля эти кажутся гигантскимъ кладбищемъ, утесы — надмогильными камнями, а верблюжьи кости—выходцами съ того свѣта. Надо всѣмъ этимъ, выше высокихъ утесовъ и выше ходячихъ тумановъ, царитъ старый горный духъ, могущественный Гудъ. Его страшнымъ именемъ названы и горы, и долины во всей окрестной мѣстности. Лица Гуда никто никогда не видалъ. Говорятъ въ аулахъ, что видъ его страшенъ и мраченъ, что

онъ одинъ изъ духовъ, низверженныхъ Богомъ съ ясна́го неба за какое-то страшное преступленіе; что у него „грива косматая, взоры, какъ молніи“, но видѣть—никто его не видалъ, да врядъ ли кто и желалъ этого. Говорятъ, что не миновать тому лютой смерти, кто осмѣлился бы только взглянуть ему въ очи. Поэтому всякій путникъ, которому неминуемо нужно проходить по окраинамъ его царства, идетъ, шепча про себя молитву, закрывъ глаза, трепеща отъ ужаса, и спѣшитъ пройти длинный путь возможно скорѣе. Когда же онъ благополучно выберется оттуда, онъ спѣшитъ въ уединенную часовню, въ нижнихъ горахъ, и въ горячей молитвѣ приноситъ благодареніе покровителю странниковъ, мѣстному святому. А старый Гудъ любитъ пугать странствующихъ. Многіе слышали его свирѣпый вой, когда онъ шелъ по снѣговымъ полямъ обозрѣвать свое царство. Многіе чувствовали на себѣ его леденящее дыханіе и готовились къ смерти. Многіе испытали на себѣ его грозную силу, когда онъ посылалъ на нихъ милліарды подвластныхъ ему маленькихъ бѣлыхъ духовъ, которые больно сѣкли путника по лицу, слѣпили ему глаза, забирались подъ одежду, леденили кровь... Одѣтъ горный духъ льдомъ прозрачнымъ и свѣтлымъ, въ коронѣ изъ льдистыхъ сосулекъ. Длинная, бѣлая, развѣвающаяся по вѣтру, борода его заметаетъ поля, когда онъ проходитъ по нимъ, а дыханіе его упадаетъ комьями снѣга на мерзлую землю. Онъ живетъ одинокимъ, угрюмымъ отшельникомъ. Иногда, вѣроятно соскучившись своимъ одиночествомъ, онъ опускается съ своихъ недоступныхъ высотъ и идетъ по долинамъ и ущельямъ, по тропамъ и дорогамъ. Тогда люди говорятъ:

— Слышите, старый Гудъ посѣтилъ насъ: слышите, какъ онъ грозно воетъ, какимъ холодомъ дышетъ.

И спѣшатъ тогда загонять стада въ изсѣченныя въ горахъ пещеры, сами туда же укрываются, разводятъ костры и, грѣясь около нихъ, разсказываютъ страшныя исторіи о продѣлкахъ горнаго духа.

Когда Гудъ сердился, всѣмъ становилось жутко: ужъ о томъ, что̀ у него происходило *на верху*, въ его царствѣ—и говорить нечего. Но онъ не оставлялъ въ покоѣ и жителей низкихъ долинъ: онъ бросалъ на нихъ громадные обвалы

снѣга и льда. Цѣлыя лавины скатывались внизъ съ высокихъ горъ, и, бывало, надолго отрѣзывали всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ для жителей ауловъ, или погребали подъ собою караваны и людей. Не любитъ онъ шутить. Но и отъ веселья и шутокъ его тоже немало достается людямъ... Когда захохочетъ старый грѣшникъ, цѣлыя тучи камней, обломковъ и скалъ обрываются съ горъ отъ его раскатистаго смѣха и засыпаютъ каменными завалами пути и селенія. Лучше всего, когда Гудъ тоскуетъ. Сидитъ онъ себѣ тогда на вершинахъ, закрытый туманами, закутанный бѣлымъ саваномъ, и тихо дремлетъ, тоскуя въ своемъ одиночествѣ. А одиночество сильно пріѣлось ему. У него горячее своенравное сердце. Онъ чувствуетъ, что можетъ любить, любить мощно и горячо, но онъ знаетъ, что любить ему—некого. И чуть ли не въ этомъ и состоитъ наказаніе, на которое обрекло его высшее божество. И тогда все тихо и спокойно. Безопасно проходятъ караваны по его царству, тихо въ аулахъ и на дорогахъ, благополучно въ долинахъ и ущельяхъ.

Однажды, выдя погулять, Гудъ опустился на большую дорогу. Здѣсь онъ засталъ большой караванъ, возвращавшійся изъ Грузіи и только что вышедшій изъ аула, гдѣ онъ провелъ цѣлыя сутки. Попрятались караванщики отъ дыханія Гуда въ пещеры и развели огни. Тутъ всѣ столпились вокругъ шашлыка, румянившагося на вертелѣ, и говорили о дивной красотѣ Нины.

— И что это за дѣвушка! — говорилъ одинъ погонщикъ муловъ.—Ни въ одномъ царствѣ, я думаю, нѣтъ такой красоты...

— Эхъ, кабы не старые годы мои — женился бы я на ней, укралъ бы ее—чудный горный цвѣточекъ,—прибавилъ другой.

— Гдѣ ужь тебѣ!—шутилъ кто-то надъ старикомъ. — Да ей и жениха-то нѣтъ на всей землѣ! Развѣ вотъ старику Гуду...

Тутъ всѣ смолкли и испуганно осмотрѣлись.

— Не шути такъ, Асланъ, — прошепталъ одинъ изъ говорившихъ, творя про себя молитву и суевѣрно озираясь.— Вѣдь Гудъ-то гуляетъ сегодня... Ну, какъ услышитъ? Слышишь, какъ онъ дико воетъ?..

И Гудъ заглянулъ въ ихъ пещеру и дунулъ на нихъ такъ сильно, что пламя костра чуть не спалило ихъ, и они попадали на землю. Не любилъ старый грѣшникъ, когда произносили его имя смертные люди. И слышалъ онъ, какъ они хвалили красоту дивнаго созданья. И далъ онъ себѣ клятву: увидѣть эту дѣвушку и завладѣть ею. Но на этотъ разъ онъ ушелъ домой къ себѣ на вершины, глубоко задумавшись. Просидѣлъ онъ тамъ цѣлый мѣсяцъ въ томительной думѣ о прошлыхъ грѣхахъ, въ мрачномъ загадываньѣ о невеселомъ будущемъ. И пока онъ сидѣлъ, все было спокойно окрестъ. Но вотъ онъ снова спустился на дороги и тропы, и снова услышалъ восторженныя похвалы красавицѣ-осетинкѣ. Тогда онъ сталъ чаще и чаще посѣщать большія проѣзжія дороги и тропинки, и чаще и чаще слышать разсказы о Нинѣ. Въ этотъ годъ говорили люди:

— Какая бурная у насъ весна, давно такой ужь не было. Заигралъ старый Гудъ!..

А Гудъ ходилъ теперь по дорогамъ цѣлыми днями и ночами. И много онъ наслушался разныхъ чудесъ про красоту Нины. И распалилось его старое сердце горячею страстью. Рѣшилъ онъ не откладывать дольше и повидать своими глазами красотку. И вотъ однажды, когда Нина шла съ высокимъ кувганомъ за водой, онъ налетѣлъ на аулъ бурнымъ вихремъ, неся съ собой снѣгъ, камни, корни вырванныхъ изъ земли низкорослыхъ сосенъ, сорванныя имъ гнѣзда горныхъ птичекъ. Нина закрылась чадрой, уронила кувшинъ, разлила воду. Но пока она закрывалась—онъ увидѣлъ ее, и красота ея произвела на него дивное дѣйствіе: сердце упало въ немъ, духъ захватило, и непогода мгновенно стихла. Дѣвушка оправилась, собрала и подняла уроненные ею цвѣты и кувшинъ, налила въ него воду и пошла обратно домой. Недолго стоялъ Гудъ въ оцѣпененіи. Онъ оправился и пошелъ передъ нею, выравнивая дорогу, по которой она шла, отбрасывая съ пути ея осколки и камни.

— Какъ вѣтромъ дорогу-то вымело: чисто, какъ на полу въ саклѣ,—проговорила дѣвушка.

Гудъ замѣтилъ въ рукахъ у нея любимые цвѣты и тотчасъ собралъ ихъ въ одну кучку подъ скалой.

— Ахъ, сколько цвѣтовъ!—проговорила Нина и, нагнув-

жутъ онѣ тебѣ про стародавнія времена, про великановъ, населявшихъ землю, про страшныхъ людоѣдовъ, про разбойниковъ, бродившихъ въ этихъ горахъ, про высокіе замки и башни, про караваны верблюдовъ, про монастыри и часовни, про царицу Тамару, про волшебные сады и чертоги съ фонтанами и водопадами, и про многое, многое другое... Онѣ бы вѣяли надъ тобой опахалами передъ твоимъ сномъ; онѣ пѣли бы пѣсни передъ твоимъ пробужденіемъ... Да, хорошо жить у стараго Гуда"...

И она улыбалась сама себѣ, слушая эти разсказы, а люди удивлялись ей и говорили между собою:

— Смотрите, наша Нина все сидитъ на холмѣ и мечтаетъ: должно быть, не на шутку влюбилась въ джигита...

А джигитъ не дремалъ. Любовь все сильнѣе разгоралась въ его молодецкомъ сердцѣ, и онъ изыскивалъ всевозможные способы нажиться, чтобы заработать калымъ и внести его, какъ выкупъ, за красавицу Нину.

Гудъ успокоился—не вылеталъ онъ съ дикимъ воемъ изъ своего царства на грѣшную землю; не засыпалъ онъ больше завалами несчастныхъ путниковъ. Если дулъ онъ, то тихимъ весеннимъ вѣтромъ или горячимъ лѣтнимъ дыханіемъ. Если плакалъ, то не ледяными и снѣжными слезами, а благодатнымъ дождемъ, приносившимъ людямъ несомнѣнную пользу. Если смѣялся, то не сыпались больше каменные завалы, не скатывались грозныя скалы, не душили онѣ стадъ и людей... Впрочемъ рѣдко, очень рѣдко смѣялся теперь старый Гудъ; развѣ тогда только, когда Нина улыбнется какому нибудь рѣдкому цвѣточку или народившемуся въ стадѣ барашку: тогда и его сердце умягчится, и по его унылому лицу пробѣжитъ печальная улыбка, и все тогда въ природѣ улыбается—и синее яркое небо, и солнечный лучъ, и цвѣты, и ущелья, и горы. Иногда, когда уже очень грустно станетъ старому Гуду, онъ опять возьмется за прежнее, и подуетъ тогда съ горъ рѣзкій холодный вѣтеръ. И когда всѣмъ становится холодно, и когда люди говорятъ: „опять подулъ холодный вѣтеръ!" то Нина улыбается: онъ не производитъ на нее непріятнаго дѣйствія, а, напротивъ, ея щоки горятъ, какъ отъ горячаго страстнаго поцѣлуя... Не нарадуются отецъ съ матерью на свою милую дочку...

шелестѣ листьевъ, въ шорохѣ случайно скатившагося камня, въ журчаньѣ ручья, въ тихомъ шопотѣ травы,—она слышала горячія Гудовы рѣчи:

„Старый Гудъ не страшенъ, красотка, — нашептывало ей весеннее дуновенье. — У него теплое, нѣжное сердце, и онъ умѣетъ любить горячѣе, чѣмъ любятъ юноши. Онъ богатъ, могущественъ и знатенъ. У него ледяные дворцы, всѣ въ серебрѣ и золотѣ; онъ—въ коронѣ изъ горнаго хрусталя. Много богатствъ у него скрыто въ снѣжныхъ поляхъ, подъ покровами камней и скалъ: серебряныя руды, самоцвѣтные яркіе камни, и желѣзо, и уголь... все есть, всего вдоволь... Онъ любитъ тебя, какъ еще никого никогда не любилъ... И еслибы когда нибудь ты согласилась быть его женою, принадлежать ему— онъ все отдалъ бы тебѣ за единую твою ласку, за единственный взоръ твоихъ черныхъ очей; все свое царство отдалъ бы онъ за одну прядь твоихъ золотыхъ шелковистыхъ волосъ. Его сердце растаяло бы, еслибы ты прижалась къ его груди, и потекло бы оно теплымъ вѣшнимъ потокомъ, и утучнило бы нивы, и разлилось бы широкой благодатью на твоихъ родителей, на твой аулъ, на всѣхъ людей въ мірѣ“... „У Гуда много пахучихъ цвѣтовъ,—слышалось ей въ шелестѣ листвы,—много чудесныхъ деревьевъ, тѣнистыхъ дубравъ, красивѣйшихъ рощъ; въ нихъ множество пѣвчихъ птицъ, которыя поютъ на зарѣ свои чудныя пѣсни... Травою зеленой покрыты луга, по пастбищамъ пасутся тонкорунныя овцы, по полямъ бѣгутъ звонкіе, чистые, какъ горный хрусталь, ручейки“...

„Въ старомъ замкѣ у Гуда,—шепталъ ей скатившійся камень,—хранятся мягкія тахты, покрытыя тонкими коврами и подушками... Какъ пріятно на нихъ нѣжиться и отдыхать; какіе чудные сны снятся на этихъ тахтахъ... Что въ сравненіи съ ними дѣйствительность? И, еслибы ты побывала во дворцѣ его,—какъ показалось бы тебѣ пусто и ничтожно на землѣ, неуютно и тѣсно въ твоей дымной закоптѣлой саклѣ, какъ бы тебѣ скучно стало сидѣть на этомъ холмѣ, смотрѣть на эти долины и горы“...

„А у Гуда въ служеніи много невольницъ,—журчалъ ей ручей.—И стали бы онѣ носить тебя на рукахъ, навѣвать тебѣ сны, нашептывать грёзы... И не переслушать тебѣ... Разска-

— Заурбекъ, гдѣ ты?

И тотчасъ, какъ будто изъ земли, выросла стройная черная фигура и по краю обрыва подкралась къ окну. Свѣтъ потухъ въ окошкѣ маленькой комнаты, но зато луна ярче освѣщала теперь ихъ довольныя и счастливыя лица. Тонкія, бѣлыя руки Нины обвились, какъ змѣи, вокругъ шеи Заурбека. Она вся прижалась къ нему, и губы ихъ слились въ долгомъ и тепломъ, какъ эта теплая ночь, поцѣлуѣ. Что стоило бы старому Гуду однимъ дуновеньемъ низвергнуть въ пропасть дерзкаго оскорбителя его святыни? Но онъ сдѣлалъ страшное усиліе—удержался, хотя сердце его больно заныло, и сталъ выжидать, что будетъ дальше.

— Полуночная моя звѣздочка!—прошепталъ молодой джигитъ: — моя жемчужная росинка!.. Бѣжимъ со мною, моя стройная козочка... Никогда, никогда не отдадутъ тебя за меня, бѣднаго несчастнаго *байгуша* [1])... Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?!

— Будемъ ждать, дорогой Заурбекъ, мой милый, хорошій джигитъ! А бѣжать мнѣ невозможно съ тобою—вѣдь это значитъ убить отца съ матерью... Да и куда бѣжать? Если мы побѣжимъ на сѣверъ и будемъ идти мимо царства Гуда,—разсердится старый на мой безсердечный поступокъ, убьетъ, погубитъ онъ насъ обоихъ. А уйдемъ мы на югъ, — насъ первый же караванъ настигнетъ на дорогѣ, и тебя убьютъ, а меня возвратятъ въ аулъ, и хорошо еще, если отецъ съ матерью заточатъ меня въ какой нибудь далекій, уединенный горный монастырь. Что я тогда буду дѣлать безъ тебя, мой джигитъ? Какъ я буду тосковать, цѣлыми днями думая о тебѣ, вмѣсто того чтобы молиться, цѣлыми ночами сидя у открытаго окна, въ мечтахъ о погибшей любви моей!.. Нѣтъ, милый, этого нельзя, надо придумать что либо другое.

— Но что же придумаешь? Ничего, вѣдь, не выдумаешь. Калымъ надо достать, а безъ калыма тебя не отдадутъ.

— Не отдадутъ!—уныло повторила Нина.

„Какой же это джигитъ“!—подумалъ горный духъ:—„это просто старая, никуда негодная баба, если онъ не можетъ для своей милой достать выкупъ“!.. И онъ готовъ былъ опять

---

[1]) Нищій, оборванецъ.

разсердиться и сбросить его въ пропасть, но опять удержался и сталъ слушать.

— А я буду, во время паствы овецъ,—началъ Заурбекъ,— искать въ горахъ клады; говорятъ, подъ скалами много всякихъ богатствъ зарыто, и богатства эти принадлежатъ старому Гуду... Я найду, можетъ быть, золото, и тогда выкуплю тебя, моя Нина.

„И растеряешь своихъ овецъ и барановъ, и выгонятъ тебя и съ этой службы“,—подумалъ духъ и прибавилъ:—„онъ не только старая баба, но онъ еще глупъ. Какъ же, такъ тебѣ и отдастъ старый Гудъ свои богатства“!..

И онъ внушилъ ему мысль, подъ вліяніемъ которой Заурбекъ прошепталъ:

— Вотъ что, моя ясная звѣздочка: если не удастся мнѣ обогатиться въ горахъ, я уйду съ первымъ большимъ караваномъ въ чужія, далекія страны, искать счастья по свѣту; мало ли есть неизвѣстныхъ странъ: съ караваномъ уйду въ Персію,—тамъ много бирюзы, драгоцѣнныхъ камней, золота; буду копать ихъ, накопаю цѣлую гору, продамъ на рынкѣ, куплю хороссанскихъ ковровъ, опять ихъ перепродамъ съ барышемъ и вернусь къ тебѣ съ богатымъ калымомъ.

— Какъ же я безъ тебя-то останусь? — грустно проговорила Нина и снова обняла своего жениха.

А духъ все стоялъ и слушалъ. И вотъ, когда Заурбекъ незадолго передъ разсвѣтомъ ушелъ, прохладнымъ утреннимъ вѣтеркомъ пронесся Гудъ по ущелью и сталъ нашептывать ей страстныя, нѣжныя рѣчи. И въ молодыхъ мечтахъ своихъ Нина стала смѣшивать нѣжный образъ молодаго красавца и величественный образъ мощнаго духа. И вспомнились ей полныя нѣги и любви рѣчи молодаго джигита, и полныя могучей страсти рѣчи стараго Гуда. И не могла она понять, кто изъ нихъ говорилъ какія рѣчи, и долго онѣ путались въ ея распаленномъ воображеніи. Только когда стаяла съ неба послѣдняя звѣзда, а востокъ заалѣлъ, разливъ цѣлое море пурпура по небу; когда вѣчные снѣга на сосѣднихъ горахъ обагрились яркимъ заревомъ, — тихая дрема смежила ея усталыя очи, и она задремала у открытаго окна. Горный духъ отлетѣлъ тогда въ свой дворецъ. Онъ былъ золъ и мраченъ.

— Хорошо, молодецъ!—говорилъ онъ:—ищи, ищи моихъ

богатствъ; я тебѣ покажу, гдѣ они у меня спрятаны, я угощу тебя ими! Ты жизнь свою проклянешь, въ этихъ безплодныхъ поискахъ...

И съ этого дня онъ сталъ жестоко преслѣдовать несчастнаго юношу. Въ одинъ лѣтній день, когда Заурбекъ, оставивъ овчарокъ охранять свое стадо, удалился въ горы поохотиться на горныхъ курочекъ, индѣекъ и туровъ, духъ завлекъ его въ глубину дремучаго лѣса. Долго блуждалъ тамъ юноша; обезсилѣлъ отъ голода и жажды. Когда ему виднѣлся вдали ручеекъ или ключъ и онъ подходилъ къ нему съ радостной надеждой напиться, то ручеекъ оказывался вытянувшеюся змѣей со стальной чешуйчатой кожей; когда онъ видѣлъ сквозь деревья просвѣтъ на открытую лужайку и устремлялся къ нему, чтобы выйти, наконецъ, на волю, — вдругъ густой туманъ застилалъ передъ нимъ пространство, и онъ натыкался на стволъ или падалъ въ глубокую пропасть. Или вдругъ среди бѣла дня, въ ясную, теплую погоду, налетала шкваломъ мятель, и снѣгъ ослѣплялъ ему глаза. Много, много мытарствъ испыталъ Заурбекъ. Когда, послѣ долгихъ скитаній, онъ, весь израненный объ острые камни, полумертвый отъ голода, съ воспаленнымъ отъ жажды горломъ, вернулся наконецъ домой, то узналъ, что пропадалъ три дня и три ночи, что за стадомъ его посылали другаго, что изъ стада пропало много барановъ: одни изъ нихъ свалились въ глубокую кручу, другіе были растерзаны волками. Ему сдѣлали очень строгое внушеніе и пригрозили отобрать стадо, если повторится что либо подобное. Къ тому же, старый отецъ его очень безпокоился и даже заболѣлъ отъ тоски и лишеній. Пріунылъ молодецъ. Почуялъ онъ, что здѣсь не спроста, и лютая тоска засосала его сердце.

— Не видать мнѣ тебя, моя горная курочка,—уныло проговорилъ онъ,—не бывать тебѣ никогда моею. Самъ Богъ противъ этого.

Не прошло и недѣли, какъ съ нимъ случилось опять несчастье, и на этотъ разъ очень крупное. На его стадо, когда оно проходило по проѣзжей тропѣ, напали нѣсколько абрековъ и отобрали половину лучшихъ овецъ, а ему самому они перебили ногу. Окровавленный, вернулся онъ домой, еле живой, приползши на четверенькахъ. Что было

дѣлать! Волей-неволей отобрали отъ него баранту (стадо); уложили въ кунацкой, позвали опытнаго знахаря, который лѣчилъ его рану. Провалялся онъ слишкомъ два мѣсяца, и рана его плохо заживала. Поблѣднѣла, похудѣла и Нина. Тоска взяла ее за сердце, какъ только увидала она страданія своего возлюбленнаго. И она стала смутно догадываться, что тутъ дѣло не безъ нечистой силы. А старый горный духъ опять сталъ посѣщать ее и нашептывать нѣжныя рѣчи. Но она не слушала ихъ съ прежней таинственной и робкой улыбкой. Теперь она относилась къ нимъ безучастно. Горько ей было, что изъ-за нея такъ страдалъ любимый человѣкъ. И когда вѣтерокъ нашептывалъ ей пѣсню любви, вѣщалъ о силѣ и могуществѣ Гуда, расписывалъ его богатства, сады и дворцы,—она сердилась, хмурилась и уходила отъ окна или возвращалась домой, если гдѣ нибудь прогуливалась. Совсѣмъ озлился горный духъ. Истерзался и онъ за это время безуспѣшной борьбы. И рѣшилъ онъ исцѣлить Заурбека, потому что былъ увѣренъ, что тогда онъ уйдетъ въ дальнія страны. Рана джигита шла къ заживанію, чѣмъ очень гордился опытный знахарь.

— Это я его вылѣчилъ,—гордо говорилъ онъ, — хорошо, что позвали меня, а то было бы плохо.

Дня черезъ три Заурбекъ всталъ на ноги; а еще черезъ три дня онъ совершенно оправился. Опять ночью очутился онъ подъ окномъ Нины. Опять, послѣ долгой разлуки, обнимались они, цѣловались и шептали другъ другу страстныя молодыя рѣчи.

— Я покину тебя, моя дорогая; я уѣду въ чужіе края; лишь бы ты мнѣ осталась вѣрна, моя утренняя зорька. А вдругъ найдется другой джигитъ и покоритъ твое молодое дѣвичье сердце; принесетъ онъ богатый калымъ, много серебра и золота, персидскіе ковры и богатыя ткани, шитыя шелками и золотомъ, много галуновъ, сукна изъ козьяго пуха, оружіе и коня для твоего отца, серебряные кувганы для матери. Забудешь ты тогда своего несчастнаго Заурбека, который въ далекихъ краяхъ, съ чужими людьми, не будетъ спать ночей, а думать лишь о тебѣ.

— Замолчи, Заурбекъ, замолчи! Что говоришь ты—и самъ не знаешь. Значитъ, ты не знаешь своей Нины, своего гор-

наго цвѣточка. Можетъ ли это быть? Мое слово—что̀ скала. Выросло оно въ моемъ сердцѣ, и только смерть можетъ его вырвать оттуда. Слышишь ли: или ты, или смерть! Буду ждать тебя, ненаглядный, сколько бы лѣтъ ты ни странствовалъ. Помни, мой милый: или ты, или смерть.

Съ этими словами, она упала въ его объятья, а онъ сжалъ ее въ своихъ сильныхъ рукахъ. Въ долгомъ и страстномъ поцѣлуѣ слились ихъ горячія губы, засверкали во тьмѣ ночи ихъ влюбленные глаза. А ночь была безлунная, темная и унылая, такая же печальная, какъ печально было ихъ прощанье. Гдѣ-то вдали завылъ шакалъ, протяжно и уныло заплакала сова. Они вздрогнули: это было дурнымъ предзнаменованіемъ, но они не хотѣли тревожить другъ друга безполезной печалью и, тихо сжавъ другъ друга въ объятіяхъ, молча разошлись. Черныя густыя тучи заволокли небо; звѣзды потухли. Въ узкомъ просвѣтѣ между густыми тучами на прозрачномъ темномъ небѣ быстро скатились двѣ яркія звѣздочки и упали за краями непроницаемой тучи. Больно и мучительно сжалось сердечко у Нины. Тяжелыя слезы закапали изъ ея прекрасныхъ глазъ; не могъ равнодушно видѣть этихъ слезъ старый Гудъ: и крупныя капли дождя съ шумомъ полились изъ разверзшихся тучъ.

Заурбекъ на утро, чуть разсвѣло, двинулся въ далекій путь, нанявшись въ погонщики въ одинъ большой и богатый караванъ. Высоко вознесенный надъ землею, укачиваемый, какъ на кораблѣ, сидѣлъ онъ между двумя горбами безобразнаго верблюда, дергая за веревку, продернутую черезъ кольцо въ верблюжьихъ ноздряхъ, и долго смотрѣлъ на аулъ, пока послѣдній синій дымокъ послѣдней придорожной сакли не исчезъ изъ его глазъ. Еще показались на поворотѣ высокіе тополи и раины, развѣсистыя чинары, розовыя горы, фіолетовыя ущелья. Когда они совсѣмъ уже спустились въ долину, онъ еще разъ увидѣлъ плоскія крыши роднаго аула, еще разъ блеснула передъ нимъ Арагва, катясь по высокому покатому дну, и затѣмъ—все исчезло изъ его глазъ. Голубая дымка поднялась съ земли или опустилась съ неба, какъ какая нибудь занавѣсь, и скрыла отъ него самое дорогое мѣсто на всемъ земномъ шарѣ. А тамъ дальше потянулись лимонныя рощи, миндальные лѣса, цвѣтущія долины, зубчатыя башни,

полуразрушенныя крѣпостныя стѣны, шумящія рѣки, перекинутые черезъ нихъ мосты, заброшенные въ скалахъ монастыри, аулы на горахъ и въ ущельяхъ, караваны по горнымъ тропамъ. Но на все смотрѣлъ онъ безучастно и грустно, и вездѣ видѣлъ передъ собой только одинъ образъ милаго, покинутаго „горнаго цвѣточка“, чуялъ надъ собой въ блескѣ яркаго дня — темную безпросвѣтную ночь; при солнечномъ свѣтѣ видѣлъ печально закатившіяся двѣ свѣтлыя звѣздочки, и, сквозь веселую болтовню, шутки и смѣхъ своихъ дорожныхъ товарищей, слышалъ только одни, глубоко запавшія ему въ душу, слова:

— Или ты, или смерть!

IV.

Пѣсня горнаго духа.

Осень прошла, наступила зима. Старый Гудъ ушелъ на свои высоты, злой и грустный отъ своихъ неудачъ. Онъ уже больше не плакалъ. Сердце ныло въ немъ, а дыханіе снова падало на землю снѣжными хлопьями. Снова наступили мятели, буруны и морозы. Снова гибли люди и караваны, валились обвалы и заносы. Бѣлой пеленою покрылась земля, какъ бы для выраженія Гудовой печали. А Заурбекъ не возвращался. Заперлась въ своей саклѣ Нина съ глубокой тоскою на сердцѣ. Вновь наступала весна, а Заурбека все не было. Разъ только за все это время пришла отъ него съ обратнымъ караваномъ вѣсточка, но и то смутная, неопредѣленная. Прошло и жаркое лѣто. А его все еще не было. Наконецъ, наступила и осень—онъ все еще не вернулся.

Позднею осенью, съ однимъ караваномъ пришла вѣсточка, что Заурбекъ живъ, здоровъ и скоро вернется. Въ глухую осеннюю пору это предсказаніе сбылось. Онъ дѣйствительно возвратился. Здоровый, счастливый и богатый вернулся на родину молодой странникъ. Теперь не существовало препятствій. Онъ привезъ съ собой много богатыхъ подарковъ невѣстѣ и ея роднымъ. Отецъ его зимою умеръ, и семья Нины похоронила его на свой счетъ на аульномъ кладбищѣ. Теперь

у него на всемъ свѣтѣ была одна только привязанность и любовь—Нина. Радостна была ихъ встрѣча. Нина еще немного похудѣла, но не стала отъ этого хуже; напротивъ, глаза ея стали еще глубже, и свѣтившійся въ нихъ грустный огонекъ придавалъ болѣе прелести ея и безъ того прелестному личику. Время было еще довольно теплое, хотя изрѣдка уже шелъ снѣгъ. Чтобы быть на полной свободѣ, вдали отъ постороннихъ глазъ, молодые влюбленные отправились въ одинъ ясный осенній день въ горы. Заурбекъ разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ и подвигахъ; онъ много накопалъ въ Персіи драгоцѣнныхъ камней, перепродалъ ихъ въ дальнія страны, накупилъ ковровъ и перепродалъ ихъ съ большимъ барышемъ. Все это время онъ только и думалъ о своей возлюбленной и не разъ имѣлъ о ней извѣстія отъ караванщиковъ, шедшихъ мимо роднаго аула. Изъ оставшихся камней, джигитъ привезъ невѣстѣ драгоцѣнное ожерелье. Онъ разсказывалъ ей о чужихъ далекихъ моряхъ и горахъ, о заморскихъ людяхъ и нравахъ, ихъ обычаяхъ и порядкахъ. Въ увлеченіи своемъ они не замѣтили, какъ подошли къ самому рубежу Гудовыхъ владѣній. Увидѣлъ ихъ Гудъ. Прежняя злоба загорѣлась въ его сердцѣ; прежняя страсть ярко и жарко разгорѣлась въ немъ. Вскипѣло его ретивое сердце, не выдержалъ онъ этого вида двухъ счастливыхъ людей и разразился страшными проклятіями. Выпрямился онъ во весь свой могучій ростъ, тряхнулъ головой, и отъ этой мощи дрогнули скалы, и оторвался отъ нихъ огромный снѣжный завалъ и погребъ ихъ подъ собою.

Но Заурбекъ не дремалъ. Онъ расчистилъ себѣ въ завалѣ узкій проходъ, проползъ черезъ него на четверенькахъ, пошелъ въ рощу, нарубилъ кинжаломъ сухаго хворосту, снесъ его въ образовавшуюся ледяную пещеру, высѣкъ огня изъ кремня, болтавшагося у него на поясѣ, разостлалъ бурку, посадилъ на нее Нину и развелъ костеръ. Изъ фляжки своей напоилъ онъ ее согрѣвающимъ виномъ, накормилъ, чѣмъ Богъ послалъ; тепло и уютно было у нихъ въ ледяной пещерѣ. Кромѣ огня, ихъ вѣдь грѣло еще теплое чувство взаимной любви. А бурунъ бушевалъ неистово и свирѣпо. Казалось, старый грѣшникъ всю свою злобу, накопившуюся за цѣлые годы, пожелалъ излить на этихъ двухъ своихъ жертвъ. Снѣгъ падалъ крупными хлопьями, безконечной бѣлой завѣсой. Вьюга

стонала свою заунывную пѣсню. Съ корнями вырывалъ бурунъ криворослыя сосны и носилъ ихъ по воздуху, какъ мелкіе сучья. Совсѣмъ освирѣпѣлъ старый Гудъ. Давно уже занесло узкую щель въ ихъ снѣговой юртѣ. Солнечный свѣтъ померкъ, и наступили сумерки. Но у нихъ было хорошо и уютно; они даже обрадовались этому приключенію. Когда они подумали, что ихъ будутъ разыскивать и отроютъ въ узкомъ пространствѣ вдвоемъ съ глазу на глазъ, то не будутъ уже задерживать свадьбы, а повѣнчаютъ немедленно. Это ихъ очень веселило и утѣшало. Они поддерживали костеръ, сколько могли, и весело поужинали. Замуравленные отъ цѣлаго свѣта, скрытые отъ нескромныхъ людскихъ взоровъ, они наслаждались любовью. Когда потухъ послѣдній огонекъ, Заурбекъ снялъ съ себя все, что̀ было можно, и сжегъ это. Потомъ, когда холодъ далъ себя почувствовать, а Гудъ все еще не унимался и все больше и больше свирѣпѣлъ, они сжали другъ друга въ страстныхъ объятіяхъ и согрѣвались дыханіемъ. Наступила ночь; они не знали этого, потому что были отрѣзаны отъ всей вселенной. Ночь прошла, и эта ночь была для нихъ первою ночью чистой любви. Они остались чисты, какъ дѣти, какъ ангелы на небесахъ.

А Гудъ все свирѣпѣлъ, все не унимался и, казалось, хотѣлъ выместить на нихъ свою многовѣковую злобу. Къ концу втораго утра они почувствовали голодъ. Ѣсть было нечего; въ сумкѣ ничего не оказалось, а ѣсть хотѣлось страшно. Тутъ начались ихъ бѣдствія.

Нина была молчалива и спокойна. Когда Заурбекъ объявилъ ей, что у нихъ нѣтъ съѣстныхъ припасовъ и что имъ придется голодать, если бурунъ еще будетъ продолжаться,— она сказала почти весело:

— Я вѣдь сказала тебѣ: или ты, или смерть. А теперь— и ты здѣсь, и смерть недалеко,—я счастлива.

Къ вечеру однако положеніе ихъ ухудшилось. Нина не могла уже говорить. У Заурбека ввалились глаза, пересохло горло, распухъ языкъ. Отдавъ Нинѣ свою долю пищи еще вчера утромъ, онъ вторыя сутки ничего не ѣлъ. Голодъ мучилъ его ужасно; онъ не только не могъ говорить, но даже не могъ шевельнуться. Онъ лежалъ, распростертый въ шалашѣ, блѣдный и измученный, и тихо и жалобно стоналъ. Когда же

наступили третьи сутки, мученія ихъ достигли высшей степени. Онъ чувствовалъ приливъ какого-то отчаянія и бѣшеной злобы, душившей его; къ его горлу подступало что-то, глаза налились кровью и бѣшеная ярость клокотала въ его измученной груди. Своими налитыми кровью глазами онъ смотрѣлъ на Нину, но, Боже! что это былъ за взглядъ; въ ея полупотухшихъ глазахъ отразилось удивленіе. Онъ ѣлъ ее глазами. Скрежеща и щелкая зубами, смотрѣлъ онъ на нее, и рука его судорожно сжимала кинжалъ. Она стонала въ смертельномъ ужасѣ. Утро четвертаго дня уже было ужасно. Почти безъ чувствъ лежали они на землѣ. И вдругъ, съ безумной бѣшеной злобой, съ искаженнымъ отъ страшнаго голода лицомъ, съ ощетинившимися волосами, щелкая зубами съ нечеловѣческой силой, превратившись въ хищнаго звѣря,—онъ вскочилъ, схватился за кинжалъ, отогнулъ полу ея платья, обнажилъ ея красивую полную ногу и всадилъ въ нее свою острую сталь... Слабый стонъ вырвался у нея изъ груди. Это не былъ стонъ отъ физической боли,—нѣтъ, это скорѣе былъ стонъ нравственной душевной муки за гибель дорогаго идеала, за извѣрившееся чувство любви, за погибшую любовь. Это былъ погребальный стонъ прощанья съ лучшимъ, что только есть въ жизни.

А онъ, безумно рыча, впился своими острыми зубами въ зіяющую на ея ногѣ рану, изъ которой струилась горячая алая кровь: онъ пилъ эту кровь, за одну каплю которой въ другое время отдалъ бы жизнь; онъ рвалъ своими зубами это дивное бѣлое тѣло... Все лицо его было въ крови... Но онъ ничего не чувствовалъ, припавъ алчными губами къ ея ногѣ; онъ не могъ отъ нея оторваться...

Старый Гудъ торжествовалъ. Когда къ вечеру пришли изъ аула съ топорами и мотыками, нашедши слѣдъ по потерянному Заурбекомъ *газырю* [1]),—чтобы освободить ихъ изъ темницы,—когда раздѣлали, наконецъ, отверстіе, то нашли два человѣческихъ существа въ образѣ звѣрей, съ жестокой, непримиримой, смертельной враждой другъ къ другу. Когда Нину отогрѣли и дали ей немного пищи, когда она пришла въ себя и взглянула на свою истерзанную ногу и на окро-

[1]) Патронъ.

вавленное лицо возлюбленнаго,—чувство ненависти къ этому человѣку-звѣрю закипѣло въ ней также сильно, какъ кипѣло въ ней раньше чувство любви. И она просила увести поскорѣе ее отсюда, чтобы никогда болѣе не видѣть своего жениха. Чувство любви было навсегда погребено подъ ледянымъ холмомъ въ снѣговой могилѣ, въ царствѣ холода у стараго Гуда. Зато въ немъ оно разгоралось еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Увидѣвъ ненависть Нины къ Заурбеку, онъ разразился такимъ торжествующимъ, неистовымъ, раскатистымъ хохотомъ, что громадный каменный обвалъ скатился съ вершины и задавилъ подъ собою человѣка-звѣря. Нина была уже далеко и этого послѣдняго дѣйствія печальной трагедіи — не видала...

„Горный цвѣточекъ“ умиралъ. Нина лежала въ забытьи и бреду. Передъ окнами ея комнаты высились горы, покрытыя теперь сверху до низу серебряно-молочной ризой. Въ виду этихъ самыхъ горъ, у этого самаго окна,—сколько сладкихъ часовъ, полныхъ истомы и нѣги любви, она провела въ своей жизни! Не здѣсь ли объяснился ей въ любви человѣкъ, котораго она теперь такъ ненавидѣла, не здѣсь ли она страстно сжимала его въ своихъ чистыхъ дѣвичьихъ объятіяхъ; не здѣсь ли со смертельной тоскою прощалась она съ нимъ, благословляя на далекій, тяжелый и опасный путь? Не здѣсь ли, наконецъ, ее подслушивалъ старый Гудъ и шепталъ ей смутныя, таинственныя, нѣжныя рѣчи? И вотъ, подъ этимъ окномъ, она умирала. Рана ея заживала, но нѣжный организмъ не вынесъ лишеній голода, стужи и душевныхъ волненій... *цвѣтокъ Гудаура—краса долинъ* умирала.

Въ горячешномъ бреду металась она по тахтѣ. Разсыпались ея чудные волосы, цвѣта золотой паутины, сбѣжалъ слабый румянецъ съ ея запекшихся губъ, ея нѣжныя маленькія уши заострились, носикъ вытянулся, вся она исхудала. Лицо ея пылало, подъ темными глазами легли темные глубокіе круги. Она была дивно прекрасна, — эта умирающая лѣсная лилія. Глаза ея остановились на одной точкѣ и не узнавали окружающихъ. А на дворѣ дулъ порывистый вѣтеръ и, забираясь въ дымовую трубу, гналъ дымъ обратно въ комнату. Онъ за-

вывалъ въ трубѣ, какъ будто справляя тризну, и пѣлъ заупокойную пѣсню.

Старый грѣшникъ прилетѣлъ съ Гудаурской вершины посмотрѣть на свою жертву. Въ ризѣ снѣговъ и тумановъ сталъ онъ за этимъ окномъ и снова шепталъ ей горячія рѣчи. Она ихъ не слыхала. Тогда онъ запѣлъ ей пѣсню любви:

«Приди ко мнѣ, красавица младая,
Тебя коснусь я нѣжною рукой...
Клянусь дыханьемъ теплымъ мая—
Я не разстануся съ тобой!
Въ чертогъ и свѣтлый, и блестящій
Я посажу тебя на тронъ,
И пѣснью ласково-звучащей
Тебѣ навѣю дивный сонъ...
Клянусь грозы дыханьемъ жгучимъ
И вѣтра бурною струей,
Своею волею могучей,
Свирѣпой горною рѣкой—
Я на тебя обвалъ обрушу,
Чтобъ видъ прекраснаго лица,
Чтобы твою святую душу—
Никто не видѣлъ до конца...
Со мной вдвоемъ витать ты будешь
Въ вершинахъ неприступныхъ горъ,
Ты саклю бѣдную забудешь,
Людской забудешь жалкій взоръ!...
Одѣта ризою изъ снѣга,
Короной льдистой убрана,
Вся въ вихрѣ снѣжнаго набѣга,
Ты—Гуда властная жена!
И съ нимъ вдвоемъ, подъ солнцемъ жгучимъ,
Въ вѣнцѣ изъ блёстокъ золотыхъ,
Иль въ вихрѣ грозномъ и могучемъ,
Въ мерцаньѣ звѣздочекъ ночныхъ—
Летать ты будешь надъ землею,
Несясь въ заоблачную высь...

. . . . . Пѣсня замолкла. Она ей жадно и съ ужасомъ внимала. А мятель все бушевала и свирѣпѣла на дворѣ.

Съ послѣднимъ замирающимъ звукомъ пѣсни, Нина оторвала свои воспаленные глаза отъ окна, за которымъ стоялъ Гудъ въ длинномъ бѣломъ саванѣ, и слабо проговорила:

— Мать, о, мать, я видѣла сейчасъ за окномъ стараго горнаго духа.

— Она видѣла стараго Гуда! — со стономъ, въ ужасѣ проговорила старуха.—Прости, прощай, наше счастье, наша чистая голубка, наша безмятежная радость!...

Цвѣтокъ Гудаура навѣки увялъ.

В. Свѣтловъ.

ТАМБОВСКІЯ СМУТЫ.

(Набѣги Разина, Пугачева и первый холерный годъ).

Въ XVII столѣтіи, тамбовскій край былъ еще *украинным*ъ и, вслѣдствіе этого, былъ донимаемъ частыми и ежегодными татарскими, калмыцкими и ногайскими наѣздами. Общественная безопасность была до того сомнительна, что не только города и остроги, но и многія села вынуждаемы были огораживаться *надолобами*, *засѣками* и башнями, вооруженными пушками и пищалями. Внѣшняя смута поддерживалась также и самимъ населеніемъ, сбродным*ъ* и *голутвенным*ъ... При такихъ условіяхъ, наступилъ 1667 годъ.

Въ это время, подъ воровскія знамена отчаяннаго донскаго удальца Разина, со всѣхъ сторонъ стекались *захудалые и голутвенные бродники*,—все люди, недовольные московскими порядками и новыми церковными реформами, и всевозможные неудачники. Пущенъ былъ слухъ, совсѣмъ уже нелѣпый, что въ лагерѣ Степана Тимофеевича Разина скрывается отъ гонителей — авторъ осужденныхъ реформъ—святѣйшій патріархъ Никонъ, и вотъ потянулись на Волгу и ея притоки многочисленные приверженцы опальнаго владыки. Тогда же по всей Руси ходила молва, что подъ той же вѣрной разинской защитой пребываетъ самъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, и царелюбивая Русь слѣпо шла и на эту приманку. То было время, когда русская *могутная* сила не имѣла удержу и шла врозь путями ей невѣдомыми, стихійными... Въ казацко-крестьянской смутѣ принялъ дѣятельное участіе и весь тамбовскій край. Въ ту дико-грозную эпоху совершилось и у насъ немало убійствъ беззащитныхъ дворянъ и служилыхъ людей. Желѣзо и огонь работали усиленно... Мятежъ въ нашихъ предѣлахъ былъ тѣмъ ужаснѣе, что до самаго конца 1670 года не были посланы къ намъ изъ Москвы царскія дружины, и буйныя толпы дѣйствовали, поэтому, на всей своей волѣ.

Разинскій мятежъ съ особенною силою выразился въ темниковскомъ и кадомскомъ уѣздахъ. Это зависѣло отъ мѣстныхъ дремучихъ лѣсовъ и отъ характера населенія, большею частію крѣпостнаго и инородческаго. Главными вожаками темниковско-кадомскихъ воровскихъ партій были атаманы: *Абрамка* и *Ѳедька Сидоровы*. Большое вліяніе на мятежниковъ имѣли также прото-

попъ *Данила*, попъ *Пименъ* и старица *Аленка*. Подъ ихъ общимъ надзоромъ, оба наши уѣзда покрылись городками и крѣпкими засѣками, вооруженными пушками. По всѣмъ темниковскимъ и кадомскимъ дорогамъ стояли разинскіе караулы и не давали ходу ни конному, ни пѣшему... Въ селѣ Усть-Парцѣ, кадомскаго уѣзда, *собрались воры и многое разореніе чинили, людей пытали, до смерти били и въ ямы шибали, и животы имали; крестьяне Усть-Парцы съ ворами сложились за-единъ и въ селѣ Жуковѣ церковь Божію сожгли, а кадомскій воевода Дмитрій Аристовъ и темниковскій—Нелюбовъ, убояся напрасной смерти, бѣжали невѣдомо куда.* Въ это время, по всѣмъ кадомскимъ и темниковскимъ майданамъ, бутамъ и уметамъ ходили по рукамъ и громко, на мірскихъ сходкахъ, прочитывались *листы* отъ самого Разина и въ тѣхъ листахъ написаны были такія мятежныя рѣчи: «и вы бъ, кадомскіе черные люди, цѣловали крестъ царевичу Алексѣю Алексѣевичу и батюшкѣ нашему Никону-патріарху»... Но не всѣ наши воеводы, подобно Аристову и Нелюбову, въ тѣ смутные дни бѣжали съ своихъ мѣстъ. Были между ними и мужественные люди, для которыхъ святость присяги была дороже самой жизни. Въ данномъ случаѣ, особенное вниманіе обращаетъ на себя керенскій воевода Автономъ Безобразовъ, къ воеводству котораго въ XVII столѣтіи принадлежала значительная часть нынѣшняго нашего спасскаго уѣзда. Вотъ какъ просто и трогательно, за нѣсколько дней до мученической смерти, онъ *отписывалъ о ворахъ* въ одной своей *совѣтной грамоткѣ*:

«Воры хотятъ быть въ Керенскѣ, октября въ 5-й день (1670 года), и грацкимъ людямъ биться съ казаками не въ мочь и они приклонились къ ворамъ, а уѣздные люди давно съ ворами; и нынѣ воровскіе люди объявились въ семи верстахъ отъ Керенска, и грацкіе люди меня, воеводу, стерегутъ, чтобъ не ушелъ, и хотятъ ворамъ отдати, и тѣ люди не надежны, и шатаніе въ нихъ большое, и ожидаютъ они всякаго *дурна*, и будетъ великое разоренье и разграбленіе казны государевой».

Въ указанный Безобразовымъ день, къ Керенску подошелъ атаманъ Харитоновъ съ шайкою въ 5,000 человѣкъ. Ничтожный городокъ, укрѣпленный невысокимъ земляннымъ валомъ и *защищаемый* сомнительнымъ гарнизономъ, конечно, былъ взятъ и разграбленъ. Воеводу Автонома Семеновича Безобразова привели къ Харитонову, пытали въ его присутствіи и уговаривали склониться къ мятежникамъ, а послѣ пытокъ убили. Тѣло мужественнаго керенскаго воеводы впослѣдствіи было привезено въ Москву и погребено тамъ съ особенными почестями.

Смутная казацко-крестьянская эпоха выразилась также въ тамбовскомъ и козловскомъ уѣздахъ. Во многихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ этихъ уѣздовъ, крестьянская *голытьба* спалила барскія хоромы, а ихъ владѣльцевъ, не успѣвшихъ бѣжать, подвергла мучительной смерти. Къ возмутившемуся крестьянству подоспѣли на помощь казаки и, подъ начальствомъ атамана Калины Бочкова и есаула Ѳедора Здоровнева, овладѣли Лысогорскимъ острогомъ и Челнавскимъ острожкомъ и всю казну пограбили, а

царскихъ воеводъ повѣсили у *Круглаго озера*. Въ то же время, въ одномъ селѣ Горѣломъ, близь Тамбова, мятежниковъ собралось около 9,000 человѣкъ, а въ Верхоценской волости *всѣ* крестьяне возмутились, соединились съ воровскими казаками и заняли всѣ дороги. Особенно много собралось бунтовщиковъ у селъ: Татанова, Бойкина, Кузьминой-Гати, Куксова и у Троицкаго монастыря... Главнымъ тамбовскимъ возмутителемъ въ описываемую эпоху былъ станичникъ *Гаврилка Карноухъ*, а выдающимся вѣрнымъ царскимъ слугою — *тамбовскій рождественскій попъ Тимофей*. Однажды въ селѣ Червленомъ, гдѣ о. Тимофей уговаривалъ мятежниковъ, его схватили, избили и раздѣтаго, въ глубокую осень, бросили въ подполье, чтобы утромъ казнить, но доблестный священнослужитель не потерялъ присутствія духа и босой, въ одной рубахѣ, съумѣлъ вырваться изъ своей тюрьмы и бѣжалъ въ Тамбовъ, гдѣ объявилъ товарищу воеводы Пашкову, что червленскіе крестьяне великому государю *своровали*.

Къ счастію для тамбовская края, въ описываемую смуту у насъ былъ опытный, мужественный, умный и вліятельный воевода. Это былъ Яковъ Тимофеевичъ Хитрово. Онъ прибылъ въ Тамбовъ на воеводство уже почтеннымъ сѣдовласымъ старцемъ, и часто прихварывалъ, но, во имя служебнаго долга, забывалъ свои немощи и всюду и неизмѣнно являлся тамъ, гдѣ требовался хозяйскій воеводскій глазъ. Особенное свое вниманіе Хитрово обращалъ на укрѣпленіе и населеніе тамбовскихъ городовъ и селъ и на выкупъ плѣнныхъ. При немъ тамбовскій гарнизонъ составился преимущественно изъ воинскихъ людей солдатскаго строя, надъ которыми начальствовали полковники, полуполковники, ротмистры и адъютанты. За городскими стѣнами и валами, *по чертѣ и по засѣкамъ и перелазамъ*, по его стараніямъ, былъ поставленъ полный комплектъ всякихъ служилыхъ людей: дѣтей боярскихъ, засѣчныхъ сторожей, недорослей, станичниковъ, стрѣльцовъ, пушкарей, полковыхъ казаковъ и половинщиковъ. Во всѣхъ укрѣпленіяхъ тамбовскаго района тщательно установлены и снаряжены были мѣдныя и желѣзныя пищали *дальняго бою*,—всего 54 орудія. На крѣпостныхъ проѣзжихъ башняхъ повѣшены были большіе вѣстовые колокола. Въ то же время, въ городѣ Тамбовѣ выстроили новыя бревенчатыя приказныя избы со всѣми службами, просторныя житницы и 2 винокурни, а городскую крѣпость заслонили стоячимъ лѣсомъ. Между прочимъ, Я. Т. Хитрово замѣчателенъ былъ своею хозяйственностью. Въ его время, по всей Цнѣ, на нѣсколько сотъ верстъ, тянулся большой строевой лѣсъ. Во время нашей усиленной колонизаціи второй половины XVII вѣка, этотъ лѣсъ начали быстро и безразсчетно вырубать. Тогда нашъ воевода завелъ правильное лѣсное хозяйство и нѣкоторые лѣсные участки, *для береженья*, объявилъ заповѣдными. [1]) Когда началась у насъ разинская смута, причемъ *людей безсчетно побивали и въ полонъ имали, и стало много дворовъ пустыхъ*, тутъ-то и проявилась вполнѣ правительственная энергія стари-

[1]) Моск. арх. министерства юстиціи, кн. 61, стр. 387.

ка—воеводы. Со своими дружинами онъ лично пошелъ *по чертѣ на Шацкъ, и надъ воровскими людьми промышлялъ божіимъ и государевымъ дѣломъ, и поиски чинилъ, и всякими обычаи про вора Стеньку провѣдывалъ накрѣпко.* А между тѣмъ бунтовщики дѣлали свое дѣло, не давая пощады именно лицамъ дворянскаго, служилаго званія. «А ѣздятъ воровскіе казаки по уѣздамъ,—говорится въ нашихъ документахъ,—рубятъ они помѣщиковъ и вотчинниковъ, за которыми крестьяне, а черныхъ людей никого не рубятъ и не грабятъ». 10 октября 1670 года *прибѣжали* въ Тамбовъ изъ степи *станичники и вожи*, и сказывали воеводскому товарищу Пашкову, что разинскіе полки плывутъ по Хопру и что съ ними самъ Стенькинъ братъ, Фролка. Тѣ же гонцы объявили въ приказной избѣ, что скоро подъ Тамбовъ придетъ атаманъ-тамбовецъ, Ивашка Мартыновъ, и всѣхъ перебьетъ и ограбитъ... Смутились тамбовцы и ждали себѣ бѣды неминучей. Но Богъ пронесъ грозу. Мятежники узнали, что воевода оставилъ въ *заново* укрѣпленномъ Тамбовѣ значительный гарнизонъ, въ 2,118 человѣкъ, нарядъ и зелье, и прошли мимо города, ограничившись грабежемъ его окрестностей. 14 октября 1670 года, близъ села Конобеева, въ семи верстахъ отъ Шацка, у Хитрово, соединившагося съ другими царскими воеводами, былъ бой съ ворами, и *на томъ бою воровскіе казаки были побиты, а ихъ пушки и знамена поиманы.* Во время конобеевскаго сраженія, главнымъ «воровскимъ» атаманомъ былъ Мишка Харитоновъ, а подручными есаулами были у него: Васька Ѳедоровъ, Шиловъ и Чирѣкъ. Многіе *воры и мужики воровскіе*, въ то время, были взяты въ плѣнъ и подверглись разспросамъ и пыткамъ. 16 октября, Хитрово вступилъ въ Шацкъ, а утромъ, 17-го, мятежники *многимъ собраніемъ приходили къ Шацкому и его слободамъ.* Воровскіе казаки открыли пушечный огонь по крѣпости. Въ городѣ вспыхнулъ пожаръ. Въ пожарной суматохѣ шацкіе обыватели безпорядочно бѣгали по улицамъ: многіе изъ нихъ вопили и причитали въ смертномъ страхѣ. На колокольняхъ ударили всполохъ. Женскій вопль и дѣтскіе крики усиливали общую панику... Въ это время нашъ тамбовскій воевода Я. Т. Хитрово хладнокровно и быстро собралъ весь шацкій гарнизонъ и вышелъ съ нимъ въ поле, за слободы, и *милостію божіею и великаго государя счастьемъ побилъ воровскихъ людей и многіе языки поималъ.* Къ вечеру побѣдитель вернулся въ крѣпость. Пожаръ уже стихалъ; жители немного успокоились и могли встрѣтить стараго воеводу съ должнымъ почетомъ.

26 октября, когда безопасность г. Шацка стала несомнѣнною, неутомимый Хитрово выступилъ къ селу Княжому *унимать его жителей отъ воровства и шатости.* Взбунтовавшіеся жители Княжаго стали «по чертѣ» у моршанскихъ проѣзжихъ воротъ и *чинили проѣзжимъ всякое дурно.* Къ нимъ пристали иныя села, и вскорѣ они сообща взяли силою дворцовыя имѣнія: Алгасово и Рыбную Пустошь. Тутъ-то и настигъ ихъ Хитрово, и осадилъ, и къ обозу ихъ *приступами жестокими приступалъ и изъ пушекъ билъ и побивалъ, и села Алгасово и* Рыбное зажегъ и

разорилъ, и отъ тоё пушечныя стрѣльбы и великія тѣсноты воры съ атаманомъ Тимошкой Мещеряковымъ добили великому государю челомъ... За такую покорность оставшіеся въ живыхъ измѣнники были помилованы. Помиловалъ ихъ тамбовскій воевода царскимъ именемъ, и послѣ того пошелъ въ село Сасово на другихъ измѣнниковъ и разбилъ ихъ.

Къ концу 1670 года военное счастіе видимо и рѣшительно склонилось на сторону царскихъ воеводъ. Воровскіе люди бѣжали почти на всѣхъ пунктахъ. Рѣдкіе изъ нихъ принимали бой, но зато бились съ отчаянною храбростью, твердо помня, что отъ Москвы пощады теперь не будетъ. Послѣдняя битва Хитрово съ измѣнниками была у села Ачадова, недалеко отъ Спасска, 11 декабря. Въ своей отпискѣ царю объ этомъ дѣлѣ нашъ полководецъ писалъ такъ: «Государю царю... холопъ твой Яшка Хитрово челомъ бьетъ. 11-го, государь, декабря съ воровскими людьми былъ бой и твои разные люди къ воровскимъ засѣкамъ приступали жестокими приступами, бились явственно, не щадя головъ своихъ, и у тѣхъ засѣкъ воровскихъ людей побивали, и знамена и зелья и свинецъ у нихъ отбивали, и въ обозъ ихъ вбили, и по тому обозу изъ пушекъ стрѣляли, и на воровскихъ людей кидались въ пики, и многіе изъ шляхты на томъ бою переранены тяжелыми ранами, пиками и рогатинами пробиты насквозь, изъ пищалей и луковъ прострѣлены«. 14 декабря 1670 года край нашъ былъ умиротворенъ окончательно. «Воровскими людьми овладѣлъ великій страхъ», и всѣ они «вины свои принесли и государю добили челомъ, чтобъ имъ къ воровскимъ прелестямъ не приставать и никакимъ воровствомъ не воровать и во всемъ быть послушными». Тогда началась обычная расправа. Попа Пимена и другихъ зачинщиковъ повѣсили, а старицу *Аленку*, обвиненную въ колдовствѣ, сожгли въ срубѣ... Сожженіе Аленки совершилось торжественно и всенародно на главной площади города Темникова. «Злую еретичку» жгли медленнымъ огнемъ, и въ то же время вѣшали попа Савву и 18 человѣкъ темниковскихъ крестьянъ. Въ теченіе 1671 года, весь тамбовско-шацкій край былъ совершенно очищенъ отъ послѣднихъ остатковъ разинскихъ шаекъ. Только на городскихъ площадяхъ, дорожныхъ перекресткахъ и на другихъ бойкихъ мѣстахъ висѣли неприбранные трупы казненныхъ преступниковъ, пугая своимъ ужаснымъ видомъ и смрадомъ прохожихъ и проѣзжихъ...

Послѣ того, прошло сто лѣтъ. Край нашъ, относительно говоря, отдыхалъ. Мѣстная колонизація усиливалась. Земледѣльческая культура процвѣла къ половинѣ прошлаго вѣка до того, что наши тамбовскія тучныя поля прославились на все царство и привлекали на себя особенное вниманіе старыхъ и новыхъ вотчинниковъ. Бѣдная благоустроенными городскими поселеніями,— сторона наша покрылась богатыми боярскими усадьбами. И вотъ, въ 1774 году, на тамбовскій край надвинулась новая гроза—пугачевщина [1]). Предвѣстниками пугачевской смуты явились у

[1]) Эта замѣтка о пугачевщинѣ служитъ дополненіемъ къ напечатанной мною въ „Историч. Вѣстникѣ“, въ 1883 году.

насъ многочисленныя толпы мѣстныхъ *утеклецовъ*, внезапно и, повидимому, безъ всякой причины поднимавшихся съ родныхъ насиженныхъ гнѣздъ цѣлыми партіями и даже деревнями. Наскоро собирали они домашнюю рухлядь, *невозбранно* двигались въ степи и тамъ *осаживались*, а женъ, дѣтей и стариковъ оставляли дома. Куда они шли и зачѣмъ, показалъ тяжелый 1774 годъ.

Къ лѣту 1774 года вся восточная часть тамбовской губерніи сразу «замутилась». Началось великое переселеніе дворянъ и ихъ вѣрныхъ челядинцевъ изъ вотчинъ въ города и столицы. Ждали у насъ самого самозванца, вѣрили въ него и чаяли себѣ какихъ-то несбыточныхъ льготъ... Въ то время шацкимъ воеводою былъ маіоръ Лопатинъ. Это былъ человѣкъ весьма властный въ мирное время и весьма *осторожный* въ смуту. Когда пошли угрожающія вѣсти о пугачевцахъ, Лопатинъ, 23 іюля 1774 года, собралъ *присутствіе* и объявилъ ему, что онъ завтра же отправляется для обозрѣнія почтовыхъ трактовъ, мостовъ и посаженныхъ на большихъ дорогахъ деревьевъ... Однако члены присутствія протестовали противъ этой сомнительной поѣздки, и Лопатинъ вынужденъ былъ остаться въ Шацкѣ. 3 августа онъ возобновилъ свою попытку выѣхать въ уѣздъ и поручилъ городъ своему товарищу, князю Мещерскому. Но «присутствующіе» снова воспротивились выѣзду воеводы и напомнили ему судьбу тѣхъ нашихъ городовъ, которые въ разныя смуты оставались безъ главныхъ правителей. Весьма основательно они высказывали и ту мысль, что жители города Шацка *придутъ въ крайнюю робость безъ воеводы*. Воевода опять послушался.

6 августа, Лопатинъ получилъ отъ воронежскаго губернатора Шетнева указъ «о сборѣ съ возможнымъ поспѣшеніемъ шацкаго дворянства съ вооруженными людьми», чтобы дать отпоръ пугачевцамъ. Этотъ указъ окончательно перепугалъ его. Шацкому воеводѣ стали мерещиться одни измѣнники и злодѣи. О существованіи вѣрныхъ и честныхъ сыновъ отечества Лопатинъ забылъ совершенно. Поэтому, когда капитанъ Савостьяновъ собралъ противъ пугачевцевъ 300 человѣкъ крестьянъ, воевода приказалъ распустить ихъ, а въ города и села шацкой провинціи отправилъ *увѣщателей*. Между тѣмъ, въ Шацкъ пришли новыя грозныя вѣсти. Жители многихъ мѣстныхъ городовъ арестовали своихъ начальниковъ и выдали ихъ злодѣямъ на вѣрную и лютую казнь. Посланные Лопатинымъ «для увѣщанія жителей» подпоручики Мансуровъ и Протопоповъ доѣхали до села Зарубкина и спѣшно вернулись назадъ, потому что по всѣмъ селамъ ихъ тракта разъѣзжали пугачевцы, ловили *господъ* и сдавали ихъ атаманамъ, а то и сами убивали... Мѣстная пугачевщина расплывалась все шире и шире, постепенно и неудержимо захватывая уѣзды: краснослободскій, темниковскій, керенскій, кирсановскій, моршанскій, шацкій и тамбовскій. Многіе города были *разбиты*. Робко выглядывали изъ своихъ хатъ на бушевавшихъ пугачевцевъ запуганные и смущенные обыватели, но воспротивиться расходившейся дикой силѣ не могли. И было въ тѣ дни великое и даровое пьянство. Пили старые и малые, мужчины и женщи-

ны, такъ какъ всѣ питейные дома были отворены и отданы на общее разграбленіе...

Подошли пугачевцы и къ древнѣйшему городу нашего края, Кадому. Пока опасность была отъ него далеко и самое ея существованіе подвергалось нѣкоторому сомнѣнію, кадомскій воевода Зенбулатовъ властно и увѣренно угомонялъ волновавшуюся городскую толпу. Зычнымъ голосомъ творилъ онъ въ приказной избѣ судъ и расправу. Крѣпко надѣялись мирные кадомскіе обыватели на своего зычнаго и властнаго воеводу, но вотъ пугачевцы подошли и къ Кадому. И воевода до того перепугался, что скрылся и оставилъ смущенный городъ своему товарищу Сомову. Трудную задачу взялъ на себя Сомовъ. Только что обнаружилось бѣгство воеводы, какъ бургомистръ Рахманиновъ и ратманъ Рожновъ вошли въ квартиру Сомова и рѣшительнымъ тономъ объявили ему о *городовой шатости*.

— Въ случаѣ нападенія пугачевцевъ, — говорилъ Рахманиновъ,—отпору дать некѣмъ.

— А гдѣ же купцы и однодворцы кадомскіе?—спросилъ Сомовъ.—Куда дѣвались наши царскіе слуги?

— Купцовъ въ городѣ теперь не болѣе 20-ти, а однодворцевъ вовсе нѣтъ...

Тогда Сомовъ послалъ гонца въ Шацкъ съ просьбой о помощи. «Кадомское купечество и ратуша,—писалъ онъ,—подозрительны, къ защитѣ города ненадежны и бунтуютъ». Въ это время жена одного кадомскаго однодворца Михайлова, пойманнаго при повѣшеніи помѣщика Дуракова и арестованнаго, тайно сбѣжала въ пугачевскую шайку и просила тамъ себѣ и мужу защиты. Слѣдомъ за нею потянулись туда же и другіе *жалобщики*... Кадомцы ждали непріятеля съ часу на часъ. Между тѣмъ, къ нимъ прибыла изъ Шацка подмога, подъ начальствомъ офицера Есипова. Только этой подмогѣ городъ не обрадовался. Лишь только Есиповъ прибылъ въ Кадомъ, какъ къ нему подошелъ ратманъ Рожновъ и объявилъ, что горожане въ его защитѣ не нуждаются и просятъ солдатъ идти вонъ. Такъ какъ отрядъ Есипова былъ слабъ и по кадомскимъ улицамъ ходили шумныя и крайне возбужденныя толпы, то онъ вынужденъ былъ послушаться Рожнова и сталъ *на степи*, у села Анаева. Въ беззащитномъ городѣ началась анархія, а въ кадомскомъ уѣздѣ *набольшимъ человѣкомъ* объявился мордвинъ Иванъ Савельевъ. Смута со дня на день возрастала. Пьяные мятежники врывались въ церкви. Одинъ изъ нихъ, дворовый Семенъ Ивановъ, во время богослуженія вошелъ въ церковь села Перевоза съ обнаженною саблею, остановилъ священнодѣйствіе и громко приказалъ молиться *за императора Петра Ѳедоровича*. Ставъ на амвонъ, Ивановъ шумѣлъ на всю церковь: «Православные! Государыни у насъ нѣтъ, а есть государь Петръ III».

— Не правда,—перебила его стоявшая въ церкви помѣщица, старушка Бѣлякова,—государь умеръ и царствуетъ царица.

Тогда Ивановъ бросился съ амвона на Бѣлякову и сталъ бить ее. Съ трудомъ оттащили его отъ упавшей на землю старушки и

вывели на паперть... Впослѣдствіи Иванова, по конфирмаціи графа Панина, казнили въ селѣ Перевозѣ. Сначала у него отрубили руки, потомъ ноги и голову. Отрубленныя части воткнуты были на колья и долго распространяли смрадъ и ужасъ. Въ это смутное время, по обычаю, у насъ, кромѣ крупныхъ злодѣевъ, явились и разные мелкіе проходимцы. Одинъ изъ нихъ, крестьянинъ помѣщика Аничкова, Сусоровъ, разглашалъ: «Меня-де ни ружье, ни рогатина взять не могутъ, ото всего отговорюсь; и которые со мной пойдутъ, всѣ будутъ цѣлы». И слушали его тупые, легковѣрные люди, и шли на вѣрную погибель. Наступила весна 1775 года. Трупы казненныхъ людей заражали весь нашъ край. Былъ сильный голодъ. По дорогамъ грабили и убивали. Весною 1775 года, по повелѣнію императрицы, стали у насъ уничтожать висѣлицы и глаголи, снимать и зарывать трупы казненныхъ. Уцѣлѣвшіе преступники были прощены, а *злая пугачевщина предана вѣчному забвенію.*

Съ прекращеніемъ пугачевской смуты, жестоко разорившей и опустошившей весь нашъ край, началась у насъ обычная жизнь. Жители постепенно вошли въ свою относительно мирную колею... Но вотъ новая бѣда пришла къ намъ. Въ іюлѣ 1830 года, по всей тамбовской губерніи стали ходить зловѣщіе слухи о какой-то неслыханной и губительной болѣзни, имя которой — холера-морбусъ. 10 августа грозныя вѣсти подтвердились офиціально. Немедленно составили *холерный комитетъ* для защиты тамбовскихъ обывателей отъ заразы. Дотолѣ апатичныя губернскія власти сразу обнаружили правительственную энергію. Вся тамбовская губернія покрылась сѣтью карантиновъ, кордоновъ, заставъ и пикетовъ. На городскихъ и сельскихъ выгонахъ стали безпрерывно жечь всякій навозъ, и дымъ отъ этого смраднаго куренія разносился повсемѣстно и застилалъ солнце. Въ это время взволнованные жители тамбовской губерніи, измученные страхомъ грядущей повальной смерти, сдѣлались особенно чуткими ко всѣмъ холернымъ вѣстямъ. Въ народѣ поднимался ропотъ. Всюду смущались самыми неожиданными разглашеніями. Непризванные захолустные ораторы упорно твердили одно: «холеры у насъ нѣтъ и быть не можетъ, да такой болѣзни и не бывало. А что люди начали помирать, такъ это дѣйствуетъ отрава, пущенная господами и лѣкарями и начальниками въ рѣчки, колодцы и на воздухъ». Слушалъ эти дикія и безсмысленныя рѣчи нашъ угрюмый, измученный всякою деревенскою страдою, «сѣрый народъ» и всему вѣрилъ. Сами сельскіе начальники, охотно и съ вѣрою въ правоту своихъ дѣйствій, примыкали къ темнымъ и легковѣрнымъ толпамъ и дѣйствовали съ ними заодно. Такой случай былъ осенью 1830 года въ селѣ Перкинѣ, моршанскаго уѣзда. Туда пріѣхалъ земскій засѣдатель для устройства холернаго кордона и приказалъ мѣстному сотскому собрать для этого нужные матеріалы и рабочихъ. Черезъ 3 часа послѣ полученнаго приказанія, сотскій явился къ засѣдателю и объявилъ, что перкинскіе крестьяне въ холеру не вѣрятъ и кордона строить не желаютъ. Это заявленіе деревенскаго начальника внушительно поддержано

было появленіемъ у засѣдательской квартиры крестьянской толпы человѣкъ въ 300. Тогда засѣдатель вышелъ на крыльцо и громко окликнулъ народъ.

— Что вы за люди и что вамъ нужно?

— Не во гнѣвъ сказать вашей милости,—отвѣчали ему,—мы и безъ кордону усмотримъ вашу холеру. Знаемъ, какая это холера, очень превосходно знаемъ: только вы ужь не пеняйте, если мы раздѣлаемся съ ней по своему.

Засѣдатель былъ человѣкъ не робкій и двумъ впереди стоявшимъ крестьянамъ далъ по пощечинѣ, а третьяго ударилъ кулакомъ по головѣ и принялся таскать его за бороду. Однако храбрость не спасла засѣдателя. Его окружили и били безъ милосердія, и уже потомъ, еле живаго, отпустили домой. Узналъ объ этомъ мѣстный дворянскій предводитель и наспѣхъ прибылъ въ Перкино, но и его не послушались, и ему крестьяне громко выкрикивали: «слышали мы, какая такая объявилась холера; нечего вашему брату и толковать объ ней». Еще не унялось перкинское волненіе, какъ холерная смута объявилась въ селѣ Никольскомъ, тамбовскаго уѣзда, по поводу устройства въ томъ селѣ холерной больницы. Когда полицейскія власти объявили на сходѣ о цѣли своего пріѣзда, весь деревенскій міръ пришелъ въ волненіе и изъ толпы громко заговорили: «ваши дѣла—непригожія, и за такими непригожими дѣлами къ намъ въ село ѣздить не можно»... Чины полиціи, ничего не сдѣлавъ, уѣхали въ Тамбовъ, но черезъ нѣсколько дней вернулись снова въ Никольское, потому что въ названномъ селѣ появилась холера. Съ полиціей пріѣхали два врача. Заболѣвшіе умирали въ нѣсколько часовъ. Это крайне смутило никольскихъ жителей, и по деревенскимъ избамъ все быстрѣе и быстрѣе пошли ходить нелѣпыя вѣсти о томъ, что, *по наученію дворянъ, подкупленныхъ поляками, лькаря ръжутъ и варятъ больныхъ въ кипяткѣ*... Тогда крестьяне потихоньку отъ властей собрались за околицей, вооружились кольями, дубинами и косами, съ громкимъ крикомъ пошли на больницу, разграбили ее и всѣхъ больныхъ возвратили въ ихъ дома. Затѣмъ двинулись на полицейскую квартиру — искать исправника, засѣдателя, солдатъ и понятыхъ, но тѣхъ и слѣдъ простылъ...

Впослѣдствіи никольскіе крестьяне были судимы военнымъ судомъ. Во время предварительнаго слѣдствія, они снова собрались толпою и рѣшили подать просьбу о защитѣ отъ гражданскаго начальства—тамбовскому архіерею Евгенію. Съ этою цѣлью они выбрали двухъ *старателей* и послали ихъ въ Тамбовъ къ мѣщанину Ильину, который промышлялъ составленіемъ просьбъ и исковъ. Мѣщанинъ Ильинъ, въ своемъ прошеніи отъ никольскихъ крестьянъ, выражалъ ту мысль, что обыватели села Никольскаго всѣ обстоятъ благополучны, болѣзней повальныхъ у нихъ не было и нѣтъ, но гражданское начальство неизвѣстно почему выдумало, что въ ихъ селѣ завелась какая-то холера, и прислало для притѣсненія ихъ чиновниковъ и лѣкарей». Никольскихъ обывателей смущало то обстоятельство, что ихъ больныхъ сажали въ горячія ванны, а передъ ванной каждому паціенту

пускали кровь. «И отъ того,—плакались темные и взволнованные мужички,—многіе изъ нашихъ въ самой водѣ предавали души свои Богу безъ напутствованія св. тайнами». Произведеніе доморощеннаго тамбовскаго юриста заключалось слѣдующими словами: «знамо, что лѣкаря куплены поляками морить народъ, а начальство морочить, и никакой болѣзни у насъ не бывало и нѣтъ». Эту просьбу никольскіе *старатели* привезли изъ Тамбова въ Никольское и вслухъ прочитали на сходѣ. Слушали эту нескладицу угрюмые поселяне, одобрили и послали по назначенію. Но *ходоковъ* подъ самымъ Тамбовомъ взяли подъ стражу и, вмѣсто архіерейской пріемной, они очутились въ острогѣ...

Холерныя волненія произошли и въ Моршанскѣ. 13 августа 1831 года, уѣздный лѣкарь Ингверсенъ съ частнымъ врачемъ Беккеромъ хотѣли вскрыть первый холерный трупъ. Въ это время больничный смотритель, купецъ Ширяевъ, вошелъ въ палату и властно сказалъ врачамъ:

— Рѣзать тѣла не велю, а коли не послушаетесь, позову народъ и всѣхъ васъ перебьемъ.

Ингверсенъ и Беккеръ стали возражать. Тогда Ширяевъ топнулъ ногой и закричалъ:

— Молчать! И поступать у меня по божьему, а не по нѣмецкому. Вонъ отсюда!

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, въ моршанской пригородной слободѣ былъ мірской сходъ. Пошатываясь, пришелъ на сходъ изъ сосѣдняго кабака и обычный его посѣтитель, удѣльный крестьянинъ Коршуновъ, и громко объявилъ *міру*:

— Братцы! помирать надо. Ночь на 26 сентября будетъ весьма неблагополучная. Въ каждый годъ и въ каждую избу заглянетъ въ то число сама холера, худая и страшная такая, и выберетъ, кого ей надо.

Отъ этихъ словъ смутился весь Моршанскъ. Прошли 12 дней самаго томительнаго ожиданія. Наступила ночь подъ 26 сентября. Всѣ моршанцы, старые и малые, больные и здоровые, вышли вечеромъ изъ домовъ своихъ, ночевали на улицахъ и до утра, горячо молясь, не смыкали глазъ. Ночь прошла благополучно. Пророчество Коршунова не сбылось. Самого неудачливаго пророка посадили въ острогъ и навсегда лишили права участвовать въ мірскихъ совѣтахъ и выборахъ. Между тѣмъ смута, произведенная имъ, долго не прекращалась. Въ народѣ появились разныя *приметы*. Доморощенные естествоиспытатели таинственно и глубокомысленно объявляли, что въ тотъ грозный годъ «касаточекъ прилетѣло мало, а черныхъ воронъ и пустушекъ много, и то предвѣщаетъ великія народныя бѣдствія».

Осенью того же 1831 года, въ Моршанскѣ былъ и еще одинъ замѣчательный случай. Нѣкто мѣщанинъ Залѣсскій поссорился въ трактирѣ за бильярдной игрой съ крестьяниномъ Шумаевымъ, отнялъ у него шапку и зашилъ въ нее сулемы и мышьяку. Съ этимъ трактирнымъ трофеемъ Залѣсскій отправился въ полицію и заявилъ частному приставу, что *Шумаевъ есть человѣкъ весьма подозрительный по холерной части*. Владѣя такою несомнѣнною

уликою противъ Шумаева, Залѣсскій совершенно развязно разсказывалъ чинамъ моршанской полиціи: «Читалъ я въ «Вѣдомостяхъ», что съ мыса Доброй Надежды присланы въ Берлинъ 30 ядовитыхъ стрѣлъ и надъ тѣми стрѣлами дѣлали опытъ: одной стрѣлой коснулись ноги голубя, онъ тотчасъ забилъ крыльями и умеръ; другою дотронулись до чешуи рыбы-карпа, и въ тую жъ минуту рыба карпъ умерла; третьею стрѣлою кольнули кошку,—съ ней сдѣлалась рвота, поносъ и судороги, и черезъ нѣсколько минутъ и кошки не стало».

— Для чего же эти стрѣлы присланы? — спросилъ частный приставъ.

— Народъ морить и смуту дѣлать,—отвѣчалъ Залѣсскій.

Тогда Шумаева схватили и съ большою осторожностью отправили въ острогъ, такъ какъ вокругъ полиціи собралась огромная толпа и требовала выдачи *холернаго распускателя*.

Холерная смута постепенно и неудержимо распространялась по всѣмъ уѣздамъ тамбовской губерніи. Дошла она и до села Старыхъ Копылъ, лебедянскаго уѣзда. Старые Копылы расположены на лѣвомъ берегу Красивой Мечи. Близъ села, на той же рѣкѣ, по теченію, стояла деревенька Мочилки. И вотъ, однажды, мочильскія бабы мыли бѣлье на рѣкѣ и увидѣли, что какой-то мужчина подошелъ къ берегу рѣки, постоялъ, посмотрѣлъ на воду и, быстро повернувшись, удалился по елецкой дорогѣ. Вслѣдъ затѣмъ, одна изъ женщинъ замѣтила, что по рѣкѣ что-то плыветъ. Всѣ онѣ бросились къ неизвѣстному предмету, такъ какъ онъ плылъ около самаго берега, и усмотрѣли деревенскій холстъ. Женщины прибѣжали въ деревню и, перебивая одна другую, разсказали всему міру, что онѣ видѣли полака, и «тотъ полякъ бросилъ въ воду холстъ съ ядомъ». Мужики сейчасъ же погнались за *полякомъ*, настигли его и избили. Поймали и холстъ. Полякъ и холстъ представлены были въ Лебедянь. Но, на слѣдующій день, въ лебедянскій судъ пришли изъ Старыхъ Копылъ двѣ женщины и слезно стали просить отдать имъ холстъ, который нечаянно упустили онѣ на рѣкѣ. Холстъ возвратили по принадлежности. Освободили изъ заключенія и мнимаго поляка, который оказался дворовымъ человѣкомъ и посланъ былъ своимъ бариномъ въ Елецкъ на почту... Тревожные слухи распространились также и въ самомъ Тамбовѣ. Чиновникъ Никитинъ разглашалъ, что холерные начальники, не разбирая болѣзни, всѣхъ больныхъ насильно забирали въ больницу, залѣчивали тамъ и потомъ «кучами сваливали въ особыя ямы»; иногда больной былъ еще живъ, но и его сваливали въ мертвецкую кучу. А мѣщанинъ Сорокинъ говорилъ на тамбовскомъ базарѣ такія рѣчи:

— Слышалъ я, братцы, отъ вѣрныхъ людей, будто турецкій султанъ продаетъ евреямъ Іерусалимъ, и, какъ продажа совершится, всѣ евреи со всего лица земнаго соберутся въ обѣтованную землю и настанетъ тогда жидовское царство. Русскіе же не хотятъ заступиться за святой городъ, и вотъ за такое поношеніе Гробу Господню посылаетъ Господь на русскихъ людей холеру.

— За дорого ли продаетъ султанъ Іерусалимъ? — спросили Сорокина.

— Знамо—за великіе милліоны, но у жидовъ этимъ милліонамъ числа и мѣры нѣтъ.

— А гдѣ султанъ будетъ совершать купчую: въ судѣ или палатѣ? — вмѣшался въ разговоръ проходившій мимо частный приставъ.

Сорокинъ смѣшался и объявилъ частному, что онъ разсказывалъ *не изъ своей головы*, а по чужимъ рѣчамъ. Говорливаго мѣщанина отправили однако къ полицмейстеру...

Въ грозные холерные дни, въ тамбовскихъ городахъ и селахъ совершались ежедневныя богослуженія, но и молитвы не всегда располагали богомольцевъ къ смиренію и терпѣнію. 27 іюня 1831 года, жители села Бурнака, борисоглѣбскаго уѣзда, вышли послѣ обѣдни изъ церкви и стали въ оградѣ. Когда къ крестьянамъ приблизился мѣстный священникъ Савринскій, его окружили и спросили:

— Есть ли подъ поломъ алтаря крестъ и не наклонился ли онъ на сторону?

— Для чего вамъ это нужно?—спросилъ священникъ.

— Для того,—отвѣчали крестьяне,—чтобы крестъ поправить, и тогда холера прекратится.

Послѣ этихъ словъ, 6 человѣкъ крестьянъ вынули въ основаніи церкви нѣсколько кирпичей и полѣзли подъ алтарь. Остальные обыватели сняли шапки, перекрестились и ждали результатовъ подпольной экспедиціи... И вотъ изслѣдователи вылѣзли на свѣтъ божій и объявили, что креста подъ церковью нѣтъ. Всѣ были увѣрены, что крестъ подъ алтаремъ былъ, но кѣмъ-то скраденъ. Между тѣмъ о. Савринскій ушелъ домой. Народъ тронулся за нимъ и въ толпѣ пошли такія рѣчи: «крестъ у насъ украденъ попомъ Савринскимъ, и онъ продалъ его губернатору, и оттого пошла въ народѣ холера». Съ трудомъ священникъ успокоилъ народъ и уговорилъ его выбрать *ходоковъ* для подачи прошенія архіерею относительно постановки креста подъ церковью. Прошеніе ихъ, разумѣется, уважено не было; эти *ходоки* попали подъ судъ и по нѣскольку лѣтъ высидѣли въ острогахъ, или же были высѣчены и сосланы на поселеніе...

Но самая сильная холерная смута, перешедшая въ открытый бунтъ, происходила въ самомъ Тамбовѣ. Такъ какъ въ этомъ городѣ уже ходили въ народѣ тревожные слухи, то начальство приняло, сообразно съ обстоятельствами, свои мѣры. Дома холерныхъ больныхъ оцѣпили военными караулами. Въ городъ начали пускать только такихъ лицъ, которыя ѣхали изъ *благополучныхъ* мѣстъ. Вслѣдствіе этой послѣдней мѣры, число пріѣзжихъ въ Тамбовъ сразу сократилось, а также уменьшился подвозъ съѣстныхъ припасовъ...

Осенью 1830 года холера дѣйствовала въ нашемъ губернскомъ городѣ довольно слабо, унося въ могилы около 5 человѣкъ въ сутки; тѣмъ не менѣе врачебная управа потребовала у губернатора для холерныхъ могильщиковъ кожаные халаты съ капюшо-

нами. Въ холерную больницу начали забирать всѣхъ больныхъ безъ разбору. Иногда и пьяныхъ смѣшивали съ больными. Разъ забрали въ больницу сильно подгулявшаго мѣстнаго силача, мѣщанина Гаврюшку. Очнувшись въ больничной палатѣ, тамбовскій богатырь началъ ломиться вонъ изъ больницы, разбилъ тамъ окна, разломалъ на больничномъ дворѣ холерную повозку. При этихъ условіяхъ, тамбовцы отнеслись къ начальству недовѣрчиво и враждебно. По вечерамъ они накрѣпко запирали ворота и двери, закрывали ставни, рано тушили свѣчи и все таки дрожали: вотъ-вотъ пріѣдетъ крытая повозка и заберетъ всѣхъ въ больницу, на вѣрную и лютую смерть...

18 ноября, шумная толпа, съ головой, купцомъ Байковымъ, во главѣ, собралась около зданія городской думы. Изъ толпы безпрерывно раздавались крики: «Нѣтъ холеры! зачѣмъ забираютъ народъ въ больницу? Тамъ рѣжутъ и варятъ людей!» На этотъ шумъ пріѣхалъ губернаторъ Мироновъ вмѣстѣ съ архіереемъ Евгеніемъ и сталъ успокоивать толпу. Тихо и дрожащимъ старческимъ голосомъ внушалъ губернаторъ своимъ бушевавшимъ слушателямъ, какъ дурно они поступаютъ, выдумывая разныя небылицы, но его не послушались. Губернаторъ и архіерей уѣхали домой. Настало мѣщанское царство. Ночью бунтовщики пошли въ 1-ю городскую часть и сняли оцѣпленіе съ 3-хъ холерныхъ домовъ. На утро губернскія власти хотѣли было дѣйствовать противъ народа рѣшительно, но побоялись, такъ какъ мѣстный батальонъ состоялъ большею частію изъ солдатъ престарѣлыхъ и неблагонадежныхъ. Между тѣмъ, около полудня, толпа устремилась къ губернаторскому дому и потребовала объявленія о несуществованіи холеры. Губернаторъ не выходилъ. Съ наступленіемъ вечера бунтовщики, большею частію сильно захмѣлѣвшіе, стали дѣйствовать смѣлѣе. Быстро и съ громкими криками, всполошившими мирныхъ гражданъ, они пошли къ больницѣ, разогнали охранявшій ее военный караулъ, ворвались въ комнаты, расшвыряли лѣкарства, опрокинули котлы съ теплой водой для ваннъ и такимъ образомъ, по офиціальному выраженію, *уничтожили больницу*. Во время больничнаго разгрома, нѣкоторые тамбовскіе мѣщане вошли въ больничный сарай и вытащили оттуда нѣсколько труповъ. При этомъ, съ особенною жалостью они смотрѣли на тѣло одного солдата съ мертвымъ младенцемъ въ рукахъ. «Вотъ, —говорили въ толпѣ, — злодѣямъ и малыхъ ребятъ не жалко...» Больничный фельдшеръ Даниловъ въ эту суматоху выбѣжалъ на лугъ къ лѣсу, но его догнали и жестоко избили... Была уже ночь. Къ больницѣ, съ нѣкоторыми ротами гарнизоннаго батальона, подошелъ губернаторъ. Толпа медленно и понемногу стала расходиться. Тогда губернаторъ, въ надеждѣ, что его правительственная роль исполнена, поѣхалъ домой, но на Никольскомъ мосту его остановили и начали бранить, и только при помощи гарнизонныхъ штыковъ ему удалось благополучно укрыться отъ опасности... На слѣдующій день, тамбовскій архіерей Евгеній служилъ въ соборѣ обѣдню и молебенъ. Затѣмъ онъ вышелъ на соборную площадь и сталъ уговаривать толпу, чтобы она успокоилась и ожидала милости отъ

начальства. На эти слова мѣщанинъ Онуфріевъ отвѣчалъ архіерею: «Отъ кого ждать намъ милости? Вся надежда на милость божію!» Въ то же время одна мѣщанка подошла къ Евгенію и стала просить его, чтобы ей выдали или, по крайней мѣрѣ, показали тѣло умершаго въ больницѣ ея мужа. На эту просьбу послѣдовалъ такой отвѣтъ: «тебя, какъ бунтовщицу, надо взять подъ караулъ». Но толпа зашумѣла и заговорила: «нѣтъ, не выдадимъ!..»

Вскорѣ послѣ того, въ Тамбовъ вступили части полковъ вятскаго и казанскаго, митавскій гусарскій полкъ и конно-піонерный эскадронъ. Бунтъ прекратился. Мироновъ отправилъ государю донесеніе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «въ беззаконныхъ и богопротивныхъ дѣйствіяхъ тамбовскихъ мѣщанъ и однодворцевъ я усматриваю не одно простое неудовольствіе на мѣры, предпринимаемыя противъ холеры, но подозрѣваю гораздо важнѣйшія намѣренія злыхъ людей, которые дѣйствуютъ скрытнымъ образомъ посредствомъ сихъ невѣждъ на народное возмущеніе»...

Однако, такихъ злыхъ людей и ихъ *важнѣйшихъ намѣреній*, по суду и слѣдствію, совсѣмъ не оказалось. Были только: бѣда лютая, тьма непросвѣтная и провинціальная безурядица... По приговору военно-судной комисіи, въ дѣйствіяхъ которой принималъ участіе флигель-адьютантъ графъ Ивеличъ, главными виновниками тамбовскаго холернаго бунта признаны были мѣщане: Данила Ильинъ и Евлампій Акимовъ. Оба они приговорены были къ наказанію плетьми и ссылкѣ на каторгу безъ срока. Восьмерыхъ подсудимыхъ приговорили къ наказанію шпицрутенами. Всѣхъ же подсудимыхъ было 200 человѣкъ, въ томъ числѣ городской голова Байковъ, купецъ Вологинъ, купецъ Купріяновъ, два купца Толмачевы и частный приставъ Шатиловъ.

Экзекуція надъ осужденными 1-й и 2-й категоріи происходила въ Тамбовѣ 1-го сентября 1831 года. При этомъ, особенное сочувствіе публики, отчасти же и самого суда, возбуждалъ Евлампій Акимовъ. Вотъ относительно его военно-судное опредѣленіе: «дерзкими своими поступками, несомнѣнно обнаруженными, Евлампій Акимовъ заслуживаетъ строжайшаго наказанія. Но горькое раскаяніе, которое онъ почувствовалъ, какъ скоро позналъ свое заблужденіе, достойно состраданія. Необразованный, обманутый толпами злоумышленниковъ, сей несчастный, имѣвъ отъ природы пылкій нравъ и не будучи до сихъ поръ замѣченъ въ дурныхъ поступкахъ, вообразилъ себѣ, что онъ защищаетъ ближняго изъ человѣколюбія и долга христіанскаго, и тѣмъ въ теченіе одного дня сдѣлался государственнымъ преступникомъ»... [1]).

Были потомъ, въ Тамбовѣ и въ тамбовской губерніи, и еще грозные холерные года: въ 48—49 гг., 55, 66 и 71 году. Изъ нихъ особенно памятенъ мѣстнымъ жителямъ послѣдній годъ. Въ это время зараза съ особенною губительностью разразилась

---

[1]) Матеріаломъ для сообщенія о холерномъ бунтѣ послужило особое слѣдственное дѣло, хранящееся въ архивѣ тамб. губерн. правленія.

въ Тамбовѣ и Борисоглѣбскѣ. Въ Тамбовѣ признаки холерной эпидеміи, изрѣдка со смертельномъ исходомъ, обнаруживались еще въ апрѣлѣ. Но до половины іюня они никого особенно не смущали. Никто не могъ предвидѣть размѣровъ той ужасающей смертности, которая въ концѣ іюня и началѣ іюля оцѣпенила весь Тамбовъ... Смертность, при 35-тысячномъ населеніи, стала доходить *до 180 человѣкъ въ сутки*. Иные умирали въ теченіе 3-хъ часовъ послѣ заболѣванія. Нѣкоторые дома вымерли до одного человѣка. Во многихъ семействахъ разомъ хоронили отцовъ и матерей, такъ что дѣти оставались безъ всякой помощи и призора. Иногда же многосемейные отцы и матери сами въ одинъ и тотъ же день провожали на кладбище всѣхъ своихъ дѣтей, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ весело рѣзвившихся... Съ трудомъ находили погребальныхъ носильщиковъ и могильщиковъ. Случалось, что эти носильщики, а равно и родственники умершихъ, во время самой церемоніи погребенія, внезапно падали и начинали мучиться въ холерныхъ конвульсіяхъ... Въ присутственныхъ мѣстахъ и магазинахъ остановились дѣла. Сильно работали одни гробовщики, но и у нихъ, наконецъ, не стало товару, и начальство вынуждено было выписывать гроба изъ Москвы. Церкви были пусты. Окна обывательскихъ домовъ были закрыты день и ночь ставнями или же плотно занавѣшены, а ворота крѣпко затворены. Мертвыхъ уже не выносили въ церкви: ихъ везли прямо на кладбища раннимъ утромъ или позднимъ вечеромъ, и безъ звона. Всѣ улицы, не смотря на свѣтлую лѣтнюю погоду, были безлюдны. Изрѣдка по нимъ проѣзжали измученные и торопившіеся врачи, священники и полицейскіе. Въ это ужасное время, всѣ мѣстныя власти, — административныя, духовныя и медицинскія,—честно исполняли долгъ свой и не выѣзжали изъ города. Всѣмъ чинамъ подавалъ примѣръ самъ губернаторъ *Н. М. Гартингъ*.

Холера въ Тамбовѣ кончилась, а въ Борисоглѣбскѣ холерные ужасы только что начинались. Тамъ холера продолжалась около 2-хъ недѣль, но и за это время унесла въ могилы едва ли не столько же жертвъ, какъ и въ Тамбовѣ. Городское управленіе наскоро устроило холерную больницу. Она быстро наполнялась больными и умирающими. Паника была такая, что больничные служители разбѣжались. И только тогда они стали являться на мѣсто службы, когда изъ Тамбова прибыла медицинская комисія, щедро снабженная медикаментами и денежными средствами...

Чрезвычайное развитіе тамбовской эпидеміи 1871 года объяснялось гигіеническими условіями города. Если это правда, то на будущія времена нашъ городъ долженъ считаться гарантированнымъ отъ ужасныхъ эпидемій. Въ послѣднее время, по нашимъ улицамъ и площадямъ разведены тѣнистые скверы и аллеи, такъ что въ лѣтнюю пору нашъ Тамбовъ, смѣло можно сказать, *утопаетъ въ зелени*. Но—что важнѣе всего,—у насъ есть превосходный водопроводъ, замѣняющій прежнюю мутную цнинскую воду...

Ив. Дубасовъ.

ДОРОГОЮ ЦѢНОЮ.

РОМАНЪ.

XXVI.

Князь Никита Кирилловичъ Малоземельный зачастилъ къ Чекмаревымъ съ того знаменательнаго вечера, когда Надежда Александровна была провозглашена невѣстою Зернова. Сама генеральша, такъ радушно принявшая его сначала въ качествѣ выгоднаго жениха съ громкимъ именемъ и крупнымъ состояніемъ, немного нахмурилась было, узнавъ, что онъ женатъ, но вскорѣ смѣнила гнѣвъ на милость—ужь больно льстило ея тщеславію вниманіе молодаго титулованнаго гвардейца. Этому значительно способствовало желаніе Nadine принимать Малоземельнаго и ея нѣсколько фамильярное обращеніе съ нимъ, какъ съ будущимъ шаферомъ. Впрочемъ, Софья Петровна всегда и во всемъ уступала волѣ дочери. Еслибы Надежда Александровна, при первомъ свѣдѣніи о томъ, что князь давнымъ-давно женатъ, выказала бы, по отношенію къ его ухаживаніямъ, нѣкоторую холодность, — онъ, разумѣется, и самъ не сталъ бы столь предпріимчивъ. Но она съ нимъ кокетничала, заигрывала, и молодой человѣкъ чувствовалъ себя поощреннымъ. Случилось все это очень просто, почти само собою. Давно увлеченный князь, всюду разыскивавшій красавицу Чекмареву и не находившій случая быть ей представленнымъ, разумѣется, чрезвычайно обрадовался знакомству Хвостикова съ этимъ домомъ. Восторгъ такъ и пылалъ въ его яркомъ взорѣ, когда онъ любовался Надеждою Александровною. Съ другой стороны, и она давно замѣтила, еще при случайныхъ встрѣчахъ съ нимъ, — то на улицѣ, то въ теат-

рахъ,—этотъ страстный огонекъ въ его взорѣ. Онъ льст
ей, а когда на набережной она увидѣла чудный экипаж
слѣдовавшій за нимъ, то почувствовала себя еще болѣе по
щенной тѣмъ, что владѣлецъ такой роскоши можетъ, р
каприза ея, пасть къ ея ногамъ. Притомъ, жизнь съ гл
на глазъ съ маменькой, даже съ ежедневными акуратными
сѣщеніями томно вздыхавшаго Павла Павловича Зернова
была не изъ веселыхъ. Ей такъ все прискучило за посл
ніе годы, что высказанная радость при помолвкѣ ея съ З
новымъ объяснялась развѣ только тѣмъ, что „вотъ, мо
слава Богу, конецъ этому дѣлу". Бывали моменты,—и за
слѣднее время они повторялись все чаще,—когда красав
Nadine съ какимъ-то сожалѣніемъ смотрѣла на данное
согласіе жениху. Въ особенности бывало это послѣ посѣ
нія князя.

Хвостиковъ прекрасно умѣлъ выставлять наружу и на п
вый планъ всѣ маленькія достоинства своего сіятельн
друга. Ловко поставленными вопросами онъ самъ вызы
его или, иначе сказать, наводилъ на ловкіе, остроум
отвѣты. Всѣ таланты молодаго князя поочередно вы
нали на свѣтъ, благодаря искуснымъ маневрамъ его фа
тума. И еслибы имъ стать въ ранжиръ, то они со
вили бы немалую шеренгу, говорящую въ пользу моло
человѣка, а главное — его умѣнія держать себя пріятно
обществѣ. Онъ шутилъ мило и прилично, пока гово
съ Надеждой Александровной, и позволялъ себѣ нѣкото
вольности только тогда, когда оставался съ глазу на гл
съ Софьей Петровной, по собственному ея сознанію, лю
шей „поврать". Если нужно было, игралъ на фортепі
удачно подбирая по слуху послѣднія новинки болѣе лег
репертуара. Онъ владѣлъ пріятнымъ голосомъ и помнилъ
изустъ до пятидесяти романсовъ, разсказывалъ анекд
послѣ которыхъ никогда не разражался первый хохотом
скромно ожидалъ, чтобы это сдѣлали другіе. Съ Софьей
тровной онъ такъ игралъ въ пикетъ, что она не только
игрывала четыре короля сряду, но имѣла случай еще п
писывать по двѣсти и по четыреста за боковые и сплош
„сквозники". Онъ привозилъ дамамъ такого рода пода
которые не возбраняется принимать даже въ лучшемъ об

ствѣ. То были чудные цвѣты, рѣдкіе въ нашу суровую зиму, но тѣмъ болѣе радующіе сердце при этой постоянной мглѣ и темнотѣ ноябрьскихъ и декабрьскихъ дней. Наконецъ, онъ досталъ, совсѣмъ неожиданно для всѣхъ, прекрасную литерную ложу въ Михайловскомъ театрѣ на бенефисъ Лины Ментъ и пріѣхалъ съ предложеніемъ торопиться въ театръ, всего за часъ до начала представленія. Гдѣ тутъ было писать записки Павлу Павловичу?.. Довольно и того, что приказано было Дарьѣ на словахъ сообщить ему, куда поѣхали. Дарья забыла, а, быть можетъ, изъ тайнаго желанія угодить щедрому князю, ничего не сказала жениху.

Надеждѣ Александровнѣ было теперь весело; съ одной стороны, она сознавала, что будущность ея устроена, а съ другой,—что она кружитъ голову человѣку, который ей самой чрезвычайно нравится. Но ей хотѣлось знать, что̀ думаетъ этотъ князь, отдаваясь увлеченію и не прекращая своихъ ухаживаній?.. Какъ онъ относился къ своей женѣ—это было для нея ясно. Къ тому же, Хвостиковъ не замедлилъ сообщить Софьѣ Петровнѣ, а та своей дочери, въ чемъ именно заключалось дѣло. Но ей нужно было знать, на что надѣялся Малоземельный и насколько высоко онъ цѣнилъ ее. Думалъ ли онъ приготовить себѣ положеніе друга дома послѣ ея свадьбы? Разсчитывалъ ли на обыкновенную легкую побѣду, или принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя, въ случаѣ, если чувство ихъ задѣто за живое, способны на крупныя жертвы? Ея самолюбивой натурѣ было лестно сознавать, какъ быстро и, тѣмъ не менѣе, всецѣло она овладѣла имъ. Ему видимо нравилось пребываніе въ ея обществѣ, даже молча, безъ разговоровъ съ нею. Онъ, не скучая, проводилъ цѣлый вечеръ въ Пушкинской улицѣ, играя въ пикетъ съ генеральшей Чекмаревой, чтобы только сохранить за собою право любоваться красивою дѣвушкою, сидящей тутъ же и разсѣянно слушающей робкіе разсказы Павла Павловича Зернова. Князь ощущалъ какое-то новое, теплое, успокоивающее, а въ то же время и бодрящее чувство въ атмосферѣ этой скромной гостинной. Онъ сознавалъ новизну своихъ ощущеній и думалъ въ то же время: насколько лучше они всѣхъ тѣхъ пошлыхъ удовлетвореній его избалованной натуры, которыя онъ находилъ прежде въ шумной и разгульной жизни Петербурга. По-

степенно это гнѣздышко стало для него необходимымъ. Онъ все болѣе сближался съ Надеждой Александровной и, когда та любопытно разспрашивала его о чемъ либо съ цѣлью изучить эту натуру и узнать, насколько добра и пользы изъ нея можно почерпнуть, онъ умѣлъ въ своихъ откровеніяхъ быть безгранично деликатнымъ. Даже въ признаніяхъ того восторга, который вызывала въ немъ ея обаятельная красота, молодой князь находилъ такого рода нѣжныя и осторожныя выраженія, что она не разъ удивлялась его поэтичности.

И, дѣйствительно, было странно видѣть этого молодца-гвардейца, давно усвоившаго всѣ красоты казарменныхъ выраженій и привыкшаго къ легкимъ отношеніямъ съ женщинами исключительно не тяжелаго поведенія,—теперь превратившагося въ олицетвореніе скромности и наивности.

XXVII.

Но, если молодой князь, отдаваясь совершенно новому для него чувству, иной разъ, въ присутствіи Надежды Александровны, превращался изъ сорванца въ человѣка скромнаго и робкаго,—онъ отъ этого только выигрывалъ. Mademoiselle Чекмарева, возбужденная его постояннымъ присутствіемъ и этимъ молящимся на нее взоромъ, поощряла его своимъ кокетствомъ и даже прямыми домогательствами объясненій—къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ выводить ошибочнаго заключенія. Очаровательная Nadine нетерпѣливо вызывала наступательныя дѣйствія со стороны князя съ единственною цѣлью—ловко ихъ отпарировать. Быть можетъ, это — странное наслажденіе, но оно вообще свойственно женской натурѣ, а кокетливой въ особенности. Дѣйствовала она въ этомъ отношеніи чрезвычайно смѣло, хотя съ каждымъ днемъ все яснѣе сознавала, до какой степени Малоземельный дѣйствительно ей нравился. Только долгій опытъ и ловкое минованіе неоднократно представлявшейся бѣды или опасности давали ей право думать, что она давнымъ давно закалена въ бою.

Въ этотъ вечеръ, радость ея поѣздки на бенефисъ Лины Ментъ была на минуту омрачена во время перваго антракта

Малоземельный воспользовался тѣмъ, что Хвостиковъ отвлекъ вниманіе Софьи Петровны и, придвинувъ свой стулъ совсѣмъ близко къ Надеждѣ Александровнѣ, склонившись къ ней настолько, что губы его едва не прикасались къ ея раскрытой шеѣ, сказалъ:

— Я тѣмъ болѣе радъ вашему согласію поѣхать въ театръ, что теперь уже не скоро буду имѣть удовольствіе провести съ вами вечеръ.

— Что вы этимъ хотите сказать?—спросила она, рѣзко къ нему обернувшись и всматриваясь въ выраженіе его лица. Первою ея мыслью было: не солгалъ ли онъ, чтобы поинтересничать, не маневръ ли это съ его стороны, чтобы заставить себя упрашивать?... Но онъ отвѣчалъ съ замѣтнымъ волненіемъ, хотя и съ твердою рѣшимостью:

— Давно уже, около двухъ недѣль, возвращаясь отъ васъ, я даю себѣ слово на другой же день прекратить эти поѣздки, а чуть наступитъ утро, единственная мечта моя—дождаться скорѣе часа, когда можно снова увидѣть васъ.

— Да, но кто же вамъ это запрещаетъ теперь?

Онъ не сразу отвѣтилъ, и тогда она прибавила:

— Мы всѣ вамъ очень рады; даже Павелъ Павловичъ, и тотъ васъ такъ полюбилъ...

— Позвольте, не о Павлѣ Павловичѣ рѣчь! Да и вы прекрасно знаете, почему мнѣ больше не слѣдуетъ бывать у васъ.

— Нѣтъ, не знаю. Почему же?

— А потому, что я безумно увлеченъ вами, что я полюбилъ васъ тѣмъ чувствомъ, прочнымъ, непоколебимымъ, ничѣмъ неизгладимымъ, на которое самъ себя никогда не считалъ способнымъ, и потому что я связанъ, скованъ. Любовь моя ничего, кромѣ мукъ и огорченій, не принесетъ мнѣ.

Ея лицо вдругъ стало серьезно и глаза приняли нѣсколько грустное выраженіе. Прошло болѣе минуты молчанія, и наконецъ она сказала:

— Такъ ли все это серьезно, какъ вы думаете?... Вспомните прежнее: не случалось ли вамъ быть уже много разъ въ совершенно такомъ же положеніи?... Молодой человѣкъ встрѣчаетъ въ обществѣ новое лицо; что нибудь въ этомъ лицѣ ему нравится, а на пути болѣе или менѣе серьезныя

препятствія, и вотъ онъ рѣшаетъ, что для него наступила пора истинной любви и что все прежде испытанное ничего общаго съ настоящимъ чувствомъ не имѣетъ. Не то же ли самое повторяется теперь и съ вами?

— Нѣтъ, Надежда Александровна! И вы это знаете не хуже меня самого.

— Я! Почему же я могу это знать?

— Потому что вы слишкомъ умны, для того чтобы отъ васъ скрылось истинное чувство человѣка.

— Ну, хорошо, допустимъ, что я бы знала и вѣрила всему этому,—къ чему же мы бы съ вами пришли?

— Вотъ потому-то, что я прекрасно сознаю отсутствіе всякаго для меня исхода, я сегодня прощаюсь съ вами, беру завтра отпускъ и ѣду за границу.

Видя, что она не отвѣчаетъ, онъ продолжалъ:

— Я разсматривалъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и дошелъ наконецъ до того, что спрашивалъ самого себя: какая польза въ томъ, если я съ своей стороны пойду на всевозможныя жертвы, на компромиссы съ своею совѣстью, тогда какъ вы вѣдь сами не свободны?..

— Теперь ужь я васъ совсѣмъ не понимаю,—очень серьезно обернулась къ нему Надежда Александровна.—О какихъ уступкахъ, о какихъ компромиссахъ съ совѣстью вы говорите?

— Вы разрѣшаете мнѣ говорить все такъ, какъ я думаю?—спросилъ онъ, едва сдерживая свое волненіе.

— Не только разрѣшаю, но прошу, — снова обворожительно улыбаясь, отвѣтила она.—Только вы скажете все въ слѣдующемъ антрактѣ: второе дѣйствіе начинается, будемъ же слушать пьесу.

XXVIII.

Молодой человѣкъ ликовалъ. До пьесы ему не было рѣшительно никакого дѣла. Онъ не зналъ еще, что она ему скажетъ, къ чему приведетъ его откровенность, но онъ получилъ право высказаться и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобъ снова опустили занавѣсъ. Дѣйствіе, какъ на зло, тянулось

неимовѣрно долго. Князь смотрѣлъ на сцену, думая о томъ, какую массу ненужныхъ лицъ ввелъ драматургъ въ свое произведеніе, и не замѣчалъ, что во всемъ театрѣ, повидимому, онъ одинъ былъ такого мнѣнія: со всѣхъ мѣстъ биткомъ набитой залы зрители внимательно и участливо слушали, видимо довольные игрою и играющими. Софья Петровна поминутно обращалась къ кому нибудь въ ложѣ съ черезчуръ громкими фразами одобренія или порицанія. Nadine сидѣла гордая, съ едва улыбающимся взоромъ, чувствуя, когда на нее наводились бинокли, и сознавая свою красоту. Хвостиковъ пыжился и вытягивался, стараясь болѣе округлить вырѣзъ своего жилета и выпучить грудь, прикрытую бѣлою и тугою, какъ картонъ, сорочкою. Князь ждалъ и, когда дождался, что опустили занавѣсъ, чуть не попросилъ громко Хвостикова поскорѣе увести Софью Петровну. Но Надежда Александровна догадалась сдѣлать это иначе: она встала съ мѣста и, обращаясь къ своей maman, сказала:

— Прошлый антрактъ мы просидѣли здѣсь, а теперь ваша очередь. Любуйтесь на публику, а мы съ княземъ пройдемъ въ аванложу.

Когда они усѣлись въ маленькой комнаткѣ, Надежда Александровна еще разъ повторила свой вопросъ:

— О какихъ жертвахъ, о какихъ компромиссахъ вы говорили?

— А вотъ о какихъ, Надежда Александровна,—отвѣчалъ онъ, снова чувствуя огромный приливъ волненія и едва въ силахъ справиться съ нимъ. — Мнѣ только нужно сдѣлать нѣкоторыя предположенія, чтобы объяснить вамъ, какимъ образомъ я пришелъ къ этой мысли. Еслибы допустить, во-первыхъ, что вы совсѣмъ свободны; во-вторыхъ, что я вамъ достаточно нравлюсь, для того чтобы вы приняли мое предложеніе, я бы заставилъ жену свою дать мнѣ разводную, чего бы это ни стоило и ей, и мнѣ.

— Да вѣдь, мнѣ кажется, вамъ лично развестись съ женою и не трудно, такъ какъ вы сами говорили, что относитесь къ ней, какъ къ чужому человѣку, и никогда не любили ея?—строго глядя на него, спросила mademoiselle Чекмарева.

— Да, я говорилъ это раньше, готовъ подтвердить и теперь, но именно потому-то, находясь во многихъ отношеніяхъ въ зависимости отъ нея, мнѣ пришлось бы вступать предварительно въ переговоры съ своею совѣстью и склонить ее на нѣкоторыя уступки. Я буду съ вами совсѣмъ откровененъ. Что могу я вамъ предложить въ будущемъ, если съ возвращеніемъ свободы лишусь тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми теперь пользуюсь?!. Оберъ-офицерскій чинъ, правда, приправленный очень громкимъ титуломъ, но при такихъ скудныхъ средствахъ, что ихъ невполнѣ хватаетъ на удовлетвореніе потребностей самой службы. А безъ этой службы я уже совершенное *ничто*. Ни къ какому дѣлу я не приспособленъ, а начать учиться мнѣ, въ тридцать лѣтъ, поздно. Но, помимо всего этого, я еще разъ повторяю, что, еслибы два другихъ моихъ сомнѣнія могли разсѣяться, то есть, еслибы я зналъ васъ вполнѣ свободною и готовою охотно принять мою руку, я нашелъ бы въ себѣ и достаточно энергіи, чтобы настоять на своемъ—добиться въ самое короткое время развода—и сохранить за собою столь блестящее матеріальное положеніе, которое дало бы вамъ возможность смотрѣть въ будущее безбоязненно, съ улыбкою на устахъ.

Она не сводила съ него глазъ и, когда онъ замолкъ, улыбнулась ему такъ, какъ еще никогда не улыбалась; затѣмъ медленнымъ, но въ высшей степени мягкимъ и граціознымъ движеніемъ протянула ему руку и внятно сказала:

— Добейтесь.

— Какъ?..—воскликнулъ онъ, не сразу понявъ эти слова или боясь ошибиться. Онъ не выпустилъ ея руку, а крѣпко сжалъ и поднесъ къ своимъ губамъ. Но она сочла нужнымъ сдержать его порывъ.

— Успокойтесь, постарайтесь сдержать себя, не подавайте никому виду, продолжайте бывать у насъ каждый день и добейтесь скорѣе развода.

— Въ полгода, Надежда Александровна, даже меньше, нежели въ полгода, все будетъ кончено.

— Даю вамъ годъ сроку. Я готова прождать и цѣлый годъ.

— А Павелъ Павловичъ Зерновъ? — внезапно спросилъ князь, и лицо его выразило испугъ.

— Предоставьте его мнѣ. Я думаю, вы не ревнуете меня къ нему?

Въ ея улыбкѣ и, въ особенности, въ выраженіи ея глазъ ясно перебѣгало теперь что-то шаловливое, плутоватое, и князь не могъ оставаться серьезнымъ. Онъ чувствовалъ, что, дѣйствительно, не ему ревновать къ Зернову!... Но въ душѣ онъ былъ добръ и ему стало жаль несчастнаго; онъ сказалъ:

— Павелъ Павловичъ не переживетъ вашего отказа онъ умретъ отъ горя.

— Вотъ для этого-то и не надо наносить ударъ сразу, а можно будетъ постепенно пріучить его къ мысли, что все еще можетъ измѣниться. Предоставьте эту сторону дѣла мнѣ и устраивайтесь только сами—поскорѣе да получше. А теперь вернемтесь въ ложу и, разумѣется, никому ни слова.

— Позвольте еще одинъ только разъ вашу руку?— взмолился къ ней Малоземельный.

— Извольте, хоть два, хоть три раза.—И она сама поднимала то одну, то другую руку къ его губамъ и терпѣливо ожидала, пока онъ ихъ цѣловалъ.

XXIX.

По возвращеніи въ ложу, настроеніе князя совершенно измѣнилось; онъ съ большимъ интересомъ сталъ слѣдить за ходомъ пьесы, которая теперь казалась ему занимательной; самое выполненіе онъ уже находилъ прекраснымъ. По временамъ только, отрываясь отъ сцены, онъ обводилъ взглядомъ залу и, если встрѣчалъ знакомыхъ, то выжидалъ, чтобы тѣ обернулись къ нему, и тогда не только любезно, но и радостно раскланивался съ ними. Что же касается Надежды Александровны, то въ ней трудно было замѣтить перемѣну, хотя въ глазахъ ея мелькалъ чуть уловимый огонекъ торжества побѣды, и когда она обращалась къ князю, то улыбка ея была болѣе обыкновеннаго ласковой и ободряющей. Софья Петровна, счастливая уже тѣмъ, что имѣла возможность показаться въ театрѣ, въ которомъ присутствовалъ весь петербургскій

beau monde, и желая продлить сообщество обворожившаго ее князя, съ самой любезной улыбкой предложила Малоземе льному и Хвостикову отправиться изъ театра къ нимъ пить чай, на что тѣ съ удовольствіемъ изъявили согласіе.

— Странно, что не пріѣхалъ Павелъ Павловичъ,—сказала она, обращаясь къ дочери.

— Закапризничалъ, вѣроятно!—сказала Nadine, чуть пожимая плечами, и затѣмъ продолжала:

— Зная его щепетильность, я нисколько не удивляюсь, что онъ не захотѣлъ пріѣхать въ чужую ложу, не получивъ личнаго приглашенія князя. Впрочемъ, я отчасти довольна этимъ:—онъ разогналъ бы наше веселье своими серьезными тенденціями!

Хотя князь и чувствовалъ въ душѣ, по врожденной добротѣ своей, нѣкоторое угрызеніе совѣсти, и ему стало жалко человѣка, у котораго онъ отнималъ счастье, ожидаемое долгіе годы; но въ то же время онъ не могъ, по эгоистическому чувству, удержать счастливой улыбки и подумать про себя—что чѣмъ же, молъ, я виноватъ, если на моей сторонѣ шансовъ больше?

По пріѣздѣ домой, Дарья, на вопросъ Надежды Александровны, былъ ли Зерновъ, сообщила, что Павелъ Павловичъ заѣзжалъ, но что она забыла, въ какой театръ уѣхали господа, а потому предпочла отговориться незнаніемъ. Надежда Александровна, безъ строгости, сдѣлала Дарьѣ замѣчаніе быть впередъ внимательнѣе къ отдаваемымъ приказаніямъ, но тутъ же, обращаясь къ Софьѣ Петровнѣ, добавила:

— Впрочемъ, все равно: Павелъ Павловичъ не пріѣхалъ бы въ театръ, разъ ложа не имъ взята.

Точно оправдывая свою неделикатность, она ссылалась на щепетильность Зернова, какъ будто щепетильность человѣка даетъ право другимъ быть съ нимъ невѣжливыми. Пройдя въ свою комнату, чтобы снять перчатки и оправиться, Надежда Александровна, оставшись въ томъ же туалетѣ съ открытыми руками и шеей, вышла въ столовую, гдѣ уже застала все общество за столомъ, освѣщеннымъ висячею лампою, а Софья Петровна — разливала чай. Разговоръ скользилъ съ предмета на предметъ, причемъ, разумѣется, очень много говорилось о сегодняшнемъ спектаклѣ, о пьесѣ, о публикѣ и въ особенности объ артистахъ. Сама мадамъ Чекмарева была въ

восторгѣ отъ Гитри, хотя тутъ же сознавалась, что Вальбель ей болѣе нравился, и что она никогда не простит дирекціи, что та не съумѣла удержать его у насъ. При этомъ, она нападала на женскій персоналъ, не давая пощады даже самой бенефиціанткѣ, этой признанной звѣздѣ нашей французской труппы, какъ о ней выражался Хвостиковъ. По его мнѣнію, еслибы дирекція слушалась однихъ дамъ, то на сцену выпускали бы все однихъ мужчинъ, и все красивыхъ, одинъ другаго лучше.

— А послушать васъ, такъ навѣрно однѣ женщины допускались бы на сцену,—огрызнулась она.

— Нѣтъ-съ, добрѣйшая Софья Петровна,—поддерживалъ свой шуточный споръ съ нею повѣренный по судебнымъ дѣламъ. — Нашъ братъ куда справедливѣе, мы умѣемъ отыскивать прекрасное и понимаемъ его всюду, въ комъ бы оно ни проявилось,—въ мужчинѣ или въ женщинѣ, безразлично.

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста, — никакъ не хотѣла угомониться генеральша.—Все это вы и говорите, и дѣлаете только для того, чтобы казаться безпристрастными.

— Почему же, въ такомъ случаѣ, мы даже и въ красавицѣ смѣло и открыто признаёмъ бездарность и, наоборотъ, готовы преклониться и падать ницъ передъ талантомъ, облеченнымъ въ далеко некрасивую женскую фигуру.

— Когда это было? Что-то я не помню!

— Я могу назвать вамъ сколько угодно подобныхъ примѣровъ. Недавно еще, помните, мы съ княземъ прямо къ вамъ пріѣхали изъ концерта въ дворянскомъ собраніи, и тогда же разсказывали все подробно. Вышла скрипачка-нѣмка; хороша собой замѣчательно; тотчасъ замѣтно, что появленіемъ своимъ она сразу подкупила расположеніе всей публики. И что же вы думаете? Начала она играть, сначала никто ничего понять не можетъ. Въ залѣ переглядываются, наконецъ перешептываются и думаютъ: что же это такое? какіе-то дѣтскіе этюды, неумѣлость, неопытность и притомъ наглость поражающая. А она стоитъ себѣ на эстрадѣ, смычкомъ, какъ попало, по струнамъ водитъ, а глазами въ публику стрѣляетъ. Та все еще думаетъ, что это съ ея стороны милыя шутки, что она нарочно для бо̀льшаго контраста и для увеличенія эффекта хочетъ сначала показаться неловкою и затѣмъ, перейдя къ

болѣе трудному, сразу выкажетъ всю силу своего таланта. Но ничуть не бывало: взяла она еще аккордъ, другой; потомъ опустила ручки со скрипкой и со смычкомъ, граціозно всѣмъ поклонилась, улыбаясь наивно, какъ ingénue, и преспокойно ушла съ подмостокъ. Собравшаяся толпа недоумѣвала, и вся эта тысяча головъ сидѣла, полураскрывъ рты отъ удивленія. Вдругъ кто-то вдали на хорахъ громко хлопнулъ въ ладоши (должно быть клякёръ), но тогда вся зала, какъ одинъ человѣкъ, зашипѣла въ неудержимомъ шиканьѣ. И когда, наконецъ, все успокоилось, когда вышла наша знаменитая Бѣлявская, женщина некрасивая, подъ сорокъ лѣтъ, и своимъ могучимъ контральто запѣла дивную арію изъ Джіоконды,— снова всѣ до единаго въ залѣ замерли въ нѣмомъ восторгѣ. Забыты были ея годы, отсутствіе красоты, и подчинила она массы народа дивнымъ голосомъ своимъ, увлекая за собою въ чудный міръ грезъ и фантазій.

— Я не знала, что вы такъ поэтически умѣете выражаться,—замѣтила на это Софья Петровна.

— Помилуйте!—вмѣшался князь,—онъ адвокатъ, а, стало быть, стилистъ, говорунъ по профессіи.

— А вы, князь, мнѣ кажется, по профессіи счастливый человѣкъ, — отвѣтилъ Хвостиковъ, двусмысленно улыбаясь и намекая слегка на радостное настроеніе Малоземельнаго въ этотъ вечеръ.

Затѣмъ общество перешло въ другія комнаты. Софья Петровна и Хвостиковъ усѣлись въ гостинной, а Надежда Александровна предложила князю:

— Давайте ходить.

Зала Чекмаревыхъ не освѣщалась въ будни, кромѣ журфиксовъ. Nadine шла рядомъ съ Малоземельнымъ, сначала по освѣщенной гостинной, гдѣ расположились на диванчикѣ ея мать и краснорѣчивый адвокатъ-стилистъ, не глядя на нихъ, хотя и чувствуя каждый разъ, какъ тѣ подымали на нихъ взоръ свой; затѣмъ шли по залѣ, и въ темнотѣ оба невольно замедляли шагъ. Неизвѣстно, отъ мрака ли, или отъ желанія дольше оставаться безъ наблюденій, шаги ихъ становились здѣсь медленнѣе, но Надежда Александровна каждый разъ чувствовала, точно князь вотъ сейчасъ прикоснется къ ней своими руками, и ощущеніе это, вызывавшее по всему ея

тѣлу легкую дрожь, какъ-то пріятно возбуждало ее. Она не ошибалась: Малоземельный, дѣйствительно, долженъ былъ сдерживать себя, чтобы не обнять впотьмахъ ея стана, не привлечь къ себѣ и не расцѣловать этихъ чудныхъ, слегка обнаженныхъ, плечъ и рукъ. Они шли, часто смолкая оба отъ этого нервнаго трепета, мелкими мурашками пробѣгавшаго по всѣмъ ихъ жиламъ. Но сдержанность молодца-гвардейца, если, съ одной стороны, и льстила самолюбію Надежды Александровны, съ другой—раздражала ее, наводя на странныя мысли.

Въ гостинной уже начинали позѣвывать; часы громко пробили два, и мадамъ Чекмарева съ несомнѣннымъ намекомъ спросила:

— Сколько это бьетъ?

Тогда князь понялъ, что пора ему прощаться. Онъ заявилъ объ этомъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда они входили къ Софьѣ Петровнѣ, но Надежда Александровна сказала:

— Подождите, мнѣ нужно еще васъ спросить кое о чемъ.

И снова, тѣмъ же замедляющимъ шагомъ, прошли они въ темную залу. Тогда она остановилась и глаза ея такъ свѣтились, что даже во мракѣ онъ могъ видѣть ихъ блескъ. Прерывающимся голосомъ она спросила:

— Вы твердо рѣшились?

— Жизнь съ вами или смерть!—отвѣчалъ онъ, задыхаясь.

— Ужь будто бы и смерть?

— Да, легче разлуки съ вами!...

И въ страстномъ порывѣ онъ ухватилъ ея руку, обнаженную почти до локтя, и сталъ такъ цѣловать ее выше кисти, что не только у него, но и у нея самой дыханіе замерло.

— Оставьте!—едва въ силахъ была она сказать и наконецъ, высвободивъ свою руку, прибавила: — Какой вы сумашедшій!

Но когда онъ ушелъ, она невольно сравнила этотъ дикій порывъ страсти съ вѣчно тихимъ и меланхолическимъ настроеніемъ своего офиціальнаго жениха. Она подумала: „Что же лучше?“ и, какъ-то неопредѣленно улыбаясь, ушла къ себѣ, въ свою дѣвичью спальню.

XXX.

Пробужденіе Зернова было не только непріятнымъ: оно казалось ему тягостнымъ. Братъ ранехонько утромъ ушелъ и, стало быть, снова запилъ. Мало того, что Павелъ Павловичъ опасался и сокрушался душою за несчастнаго, но онъ какъ будто чувствовалъ себя передъ нимъ виноватымъ, и мысль о томъ, что его собственныя откровенія возмутили душу „Николки", стала преслѣдовать его. Къ тому же, съ уходомъ Николая Петровича, именно въ это утро, послѣ вчерашнихъ огорченій, причиненныхъ ему неделикатнымъ поступкомъ невѣсты, Зерновъ почувствовалъ себя болѣе одинокимъ, нежели когда либо. Онъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, сознавалъ себя „несчастнымъ". Но раздумывать особенно не приходилось: только что принятая должность на казенномъ заводѣ требовала вниманія и дѣятельности, въ особенности на первыхъ порахъ, пока еще ни онъ самъ съ ходомъ дѣла, ни фабричный людъ съ нимъ—лично не ознакомились, какъ слѣдуетъ. Онъ хотѣлъ было написать записку къ невѣстѣ, но раздумалъ, такъ какъ этимъ путемъ все равно ничего не объяснится, а благоразумнѣе было ожидать вечера, когда ему самому будетъ время съ нею повидаться. Проворно одѣвшись и наскоро напившись чаю, онъ на извощикѣ отправился во вторую улицу Песковъ.

Каждый разъ, какъ подъѣзжалъ онъ къ красивому дому-особняку, въ первомъ этажѣ котораго помѣщались конторы, сердце его радостно билось при видѣ оконъ его будущей квартиры. Здѣсь заведетъ онъ свое гнѣздышко и устроитъ себѣ новую жизнь, главною задачею которой будетъ составленіе счастія не только лично для себя, но и для другаго существа, такъ искренно, такъ честно имъ любимаго. И теперь, подъѣзжая къ заводской пристройкѣ, Павелъ Павловичъ снова ощутилъ то же чувство какой-то трогательной радости, почти похожей на умиленіе, но къ этому примѣшивалось уже что-то въ родѣ страха и сомнѣнія. Онъ всячески старался отогнать отъ себя какія либо опасенія, но вчерашній поступокъ Надежды Александровны не могъ пройти безслѣдно. Въ конторѣ Зерновъ, по обыкновенію, вѣжливо поздоровался со всѣми служащими; затѣмъ прошелъ въ свой кабинетъ, распечаталъ

и бѣгло прочиталъ двѣ телеграммы, сдѣлалъ по нимъ требуемыя распоряженія и отправился на заводъ. Тамъ кипѣла работа; машины стучали, трещали или тяжело пыхтѣли, смотря по своей величинѣ и назначенію. Въ этомъ шумѣ не было слышно людскаго голоса, но приноровившіеся отлично понимали другъ друга: прислонялись къ уху, говорили внятно, и все было ясно, тогда какъ непривычному, какъ бы онъ ни надрывалъ своей груди, ничего не подѣлать.

Зерновъ любилъ эту кипящую работу. Его сердце какъ-то особенно радовалъ видъ этихъ выстроившихся въ рядъ машинъ, равномѣрно постукивающихъ и безошибочно дѣлающихъ свое дѣло. Онъ зналъ, что съ каждымъ ударомъ, съ каждымъ движеніемъ работа подвигалась впередъ; онъ понималъ смыслъ этого безпрерывнаго шума и гама, и до того доходилъ иногда въ своей вѣчной потребности идеализировать, что улавливалъ въ фабричномъ трескѣ и грохотѣ благозвучный ритмъ, доходившій въ его воображеніи почти до музыкальности. Прекрасно изучивъ теоретически свою спеціальность, онъ въ практическихъ примѣненіяхъ отличался всегда особенною находчивостью и, благодаря этому, весь фабричный людъ сразу возъимѣлъ къ нему особое уваженіе. Еще бо̀льшему развитію и укрѣпленію этого чувства способствовала отчасти его манера держать себя съ людьми. При малѣйшемъ затрудненіи, каждый смѣло могъ обращаться къ нему, и онъ не только разъяснялъ ошибку, но и исправлялъ ее тотчасъ же. При этомъ, безтолковыхъ распоряженій, обидной и несправедливой брани, или примѣненія существующей на заводѣ системы штрафовъ— съ его стороны никогда не было... Ничто такъ не вызываетъ преданности простаго народа къ своему управителю, какъ безусловная справедливость съ одной стороны, а съ другой— отчетливое сознаніе, что человѣкъ, поставленный надъ рабочими, по своимъ свѣдѣніямъ, опытности, толковости и честности—дѣйствительно имѣетъ право управлять ими. Бо̀льшую часть дня Павелъ Павловичъ проводилъ именно на заводѣ, а не въ конторахъ. Если присутствіе его здѣсь и не было совсѣмъ необходимымъ, то самъ онъ полагалъ, что можетъ, по крайней мѣрѣ, ободрить и поощрять къ труду людей, быть можетъ, давно истомленныхъ работою. Система, имъ заведенная, начинала уже приносить своего рода пользу: если, съ

одной стороны, счетъ прибылей по взысканію штрафовъ и уменьшился, то съ другой—само производство увеличилось, такъ какъ даже люди, работавшіе поденно, становились усерднѣе и проворнѣе. Въ обѣденные часы работа не прекращалась: приходила другая смѣна, и дѣло вновь кипѣло. Но Павелъ Павловичъ любилъ именно въ это время обходить всѣ огромныя заводскія помѣщенія, чтобы собственнымъ наблюденіемъ пріучить людей къ возможно меньшей затратѣ времени при смѣнѣ.

Наступила какъ разъ та пора дня, когда изъ конторы прибѣжалъ разсыльный, видимо запыхавшійся въ своихъ розыскахъ, и съ радостною улыбкою,—должно быть, зная, какъ дорога барину вѣсточка, — доложилъ ему, что пріѣхала „барыня“. Это извѣстіе, дѣйствительно, настолько порадовало Зернова, что онъ кинулся быстрыми шагами встрѣчать свою невѣсту. Ему надо было употребить огромныя усилія, чтобы сдержать себя и не побѣжать, какъ школьникъ. Надежду Александровну онъ засталъ во второмъ этажѣ флигеля - особняка, въ ихъ будущей квартирѣ, расхаживающей по комнатамъ и точно снова что-то разсчитывающей. Онъ бросился къ ней со словами:

— Вотъ это мило! Какую радость вы мнѣ доставили тѣмъ, что пріѣхали.

Но по мѣрѣ того какъ онъ приближался къ ней, шаги его становились медленнѣе и нерѣшительнѣе. Какая-то неловкость, какая-то робость овладѣвали постепенно всѣмъ существомъ его. Почти боязливымъ движеніемъ взялъ онъ ея руку и неумѣло держалъ въ своей, не смѣя даже поднести къ губамъ, невѣдомо почему: потому ли что она была облечена въ шведскую перчатку, или же изъ опасенія, что это сочтутъ за лишнія нѣжности?.. Она стояла, холодная, спокойная, невозмутимая, и снова невольное сравненіе навернулось ей на мысль: „вотъ два человѣка стоятъ передо мною совершенно ясно почти въ одинаковомъ положеніи; и у *того* вчера (она какъ-то не хотѣла, даже про себя, называть князя по имени), и у этого мною вызваны совершенно одинаковые порывы радости; но какъ они проявляются различно у каждаго изъ нихъ“!.. Невольно брови ея слегка нахмурились и она отняла свою руку, тогда какъ уста, точно сами по себѣ, почти

произвольно и,—должно быть, по одной уже привычкѣ вѣчно говорить непріятности этому бѣдному человѣку,—произнесли:

— Вы это что же вчера раскапризничались?

Онъ окончательно растерялся. Смѣлость и увѣренность ея тона, это обвиненіе его же въ томъ, въ чемъ, казалось, она одна была виновата, его просто удивило, и онъ не находилъ, что отвѣчать.

— Мнѣ кажется, — продолжала она самоувѣренно и все съ тѣмъ же оттѣнкомъ недовольства въ голосѣ,—что было бы гораздо проще и веселѣе для васъ самихъ пріѣхать къ намъ въ Михайловскій театръ...

— Да я не зналъ; мнѣ Даша ничего не сказала...

— Удивляюсь!—неужели Даша могла забыть? — Помолчавъ съ полминуты, она прибавила:

— И что же?—вы, разумѣется, меня обвиняете въ деликатности по отношенію къ вамъ?

— Ахъ, Nadine, зачѣмъ вы такъ со мною говорите?—Разумѣется, теперь, когда я знаю отъ васъ, что во всемъ виновата забывчивость Даши, мнѣ легче на душѣ. Но вѣдь вчера, чего не передумалъ я, когда разспрашивалъ ее: куда поѣхали? неужели мнѣ ничего не велѣно передать? а она все отвѣчала одно: „ничего не знаю“!

— Ну, разумѣется, въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ прежде всего обвинять тѣхъ, которые ни въ чемъ не виноваты. И хорошаго же вы мнѣнія обо мнѣ, какъ посмотрю я на васъ, если считаете меня способной на такую неблаговоспитанность... чтобы не сказать болѣе.

Она прошла въ другую комнату, тоже пустую, какъ и всѣ остальныя въ этой еще неотдѣланной квартирѣ, а онъ машинально послѣдовалъ за ней.

— Вотъ такъ мы и порѣшимъ,—заговорила она, немного погодя, совершенно спокойно и свободно, точно не примѣчая той боли, которую несъ въ сердцѣ своемъ этотъ человѣкъ:— Отъ входа изъ передней налѣво, въ той маленькой комнаткѣ съ однимъ окномъ во дворъ, мы устроимъ вашъ кабинетъ: тамъ вамъ отлично будетъ заниматься и уединяться; а здѣсь сначала зала, потомъ гостинная, тамъ мой маленькій будуаръ, въ углу спальня, а черезъ коридоръ, рядомъ съ вашимъ кабинетомъ, столовая.

Она шла и размѣривала шагами длину и ширину комнатъ; считала двери и окна въ каждой изъ нихъ для драпировокъ, шторъ и занавѣсей; она громко, вслухъ, прикидывала, гдѣ что̀ разставить, въ какомъ мѣстѣ повѣсить зеркало, въ какомъ картину. Онъ молча слѣдовалъ за ней, и постепенно ея спокойствіе сообщалось ему самому; къ нему возвращалось, по крайней мѣрѣ, сознаніе или, вѣрнѣе сказать, увѣренность, что ихъ будущая совмѣстная жизнь является и въ ея собственныхъ глазахъ вопросомъ, безповоротно рѣшеннымъ, а въ этомъ, при полномъ ослѣпленіи, онъ ожидалъ найти все свое счастіе.

Наконецъ, она все разсчитала, обдумала, кое-что занесла въ маленькую книжечку (тоже его подарокъ, и какъ радъ онъ былъ, что эту книжечку она носитъ постоянно при себѣ!) и собралась уѣзжать. Онъ непремѣнно хотѣлъ проводить ее до самыхъ саней, но она настаивала на томъ, что это лишнее. Онъ просилъ уступить ему хоть въ этомъ, говоря, что все равно: ему надо переходить дворъ, чтобы снова вернуться на заводъ. Она съ настойчивостью отказывала и, по привычкѣ всегда занимать позицію обвинителя, сказала ему:

— Послушайте, это, право, похоже на упрямство. Вамъ говорятъ: не хочу, не надо; ну, это просто меня стѣсняетъ, а вы будете твердить: нѣтъ, позвольте да позвольте! Совсѣмъ какъ маленькія дѣти! — прибавила она уже напослѣдокъ, чтобы смягчить рѣзкость своихъ словъ.

— Ну, можно ли сердиться? — сказалъ онъ съ ласковою усмѣшкою, обращаясь къ ней. — Я такъ дорожу всякимъ моментомъ, который мнѣ удается провести съ вами съ глазу на глазъ, что извинить мою настойчивость можно. Но я самъ сознаю, что ребячиться слишкомъ не слѣдуетъ, а потому уступаю вамъ.

— Ну, и паинька, что уступаете. Вечеромъ будете?—уже совсѣмъ весело спросила она, прощаясь съ нимъ за руку.

— Какъ же? буду непремѣнно, — отвѣчалъ онъ, и они разошлись.

Но какъ разъ въ это время раскрывались ворота, чтобы выпустить со двора уже нагруженный всякими матеріалами обозъ. Павелъ Павловичъ невольно обернулся, чтобы еще разъ посмотрѣть вслѣдъ уходящей невѣстѣ своей, и взорамъ его

открылась картина, сильно его взволновавшая и, пожалуй, встревожившая не менѣе вчерашняго вечера. Онъ увидалъ въ открытыя ворота, какъ Надежда Александровна пріостановилась, посмотрѣвъ на улицу направо и налѣво, точно съ цѣлью подозвать извощика, и какъ затѣмъ подкатили роскошныя сани съ запряженною парою рослыхъ вороныхъ красавцевъ-рысаковъ, едва сдерживаемыхъ богато разодѣтымъ бородатымъ кучеромъ. Сторожъ у воротъ подошелъ, отстегнулъ полость; она сѣла въ сани; толстый медвѣжій мѣхъ снова былъ пристегнутъ,—и она покатила.

XXXI.

Въ особенности обиднымъ показалось Павлу Павловичу, что Надежда Александровна, стало быть, умышленно воспротивилась его проводамъ. Не было сомнѣнія, что она сознавала неприглядность своего поступка. Зерновъ прекрасно зналъ, чьи это сани. Догадаться было не трудно, да притомъ сколько разъ, за послѣднее время, онъ видѣлъ этого кучера, ожидавшаго у подъѣзда Чекмаревыхъ своего барина, князя Малоземельнаго. Надежда Александровна поступила сознательно дурно; по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы не сомнѣваться въ порицаніи его, Зернова. Соблазниться удовольствіемъ прокатиться на хорошихъ рысакахъ, пожалуй, необдуманно, нѣсколько легкомысленно, хотя положительно дурнаго тутъ еще ничего нѣтъ. Но разъѣзжать на этихъ чужихъ рысакахъ тайно отъ человѣка, съ которымъ черезъ нѣсколько дней вы свяжете всю жизнь свою—уже потому обидно, что тутъ, при сознаніи неприглядности своего поступка, видно преднамѣренное желаніе скрыть его, то есть обмануть.

Такъ раздумывалъ Павелъ Павловичъ, идя медленнымъ шагомъ по направленію къ заводамъ. Не до работъ было ему теперь, когда душа переполнилась скорбью и страданіемъ за открытіе въ самомъ дорогомъ существѣ фальшивой, ложной черты. Выходка его невѣсты звучала рѣзкимъ диссонансомъ въ той общей гармоніи, которой давно уже онъ давалъ убаюкивать себя, и ощущалась она тѣмъ сильнѣе, что явилась какъ бы повтореніемъ ея вчерашней неделикатности по отно-

шенію къ нему. Долго искалъ онъ выхода изъ своего положенія, такъ какъ самъ упорно отказывался — окончательно раскрыть глаза, чтобы увидать вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. И все таки поминутно вспоминались ему вчерашнія слова брата, сказавшаго: „ей до твоего внутренняго міра и дѣла нѣтъ; увѣрена она въ неотразимости своего обаянія, и сегодняшняя обида ея—не послѣдняя, а только вступленіе въ цѣлый рядъ новыхъ обидъ“. Онъ прекрасно понималъ, что протестовать обязанъ; всего за полчаса тому назадъ, стоя съ нею въ пустой квартирѣ, онъ повѣрилъ было тому, что служанка забыла исполнить ея приказанія; но теперь, когда обманъ этой дѣвушки въ такой глупой вещи, какъ катанье на княжескихъ рысакахъ, случайно былъ имъ открытъ, новое сомнѣніе закралось ему въ душу и терзало его. Въ этомъ волненіи онъ провелъ цѣлый день и, когда наступилъ часъ обѣда, вернулся къ себѣ домой, совершенно разстроенный и убитый. Кое-какъ отвѣдавъ супу и жаркóго, и тотчасъ же отославъ то и другое назадъ (къ крайнему огорченію Маши, не понимавшей, чѣмъ сегодня она не угодила барину), онъ подошелъ къ своему письменному столу и съ лихорадочною дрожью принялся за письмо. Мелкимъ, убористымъ шрифтомъ исписалъ онъ кругомъ цѣлый листъ большаго почтоваго формата. Всю свою любовь, всю безграничную преданность высказалъ онъ на первыхъ трехъ страницахъ, и затѣмъ только на послѣдней позволилъ себѣ въ самой деликатной формѣ упомянуть: какъ нехорошо истиннымъ друзьямъ скрывать что-либо и какъ полная откровенность умаляетъ всякую вину. Но даже и тутъ, въ его обвиненіяхъ, общій тонъ былъ до того мягокъ, что въ каждой строчкѣ читались далеко не чувства зависти и ревности, а скорѣе заботы и попеченія о близкомъ существѣ. Несчастный не зналъ, какое негодованіе въ душѣ Надежды Александровны вызвало именно это его спокойствіе и смиреніе. Чувство презрѣнія захватывало ея душу, такъ какъ понять всей неисчерпаемой доброты этого человѣка ей не было дано, и въ случаяхъ, подобныхъ сегодняшнему, она приписывала его гуманную кротость — слабости и тряпичности натуры. Со вчерашняго порыва Малоземельнаго, при прощаніи съ нею въ неосвѣщенной залѣ, словно электрическій токъ пробѣжалъ по всѣмъ ея жиламъ и нервамъ,

пробудилъ ея натуру; она встрепенулась и поняла, что до сихъ поръ была охвачена какою-то дремотою. Этотъ маленькій, невзрачный и невидный Павелъ Павловичъ, со всѣмъ своимъ смиреніемъ, теперь вдругъ какъ бы еще уменьшился въ ея глазахъ. Она вспомнила его, молча слѣдовавшаго за ней по большимъ комнатамъ пустой квартиры на Пескахъ, а рядомъ выросталъ образъ виднаго красавца-усача, тоже робѣвшаго передъ нею, но только вслѣдствіе неимовѣрныхъ усилій сдержать свое чувство, которое въ концѣ концовъ прорвалось съ такою силою наружу.

Письмо Зернова, отъ первой до послѣдней строки проникнутое глубокою скорбью, не тронуло ея, а казалось ей слезливымъ, плаксивымъ конюченьемъ и заявленіемъ какихъ-то особенныхъ правъ. Но все это хранила она про себя, давно дойдя въ обдуманности своей до того, что „вѣдь неровенъ часъ, невѣдомо, что̀ случится; быть можетъ, улыбнувшееся счастье только подразнило ее надеждою, и безпощадная судьба заставитъ отказаться отъ задуманнаго, — тогда, разумѣется, Зерновъ, съ его готовностью раболѣпствовать, пригодится болѣе, чѣмъ кто либо“. Одно она помнила изъ письма — это просьбу быть съ нимъ всегда и во всемъ *откровенною*, но рѣшила твердо только въ томъ случаѣ послѣдовать его совѣту, если сама она получитъ увѣренность въ томъ, что князь съ женою разведется.

XXXII.

Между тѣмъ, въ этотъ самый день, и на Фурштадтской готовились событія необычайныя.

Молодой князь всталъ бодрымъ и веселымъ. Поддержанію его хорошаго настроенія, явившагося вслѣдствіе твердой рѣшимости выйти побѣдителемъ въ задуманномъ дѣлѣ, еще способствовалъ чудный морозный день. Солнце такъ и сверкало на обильно выпавшемъ за ночь снѣгѣ, и первою его мыслью было — доставить удовольствіе Надеждѣ Александровнѣ. Онъ приказалъ заложить парныя сани; когда все было готово, самъ вышелъ на маленькое крыльцо во дворѣ—осмотрѣть закладку, потомъ вернулся къ себѣ, написать записку и отправить ее

съ кучеромъ въ Пушкинскую. Наканунѣ, ночью, возвращаясь отъ Чекмаревыхъ, онъ не рѣшался сообщить о намѣреніяхъ своихъ Хвостикову и даже теперь схитрилъ передъ нимъ: онъ послалъ къ нему съ просьбою исполнить одно порученіе, въ той надеждѣ, что повѣренный по судебнымъ дѣламъ избавитъ его въ это утро отъ своего посѣщенія. Дѣло лежало такъ близко къ его сердцу, что Малоземельный считалъ его „тайникомъ своей души“ и, понятно, не хотѣлъ туда впускать даже и столь испытанныхъ и преданныхъ доброжелателей, каковымъ онъ считалъ господина Хвостикова. Но, чѣмъ ближе наступалъ моментъ переговоровъ съ женою, тѣмъ сильнѣе волненіе охватывало его душу. Долго ходилъ онъ по своимъ апартаментамъ, когда наконецъ рѣшился и, велѣвъ позвать къ себѣ стараго дворецкаго, Дмитрія Никитича, приказалъ ему сходить на половину къ княгинѣ, съ докладомъ, что ему надо видѣться съ нею по важному дѣлу.

Жизнь Анны Ивановны хоть не во многомъ, но измѣнилась таки со дня ея вступленія въ бракъ. У нея явились новые интересы, постепенно превратившіеся въ цѣлую заботу. Тамъ, внизу, на половинѣ ея покойнаго отца, жилъ теперь совершенно чужой ей мужчина, молодой, красивый и симпатичный, но почему-то вызывавшій въ ней, почти одновременно, два совершенно разнородныхъ чувства. То страхъ и робость овладѣвали ея душею,—по преимуществу въ тѣ моменты, когда онъ заявлялъ желаніе видѣться съ нею, — затѣмъ наступали: борьба разума съ этимъ чувствомъ и трепетное, нетерпѣливое ожиданіе его появленія. Онъ входилъ; волненіе ея бывало такъ сильно, чувство безотчетнаго страха и опасенія, что вотъ онъ сейчасъ потребуетъ отъ нея чего нибудь такого, о чемъ ей и догадаться нельзя, съ такою силою вновь овладѣвало ею, что, казалось бы, заяви онъ въ эту минуту, дѣйствительно, о чемъ нибудь чрезвычайномъ,— она тотчасъ дала бы ему свое согласіе, лишь бы онъ ушелъ и вновь предоставилъ ее самой себѣ. Случалось же обыкновенно такъ: молодой человѣкъ приходилъ; его красивое лицо свѣтилось здоровьемъ и радостью, молодостью и силою; онъ любезно здоровался съ нею, внимательно и вѣжливо разспрашивалъ о томъ, какъ она провела ночь, не скучала ли вчера, *читала ли въ* газетахъ о томъ или другомъ выдающемся со-

бытіи, а затѣмъ весело и непринужденно разсказывалъ ей часть своихъ собственныхъ похожденій. Черезъ какихъ нибудь двадцать минутъ, онъ спрашивалъ ее: нѣтъ ли какихъ порученій, не можетъ ли онъ чѣмъ нибудь доставить ей удовольствіе, и уходилъ отъ нея такимъ же беззаботнымъ, цвѣтущимъ и веселымъ, какимъ приходилъ. Тогда, едва успѣвала закрыться за нимъ дверь, какъ чувство ея къ нему быстро измѣнялось, и было въ немъ что-то покровительственное, что-то похожее если не на материнскія заботы, то на попеченія старшей сестры о легкомысленномъ и еще несовсѣмъ доразвившемся младшемъ братѣ. Добрая и снисходительная улыбка блуждала на ея некрасивомъ лицѣ; она думала о томъ, что онъ будетъ теперь дѣлать, куда поѣдетъ, какіе люди его тамъ встрѣтятъ, и часто ее мучили опасенія о томъ, какъ бы по молодости и пылкости своей натуры онъ не натворилъ бѣдъ. Когда по утрамъ, бывало, съѣзжались къ нему товарищи-гвардейцы, она прислушивалась къ изрѣдка долетавшимъ звукамъ громкихъ возгласовъ, иногда игры на фортепіано или пѣнія,—и становилось ей на душѣ какъ-то странно, но почти весело отъ сознанія, что она именно дала ему возможность жить въ свое полное удовольствіе. Бывало, прохаживаясь по своимъ комнатамъ, она видѣла, какъ по двору проходилъ снизу ливрейный лакей въ конюшню, съ приказаніемъ запрягать лошадей. Тогда она останавливалась у окошка и внимательно слѣдила за всѣмъ происходившимъ. Выходили конюха въ плисовыхъ шароварахъ, раскрывались широкія ворота каретныхъ сараевъ, выкрашенныя сѣрою масляною краскою, выкатывался экипажъ; потомъ изъ конюшни выводились по одной обѣ лошади, иногда вороныя, иногда караковыя, уже съ надѣтой сбруей. Онѣ весело фыркали, навастривая уши, закругляю шею и хвостъ, шаля на ходу и стараясь вырваться съ недоуздка, на которомъ, крѣпко уцѣпившись обѣими руками, осторожно и съ опаскою ведутъ ихъ конюшенные парни. Умныя, красивыя и хорошо пріученныя животныя охотно становятся въ рядъ къ дышлу, и запряжка идетъ живо. Моментально пристегнуты постромки, а къ хомутамъ дышловые ремни; перекинуты и продѣты сквозь блестящія серебряныя кольца крѣпкія темно-синія возжи; двое парней держатъ рысаковъ подъ устцы, третій обходитъ кругомъ и все осматри-

ваетъ; смазываются копыта чернымъ саломъ, по гривамъ и чолкамъ проводится мокрой щеткою. Наконецъ, самый экипажъ,—чистый, нарядный и щегольской, свѣтящійся новизною лака и политуры, словно его только что привезли отъ каретнаго мастера,—еще разъ обмахивается волосяною махалкою и ждутъ выхода самого Филата—княжескаго лейбъ-кучера. Онъ выходитъ въ полномъ облаченіи своемъ, широкій, толстый и увѣренный въ себѣ; зоркимъ окомъ все осматриваетъ, степенно и важно забирается на козлы, подправляется, обтягивается, беретъ возжи въ руки, конюхи отпускаютъ нетерпѣливо переминающихся съ ноги на ногу коней, и экипажъ выѣзжаетъ со двора. Тогда Анна Ивановна, зорко и внимательно за всѣмъ слѣдившая, переходитъ къ окнамъ, выходящимъ на улицу, и тамъ продолжаетъ смотрѣть и выжидать. Иной разъ долго протянется, пока князь выйдетъ; въ другіе дни, когда онъ спѣшитъ,—сейчасъ. Но она ждетъ и ие сводитъ глазъ своихъ съ улицы, до той поры, пока сани или карета не скроются изъ виду. Тогда только возвращается она къ себѣ и принимается за обычныя занятія: за вышиваніе или чтеніе. Главное событіе дня совершилось; онъ уѣхалъ, и все вновь вступаетъ въ свою обыденную колею.

Но въ этотъ день Никитичъ доложилъ ей о желаніи князя говорить по какому-то очень важному дѣлу. Хотя князь всегда приказывалъ докладывать о себѣ, но подобнаго рода предупрежденія еще не бывало. Торжественность этого заявленія, при ея постоянномъ настроеніи, не могла не взволновать и не испугать ея. Князь вошелъ къ ней съ меньшею развязностью, чѣмъ всегда; выраженіе счастливой молодости и веселья на его красивомъ лицѣ затмилось видимой заботой. Тѣмъ не менѣе, онъ продѣлалъ все по обычному репертуару; должно быть, уже такъ привыкъ: подошелъ къ ручкѣ Анны Ивановны, освѣдомился о ея здоровьѣ, о томъ, какъ она провела ночь, вскользь замѣтилъ, что день сегодня ясный,—первый хорошій день, съ тѣхъ поръ какъ выпалъ снѣгъ,—и наконецъ, тяжело вздохнувъ, сказалъ:

— Мнѣ надо говорить съ вами, Анна Ивановна, объ очень важныхъ дѣлахъ, касающихся въ значительной степени и васъ самихъ, и меня, а въ особенности нашихъ взаимныхъ отношеній.

Волненіе ея было такъ сильно, что оно дѣйствительно походило на страхъ. Блѣдная, сквозь посинѣвшія губы, она едва съумѣла проговорить:

— Я васъ слушаю.

Но и Малоземельному не было легко. Онъ искалъ болѣе деликатныхъ выраженій; а затѣмъ, видя, что ничто на умъ нейдетъ и что говорить все таки необходимо, — началъ съ тою отчаянною смѣлостью, съ которою человѣкъ, идущій на рѣшительный шагъ, уже самъ боится оглянуться назадъ.

— Вѣрьте мнѣ, Анна Ивановна, что моя признательность за все то добро, которымъ вы меня осыпали, никогда не изгладится. Что я ни сказалъ бы вамъ,—къ этому вынуждаетъ меня необходимость, глубокое сознаніе, что молчаніемъ я не только повредю себѣ, но и вамъ.

Онъ еще на полминуты призадумался, тогда какъ въ ней зарождался страхъ о томъ, что она предугадываетъ его намѣренія. Но она нашла въ себѣ достаточно силъ, чтобы промолвить:

— Говорите.

А по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, хотя первоначальный испугъ и принималъ теперь на ея лицѣ выраженіе ужаса, она ни разу не остановила его и слушала съ напряженнымъ, болѣзненнымъ вниманіемъ. Князь разсказалъ ей, какъ давно уже,—болѣе года тому назадъ,—онъ встрѣтилъ случайно дѣвушку, красота и грація которой до такой степени поразили его, что съ той поры онъ вѣчно бредилъ ею одною. Онъ разсказалъ, какъ затѣмъ всюду искалъ случая ее встрѣтить, но какъ, благодаря несчастливо сложившимся обстоятельствамъ, ему это не удавалось. Затѣмъ онъ перешелъ къ чисто сердечному сознанію въ своей безалаберной и даже нѣсколько безпутной жизни. Онъ былъ рожденъ, — по крайней мѣрѣ, ему такъ казалось, какъ и многимъ другимъ его сверстникамъ,— для того чтобы жить безъ заботы, веселясь и доставляя удовольствіе другимъ. Онъ сознавалъ полнѣйшее отсутствіе какой бы то ни было серьезной подкладки въ своемъ характерѣ. Онъ жестоко страдалъ при мысли о необходимости вскорѣ оставить гвардейскую службу, вслѣдствіе подкрадывавшагося все ближе полнаго безденежья. Онъ искалъ случая извлечь изъ своего громкаго имени единственную, по его мнѣнію, выгоду

и составилъ себѣ, въ денежномъ отношеніи, блестящую партію. Разумѣется, мечталъ онъ зачастую о красивой дѣвушкѣ, встрѣченной имъ когда-то въ Михайловскомъ театрѣ, прелестный образъ которой такъ и носился передъ его взоромъ, и — встрѣться онъ съ нею раньше,—быть можетъ, все устроилось бы иначе. Но мрачные дни все чаще и чаще затемняли его существованіе, и воображенію его рисовалась самая жалкая будущность. Тутъ подвернулся Хвостиковъ съ своимъ предложеніемъ представить его Аннѣ Ивановнѣ, и затѣмъ такъ быстро все устроилъ, что даже ему, Малоземельному, не привыкшему углубляться въ какіе либо анализы, иной разъ невольно казалось—нѣтъ ли во всей исторіи его сватовства какой либо тайны?... Но дѣло такъ быстро устроилось; ея собственное предложеніе „оставаться чужими“ и послѣ брака— избавляло его отъ гнусной обязанности выставлять чувство, котораго онъ не питалъ, и было тѣмъ соблазнительнѣе, что сохраняло за нимъ полную свободу, совершенно устроивъ его благосостояніе въ матеріальномъ отношеніи. Когда же все было кончено, когда, постепенно свыкнувшись со своимъ новымъ положеніемъ, онъ убѣдился, по множеству бросавшихся ему въ глаза мелочей, какъ много заботъ о его личности явилось у Анны Ивановны, помимо заключеннаго между ними условія о суммѣ его личнаго бюджета, — онъ былъ глубоко тронутъ и въ сердцѣ его постепенно разросталось теплое чувство самой искренней братской преданности къ этому доброму существу, составившему его счастіе. Ихъ ежедневныя, хотя и короткія бесѣды могли только укрѣпить въ его сердцѣ эту чистую привязанность къ ней, всецѣло основанную на чувствѣ благородной признательности, и онъ часто спрашивалъ себя: чему обязанъ своимъ счастіемъ?... Снова мысль о какой-то тайнѣ невольно просилась ему на умъ, но разнообразіе и полнота жизни затмѣвали ее. Частію онъ забывалъ о ней, частію же старался не думать, изъ опасенія открыть что либо такое, чѣмъ омрачилось бы, пожалуй, его безмятежное бытіе. Но вотъ, когда онъ совсѣмъ вошелъ въ эту удобную колею, неожиданная случайность поставила его лицомъ къ лицу съ той дѣвушкой, о которой такъ много было передумано. Почти съ первой встрѣчи онъ не то, чтобы замѣтилъ, но какъ-то почув*ствовалъ, что и* самъ нравится ей. Его влекло къ ней съ не-

удержимою силою и онъ шелъ, не давая себѣ ни времени, ни труда обдумать, чѣмъ все это кончится. Тѣмъ труднѣе было предугадать что либо, что, во-первыхъ, онъ связанъ закономъ, будучи фиктивнымъ мужемъ, а, во-вторыхъ, и она только что дала слово другому—принадлежать ему. Ни о чемъ не думая, боясь заглянуть въ будущее, живя однимъ настоящимъ, онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы быть около нея, и чувство самой безграничной страсти, самой безпредѣльной любви, готовой на жертвы, на все, чего бы ни вздумали спросить у него, быстро разрослось въ его груди и всецѣло овладѣло имъ. Зная, что она—чужая невѣста, онъ долго хранилъ въ самомъ себѣ это чувство, и когда, бывало, она поощряла его къ откровенности, онъ все таки молчалъ, боясь ошибиться и оскорбить ее. Наконецъ вчера, совершенно случайно, все объяснилось. Они остались вдвоемъ; одинъ моментъ самозабвенія,—и оба они поняли, что жить другъ безъ друга не могутъ. Онъ далъ слово отнынѣ принадлежать ей всецѣло и пришелъ теперь просить Анну Ивановну возвратить ему свободу.

Наступило тяжелое молчаніе для обоихъ. Малоземельный, высказавшись, не сводилъ теперь пытливаго взора съ жены, тогда какъ Анна Ивановна, глубоко потрясенная его исповѣдью, точно сама про себя дивилась тому странному и неожиданному впечатлѣнію, которое произвело на нее требованіе мужа—возвратить ему свободу. Какъ, что̀ и какимъ образомъ все должно случиться, она сразу предвидѣть не могла, при ея крайне смутномъ понятіи о законахъ. Но сердцемъ она чувствовала, что отъ нея требуютъ новой огромной жертвы, помня непремѣнное условіе при разводѣ—доказать вину одного для возвращенія другому права вновь вступить въ бракъ. Мысль эта показалась ей настолько ужасной, что она рѣшилась кое-какъ преодолѣть внутреннее волненіе и наконецъ спросила:

— Чего же вы отъ меня требуете?

— Вы знаете,—заговорилъ тогда поспѣшно князь,—что законъ нашъ въ этомъ отношеніи неумолимъ.—Чтобы мнѣ получить право снова жениться, необходимо доказать вашу виновность...

Тогда она не вытерпѣла и, вставъ съ мѣста, строго смотря ему прямо въ глаза, сказала:

— То есть, вы хотите меня окончательно опозорить?

— Полноте, Анна Ивановна! зачѣмъ вы такъ понимаете вещи?! — спохватился Малоземельный.—Все это одна только формальность; найдутся свидѣтели, и дѣло пойдетъ само собою, лишь бы вы дали свое согласіе.

Лицо ея еще болѣе поблѣднѣло, губы вздрагивали и глаза налились слезами, когда она сказала:

— Найдутся свидѣтели, которые за плату будутъ поносить меня, смѣшаютъ мое имя съ грязью, и я сама, давъ вамъ свое согласіе, должна буду поддакивать всему этому!

— Я увѣряю васъ, Анна Ивановна,—еще горячѣе прежняго принялся убѣждать ее Малоземельный, — что дѣло напрасно кажется вамъ такимъ страшнымъ...

— Нѣтъ, князь, не требуйте отъ меня невозможнаго. Я сама понимаю, что удержать васъ силою около себя не могу, да и препятствовать этому было бы странно, когда мы съ вами совсѣмъ чужіе другъ другу люди. (Она снова сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы удержать подступившія слезы). Но я полагала, по крайней мѣрѣ, что, когда вы ближе узнаете меня, въ сердцѣ вашемъ зародится чувство уваженія къ моему образу жизни, и тогда между нами установятся чисто дружескія отношенія.

— Но позвольте, Анна Ивановна, я преданъ вамъ, какъ братъ...

— Настоящій братъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не можетъ потребовать отъ сестры, чтобы она дала свое честное имя на позоръ, даже ради его счастья.

— Но что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?!...—уже въ совершенномъ отчаяніи воскликнулъ Малоземельный.

— Ищите другаго исхода, князь,—спокойно и кротко сказала она, но голосъ ея зазвучалъ непоколебимою рѣшительностью, когда она продолжала:—Только на предлагаемую вами уступку я никогда не соглашусь!

Онъ понялъ, что въ данный моментъ нечего было и настаивать. Анна Ивановна стояла передъ нимъ въ позѣ человѣка, ясно показывающаго, что вопросъ исчерпанъ, и ему оставалось только встать и удалиться къ себѣ. Но, когда онъ вер-

нулся въ свои комнаты, отчаяніе всецѣло овладѣло имъ, и онъ, какъ мальчикъ, сталъ проклинать свою жизнь, свою глупую женитьбу, крича безсмысленныя слова, что онъ себя продалъ, закабалилъ, что онъ сгубилъ свою молодость.

XXXIII.

Въ отчаяніи своемъ, Малоземельный не зналъ, за что приняться, и не видѣлъ для себя никакого исхода. Какъ всѣ слабыя натуры, онъ, при первой бѣдѣ, спѣшилъ подѣлиться ею съ кѣмъ либо, и лучшаго повѣреннаго, какъ ему казалось, нельзя было найти, какъ въ лицѣ Ивана Петровича Хвостикова, которымъ, еще за нѣсколько часовъ назадъ, отъ пренебрегъ, всецѣло разсчитывая на собственныя силы. Живо отправленъ былъ гонецъ за совѣтникомъ-пріятелемъ, но такъ какъ самъ Малоземельный снабдилъ адвоката порученіемъ, то его не скоро разыскали. Въ концѣ концовъ, явившійся Хвостиковъ, выслушавъ, въ чемъ дѣло, заявилъ, что въ крайнемъ случаѣ все можно уладить съ помощью ловко веденнаго процесса. Главное, онъ совѣтовалъ молодому человѣку не унывать, отнюдь не показывать Надеждѣ Александровнѣ Чекмаревой своего сомнѣнія и, напротивъ, сказать ей сегодня же, что онъ уже предъявилъ женѣ своей необходимыя требованія, и та только просила срока все обдумать. Остальное же онъ предлагалъ князю всецѣло предоставить ему, Хвостикову, говоря, что у него есть въ запасѣ такого рода аргументы, которые лучше всякихъ упрашиваній и заклинаній должны подѣйствовать на Анну Ивановну.

Ободренный Малоземельный воспрянулъ духомъ и вечеръ снова провелъ у Чекмаревыхъ, гдѣ въ этотъ день опять таки не было Зернова, не рѣшавшагося туда ѣхать до полученія отвѣта на свое письмо. Снова, какъ и наканунѣ, расхаживалъ онъ вмѣстѣ съ Надеждой Александровной по темной залѣ, затѣмъ долго сидѣлъ съ нею, увлекаясь планами насчетъ будущаго, и только поздно ночью вернулся къ себѣ. Его удивленіе было велико, когда онъ нашелъ на письменномъ столѣ запечатанную записку отъ жены. Съ трепетнымъ волненіемъ,

опасаясь чего либо недобраго, онъ вскрылъ нервною рукою конвертъ и прочиталъ слѣдующее:

„Прошу васъ, князь, прислать ко мнѣ завтра утромъ Ивана Петровича Хвостикова. Я, кажется, нашла исходъ и вамъ, и себѣ изъ нашего тяжелаго положенія. Остается только справиться, насколько въ юридическомъ отношеніи мой планъ удобоисполнимъ.

„Желающая вамъ добра и душевнаго мира

А. И. Малоземельная".

Чувство неудержимой радости овладѣло сердцемъ молодаго человѣка. Но къ чувству этому примѣшивалось еще сознаніе, сколько доброты и сколько самопожертвованія у этой несчастной Анны Ивановны, цѣлый день продумавшей и, повидимому, додумавшейся до чего-то въ его же пользу. Умиленіе было такъ велико, что слезы давили ему горло и онъ думалъ: „за что, въ самомъ дѣлѣ, эта бѣдная женщина обречена на вѣчныя жертвы?"... Но въ то же время онъ подумалъ, что ему самому нѣтъ другаго исхода, а, стало быть, и дѣлать больше нечего: „надо жертвы эти принимать; авось Господь Богъ вознаградитъ ее сторицею за все ея добро"!

Между тѣмъ Анна Ивановна, когда утромъ отъ нея вышелъ мужъ, дала волю своему горю, разразившемуся въ судорожныхъ рыданіяхъ. Одна, одна, вѣчно одинокая, обречена она служить только помѣхою даже тѣмъ, кому такъ искренно желала бы счастія! Съ самаго начала сознавала она ясно, что женою этого человѣка она быть не можетъ, что этимъ она только унизитъ саму себя и что радости въ жизни ей отнюдь не прибавится. Если она рѣшилась на такой серьезный шагъ, какъ замужство, то сдѣлала это исключительно съ цѣлью загладить вину своего умершаго отца. Предложить князю открыть источникъ своихъ доходовъ было немыслимо: такая щедрость, понятно, должна была бы возбудить его подозрѣніе. Гдѣ найти человѣка, готоваго вамъ предложить богатство такъ, безъ всякихъ съ вашей стороны требованій? Придраться къ существовавшему между ними родству было неудобно уже потому, что, при отдаленности этого родства, они даже не знали другъ друга. Малѣйшее подозрѣніе со стороны князя должно было вызвать въ немъ настойчивыя требованія открыть ему истину. Пусть лучше онъ думаетъ, что въ ней зародилось нелѣпое и

чванливое желаніе усвоить себѣ посредствомъ брака княжескій титулъ, лишь бы только онъ не зналъ, какъ жестоко обобралъ его, въ ея же пользу, покойный старикъ. Теперь, въ этотъ день откровеній мужа, ей вспомнилось все до мельчайшихъ подробностей, съ перваго посѣщенія господина Хвостикова. Какъ тогда она боролась, какъ готова была пойти на нѣкоторыя уступки, какъ, наконецъ, впервые увидѣла молодаго князя и съ какою силою зародилось въ ней тогда желаніе жить, хотя бы въ качествѣ старшей сестры, для этого обиженнаго судьбою человѣка! И дѣйствительно, со дня ихъ свадьбы, ея жизнь стала куда полнѣе: у нея явился живой интересъ, было о комъ думать, для кого желать лучшаго. Но, въ качествѣ женщины умной, она, лишь только облегчила въ слезахъ свои личныя страданія, стала постепенно приходить къ убѣжденію, что хорошаго ни ей, ни молодому человѣку ожидать въ жизни не приходится, если только не найдется для нихъ обоихъ исхода изъ этой тягостной связи. Не съ ея характеромъ, вѣчно дичащимся и привыкшимъ въ долгіе годы къ уединенію, жить интересами кипящей молодости и шумнаго круговорота! Вотъ и нынѣшняя попытка создать себѣ добромъ и любовью близкаго друга оказалась тщетною и неумѣлою. Такъ-то раздумывая и постепенно затихая отъ сознанія своей собственной ошибки, она расхаживала по своей спальнѣ. Въ углу комнаты теплились лампадки передъ иконами въ богатыхъ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ. Одна изъ нихъ, висѣвшая посрединѣ безъ всякихъ украшеній, изображала на простой, почернѣвшей отъ времени, доскѣ ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Дивный,—по кротости своей,—образъ примиряюще смотрѣлъ на нее, и всюду, въ какую часть комнаты она бы ни пришла, ей казалось, что взоръ Христа слѣдилъ за нею и какъ бы манилъ къ себѣ. Въ задумчивости встала она передъ иконами и долго не сводила глазъ съ изображенія Іисуса. Въ сердцѣ ея постепенно все убаюкивалось, миръ и тишина поселялись въ душѣ, а по щекамъ тихо катились слезы. То не были прежнія бурныя и стонущія рыданія, въ которыхъ, рядомъ съ горестнымъ воплемъ, слышались укоръ и упрекъ судьбѣ. То были слезы другаго, тихаго и далеко немногимъ доступнаго счастія, — счастія творить добро всѣмъ ближнимъ не ради себя, а ради святой любви, завѣ-

щанной намъ тѣмъ, кто теперь ласкалъ ее теплотою своего всепрощающаго и примиряющаго взора... Она опустилась на колѣни и—словно откровеніе какое освѣтило ей сразу дальнѣйшій путь. Вѣчно одинокая, полюбивъ и свыкнувшись со своимъ одиночествомъ, она должна была только укрѣпить его за собою. Пусть люди ищутъ въ свободѣ счастія, ей же лучшее мѣсто въ обители, гдѣ не должно быть ни печалей, ни воздыханія, а все—смиреніе и кротость.

Когда священный обѣтъ былъ ею данъ, когда она положила послѣдній поклонъ и подошла съ чистымъ лобзаніемъ къ образу, на душѣ ея было такъ спокойно и легко, какъ никогда еще въ жизни. Она прошла въ другую комнату къ письменному столику, спокойною рукою начертала нѣсколько словъ на имя мужа и со смиреніемъ стала ждать завтрашняго дня. Отнынѣ она уже не считала себя болѣе принадлежащей къ міру сему.

XXXIV.

Хвостиковъ не преминулъ явиться и, разумѣется, извлекъ изъ этого дѣла свою долю пользы. Онъ разъяснилъ Аннѣ Ивановнѣ, что со стороны закона нѣтъ препятствій къ возвращенію свободы князю, если только она позволитъ прямо и открыто заявить, съ подтвержденіемъ докторскихъ свидѣтельствъ, о невозможности для нея быть фактическою женою. При этомъ онъ старался поддержать ее въ убѣжденіи, что тутъ ничего позорнаго нѣтъ, разъ все можетъ основаться на физическомъ недугѣ. Но этихъ увѣреній ей не было нужно: рѣшеніе было принято ею безповоротно, и теперь требовалось только, чтобы все кончилось какъ можно скорѣе. Она сообщила повѣренному по судебнымъ дѣламъ о своемъ намѣреніи постричься въ дѣвичій монастырь и просила его заняться составленіемъ необходимыхъ актовъ для передачи въ полное владѣніе мужа всего ея состоянія. Себѣ она брала ровно столько, сколько считала необходимымъ для взноса въ монастырь и для удовлетворенія тамъ ея скромныхъ потребностей. Смиреніе, съ которымъ она говорила обо всемъ этомъ, безмятежное спокойствіе духа, выразившееся нея [illegible]цѣ, тро-

нули даже такую пошленькую натуру, какъ господинъ Хвостиковъ. Онъ съ искреннимъ почтеніемъ, походившимъ на благоговѣніе, приложился къ протянутой рукѣ, но какъ только вышелъ, въ головѣ его молніей пронеслась мысль: „какой блестящій случай! теперь главное—не зѣвать и скорѣе заручиться обязательствомъ отъ князя въ уплатѣ имъ мнѣ, по окончаніи процесса, приличнаго гонорара".

Малоземельному онъ заявилъ, что берется устроить все дѣло, что не только свобода будетъ ему возвращена, но еще предстоитъ полученіе капитала куда значительнѣе того, на который можно было разсчитывать. Требовалось сейчасъ же ѣхать къ нотаріусу и выдать на имя его, Ивана Петровича Хвостикова, новую довѣренность и расписку, съ обязательствомъ уплатить ему, по окончаніи бракоразводнаго процесса, съ общаго итога всего движимаго или недвижимаго имущества, имѣющаго перейти къ князю отъ его жены, десять процентовъ за хлопоты. Когда актъ былъ совершенъ и покоился въ карманѣ господина Хвостикова, онъ съ веселою улыбкою сказалъ Малоземельному:

— А теперь позвольте васъ, князь, поздравить, во-первыхъ, съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла, а, во-вторыхъ, съ капиталомъ въ добрую пару милліоновъ.

— Какъ? я ничего не понимаю!—изумился тотъ.

— Могу вамъ за одно поручиться: за истину моихъ словъ. Дѣло мы теперь поведемъ круто, не надо только для этого жалѣть ни силъ, ни денегъ. Энергіи у меня хватитъ, а денегъ сама супруга ваша, княгиня Анна Ивановна, дастъ, сколько потребуется.

— Да разъясните мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ вы добились такихъ результатовъ?—никакъ не могъ успокоиться князь.—Стало быть, исходъ, придуманный княгиней, дѣйствительно исполнимъ? Объясните же мнѣ, наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Дѣло въ высшей степени просто, князь. Ваша супруга пришла, путемъ собственныхъ размышленій, къ прекрасному выводу. Она рѣшилась ходатайствовать о расторженіи брака, въ виду своей личной *неспособности*. Она постригается въ монастырь, сохраняя за собою всего двадцать пять тысячъ

рублей и предоставляя теперь же въ полное ваше распоряженіе все свое огромное состояніе.

Грусть выразилась на лицѣ князя, и онъ очень искренно промолвилъ въ отвѣтъ на это сообщеніе:

— Бѣдная женщина!

— Полноте, князь!—горячо возразилъ Хвостиковъ.—Какъ можно говорить: „бѣдная женщина"! Супруга ваша именно нашла тотъ путь, который приведетъ ее къ счастію. Зная ея характеръ, я невольно удивляюсь, какъ не додумалась она до этого еще раньше. Ей именно нужна тихая, келейная монастырская жизнь. Съ ея умомъ, съ ея тактомъ и,— скажу вамъ прямо,—съ ея добрымъ сердцемъ, она вскорѣ займетъ въ монастырѣ видное положеніе, будетъ игуменьей; все станетъ передъ ней преклоняться, и она съумѣетъ прекрасно руководить своими сестрами. Тутъ надо радоваться за нее, такъ какъ, вѣрьте мнѣ, только теперь она дѣйствительно счастлива.

Господинъ Хвостиковъ и не предполагалъ, до какой степени вѣрно было его заключеніе. Но судилъ онъ такъ не по личному убѣжденію, а изъ опасенія, какъ бы князь, руководимый благороднымъ порывомъ, не вздумалъ отказаться отъ такой жертвы. Но эгоистичную натуру Малоземельнаго не трудно было уговорить, такъ какъ легкіе проблески добраго сердца въ немъ всегда побѣждались заботами о собственныхъ интересахъ. Черезъ полчаса, онъ уже самъ увѣрилъ себя, что, дѣйствительно, для Анны Ивановны ничего лучшаго и придумать нельзя было. Она всегда любила одиночество, никогда не увлекалась свѣтскимъ весельемъ, и громадное состояніе никакой пользы ей не приносило, тогда какъ въ его рукахъ эти огромные доходы съ капиталовъ сколько могутъ сдѣлать добра! Масса слугъ, множество поставщиковъ будутъ зарабатывать у него свое существованіе, такъ какъ, любя жить, онъ любитъ доставлять и другимъ удовольствія жизни. Но какъ бы легко ни примирился онъ съ мыслью о вѣчномъ заточеніи своей жены за монастырскою стѣною, онъ изъ чувства благовоспитанной деликатности счелъ долгомъ письменно изложить ей увѣренія въ своей безграничной признательности за то счастіе, которое она ему давала. Онъ и не понималъ, какъ много было себялюбивой черствости

въ подобнаго рода благовоспитанныхъ заявленіяхъ. За послѣднее время онъ такъ привыкъ къ удачамъ, что ему и это женино рѣшеніе казалось — вполнѣ заслуженной данью его молодости и любви. Еслибы Анна Ивановна продолжала теперь допускать его къ себѣ по утрамъ, онъ навѣрное считалъ бы своею обязанностью просиживать дольше прежняго въ ея комнатахъ и разсказывалъ бы ей, съ безподобною откровенностью, всѣ радости своего влюбленнаго сердца. Онъ до такой степени любилъ самого себя, что ему казалось, будто и всѣ остальные должны заботиться только о томъ, какъ бы ему было хорошо. Сомнѣваться, въ этомъ отношеніи, въ Аннѣ Ивановнѣ онъ уже потому не могъ, что, съ первой встрѣчи, на его личности отразились ея заботы. Сначала мысль о существованіи какой-то тайны, побуждавшей ее такъ поступать, неоднократно посѣщала его, но теперь князь понялъ, въ чемъ дѣло: онъ убѣдился, что жена его—въ полномъ смыслѣ слова христіанка и этимъ всецѣло объяснялись ея жертвы. Онъ понялъ, что она принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, высшею радостью которыхъ является доставленіе счастія другимъ. И это сознаніе тотчасъ же примирило его съ самимъ собою, заглушивъ слабый голосъ заропгавшей было совѣсти.

XXXV.

Павелъ Павловичъ Зерновъ тщетно ждалъ отвѣта на свое письмо къ Надеждѣ Александровнѣ и никакъ не могъ объяснить себѣ продолжительность ея молчанія. Глубоко оскорбленный ею вотъ уже два раза подъ рядъ, онъ не хотѣлъ идти къ ней первымъ, въ особенности послѣ того, какъ въ письмѣ къ ней излилъ всю свою душу. Онъ начиналъ понимать, что если она молчитъ и въ этотъ вечеръ, и на другой день, то въ упорствѣ ея проглядываютъ гнѣвъ и злоба, а отнюдь не желанное имъ сознаніе неприглядности своего поступка. Онъ жестоко страдалъ отъ этой обязанности высиживать у себя по вечерамъ и выжидать, когда она одумается. Ему казалось, что самымъ естественнымъ слѣдствіемъ его письма должно было явиться, съ ея стороны, нѣкотораго рода раскаяніе. Прочитавъ исписанный имъ кругомъ листъ, онъ самъ чуть

было не заплакалъ, и думалось бѣдному человѣку, что такое же впечатлѣніе должно произвести и на другихъ его задушевное слово. Увидитъ она изъ этихъ строкъ, какъ много въ немъ любви къ ней, какъ искренно желаетъ онъ ей добра, какъ глубоко душа его проникнута чувствомъ правды и чести, и какъ мало въ немъ эгоистической ревности. Тогда, тронутая всѣмъ этимъ, она съ чистымъ и откровеннымъ порывомъ бросится къ нему и скажетъ: „да, я виновата, но въ этомъ не было дурнаго умысла, а лишь одно дѣвичье легкомысліе".

Но прошелъ и другой день, а Надежда Александровна Чекмарева не давала о себѣ знать. Въ томительномъ ожиданіи тянулись часы занятій и службы на фабрикѣ; съ трепетомъ и страхомъ, весь пылая желаніемъ найти у себя дома отвѣтъ и въ то же время страшась этого отвѣта, возвратился онъ на второй день съ завода къ себѣ. Но на тревожный вопросъ его Маша отвѣтила, что все еще ничего не было. За что бы онъ ни взялся, дѣло не клеилось и, встревоженное всяческими опасеніями, воображеніе уносило его въ Пушкинскую улицу. Передъ его грустнымъ взоромъ рисовался дивный образъ Надежды Александровны, и чѣмъ болѣе онъ старался проникнуть въ ея внутренній міръ, тѣмъ болѣе сознавалъ, что она—именно *не* изъ тѣхъ натуръ, которыя способны лгать и обманывать, а, напротивъ,—даже рѣшившись поступить, по общему мнѣнію, неблаговидно, — не побоится ничьихъ нареканій и не остановится ни передъ чѣмъ. Онъ помнилъ, какъ, бывало, сама она говорила ему это, именно въ тѣ минуты, когда, возмущенный явнымъ предпочтеніемъ, отдаваемымъ ею новымъ пришельцамъ въ домъ, онъ рѣшался иной разъ дѣлать ей замѣчанія. Смѣло смотря ему въ глаза, она въ такихъ случаяхъ отвѣчала, что тревожиться ему буквально не о чемъ, такъ какъ рѣшенія своего, по отношенію къ нему, она еще не измѣнила, а если и измѣнитъ, то всегда первая скажетъ ему о томъ прямо въ глаза. Но, какъ только онъ пытался проникнуть поглубже въ ту область ея внутренняго міра, которой она никому не открывала, — всѣ усилія его становились тщетными. Тамъ было темно и чувствовалось только, что Надежда Александровна имѣетъ свою собственную программу и выработала себѣ свой личный взглядъ на добро и зло. Настойчиво возвращались ему

на память нѣкоторыя слова „Николки“, и теперь онъ сознавалъ, что во множествѣ запутанныхъ парадоксовъ, которыми сыпалъ его двоюродный братецъ, было немало правды.

Въ такихъ-то размышленіяхъ дождался онъ вечера, и только было подумалъ, что сегодня опять день пройдетъ безъ вѣсточки отъ *нея* и что надо снова ей написать, какъ вдругъ въ передней позвонили и Маша принесла ему письмо, доставленное городскою почтою. Онъ узналъ этотъ почеркъ. Нервною рукою вскрылъ онъ конвертъ и началъ жадно читать. Но, по мѣрѣ того какъ глаза пробѣгали строку за строкою, лицо его выражало то ужасъ, то глубокое отчаяніе. Вотъ что было написано на этомъ листкѣ:

„Павелъ Павловичъ!

„Начну съ того, что прошу васъ простить мнѣ ту боль и тѣ страданія, которыя неминуемо вызоветъ въ вашей доброй душѣ это мое письмо. Въ жизни нашей, которую мы оба, еще два, три дня тому назадъ, предполагали соединить, явилось событіе, ни отъ васъ, ни отъ меня не зависящее. Не думайте, что я пытаюсь оправдать себя: — оправдываться мнѣ буквально не въ чемъ, по крайней мѣрѣ, судя по моимъ личнымъ воззрѣніямъ, которыя, надѣюсь, давно вамъ извѣстны. Не требуйте отъ меня фразъ, округляющихъ и смягчающихъ тотъ ударъ, который я вынуждена вамъ нанести, но вдумайтесь хорошенько, и вы увидите сами, что, поступая такъ открыто, я дѣйствую по совѣсти, и дѣйствую честно. Вся ошибка моя въ томъ, что я думала, будто можно прожить вѣкъ съ мужемъ, довольствуясь чувствомъ глубокаго къ нему уваженія и чисто родственной привязанности. Все то, что окружало меня до сего времени, было во всѣхъ отношеніяхъ ниже васъ и, сколько бы я ни вдумывалась въ то еще не отдаленное время, я могу сказать, положа руку на сердце, что лучшаго, чѣмъ вы, мужа я себѣ и желать не могла. Въ тотъ вечеръ, когда я дала вамъ слово, я все еще продолжала такъ думать. Но, въ то же время, я встрѣтила человѣка, который сначала меня просто веселилъ и радовалъ своимъ видомъ молодости и ходячаго счастья. Живя внѣ всякихъ горестей и заботъ, онъ до такой степени отдавался житейскому веселью, что цѣльность его натуры, при всей своей эгоистической подкладкѣ, вызвала даже въ васъ самихъ нѣкотораго

рода симпатію къ нему. Я же, — скажу вамъ откровенно, — сама того не замѣчая, полюбила этого человѣка тѣмъ чувствомъ, для котораго не существуетъ никакихъ преградъ. Мы другъ другу объяснились и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы будемъ мужемъ и женою, такъ какъ вопросъ о разводѣ князя рѣшенъ:—его жена навѣки постригается въ монастырь. Зло, причиненное вамъ обоими нами, огромно, но исправить его—не существуетъ въ мірѣ никакихъ средствъ. Было бы хуже, еслибы, побѣждая себя и руководствуясь ложными понятіями о *долгѣ*, я вышла за васъ замужъ. Недавно зародившееся во мнѣ чувство къ князю Малоземельному такъ быстро разрослось и приняло такіе огромные размѣры, что подавлять его на болѣе продолжительное время никакія долговыя обязательства не могли бы меня заставить. Имѣю ли я право, сознавая это, наносить вамъ ещё болѣе сильный ударъ въ качествѣ жены, позоря ваше имя?! Я знаю: вы человѣкъ умный и справедливый. Вдумайтесь хорошенько во все то, что̀ я вынуждена была сегодня написать вамъ, и вы поймете, что счастья другъ другу мы дать не могли.

„Еще скажу въ заключеніе: принятое мною рѣшеніе безповоротно; отъ счастія своего я ни за что въ мірѣ не откажусь, и всѣ ваши попытки видѣться со мною, чтобы отговорить меня, останутся напрасными.

„Что касается переданныхъ мнѣ денегъ, вся сумма будетъ полностью внесена завтра, къ 12 часамъ дня, въ ваше распоряженіе, въ контору нотаріуса Благина, Невскій, уголъ Николаевской.

„Прощайте, Павелъ Павловичъ. Не осуждайте меня строго. Я могу только въ утѣшеніе сказать, что наносимый мною ударъ, если и жестокъ, то во всякомъ случаѣ гарантируетъ васъ отъ будущности, полной несчастія въ супружескомъ сожительствѣ со мною. Вы достойны лучшаго—и дай вамъ Богъ вскорѣ найти это лучшее.

Н. Чекмарева“.

XXXVI.

Павелъ Павловичъ не упалъ въ обморокъ, не зарыдалъ громко и истерически, не сталъ рвать волосы на головѣ и выкликать громкихъ проклятій, а весь какъ-то осунулся и продолжалъ сидѣть въ томъ же большомъ кожаномъ креслѣ, держа письмо въ рукѣ и уставивъ безучастный взоръ въ одну точку. Онъ чувствовалъ только одно: что его жестоко обидѣли и что остался онъ теперь одинъ, — снова одинъ, въ массѣ людей, какъ въ темномъ, непроглядномъ и необъятномъ лѣсу. Никого въ цѣломъ мірѣ не было у него близкихъ, а любилъ онъ весь этотъ божій міръ съ такою щемящею болью въ сердцѣ, что готовъ былъ каждаго обнять и со слезами радостнаго умиленія провозгласить своимъ братомъ. Онъ не спрашивалъ себя, что̀ теперь дѣлать?.. Онъ чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, до какой степени дѣло теперь непоправимо. Оторванной руки къ плечу вновь не придѣлаешь! И отъ этого сознанія ощущалась у него въ головѣ какая-то пустота, доходящая до физической боли. Мысль бѣжала какъ-то отрывками, причемъ вдругъ какимъ-то страннымъ образомъ проглядывали мелочныя подробности, не имѣвшія ничего общаго съ совершившимся страшнымъ событіемъ. Ему вспомнилось первое впечатлѣніе полученнаго конверта: почтовая марка налѣплена не прямо, а какъ-то вкось; потомъ, въ самомъ письмѣ, въ одномъ мѣстѣ, буква „к“ была перечеркнута и видно было, что она хотѣла написать „кто бы“, тогда какъ нужно было „чтобы“... Потомъ вдругъ опять, совершенно ясно и отчетливо, представилось ему сознаніе о его полномъ одиночествѣ. Губы прошептали сначала едва внятно: „все кончено!“ потомъ онъ повторилъ эти два слова уже громко, какъ бы прислушиваясь къ ихъ звуку; потомъ всталъ съ кресла, очень акуратно и бережно вложилъ письмо въ конвертъ, спряталъ въ боковой карманъ, прошелся по обѣимъ своимъ комнатамъ, почему-то мимоходомъ взглянулъ на себя въ зеркало, взялъ мѣховую шапку, надѣлъ пальто съ бобровымъ воротникомъ и вышелъ на улицу.

Два извощика стояли у воротъ и съ торопливою навязчивостью стали предлагать ему свои услуги.

— Поѣдете, баринъ? — спросилъ одинъ.

— На турецкой?—предложилъ другой.

Онъ прошелъ мимо, повидимому, самъ не зная, куда идетъ. Было часовъ 9 вечера. Морозецъ стоялъ небольшой; выпавшій на дняхъ обильный снѣгъ не успѣлъ еще побуреть и превратиться въ темносѣрый грязный песокъ; народу на улицахъ повсюду было довольно много. Павелъ Павловичъ шелъ тихо, и для посторонняго наблюдателя состояніе его духа было совершенно спокойно. Онъ замедлялъ шагъ, гдѣ тѣснота препятствовала ему пройти по тротуару; уступалъ дорогу встрѣчному; когда по улицѣ проѣзжалъ быстро экипажъ съ хорошими лошадьми, онъ слѣдилъ за нимъ взоромъ; даже подошелъ къ громадному зеркальному стеклу какого-то магазина и долго смотрѣлъ въ окно, за которымъ симметрично развѣшаны были мужскіе галстуки съ надписью: „на выборъ, цѣна одинъ рубль“ и рядомъ: „на выборъ, цѣна одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ“. Но губы его вдругъ совершенно внятно произнесли: „все кончено!“. Не замѣчая, какъ остановившаяся тутъ же пожилая дама любопытнымъ и встревоженнымъ взоромъ посмотрѣла на него, онъ пошелъ дальше. Пройдя по Литейной, онъ пересѣкъ Невскій, направился по Владимірской, гдѣ тротуары уже не такъ широки, гдѣ въ началѣ, отъ угла и до Графскаго переулка, всегда больше толкотни, и попалъ на Загородный проспектъ. Пройдя Пять угловъ, онъ поравнялся съ отвратительнымъ, грязнымъ, чуть не извощичьимъ трактиромъ, съ вывѣскою золотыми буквами по ярко красному фону. Дверь какъ разъ отворилъ входившій оборванецъ, и оттуда ясно донеслась до него пѣсня пьянаго, сиплаго баса:

„Три квартала обошелъ,
Такой водки не нашелъ!..“

Зерновъ остановился. Онъ узналъ этотъ голосъ. Теперь онъ даже обрадовался ему, въ первый моментъ, и хотѣлъ пойти, позвать брата и сказать ему: „Николка, вернись ко мнѣ домой; я одинъ, ты мнѣ нуженъ; хоть пьяный, только побудь со мной!“ Но вдругъ мысль о томъ, что ему придется сознаться „Николкѣ“, насколько тотъ былъ правъ и какъ скоро его мрачныя предсказанія сбылись,—ужаснула его. Онъ прибавилъ шагу и быстро свернулъ налѣво по Звенигородской улицѣ. Тамъ пробрался онъ на Обводный каналъ и очутился вдругъ въ совершенно пустынномъ мѣстѣ, противъ какой-то

огромной фабрики, каждое окно которой сверкало яркимъ свѣтомъ. Въ тишинѣ ночной доносились до него черезъ рѣчку шумъ и гулъ фабричной работы; изъ двухъ высочайшихъ кирпичныхъ трубъ валилъ густой дымъ и, по временамъ, вылетали красивыя огненныя искры. Онъ постоялъ, посмотрѣлъ на это обширное зданіе, въ которомъ копошились люди и день и ночь, и подумалъ: „труженики-муравьи!“ Ночь стояла тихая, лунная, яркая. Дорога здѣсь была пуста и тянулась около какихъ-то казенныхъ магазиновъ. Онъ прошелъ шаговъ триста, никого не встрѣтивъ, кромѣ спящаго порожняго извозщика, усѣвшагося на дно своихъ санокъ и прикрывшагося полостью до головы. Зернову нравились эта пустота, безлюдіе, эта глушь, такъ близко отъ центра кипящей жизни. Ему казалось, что здѣсь, совсѣмъ одинокій, онъ на свободѣ можетъ что-то такое обдумать, что-то такое рѣшить. Но мысль его все еще не могла дать ничего болѣе опредѣленнаго и яснаго, какъ неоднократно слетѣвшее съ его губъ опредѣленіе: „все кончено!“ А между тѣмъ, машинально, онъ подвигался все дальше, и вотъ дошелъ до опущеннаго шлагбаума, закрывавшаго проходъ на полотно царскосельской желѣзной дороги. Онъ остановился. Никого на этой сторонѣ не было, кромѣ его одного, тогда какъ съ противоположнаго двойнаго пути рельсовъ стояло два, три человѣка, и съ боку, у самаго опущеннаго бревна, поджидалъ, повидимому, сторожъ. Вдали, направо, по направленію къ городу, виднѣлись разноцвѣтные фонари, указывающіе развѣтвленія желѣзнодорожныхъ полосъ; слышались по временамъ свистки и что-то начинало уже шумѣть, гудѣть и пыхтѣть. Два яркихъ огненныхъ глаза, точно зрачки чудовища-змѣя, стали постепенно придвигаться все ближе. Шипъ, свистъ, гулъ и шумъ становились яснѣе. Зерновъ подумалъ: „одинъ моментъ, и все кончено!..“ Онъ сдвинулъ какъ-то шапку на затылокъ, разстегнулъ и поправилъ воротникъ пальто, давившій ему шею, и внимательнымъ, жаднымъ взглядомъ слѣдилъ за приближавшимся поѣздомъ.

„Полное отсутствіе всякихъ страданій, или долгое вѣчное горе, невыразимая душевная мука?“ — думалось ему. А поѣздъ приближался и времени оставалось ровно столько, чтобы броситься на рельсы и превратить это тѣло, движущееся, стра-

дающее и мыслящее, въ ничтожный, жалкій и всѣмъ отвратительный прахъ.

„Что правда, въ чомъ истина? для того ли намъ данъ разумъ, чтобы мы сами, путемъ мышленія, сознанія, пришли къ убѣжденію, что вся наша жизнь пуста и что правъ тотъ, кто ранѣе опредѣленнаго срока покончитъ съ нею?..“ И въ то же время онъ чувствовалъ, что какая-то внутренняя сила сдерживаетъ его и еще борется съ нимъ. Слово „долгъ“ носилось передъ мыслью и вдругъ подумалось ему: какъ весь этотъ міръ необъятенъ! Неужели же все кругомъ, что онъ видитъ здѣсь около себя и тамъ, на небѣ, на этихъ милліардахъ звѣздъ, обречено только на вѣчныя муки и страданія“?!.. Онъ обвелъ взоромъ все пространство и, когда глаза его уже снова опускались къ землѣ, онъ увидѣлъ прямо передъ собою ярко свѣтящійся при лунномъ блескѣ большой золоченый крестъ на куполѣ собора лейбъ-гвардіи егерскаго полка. Въ то же время страшный шумъ, гулъ и трескъ почти оглушили его, и поѣздъ уже мчался мимо. Онъ отвернулся и подумалъ: „да, вѣра! блаженъ, кто вѣруетъ!“

Тихимъ шагомъ возвращался онъ обратно, и ноги его, усталыя, не привыкшія къ такимъ переходамъ, плелись теперь медленно, по направленію къ городскому движенію. Онъ радъ былъ первому встрѣчному извощику и нанялъ его къ себѣ домой. Проѣзжая по Загородному, онъ вдругъ пожалѣлъ, что, проходя тутъ недавно, не вызвалъ изъ харчевни своего брата. Онъ велѣлъ извощику остановиться и зашелъ въ этотъ омутъ грязи и вони. Густое, какъ паръ, облако сквернаго табачнаго дыма ѣло глаза въ этомъ притонѣ нужды, нищеты и разврата, и самыя стѣны, казалось, пропитаны были смрадомъ сивушнаго полугара. Когда онъ распахнулъ двери и остановился на порогѣ, многіе посмотрѣли на него недружелюбно и недовѣрчиво, принимая, быть можетъ, за акцизнаго чиновника или агента сыскной полиціи. Онъ сталъ оглядываться кругомъ, тщетно отыскивая „Николку“. Одинъ изъ пьянчугъ, здѣсь собравшихся, уставился на него своимъ мутнымъ взоромъ и наконецъ спросилъ, сквозь слюнявыя, плохо повинующіяся, губы:

— Чего, баринъ, потерялъ? аль выпить не съ кѣмъ? *давай, поднеси, я* те компанію составлю.

Зерновъ еще разъ обвелъ печальнымъ взоромъ всю эту гнусную обстановку и скорѣе вернулся къ своему извощику. Дверь на блокѣ тяжело хлопнула за нимъ, и, вмѣстѣ съ этимъ рѣзкимъ стукомъ, въ душѣ его тоже словно что-то захлопнулось. Онъ сталъ понукать извощика, такъ какъ чувствовалъ холодъ въ спинѣ и непріятная дрожь пробѣжала отъ позвонковъ по всему его тѣлу. Путь показался ему ужасно далекимъ. Когда онъ подъѣхалъ къ своимъ воротамъ, онъ удивился тому, какъ трудно было ему встать. Тяжело переступая ногами, поднялся онъ къ себѣ въ третій этажъ по крутой лѣстницѣ, и первымъ словомъ его было, войдя къ себѣ въ квартиру, сказать Машѣ:

— Я что-то прозябъ, нельзя ли мнѣ чайку.

Черезъ десять минутъ онъ лежалъ въ постели, закрытый поверхъ одѣяла толстымъ дорожнымъ пледомъ.

XXXVII.

Но и подъ толстымъ, теплымъ покрываломъ было холодно больному. Онъ поминутно вздрагивалъ, зубы стучали, тогда какъ все тѣло горѣло и было сухо отъ черезчуръ возвышенной температуры.

— Вамъ не чаю, баринъ, надо, а малинки испить,— уговаривала его Маша и, дѣйствительно, живо сбѣгала за сухою малиною въ аптеку, напоила Павла Павловича горячимъ отваромъ, еще теплѣе укутала его и просила не читать, не раскрываться, чтобы, „Бога ради, какъ либо испарины не застудить“! По ея настоянію, въ комнатѣ оставался огонь на всю ночь:—она поставила на письменный столъ лампу съ абажуромъ, такъ чтобы, заслоненная книжнымъ шкапчикомъ, она не мѣшала своимъ свѣтомъ больному. Затѣмъ, еще два раза она приходила осторожно взглянуть на барина, но такъ какъ оба раза заставала его спящимъ, то рѣшилась и сама лечь, оставивъ, на всякій случай, дверь въ кухню растворенною, чтобы прибѣжать при первомъ его зовѣ.

Но Зерновъ не спалъ, а бывали только моменты, когда тяжелая дрема сковывала его вѣки и ненадолго давала возможность забыться. Какіе-то странные фантастическіе образы

носились передъ нимъ и, лежа съ открытыми глазами, онъ видѣлъ ихъ еще яснѣе, нежели во снѣ. Всю ночь одно и то же видѣніе преслѣдовало его до утомленія, до отчаянія. Мысль его почему-то болѣе заботилась теперь о его вечерней прогулкѣ, нежели о самой причинѣ, вызвавшей это долгое скитаніе. Онъ вспомнилъ, какъ вышелъ изъ дому, какъ направился по Бассейной на Литейную, какъ дошелъ по Владимірской и Загородному до трактира, гдѣ распѣвалъ свою пѣсню „Николка“, и какъ потомъ бѣжалъ по Звенигородской на Обводный каналъ. И всякій разъ, какъ воспоминанія его доходили до этого пункта, мысль тяжелѣла и представляла его воображенію все одинъ и тотъ же фантастическій образъ: онъ видѣлъ передъ собою прямую, длинную снѣжную дорогу; онъ идетъ по этой дорогѣ и вдругъ перекинутое бревно загораживаетъ ему путь; онъ прекрасно знаетъ, что это желѣзная дорога; но вотъ онъ опускаетъ взоръ и всматривается въ рельсы, а тамъ лежитъ чья-то человѣческая голова. Онъ вглядывается въ нее; хотя ему и страшно, но онъ хочетъ непремѣнно узнать эти черты, чувствуя, что онѣ ему знакомы. И дѣйствительно, вглядываясь въ профиль, онъ видитъ знакомую бородку, знакомое очертаніе носа, глазъ и лба. Но вотъ вдругъ голова поворачивается къ нему сама собою, воспаленныя вѣки глазъ подымаются, и смотритъ она ему прямо въ лицо. Онъ видитъ ее передъ собою, слышитъ и чувствуетъ всѣмъ тѣломъ своимъ, какъ она къ нему приближается ползкомъ по снѣжному пути; онъ сознаётъ, что эта голова его собственная, что оторвало ее поѣздомъ, но что она все чувствуетъ и понимаетъ, такъ какъ силится подняться и, взобравшись къ нему на плечи, составить съ нимъ вмѣстѣ одно цѣлое. Ужасъ овладѣваетъ имъ, захватываетъ все его существо; онъ силится пошевельнуться, крикнуть, но не можетъ и, наконецъ, просыпается. Онъ видитъ передъ собою давно знакомую обстановку своей спальни, отдѣленной перегородкою отъ кабинета, гдѣ за книжнымъ шкафомъ горитъ лампа. Голова у него немилосердно болитъ; ему хочется пить; у него такъ сухо во рту, словно тамъ была напихана вата, но позвать Машу лѣнь, такъ какъ ему кажется, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ заснетъ и сномъ все это само собою пройдетъ. Безучастно смотритъ онъ прямо передъ собою и видитъ

стулъ, на которомъ лежитъ его бѣлье; тамъ дальше, на стѣнѣ, развѣшана кое-какая одежда. Онъ знаетъ каждую изъ этихъ вещей, но складки ихъ почему-то сегодня принимаютъ странные образы и очертанія. Рукавъ домашняго пиджака какъ-то согнутъ, не выпрямленъ, и уголъ, образовавшійся на его локтѣ, кажется теперь большимъ портфелемъ подъ мышкою какого-то страннаго безголоваго существа. Но существо это долго не шевелится, хотя портфель и растетъ, точно распухая отъ постепенно прибавляющейся въ него клади. Павла Павловича начинаетъ заботить мысль, какъ бы онъ не оборвался и, падая на полъ, не раскрылъ бы все свое содержимое. Онъ чувствуетъ, что тамъ хранятся ужасы и, хоть бы слѣдовало оторвать взоры, — сдѣлать этого онъ не въ силахъ. Точно магнитъ, приковываетъ его къ себѣ этотъ странный предметъ, и онъ замѣчаетъ теперь, что портфель немножко раскрылся, такъ какъ то, что̀ въ немъ находится, слишкомъ велико и мѣста для него мало. Павелъ Павловичъ вглядывается, а черезъ образовавшееся отверстіе изъ расширеннаго, какъ вытянутая гармоника, портфеля глядятъ на него два глаза, и онъ узнаётъ все ту же голову, томящуюся въ одиночествѣ и просящуюся къ нему. Тогда мысль его сосредоточивается на одномъ желаніи, — чтобы портфель не оборвался изъ-подъ мышки загадочнаго существа, висящаго на стѣнѣ, и чтобы голова не выкатилась изъ него, не сѣла бы къ нему на плечи, а то снова придется ее нести на рельсы подъ локомотивъ. Но именно то, чего онъ съ такимъ ужасомъ опасается, вотъ-вотъ сейчасъ должно случиться. Зерновъ видитъ, какъ портфель скользитъ по стѣнѣ, слышитъ его паденіе на полъ и... раскрываетъ глаза. На стѣнѣ все также виситъ пиджакъ съ изогнувшимся рукавомъ и въ комнатѣ совершенно тихо. Головная боль нестерпима, жаръ и сухость во рту могутъ довести до отчаянія. Онъ, наконецъ, дѣлаетъ надъ собою неимовѣрное усиліе, чтобы повернуться, и смотритъ, нѣтъ ли на ночномъ столикѣ чего нибудь испить. Но объ этомъ Маша не догадалась. Въ томленіи, онъ закрываетъ глаза и вдругъ ему кажется, что на столѣ стоитъ большой хрустальный кувшинъ, наполненный вкуснымъ, краснымъ, холоднымъ морсомъ. Онъ тянется къ нему, хватается обѣими руками, подноситъ къ губамъ и пьетъ, пьетъ долго, безъ конца, такъ что ему

самому кажется страннымъ, какую массу онъ можетъ выпить. Въ кувшинѣ больше ничего нѣтъ, а жажда кажется все та же. Но онъ знаетъ, гдѣ утолить ее. На Загородномъ есть трактиръ съ ярко-красною вывѣскою, золотыми буквами. Тамъ есть квасъ. Во всѣхъ простыхъ русскихъ трактирахъ долженъ быть хорошій квасъ. Онъ идетъ, спѣшитъ, сколько можетъ, ноги его заплетаются, и вотъ онъ дошелъ. Только хочетъ онъ взяться за дверную ручку, какъ дверь сама распахивается и слышитъ онъ Николкинъ голосъ:

„Три квартала обошелъ,
Такой водки не нашелъ“!

Опрометью бросается онъ бѣжать оттуда со всѣхъ ногъ, такъ какъ знаетъ теперь, что здѣсь не утоляютъ жажду, а вливаютъ въ себя растопленный свинецъ. Онъ сворачиваетъ по Звенигородской улицѣ,—и снова тѣ же видѣнія, все тотъ же неотвязчивый, тяжелый кошмаръ. Такъ онъ провелъ всю ночь до утра.

XXXVIII.

На другой день болѣзнь обострилась, и Павелъ Павловичъ бредилъ уже громко, вслухъ. Ничего не знавшая Маша разсудила необходимымъ сообщить о его состояніи невѣстѣ и была крайне удивлена, когда ей тамъ сказали отъ имени барышни, что „въ такихъ случаяхъ, самое лучшее — приглашать доктора“. Догадавшись тогда о происшедшемъ разрывѣ, она уходила отъ Чекмаревыхъ съ проклятіями за обиженнаго барина, когда уже на лѣстницѣ ее кто-то окликнулъ. Она вернулась и увидала передъ собою саму генеральшу, Софью Петровну. Полновѣсная барыня, въ нѣкоторой застѣнчивости, обратилась къ ней:

— Ты, милая, отъ Павла Павловича Зернова?—спросила она.

— Да-съ, отъ нихъ.

— Что же это съ нимъ случилось?

— Да Богъ ихъ вѣдаетъ,—отвѣчала скорбнымъ голосомъ Маша.—Вчера подала я имъ это письмо; потомъ пошли они прогуляться, да вернулись домой прозябши. Я ихъ малинкой

напоила, уложила, укутала, а они вотъ сегодня безъ памяти бредятъ. Хочу сейчасъ за докторомъ бѣжать. Рядомъ съ нашимъ домомъ докторъ проживаетъ. Говорятъ, хорошій,— своихъ лошадей держитъ.

— Ну, милая, — ласковымъ голосомъ продолжала генеральша.—Ты Павла Павловича не огорчай, когда ему получше будетъ, и насчетъ Надежды Александровны ничего не сказывай. Мнѣ и самой жалко молодаго человѣка, но что же дѣлать, когда партія неподходящая! А ты ему скажи, что и я, и барышня ему кланяемся и всякаго добра желаемъ. Пусть поправляется. Ступай себѣ, милая, кланяйся отъ меня.

И генеральша, совершенно увѣренная въ томъ, что сдѣлала доброе дѣло, вернулась къ себѣ въ квартиру.

Но не такъ отнеслись къ извѣстію о внезапной болѣзни Зернова его новые сослуживцы на заводѣ. Какъ ни было кратко время его пребыванія тамъ,—его успѣли узнать, оцѣнить и полюбить. Извѣщенные Машей послѣ перваго же посѣщенія доктора, служащіе стали навѣщать его по очереди, а въ свободные отъ занятій часы образовалось, по взаимному ихъ соглашенію, совершенно правильное дежурство. Этотъ бездомный человѣкъ нашелъ себѣ близкихъ и родныхъ въ кругу совершенно чужихъ людей, по отношенію къ которымъ онъ самъ являлся не начальникомъ, а другомъ. Когда миновалъ кризисъ, когда отъ болѣзни оставались лишь слабость и изнуреніе, Зерновъ былъ глубоко тронутъ этимъ вниманіемъ. Силы постепенно возвращались, а вмѣстѣ съ физическими силами выростало и сознаніе необходимости дальнѣйшаго исполненія своего долга. Этого нельзя было еще назвать бодростью духа, такъ какъ нанесенная рана была слишкомъ глубока и, разумѣется, зажить не успѣла; но возрожденное сознаніе имѣло уже ту хорошую сторону, что тянуло его скорѣе, скорѣе къ дѣлу,—за трудъ, за безустанную работу. Его томила выдержка, которой требовалъ отъ него докторъ. Всегда мягкій и уступчивый, онъ вступалъ теперь съ нимъ въ споры, доказывая, что дѣятельность не только не надорветъ его организма, но, напротивъ, ободритъ его. Наконецъ, не получая согласія, онъ взбунтовался и самовольно отправился на заводъ.

Приближались рождественскіе праздники и выдался такой

самому кажется страннымъ, какую массу онъ можетъ выпить. Въ кувшинѣ больше ничего нѣтъ, а жажда кажется все та же. Но онъ знаетъ, гдѣ утолить ее. На Загородномъ есть трактиръ съ ярко-красною вывѣскою, золотыми буквами. Тамъ есть квасъ. Во всѣхъ простыхъ русскихъ трактирахъ долженъ быть хорошій квасъ. Онъ идетъ, спѣшитъ, сколько можетъ, ноги его заплетаются, и вотъ онъ дошелъ. Только хочетъ онъ взяться за дверную ручку, какъ дверь сама распахивается и слышитъ онъ Николкинъ голосъ:

„Три квартала обошелъ,
Такой водки не нашелъ“!

Опрометью бросается онъ бѣжать оттуда со всѣхъ ногъ, такъ какъ знаетъ теперь, что здѣсь не утоляютъ жажду, а вливаютъ въ себя растопленный свинецъ. Онъ сворачиваетъ по Звенигородской улицѣ,—и снова тѣ же видѣнія, все тотъ же неотвязчивый, тяжелый кошмаръ. Такъ онъ провелъ всю ночь до утра.

XXXVIII.

На другой день болѣзнь обострилась, и Павелъ Павловичъ бредилъ уже громко, вслухъ. Ничего не знавшая Маша разсудила необходимымъ сообщить о его состояніи невѣстѣ и была крайне удивлена, когда ей тамъ сказали отъ имени барышни, что „въ такихъ случаяхъ, самое лучшее — приглашать доктора“. Догадавшись тогда о происшедшемъ разрывѣ, она уходила отъ Чекмаревыхъ съ проклятіями за обиженнаго барина, когда уже на лѣстницѣ ее кто-то окликнулъ. Она вернулась и увидала передъ собою саму генеральшу, Софью Петровну. Полновѣсная барыня, въ нѣкоторой застѣнчивости, обратилась къ ней:

— Ты, милая, отъ Павла Павловича Зернова?—спросила она.

— Да-съ, отъ нихъ.

— Что же это съ нимъ случилось?

— Да Богъ ихъ вѣдаетъ,—отвѣчала скорбнымъ голосомъ Маша.—Вчера подала я имъ это письмо: потомъ пошли они прогуляться, да вернулись домой прозябши. Я ихъ малинкой

напоила, уложила, укутала, а они вотъ сегодня безъ памяти бредятъ. Хочу сейчасъ за докторомъ бѣжать. Рядомъ съ нашимъ домомъ докторъ проживаетъ. Говорятъ, хорошій,— своихъ лошадей держитъ.

— Ну, милая, — ласковымъ голосомъ продолжала генеральша.—Ты Павла Павловича не огорчай, когда ему получше будетъ, и насчетъ Надежды Александровны ничего не сказывай. Мнѣ и самой жалко молодаго человѣка, но что же дѣлать, когда партія неподходящая! А ты ему скажи, что и я, и барышня ему кланяемся и всякаго добра желаемъ. Пусть поправляется. Ступай себѣ, милая, кланяйся отъ меня.

И генеральша, совершенно увѣренная въ томъ, что сдѣлала доброе дѣло, вернулась къ себѣ въ квартиру.

Но не такъ отнеслись къ извѣстію о внезапной болѣзни Зернова его новые сослуживцы на заводѣ. Какъ ни было кратко время его пребыванія тамъ,—его успѣли узнать, оцѣнить и полюбить. Извѣщенные Машей послѣ перваго же посѣщенія доктора, служащіе стали навѣщать его по очереди, а въ свободные отъ занятій часы образовалось, по взаимному ихъ соглашенію, совершенно правильное дежурство. Этотъ бездомный человѣкъ нашелъ себѣ близкихъ и родныхъ въ кругу совершенно чужихъ людей, по отношенію къ которымъ онъ самъ являлся не начальникомъ, а другомъ. Когда миновалъ кризисъ, когда отъ болѣзни оставались лишь слабость и изнуреніе, Зерновъ былъ глубоко тронутъ этимъ вниманіемъ. Силы постепенно возвращались, а вмѣстѣ съ физическими силами выростало и сознаніе необходимости дальнѣйшаго исполненія своего долга. Этого нельзя было еще назвать бодростью духа, такъ какъ нанесенная рана была слишкомъ глубока и, разумѣется, зажить не успѣла; но возрожденное сознаніе имѣло уже ту хорошую сторону, что тянуло его скорѣе, скорѣе къ дѣлу,—за трудъ, за безустанную работу. Его томила выдержка, которой требовалъ отъ него докторъ. Всегда мягкій и уступчивый, онъ вступалъ теперь съ нимъ въ споры, доказывая, что дѣятельность не только не надорветъ его организма, но, напротивъ, ободритъ его. Наконецъ, не получая согласія, онъ взбунтовался и самовольно отправился на заводъ.

Приближались рождественскіе праздники и выдался такой

теплый день, что походилъ онъ не на декабрьскій, а на конецъ марта, въ полную весну. Солнце ярко свѣтило, съ крышъ стекалъ талый снѣгъ и, при полномъ отсутствіи вѣтра, повсюду встрѣчались весеннія пальто. Закутанный изъ предосторожности въ свой бобровый воротникъ, пріѣхалъ онъ, никѣмъ неожиданный, и вошелъ въ заводскую контору. Тамъ бросились къ нему съ поздравленіями, съ теплыми рукопожатіями. Но ему казалось мало: онъ хотѣлъ пройти на самый заводъ. Одинъ изъ главныхъ конторщиковъ, опасавшійся за его силы, вызвался его проводить. Медленнымъ шагомъ прошли они черезъ огромный дворъ и, когда добрались до главнаго корпуса заводскаго зданія, то сердце Зернова такъ сильно забилось, что онъ долженъ былъ остановиться передъ входомъ. Наконецъ, онъ взялся за дверную скобку, притянулъ тяжелую дверь къ себѣ и вошелъ. По мѣрѣ того какъ онъ проходилъ по безконечнымъ рядамъ станковъ, рабочіе останавливались, и широкая, радостная улыбка озаряла лицо каждаго изъ нихъ. Къ нѣкоторымъ онъ подходилъ съ вопросомъ или добрымъ словомъ; нѣкоторымъ напоминалъ о сдѣланномъ передъ болѣзнью замѣчаніи и спрашивалъ, усвоилось ли теперь дѣло? И всѣ провожали его съ задушевными пожеланіями, радуясь тому, что онъ вновь къ нимъ пришелъ. То же самое ожидало его въ другихъ отдѣленіяхъ, и, когда онъ вернулся къ себѣ въ контору, немного утомленный отъ такого моціона, онъ улыбался самъ себѣ и невольно подумалъ: „вотъ она, моя родная семья“! Но ни теперь, ни позже, никогда не приходило ему въ голову, какою дорогою цѣною досталось ему это сознаніе.

Прошли праздники рождества; отъ болѣзни онъ совсѣмъ оправился; вернулся аппетитъ; силы окончательно возстановились, и повелъ Павелъ Павловичъ жизнь совсѣмъ нормальную. Рана ныла и безпрестанно давала о себѣ знать, но, какъ человѣкъ съ ампутированной рукою силою разума убѣждаетъ себя въ томъ, что нытьемъ, отчаяніемъ и проклятіями руки этой не вернешь,—такъ и онъ запрещалъ самому себѣ умиляться надъ своими страданіями.

Въ половинѣ января, къ нему какъ-то случайно и спозаранку утромъ забрелъ несовсѣмъ трезвый „Николка“. Какъ *ни былъ безпутенъ* давно спившійся съ кругу человѣкъ, онъ

какъ съ перваго раза рѣшилъ, что эта мамзель Чекмарева—интриганка, интересанка и подлая дрянь, но мнѣ вы подайте справедливость! Ужь если на то пошло, такъ вѣдь я пойду, ей все это въ глаза выскажу. Пойду, скажу ей, ея милой матери, этой старой глупой сводницѣ, да и кирасиру ихнему, князю Пустоземельному (онъ почему-то воображалъ, что князь непремѣнно долженъ быть кирасиромъ и, въ довершеніе, путалъ его фамилію), — я имъ скажу, какую они подлость совершили. Человѣка чуть въ могилу не свели! Вонъ онъ теперь въ какомъ настроеніи, у него въ душѣ „свѣтъ погасъ“, а легко ли дѣло, когда свѣтъ погаснетъ?.. Я это, небось, по опыту изучилъ... Пусть они знаютъ, какою цѣною покупаютъ свое счастіе... Хоть бы водки долбануть, что ли? а то отъ ихъ подлостей, право, мутитъ только...

Онъ подошелъ къ знакомому шкафчику и, къ величайшей радости своей, нашелъ до-верху наполненный графинъ.

„Вотъ моя супруга;
Ахъ, ты—вѣрная подруга“!—

запѣлъ онъ, и налилъ себѣ рюмку. Но ненадолго смягчила его излюбленная влага. Онъ продолжалъ шагать по комнатѣ и браниться, изрѣдка прикладываясь къ „очищенной“. Только по мѣрѣ того какъ графинъ пустѣлъ, брань его становилась безсвязнѣе и вылетавшія изъ устъ слова окончательно глупѣли. Было около двухъ часовъ пополудни, когда давно преслѣдовавшая мысль снова завладѣла имъ всецѣло, и онъ вышелъ, побраниваясь и икая, на улицу.

XXXIX.

Многое успѣли за это время сдѣлать Малоземельный съ Хвостиковымъ и многое подвинулось впередъ въ отношеніяхъ князя къ Надеждѣ Александровнѣ.

Вопросъ о разводѣ былъ уже принципіально рѣшенъ въ консисторіи и оставалось только выждать исполненія нѣкоторыхъ формальностей. Все состояніе Анны Ивановны было перевѣдено на имя Малоземельнаго, и онъ буквально осыпалъ подарками не только невѣсту свою, но и ея мамашу. *Софья Петровна ходила* теперь вся въ браслетахъ, кольцахъ,

сережкахъ, брошкахъ и цѣпочкахъ, для часовъ и для лорнета. Она сіяла и улыбалась, какъ полнолуніе. Одного ей хотѣлось скорѣе — дождаться права называть себя тещею князя. Мечтою ея было заказать визитныя карточки, на которыхъ будетъ напечатано по французски: „вдова генерала Чекмарева, мать княгини Малоземельной“, но, къ крайнему ея прискорбію, дочь объяснила, что это невозможно.

Хвостиковъ, нажившій большія деньги при передачѣ богатствъ Анны Ивановны въ руки его довѣрителя, продолжалъ очень усиленно хлопотать о скорѣйшимъ окончаніи бракоразводнаго процесса. Но молодымъ людямъ не терпѣлось выйти на свободу и, когда все было безповоротно рѣшено, когда Анна Ивановна уже переѣхала въ монастырь на жительство, до ея постриженія, они рѣшили отправиться за границу, на югъ Италіи, гдѣ въ январѣ стоитъ самая чудная весенняя пора. Съ неменьшимъ восторгомъ встрѣтила это рѣшеніе Софья Петровна, никогда еще не путешествовавшая и всю жизнь мечтавшая о „заграницѣ“. Сборы были не долги и отъѣздъ назначенъ на четвергъ съ варшавскимъ поѣздомъ, отходящимъ въ половинѣ втораго. Уже княжескій камердинеръ отправился на вокзалъ взять первоклассное спальное купэ для обѣихъ дамъ, а другое, маленькое, для своего барина, да сдать багажъ. Софью Петровну усадили въ извощичью карету съ пледами, подушками и дорожными несессерами. Провожалъ ее на на вокзалъ Иванъ Петровичъ Хвостиковъ. Наконецъ, настала очередь и для Надежды Александровны съ княземъ—сѣсть въ экипажъ. Къ крыльцу подали элегантную княжескую карету. Малоземельный помогъ Надеждѣ Александровнѣ усѣсться, потомъ самъ хотѣлъ войти, какъ кто-то тронулъ его за рукавъ пальто. Онъ оглянулся: тутъ стояли швейцаръ и въ отдаленіи нѣсколько дворниковъ; случайно у воротъ оказался околодочный, повидимому, знавшій Малоземельнаго, такъ какъ онъ съ особенною почтительностью отдалъ ему честь. Прямо же передъ княземъ стоялъ какой-то пьяный оборванецъ и силился промолвить что-то, сквозь вздрагивавшія и посинѣвшія губы. Но Малоземельный былъ такъ полонъ своимъ счастіемъ, радостью своего отъѣзда съ невѣстою въ далекіе края, что не разсердился на пьянчугу за его фамильярную настойчивость, а, сунувъ руку въ

карманъ, досталъ рублевую бумажку и, въ порывѣ какого-то великодушія, протянулъ ее несчастному.

Тотъ скомкалъ ассигнацію въ рукѣ и съ силою швырнулъ ее обратно, чуть не въ лицо князю. Пьяница поблѣднѣлъ еще болѣе и помертвѣлыя губы его судорожно исказились, когда онъ наконецъ крикнулъ:

— Мерзавцы, убійцы! будьте вы прокляты навсегда!!

Князь ничуть не растерялся, онъ такъ ловко оттолкнулъ несчастнаго, что тотъ поскользнулся и чуть не подкатилъ подъ самую карету; между тѣмъ Малоземельный успѣлъ сѣсть въ нее и захлопнулъ дверцы, предварительно крикнувъ:

— Уберите этого негодяя въ участокъ!

Дворники подскочили, околодочный вмѣшался въ дѣло; пьяный не давался, но съ нимъ живо справились. Швейцаръ попробовалъ, крѣпко ли захлопнута дверца у кареты, снялъ шапку съ галуномъ и крикнулъ кучеру: „пошелъ!“

А Николка, съ окровавленнымъ отъ паденія носомъ, шумѣлъ и оралъ благимъ матомъ, что „весь свѣтъ давно проклятъ самимъ Господомъ Богомъ“.

— Чего безобразничаешь?—уговаривалъ его швейцаръ.

— А ты языкомъ подлижи слѣдъ отъ кареты, халуй въ галунахъ!—кричалъ на него Николка.

Но тутъ, по приказанію околодочнаго, подозвали извощика, кой-какъ усадили пьянчугу въ сани и повезли въ участокъ.

— Пожалуйте, сударь, на даровую квартиру, — острилъ усѣвшійся съ нимъ рядомъ довольно благодушный дворникъ.

— Даровая?!—отозвался на это Николка:—нѣтъ, братъ, дудки; насчетъ дароваго—атàнде! Ничего въ мірѣ дароваго нынче нѣтъ и кутузка твоя иному дорогой цѣною обходится... Ишь, даровое нашелъ... гдѣ нынче даровое?... Куда ни оглянись, — никому ничего даромъ не достается... Мнѣ кутузка, а тому князю, что̀ покатилъ, его карета съ красавицею рядомъ... всѣмъ дорого обойдется...

И всю дорогу, вплоть до полицейскаго дома, Николка развивалъ эту тему. Дворникъ, добродушный малый, охотно слушалъ его безсвязное бормотанье и наконецъ, подъѣзжая къ части, сказалъ:

— И охочъ же ты языкомъ лопотать, страсть!

Жизнь каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ потекла затѣмъ своимъ порядкомъ. И пьяный Николка, пожалуй, былъ правъ: кто купилъ счастье, а кто душевный миръ, кто опытъ, а кто и притупленіе страданія своего—относительно дорогою цѣною.

А. Апраксинъ.

КОНЕЦЪ.

ИЗЪ КРЫМСКАГО ДНЕВНИКА.

I.

...Свѣтаетъ... Надъ моремъ, подъ пологомъ тучъ,
Лазурное утро свѣтлѣетъ;
Вершины байдарскихъ причудливыхъ кручъ
Неясно и мягко синѣютъ.

Какъ зеркало—море... Не плещетъ прибой...
Подъ легкой фатою тумана,
Въ ущельяхъ, гдѣ сумракъ тѣснится ночной,
Еще и прохладно, и рано...

Но съ каждой минутой въ разсвѣтныхъ лучахъ
Яснѣютъ и берегъ, и море...
Какъ чудны здѣсь, въ этихъ зеленыхъ горахъ,
Весеннія свѣжія зори!..

. . . . . .

II.

На морскомъ берегу, на скалѣ,
Съ непонятною грустью во взорѣ
Я сидѣлъ и глядѣлъ, какъ во мглѣ
Утопало туманное море;
Я глядѣлъ, какъ внизу, подо мной,
Далеко отъ прибрежья, во мракѣ,
Чуть мерцающей тускйлой звѣздо
Засвѣтилъ огонекъ на маякѣ...

И дождался прилива. Пока
Возросталъ его шумъ отдаленный,
хватилъ меня страхъ—и тоска
Завладѣла душею смущенной...
Но потомъ изъ-за темныхъ зыбей
Свѣжій вѣтеръ поплылъ надъ волнами,
Сталъ прибой величавѣй, ровнѣй,
Сталъ торжественнѣй шумъ подъ скалами.

И въ душѣ необъятной волной
Разросталося чувство свободы,
Словно ближе сталъ чуять душой
Я величье и тайны природы...
И всю ночь на пустынной скалѣ
Я сидѣлъ вдохновенно-безмолвный
И внималъ, какъ глубоко во мглѣ
Шумно пѣли холодныя волны...

Ив. Бунинъ.

ДЕНЬ НАСТАНЕТЪ.

Романъ **Бреддонъ.**

XXV.

Догадка Кетберта Рамсея о душевномъ разстройствѣ мистриссъ Портеръ была для Теодора неяснымъ лучемъ свѣта и дала новое направленіе его мыслямъ. Совершенно напрасно его пріятель распространялся о различіи между сумашествіемъ и тихой меланхоліей, какъ слѣдствіемъ перенесенныхъ несчастій. Послѣ разговора въ паркѣ, образъ мистриссъ Портеръ настойчиво преслѣдовалъ Теодора, и двѣ различныя идеи особенно смущали его: то онъ думалъ о человѣкѣ, называвшемъ мистриссъ Данверсъ своей женой и, конечно, ненавидѣвшемъ Джемса Дальбрука, какъ ея любовника; то мысль его обращалась невольно къ той женщинѣ, что жила въ коттэджѣ у западныхъ воротъ, прошлая жизнь которой была ему такъ мало извѣстна.

Онъ припомнилъ ея отношеніе къ дочери, ея холодный отказъ простить раскаявшуюся грѣшницу и твердую рѣшимость жить одной. Такое поведеніе казалось Теодору неестественнымъ. Онъ много слыхалъ объ отцахъ, отказывавшихся отъ непокорныхъ дѣтей. Жестокость отцовскаго сердца вошла уже въ пословицу, но мать, отталкивающая свое несчастное дитя, казалась ему положительно чудовищнымъ явленіемъ. Онъ рѣшился немедленно сообщить лорду Черитону предположеніе Рамсея и свои собственныя сомнѣнія. Лордъ Черитонъ долженъ былъ знать обстоятельства прошлой жизни мистриссъ Портеръ, и если эти обстоятельства, дѣйствительно,

таковы, что могли пагубно отразиться на ея разсудкѣ, то, конечно, ему слѣдовало принять какія нибудь мѣры для предотвращенія возможнаго несчастья.

Послѣ обѣда, онъ опять, какъ и въ прошлый вечеръ, вышелъ съ хозяиномъ на террасу и, не теряя времени, приступилъ къ интересовавшему его предмету.

— Я съ Рамсеемъ сегодня пилъ чай у мистриссъ Портеръ!—сказалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ же это случилось?—отозвался лордъ Черитонъ.—Она вѣдь женщина не общительная и избѣгаетъ новыхъ знакомствъ.

— Я очутился у нея по милости Рамсея. Ему очень понравился ея коттэджъ, да и ея жизнь заинтересовала его, и онъ вбилъ себѣ въ голову, что она должна быть женщиной необыкновенной.

— Что жъ! Вашъ пріятель, пожалуй, и правъ до нѣкоторой степени. Мистриссъ Портеръ не легко разгадать. Я никогда не могъ понять ее.

— А вы, между тѣмъ, вѣроятно, знакомы съ ея прошлымъ и могли бы имѣть ключъ къ ея характеру.

— Но въ ея жизни, насколько мнѣ извѣстно, не было ничего особеннаго... Къ какимъ же заключеніямъ по поводу ея пришелъ вашъ пріятель послѣ своихъ наблюденій?

— Онъ нашелъ въ ней признаки душевной болѣзни, только не могъ опредѣлить въ точности: была ли она больна прежде, или больна теперь, или же въ будущемъ болѣзнь угрожаетъ ей...

На террасѣ въ эту пору было уже довольно темно, и Теодоръ не могъ уловить никакого измѣненія въ лицѣ своего собесѣдника, но то движеніе, съ какимъ онъ вынулъ изо рта свою сигару, и его замедлившіеся шаги обличали его волненіе. Конечно, для него не могло быть пріятно такое грустное извѣстіе объ его кліенткѣ, которую онъ устроилъ такъ удобно и которая должна была всю жизнь пользоваться его милостями.

— На чемъ же основываетъ вашъ пріятель свое фантастическое заключеніе?— съ неудовольствіемъ спросилъ лордъ Черитонъ.

— На физіологическихъ и психологическихъ данныхъ. Вы,

если хотите, можете сами поговорить съ нимъ. Мнѣ кажется, что вы должны узнать всю правду.

— Я не прочь выслушать мнѣніе вашего пріятеля, но только едва ли оно будетъ для меня убѣдительнымъ. Ахъ, эти молодые ученые... все они носятся со своими теоріями!

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы поговорили съ нимъ!—настаивалъ Теодоръ. — Въ виду ужаснаго событія прошлаго года, вамъ нельзя держать около дома такого человѣка, на котораго вы не можете вполнѣ положиться.

— Что вы этимъ хотите сказать? — спросилъ лордъ Черитонъ.

— Я хочу сказать, что пока у вашихъ воротъ будетъ жить сумашедшій, до тѣхъ поръ вашъ домъ не можетъ быть застрахованъ отъ убійства.

— Теодоръ! Вы не можете быть такъ жестоки, чтобы эту несчастную женщину примѣшивать къ убійству Годфри Кармичиля!—воскликнулъ лордъ Черитонъ.

— Богъ знаетъ!.. Но вѣдь надо же чѣмъ нибудь объяснить это убійство. Вы, какъ отецъ Джуаниты, не можете же оставаться спокойны, до тѣхъ поръ пока дѣло не разъяснится? Я, по крайней мѣрѣ, на вашемъ мѣстѣ не могъ бы оставаться спокойнымъ.

— Я надѣюсь, вы не хотите учить меня исполненію моего долга относительно дочери!—холодно промолвилъ лордъ Черитонъ, — и тутъ Теодоръ почувствовалъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко.

Послѣ того, лордъ Черитонъ заговорилъ съ нимъ о другомъ, закурилъ новую сигару и пришелъ въ свое обычное, спокойное расположеніе духа. О мистриссъ Портеръ уже ни слова не было сказано между ними въ тотъ вечеръ. Въ воскресенье, лордъ Черитонъ, возвращаясь изъ церкви съ Кетбертомъ Рамсеемъ, самъ заговорилъ о своей привратницѣ.

— Теодоръ нѣсколько преувеличилъ...—сказалъ ему Кетбертъ.—Я просто нахожу въ мистриссъ Портеръ небольшое уклоненіе отъ нормальнаго состоянія, которое могло произойти отъ какихъ нибудь непріятностей, дѣйствительныхъ или воображаемыхъ. Еслибы меня пригласили постановить діагнозъ, то я бы сказалъ, что умъ ея выведенъ изъ равновѣсія, что ея мышленіе не въ надлежащемъ порядкѣ. Но, разумѣется, ее

нельзя считать сумашедшей, да къ тому же я могу и ошибиться. Только, еслибы я принималъ участіе въ мистриссъ Портеръ, то сталъ бы наблюдать за ней,— и вамъ я предложилъ бы слѣдить за ней, но, конечно, такимъ образомъ, чтобы не встревожить и не обезпокоить ея.

— Я сдѣлаю все, что могу!—отозвался лордъ Черитонъ.— У меня есть одинъ старый знакомый, спеціалистъ по душевнымъ болѣзнямъ, всю жизнь посвятившій на ихъ изученіе. Я спрошу его совѣта.

— И самое лучшее, когда вы узнаете его мнѣніе о мистриссъ Портеръ,—если вы интересуетесь ея благосостояніемъ!—сказалъ ему Рамсей.

— Я интересуюсь всѣми, кто зависитъ отъ меня, а ею— въ особенности, какъ своею старой знакомой! — промолвилъ лордъ Черитонъ.

Послѣ завтрака, пріѣхала въ Черитонъ леди Кармичиль со своимъ ребенкомъ и съ люлькой: она иногда по воскресеньямъ, въ угожденіе отцу, ѣздила сюда, хотя не могла видѣть безъ содроганія и боли черитонскаго дома. Ее провели въ библіотеку, которая теперь сдѣлалась любимой семейной комнатой. Надъ роковой гостинной, гдѣ произошло убійство, казалось, висѣло какое-то темное облако.

Теодоръ тотчасъ же по пріѣздѣ замѣтилъ, что въ залѣ произошли нѣкоторыя перемѣны. Онъ обѣщалъ Кетберту показать портреты Стрэнгвеевъ и въ особенности семейную группу послѣдняго сквайра, написанную лѣтъ 40 тому назадъ, но этого портрета, также какъ и нѣкоторыхъ другихъ, въ комнатѣ не оказалось.

— Какъ жаль, что я не вижу здѣсь семейной группы! Это былъ очень интересный портретъ! — замѣтилъ онъ лорду Черитону.

— Можетъ быть, интересный для тѣхъ, кто зналъ исторію того семейства...—отозвался хозяинъ.—Но для постороннихъ онъ вовсе не интересенъ... Я, ради Джуаниты, сдѣлалъ въ комнатахъ небольшія перемѣны—для того чтобы эти комнаты меньше напоминали ей о прошломъ...

— Я хотѣлъ бы показать Рамсею портреты Стрэнгвеевъ, если можно.

— Теперь ихъ нѣтъ здѣсь!—возразилъ лордъ Черитонъ.— Холсты немного попортились и я отправилъ ихъ для ремонтировки въ Лондонъ. Вы можете показать ихъ своему пріятелю, когда я получу ихъ обратно.

А мистеръ Рамсей, между тѣмъ, повидимому, совсѣмъ позабылъ о Стрэнгвеяхъ, хотя прежде онъ и интересовался этимъ злополучнымъ семействомъ. На ту пору онъ находился въ саду—въ „розовомъ саду“ леди Черитонъ—вмѣстѣ съ Джуанитой и ея сыномъ. Онъ опять няньчился съ дитятей, а бабушка съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣла на него. Бабушка съ восторгомъ утверждала, что дитя „начинаетъ узнавать лица“, — для нея, по крайней мѣрѣ, не оставалась сомнѣнія въ томъ, что маленькій Годфри Джемсъ Дальбрукъ призналъ Кетберта Рамсея и необыкновенно благоволилъ къ нему.

— Я это объясняю тѣмъ, что вы такой высокій и большой...—весело сказала Джуанита.—Онъ сознаётъ вашу силу и хочетъ жить съ вами въ мирѣ.

— Между нами существуетъ сродство, — мы съ перваго взгляда полюбили другъ друга!—говорилъ Рамсей.—Однажды, проходя по Нью-Кэту, я встрѣтилъ бѣдную женщину съ ребенкомъ на рукахъ;—этому маленькому несчастному созданью былъ уже годъ, но онъ казался гораздо меньше вотъ этого пухлаго аристократа. У васъ, леди Кармичиль, навѣрное сжалось бы сердце при видѣ жалкой улыбки того мальчугана... Онъ тоже вдругъ почувствовалъ ко мнѣ большое влеченіе и запросился на руки. Я взялъ его... Какъ мнѣ тогда было жаль это дитя съ ясными глазками, сіявшими на блѣдномъ впаломъ лицѣ, преждевременно состарѣвшемся отъ недостатка пищи и свѣжаго воздуха. Подобныя дѣти, также какъ бездомныя бродячія собаки, всегда заставляютъ меня страдать. Я только жалѣю, но ничего не могу сдѣлать для нихъ—и прохожу мимо. Ужасно наше положеніе, безсильны мы и безпомощны. Мы можемъ только жалѣть, но никогда не поступаемъ по внушенію свыше. Будьте увѣрены, что левитъ очень жалѣлъ ограбленнаго и израненнаго путника, хотя и не видѣлъ средствъ помочь ему!

Это была одна изъ тѣхъ тирадъ, которыя Кетбертъ позволялъ себѣ высказывать лишь въ то время, когда находился въ симпатичномъ для него обществѣ. А общество Джуаниты ему было въ особенности по душѣ. Онъ никогда, ни съ одной женщиной не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь съ нею, сидя въ саду, посреди розъ, озаренныхъ веселымъ солнечнымъ свѣтомъ. Онъ ожидалъ увидѣть ее мрачною, погруженною въ свое горе, но дитя своими маленькими пальчиками, очевидно, смягчило ея наболѣвшее сердце. Она не была весела, но могла, по крайней мѣрѣ, выносить веселость другихъ. Она съ улыбкой выслушала Рамсея, любовалась на розы,— однимъ словомъ, не являлась темною тѣнью на свѣтломъ, блистающемъ фонѣ лѣтняго дня. Она была очень хороша въ своемъ простомъ черномъ платьѣ и въ бѣлой шляпкѣ, вполнѣ гармонировавшей съ ея темными волосами и съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица.

Джуанита не походила ни на одну изъ женщинъ, знакомыхъ Кетберту Рамсею. Хотя она и провела въ Лондонѣ два сезона, но не заразилась великосвѣтскою пошлостью. Она не выносила пустыхъ развлеченій, ухаживаній и кокетства, и не могла влюбляться по нѣскольку разъ въ сезонъ. Любовь предохраняла ее и руководила всѣми ея мыслями и поступками. Она дорожила похвалами только своего милаго, возлюбленнаго Годфри; только для него она одѣвалась и танцовала, играла и пѣла... А теперь также точно она сосредоточила всю свою привязанность на дитяти. Она вовсе не думала о томъ: идутъ ли къ ней черное платье и бѣлая шляпка; она вовсе не замѣчала, что Кетбертъ Рамсей смотритъ на нее съ такимъ восторгомъ, который, очевидно, былъ не безопасенъ для его душевнаго спокойствія. Она только видѣла, что Кетбертъ искренно полюбилъ ея ребенка, что онъ былъ человѣкъ— умный и что въ его обществѣ она позабывала на минуту свое горе.

Леди Кармичиль въ тотъ разъ долѣе обыкновеннаго пробыла въ Черитонѣ. Наступилъ уже вечеръ и тѣни въ паркѣ сгущались, когда она съ Теодоромъ и съ его пріятелемъ шла по направленію къ западнымъ воротамъ; за ними медленно ѣхалъ экипажъ, съ мамкой и дитятей, завернутымъ въ одѣяло, въ виду того, чтобы на него какъ нибудь не пахнулъ свѣжій

вечерній вѣтерокъ. Теодоръ предложилъ пройтись по парку, и Джуанита съ удовольствіемъ приняла это предложеніе.

— Я рада пройтись!—говорила она.—Теперь мнѣ рѣдко удается гулять,—нужно сидѣть дома съ ребенкомъ.

— Неужели вы не довѣряете даже опытной мамкѣ?—съ улыбкой замѣтилъ Рамсей.

— Я довѣряю только самой себѣ, да и то иногда сомнѣваюсь въ своей осмотрительности, когда дѣло касается моего драгоцѣннаго малютки.

— Вамъ еще будетъ больше хлопотъ, когда вашъ драгоцѣнный малютка подростетъ!—сказалъ Теодоръ. Онъ уже началъ „узнавать лица“, и скоро придетъ время, когда онъ увидитъ себя самодержавнымъ монархомъ, а всѣ окружающіе покажутся ему, болѣе или менѣе, его рабами. И въ какой атмосферѣ онъ станетъ жить, до тѣхъ поръ пока его не отошлютъ въ Итонъ; а тамъ онъ сразу очутится лицомъ къ лицу съ мальчишеской республикой, гдѣ безъ всякой жалости начнутъ его толкать и щипать...

У леди Черитонъ, въ началѣ слѣдующей недѣли, были дѣла въ Лондонѣ. Ей нужно было повидаться со своимъ дантистомъ, съ портнымъ, и сдѣлать кое-какія закупки въ вестъ-эндскихъ магазинахъ, представляющихъ, разумѣется, большой интересъ для леди, проводящей двѣ трети года въ провинціи. Узнавъ, что леди Черитонъ хотѣла пробыть въ Лондонѣ дня два, Теодоръ сообщилъ лорду Черитону о своемъ намѣреніи сопровождать ее въ Лондонъ и тамъ устроить для нея встрѣчу съ той молодой женщиной, которая была извѣстна ему подъ именемъ Маріанны Грей.

— Если вы, дѣйствительно, желаете помочь ей! — добавилъ онъ.

— Конечно, желаю,—и чѣмъ скорѣе это дѣло устроится, тѣмъ будетъ пріятнѣе для меня!—отозвался лордъ Черитонъ.—Моей женѣ придется пойти къ этой женщинѣ?

— Нѣтъ! Маріанна слишкомъ горда и мнительна. Лучше устроить такъ, чтобы встрѣча оказалась какъ бы случайною. Маріанна раза два въ недѣлю ходитъ гулять съ миссъ Ньютонъ. Я могу сдѣлать такъ, что миссъ Ньютонъ будетъ гулять съ нею въ извѣстномъ мѣстѣ,—напримѣръ, въ Баттерси-Паркѣ,—и въ извѣстный часъ, а мы съ леди Черитонъ пріѣ-

ѣдемъ туда, какъ бы случайно, и встрѣтимся съ ними. Такимъ образомъ, будетъ всего легче удостовѣриться въ тождествѣ Маріанны Грей съ Мерси Портеръ.

— Очень хорошо! Вы можете поговорить съ женой.

Леди Черитонъ, какъ женщина добрая, тотчасъ же согласилась на предложеніе Теодора.

— Я сдѣлаю все, что̀ въ моихъ силахъ, чтобы помо́чь этой бѣдной дѣвушкѣ!—сказала она.—Мнѣ очень жаль ее. Дѣтство ея было безрадостно и одиноко. Ея мать, казалось, гордилась тѣмъ, что держала ее постоянно взаперти, плохо одѣвала и какъ будто старалась сдѣлать для нея жизнь какъ можно печальнѣе и невыно́симѣе. Я не удивляюсь, что бѣдняжка не устояла передъ искушеніемъ и поддалась первому же соблазнителю... Этотъ человѣкъ не останавливался ни передъ чѣмъ—ни передъ какою ложью—для достиженія своихъ дурныхъ цѣлей. Противъ него, говорятъ, не могли даже устоять свѣтскія дамы... А теперь она влачитъ такую жалкую, одинокую жизнь въ лондонскихъ трущобахъ. Бѣдняжка! А какъ она была хороша и деликатна!..

Кетбертъ уѣхалъ въ понедѣльникъ, пообѣщавъ возвратиться въ концѣ недѣли, а Теодоръ въ среду отправился въ Лондонъ съ леди Черитонъ. Прямо съ вокзала онъ пошелъ въ Веджвудъ-Стритъ повидаться съ миссъ Ньютонъ, разсказалъ ей о добрыхъ намѣреніяхъ лорда Черитона относительно Маріанны—Мерси тожъ — и условился съ ней насчетъ прогулки на слѣдующій день въ Баттерси-Паркѣ. Миссъ Ньютонъ со своей protégée должны были прогуливаться по берегу рѣки въ половинѣ четвертаго; туда же должна была пріѣхать и леди Черитонъ.

Миссъ Ньютонъ было не особенно трудно привести въ исполненіе этотъ маленькій заговоръ: Маріанна всегда съ радостью была готова оставить свою работу ради удовольствія пройтись со своимъ единственнымъ другомъ... Черезъ шумныя, людныя улицы онѣ направились къ мѣсту своей прогулки и тамъ стали медленно прохаживаться по песчаной дорожкѣ, задумчиво смотря на блестящую поверхность рѣки. Сара Ньютонъ, обыкновенно любившая поговорить о газетныхъ новостяхъ, о книгахъ, объ исторіи прошлаго и настоящаго, на этотъ разъ была очень серьезна и молчалива.

— Здоровы ли вы, миссъ Ньютонъ?—спросила Маріанна, съ безпокойствомъ смотря на нее.

— Нѣтъ, моя дорогая, я совершенно здорова!—отвѣтила та.—Я вѣдь человѣкъ желѣзный, вы знаете, и, кромѣ зубной да головной боли, не знаю никакихъ болѣзней.

Онѣ въ молчаніи сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ миссъ Ньютонъ остановилась и, смотря на подъѣзжавшій экипажъ, вскричала:

— Вѣдь это мистеръ Дальбрукъ съ какой-то леди! Посмотрите!

Экипажъ, между тѣмъ, остановился—и Теодоръ вышелъ изъ него. Услыхавъ его фамилію, Маріанна слегка покраснѣла, но при видѣ леди, сидѣвшей въ экипажѣ, ея румянецъ сгустился; когда же леди подошла къ Маріаннѣ, лицо ея покрылось смертельною блѣдностью.

— Мерси! Дитя мое... Я очень рада, рада отъ всего сердца, что нашла васъ! — проговорила леди Черитонъ, пожимая ей руки.

Она старалась, чтобы ни въ ея обращеніи, ни въ тонѣ голоса, ни въ выраженіи ея лица не было ничего такого, что бы могло заставить дѣвушку сомнѣваться въ искреннемъ дружескомъ расположеніи къ ней. Любовь и сожалѣніе свѣтились въ ея темныхъ южныхъ глазахъ, сохранившихъ, не смотря на года, свою юношескую прелесть.

На глазахъ Мерси Портеръ навернулись слезы. Эта спокойная, сдержанная дѣвушка не выдержала, услыхавъ знакомый голосъ—голосъ той женщины, которая всегда съ такою любовью и лаской относилась къ ней во дни ея печальнаго дѣтства.

— Дорогая моя леди Черитонъ! Я думала, что вы уже давно забыли ту несчастную дѣвушку, къ которой когда-то вы были такъ добры,—прошептала Мерси.

— Нѣтъ, Мерси, я не забыла васъ! Я всегда жалѣла васъ, глубоко жалѣла... Когда же мистеръ Дальбрукъ сказалъ мнѣ о своей встрѣчѣ съ заинтересовавшей его молодой особой, знавшей Черитонъ, я тотчасъ догадалась, что это были вы. Благодарю Бога, что я нашла васъ, моя милая! Мистеръ Дальбрукъ завтра утромъ побываетъ у васъ и поговоритъ съ

вами о вашемъ будущемъ... и о нашихъ планахъ: какъ бы сдѣлать вашу жизнь счастливѣе.

— Мнѣ ничего не нужно!—живо возразила Мерси.—Я теперь совершенно довольна своею участью. Я не надѣюсь ни на что лучшее и ничего лучшаго не желаю.

— Какой вздоръ, Мерси!—Мы съ мужемъ—ваши друзья и хотимъ помочь вамъ.

— Я ни отъ кого не приму помощи, леди Черитонъ!—говорила Мерси.—Я ужь давно рѣшила это про себя. Я могу жить своимъ заработкомъ. Если же руки или глаза измѣнятъ мнѣ, — я пойду въ рабочій домъ. Я очень, очень благодарна вамъ,—но ничего не прошу и ничего не приму...

— Ну, мы посмотримъ, Мерси!—съ добродушной улыбкой отозвалась леди Черитонъ.

Она ожидала уже встрѣтить нѣкоторое сопротивленіе, понимая гордость чувствительной натуры, живо сознающей сдѣланную ей несправедливость и не могущей забыть прошлаго, но она вовсе не разсчитывала встрѣтить такое стойкое, рѣшительное сопротивленіе.

— Познакомьте меня, Мерси, съ той леди, которая была такъ добра къ вамъ!—обратилась она къ дѣвушкѣ.

— Добра! это слишкомъ слабое выраженіе... — воскликнула та.

— Она была моимъ ангеломъ-хранителемъ,—она спасла меня отъ отчаянія...

Миссъ Ньютонъ въ то время прохаживалась съ Теодоромъ, чтобы дать возможность леди Черитонъ остаться наединѣ съ Мерси. Мерси сходила за своимъ другомъ и повела ее къ леди Черитонъ, шедшей къ нимъ навстрѣчу.

— Миссъ Ньютонъ—мой единственный вѣрный, добрый другъ въ лондонскомъ мірѣ... А это—леди Черитонъ, единственный другъ моего печальнаго дѣтства!—говорила Мерси, смотря то на ту, то на другую женщину.

— Благодарю васъ, миссъ Ньютонъ, что вы были такъ добры къ этой дѣвушкѣ! Я принимаю самое горячее участіе въ ея судьбѣ...—сказала леди Черитонъ.—Вы поступили, какъ добрый самарянинъ, и, по крайней мѣрѣ, хоть одно несчастное созданье благословляетъ васъ.

Онѣ прошлись немного, разговаривая о старомъ черитон-

скомъ домѣ и старинной фамиліи Стрэнгвеевъ, съ которыми Сара Ньютонъ была знакома во дни молодости.

— Они, кажется, уже всѣ умерли!—замѣтила леди Черитонъ.

— Да! Никого изъ нихъ не осталось!—отозвалась миссъ Ньютонъ.—Это была несчастная семья, и грустно подумать, что никто не пожалѣетъ о ней. Мнѣ, впрочемъ, жаль, что всѣ они умерли — исчезли безслѣдно съ земли, какъ привидѣнія...

Леди Черитонъ еще съ полчаса пробыла въ паркѣ, бесѣдуя съ Мерси и съ миссъ Ньютонъ. Теодоръ уже разстался съ ними, попросивъ у Мерси позволенія на слѣдующій день прійти къ ней.

Скромнаго, приличнаго вида женщина отворила дверь мистеру Дальбруку и провела его по лѣстницѣ въ маленькую комнату, въ которой Мерси Портеръ изъ года въ годъ проводила свою одинокую жизнь. Эта комнатка своей обстановкой сразу поразила Теодора, напомнивъ ему комнаты въ Кембриджѣ, въ которыхъ иной изворотливый студентъ умѣетъ очень хорошо устроиться съ малыми средствами... Мерси была очень блѣдна, и хотя, повидимому, встрѣтила посѣтителя съ самымъ спокойнымъ видомъ, но Теодоръ все таки замѣтилъ, что она еще не успѣла освободится отъ вчерашняго волненія.

— Что заставило васъ, мистеръ Дальбрукъ, измѣнить мнѣ?—спросила она.

— Измѣна — слишкомъ жестокое выраженіе, миссъ Портеръ!—отозвался Теодоръ.

— Неужели вы думаете, что я вѣрю тому, что вчерашняя встрѣча произошла случайно? Вы побезпокоились привезти въ паркъ леди Черитонъ, для того чтобы удовлетворить свое любопытство. Великодушно ли это съ вашей стороны?

— Видитъ Богъ, что я желалъ сдѣлать лучше для васъ. Я зналъ, что леди Черитонъ—вашъ истинный другъ, что она относится къ вамъ съ бо̀льшею нѣжностью, чѣмъ родная мать, и я не думалъ, что вамъ будетъ непріятно встрѣтиться съ ней. Притомъ, у меня были важныя причины, для того чтобы устроить это свиданіе. Мнѣ положительно было необходимо удостовѣриться въ вашей личности.

— Почему жъ „необходимо?“ Что вамъ за дѣло до того: кто я?

— Лордъ Черитонъ поручилъ мнѣ сдѣлать одно очень великодушное предложеніе... и я долженъ былъ убѣдиться, что дѣлаю это предложеніе именно той особѣ, которую имѣлъ въ виду лордъ Черитонъ.

Лишь только Теодоръ упомянулъ о лордѣ Черитонѣ, какъ лицо Мерси вдругъ измѣнилось. Она оставалась у окна въ той небрежной позѣ, въ какой встрѣтила гостя. Теперь же она выпрямилась во весь ростъ и непріязненно посмотрѣла на него; щеки ея пылали, глаза горѣли.

— Никакого великодушнаго предложенія я не приму отъ лорда Черитона!—сказала она.—Мнѣ ничего не нужно отъ него,—мнѣ только нужно, чтобы онъ оставилъ меня въ покоѣ. Не нужно мнѣ ничего и отъ леди Черитонъ, ничего, кромѣ ея сочувствія, да и то будетъ лучше, если мы будемъ оставаться вдали другъ отъ друга... Вы причинили мнѣ большое горе, напомнивъ все мое прошлое.

— Повѣрьте, что я только заботился о вашемъ счастьѣ!—возразилъ Теодоръ.

— Что вамъ за дѣло до моего счастья?—почти надменно проговорила Мерси.—Вы играете въ филантропію... Вы не можете принести мнѣ пользы, вы только можете сдѣлать мнѣ вредъ. Вѣдь вы видите, что я довольна своею жизнью... привыкла къ ней... у меня есть вѣрный другъ! Зачѣмъ же вы являетесь ко мнѣ съ предложеніемъ какихъ-то милостей, въ которыхъ я вовсе не нуждаюсь?

— Вы несправедливы, миссъ Портеръ!..—замѣтилъ ей Теодоръ.—Съ первой нашей встрѣчи я увидѣлъ, что вы вовсе не похожи на тѣхъ женщинъ, въ обществѣ которыхъ я васъ нашелъ... Развѣ же я могъ не заинтересоваться вами?

— Вамъ интересно было посмотрѣть вблизи на людское горе!—возражала Мерси. — Это было, съ вашей стороны, пустое, праздное любопытство...

Въ виду такого раздражительнаго состоянія своей собесѣдницы, Теодоръ счелъ за лучшее кратко и ясно передать ей предложеніе лорда Черитона. Теодоръ сказалъ ей, что лордъ Черитонъ заботится о ней и готовъ помочь получше устроиться; что онъ, наконецъ, дастъ ей столько денегъ, что-

бы она могла въ свою очередь помогать бѣднякамъ,—но Мерси остановила его...

— На какомъ же основаніи онъ дѣлаетъ мнѣ свое великодушное предложеніе? холодно спросила она.

— Онъ принимаетъ горячее участіе въ вашей матери и въ васъ самихъ... Ваша мать и теперь еще живетъ въ его имѣньѣ... Онъ былъ друженъ съ вашимъ отцомъ... Наконецъ, онъ, можетъ быть, чувствуетъ себя нѣсколько виновнымъ въ постигшемъ васъ несчастьѣ.

— Скажите ему, что я цѣню его щедрость, его готовность обратить на меня свое благосклонное вниманіе!—сказала Мерси.—Но передайте ему также, что я скорѣе умру съ голода, умру медленной смертью, вотъ въ этой комнатѣ, но не приму отъ него куска хлѣба. Не бойтесь, такъ прямо и скажите ему. Онъ долженъ знать о моихъ чувствахъ къ нему.

Послѣ этого, Теодору было уже невозможно настаивать далѣе и оставалось только уйти.

— Лордъ Черитонъ—мой родственникъ и такой человѣкъ, къ которому я имѣю основаніе относиться съ любовью и уваженіемъ...—началъ было Теодоръ.

— Онъ никогда не отказывался отъ родства съ вами,—рѣзко перебила его Мерси,—онъ никогда не относился къ вамъ, какъ къ праху подъ его ногами, не смотрѣлъ на васъ съ высоты своего величія, съ видомъ покровительства...

— Никогда! Онъ былъ моимъ хорошимъ другомъ, съ тѣхъ поръ какъ я помню себя...

— Въ такомъ случаѣ, вы, конечно, имѣете право думать о немъ хорошо, но предоставьте же и мнѣ имѣть свое мнѣніе, хотя бы вы и были его родственникомъ, а я для него... ничѣмъ... Прощайте! И простите меня, если я была нелюбезна и неблагодарна... Я не сомнѣваюсь, что вы желаете мнѣ добра,—но только мнѣ лучше остаться въ своемъ одиночествѣ. Вчерашнее свиданіе съ леди Черитонъ не доставило мнѣ радости. Ея лицо опять живо напомнило мнѣ мое тяжелое прошлое.

И она, въ первый разъ за все время ихъ знакомства, подала ему руку. Онъ пожалъ эту бѣлую, нѣжную руку и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ ей въ лицо и въ большіе темно-сѣрые глаза.

— Прощайте, Мерси!—ласково проговорилъ онъ.—Вы позволите мнѣ навѣщать васъ?

— Приходите, если хотите! Не думаю, впрочемъ, чтобы мы часто видались съ вами!—промолвила она.

— Вы очень упрямы... вы жестоки къ себѣ и еще болѣе жестоки къ тѣмъ, которые желали бы помочь вамъ. Прощайте!

— Прощайте!—почти шопотомъ, какъ эхо, отозвалась Мерси.

Грустные глаза молодой женщины и впалыя щеки, подернутыя легкимъ румянцемъ, мерещились ему, когда онъ шелъ по улицѣ. Какъ, вѣроятно, хороша она была прежде и какую же замкнутую жизнь она должна была вести въ коттэджѣ у западныхъ воротъ, если онъ, такъ часто посѣщавшій Черитонъ, ни разу не встрѣчалъ ея.

Онъ не считалъ себя побѣжденнымъ послѣ первой постигшей его неудачи и намѣревался еще сдѣлать попытку. Онъ прямо прошелъ въ Веджвудъ-Стритъ и разсказалъ Сарѣ Ньютонъ о своемъ разговорѣ съ Мерси.

— Она очень странная дѣвушка!—задумчиво промолвила миссъ Ньютонъ.—Мы уже давно дружны съ нею, но она ни словомъ не обмолвилась о своей тайнѣ. Я не могу представить себѣ: почему она такъ упорно отказывается отъ предложенія лорда Черитона... Но—будьте увѣрены—у нея есть на то своя причина.

Теодоръ, въ тотъ же день, съ вечернимъ поѣздомъ проводилъ леди Черитонъ въ Дорсетширъ, но на верегемской станціи они разстались, такъ какъ ему нужно было отправиться въ Дорчестеръ.

— Вы съ мистеромъ Рамсеемъ очень дурно дѣлаете, что даете обѣщанія и не сдерживаете ихъ!—раздражительнымъ тономъ сказала ему Софья, намекая на то, что они обѣщали участвовать наканунѣ въ игрѣ въ теннисъ въ одномъ обществѣ, а сами, между тѣмъ, не пріѣхали.

— Очень жаль, что мы совсѣмъ и забыли объ этомъ...—оправдывался Теодоръ.—Но вѣдь никакой бѣды оттого не произошло.

— Конечно, не было бы никакой бѣды, еслибы нашлось для игры человѣкъ шесть приличныхъ молодыхъ людей! возразила Софья.—Гаррингтонъ предпочелъ контору нашему об-

ществу, вы не явились—и мы остались только съ тремя викаріями да съ банковскимъ конторщикомъ... Нынѣшніе молодые люди, положительно, ужасны... А твой другъ, повидимому, принимаетъ нашъ домъ за меблированныя комнаты.

— Какъ такъ? что ты такое говоришь, Софья?—спросилъ Теодоръ.

— Тутъ нечего много объяснять!—отвѣтила ему сестра.—Сначала онъ отправился въ Прайори, затѣмъ—въ Черитонъ; послѣ этого уѣхалъ въ Лондонъ, а въ субботу хотѣлъ возвратиться сюда, чтобы въ воскресенье ѣхать въ Прайори. Развѣ же это не значитъ дѣлать изъ нашего дома какой-то отель?

— Можетъ быть, я былъ слишкомъ безцеремоненъ, позабывъ, что уже болѣе не живу здѣсь,—и мнѣ, можетъ быть, слѣдовало вести себя, какъ гостю... Я приглашалъ его, Софья, ѣздить со мной. Тебѣ не слѣдуетъ сердиться на Рамсея.

— Я на него и не сержусь. Мнѣ дѣла нѣтъ до того, какъ онъ смотритъ на нашъ домъ. Безъ сомнѣнія, онъ считаетъ себя гораздо выше нашего общества, хоть мы вовсе не такъ пусты и легкомысленны, какъ многія другія дѣвушки... Въ Прайори для него нашелся магнитъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать, Софья?

— А то, что онъ по уши влюбился въ Джуаниту!—отвѣтила Софья.—Не много проницательности нужно для того, чтобы подмѣтить этотъ фактъ.

— Вотъ вздоръ!—замѣтилъ Теодоръ.—Онъ видѣлъ ее не больше трехъ разъ.

— И совершенно достаточно для молодаго человѣка съ такимъ живымъ, воспріимчивымъ темпераментомъ, какъ у него.

— Съ чего ты это забрала себѣ въ голову?—приступалъ Теодоръ.

— Я слышала, какъ онъ говорилъ о ней...—пояснила Софья.—Я видѣла выраженіе его лица, когда онъ произносилъ ея имя... Онъ разспрашивалъ меня о Джуанитѣ и чрезвычайно интересовался всѣми подробностями ея жизни: какова она была дѣвушкой? за долго ли до замужства была знакома съ сэромъ Годфри, и любила ли она Годфри страстно, *или только была привязана* къ нему? Однимъ словомъ, онъ

задавалъ мнѣ такіе глупые, идіотскіе вопросы, которые можетъ задавать лишь человѣкъ влюбленный... И затѣмъ, какъ горячо онъ ухватился за твое предложеніе ѣхать въ слѣдующее воскресенье въ Прайори.

— Ты такъ думаешь! — серьезно отозвался Теодоръ. — Я давно знаю своего пріятеля и знаю, что онъ неспособенъ влюбляться налету, съ перваго взгляда.

— Она, можетъ быть, ободряетъ, поощряетъ его!—замѣтила Софья.—Такимъ прихотливымъ, капризнымъ и не особенно развитымъ женщинамъ, какъ Джуанита, мистеръ Рамсей можетъ показаться очень увлекательнымъ. Впрочемъ, она звала меня и Дженетъ къ себѣ въ Прайори въ воскресенье,—тогда у меня будетъ возможность позондировать почву... А ты, Теодоръ, никогда не былъ наблюдателенъ!

Теодоръ не пытался спорить съ сестрой по поводу недостатка наблюдательности, хотя очень хорошо зналъ, что отъ его вниманія не ускользаютъ ни взглядъ, ни тонъ голоса его кузины: самая лютая ненависть не могла бы слѣдить за нею такъ пристально, какъ его любовь.

Да! можетъ быть, что Кетбертъ, на свое несчастье, и увлекся Джуанитой. Бѣдняга!.. Теодоръ чувствовалъ, что онъ виноватъ въ томъ, что подвергъ своего пріятеля такому жестокому испытанію. Да! кто же могъ узнать ее и не полюбить?

XXVI.

Кетбертъ Рамсей возвратился въ Дорчестеръ въ субботу къ обѣду и былъ такъ любезенъ и оживленъ, что Дженетъ и Софья простили его за постыдное бѣгство, а Гаррингтонъ забылъ то щекотливое обстоятельство, что Рамсей былъ умнѣе и счастливѣе его. Друзья въ воскресенье отправились въ Мильбрукъ рано утромъ, чтобы поспѣть къ утренней службѣ въ красивой старинной церкви. Матью Дальбрукъ съ дочерьми долженъ былъ пріѣхать въ Прайори попозже, къ завтраку.

Бо́льшую часть дороги Кетбертъ молчалъ, а Теодоръ задумчиво наблюдалъ за нимъ. Да! въ словахъ Софьи могла быть правда. Теодоръ въ продолженіе дороги не разъ замѣ-

алъ на лицѣ Рамсея свѣтлую, радостную улыбку, невыразимо частливую улыбку... Такъ могъ улыбаться только сладко ечтающій влюбленный, видящій передъ собой открытыми рата земнаго рая и на порогѣ ихъ — свою возлюбленную, дущую къ нему на встрѣчу. И сердце Теодора болѣзненно жималось при мысли о томъ, что Софья угадала истину... слибы Теодору было суждено за его преданность и долготерпѣніе добиться въ награду любви Джуаниты, то Кетберту амсею пришлось бы горько разочароваться. Но былъ ли бы нъ въ такомъ случаѣ достоинъ сожалѣнія? Вѣдь онъ же давно налъ объ отношеніяхъ Теодора къ Джуанитѣ, и честь запрещала ему ухаживать за его кузиной. Но можетъ ли честь сдѣлать мужчину нечувствительнымъ къ красотѣ, къ музыкальному голосу, ко всѣмъ женскимъ прелестямъ и очарованіямъ? Теодоръ увидѣлъ, что напрасно онъ познакомилъ своего пріятеля съ кузиной...

Они уже заняли свои мѣста, когда леди Кармичиль вошла въ церковь. Теодоръ глазъ не спускалъ съ нея, когда она проходила мимо нихъ, и ему показалось, что Джуанита какъ-то особенно выразительно посмотрѣла на Рамсея. По дорогѣ изъ церкви въ Прайори, она разговаривала съ Кетбертомъ; за завтракомъ Кетбертъ сидѣлъ съ ней рядомъ; послѣ завтрака онъ гулялъ съ нею по теплицамъ и оранжереямъ, и читалъ ей практическія лекціи изъ ботаники и энтомологіи, пообѣщавъ между прочимъ, доставить какія-то рѣдкія растенія. Однимъ словомъ, весь день для Кетберта Рамсея былъ днимъ тріумфомъ.

— Что ты думаешь *теперь* о своемъ пріятелѣ?—спросила женетъ брата, оставшись съ нимъ наединѣ. — Ты все еще омнѣваешься?

— Нѣтъ, не сомнѣваюсь!—отвѣтилъ тотъ.

На обратномъ пути Кетбертъ былъ безмолвенъ, какъ могила.

— Завтра рано утромъ, Теодоръ, я отправляюсь въ Лондонъ!—сказалъ Рамсей пріятелю по пріѣздѣ въ Дорчестеръ.

— Такъ скоро!—Что жъ это значитъ? Но вы, надѣюсь, возвратитесь къ намъ въ пятницу или въ субботу?—отозвался Теодоръ.

— Не знаю. Постараюсь... Но едва ли я могу пріѣхать къ вамъ!—отвѣтилъ Рамсей.

Теодоръ не особенно удерживалъ его, и Кетбертъ въ понедѣльникъ съ утреннимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Лондонъ.

— Я было начинала уважать Джуаниту,—говорила Софья, но теперь вижу, что и она не лучше другихъ вдовъ... Очевидно, она намѣревается скоро выйти вторично замужъ.

Розамъ леди Черитонъ угрожала большая опасность вслѣдствіе того, что оказалось недостаточно воды въ томъ старомъ колодцѣ, изъ котораго до той поры поливались цвѣтники. Съ самаго начала іюля стояла продолжительная засуха въ тѣхъ мѣстахъ, и садовники приходили въ отчаяніе. Въ тотъ день, когда Теодоръ, по приглашенію, сдѣланному ему на прошлой недѣлѣ, пріѣхалъ въ Чесъ, лордъ Черитонъ отдалъ приказаніе углубить старый колодецъ футовъ на 20 или на 30.

— Тамъ вода найдется, если мы пороемся поглубже, милордъ!—говорилъ старшій садовникъ.

— Хорошо, Мекензи!—отозвался лордъ Черитонъ.—Ройте глубже, ройте до тѣхъ поръ, пока не дойдете до воды. Вамъ нужно взять побольше рабочихъ рукъ... Леди очень безпокоится о своихъ розахъ.

— Намъ было немало хлопотъ, милордъ, съ этими розами:—надо было ухаживать за ними и содержать лужайки въ надлежащемъ порядкѣ. Еслибы мы не поливали лужайки, земля сдѣлалась бы жосткою, какъ камень.

— Дѣйствуйте, Мекензи, не теряйте напрасно времени!—Поѣзжайте къ Чедби и велите ему прислать нѣсколько человѣкъ рабочихъ!

Этотъ разговоръ происходилъ на террасѣ тотчасъ по пріѣздѣ Теодора. Когда садовникъ ушелъ въ конюшни запрягать телѣжку, лордъ Черитонъ съ Теодоромъ отправились посмотрѣть колодецъ.

Колодецъ находился въ одномъ изъ огородовъ, составлявшемъ нѣкогда часть черитонскаго сада. Это было четыреугольное пространство земли въ два акра, заросшее грушевыми, сливовыми и абрикосовыми деревьями и окруженное высокою полуразвалившеюся кирпичною стѣной. Здѣсь, посреди роскошной, почти тропической растительности, было пріятно отдохнуть и помечтать въ лѣтній послѣполуденный

часъ... Посреди этого-то заросшаго и заглохшаго уголка находился колодецъ восьми футовъ въ діаметрѣ, окруженный невысокою кирпичною оградой и устроенный по старинному—съ большимъ деревяннымъ валомъ на желѣзной оси. Колодецъ, очевидно, служилъ уже давно, лѣтъ сто, по крайней мѣрѣ, и въ свое время онъ былъ хорошъ; но во времена Стрэнгвеевъ, нимало не заботившихся объ улучшеніи помѣстья, и этотъ колодецъ—вмѣстѣ съ прочимъ—пришелъ въ упадокъ; во время засухи цвѣты блекли и трава на лужайкѣ желтѣла...

Рабочіе мистера Чедби явились послѣ своего ранняго обѣда и около трехъ часовъ усиленно принялись за работу—въ ту пору, какъ Теодоръ и леди Черитонъ прогуливались по „розовому саду“; а самъ хозяинъ дома сидѣлъ въ библіотекѣ. Теодоръ замѣтилъ, что, со времени его послѣдняго посѣщенія Черитона, въ его родственникѣ произошла перемѣна. Въ лицѣ его сказывалось какое-то страдальческое выраженіе, котораго въ немъ не замѣчалось даже послѣ ужаснаго убійства сэра Годфри. Въ этомъ лицѣ, до сего времени такомъ твердомъ и рѣшительномъ, теперь иногда выражался какой-то испугъ или сказывалось опасеніе. Теодоръ еще не успѣлъ сообщить ему о результатахъ своего свиданія съ Мерси Портеръ. Онъ выжидалъ случая для разговора съ нимъ наединѣ, и такой случай скоро представился. Леди Черитонъ, осмотрѣвъ свои розы, черезъ полчаса оставила его, и Теодоръ отправился въ библіотеку, гдѣ лордъ Черитонъ сидѣлъ въ своемъ большомъ креслѣ и пробѣгалъ политическое обозрѣніе послѣдняго нумера „Quarterly“.

— Я не помѣшаю вамъ, если сяду здѣсь?—спросилъ Теодоръ, беря книгу со стола.

— Напротивъ, я буду очень радъ поговорить съ вами!—отозвался лордъ Черитонъ. — Я просматривалъ отчетъ о послѣдней сессіи. Сессія, признаться, была довольно безтолкова, а коментаріи къ ней—еще безтолковѣе... Мнѣ интересно знать: какъ вы устроили дѣло съ дочерью мистриссъ Портеръ.

— Дѣло не устроилось. Она отказывается отъ вашего предложенія и предпочитаетъ свою теперешнюю трудовую жизнь съ ея независимостью. Она не хочетъ никому быть обязанной.

— Гм! Вотъ странная женщина!—съ видомъ огорченія промолвилъ лордъ Черитонъ. — Я такъ искренно желалъ бы сдѣлать ей жизнь посвѣтлѣе, еслибы она позволила мнѣ помочь ей... ради ея отца!—Почему же она отказывается отъ моего предложенія?

— Она хочетъ жить своимъ трудомъ и оставаться одинокой. Мнѣ кажется, она осудила себя на такую жизнь въ видѣ искупленія своихъ прошлыхъ заблужденій,—хотя, впрочемъ, она ничего не говорила мнѣ объ этомъ. Она удивительно твердая и рѣшительная женщина.

— Вы старались убѣдить ее?—Вы объяснили ей, какъ пріятно могла бы устроиться ея жизнь... Она могла бы поселиться въ какомъ нибудь живописномъ мѣстечкѣ между горъ и озеръ, или на берегу моря, могла бы поселиться среди людей, не слыхавшихъ объ ея прошломъ, — и окружающіе полюбили бы ее.

— Я все это говорилъ ей. Но она рѣшительно отказалась... Она сказала, что ничего не приметъ отъ васъ!

— Отъ меня!... Ахъ, вотъ что!—воскликнулъ лордъ Черитонъ.—Еслибы кто нибудь другой сдѣлалъ ей это предложеніе, такъ она не была бы такъ несговорчива. Но отъ меня она ничего не возьметъ... ни куска хлѣба, даже тогда, какъ станетъ умирать съ голоду. Вотъ объясненіе ея упорства... Скажите мнѣ всю правду, Теодоръ! Не щадите моихъ чувствъ. Вѣроятно, эта дѣвушка ненавидитъ меня?

— Мнѣ кажется, что она сильно предубѣждена противъ васъ. Она, можетъ быть,—хотя и несправедливо,—считаетъ васъ виновникомъ своего несчастья, такъ какъ полковникъ Трименъ былъ вашимъ знакомымъ.

— Да, по всему вѣроятію, въ этомъ кроется причина ея ненависти ко мнѣ. Можетъ быть, она и права... Мнѣ бы слѣдовало убить этого негодяя!

— Я не думаю, чтобы къ подобному поступку обязывали васъ даже старыя понятія о чести. Мерси была вамъ не родственница...

— Но она жила у меня, у воротъ моего дома. Она находилась подъ моимъ покровительствомъ... У нея не было другаго защитника. Я былъ обязанъ наказать ея соблазнителя, такъ какъ никого, кромѣ меня, у нея не было.

— Вѣроятно, по этой-то причинѣ она и отказалась отъ вашего предложенія. Конечно, я не могъ анализировать ея чувствъ, но мнѣ кажется, что у нея противъ васъ существуетъ очень сильное предубѣжденіе. Она была глубоко взволнована. „Отъ него я ничего не возьму!“ говорила она.

Лордъ Черитонъ бросилъ книгу на столъ и, вставъ съ кресла, принялся ходить по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Вы, Теодоръ, еще не становились лицомъ къ лицу со многими житейскими загадками!—вдругъ заговорилъ онъ.—Вы, можетъ быть, еще не знаете: какъ иногда трудно помогать людямъ. Я дорого бы далъ за то, чтобы быть въ состояніи помочь теперь этой дѣвушкѣ... обезпечить ей безбѣдное и пріятное существованіе... поставить ее въ лучшія условія. Что бы для меня значило—ассигновать ей въ годъ сотню или двѣ фунтовъ! Я только желаю сдѣлать ее счастливою... И вотъ изъ злобы, изъ упрямства, она отказывается отъ моей помощи и предпочитаетъ жить въ трудовомъ рабствѣ, на какомъ нибудь жалкомъ, грязномъ чердакѣ въ Ламбетѣ. Боже мой! Только подумать, что со всѣмъ моимъ добрымъ желаніемъ, со всей возможностью помочь, я не въ состояніи ничего сдѣлать для этой дѣвушки... Я честнымъ путемъ заработалъ свое богатство, я не дорожу имъ, желаю дѣлиться своимъ достаткомъ съ ближними, — и вотъ ихъ собственная глупость не даетъ мнѣ прійти къ нимъ на помощь!...

Никогда еще Теодоръ не видалъ въ такомъ волненіи своего родственника, всегда отличавшагося самообладаніемъ и спокойнымъ сознаніемъ своего достоинства. Видѣть такого человѣка, какъ лордъ Черитонъ, такъ сильно разстроеннымъ отъ женскаго упрямства—было, положительно, новостью для него, но въ то же время такая чувствительность тронула и еще болѣе расположила его къ старику.

— Мой дорогой Черитонъ! Вы сдѣлали для этой женщины все, что могли!—сказалъ Теодоръ, протягивая руку, которую лордъ Черитонъ крѣпко пожалъ.—Если даже и допустить, что вы были безъ вины виноваты, принимая у себя въ домѣ полковника Тримена, то все таки вы сдѣлали все, чтобы загладить причиненное зло.

— Благодарю васъ, Теодоръ, за ваше сочувствіе! Да, я сдѣлалъ все, что могъ... Вы свидѣтелемъ тому!

— Едва ли бы даже и отецъ могъ сдѣлать болѣе для заблудшейся дочери! Я только бы желалъ, чтобы ея мать хотя бы на половину была добра къ ней такъ, какъ вы,— хотя вы гораздо меньше обязаны заботиться о ней.

— Ахъ, нѣтъ! Вѣдь эта дѣвушка — сирота, у нея нѣтъ отца, а мать ея зависитъ отъ меня. Я, значитъ, какъ бы замѣняю отца... Ну, не будемъ больше говорить о ней. Пускай она идетъ своей дорогой. Только, пожалуйста,—если вамъ представится случай помочь ей когда нибудь,—сдѣлайте это ради меня, и я останусь вамъ очень, очень благодаренъ.

— Я буду радъ помочь ей!—отозвался Теодоръ.—Я самъ интересуюсь ею столько же ради нея самой, сколько и ради васъ.

— Вы, Теодоръ, — добрый человѣкъ; я знаю, что вы желаете намъ добра. Даже скажу больше: я знаю, что могу довѣриться вамъ.

Послѣднія слова были сказаны съ такимъ жаромъ, что произвели сильное впечатлѣніе на Теодора. Ему показалось, что лордъ Черитонъ какъ будто бы уже предвидѣлъ наступленіе того часа, когда имъ понадобится быть вполнѣ откровенными и когда Теодору придется сказать старику: „Я знаю тайну вашей юности. Я знаю то темное облако, что̀ омрачило вашу жизнь!“

Поговоривъ нѣсколько минутъ о постороннихъ предметахъ, лордъ Черитонъ предложилъ Теодору сходить къ колодцу.

— Мнѣ хочется посмотрѣть, какъ тамъ идетъ работа!— проговорилъ онъ.

Старый запущенный садъ, озаренный вечернимъ солнцемъ, былъ погруженъ въ безмолвіе, хотя работа шла своимъ порядкомъ и большая куча глины уже виднѣлась съ одной стороны кирпичнаго парапета. Два человѣка работали подъ землей, двое — вверху, а пятый, надсмотрщикъ, заправлялъ ходомъ работъ.

— Очень радъ, Картеръ, что вы приступили къ дѣлу!— сказалъ лордъ Черитонъ.

— Да, милордъ, подвигаемся!—отозвался надсмотрщикъ.— Не могу ли я, милордъ, сказать вамъ одно слово?

— Конечно, сколько вамъ угодно! Но что у васъ за таинственный видъ, Картеръ! Я полагаю, вы не можете мнѣ

сообщить ничего такого, чего бы не слѣдовало слышать мистеру Дальбруку?

— Нѣтъ, милордъ! Дѣло не въ мистерѣ Дальбрукѣ... но вы, вѣроятно, сами не пожелали бы, чтобы слухъ дошелъ до леди и испугалъ бы ее.

— Да что такое, Картеръ? Ужь не видѣли ли вы привидѣніе въ колодцѣ?

— Нѣтъ, милордъ, но рабочіе нашли на днѣ колодца одну вещь... и я думаю, что она имѣетъ отношеніе къ прошлогоднему убійству.

Картеръ произнесъ эти слова въ замѣшательствѣ, какъ бы не рѣшаясь коснуться щекотливаго предмета, и, вынувъ что-то изъ кармана, передалъ лорду Черитону.

Это былъ револьверъ Кольта, не новѣйшаго издѣлія, покрывшійся ржавчиной отъ продолжительнаго пребыванія въ водѣ. Картеръ, съ помощью платка и рукава своей куртки, старался счистить ржавчину и настолько отчистилъ пистолетъ, что на ручкѣ его, на маленькой серебряной пластинкѣ можно было разобрать буквы „Т. Д.“, выгравированныя довольно ясно. Можетъ быть, эта находка и не представляла особенной важности, но, по измѣнившемуся лицу лорда Черитона, Теодоръ заключилъ, что этотъ пистолетъ для него имѣлъ какой-то роковой смыслъ. Рука его дрожала, а во взглядѣ, устремленномъ на пистолетъ, рѣшительно выражался ужасъ. Лордъ Черитонъ съ видимымъ усиліемъ подавлялъ свое волненіе, съ напускнымъ спокойствіемъ посматривая то на Теодора, то на Картера.

— Эта находка, Картеръ, можетъ значить очень много или ничего!—проговорилъ онъ, кладя пистолетъ въ карманъ.— Но вы очень хорошо сдѣлали, что сказали мнѣ объ этомъ.

— Я думаю, милордъ, что буквы на пистолетѣ могутъ повести къ какому нибудь открытію...—замѣтилъ надсмотрщикъ.—Я думаю, что нельзя сомнѣваться насчетъ того, что убійца бросилъ въ колодецъ этотъ пистолетъ.

— Ну, Картеръ, я опытнѣе васъ въ этихъ дѣлахъ и могу сказать, что десять шансовъ противъ одного за то, что этотъ пистолетъ не принадлежалъ убійцѣ!—замѣтилъ лордъ Черитонъ.—Неужели вы думаете, что человѣкъ, стрѣлявшій въ

сэра Годфри, сталъ бы дѣлать крюкъ — заходить въ этотъ огородъ, для того чтобы бросить въ колодецъ свой пистолетъ?

— Не знаю, милордъ... Но колодецъ—самый безопасный тайникъ, когда въ немъ есть вода... да къ тому же преступнику и не приходилось дѣлать крюкъ, если онъ направлялся къ западнымъ воротамъ. Самый короткій путь для него лежалъ черезъ эту часть сада.

— Но не можетъ быть, чтобы обѣ садовыя калитки были отперты ночью.

— Напротивъ, я думаю, милордъ, что никто никогда, ни днемъ, ни ночью, не видалъ, чтобы эти калитки были заперты!—почтительно, но настойчиво возражалъ Картеръ.

Теодору стоило только взглянуть на старыя деревянныя калитки, чтобы убѣдиться въ томъ, что Картеръ былъ правъ. Калитки, увитыя виноградными лозами и осѣненныя сливовыми деревьями, едва держались на своихъ ржавыхъ петляхъ. Дорожка черезъ этотъ садъ шла прямо къ западнымъ воротамъ, и слуги по ней обыкновенно ходили въ деревню.

Выборъ колодца для скрытія орудія преступленія наводилъ на ту мысль, что убійца долженъ былъ хорошо знать мѣстность. Колодецъ находился въ 30 футахъ отъ дорожки и скрывался за чащей фруктовыхъ деревьевъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одна старая кривая яблоня была вырыта и вслѣдствіе того между деревьями образовалось небольшое пустое пространство, черезъ которое садовники обыкновенно ходили за водой и пробили тропинку. Конечно, весьма легко могло случиться, что убійца, даже и не зная мѣстности, второпяхъ могъ случайно наткнуться на колодецъ. Понятно также, что, по совершеніи преступленія, убійца хотѣлъ, какъ можно поскорѣе, отдѣлаться отъ пистолета, бывшаго прямой уликой противъ него.

Въ этомъ пистолетѣ съ иниціалами „Т. Д.“ Теодоръ видѣлъ явную улику противъ мужа мистриссъ Данверсъ, противъ единственнаго человѣка въ мірѣ, имѣвшаго причины ненавидѣть лорда Черитона и его семейство. Теодоръ не обмолвился ни словомъ по этому поводу, опасаясь сказать лишнее, и спокойно ждалъ: какъ теперь поступитъ его родственникъ. Страшная перемѣна въ лицѣ лорда Черитона, когда онъ увидалъ пистолетъ, убѣждала Теодора въ томъ, что и его

родственникъ пришелъ къ такому же заключенію, какъ онъ. Угрызеніе совѣсти и ужасъ не могли яснѣе выразиться на человѣческомъ лицѣ. И какъ страшно совѣсть должна была мучить этого человѣка, сознававшаго, что грѣхъ его юности былъ „взысканъ“ на его ни въ чемъ неповинной дочери!

— Что жъ вы теперь станете дѣлать, въ виду такой находки?—спросилъ Теодоръ.

— А какъ вы думаете: что мнѣ дѣлать?—отозвался тотъ.—Пригласить другаго лондонскаго сыщика... или того же самого—и показать ему пистолетъ? И что жъ изъ этого выдетъ? Онъ не будетъ въ состояніи напасть на слѣдъ преступника только оттого, что увидитъ пистолетъ.

— Но буквы на пистолетѣ могутъ дать какія нибудь указанія.

— А развѣ этотъ пистолетъ не могъ перейти черезъ нѣсколько рукъ? Неужели вы думаете, что убійца для совершенія преступленія сталъ бы пользоваться пистолетомъ съ его собственными иниціалами?

— Я имѣю въ виду не обыкновеннаго, такъ сказать, профессіональнаго злодѣя. Мы всѣ согласны въ томъ, что убійство совершено изъ мести, причины которой теперь намъ неизвѣстны, совершено человѣкомъ полусумашедшимъ, не обращавшимъ особеннаго вниманія на подробности. Разсудокъ его, по всей вѣроятности, былъ помраченъ страстью или алкоголемъ, и онъ шелъ на это ужасное дѣло въ полубезсознательномъ состояніи.

— Все это—не болѣе какъ теорія, и я по опыту очень хорошо знаю, что подобныя теоріи иногда на практикѣ оказываются несостоятельными. Убійца, повидимому, дѣйствовалъ крайне осторожно и такъ ловко, что самые тщательные розыски не открыли его слѣдовъ. Сомнѣваюсь, чтобы пистолетъ, съ какими-то богъ вѣсть иниціалами, помогъ черезъ годъ напасть на слѣдъ преступника!

— Въ такомъ случаѣ, вы ничего не предпримете?—спросилъ Теодоръ.

— Я думаю, что нѣтъ!—отвѣтилъ лордъ Черитонъ.—Но если вы желаете показать пистолетъ въ Скотландъ-Ярдѣ и узнать мнѣніе тамошнихъ экспертовъ...

— Я именно хотѣлъ бы это сдѣлать!—перебилъ его Тео-

доръ.—Я никакъ не могу позабыть о томъ, что вамъ и Джуанитѣ, и ея дитяти можетъ постоянно угрожать опасность, пока убійца сэра Годфри остается не разысканнымъ. Кто можетъ сказать, что злодѣй удовлетворился однимъ убійствомъ?.. Кто поручится, что онъ не сдѣлаетъ покушенія на вашу жизнь или на жизнь вашей дочери, когда представится удобный случай?

— За себя я не боюсь!—сказалъ лордъ Черитонъ.—Я бы желалъ, чтобы вмѣсто Годфри пуля поразила меня. Это было бы лучше... Я ужь прожилъ свою жизнь. Я сдѣлалъ все, что надѣялся совершить на землѣ. Нѣсколько лишнихъ лѣтъ не составятъ для меня большой разницы. А все таки, Теодоръ, жизнь отрадна...

Въ голосѣ его послышалась такая грусть, какъ будто бы онъ уже видѣлъ тѣнь надвигавшагося на него несчастья. Смотря на него въ тѣ минуты, можно было подумать, что этотъ человѣкъ долго боролся и, наконецъ, выбившись изъ силъ, почувствовалъ себя побѣжденнымъ.

— Не говорите объ этомъ женѣ!—замѣтилъ онъ Теодору.—Пусть она какъ можно дольше остается въ покоѣ... Она не забыла прошлогодняго несчастья, но стала уже нѣсколько походить на ту женщину, какою была прежде. Появленіе внука произвело чудеса...

— Теперь нужно сдѣлать только одно...—послѣ непродолжительной паузы промолвилъ Теодоръ. —Пуля, конечно, сохранилась?

— Да! она, вѣроятно, осталась въ рукахъ полиціи!

— Нужно удостовѣриться: подходитъ ли она къ тому пистолету, который найденъ въ колодцѣ.

— Я завтра же утромъ съѣзжу въ полицейское бюро и посмотрю.

Послѣ того, о пистолетѣ не было сказано ни слова въ тотъ вечеръ. Теодоръ чувствовалъ, что съ его стороны было бы жестокостью настаивать на разговорѣ объ этомъ предметѣ; онъ видѣлъ, какъ находка пистолета глубоко потрясла лорда Черитона и нагнала на него грусть, которую онъ напрасно старался скрыть. Для Теодора было очевидно, что иниціалы на пистолетѣ имѣли для его родственника ужасное значеніе, что тотъ призналъ въ нихъ доказательство мщенія оскорблен-

наго мужа, котораго ненависть не исчезла съ годами. Теодоръ говорилъ себѣ, что хотя месть сильно запоздала, но это обстоятельство можно было объяснить различными случайностями. Убійца за все это время могъ находиться въ изгнаніи въ другой части свѣта или, наконецъ, могъ отбывать тюремное заключеніе за какія нибудь другія преступленія.

Для Теодора Дальбрука было только ясно, что въ иниціалахъ на револьверѣ Кольта заключалась разгадка таинственнаго убійства, что именно эти двѣ буквы заставили лорда Черитона вздрогнуть отъ ужаса. Но, какова бы ни была тайна прошлаго, убійца долженъ быть найденъ для того, чтобы не могъ совершить еще другаго, болѣе страшнаго преступленія. И Теодоръ рѣшился не пожалѣть усилій и найти преступника—живаго или мертваго.

— Дай Богъ, чтобы я не нашелъ его живымъ!.. — говорилъ про себя Теодоръ.—Я желалъ бы не найти его живымъ—ради Черитона. Дай Богъ, чтобъ можно было избавить его отъ униженія и не предавать гласности исторію его прошлаго!

На слѣдующій день поутру, Теодоръ Дальбрукъ отправился въ деревню и зашелъ къ доктору, къ тамошнему старожилу, котораго отецъ и дѣдъ до него лѣчили въ томъ приходѣ богатыхъ и бѣдныхъ. Мистеръ Дольби былъ холостякъ par excellence, человѣкъ лѣтъ около 40, худощавый, съ рѣзкоочерченнымъ лицомъ, очень живой и общительный, горячій спортсменъ и хорошій игрокъ на бильярдѣ; онъ получилъ по наслѣдству большой старый коттэджъ, удобно устроенныя конюшни, 20 акровъ прекрасной луговой земли—и велъ жизнь такъ, какъ хотѣлъ. Едва ли бы онъ остался въ выигрышѣ, помѣнявшись своимъ мѣстомъ съ барономъ Ротшильдомъ или лордомъ Салисбюри. Онъ былъ очень популяренъ въ Черитонѣ и слылъ общимъ любимцемъ; съ радостью встрѣчали его и въ гостинныхъ, и въ бильярдной „Черитонскаго Герба“, который, за неимѣніемъ клуба, служилъ мѣстомъ вечернихъ собраній для стряпчаго, доктора и для фермеровъ высшаго разряда; мелкіе же фермеры и торговцы собирались въ „Старомъ домѣ“, на другомъ концѣ деревни. Теодоръ зналъ съ дѣтства мистера Дольби, — черитонскій врачъ, пріѣзжая по дѣламъ въ Дорчестеръ, иногда завтракалъ у стараго Матью

Дальбрука, и поэтому не было ничего страннаго въ томъ, что Теодоръ вздумалъ посѣтить Довекотсъ („Голубятня"), — это названіе было дано коттэджу предшественникомъ, отцомъ Дольби, посвятившимъ свои послѣдніе годы разведенію голубей и занявшимъ часть сада подъ голубятни различной конструкціи.

Теодоръ нашелъ мистера Дольби отдыхающимъ въ удобномъ низкомъ креслѣ, съ трубкой въ рукахъ. Онъ уже сдѣлалъ свои утренніе визиты, объѣздивъ миль около 20, и теперь потягивалъ водку съ водой. Съ восторгомъ встрѣтилъ онъ гостя, предложилъ ему стаканъ своей смѣси и усадилъ въ кресла.

— Располагайтесь поудобнѣе, старый дружище, и потолкуемъ съ вами! — говорилъ онъ.—Я ужь цѣлые вѣка не видалъ васъ. Вы теперь—въ Чесѣ?

Они поговорили о деревенскихъ новостяхъ, о политикѣ, объ охотѣ, и затѣмъ ужь Теодору удалось заговорить о томъ, для чего онъ собственно и зашелъ къ доктору.

— Я очень интересуюсь однимъ человѣкомъ, который бывалъ въ этихъ мѣстахъ, кажется, лѣтъ 25 тому назадъ, хотя мнѣ не приходилось встрѣчаться съ нимъ!—началъ Теодоръ.—Онъ былъ пьяница и человѣкъ промотавшійся... Теперь по одному дѣлу мнѣ нужно найти его.

— Вѣроятно, по дѣлу о какомъ нибудь имуществѣ?—спросилъ мистеръ Дольби.

— Да!.. А я знаю, что вы—человѣкъ наблюдательный и память у васъ изумительная...

— Да, благодаря Бога, не могу пожаловаться,—память у меня хорошая! А что это за человѣкъ? Джентльменъ или, просто, бродяга?

— Онъ былъ джентльменъ, но опустился... Лѣтъ 25 тому назадъ, онъ уже, какъ говорится, катился по наклонной плоскости...

— Такъ что теперь ужь онъ долженъ скатиться окончательно! А каковъ онъ былъ собой — худощавъ или толстъ, брюнетъ или блондинъ, высокъ или небольшаго роста?

— Онъ былъ мужчина высокаго роста, блондинъ съ истасканнымъ лицомъ, но прежде лицо его, вѣроятно, было

красиво... говорилъ Теодоръ, припомнивъ описаніе, сдѣланное ему управляющимъ кемберуэлскими домами.

— Лѣтъ 6—8... или, нѣтъ! вѣрнѣе сказать, лѣтъ 10 тому назадъ, такого человѣка я видѣлъ въ Черитонскомъ Гербѣ. Онъ очень важничалъ, хотя его платье и сапоги были въ незавидномъ положеніи, и руки тряслись, какъ осиновый листъ. Я сыгралъ съ нимъ нѣсколько партій на бильярдѣ и, должно признаться, хоть я и побѣдилъ его довольно легко, но все таки нѣкогда, повидимому, онъ былъ хорошимъ игрокомъ. Онъ былъ очень плохо одѣтъ и казался такимъ жалкимъ...

– И вы увѣрены, Дольби, что видѣли его именно лѣтъ 10 тому назадъ?—перебилъ Теодоръ своего собесѣдника.

— Увѣренъ!—отвѣтилъ тотъ.—Это было въ 1874 году... Да! я очень хорошо помню, что мы въ тотъ вечеръ много говорили о выборахъ. Я помню теперь ясно этого человѣка... Высокій, худощавый блондинъ со слѣдами поблекшей красоты... Это—такъ! Мнѣ тогда казалось, что онъ, какъ будто бы, изъ военныхъ... Онъ ночевалъ въ Гербѣ, а на слѣдующій день рано поутру, въ девятомъ часу, я видѣлъ какъ онъ шелъ изъ Чеса... Я встрѣтилъ его неподалеку отъ западнаго коттэджа.

— Онъ говорилъ что нибудь о лордѣ Черитонѣ?—спросилъ Теодоръ.

— О, да!—отвѣтилъ мистеръ Дольби.—Онъ много говорилъ о вашемъ родственникѣ и говорилъ очень дерзко и язвительно, какъ только можетъ говорить неудачникъ о такомъ человѣкѣ, которому всегда везло въ жизни. Онъ увѣрялъ, что зналъ лорда Черитона еще до поступленія его въ судьи... и, еслибы мы не заставляли его молчать, онъ осыпалъ бы жесточайшею бранью лорда Черитона...

— И вы съ тѣхъ поръ уже ни разу не видѣли его въ Черитонѣ?

— Ни разу! Смотря съ медицинской точки зрѣнія на этого субъекта, я склоненъ думать, что онъ уже давно лежитъ въ могилѣ. Въ тотъ вечеръ, когда я игралъ съ нимъ на бильярдѣ, я думалъ про себя, что этотъ человѣкъ не проживетъ болѣе трехъ лѣтъ. И теперь, если ему досталось наслѣдство, то жаль его, бѣднягу...

— А какъ вы полагаете: зачѣмъ онъ былъ въ Чесѣ?— спросилъ Теодоръ.

— Не имѣю понятія!—отвѣчалъ мистеръ Дольби.—Я ѣхалъ въ своемъ экипажѣ, а онъ шелъ изъ Чеса пѣшкомъ. Я еще обернулся и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на него. Онъ шелъ медленно и казался усталымъ и грустнымъ... Нѣтъ, Теодоръ! Онъ не могъ прожить десяти лѣтъ. Я увѣренъ, что онъ не долго прожилъ послѣ того октябрьскаго утра!

— Но вѣдь онъ могъ измѣниться, начать другую жизнь?

— Для такихъ превращеній онъ былъ слишкомъ старъ и слишкомъ далеко зашелъ!

— Онъ могъ совершить какой нибудь проступокъ и попасть за него въ тюрьму,—и въ такомъ случаѣ волей-неволей онъ былъ бы вынужденъ перемѣнить свой образъ жизни.

— Слишкомъ строгая діэта можетъ убить пьяницу или излѣчить.

— Значитъ, и этотъ человѣкъ могъ излѣчиться?—замѣтилъ Теодоръ.

— Ну, нѣтъ!—возразилъ мистеръ Дольби.—Въ этомъ случаѣ, двѣсти шансовъ противъ двухъ, что тюремное заключеніе не исправило его, но совсѣмъ доконало. Конечно, трудно сказать что нибудь положительное, не видя передъ собой паціента, но, насколько я могу судить, интересующій васъ субъектъ былъ, по моему мнѣнію, совершенно безнадеженъ.

— А между тѣмъ мнѣ думается, что этотъ человѣкъ въ прошломъ году былъ въ Черитонѣ. Вы здѣсь всѣхъ знаете, дорогой Дольби, со всѣми видаетесь... Скажите, пожалуйста: не могъ ли этотъ человѣкъ быть здѣсь въ теченіе прошлаго года?

— Нѣтъ!—съ увѣренностью промолвилъ мистеръ Дольби.— Еслибы въ деревнѣ показался какой нибудь незнакомецъ, то я непремѣнно слышалъ бы о немъ. Мы всѣ были такъ встревожены послѣ черитонскаго убійства, что ни одинъ посторонній человѣкъ не избѣгнулъ бы нашего вниманія.

— Да... но до убійства...

— Мы помнили бы каждаго незнакомца, появившагося у насъ передъ убійствомъ. Вы не можете представить себѣ: до чего мы всѣ были тогда возбуждены... Мы въ теченіе

нѣсколькихъ мѣсяцевъ только и думали и говорили объ этомъ убійствѣ.

— Вы полагаете, что еслибы этотъ человѣкъ показался здѣсь въ ту пору, хотя бы на самое короткое время, то его непремѣнно замѣтили бы и не позабыли?

— Я въ этомъ убѣжденъ! Такого человѣка тотчасъ же сочли бы за убійцу и задержали его. Мы тогда всѣ были насторожѣ, — ни одна подозрительная личность не прошла бы безъ того, чтобы не обратить на себя всеобщаго вниманія.

— А какъ вы думаете: Джонсонъ помнитъ того господина, о которомъ мы съ вами говорили?

Джонсонъ былъ хозяиномъ Черитонскаго Герба.

— Ну, дружище, Джонсонъ не помнитъ того, что было полгода тому назадъ!—воскликнулъ мистеръ Дольби.—Его памяти хватаетъ только на то, чтобы вести счетъ бутылкамъ пива да кускамъ мяса. Это—самое безпамятное животное въ мірѣ. Спросите: какъ звали его бабушку? и я готовъ держать пари, что онъ не будетъ въ состояніи отвѣтить вамъ.

— Пожалуй, что вы и правы! — промолвилъ Теодоръ.

Теодоръ сознавалъ, что достигъ до такого пункта, далѣе котораго некуда было идти. Когда нашелся пистолетъ съ инициалами „Т. Д.“, онъ былъ увѣренъ, что это оружіе принадлежало тому человѣку, который называлъ себя Данверсомъ и жена котораго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слыла за мистриссъ Данверсъ. Онъ былъ увѣренъ, что именно этотъ человѣкъ убилъ Годфри Кармичиля, что, много лѣтъ спустя послѣ смерти жены, возвратившись изъ ссылки или освободившись изъ тюрьмы, ожесточенный, озлобленный, пылая мщеніемъ, онъ воспользовался первымъ представившимся ему случаемъ причинить зло ненавистному для него семейству. И Теодоръ не сомнѣвался, что отъ этого человѣка можно было ожидать и еще злодѣйствъ, если только онъ былъ живъ и оставался на свободѣ. Теодоръ припомнилъ нѣсколько подобныхъ преступленій и находилъ, что опасенія его не безосновательны.

Онъ ушелъ изъ Довекотса въ полномъ разочарованіи; онъ не зналъ, что ему дальше предпринять, и почти отчаивался найти преступника. Убійца подкрался, „какъ тать въ нощи“, подъ покровомъ темноты и не попавшись никому на

глаза. Только служанки на допросѣ показывали, что передъ убійствомъ нѣсколько разъ онѣ слышали поздно вечеромъ около дома чьи-то таинственные шаги. Если же допустить, что преступникъ нѣсколько ночей шатался подъ окнами, выжидая удобнаго случая,—то, въ такомъ случаѣ, невольно является вопросъ: что же онъ дѣлалъ днемъ? Гдѣ онъ скрывался и какимъ образомъ могло случиться, что его не видалъ никто въ Черитонѣ?

XXVII.

Теодоръ шелъ по проселочной дорогѣ, ведшей къ западнымъ воротамъ парка, и раздумывалъ о трудностяхъ того дѣла, за которое взялся. Подходя къ воротамъ, онъ увидалъ лорда Черитона, выходившаго изъ коттэджа мистриссъ Портеръ. Старикъ шелъ медленно, слегка сгорбившись и понуривъ голову. Теодоръ никогда еще не видалъ своего родственника въ такой унылой позѣ. Теодоръ скоро догналъ его и пошелъ съ нимъ рядомъ, рискуя показаться навязчивымъ. Ему очень хотѣлось знать: для чего его родственникъ, послѣ ихъ вчерашняго разговора о Мерси, ходилъ теперь къ мистриссъ Портеръ.

— Не старались ли вы помирить мать съ дочерью?— спросилъ его Теодоръ.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ лордъ Черитонъ. — Я говорилъ вамъ, что изъ такихъ стараній толку не выдетъ. Вы ужь знаете дочь... А мать еще жостче и упрямѣе. Нѣтъ! Не для того я ходилъ къ мистриссъ Портеръ. Я серьезно подумалъ о предположеніи вашего друга Рамсея относительно ея душевнаго состоянія. Мнѣ очень жаль, что я раньше не обратилъ на это вниманія и не послалъ за своимъ старымъ знакомымъ, докторомъ Менверингомъ. Конечно, я долженъ посовѣтоваться съ нимъ... только трудно залучить его въ Черитонъ, потому что у него большая практика, да къ тому же подъ его вѣдѣніемъ состоитъ цѣлое учрежденіе. Я думаю поэтому, что гораздо лучше будетъ поселиться мистриссъ Портеръ гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Лондона,—напримѣръ, въ одномъ изъ сѣверныхъ предмѣстій, въ получасѣ ѣзды отъ

пріюта Менверинга, находящагося близь Чесунта. Такимъ образомъ, еслибы пришлось на время помѣстить ее подъ надзоръ доктора,—хоть я не думаю, чтобы понадобился такой надзоръ,—то это можно было бы легко устроить.

— Значитъ, вы хотите...

— Отправить ее въ Лондонъ со служанкой, какъ только найду для нея удобную квартиру въ какой нибудь спокойной мѣстности. Сегодня я предложилъ ей поѣхать въ Лондонъ и полѣчиться. Я сказалъ что многіе замѣчаютъ въ ней перемѣну, что ей необходимо посовѣтоваться съ врачемъ. Она и сама призналась, что—несовсѣмъ здорова. Я полагаю, что не трудно будетъ уговорить ее.

— А какъ вы нашли ея душевное состояніе?— спросилъ Теодоръ.

— Съ сожалѣніемъ долженъ признаться, что я раздѣляю опасенія вашего друга. Я нашелъ, что въ ней дѣйствительно произошла большая перемѣна, съ тѣхъ поръ какъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Да!.. И мнѣ кажется, что ей дольше нельзя жить въ коттэджѣ одной—съ дѣвочкой-прислужницей. Для нея было бы лучше помѣститься въ пріютѣ, гдѣ за ней былъ бы хорошій уходъ и присмотръ. Я знаю, что Менверингъ—человѣкъ добрый, и ей было бы хорошо у него.

При этомъ лордъ Черитонъ тяжело вздохнулъ. Безъисходное, безпросвѣтное отчаяніе въ ту минуту промелькнуло въ выраженіи его лица. Теодору показалось, что онъ со вчерашняго дня постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ: очевидно, находка пистолета поразила его глубоко. „Теперь онъ знаетъ, что его собственный грѣхъ причинилъ несчастье“!—думалъ Теодоръ. Онъ сочувствовалъ горю отца, сознавшаго, что его преступленіе навлекло несчастье на дочь; онъ понималъ, какія ужасныя угрызенія совѣсти должны были мучить этого несчастнаго отца. Еще вчера Джемсъ Дальбрукъ полагалъ, что его грѣхъ зарытъ въ прошломъ, заглаженъ и преданъ забвенію, а сегодня онъ видитъ, что этотъ грѣхъ стоилъ дочери счастья всей ея жизни. Нельзя было, послѣ этого, удивляться тому, что его глаза потускли и омрачились и такъ угрюмо смотрятъ на міръ изъ-подъ нависшихъ бровей... По всему было видно, что этотъ человѣкъ болѣлъ душой.

Поздно вечеромъ, когда леди Черитонъ ушла спать, Теодоръ опять завелъ рѣчь о пистолетѣ.

— Вы примѣряли пулю къ найденному револьверу?— спросилъ онъ.

— Да! Пуля подходитъ... Только я не знаю: можетъ ли этотъ револьверъ что нибудь доказать...—проговорилъ лордъ Черитонъ.—Теперь мѣстная полиція знаетъ о немъ и сдѣлаетъ все, что̀ можетъ. Къ сожалѣнію, впрочемъ, я не особенно высокаго мнѣнія о нашей полиціи.

— Если вы мнѣ дадите пистолетъ, я завтра же съ утреннимъ поѣздомъ отправлюсь въ Лондонъ и покажу пистолетъ въ Скотландъ-Ярдѣ, какъ вы сами предполагали!

— Я ничего подобнаго не предполагалъ, дорогой мой Теодоръ! Я придаю очень мало значенія находкѣ этого револьвера, какъ средства къ открытію преступника. Я только говорилъ, что вы можете, если хотите, взять револьверъ и показать его въ Скотландъ-Ярдѣ,—вотъ и все!

— Я такъ бы и хотѣлъ сдѣлать! Я бы успокоился...

— Ну, что жъ! За чѣмъ же дѣло стало?..—съ раздраженіемъ перебилъ его лордъ Черитонъ.—Вотъ пистолетъ! Дѣлайте съ нимъ, что̀ хотите!—проговорилъ онъ, вынимая револьверъ изъ ящика своего большаго письменнаго стола.

— Вы, надѣюсь, не обидѣлись на меня?— спросилъ его Теодоръ.

— Нѣтъ! Мнѣ только наскучили эти разговоры... Если это убійство—дѣло мести, если злодѣй, застрѣлившій Годфри Кармичиля, посягнетъ и на мою жизнь, и на жизнь моей дочери и внука, если моему роду суждено исчезнуть съ лица земли, то что̀ же я могу сдѣлать противъ судьбы? Я не въ состояніи отпарировать грозящій мнѣ ударъ,—и ни вы, Теодоръ, ни скотландъ-ярдскіе сыщики не защитятъ меня отъ тайнаго врага.

— Вашего врага можно найти и лишить его свободы!— сказалъ Теодоръ.

— Сомнѣваюсь! Впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете! — отозвался лордъ Черитонъ.

Тотъ поѣздъ, съ которымъ ѣхалъ Теодоръ, уходилъ съ верегемской станціи въ 9 часовъ. Другой, болѣе ранній поѣздъ, съ которымъ ѣздили фермеры и другіе сельскіе обыва-

тели, желавшіе выиграть время, отходилъ въ 7 часовъ. Теодору нужно было выѣхать изъ Черитона около 8 часовъ—для того чтобы во-время поспѣть къ 9-часовому поѣзду.

Онъ ѣхалъ паркомъ по дорогѣ къ западнымъ воротамъ. Ему пришлось ждать долѣе обыкновеннаго, чтобы отворили ворота, и когда, наконецъ, толстощекая дѣвушка - служанка прибѣжала съ ключемъ и отперла ихъ, Теодоръ замѣтилъ, что дѣвушка была въ большомъ волненіи.

— Извините, сэръ, что я заставила васъ такъ долго ждать...—проговорила она.—Я не могла сразу найти ключа, хотя мнѣ казалось, что я вчера вечеромъ повѣсила его на гвоздь, послѣ того какъ заперла ворота... но уходъ хозяйки такъ смутилъ меня, совсѣмъ сбилъ съ толку... Она ничего не говорила мнѣ раньше, и вдругъ...

Проѣхавъ ворота, Теодоръ велѣлъ груму остановиться. У него еще оставалось довольно времени и онъ могъ поразспросить дѣвушку, очевидно, бывшую въ очень разговорчивомъ настроеніи духа.

— Что такое вы говорите? Мистриссъ Портеръ ушла... уѣхала куда нибудь, что ли?—спросилъ ее Теодоръ.

— Да, сэръ!—отвѣтила дѣвушка.—Какъ я стала помнить себя, она еще ни разу не уѣзжала отсюда, ни одной ночи не проводила внѣ дома. А сегодня рано утромъ, когда я затопила очагъ, она вдругъ отворила дверь и, заглянувъ въ кухню, сказала мнѣ: „Марта! Я уѣзжаю въ Лондонъ. Не дожидайтесь меня... Тамъ,—говоритъ,—въ гостинной на столѣ письмо осталось... Пускай,—говоритъ,—оно тамъ лежитъ до тѣхъ поръ, пока за нимъ не придутъ... Не трогайте,—говоритъ,—его, также какъ и ящика!“.. Она затворила дверь и пошла тихо, спокойно, какъ обыкновенно хаживала въ церковь къ ранней службѣ — иногда еще до разсвѣта. Я была такъ поражена, что какъ стояла на колѣняхъ передъ очагомъ, такъ нѣсколько минутъ и оставалась на полу... Опомнившись, я выбѣжала изъ коттэджа, чтобы посмотрѣть: куда она пойдетъ? Она шла по дорогѣ въ Черитонъ и почти уже скрывалась изъ виду...

— Съ ней не было багажа?.. Она ничего не взяла съ собой?

— Ничего, кромѣ небольшаго саквояжа.

— Въ которомъ часу она ушла?

— Когда я возвратилась въ кухню, вскорѣ послѣ того пробило шесть.

— А что это за письмо и за ящикъ, о которыхъ говорила вамъ хозяйка?

— Они, сэръ, и теперь тамъ же, гдѣ она оставила ихъ, въ гостинной на столѣ!—отвѣтила дѣвушка.—Я не трогала ихъ. Я должна слушаться хозяйки...

— А кому адресовано письмо?

— То есть, для кого оно оставлено?

— Да!

— Для лорда Черитона... оно будетъ лежать тамъ до тѣхъ поръ, пока лордъ не пришлетъ за нимъ.

— Въ такомъ случаѣ, я могу взять его и отдать груму для передачи лорду Черитону.

— Я не знаю, сэръ, можно ли это сдѣлать! Она сказала, что за письмомъ должны прійти...

— Такъ вотъ мы и пришли. Я—родственникъ лорда Черитона, а Джемсъ — его грумъ. Развѣ же для васъ не все равно?

— Я полагаю, сэръ, что это все равно!—съ видомъ сомнѣнія проговорила дѣвушка.—Письмо и ящикъ на столѣ... я не должна касаться ни того, ни другаго. Вотъ все, что я могу сказать.

Дѣвушка, повидимому, кичилась даннымъ ей порученіемъ, связаннымъ, очевидно, съ какою-то тайной, и въ то же время ужасно боялась своей строгой хозяйки, которая во всякую минуту могла возвратиться и застать ее на мѣстѣ преступленія.

Теодоръ, ничего не говоря, прошелъ въ гостинную, гдѣ пилъ недавно чай съ Кемстерами и Кетбертомъ Рамсеемъ. Письмо лежало на столѣ у окна, а рядомъ съ письмомъ стоялъ ящикъ орѣховаго дерева. Письмо было адресовано лорду Черитону и надписано твердымъ, характеристическимъ почеркомъ. На крышкѣ ящика находилась маленькая бронзовая пластинка и на ней были вырѣзаны слова: „Томасъ Дэрси“. При взглядѣ на этотъ ящикъ, никто не могъ сомнѣваться, что это былъ пистолетный ящикъ. Онъ былъ не запертъ, и Теодоръ поднялъ крышку. Въ ящикѣ лежалъ одинъ

пистолетъ, а мѣсто для другаго—оставалось пусто. Теодоръ вынулъ изъ своего кармана револьверъ Кольта и положилъ его на пустое мѣсто, рядомъ съ находившимся тамъ револьверомъ. Оружіе вполнѣ подошло къ футляру, и револьверы, очевидно, были парные, одинаковые; на ручкѣ каждаго изъ нихъ—на серебряной пластинкѣ—значились однѣ и тѣ же иниціалы: „Т. Д.“. Томасъ Дэрси!.. Да вѣдь это фамилія мужа Эвелины Стрэнгвей. Одинъ изъ этихъ пистолетовъ, принадлежавшій когда-то мужу Эвелины Стрэнгвей, былъ найденъ въ колодцѣ во фруктовомъ саду, а другой какимъ-то образомъ очутился въ рукахъ мистриссъ Портеръ, привратницы и protégée лорда Черитона.

Теодоръ измѣнилъ свое намѣреніе. Онъ не послалъ письма мистриссъ Портеръ съ грумомъ лорду Черитону, какъ хотѣлъ было сначала сдѣлать, пріѣхавъ въ Верегемъ. Поѣздку въ Лондонъ теперь приходилось отложить; въ настоящемъ взволнованномъ состояніи духа, ему было бы неудобно бесѣдовать съ сыщиками Скотландъ-Ярда. Онъ оставилъ письмо мистриссъ Портеръ на своемъ мѣстѣ, рядомъ съ пистолетнымъ ящикомъ, и черкнулъ нѣсколько строкъ своему родственнику, присѣвъ къ письменному столу мистриссъ Портеръ, гдѣ все, нужное для письма, находилось подъ рукой.

„Западный коттэджъ. Прошу васъ пріѣхать сюда сейчасъ же, если можно. Я сдѣлалъ ужасное открытіе. Оставлено письмо къ вамъ. Мистриссъ Портеръ уѣхала въ Лондонъ“.

Онъ положилъ эту записку въ конвертъ, запечаталъ и отдалъ груму.

— Поѣзжайте съ этой запиской домой, какъ можно скорѣе, и скажите лорду Черитону, что я жду его здѣсь!—сказалъ онъ груму.

Черезъ полчаса прибылъ лордъ Черитонъ.

— Ну, Теодоръ, что у васъ за открытіе?—спрашивалъ онъ, стоя лицомъ къ лицу съ Теодоромъ въ гостинной мистриссъ Портеръ, посреди безмолвія лѣтняго утра.

— Вотъ письмо, сэръ! Вамъ лучше сначала прочесть его!—проговорилъ Теодоръ.

Онъ уже давно, со дней дѣтства, не обращался такъ це-

ремонно-холодно къ своему родственнику: слово „сэръ“ какъ-то невольно сорвалось съ его губъ, какъ будто вдругъ ледяная стѣна воздвиглась между имъ и человѣкомъ, котораго онъ уже такъ давно любилъ и уважалъ.

Лордъ Черитонъ стоялъ, не распечатывая письма, и смотрѣлъ на ящикъ, въ которомъ лежали два пистолета—одинъ свѣтлый, блестящій, а другой — потемнѣвшій, и покрытый ржавчиной. Лордъ Черитонъ былъ очень блѣденъ, но немного блѣднѣе вчерашняго, когда онъ возвращался изъ коттэджа мистриссъ Портеръ.

— Вотъ мое открытіе! — сказалъ Теодоръ, указывая на пистолеты.—Я отложилъ свою поѣздку въ Скотландъ-Ярдъ, найдя здѣсь на столѣ этотъ ящикъ. Я забочусь о безопасности Джуаниты и ея малютки, но я не желалъ бы причинить вамъ непріятность или горе. Вы всегда были добры ко мнѣ, лордъ Черитонъ! Было бы низостью съ моей стороны забыть, что вы—мой родственникъ и имѣете право на мою признательность. Скажите, ради Бога, что мнѣ дѣлать! Довѣрьтесь мнѣ, если можете. Я знаю уже такъ много, что съ вашей стороны было бы лучше сказать мнѣ все... такъ, чтобы я могъ найти убійцу и въ то же время не растравить вашихъ старыхъ ранъ.

— Сомнѣваюсь, Теодоръ, чтобы вы или кто нибудь другой могли помочь мнѣ!—со скорбью промолвилъ лордъ Черитонъ, смотря въ окно на маленькій цвѣтникъ, гдѣ все еще пышно цвѣли розы.—Сомнѣваюсь даже, чтобы вся моя житейская опытность оказалась въ состояніи помочь мнѣ. Положеніе мое безвыходное.

— Для человѣка мужественнаго и рѣшительнаго всегда изъ всякихъ затрудненій можетъ найтись выходъ!—возразилъ Теодоръ.—Я знаю, что вы не такой человѣкъ, который при первомъ ударѣ готовъ покориться... Теперь я на половину брожу еще въ потемкахъ... Вѣроятно, владѣлецъ этого пистолета убилъ Годфри Кармичиля, — но какимъ образомъ ящикъ съ другимъ пистолетомъ очутился у мистриссъ Портеръ? Была ли она соучастницей этого человѣка? И что за связь существовала между ними?

— Вы думаете, что въ Годфри стрѣлялъ владѣлецъ этого пистолета?

— По всему вѣроятію!—отозвался Теодоръ.—Я думаю, что убійцей былъ тотъ человѣкъ, котораго жена нѣсколько лѣтъ жила въ Миртовомъ коттэджѣ, въ Кемберуэль-Гровѣ; тотъ человѣкъ, который приходилъ къ управляющему кемберуэльскими домами разспрашивать о своей женѣ и который назвался фамиліей Данверса, то есть той же фамиліей, подъ какой была извѣстна дама, жившая въ Миртовомъ коттэджѣ. Настоящая фамилія этого человѣка—Дэрси. Значитъ, господинъ, являвшійся къ управляющему, былъ мужъ Эвелины Стрэнгвей, а женщина, жившая въ Миртовомъ коттэджѣ, значитъ, была единственною дочерью стараго сквайра Стрэнгвея.

— И вы полагаете, что моего зятя убилъ Томъ Дэрси?— съ мрачной улыбкой спросилъ лордъ Черитонъ.

— Да! Я думаю такъ...

— Какой же мотивъ, по вашему мнѣнію, могъ быть для этого убійства?

— Мщеніе... мщеніе за похищенную жену.

— Онъ такъ дурно обращался съ женой, такъ явно пренебрегалъ ею, что принудилъ ее бѣжать... Нѣтъ! Онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы могъ горячо ненавидѣть или мстить... Впрочемъ, намъ нѣтъ нужды разсуждать о томъ: по какимъ мотивамъ онъ могъ убить сэра Годфри. Тома Дэрси нельзя подозрѣвать въ совершеніи этого убійства уже просто потому, что онъ умеръ девять лѣтъ тому назадъ и похороненъ на мой счетъ на Норвудскомъ кладбищѣ.

— Боже мой! Такъ кто же, въ такомъ случаѣ, стрѣлялъ изъ этого пистолета?

— Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы, вѣроятно, найдемъ здѣсь!—сказалъ спокойно лордъ Черитонъ, разрывая конвертъ и вынимая изъ него письмо мистриссъ Портеръ.

Въ этомъ краткомъ и ясномъ письмѣ содержались слѣдующія строки:

„Теперь вы знаете: кто убилъ мужа вашей любимой дочери. Если она похожа на меня, то останется до могилы со своимъ горемъ и вся жизнь ея будетъ омрачена жестокими воспоминаніями. Вы нарушили свое обѣщаніе и разбили мою жизнь. Я разбила ея жизнь. Око за око. Двадцать три года тому назадъ, я говорила вамъ, что *настанетъ день*, когда вы

пожалѣете о томъ, что покинули меня. Я думаю, что теперь этотъ день насталъ.

Эвелина Дэрси".

Лордъ Черитонъ, молча, подалъ письмо Теодору.

— Вы уже много знаете и можете узнать все остальное! — промолвилъ онъ. — Такъ узнайте же, что человѣкъ, тайно, приносящій въ жертву, запрещенной любви свои лучшіе годы, собираетъ на свою голову горячіе уголья!

Теодоръ, молча, прочелъ ужасныя строки: подпись объясняла все.

— Что же заставило Эвелину Стрэнгвей жить привратницей у того дома, гдѣ она родилась и была госпожей?—спросилъ онъ наконецъ.—Какъ могли вы допустить ее такъ унижаться?

— Она сама хотѣла жить здѣсь... только по ея настоянію я позволилъ ей переселиться сюда. Я былъ противъ этой затѣи, старался отговорить ее, всячески разубѣждалъ, но всѣ мои усилія были напрасны. Я предлагалъ навсегда обезпечить ей по 400 фунтовъ въ годъ. Я старался застраховать отъ всякихъ случайностей ея судьбу и судьбу нашего ребенка...

— Такъ Мерси—ваша дочь?—вскричалъ Теодоръ.

— Да! Мерси—*наша* дочь!—сказалъ лордъ Черитонъ.—Теперь вы понимаете: почему она отказывалась отъ моей помощи. Она не хотѣла ничего брать отъ отца. Одна и та же злоба говорила въ матери и въ дочери. Онѣ рѣшились заставить меня выпить до дна чашу горечи и раскаянія. Ахъ, Теодоръ! Это—длинная и постыдная исторія. Вамъ первому въ жизни — и единственному изъ людей—я разсказываю ее. Я хранилъ ее въ тайнѣ, и только въ безсонныя ночи часто,—очень часто!—мысленно переживалъ вновь свое прошлое. Я не забывалъ его... не могъ забыть. Я не знаю: можетъ ли время, при иныхъ условіяхъ заглаживать или смягчать горечь воспоминаній,—но мое положеніе въ этомъ отношеніи было безнадежно. Моя жертва жила тутъ же, у воротъ моего дома, и являлась постоянно живымъ напоминаніемъ о моемъ безразсудствѣ и о моей несправедливости.

— Странно, что такая утонченно-воспитанная женщина выбрала для себя такое низкое положеніе!—замѣтилъ Теодоръ.

— Вотъ именно только воспитанная женщина съ утонченными вкусами и могла придумать подобное утонченное наказаніе!—говорилъ лордъ Черитонъ.—„Позвольте мнѣ жить близъ васъ,—упрашивала она,—позвольте мнѣ жить у воротъ того парка, который я такъ любила въ дѣтствѣ... позвольте мнѣ видѣть васъ изрѣдка, издали... отворять вамъ ворота. Это будетъ для меня утѣшеніемъ въ моей одинокой, безрадостной жизни. Я буду, по крайней мѣрѣ, знать, что вы не забыли меня!“... Гмъ! какъ будто бы я могъ забыть ее даже и въ томъ случаѣ, еслибы она жила на другомъ концѣ Европы или въ самой отдаленной изъ нашихъ колоній! Она своимъ присутствіемъ омрачила для меня то мѣсто, которое я такъ любилъ, которое было для меня высшей наградой и цѣлью моей жизни. Ея тѣнь падала на дорогу моей молодой жены... Она омрачила для меня всю жизнь.

И лордъ Черитонъ принялся ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Онъ теперь, казалось, находилъ нѣкоторое облегченіе въ томъ, что могъ, наконецъ, подѣлиться съ другимъ своей тайной, тяготившей и мучившей его въ теченіе многихъ лѣтъ.

— Мужъ обращался съ ней жестоко!—продолжалъ онъ.—Молодая, красивая женщина была во власти глупаго, развратнаго человѣка. Бракъ ихъ состоялся, какъ говорится, по любви. Дѣло было очень просто: дѣвочкѣ хотѣлось освободиться изъ пансіонскаго затворничества, ей пріятно было слышать комплименты и объясненія въ любви, и она бѣжала съ негодяемъ. Черезъ 3 или 4 года послѣ замужства, она очутилась въ одиночествѣ и въ полномъ пренебреженіи, въ жалкой квартирѣ въ одной изъ самыхъ плохихъ лондонскихъ улицъ. Я теперь какъ будто вижу эти убогія комнаты съ убогой обстановкой, грязныя занавѣси у полутемныхъ оконъ, выходившихъ на грязную улицу. Что это было за ужасное жилище для молодой, прекрасной женщины!

Онъ замолчалъ, вздохнулъ и, пройдясь по комнатѣ, продолжалъ:

— Наше знакомство завязалось случайно... подъ зонтикомъ. Однажды вечеромъ, въ дождь, при выходѣ изъ театра, я встрѣтилъ ее съ мужемъ и слышалъ, какъ мужъ говорилъ, что имъ идти близко и не стоитъ нанимать кэбъ. Ея кра-

сивое лицо и манеры обратили на себя мое вниманіе, заинтересовали меня. Я предложилъ ей свой зонтикъ и мы отправились въ Эссексъ-Стритъ. Такимъ-то случайнымъ образомъ началась связь, оказавшая вліяніе на всю мою послѣдующую жизнь. Мужъ ея эксплуатировалъ меня... старался встрѣчаться со мной почаще въ клубѣ и обѣдать на мой счетъ. Послѣ обѣда мы, бывало, отправлялись въ Эссексъ-Стритъ и кончали вечеръ въ ея обществѣ. Такъ, мало по малу, я познакомился съ нею. Я увидалъ, что она была красива и умна, но воспитана довольно нерадиво, что она была единственною дочерью владѣльца Черитонъ-Чеса, что прогнѣвала отца своимъ замужствомъ и ни одного пенни не принесла съ собой въ приданое, что мужъ не любилъ ея и пилъ горькую, и что она была несчастна. Все это я скоро узналъ и скоро полюбилъ ее. Я любилъ въ первый разъ и любилъ страстно...

Лордъ Черитонъ опять прошелся по комнатѣ и тяжко, глубоко вздохнулъ, какъ бы снова увидавъ передъ собой блѣдный призракъ давно умершей любви.

— Началось съ сожалѣнія! Я видѣлъ ея жалкую, безрадостную жизнь и пожалѣлъ бѣдняжку. Видитъ Богъ, что у меня долго не было никакихъ грѣховныхъ помысловъ. Но желаніе чаще видѣть ее и доставлять ей кое-какія развлеченія заставило меня уговорить ее—встрѣчаться со мной тайкомъ отъ мужа. Сначала мы предпринимали самыя невинныя экскурсіи въ Ричмондъ или Гринвичъ, въ Чемптонъ-Куртъ или Виндзоръ. Мы устраивали небольшія прогулки на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ. У нея было мало знакомыхъ въ Лондонѣ, и намъ некого было бояться. Иногда мы ходили въ театръ и, совершенно довольные и счастливые, сидѣли въ глубинѣ ложи, разговаривая въ антрактахъ о возможномъ будущемъ. Мы какъ-то смутно разсчитывали на то, что ея мужъ умретъ и она сдѣлается свободною. Да! въ тѣ далекіе дни, мы всѣмъ сердцемъ любили другъ друга. Не забудьте, что ей было лишь 22 года, и я также былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ...

Онъ опять помолчалъ и со вздохомъ посмотрѣлъ вдаль—черезъ кусты розъ,—какъ будто бы заглянулъ на свое неза-

бытое прошлое, отдѣленное отъ настоящаго уже десятками лѣтъ.

— Неизвѣстно, долго ли наши отношенія еще оставались бы безгрѣшными, еслибы самъ мужъ не ускорилъ развязки... Дэрси перехватилъ одно мое письмо, въ которомъ я просилъ Эвелину быть въ театрѣ. Онъ грубо, жестоко обрушился на жену и поносилъ ее такими отвратительными ругательствами, какихъ она еще никогда и не слыхала. Несчастная женщина не выдержала, наконецъ: возмутилась, высказала ему все свое презрѣніе, убѣжала отъ него и, нанявъ кэбъ, пріѣхала ко мнѣ на квартиру. Былъ темный и туманный ноябрьскій вечеръ. Она явилась предо мной безпомощною и беззащитною; никто во всемъ обширномъ мірѣ не любилъ ея, кромѣ меня. Вопросъ былъ рѣшенъ... Конечно, она не могла оставаться у меня на квартирѣ: мой клеркъ и хозяйка могли увидѣть ее. Въ тотъ же вечеръ я отправился съ нею въ Салисбюри и мы въ теченіе двухъ недѣль путешествовали по южному берегу Девоншира, переѣзжая изъ деревни въ деревню. Я надѣялся на то, что Дэрси дастъ ей разводъ и я скорѣе, чѣмъ черезъ годъ, женюсь на любимой женщинѣ. На газетныя сообщенія объ этомъ разводѣ, конечно, никто не обратилъ бы особеннаго вниманія, а затѣмъ впослѣдствіи, когда я добился бы хорошаго положенія въ жизни, разумѣется, не было бы никому дѣла до того: кто была моя жена... Дэрси написалъ женѣ дьявольски-грубое письмо, въ которомъ изливалъ свой гнѣвъ, прилагалъ къ ней самые жестокіе, отвратительные эпитеты, какіе только находились въ словарѣ его ругательствъ; говорилъ, что она теперь не имѣетъ права считаться честною женщиной, что онъ скорѣе удавится, чѣмъ дастъ ей разводъ. Итакъ, ей приходилось влачить свои цѣпи до конца его жизни. Дорогой цѣной заплатила она за то, что довѣрила свою молодую жизнь этому негодяю.

— Несчастливо сложились для васъ обстоятельства!—замѣтилъ Теодоръ.

— Да, очень несчастливо!—отозвался лордъ Черитонъ.—А еслибы вы знали, какъ глубоко и преданно я любилъ ее въ тѣ дни... какъ мы могли бы быть счастливы, еслибы не находились въ такомъ фальшивомъ положеніи. Намъ только оставалось надѣяться на его смерть. Тотъ распутный образъ

жизни, какой велъ Дэрси, долженъ былъ скоро свести его въ могилу... Мы часто разговаривали о будущемъ, строили воздушные замки и мечтали о томъ времени, когда я разбогатѣю, а она будетъ моею законной женой. Съ такими надеждами въ виду, она спокойно жила въ своемъ уединеніи, экономила во всемъ и довольствовалась вполнѣ моимъ обществомъ... Мнѣ кажется, что первые годы она была счастлива.., Мы оба были счастливы... и полны самыхъ блестящихъ надеждъ.

— Я помню тотъ день, когда она въ первый разъ намекнула мнѣ на возможность купить Черитонъ-Чесъ, когда онъ поступитъ въ продажу. Хотя въ то время я уже начиналъ браться за большія дѣла, начиналъ составлять себѣ имя и копить деньги, но, тѣмъ не менѣе, мысль о покупкѣ значительнаго имѣнія показалась мнѣ несбыточною; для Эвелины же она сдѣлалась idée fixe. Она страстно любила свой родной домъ и чрезвычайно гордилась своимъ стариннымъ происхожденіемъ и своей фамиліей. Она побуждала меня копить деньги и увѣряла, что имѣнье пойдетъ при продажѣ за половинную цѣну. Она сдѣлалась очень экономна, не хотѣла сшить себѣ лишняго платья и для нея было величайшимъ удовольствіемъ когда я приносилъ домой нѣсколько новыхъ банковыхъ билетовъ. У нея были о деньгахъ самыя дѣтскія понятія... Она желала только, чтобы я купилъ Черитонъ-Чесъ. Я желалъ, рали нея, купить это имѣнье, еслибы представилась возможность. Я хотѣлъ немедленно жениться на Эвелинѣ, лишь только бы она сдѣлалась свободною. Моя вѣрность не поколебалась ни на іоту послѣ нашего десятилѣтняго сожительства, но Дэрси жилъ и здравствовалъ. Онъ какимъ-то образомъ открылъ то спокойное убѣжище, гдѣ скрывалась его жена, сталъ угрожать ей и дѣлать непріятности,—такъ что я вынужденъ былъ откупиться отъ него, давъ ему денегъ на проѣздъ въ Канаду, гдѣ онъ нѣкогда стоялъ со своимъ полкомъ и гдѣ разсчитывалъ устроиться. Положеніе наше по прежнему оставалось безвыходнымъ... Въ это время я познакомился съ Маріей Моралесъ... Ахъ, Теодоръ! Это — старая, очень старая исторія. Сохрани васъ Богъ — узнать на опытѣ эту грустную исторію. Когда я начиналъ тяготиться старою связью, въ то самое время на житейскомъ пути мнѣ встрѣтился сіяю-

щій дѣвическій образъ. Я увидѣлъ возможность черезъ женитьбу на этой дѣвушкѣ добиться блестящаго положенія въ свѣтѣ, увѣнчать свою карьеру и быть въ состояніи гордиться своею женой. А могъ ли я гордиться той женщиной, которая ради меня пожертвовала своимъ добрымъ именемъ? Конечно, долгъ и честь связывали меня съ нею, но на нашемъ союзѣ было роковое пятно. Я не могъ безъ опасеній показаться съ нею въ общество; я рисковалъ услышать по ея адресу злыя насмѣшки и двусмысленный шопотъ. Какъ бы тайна ни хранилась, все таки со временемъ она можетъ выплыть наружу и исторія жены Джемса Дальбрука могла бы сдѣлаться публичнымъ достояніемъ... И вотъ—на моемъ пути явилась прекрасная невинная дѣвушка и полюбила меня, не смотря на то, что я былъ двѣнадцатью годами ея старше. Она полюбила меня всѣмъ сердцемъ, до самозабвенія. Пробывъ съ нею часъ, я чувствовалъ себя моложе на десять лѣтъ...

Лордъ Черитонъ остановился и глубоко вздохнулъ.

— Остерегайтесь, Теодоръ, такого бремени, какое я взвалилъ себѣ на плечи; остерегайтесь такой цѣпи, какую я влачу на себѣ!—продолжалъ онъ.—Я чувствовалъ, какъ охладѣвала моя любовь къ той женщинѣ, которая довѣрилась мнѣ, которая считала меня альфой и омегой своего существованія. Я долженъ былъ цѣлый часъ ходить по дорожкѣ передъ Миртовымъ коттэджемъ, прежде чѣмъ войти въ домъ: я боялся, чтобы она по моему лицу не замѣтила, что я измѣняю ей. Разрывъ послѣдовалъ вдругъ... внезапно. Я долго боролся, Теодоръ. Я долго не шелъ въ отношеніи Маріи Моралесъ дальше платоническаго ухаживанія; я дѣлалъ страшныя усилія, для того чтобы дать понять Маріи, что я и не намѣренъ идти дальше платонической любви; намекалъ на значительную разницу нашихъ лѣтъ, старался относиться къ ней по отечески, но все было напрасно: одна минута увлеченія разрушила всѣ преграды, и однажды вечеромъ я ушелъ изъ Онслоу-Сквэра уже женихомъ Маріи. Великодушіе ея отца ускорило развязку. Сквайръ Стрэнгвей умеръ около года тому назадъ и имѣнье Стрэнгвеевъ поступило въ продажу. Когда я сказалъ своему будущему тестю о своемъ намѣреніи купить Черитонъ-Чесъ, то онъ немедленно предоставилъ въ мое распоряженіе деньги моей будущей жены. И такимъ образомъ

осуществилась та мечта, которую такъ давно, такъ страстно лелѣяла Эвелина...

— Бѣдняжка! Это было слишкомъ жестоко для нея...—промолвилъ Теодоръ.

— Дьявольски жестоко... Да! — согласился лордъ Черитонъ.—Я сознавалъ всю низость моей измѣны, но обстоятельства оказались сильнѣе моей воли. Я долженъ былъ пойти къ женщинѣ, все еще любившей меня, вѣрившей мнѣ, и открыть ей всю горькую истину. И я пошелъ, и—безъ помощи пера и чернилъ—прямо, въ лицо все высказалъ ей. Воспоминаніе объ этой сценѣ все еще живетъ въ моемъ воображеніи. Оно слишкомъ ужасно, для того чтобы его можно было выразить словами... Но затѣмъ, когда буря миновала, когда Эвелина поуспокоилась, я увезъ ее въ Булонь и тамъ устроилъ со всѣми удобствами. Въ Булони она могла оставаться, сколько ей вздумается, пока не рѣшитъ окончательно вопроса о своемъ будущемъ мѣстопребываніи. Мебель была распродана и „домъ нашъ“ былъ разоренъ...

— А гдѣ же была ваша дочь?—спросилъ его Теодоръ.

— Дочь не безпокоила насъ!—съ горькой улыбкой отвѣчалъ лордъ Черитонъ.—Эвелина не была нѣжною матерью; дитя служило для нея бременемъ... на рожденіи его лежало пятно позора, мать не могла забыть этого пятна и ненавидѣла своего ребенка. Мерси провела дѣтство въ одной букингамширской деревнѣ, въ коттэджѣ кормилицы. Мать и дочь не жили подъ одной кровлей до тѣхъ поръ, пока не встрѣтились здѣсь, въ Черитонѣ. Мерси въ ту пору было уже 7 лѣтъ.

— Однако, по деревенскимъ слухамъ, мистриссъ Портеръ сильно любила дочь и очень горевала о ней,—замѣтилъ Теодоръ.

— Деревенскіе слухи часто бываютъ неосновательны!—отозвался лордъ Черитонъ.—Не думаю, чтобы Эвелина когда нибудь любила свое дитя. Она не могла забыть того, при какихъ обстоятельствахъ родилась ея дочь и какая горькая участь ждетъ ее въ жизни. Не любовь къ дочери, но гордость, чувство оскорбленнаго достоинства заставляли ее страдать. Это—странная женщина, Теодоръ... женщина, которая была въ состояніи совершить преступленіе и написать такое письмо. Вашъ другъ разгадалъ ея тайну. Въ состояніи безумія

стрѣляла она изъ пистолета и писала также это письмо... Ну, Теодоръ, теперь я разсказалъ вамъ все; никому, кромѣ васъ, не выдавалъ я своей тайны. Я разбередилъ свои старыя раны... Теперь вы знаете все и сами видите: что я долженъ дѣлать. Я долженъ отыскать несчастную Эвелину и спасти ее, я долженъ также подумать о безопасности дочери и внука: вѣдь злоба безумной женщины можетъ обрушиться и на нихъ. Вы, Теодоръ, будете въ состояніи помочь мнѣ, если останетесь спокойнымъ и хладнокровнымъ и сдѣлаете то, о чемъ я васъ попрошу...

Онъ подавилъ свое волненіе и опять сталъ холоднымъ, рѣшительнымъ человѣкомъ.

— Я готовъ повиноваться вамъ!—отозвался Теодоръ.

— Теперь еще довольно рано!—проговорилъ лордъ Черитонъ, посмотрѣвъ на часы.—Теперь еще только 20 минутъ десятаго... Экипажъ—у подъѣзда. Отправляйтесь въ Прайори и оставайтесь тамъ насторожѣ, покуда я не найду эту несчастную женщину. Скажите Джуанитѣ, что я послалъ васъ къ ней... что я слышалъ кое-что и боюсь оставлять ее одну въ домѣ съ прислугой. Моя жена пріѣдетъ не много позже и также можетъ оставаться въ Прайори до тѣхъ поръ, пока я не возвращусь домой... Я долженъ найти *ее*, Теодоръ!

— Но гдѣ же, во вашему мнѣнію, она можетъ быть?

— Не знаю. Можетъ быть, она уже утопилась... Но живую или мертвую я долженъ найти ее во что бы то ни стало. А найдя, я долженъ буду спасти ее отъ кары закона. Это—моя обязанность.

— Помоги вамъ Богъ! — сказалъ Теодоръ. — Такъ я останусь въ Прайори, пока не получу извѣстій отъ васъ. Будьте такъ добры, попросите леди Черитонъ привезти туда мой багажъ. Я могу сказать Джуанитѣ, что сегодня леди Черитонъ пріѣдетъ къ ней?

— Конечно! Такъ до свиданья, Теодоръ... Я знаю, что могу положиться на васъ!—промолвилъ лордъ Черитонъ.

Они крѣпко пожали другъ другу руку и разстались. Теодоръ вѣрилъ своему родственнику; онъ чувствовалъ, что Джемсъ Дальбрукъ сказалъ ему всю правду. Онъ не могъ презирать лорда Черитона, даже не смотря на его роковое за-

блужденіе, повлекшее за собой такіе ужасные результаты... Теодоръ отправился въ Прайори къ своей кузинѣ, въ качествѣ гостя, на неопредѣленное время. Онъ очутился въ странномъ положеніи, но ему все таки было пріятно находиться въ обществѣ Джуаниты и быть, въ нѣкоторомъ родѣ, ея защитникомъ и покровителемъ.

XXVIII.

Застоявшаяся лошадь бойко бѣжала по гладкой дорогѣ, и Теодоръ около 11 часовъ былъ уже въ Прайори и нашелъ Джуаниту сидящею на лужайкѣ, съ ребенкомъ на рукахъ и съ вѣрнымъ Стиксомъ у ногъ. Всю дорогу его мучили страхи и преслѣдовалъ образъ сумашедшей женщины, которая раньше его могла поспѣть въ Прайори и совершить кровавое злодѣяніе... И теперь сердце его радостно забилось, когда онъ увидѣлъ, при яркомъ утреннемъ освѣщеніи, Джуаниту — здоровую, довольную и веселую. Чего нельзя ожидать отъ человѣка душевно разстроеннаго? А что мистриссъ Портеръ была женщина душевно больная, видно изъ того, что уходя изъ дому, она сама созналась въ своемъ преступленіи и оставила противъ себя улики. Теодоръ мысленно, горячо благодарилъ Бога за то, что нашелъ въ Прайори все благополучнымъ. Теперь онъ станетъ охранять ее; теперь онъ зналъ, откуда ждать опасности и чьей руки должно опасаться. Теперь онъ зналъ: отъ какого врага, отъ какой опасности нужно ее оберегать...

— Я надѣюсь, у насъ дома все благополучно?—проговорила Джуанита, протягивая ему руку.

— Да! все благополучно!—отозвался Теодоръ.—Вашъ отецъ на нѣсколько дней отправляется въ Лондонъ, а леди Черитонъ на это время пріѣдетъ погостить къ вамъ, и я также хочу воспользоваться вашимъ гостепріимствомъ, пока она будетъ оставаться здѣсь. Вашъ отецъ услыхалъ о какихъ-то подозрительныхъ личностяхъ, явившихся по сосѣдству, и рѣшилъ, что будетъ хорошо, если я поживу въ Прайори, пока не съѣдутся сюда для охоты ваши родственники. Вѣроятно, вы не ожидали меня, Джуанита?

— Да, не ждала, но я очень рада вамъ и мамѣ!—отвѣтила Джуанита. — Я уже начинала скучать въ одиночествѣ и думала поѣхать съ сыномъ въ Сванэгъ. Не правда ли, какъ счастливъ мой мальчикъ? У него двѣ такія любящія бабушки... (И Джуанита невольно вздохнула, вспомнивъ, что ея дитя все таки гораздо бѣднѣе многихъ другихъ дѣтей). Да, дорогой мой!—лепетала она, прижимаясь лицомъ къ розовой щечкѣ ребенка.—Да, мой сиротка! Много любви для тебя на землѣ... И кто знаетъ,—можетъ быть, и *онъ* наблюдаетъ за тобой съ небесъ...

Но тутъ Джуанита спохватилась, вспомнивъ объ обязанностяхъ хозяйки.

— Завтракали ли вы, Теодоръ?—спросила она.—Вы, вѣроятно, рано выѣхали изъ Черитона.

Теодоръ умолчалъ о томъ: рано ли онъ выѣхалъ изъ Черитона, но сознался, что выпилъ только чашку чая.

— Въ такомъ случаѣ, я прикажу подать вамъ завтракъ сюда. Утро сегодня такое прелестное... А я съ малюткой посижу здѣсь, пока вы будете завтракать.

Джуанита позвала мамку, стоявшую неподалеку, и отдала ей приказанія. Тотчасъ же явился столъ, накрытый бѣлоснѣжною скатертью, съ аппетитнымъ завтракомъ, и сама Джуанита наливала ему кофе, пока нянька съ дитятей на рукахъ гуляла по лужайкѣ.

— Я не понимаю: чѣмъ же такъ встревожился отецъ?—заговорила Джуанита послѣ непродолжительнаго молчанія.—Это что-то не похоже на него. Чего мнѣ бояться какихъ нибудь бродягъ или цыганъ, когда всѣ мои драгоцѣнности отданы на храненіе, а въ домѣ у меня до полудюжины слугъ!.. Что бы это значило, Теодоръ?—вдругъ спросила она, задумчиво взглянувъ на своего собесѣдника.—Не узналъ ли отецъ чего нибудь относительно убійства?

Такой прямой вопросъ привелъ Теодора въ замѣшательство: отвѣчать —значило измѣнить лорду Черитону; не отвѣтить—значило не сдержать обѣщанія, даннаго Джуанитѣ.

— Я попрошу у васъ позволенія оставить этотъ вопросъ безъ отвѣта, пока... на нѣсколько дней!—промолвилъ онъ.—Каково бы ни было открытіе, оно сдѣлано вашимъ отцомъ, а не мной. Отецъ долженъ сообщить вамъ о немъ.

— Вы знаете: кто убилъ моего мужа?—спросила Джуанита.

— Нѣтъ, я ничего не знаю! Тотъ свѣтъ, за которымъ мы идемъ теперь, можетъ оказаться просто блуждающимъ огонькомъ.

Теодоръ вспомнилъ нѣсколько такихъ случаевъ, когда душевно больные, бывшіе не въ состояніи раздавить червяка, взводили на себя ужаснѣйшія злодѣянія и приводили полицію въ большое замѣшательство. Не могла ли мистриссъ Портеръ быть подобною больной?

— Но... вы напали на слѣдъ убійцы? приступала Джуанита.

— Я думаю, что — „да“. Потерпите, Джуанита! Подождите до тѣхъ поръ, пока вашъ отецъ найдетъ возможность сказать вамъ все! Дѣло теперь—въ его рукахъ.

— И вы говорите: онъ сегодня ѣдетъ въ Лондонъ... Онъ ѣдетъ по этому дѣлу?

— Я уже сказалъ вамъ слишкомъ много, Джуанита! Пожалуйста, не спрашивайте меня больше!

Она вздохнула и повернулась къ Стиксу, какъ будто бы тотъ былъ для нея болѣе интереснымъ собесѣдникомъ.

— Ну, значитъ, я должна довольствоваться ожиданіемъ!— сказала Джуанита.—Но, еслибы вы знали, что я выстрадала... и сколько мнѣ придется выстрадать еще, пока тайна разоблачится, то вы не удивлялись бы моему нетерпѣнію. Тяжело бродить въ потемкахъ... Вашъ пріятель уже уѣхалъ въ Лондонъ?

— Да! Но онъ еще побываетъ здѣсь до окончанія моихъ вакацій. Онъ, кажется, понравился вамъ, Джуанита?—многозначительнымъ тономъ спросилъ ее Теодоръ.

— Да, онъ понравился мнѣ!—отвѣтила она, повидимому, съ беззаботнымъ видомъ, но слегка покраснѣвъ.—Я думаю, онъ нравится всѣмъ порядочнымъ людямъ... Не правда ли? Онъ—такой добрый и умный.

— Я очень радъ, что онъ нравится вамъ. Онъ мой лучшій другъ... Даже могу сказать — единственный другъ. Въ университетѣ у меня было много знакомыхъ, но изъ нихъ очень мало такихъ, съ которыми я желалъ встрѣчаться впослѣдствіи. Рамсей былъ для меня братомъ. Мнѣ было бы очень грустно, еслибы наша дружба не продолжалась и за стѣнами университета.

— Онъ честолюбивъ? Не такъ ли?—спросила Джуанита.

— Очень честолюбивъ.

— И гордъ?

— Очень гордъ!—отвѣчалъ Теодоръ.—Только гордость у него хорошая, благородная, не позволяющая человѣку сходить съ прямаго пути и заставляющая его предпочитать хлѣбъ съ сыромъ на чердакѣ—вкуснымъ кушаньямъ за столомъ какого нибудь выскочки.

— Онъ, значитъ, очень занятъ, если такъ скоро уѣхалъ изъ Дорчестера?

— Да, онъ всегда за работой. Я надѣялся, что онъ отдохнетъ недѣли двѣ-три въ нашемъ сонномъ старинномъ городѣ, но ему понадобилось возвратиться въ госпиталь. Впрочемъ, онъ, вѣроятно, скоро возвратится сюда!

Лордъ Черитонъ взялъ ящикъ съ пистолетами и удалился изъ коттэджа. Онъ набросилъ на ящикъ свое лѣтнее пальто, и такимъ образомъ люди, встрѣтившіеся съ нимъ въ паркѣ, могли бы подумать, что онъ несетъ книгу, или могли бы даже вовсе не замѣтить его ноши, скрытой подъ пальто. Но случилось такъ, что онъ ни съ кѣмъ не встрѣтился по дорогѣ отъ западныхъ воротъ къ дому. Онъ прошелъ въ библіотеку и заперъ ящикъ съ пистолетами въ свой письменный столъ, а затѣмъ отправился въ комнату жены: леди Черитонъ обыкновенно проводила утро въ своей комнатѣ, гдѣ завтракала, читала газеты и писала письма.

— Гдѣ ты былъ такъ рано, Джемсъ?—спросила леди Марія, съ любовной улыбкой смотря на него.—Я очень удивилась, когда услыхала, что ты куда-то выѣхалъ до завтрака.

Онъ нѣсколько мгновеній задумчиво смотрѣлъ на нее. Это прелестное, милое лицо ни разу не хмурилось на него въ теченіе всей ихъ супружеской жизни. Никогда спокойная преданность жены не измѣняла ему. Въ ихъ любви не было драматическихъ элементовъ—ни безумія страсти, ни лихорадочныхъ переходовъ отъ разочарованія къ жгучимъ ласкамъ, ни ревности, ни сомнѣній. Марія любила его, гордилась имъ и вѣрила ему больше всѣхъ послѣ Бога. Двадцать три года супружеской жизни она съумѣла сдѣлать для него годами свѣт-

лаго безоблачнаго счастья. За все это время она не доставила ему ни часа тревогъ. Она была постоянно его любящей, вѣрной помощницей, раздѣлявшей его честолюбивыя надежды, любившей тѣхъ, кого онъ любилъ, уважавшей даже его предразсудки и всю жизнь старавшейся быть для него пріятною... Какой контрастъ съ ней представляла та—другая женщина, любовь которой превратила его въ раба, которой ревность заставила его порвать всѣ связи, отказаться отъ всѣхъ удовольствій, отъ общества, отъ друзей и заставила его жить въ самомъ строгомъ уединеніи!

Онъ смотрѣлъ на спокойное, красивое лицо жены — на которомъ время почти не оставило слѣдовъ, онъ смотрѣлъ на ея мягкіе глаза, нѣжные, какъ глаза газели, и невольно сравнивалъ это милое, кроткое лицо съ *другимъ* лицомъ, также красивымъ въ своемъ родѣ, также моложавымъ въ свое время,—но то лицо обличало горячій, гордый, безпокойный темпераментъ, то лицо не обѣщало тихаго семейнаго счастія—однимъ словомъ, то было стрэнгвейское лицо...

— Дорогая моя! Я виноватъ, что не увѣдомилъ тебя...— промолвилъ лордъ Черитонъ. — Меня позвали въ западный коттэджъ. Мистриссъ Портеръ какъ-то таинственно скрылась изъ дому.

— Скрылась изъ дому?—какъ эхо, отозвалась его жена.

— Да! Не правда ли какъ это странно?.. Я долженъ найти ее. Съ полуденнымъ поѣздомъ я отправлюсь въ Лондонъ. У меня есть еще другія дѣла, такъ что я пробуду въ Лондонѣ нѣсколько дней, — даже, можетъ быть, до начала охоты. Я послалъ Теодора въ Прайори увѣдомить Джуаниту, что ты сегодня пріѣдешь къ ней и останешься до тѣхъ поръ, пока я не возвращусь домой.

— Ты мной распоряжаешься, какъ вещью!—съ улыбкой замѣтила ему жена.

— Я вѣдь знаю, что ты будешь рада понянчиться съ внукомъ... Безъ меня ты скучаешь дома.

— Да, Джемсъ, это правда! — согласилась леди Черитонъ. — Когда я остаюсь одна, то мнѣ всегда приходитъ на память наша ужасная прошлогодняя катастрофа. Мнѣ хорошо будетъ въ Прайори, а на Джуаниту этотъ домъ нагоняетъ тоску.

Лордъ Черитонъ завтракалъ съ женой или—вѣрнѣе сказать — показывалъ видъ, что завтракаетъ; онъ не могъ ѣсть вслѣдствіе сильнаго волненія, но съ удовольствіемъ выпилъ чашку крѣпкаго чая и посидѣлъ съ женой, пока запрягали экипажъ.

— Что тебя заставляетъ такъ безпокоиться о мистриссъ Портеръ?—спросила его леди Черитонъ.

— Во-первыхъ, ея внезапный, странный отъѣздъ!—отвѣчалъ онъ.—Ей бы слѣдовало увѣдомить о своемъ намѣреніи тебя или меня. А, во-вторыхъ, меня безпокоитъ мнѣніе, высказанное мистеромъ Рамсеемъ. Онъ нашелъ, что у мистриссъ Портеръ голова несовсѣмъ въ порядкѣ... онъ нашелъ въ ней признаки душевнаго разстройства.

— О, Джемсъ! Вѣдь это — ужасно! — воскликнула леди Марія.

— Да! Ужасно представить себѣ, что она одна пустилась въ путь. Вѣдь она почти 20 лѣтъ не оставляла коттэджа,— выходила только въ церковь — и вдругъ теперь очутится посреди людей постороннихъ, въ незнакомомъ городѣ. Она не можетъ сама о себѣ позаботиться, если дѣйствительно, душевно больна...

— Бѣдняжка!.. И ты даже не знаешь: куда она уѣхала?

— Она сказала своей служанкѣ, что ѣдетъ въ Лондонъ. Богъ знаетъ: правду ли она сказала, или нѣтъ. Багажа съ собой она не взяла.

— Она, можетъ быть, отправилась къ дочери?—замѣтила леди Черитонъ.

— Къ Мерси? Да, можетъ быть. Мнѣ такая мысль не приходила въ голову. Она за всѣ эти годы такъ дурно относилась къ дочери... А впрочемъ, можетъ быть, она смягчилась.

Въ эту минуту слуга доложилъ, что экипажъ поданъ, вещи уложены и все готово.

— Прощай, Марія! Терять времени нельзя... — сказалъ лордъ Черитонъ.

— Ты, конечно, остановишься въ Викторія-Стритъ?—спросила его жена.

— Да! Я буду телеграфировать мистриссъ Бигби. Я беру съ собой Вильсона...

Лордъ поцѣловалъ жену и уѣхалъ. Онъ вздохнулъ, оставивъ

эту атмосферу, полную спокойствія и мира... и опять вздохнулъ при мысли о томъ, по какому дѣлу ѣхалъ онъ теперь въ Лондонъ. Онъ долженъ былъ найти *ее*, убійцу, доказать, что она — сумашедшая, и укрыть ее въ какомъ нибудь безопасномъ убѣжищѣ... Дѣло—непріятное, тяжелое для человѣка, нѣкогда любившаго ее и причинившаго ей горе.

Отъ начальника станціи онъ узналъ, что мистриссъ Портеръ, дѣйствительно, уѣхала съ утреннимъ поѣздомъ, взявъ билетъ втораго класса до Лондона. Тогда лордъ Черитонъ телеграфировалъ миссъ Маріаннѣ Грей въ Ламбетъ, № 69: „Если мать съ вами, то прошу васъ удержать ее до моего пріѣзда. Черитонъ".

Догадка жены была какъ бы вдохновеніемъ свыше. Дѣйствительно, гдѣ же несчастная женщина могла приклонить голову, какъ не подъ той же кровлей, подъ которой жила ея дочь? У нея не было друзей ни въ Лондонѣ и нигдѣ, — за исключеніемъ развѣ ея старой гувернантки, Сарры Ньютонъ...

Въ теченіе трехчасоваго путешествія, у лорда Черитона было достаточно времени, для того чтобы оглянуться назадъ и снова пережить далекое прошлое, вызванное изъ мрака воспоминаній происшествіями послѣдняго дня. Онъ уже надѣялся, что совсѣмъ забылъ свое прошлое, насколько, разумѣется, могъ забыть, имѣя постоянно у своихъ воротъ живое напоминаніе объ этомъ прошломъ, въ лицѣ мистриссъ Портеръ. Но и къ присутствію мистриссъ Портеръ онъ, наконецъ, привыкъ. Ея наружное спокойствіе онъ принялъ за выраженіе чувства довольства. Ни однимъ неосторожнымъ словомъ, ни однимъ двусмысленнымъ взглядомъ не дала она замѣтить ни леди Черитонъ и никому другому, что нѣкогда находилась въ близкихъ отношеніяхъ къ нему. Она была принята въ маленькомъ черитонскомъ обществѣ и держала себя безукоризненно. На первыхъ порахъ, проѣзжая черезъ западныя ворота и видя ее стоящею въ смиренной позѣ, онъ, конечно, испытывалъ угрызенія совѣсти, но съ теченіемъ времени эти непріятныя ощущенія сглаживались, теряли свой острый характеръ... А теперь онъ увидѣлъ, что спокойствіе ея было напускное, что она всѣ эти годы втихомолку, въ одиночествѣ, питала мысль о мщеніи — и отомстила ужасно, же*стоко...*

Рѣшившись нарушить обѣщанія, данныя Эвелинѣ Дэрси, и жениться на другой женщинѣ, пятнадцатью годами моложе ея, Джемсъ Дальбрукъ сказалъ себѣ, что связь должна быть разомъ порвана, все разомъ должно быть кончено. Она, подобно другимъ женщинамъ, должна примириться съ обычнымъ окончаніемъ такихъ отношеній. Она не можетъ считать себя несчастнѣе многихъ другихъ: онъ дольше десяти лѣтъ оставался ей вѣренъ. Онъ и еще подождалъ бы, еслибы былъ какой нибудь лучъ надежды, но Томъ Дэрси продолжалъ благополучно жить и здравствовать, — да еслибы онъ и умеръ, Джемсу Дальбруку все таки было бы непріятно ввести въ фешенебельное общество, въ качествѣ жены, свою прежнюю любовницу. Во дни оны, во дни надеждъ и горячей любви, они воображали, что запятнанное прошлое навсегда останется въ тайнѣ, но теперь онъ пришелъ къ тому заключенію, что, не смотря на ихъ замкнутую жизнь, эта тайна со временемъ можетъ всплыть наружу. Люди начнутъ допытываться: кто такая мистриссъ Дальбрукъ? Для нихъ покажется недостаточно, если имъ скажутъ: „она—леди, она—красива, умна!“ Общество захочетъ узнать всѣ подробности ея прошлой жизни. Кто ея родители? Была ли она замужемъ? А въ такомъ случаѣ—кто былъ ея мужъ? Гдѣ жила она до вторичнаго своего замужства? Не жила ли гдѣ нибудь въ колоніяхъ или на континентѣ,—и почему общество ничего не знаетъ о ней?

Эти неизбѣжные вопросы, думалъ Джемсъ Дальбрукъ, будутъ тяготить его и отравлять существованіе Эвелинѣ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы Дэрси былъ такъ любезенъ, что развязалъ бы имъ руки, но Дэрси и не думалъ умирать... А теперь вдругъ является передъ нимъ молодая, прелестная дѣвушка, свободная, съ прекраснымъ состояніемъ,—и соглашается выйти за него замужъ. И онъ отдаетъ ей свою любовь, не смотря на тщетныя усилія остаться вѣрнымъ своей старой привязанности.

Сцена ихъ разрыва сегодня такъ ясно припомнилась ему, какъ будто она произошла лишь вчера... Онъ возвращался домой, въ сумерки холоднаго мартовскаго дня, когда жалко было смотрѣть на блѣдные весенніе цвѣты, напрасно боровшіеся за свое существованіе съ рѣзкимъ восточнымъ вѣтромъ; скудная трава желтѣла въ садахъ; уличные фонари какъ-то

жалко мерцали въ тусклой мглѣ. Видъ Кемберуэль-Грова былъ не особенно веселъ въ ту мрачную пору. Было время, когда небольшой садъ при Миртовомъ коттэджѣ содержался заботливо и Эвелина гордилась своимъ цвѣтникомъ и ползучими растеніями, увивавшими веранду, но за послѣдніе два-три года она охладѣла, сдѣлалась равнодушна къ своимъ цвѣтамъ, и когда садовникъ, нанятый на время, ушелъ, она уже не взяла вмѣсто него другаго. Эвелина утомилась отъ напраснаго ожиданія лучшихъ, свѣтлыхъ дней...

Джемсъ Дальбрукъ въ тотъ вечеръ отказался отъ настойчиваго приглашенія Дона Джозе отобѣдать въ Онслоу-Скверѣ. Онъ оставилъ теплыя и свѣтлыя комфортабельныя комнаты, атмосфера которыхъ была пропитана запахомъ гіацинтовъ и нарцисовъ, лилій и пармскихъ фіалокъ; онъ оставилъ свою невѣсту, красавицу-испанку съ мягкими, темными глазами—для того чтобы пережить самый тягостный кризисъ, какой только можетъ быть въ жизни мужчины: онъ долженъ былъ сказать любившей его женщинѣ, что любовь между ними кончилась, что связь порвана...

— Я ждала тебя раньше, Джемсъ,—сказала Эвелина, отворяя ему дверь.

Рѣдко случалось, чтобы служанка отпирала ему, когда онъ возвращался домой. По большей части, сама Эвелина встрѣчала его.

— Да, я опоздалъ!—отозвался онъ.—Меня задержали... Я немного промедлилъ на пути... Я шелъ изъ Вестъ-Энда.

— Всю дорогу пѣшкомъ? По Вальвортъ-Роду, который тебѣ такъ не нравится?

— Я не заботился о дорогѣ, Эвелина! Я былъ слишкомъ несчастливъ и не могъ обращать вниманія на окружающее.

— Несчастливъ?—спросила она, пытливо посмотрѣвъ на него, и вдругъ поблѣднѣла, какъ будто его блѣдность отразилась и на ея лицѣ.

Они въ ту минуту стояли посреди комнаты, и лампа ярко озаряла ихъ смущенныя лица.

— Ты потерялъ деньги, Джемсъ?.. Ты пустился въ какія нибудь спекуляціи?.. Ты не въ состояніи купить Черитонъ-Чеса?—спрашивала его Эвелина.

— Нѣтъ, не то, Эвелина!.. проговорилъ онъ.—О, Бога

ради, прости меня, пожалѣй меня, если можешь! Я сдѣлалъ предложеніе одной дѣвушкѣ, полюбившей меня, не смотря на то, что я на 20 лѣтъ старше ея; она гордится мной, вѣритъ мнѣ... Съ этой женитьбой откроется для меня новая, счастливая жизнь, а для тебя настанетъ освобожденье. Въ послѣднее время, мы оба были несчастливы. Мнѣ кажется, что мы оба про себя чувствовали, что пришелъ конецъ.

Она положила ему руку на грудь и, держа своими тонкими бѣлыми пальцами пуговицу его сюртука, посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Ты — подлецъ и измѣнникъ!—прошипѣла она сквозь зубы.—Ты лжешь и самъ знаешь, что лжешь. Ты, можетъ быть, разлюбилъ, а не я. Моя любовь къ тебѣ росла съ каждымъ годомъ... Я все ждала лучшаго будущаго... надѣялась быть твоей женой. Ты очень хорошо знаешь: какую жизнь ведетъ мой мужъ. Ты знаешь, что конецъ нашего испытанія близокъ, что не сегодня-завтра мы можемъ услышать объ его смерти и ты можешь дать мнѣ свою фамилію и то мѣсто въ обществѣ, которое я заслужила своимъ десятилѣтнимъ самоотверженіемъ. Ты все это знаешь... Знаешь, что моя жизнь связана съ твоей, что я не могу жить безъ тебя, что у меня нѣтъ въ мірѣ ни одного друга, что, кромѣ тебя, у меня нѣтъ никакой надежды, никакого другаго честолюбія... И теперь ты смотришь мнѣ прямо въ лицо и говоришь, что сдѣлалъ предложеніе дѣвушкѣ моложе тебя на 20 лѣтъ, что ты бросаешь меня, свою жену въ теченіе десяти лѣтъ... Я для тебя все отдала, всѣмъ пожертвовала...

— Богъ видитъ, Эвелина, что жертва была взаимная. Если ты жертвовала собой, то жертвовалъ и я. Я ради тебя отшатнулся отъ общества, когда общество мнѣ было необходимо...—говорилъ ей Джемсъ Дальбрукъ.—Я, впрочемъ, не пытаюсь оправдываться. Я поступилъ очень дурно. Я соглашусь со всѣмъ—самымъ худшимъ, что ты скажешь обо мнѣ. Я слишкомъ понадѣялся на свои силы и не устоялъ противъ искушенія. Будь великодушна, Эвелина! Дай руку, прости, прости меня! Что бы то ни было, ты всегда для меня останешься моею первою, лучшею любовью. Деньги, которыя я сберегъ, пойдутъ тебѣ и твоей дочери...

— Деньги!—съ яростью вскричала она.—И ты еще смѣешь

говорить о деньгахъ! Да какъ ты смѣешь платить мнѣ за униженье? Не воображаешь ли, что деньги могутъ заставить меня забыть тебя—или могутъ меня заставить меньше ненавидѣть себя за то, что я любила и вѣрила тебѣ?

И затѣмъ послѣдовалъ припадокъ такого жгучаго, страстнаго отчаянія, что воспоминаніе о немъ, даже не смотря на многолѣтній промежутокъ времени, заставило его похолодѣть. Ему тогда пришлось имѣть дѣло съ обезумѣвшей женщиной, не внимавшей никакимъ доводамъ и утѣшеніямъ. Однажды ему даже пришлось употребить физическую силу, для того чтобы не дать ей разбить голову объ стѣну... Всю ту ночь, долгую и печальную, онъ наблюдалъ за нею, не спуская глазъ и умоляя ее прійти въ себя и успокоиться. Наконецъ, онъ уже рѣшился было нарушить слово, данное имъ Маріи Моралесъ, и, бросившись на колѣни, обѣщалъ Эвелинѣ остаться ей вѣрнымъ до конца. Но она оттолкнула его... Начинался тусклый, сѣрый разсвѣтъ. Эвелина, рыдая, лежала на кровати; лицо ея было заплакано, губы дрожали, широко раскрытые глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ и прелестные волосы растрепались.

— Что мнѣ въ тебѣ, когда я знаю теперь, что ты любишь другую женщину?—говорила она сквозь слезы.—Ты предлагаешь насильно влачить цѣпи, ты станешь ненавидѣть меня и мы будемъ осуждены жить, какъ каторжники, на одной цѣпи... Ни за что! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Ты оскорбилъ, ты унизилъ меня. Все кончено...

Онъ стоялъ у ея кровати и повторялъ, что не можетъ видѣть ея отчаянія, что онъ готовъ всѣмъ пожертвовать, лишь бы успокоить ее. Но она оставалась непреклонной.

— Я не могу уже болѣе вѣрить тебѣ!—говорила ему Эвелина.—Я вовсе не желаю владѣть твоимъ тѣломъ, когда душа твоя будетъ съ другой... Нѣтъ! я докажу тебѣ, что могу жить и безъ тебя.

Послѣднія слова нѣсколько обрадовали его: онъ увидалъ, что Эвелина начинаетъ успокоиваться, — хотя, конечно, онъ зналъ, что то было ледяное спокойствіе отчаянія. И прежде, чѣмъ проснулся Кемберуэль-Гровъ, Эвелина уже настолько овладѣла собой, что могла выслушать его разсказъ о постигшемъ его искушеніи, о томъ, какъ любовь закралась ему въ

рдце. Она молча слушала, когда онъ заговорилъ объ ея дущемъ, стараясь нарисовать веселую картину ея новой изни—въ Англіи или за границей.

— Ты жертвовала своими удобствами, для того чтобы почь мнѣ разбогатѣть, и теперь ты имѣешь полное право разблить со мной мое состояніе. Ты не должна никогда нужться въ деньгахъ. Выбери себѣ мѣсто для жительства, гдѣ очешь, и устрой себѣ хорошенькій уголокъ.

— Я ничего не возьму отъ тебя, кромѣ самаго необходиаго!—возразила она.—Я поселюсь въ какомъ нибудь глуомъ мѣстечкѣ и буду жить одна или съ дочерью, какъ ты айдешь болѣе удобнымъ. Я прошу у тебя только одной миости. Увези меня изъ этого дома какъ можно скорѣе! Здѣсь была когда-то счастлива, — промолвила она, рыдая, и съ акимъ видомъ оглянула комнату, что сердце его при этомъ евольно сжалось.

— Если хочешь, я сегодня же увезу тебя во Францію!—озвался онъ. — Перемѣна воздуха и мѣста будетъ для тебя олезна. Ты слишкомъ долго жила здѣсь.

— Да! десять лѣтъ — немало времени! — съ тихимъ смѣомъ замѣтила Эвелина.

Въ тотъ же вечеръ онъ отправился съ ней въ Булонь и мъ устроилъ ее на Большой улицѣ на частной квартирѣ, ставивъ на издержки сто фунтовъ. Онъ былъ нѣженъ и внителенъ, сочувствую ей и заботясь объ ея будущемъ. Онъ молялъ ее считать его своимъ другомъ и всегда обращаться ь нему во всякой нуждѣ.

— Я поставлю мебель въ складъ и, когда ты изберешь ѣсто для жительства, я тебѣ доставлю ее!—сказалъ онъ.—ы покупала ее и, можетъ быть, пожелаешь взять себѣ. олько сообщи мнѣ: гдѣ будетъ твой новый домъ.

— Домъ!—какъ эхо, отозвалась она.

— Когда ты устроишься, тогда можешь взять къ себѣ Мерси!—замѣтилъ онъ.—Ребенку будетъ лучше жить у тебя.

— Да, лучше!.. Мерси... Да кто же эта Мерси? Надо же й дать какую нибудь фамилію. Какъ же называть ее?

— Ты очень жестока, Эвелина!.. Что за нужда до фаиліи!..

— Фамилія много значитъ!—проговорила она.—Я не была

бы теперь здѣсь и ты не бросилъ бы меня на чужбинѣ, если бы моя фамилія была Дальбрукъ. Но фамилія моя—не Дальбрукъ, и поэтому ты оставляешь меня здѣсь на произволъ судьбы...

XXIX.

Лордъ Черитонъ отослалъ въ кэбѣ своего лакея и багажъ въ Викторія-Стритъ, а самъ пѣшкомъ направился въ Ламбетъ. Идти было недалеко, и къ тому же ходьба могла нѣсколько утишить его душевное волненіе. Съ страннымъ чувствомъ шелъ онъ теперь къ той дѣвушкѣ, которую до сего времени зналъ лишь, какъ Мерси Портеръ, которая почти совсѣмъ чужой для него дожила до 27 лѣтъ и на которую онъ съ самаго ея дѣтства смотрѣлъ съ какимъ-то грустнымъ интересомъ. Упрямство и злопамятность ея матери создали отчужденіе между имъ и Мерси. Еслибы она согласилась жить съ дочерью гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, онъ относился бы къ дѣвушкѣ по отечески. Но Эвелина пожелала во что бы то ни стало жить съ дѣвочкой у воротъ его дома—въ виду его жены и дочери, и поэтому онъ, естественно, былъ вынужденъ скрывать свои чувства и играть роль патрона-благотворителя.

Теперь онъ имѣлъ основаніе думать, что Мерси узнала тайну своего рожденія. Ея отказъ принять отъ него помощь, по его мнѣнію, только и могъ быть объясненъ именно этою причиной. Дѣвушка узнала, что онъ—ея отецъ, и не захотѣла обязываться отцу, лишившему ее своей любви и своей фамиліи. Она, очевидно, такъ близко принимала къ сердцу несправедливость, причиненную ея матери, какъ будто эта несправедливость была оказана ей самой. И сердце его учащенно билось при мысли—очутиться передъ нею, передъ дочерью, передъ своимъ судьей.

Женщина, отворившая ему дверь, сказала, что мистриссъ Грей—дома и провела его во второй этажъ, въ заднюю часть дома.

— Она одна?—спросилъ лордъ Черитонъ.—Сегодня утромъ у нея никого не было?

— Нѣтъ, сэръ!—отвѣтила женщина.—За послѣдніе шесть мѣсяцевъ у нея никто не бывалъ, кромѣ мистриссъ Ньютонъ.

Значитъ, леди Черитонъ ошиблась,—подумалъ онъ. Мистрисъ съ Портеръ отправилась не'къ дочери. А что, если она не доѣхала до Лондона и съ первой же станціи возвратилась въ Прайори, чтобы,—какъ опасался Теодоръ Дальбрукъ,—совершить еще болѣе ужасное преступленіе? Отъ человѣка сумашедшаго всего можно было ожидать. Его утѣшала лишь та мысль, что Теодоръ теперь былъ въ Прайори насторожѣ, и онъ, конечно, позаботится о безопасности Джуаниты и ея ребенка.

Лордъ Черитонъ постучалъ, дверь отворилась и на порогѣ передъ нимъ явилась тѣнь—тѣнь той женщины, которую онъ видѣлъ въ послѣдній разъ въ полномъ цвѣтѣ юности, съ красивымъ сіяющимъ лицомъ, видѣлъ въ сельскомъ домикѣ, окруженномъ зеленью. Серьезные, грустные глаза смотрѣли на него...

Мерси попросила его войти, подвинула ему кресло и стала поодаль, ожидая, что̀ онъ заговоритъ. Онъ печальнымъ взглядомъ окинулъ маленькую, но чистую и свѣтлую комнатку, напоминавшую комнату въ швейцарскомъ шалэ или въ домѣ нормандскаго фермера. Бѣдность, по возможности скрашенная, виднѣлась на каждомъ шагу въ этомъ жалкомъ жилищѣ; по всему было видно, что хозяйка старалась съ маленькими своими средствами устроиться какъ можно приличнѣе и уютнѣе. Маленькая, плохенькая кровать была задернута бѣлой канифасовой занавѣской, такой же занавѣской былъ задернутъ и умывальный столъ. На каминѣ помѣщалась полка съ книгами, а фарфоровыя вещички, ярко расписанныя, нѣсколько скрашивали бѣлыя занавѣси и дешевые обои, покрывавшіе стѣны. Мерси сама меблировала эту комнату. На свои сбереженія она купила нѣсколько плетеныхъ креселъ и покрыла ихъ подушками своей работы. У стѣны стоялъ комодъ, надъ которымъ висѣло небольшое зеркало, а передъ кресломъ Мерси помѣщался красивый столикъ въ японскомъ вкусѣ. Эта комнатка съ единственнымъ окномъ, выходившимъ во дворъ, составляла единственный предметъ гордости Мерси. Зеркало, лакированный чайный подносъ, турецкія вазы и другія мелочи отличали эту комнату отъ обыкновенныхъ жилищъ рабочихъ женщинъ. Мерси сама мыла окно, подоконникъ и полъ, и всегда содержала свою комнату въ чистотѣ и

опрятности. Инстинктъ порядочной женщины проявлялся въ ней въ любви къ приличной обстановкѣ.

— Я надѣялся встрѣтить здѣсь вашу мать!—сказалъ ей лордъ Черитонъ.

— Почему? Я получила вашу телеграмму и, рѣшительно, не могла понять ее!—отозвалась Мерси.—Развѣ случилось что нибудь съ моею матерью?

— Она сегодня рано утромъ уѣхала изъ Черитона... совершенно неожиданно... И никто не знаетъ: зачѣмъ и куда она уѣхала... Я очень безпокоюсь за нее—и хотѣлъ бы отыскать...

— Зачѣмъ? Вѣдь она же умѣла сама о себѣ заботиться за послѣднія 20 лѣтъ. Вы не особенно интересовались ею за все это время. Почему же вы теперь такъ безпокоитесь о ней?

— Потому что я имѣю основаніе думать, что она несовсѣмъ здорова, что она — душевна больна... и я боюсь, чтобы не случилось какого нибудь несчастья.

— Помоги ей Боже!—поблѣднѣвъ, со вздохомъ проговорила Мерси.—Еслибы вы пораньше обратили на нее вниманіе, то было бы лучше...

— Что вы хотите сказать?—спросилъ ее лордъ Черитонъ.

— Я хочу сказать, что я еще дѣвочкой замѣтила въ ней признаки душевнаго разстройства! — отвѣчала Мерси.— Она была до того всецѣло погружена въ свое горе, что всѣ нѣжныя чувства въ ней замерли. Она никогда не любила меня, свое единственное дитя. Богъ видитъ, какъ я старалась снискать ея любовь, какъ любила ее... Вѣдь мнѣ было некого любить кромѣ нея... Горькое воспоминаніе стояло между нами преградой; я не могла добиться ея любви.

Лордъ Черитонъ молча смотрѣлъ въ окно на грязныя крыши и на закоптѣлыя трубы. Никогда еще въ жизни онъ не испытывалъ такого сильнаго смущенія, такого чувства стыда и униженія, какъ теперь, когда онъ стоялъ передъ этой непризнанной, отвергнутой дочерью, которая, при иныхъ лучшихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, благоговѣла бы передъ нимъ. А теперь вся его слава и его богатство были для него прахъ и пепелъ.

— Зачѣмъ вы, Мерси, живете въ этой каморкѣ? — спросилъ онъ.—Зачѣмъ вы осуждаете себя на то, чтобы смотрѣть

на эти грязныя крыши домовъ и на печныя трубы? Почему вы отказываетесь отъ моей помощи?

— Потому, что я не хочу ничего брать отъ васъ... ничего, ничего!

Она крѣпко сжала губы и спокойно, холодно, рѣшительно смотрѣла на него.

— Почему же вы такъ жестоки ко мнѣ?—продолжалъ лордъ Черитонъ.

— И вы еще спрашиваете „почему?..“—проговорила Мерси. — Вы, изъ милости, допустили меня жить у воротъ вашего дома; вы допустили меня жить съ больной женщиной, сердце которой умерло для любви. Съ покровительственнымъ видомъ, съ видомъ снисхожденія вы относились ко мнѣ, какъ будто къ существу другой расы, какъ къ паріи. Вы—мой отецъ, и вы ни разу не обняли меня, не приласкали, не назвали своею дочерью. При видѣ меня, вы только махали рукой, какъ уличной собачонкѣ... Вашъ пріятель обманулъ меня, воспользовавшись моею безпомощностью и одиночествомъ. Онъ зналъ, что у меня нѣтъ друзей, защитниковъ, что никто не заступится за меня... Еслибы вы иначе относились ко мнѣ, моя судьба была бы иная.

— Онъ былъ подлецъ... Ахъ, Мерси, еслибы вы знали, какъ я страдалъ за васъ!—воскликнулъ лордъ Черитонъ.—Я непремѣнно отомстилъ бы ему за васъ... но я долженъ былъ позаботиться о моей женѣ. Я не рѣшился дѣйствовать открыто на моемъ пути стояло чудовище, передъ которымъ иногда отступаютъ самые сильные люди... Я боялся огласки. Но кто же, Мерси, сказалъ вамъ... когда вы открыли мою тайну?

— *Онъ* сказалъ мнѣ... онъ меня упрекалъ прошлымъ моей матери! Вѣроятно, онъ какъ нибудь догадался. Онъ не представилъ мнѣ никакихъ доказательствъ, но я по инстинкту чувствовала, что онъ говорилъ правду. Жизнь и характеръ матери до той поры мнѣ казались загадочными, таинственными, но послѣ сдѣланнаго имъ открытія они явились мнѣ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

— Онъ сказалъ вамъ правду, Мерси!.. Ваша мать не пожелала жить нигдѣ, кромѣ Черитона, и тѣмъ сдѣлала меня чуждымъ для васъ. Еслибы она поселилась гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ—вдали отъ моей жены, отъ моей семьи, — я

могъ бы относиться къ вамъ по отечески. Я призналъ бы васъ своею дочерью, я видался бы съ вами отъ поры до времени, слѣдилъ бы за вашимъ образованіемъ, заботился бы о васъ... Но изъ-за ея упрямства мнѣ пришлось играть роль только вашего благодѣтеля.

— Неужели вы думаете, что ваши ласки осчастливили бы меня, еслибы я знала, какъ вы были несправедливы къ моей матери?—возразила Мерси.—По своей наивности, я дѣйствительно считала васъ нашимъ благодѣтелемъ, между тѣмъ какъ вы были виновникомъ всѣхъ нашихъ несчастій... Я видѣла, какъ моя мать съ каждымъ годомъ все больше и больше ожесточалась. Она разучилась улыбаться... Я не слыхала отъ нея ни одного ласковаго слова, ни разу съ материнской нѣжностью она не поцѣловала меня... И вы, поэтому, не должны удивляться, что, когда пришла пора любви — или *того*, что̀ мнѣ показалось любовью—я не устояла противъ искушенія. Никто, кромѣ *него*, не относился ко мнѣ такъ ласково и нѣжно. Только съ нимъ я узнала счастье. Положимъ, оно промелькнуло быстро... Это былъ солнечный лучъ! Только одинъ годъ во всю мою жизнь, міръ казался мнѣ прекрасенъ, и я находила, что сто̀итъ жить въ немъ. Да! Это былъ сонъ, чудесный сонъ... Но горько было мое пробужденье!

— Онъ былъ негодяй, Мерси! — сказалъ лордъ Черитонъ.—Вы были не первою его жертвой. Но я думалъ, что онъ съ годами остепенился, а иначе я никогда не рѣшился бы пригласить его къ себѣ въ домъ. Я былъ въ отчаяніи, когда услыхалъ о вашемъ несчастьѣ. Для вашего спасенія я пошелъ бы на все, за исключеніемъ открытаго скандала, пожертвовалъ бы всѣмъ, кромѣ своего общественнаго положенія и спокойствія моей жены. Еслибы дѣло шло только о васъ, то я могъ бы дѣйствовать, могъ бы признать васъ своею дочерью... Но я не могъ сказать своей женѣ: „Женщина, живущая у воротъ нашего парка, десять лѣтъ была для меня женой, ей слѣдовало бы быть на твоемъ мѣстѣ; я, еще не знавши тебя, обѣщалъ жениться на ней, и она вѣрила моимъ обѣщаніямъ!“ Я не могъ дѣйствовать открыто; у меня для того не хватало мужества. Но я дѣлалъ, что̀ могъ... Я тщетно старался найти васъ съ Трименомъ, и ничего не слыхалъ *о немъ до* тѣхъ поръ, пока не прочиталъ въ газетахъ, что

онъ убитъ въ Афганистанѣ... Онъ низко поступилъ съ вами, бѣдняжка!

— Онъ поступилъ со мной также, какъ большею частью поступаютъ мужчины въ такихъ случаяхъ! — замѣтила Мерси.—Онъ поступилъ со мной также, какъ вы — съ моею матерью. Я наскучила ему. Вся разница только въ томъ, что вы жили съ моею матерью десять лѣтъ, а онъ не выжилъ со мной и двухъ лѣтъ... Онъ увезъ меня на свою яхту и мы долго плавали,—тѣ дни и ночи, проведенные въ морѣ, теперь мнѣ кажутся волшебнымъ сномъ. Иногда, не долго, мы жили съ нимъ на берегу, въ какой нибудь рыбачьей деревнѣ, гдѣ никто изъ англичанъ не могъ встрѣтить насъ. Зиму мы провели у береговъ Алжира и Туниса. Смотря на голубое море, на голубое небо, я съ трудомъ вѣрила, что въ ту пору была зима. Мы съ полгода провели на греческихъ островахъ, побывали въ Константинополѣ, а оттуда отправились въ Неаполь. Въ Неаполѣ я заболѣла тифомъ и лежала въ каютѣ. Я долго оставалась безъ сознанія, была въ бреду. Когда же, наконецъ, я пришла въ сознаніе, полковника Тримена уже не было со мной. Въ первый же день моей болѣзни онъ исчезъ, оставивъ меня на попеченіи сестры милосердія и трехъ матросовъ. Онъ продалъ свою яхту, и она должна была перейти къ новому хозяину, лишь только я буду въ состояніи перебраться на берегъ. Онъ оставилъ мнѣ письмо, въ которомъ извѣщалъ, что положилъ для меня 50 фунтовъ у англійскихъ банкировъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ остаться на югѣ и пріискать мѣсто гувернантки въ какомъ нибудь итальянскомъ семействѣ. Онъ, по его словамъ, былъ вынужденъ отправиться въ Англію для устройства какихъ-то денежныхъ дѣлъ, но надѣялся возвратиться ко мнѣ со временемъ. Онъ даже не потрудился сообщить мнѣ свой адресъ. Онъ бросилъ меня больную, почти умирающую, на чужой сторонѣ, безъ друзей, безъ знакомыхъ.

Лордъ Черитонъ, молча, слушалъ грустный разсказъ Мерси. Это была старая обыкновенная исторія. Онъ не рѣшился вымолвить ни слова сочувствія, которое теперь могло бы показаться насмѣшкой со стороны отца, оставившаго безнаказаннымъ соблазнителя его дочери.

— Что же вы сдѣлали въ такихъ обстоятельствахъ?—спросилъ онъ послѣ непродолжительной паузы.

— Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я ходила изъ деревни въ деревню, живя также, какъ живутъ поселяне!—заговорила Мерси.—Я не послушалась совѣта полковника Тримена и не поступила въ гувернантки. Я не рѣшалась войти подъ чужимъ именемъ въ какое нибудь почтенное семейство. Я жила посреди крестьянъ и денегъ мнѣ достало надолго. Я всегда любила и прежде заниматься рукодѣльемъ, и поэтому теперь, оставляя Неаполь, я запаслась всѣми нужными матеріалами, и, сидя въ оливковой рощѣ или на морскомъ берегу, занималась, бывало, шитьемъ дѣтскаго бѣлья. Такъ, наконецъ, я добралась до Генуи, гдѣ и прожила въ мансардѣ всю зиму послѣ моей болѣзни. Я оставалась въ Италіи долѣе года... Прелесть моря и неба, роскошные дворцы, апельсинныя и оливковыя рощи и вообще весь блескъ южной природы заставляли страдать мое наболѣвшее сердце. Прелести южной природы были въ дисгармоніи съ моимъ тайнымъ, сердечнымъ горемъ, и я чувствовала, что мнѣ будетъ лучше подъ сѣрымъ небомъ, въ темныхъ улицахъ. Я пріѣхала въ Лондонъ, и вотъ поселилась здѣсь. Я не желаю ничего лучшаго; я не желаю перемѣнъ. У меня здѣсь нашелся другъ—единственный другъ въ мірѣ. Еслибы мать вспомнила обо мнѣ и пожелала меня видѣть, я пошла бы къ ней, но она и прежде никогда не желала меня видѣть, и я сомнѣваюсь, чтобы она когда нибудь позвала меня къ себѣ...

— Ваша мать, Мерси, самая несчастная женщина! — перебилъ ее лордъ Черитонъ. — Теперь, какъ я уже сказалъ вамъ, я ужасно безпокоюсь за нее. Я надѣялся было найти ее здѣсь.

— А теперь, когда вы не нашли ея у меня, что же вы будете дѣлать? Гдѣ вы станете искать ее? — спросила Мерси.

— Не знаю. Я совершенно сбитъ съ толку...—промолвилъ онъ.—Ни въ Лондонѣ и нигдѣ у нея нѣтъ друзей. Она ужь давно отрѣшилась отъ міра. Въ Черитонѣ къ ней относились съ почтеніемъ, но и тамъ друзей не было у нея. Да и какимъ образомъ могли явиться у нея друзья въ той средѣ, для которой вся ея жизнь была загадкой и тайной... Ахъ, Мерси!

Пожалѣйте меня, полюбите меня хоть немножко... Бремя грѣха для меня слишкомъ тяжело, непосильно.

Онъ опустился въ кресло, закрывъ лицо руками, и Мерси увидала, что этотъ сильный, могучій человѣкъ заплакалъ, какъ ребенокъ. Мерси, какъ женщина, не могла не тронуться его горемъ.

— Мнѣ жаль васъ...—вполголоса промолвила она. — Я была бы рада помочь вамъ. Но все таки я не могу забыть, что вы сдѣлали мою мать несчастною, что вы осудили ее на долгіе годы страданій. Я видѣла ея мученія, но не знала ихъ причины и не могла помочь ей. Горе ожесточило ее. Она была ко мнѣ сурова и холодна, она являлась скорѣе строгой хозяйкой, нежели матерью... Вы говорите, что она ушла—и никто не знаетъ, куда... Но что же я теперь могу сдѣлать для васъ и для нея?

Слезы какъ будто облегчили его. Онъ ласково посмотрѣлъ на Мерси и взялъ ее за руку.

— Сядьте, Мерси! Сядьте рядомъ со мной — и обсудимъ спокойно: что намъ дѣлать! — проговорилъ онъ.—У вашей матери, какъ я сказалъ, нѣтъ такихъ друзей, къ которымъ она могла бы пойти, за исключеніемъ развѣ миссъ Ньютонъ.

— Миссъ Ньютонъ! — перебила Мерси. — Да развѣ моя мать знакома съ миссъ Ньютонъ?

— Онѣ были знакомы много лѣтъ тому назадъ, но ваша мать едва ли пойдетъ къ ней.

— Моя мать знала миссъ Ньютонъ, моего единственнаго друга?

— Да! Но какъ вы познакомились съ ней? — спросилъ лордъ Черитонъ.

— Она сама отыскала меня. Миссъ Ньютонъ поставила цѣлью своей жизни утѣшать и ободрять всѣхъ забитыхъ и угнетенныхъ. Она узнала обо мнѣ отъ одной дѣвушки, живущей въ этомъ же домѣ, пришла и пригласила меня къ себѣ... И вотъ съ тѣхъ поръ она своей дружбой скрасила мою жизнь... Такъ вы увѣрены, что она уже давно знакома съ моею матерью?

— Да, онѣ познакомились лѣтъ тридцать тому назадъ, когда обѣ были молоды.

— Какъ это странно! — задумчиво промолвила Мерси.

— Такъ теперь вопросъ идетъ о томъ: у кого же ваша мать могла скрыться въ Лондонѣ? Я непремѣнно долженъ отыскать ее... Она теперь въ такомъ положеніи, что ее рѣшительно нельзя оставлять одну...

— Я ничѣмъ не могу помочь вамъ!—проговорила Мерси.— Я сдѣлаю все, что̀ вы мнѣ укажете... Но я почти ничего не знаю о жизни моей матери...

— Вы все узнаете, все!—съ жаромъ сказалъ лордъ Черитонъ.—Я передъ вами теперь, какъ преступникъ — передъ судьей. Я открою передъ вами свое сердце, какъ кающійся передъ духовникомъ, а затѣмъ, выслушавъ мою исповѣдь, вы, быть можетъ, пожалѣете меня,—вы увидите, что я и то уже слишкомъ жестоко наказанъ. Я пока ничего не буду говорить о васъ, о вашемъ будущемъ... Выслушавъ мою исповѣдь, вы сами рѣшите: не заслуживаю ли я того, чтобы вы отнеслись ко мнѣ, какъ къ отцу...

Мерси сидѣла, молча, поникнувъ головой на руки. Лордъ Черитонъ задумчиво смотрѣлъ на нее. Мерси была красивѣе матери; рѣзкій стрэнгвейскій типъ въ ней уже значительно смягчился... И онъ допустилъ расти этотъ прелестный цвѣтокъ у воротъ своего дома, какъ какую нибудь негодную сорную траву,—и допустилъ, чтобы нога прохожаго смяла, растоптала этотъ цвѣтокъ. Теперь на лицѣ Мерси были видны слѣды пережитыхъ страданій и по угламъ рта протянулись тѣ же характерныя линіи, какія замѣчались на лицѣ Эвелины Дэрси. Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, онъ съ чувствомъ поздняго раскаянія смотрѣлъ на Мерси. Она была его дочь; онъ былъ обязанъ охранять ее отъ житейскихъ бурь — а между тѣмъ допустилъ разразиться бурямъ надъ ея беззащитною головой... Если даже она когда нибудь и проститъ его, то самъ-то онъ никогда не проститъ себѣ!

Но теперь не эти грустныя думы о томъ: что̀ могло̀ бы быть и что стало, — тревожили его. Онъ безпокоился объ Эвелинѣ, боялся, чтобы съ ней не случилось несчастья или чтобы она не причинила кому нибудь бѣды. Онъ раздумывалъ о причинахъ, заставившихъ ее покинуть Черитонъ.

Можетъ быть, ея удаленіе было естественнымъ результатомъ его вчерашняго разговора съ ней, когда онъ показалъ ей пистолетъ и сказалъ, гдѣ его нашли. Они оба очень хо-

рошо знали этотъ пистолетъ. Этотъ пистолетъ и другой, парный къ нему, принадлежали Тому Дэрси и были заложены въ то время, когда она жила съ мужемъ въ Эссексъ-Стритѣ и финансы ихъ находились въ бѣдственномъ состояніи. Квитанція на эти пистолеты, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими квитанціями, осталась у нея... Впослѣдствіи, живя въ уединенномъ коттэджѣ, въ Кемберуэль - Гровѣ, и услыхавъ о шайкѣ мошенниковъ, появившейся въ ихъ околодкѣ, Эвелина выкупила револьверы и они постоянно лежали въ ящикѣ на столѣ возлѣ ея кровати. Никакой грабитель не напалъ на ихъ коттэджъ, и револьверы лежали безъ употребленія. Когда же онъ разошелся съ Эвелиной, эти револьверы вмѣстѣ съ прочими вещами были отправлены въ складъ на храненіе, и онъ совершенно позабылъ о нихъ. Онъ вспомнилъ о нихъ лишь тогда, какъ рабочій при рытьѣ колодца нашелъ этотъ пистолетъ. Тутъ онъ разомъ припомнилъ тотъ ящикъ съ пистолетами, что̀ стоялъ у кровати, припомнилъ и то обстоятельство, что пистолеты вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ м-ссъ Дэрси были впослѣдствіи отосланы въ Черитонъ. Безъ вѣдома Эвелины никто не могъ воспользоваться этимъ пистолетомъ. Если не сама она стрѣляла изъ пистолета, то во всякомъ случаѣ снабдила имъ убійцу и должна была знать этого человѣка.

Все это вчера онъ высказалъ ей, показавъ пистолетъ. Она, молча, угрюмо выслушала его, ничего не утверждая и не отрицая. Онъ не могъ добиться отъ нея положительнаго отвѣта; она отдѣлалась лишь нѣсколькими презрительными, уклончивыми возраженіями. Онъ оставилъ ее въ полномъ отчаяніи, предупредивъ, что обнаруженіе тайны теперь уже только вопросъ времени. Найденный пистолетъ можетъ навести полицію на настоящій слѣдъ и—звено за звеномъ—быстро свяжется вся цѣпь уликъ.

— Вы лучше сказали бы мнѣ всю правду—для того чтобы я былъ въ состояніи помочь вамъ!—сказалъ онъ ей.

Можетъ быть, она и исчезла вслѣдствіе его предостереженія, не пожелавъ воспользоваться его помощью. Уйти одной, таинственно исчезнуть, въ то время какъ подозрѣніе каждую минуту могло обратиться на нее, исчезнуть именно въ то время, когда ей не слѣдовало измѣнять своего обыч-

наго образа жизни, — все это вполнѣ соотвѣтствовало ея упрямому, взбалмошному нраву.

— Мнѣ пришла мысль...—вдругъ проговорилъ лордъ Черитонъ, слегка вздрогнувъ.—Прощайте, Мерси. Я вспомнилъ объ одномъ мѣстѣ, куда могла отправиться ваша мать,—это мѣсто связано для нея съ воспоминаніями прошлаго. Конечно, я, быть можетъ, и ошибаюсь... Но во всякомъ случаѣ, если я найду ее, вы придете къ ней, если она будетъ нуждаться въ вашихъ попеченіяхъ?

— Конечно, приду... и если у нея нѣтъ пристанища, я могу ее взять къ себѣ!—отозвалась Мерси. Я стану работать на нее.

— Зачѣмъ вы это говорите? Для чего вамъ работать на нее?—возразилъ лордъ Черитонъ.—Вѣдь вы же знаете, что она никогда не нуждалась въ деньгахъ. Она могла бы жить въ лучшемъ обществѣ, еслибы только захотѣла. Я дѣлалъ все, что могъ, для ея удобствъ.

— Да, я знаю, что у нея всегда были деньги!—согласилась Мерси.—Она нанимала для меня хорошихъ учителей, какъ будто бы была очень состоятельной женщиной. Я, бывало, удивлялась: какимъ образомъ она могла позволять себѣ такія значительныя издержки. Мы жили очень просто, жили почти какъ затворники, но деньги у нея находились на все. Наши платья, наша обстановка, книги—все, казалось, было гораздо выше нашего положенія. И я, бывало, спрашивала себя: кто жъ мы такія?.. Иногда меня спрашивали о моемъ прежнемъ домѣ, о моемъ дѣтствѣ, о томъ: гдѣ я жила до смерти отца? Я ничего не могла отвѣтить на эти вопросы... Я только помнила коттэджъ посреди полей, да женщину, съ которой жила, да ея дѣтей, игравшихъ со мной. Я ничего не помнила, кромѣ этого коттэджа, обширныхъ полей, проселковъ и изгородей... Наконецъ, однажды лѣтомъ мать пріѣхала ко мнѣ и увезла меня. Сначала мы ѣхали въ экипажѣ, потомъ по желѣзной дорогѣ, ѣхали довольно долго,—и вечеромъ я очутилась въ Черитонѣ. Вотъ все, что я помню о своемъ дѣтствѣ; я даже не знаю фамиліи той женщины, съ которой жила до семи лѣтъ, даже не знаю названія деревни, по сосѣдству съ которой находился нашъ коттэджъ...

— Съ вами дурно поступили, Мерси! Но въ томъ не я одинъ виноватъ...—промолвилъ лордъ Черитонъ.

Онъ не хотѣлъ разсказывать о томъ, что желалъ взять ее въ Миртовый коттэджъ, желалъ самъ воспитывать ее, но упрямство матери удалило отъ него дочь.

— Такъ вы придете, Мерси, когда я позову васъ?—спросилъ онъ.

— Да, приду!—отвѣтила она.

Онъ на прощанье пожалъ ея холодную руку, привлекъ къ себѣ на грудь и поцѣловалъ ея блѣдный лобъ. Такъ разстались они, отецъ и дочь,—дочь, въ первый разъ признанная отцомъ.

Выйдя отъ Мерси, лордъ Черитонъ взялъ первый же попавшійся ему кэбъ, и поѣхалъ въ Кемберуэль-Гровъ. Въ протекшія 20 лѣтъ, много перемѣнъ произошло въ тѣхъ мѣстахъ, но лордъ Черитонъ узналъ знакомыя улицы, по которымъ, въ былое время, онъ такъ часто ходилъ пѣшкомъ въ видахъ экономіи; онъ зналъ здѣсь каждую лавочную вывѣску, каждый закоулокъ. И прежде эти улицы казались ему жалкими и грязными, а теперь онѣ показались еще болѣе неприглядными. Здѣсь, „на Сюррейскомъ берегу“, онъ устроилъ свой земной Эдемъ именно въ виду того, что не разсчитывалъ здѣсь встрѣчаться съ собратьями по профессіи. Какому же адвокату вздумалось бы поселиться въ такомъ дальнемъ, глухомъ предмѣстьѣ, какъ Кемберуэль?.. Теперь онъ вспомнилъ, какъ, бывало, странствовалъ по этимъ улицамъ, какъ иногда въ весеннее утро доносилось до него съ рѣки свѣжее, влажное дыханіе вѣтерка; какъ на углахъ улицъ дѣвочки предлагали ему первыя расцвѣтшія фіалки. Онъ вспомнилъ, какъ Эвелина въ первый разъ намекнула ему на возможность покупки Черитона, и какъ онъ принялъ этотъ намекъ за пустую несбыточную мечту. Онъ помнитъ, какъ скопилъ первыя пять тысячъ фунтовъ и Эвелина говорила ему: „Мой отецъ уже старъ, онъ не проживетъ долго,—а послѣ его смерти имѣнье поступитъ въ продажу. Объ этомъ я не разъ слыхала отъ него“... Онъ тайкомъ отъ Эвелины съѣздилъ въ Черитонъ и осмотрѣлъ имѣнье: ему не хотѣлось брать съ собой Эвелину, потому что тамъ могли бы узнать дочь сквайра. Онъ возвратился въ Лондонъ, рѣшительно влюбленный въ

Черитонъ. Еще въ дѣтствѣ онъ представлялся ему раемъ—въ тѣ далекіе дни, когда онъ пѣшкомъ странствовалъ въ Сванэгъ и къ развалинамъ Корфъ-Кастля... Наконецъ, онъ накопилъ десять тысячъ фунтовъ, но и эти деньги оказывались еще незначительными въ сравненіи съ той суммой, которая требовалась для покупки имѣнья. Но теперь онъ уже увидалъ, что мечта его можетъ со временемъ осуществиться. Онъ усиленно работалъ, во всемъ себѣ отказывалъ, но зато въ воображеніи уже видѣлъ себя собственникомъ прекраснаго имѣнія, хозяиномъ благороднаго сѣраго дома, стоявшаго въ паркѣ и окруженнаго лѣсомъ, существовавшимъ уже цѣлыя столѣтія.

Вотъ онъ накопилъ 12, 15, 18 тысячъ и началъ строить съ Эвелиной планы на счетъ будущаго. Они говорили о томъ, какія комнаты займутъ, какъ омеблируютъ ихъ; разсуждали о томъ, какъ можно дешево, по случаю, накупить очень хорошія вещи въ Вардоръ-Стритѣ и въ Портлэндъ Родѣ,—о томъ, сколько слугъ они будутъ держать. На первое время они хотѣли экономно жить и не намѣревались держать много прислуги. При всѣхъ этихъ разговорахъ подразумѣвалось, конечно, что Томъ Дэрси, находившійся на ту пору въ Канадѣ, долженъ былъ скоро умереть. Развѣ же этотъ несчастный пьяница-забулдыга могъ прожить долго! Послѣ его смерти они повѣнчались бы, и Эвелина счастливою хозяйкой вступила бы въ свой родной домъ, въ домъ предковъ, которыми она такъ гордилась. Она жила этою мечтой; днемъ, оставаясь одна, она сосредоточивала всѣ свои помыслы на этой мечтѣ; ею грезила она по ночамъ. Въ то же время она рѣшилась не признавать дочь, родившуюся въ Миртовомъ коттэджѣ, и держать ее вдали отъ себя... Все это припомнилось лорду Черитону, когда онъ проѣзжалъ по Вальворть-Роду. Припомнилось ему и то грустное свиданіе ихъ въ Булони, когда онъ сообщилъ м-ссъ Дэрси, что сдѣлался владѣльцемъ Черитонъ-Чеса, купленнаго на женино приданое, и что онъ теперь велъ жизнь даже блестящѣе той, о какой они нѣкогда мечтали въ Миртовомъ коттэджѣ. Она молча выслушала его разсказъ, но было очевидно, что онъ поразилъ ее своимъ разсказомъ, какъ ударомъ ножа.

— Ну, поздравляю васъ!—проговорила она. Въ Черитонѣ,

значитъ, новый хозяинъ... а если хозяйка—не та женщина, тѣнь которой, бывало, мелькала въ моихъ мечтахъ, то мнѣ теперь до васъ дѣла нѣтъ... Вы очень счастливы въ своихъ дѣлахъ, очень... Да! Вы завладѣли тѣмъ имѣньемъ, которое вамъ такъ хотѣлось имѣть, и вдобавокъ получили молодую, красивую жену вмѣсто... поблекшей любовницы.

Она подняла глаза и съ такой тоской посмотрѣла на него, что онъ и до сего времени не можетъ забыть этого взгляда. Ему нечего было возражать. Смутившись и помолчавъ нѣсколько мгновеній, онъ спросилъ ее: гдѣ же она желаетъ поселиться? „Относительно денегъ не стѣсняйтесь!—говорилъ онъ.—Я желаю какъ можно удобнѣе устроить васъ и Мерси!

— Я желаю жить только въ одномъ мѣстѣ,—въ Черитонъ-Чесѣ!—отозвалась она.

Онъ съ грустной улыбкой замѣтилъ, что Черитонъ — единственное мѣсто, гдѣ ей невозможно жить.

— Возможно!—настаивала Эвелина. — Неужели вы думаете, что я захочу разыгрывать леди или стану говорить людямъ, что я—Эвелина Стрэнгвей. Я только хочу жить въ томъ уголкѣ, который мнѣ издавна дорогъ и милъ... и хочу изрѣдка видѣть васъ, когда вы будете проѣзжать мимо моихъ оконъ. Тамъ есть западный коттеджъ—очень живописный, старинный домикъ. Онъ мнѣ очень нравился, когда я была еще дѣвочкой. Иногда съ Салли Ньютонъ я устраивала тамъ пикники, когда бывала въ разладѣ съ отцомъ. Кто теперь живетъ въ этомъ коттэджѣ?

— Одинъ изъ моихъ садовниковъ!—отвѣтилъ онъ.

— Такъ выселите его и отдайте мнѣ этотъ коттэджъ.

Онъ заговорилъ о томъ, что для нея будетъ унизительно жить у воротъ, въ роли привратницы, ей—дочери бывшаго сквайра.

— Не говорите мнѣ объ униженіи!—съ горечью возразила она.—Для меня не будетъ никакого униженія жить у вашихъ воротъ... вѣдь мы же теперь посторонніе другъ для друга. Мое униженіе осталось въ прошломъ. Теперь я—ничтожество, женщина безъ имени, безъ рода—безъ племени...

— Но если васъ тамъ узнаютъ?—возражалъ онъ.

— Кто жъ меня тамъ узнаетъ? Неужели вы думаете, что

въ моемъ лицѣ сохранилась хоть одна черта, напоминающая шестнадцатилѣтнюю Эвелину Стрэнгвей?

Вспомнивъ ея портретъ, висѣвшій въ Черитонѣ, онъ, дѣйствительно, долженъ былъ сознаться, что Эвелина сильно измѣнилась. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, прошедшихъ со дня ихъ разлуки, она постарѣла на нѣсколько лѣтъ.

— А если мужъ васъ найдетъ тамъ?—спросилъ онъ.

— Едва ли! Онъ не станетъ искать меня тамъ, да и сомнительно, чтобы онъ когда нибудь возвратился въ Англію.

— Но почему же вамъ вздумалось жить именно въ Черитонѣ?

— Почему?—отозвалась она.—Потому, что я постоянно думала и мечтала объ этомъ мѣстѣ, потому что всегда любила его и люблю, и никакое другое мѣсто на землѣ не интересуетъ меня. Я не забочусь о томъ: какъ буду тамъ жить. Прежней гордости во мнѣ не осталось... Гордость, чувство собственнаго достоинства, уваженіе къ себѣ — все давно уже умерло во мнѣ. Я буду довольна, если вы позволите мнѣ прозябать въ томъ коттэджѣ и... если вы желаете, возьму къ себѣ и Мерси. Я буду мистриссъ Джонсъ или мистриссъ Броунъ,—и почему же у мистриссъ Джонсъ или Броунъ не быть дочери?..

Эвелина была такъ настойчива, такъ рѣшительна, что онъ, наконецъ, долженъ былъ уступить. Онъ омеблировалъ коттэджъ такъ тщательно, съ такимъ вкусомъ, какъ будто устраивалъ его для себя, и открылъ счетъ для мистриссъ Портеръ въ Дорчестерскомъ банкѣ. Въ теченіе тѣхъ долгихъ лѣтъ, когда Эвелина жила въ коттэджѣ у западныхъ воротъ, лордъ Черитонъ рѣдко видался съ нею.

Леди Черитонъ заинтересовалась было этой одинокой женщиной, поселившейся у западныхъ воротъ парка, и хотѣла сблизиться съ нею, но мужъ воспротивился ея слишкомъ короткому знакомству съ привратницей на томъ основаніи, что мистриссъ Портеръ, по его словамъ, была женщина очень страннаго характера, мнительна, щекотлива и горда, что поэтому лучше было оставить ее въ покоѣ. Марія, обожавшая мужа и привыкшая во всемъ повиноваться ему, и на этотъ разъ покорилась безпрекословно. Но впослѣдствіи, когда Мерси подросла и стала уже

учиться, мягкосердечная леди Черитонъ полюбила дѣвочку, стала интересоваться ея успѣхами, и случилось такъ, что—хотя мистриссъ Портеръ ни разу не переступила черезъ порогъ Черитонскаго дома—дочь ея стала посѣщать семейство лорда. Леди Черитонъ и маленькая Джуанита очаровали Мерси...

— Вѣроятно, мать хочетъ сдѣлать изъ Мерси гувернантку!—говорила леди Черитонъ мужу.—Мнѣ такъ жаль смотрѣть на эту дѣвочку. Она кажется иногда такою усталою и такъ всегда заботится о своихъ урокахъ. Нѣтъ! пусть Джуанита никогда не утомляется такъ надъ занятіями.

Лордъ Черитонъ все вспомнилъ теперь... Мистриссъ Портеръ видѣла изъ оконъ своего коттэджа погребальныя дроги, отвозившія на кладбище тѣла его двухъ сыновей; она видѣла ихъ маленькіе гробы, усыпанные бѣлыми цвѣтами, и, конечно, догадывалась о глубинѣ его отчаянія... Она жила въ коттэджѣ у западныхъ воротъ всѣ эти годы, не выказывая ни гнѣва, ни ревности, ни мстительнаго чувства. Онъ думалъ, что она, дѣйствительно, довольна своею жизнью, что горе ея мало по малу смягчилось. Сначала онъ опасался, чтобы она не устроила ему какой нибудь сцены, чтобы не очернила въ глазахъ жены или друзей, уваженіемъ которыхъ онъ дорожилъ, но съ теченіемъ времени онъ успокоился, страхи его разсѣялись, и онъ вовсе пересталъ думать о мрачной, угрюмой женщинѣ, пріютившейся у его воротъ... Только теперь онъ узналъ, что она все это время не забывала о нанесенномъ ей оскорбленіи и втайнѣ думала о мщеніи, постоянно вспоминая объ утраченной любви, о погибшихъ мечтахъ и надеждахъ и страдая при этихъ горькихъ воспоминаніяхъ. Можно ли послѣ того удивляться, что разсудокъ ея, наконецъ, помрачился,—и она, при видѣ молодыхъ новобрачныхъ, счастливыхъ и любящихъ, отважилась на преступленіе? Богъ вѣсть, что она пережила и вытерпѣла, прежде чѣмъ схватилась за пистолетъ...

Кэбъ повернулъ въ Кемберуэль-Гровъ. Тутъ лорду Черитону пришло въ голову, что едва ли Эвелина направится въ Миртовый коттэджъ или будетъ бродить по сосѣдству съ нимъ. Коттэджъ, по всему вѣроятію, занятъ,—и если даже Эвелина приходила сюда, то давно уже могла уйти куда-нибудь.

будь отсюда... Догадка его казалась несбыточною. А все таки ему думалось, что Эвелина, при ея настоящемъ душевномъ разстройствѣ, невольно обратится къ прошлому и прежде всего ее потянетъ къ тому дому, въ которомъ она такъ долго жила...

XXX.

Коттэджъ сдавался ваймы, что̀ можно было видѣть изъ объявленія.

Лордъ Черитонъ отворилъ знакомую калитку, причемъ самый скрипъ калитки напомнилъ ему давнишнее прошлое, отъ котораго въ настоящее время не осталось ничего, кромѣ горя. Съ грустью посмотрѣлъ онъ на жалкій заброшенный садъ, освѣщенный яркимъ солнцемъ, и на поросшую мохомъ и травой песчаную дорожку, которую онъ съ Эвелиной, бывало, такъ тщательно расчищалъ... Онъ вошелъ на знакомое крыльцо, увитое ползучими растеніями, и позвонилъ. Очевидно, въ коттэджѣ кто-то временно жилъ, потому что, лишь только раздался звонокъ, въ коридорѣ послышались шаги и дѣтскій говоръ. Какая-то женщина съ ребенкомъ на рукахъ отворила дверь.

— Не приходила ли сюда сегодня утромъ одна леди?— спросилъ онъ женщину.

— Да, сэръ!—отвѣтила та.—Леди и теперь еще здѣсь... Она сидитъ въ гостинной.—Вы, вѣроятно, ея знакомый... Мнѣ кажется, эта леди не въ полномъ разсудкѣ. Мой мужъ не возвращается домой раньше вечера, и я ужасно боялась оставаться съ ней одна съ дѣтьми...

— Да, я—ея знакомый и пришелъ за ней!—сказалъ лордъ Черитонъ.

Затѣмъ онъ прошелъ въ гостинную, небольшую комнату, которая въ былые дни представляла очень хорошенькій, уютный уголокъ, напоминавшій собой картинку въ голландскомъ вкусѣ. Теперь же она стояла въ запустѣньѣ. Изъ мебели здѣсь находились только какой-то жалкій столъ да два дрянныхъ поломанныхъ стула. Въ углахъ висѣла паутина, полы были грязны, передъ нетопленнымъ каминомъ валялась грязная подстилка...

Мистриссъ Портеръ сидѣла у стола, облокотившись на руки и склонивъ на нихъ голову. Она не замѣтила лорда Черитона, пока онъ близко не подошелъ къ ней. Сначала она въ смущеніи взглянула, а потомъ спокойно улыбнулась, и лицо ея просвѣтлѣло.

— Ты сегодня возвратился ранѣе обыкновеннаго, Джемсъ,— промолвила она, протягивая руку.

Онъ взялъ ея сухую и горячую руку. Это была рука убійцы, но въ то же время рука его жертвы,—и онъ не могъ оттолкнуть ее.

— Ты, значитъ, на сегодня кончилъ свою работу?—спросила она.—Я боюсь, что обѣдъ будетъ еще не скоро готовъ... и комнаты не прибраны! Я, право, не понимаю: что̀ такое случилось съ этими комнатами...—говорила она, растерянно оглядываясь по сторонамъ.—Прислуга такая несносная...

Она провела рукой по лбу и какъ-то безпомощно посмотрѣла на него.

— Вы больны, Эвелина!—ласково сказалъ онъ.

Черезъ 20 лѣтъ онъ опять назвалъ ее тѣмъ именемъ, которымъ такъ часто называлъ ее, живя съ нею въ этомъ домѣ. Даже самая атмосфера комнатъ напомнила ему ихъ старую связь — и заставила его позабыть все случившееся въ Дорсетширѣ.

— Нѣтъ, у меня только болитъ голова!—отозвалась мистриссъ Портеръ.—Я сейчасъ же примусь за работу и все приведу въ порядокъ. Только я не вижу Мери... я не могу обойтись безъ нея. Эта женщина мнѣ не нравится... И куда она дѣвала нашу мебель? Вѣроятно, она собралась чистить комнаты и вынесла всю мебель вонъ...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее, спрашивая себя: дѣйствительно ли она больна, или только притворяется, раскаявшись въ томъ, что созналась въ совершонномъ ею преступленіи. Но нѣтъ! она, дѣйствительно, была больна... Ея мутный взглядъ, расширенные зрачки глазъ, безсмысленные жесты, дрожащія губы—однимъ словомъ, все въ ней говорило о ненормальномъ состояніи ея умственныхъ способностей. И онъ сказалъ себѣ, что сумашествіе ея должно быть удостовѣрено прежде, чѣмъ раскроется ея преступленіе.

— Не безпокойтесь!—говорилъ онъ ей.—Я сейчасъ же

доставлю сюда мебель и достану для васъ прислугу. Вы только подождите здѣсь, пока я обдѣлаю два-три дѣла.

— Хорошо, я подожду! Только ты, пожалуйста, не долго... Со вчерашняго дня, кажется, прошло такъ много времени...— промолвила она, оглядывая комнату.—И все здѣсь такъ странно измѣнилось... Такъ, пожалуйста, возвращайся скорѣе, если ужь тебѣ необходимо идти!

Онъ обѣщалъ возвратиться черезъ полчаса и затѣмъ ушелъ поговорить съ женщиной, отворявшей ему дверь.

— Когда она пришла сюда?—спросилъ лордъ Черитонъ.

— Она пришла въ обѣденное время... такъ, около половины перваго!—отвѣчала женщина.—Я думала, что она собирается нанять домъ и хочетъ осмотрѣть его, и поэтому, не говоря ни слова, показала ей всѣ комнаты. Сначала я не замѣтила въ ней ничего особеннаго, никакихъ странностей. Она была только задумчива и, казалось, размышляла о томъ, годится ли для нея этотъ коттэджъ. Она очень долго осматривала комнаты и садъ; наконецъ, ушла въ гостинную и сѣла у стола. Я сказала ей, что попросила бы ее уйти, такъ какъ мнѣ некогда, нужно стирать. На это она возразила мнѣ, что прежде жила въ этомъ домѣ, что я могу уходить и заняться своимъ дѣломъ. Она при этомъ такъ посмотрѣла на меня, что я не рѣшилась противорѣчить ей. Она говорила со мной мягко, деликатно, какъ настоящая леди, но тутъ я со страхомъ замѣтила, что голова у нея не въ порядкѣ. Я боялась, чтобы на нее не нашло бѣшенство... Вѣдь я въ домѣ — одна съ ребятишками. Я не посмѣла больше тревожить ее и ушла стирать. Ужь какъ я обрадовалась, сэръ, когда вы пришли!

— Я схожу въ почтовую контору... Мнѣ нужно послать нѣсколько телеграммъ, а вы, пожалуйста, присмотрите, чтобы больная не ушла изъ дому въ мое отсутствіе!—сказалъ лордъ Черитонъ, вручивъ женщинѣ соверенъ.

— Очень благодарна вамъ, сэръ!—отозвалась та.—Ваше приказаніе будетъ исполнено. Мнѣ право, сэръ, отъ души жаль эту несчастную леди.

— Не можете ли вы уступить мнѣ этотъ домъ на сегодня...а—если можно—и на ночь, въ томъ случаѣ, если я не *успѣю перевезти* ее отсюда вечеромъ?

— Конечно, сэръ! Домъ—къ вашимъ услугамъ... располагайтесь въ немъ, насколько времени вамъ угодно... Я не думаю, чтобы скоро нашелся жилецъ.

— Отлично. Такъ я пришлю сюда кое-какую мебель... надо устроить ее поудобнѣе на это время... А когда я возвращусь, вы дайте ей поѣсть и приготовьте чай!

— Слушаю, сэръ! Я надѣюсь, вы проходите не долго... Я все таки боюсь, какъ бы съ ней не сдѣлался припадокъ бѣшенства.

— Нѣтъ, не безпокойтесь! Съ ней такихъ припадковъ не бываетъ.

— Очень рада, что она спокойна... Наружность иногда бываетъ обманчива, особенно у душевно больныхъ.

Лордъ Черитонъ зашелъ въ первую попавшуюся ему мебельную лавку и взялъ напрокатъ столъ, удобную кушетку, пару креселъ, небольшой коверъ и нѣсколько подушекъ и одѣялъ— на тотъ случай, если мистриссъ Портеръ придется пробыть нѣсколько времени въ Миртовомъ коттэджѣ. Затѣмъ онъ отправился въ почтовую контору и телеграфировалъ въ Ламбетъ, Маріаннѣ Грей: „Ваша мать—въ Кемберуэль-Гровѣ, въ Миртовомъ коттэджѣ, и очень больна. Пріѣзжайте къ ней немедленно. Черитонъ“. Другая телеграмма была адресована доктору Менвэрингу, Випбекъ - Стритъ: „Пріѣзжайте какъ можно скорѣе въ Кемберуэль, въ Миртовый коттэджъ, и пришлите по тому же адресу опытную сидѣлку, умѣющую ухаживать за душевно больными. Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ по очень важному дѣлу“. Третья телеграмма была послана доктору Вильмату, также его старому знакомому, а четвертая— въ Прайори, Теодору Дальбруку: „Мистриссъ Портеръ — въ Лондонѣ, на моемъ попеченіи. Теперь вамъ нечего болѣе опасаться“.

Черезъ полчаса онъ возвратился въ Миртовый коттэджъ— въ то время какъ туда принесли мебель. Жена полисмена съ ребятами перебралась въ кухню; принесенную мебель разставили въ столовой — и придали комнатѣ жилой видъ. Возвратившись въ гостинную, лордъ Черитонъ засталъ мистриссъ Портеръ у окна.

— Я никогда не замѣчала, что этотъ вязъ такой большой!—

задумчиво шептала она, смотря въ окно на старое, покрывшееся дерево.

— Столовая теперь въ порядкѣ!—сказалъ ей лордъ Черитонъ. — Не хотите ли пойти туда, пока приготовятъ чай?

— Да, Джемсъ! — тихо промолвила она почти тѣмъ же тономъ голоса, какой онъ слыхалъ 20 лѣтъ тому назадъ. — Разскажи мнѣ: что ты сегодня дѣлалъ?

Она, бывало, всегда спрашивала объ этомъ по возвращеніи его изъ суда. Она, обыкновенно, всегда читала въ газетахъ отчеты объ его рѣчахъ и вообще горячо интересовалась всѣмъ, что касалось его успѣховъ. И теперь въ ея обращеніи было такъ много знакомаго, стараго, напоминавшаго о давнемъ прошломъ, что сердце его невольно забилось. Онъ не рѣшался разомъ разсѣять ея иллюзій.

Мистриссъ Портеръ пошла за нимъ въ столовую и, усѣвшись тамъ у стола, противъ него, тихо промолвила:

- Ну, разсказывай же: что было сегодня въ судѣ? Было ли что нибудь интересное? Большое ли дѣло было сегодня у тебя на рукахъ?.. Я что-то не помню... забыла...

— Эвелина!—Я послалъ за вашей дочерью... — сказалъ онъ, надѣясь такимъ оборотомъ разговора возвратить ее мало по малу къ сознанію дѣйствительности. — Я думаю, что она скоро уже будетъ здѣсь. Я надѣюсь: вы ласково примите ее!

— Зачѣмъ ты послалъ за ней?—съ безпокойствомъ вскричала она. — Ей тамъ — очень хорошо... она довольна и счастлива. Мамка писала мнѣ объ этомъ въ послѣднемъ письмѣ. Я не могу держать ее здѣсь. Вѣдь ты знаешь, Джемсъ, что люди сейчасъ начнутъ болтать всякій вздоръ...

— Эвелина! Наша дочь теперь уже не дѣвочка, а взрослая женщина... и она несчастна!—проговорилъ лордъ Черитонъ.—Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы полюбили ее...

— Нѣтъ! я не могу любить! — вскричала она измѣнившимся голосомъ, и вдругъ страшно поблѣднѣла.—У меня нѣтъ сердца... Вы разбили мое сердце! Мое сердце умерло уже двадцать лѣтъ тому назадъ... Да, да, Джемсъ Дальбрукъ! Вотъ здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, вы разбили мое бѣдное сердце... Господи!.. Я грезила. Мнѣ представилось, что я снова живу въ моемъ старомъ домѣ и вы пришли ко мнѣ, какъ приходили, бывало, въ то время, когда вы еще не нарушили сво-

его обѣщанія и не бросили меня, ради того чтобы жениться на богатой, молодой женщинѣ... Нѣтъ у меня сердца! Теперь вмѣсто сердца у меня—скорпіонъ. Неужели вы думаете, что—еслибы у меня было сердце—я могла бы убить *его*... человѣка, не оскорбившаго меня ни единымъ словомъ? Мысль о вашей дочери довела меня до бѣшенства, до безумія... мысль объ ея счастіи,—веселый звонъ колоколовъ, видъ флаговъ и гирляндъ,—въ то время, когда моя дочь скиталась отверженною, а я, вмѣсто того чтобы быть вашей женой и счастливой матерью семейства, жила въ уединенномъ коттэджѣ, одинокая, никѣмъ не любимая, всѣми забытая, жила привратницей на той землѣ, которою владѣли мои предки нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Я вмѣстѣ съ вами лелѣяла одну дорогую, завѣтную мечту, а вы осуществили эту мечту только для одного себя, меня участницей не сдѣлали... О, какъ все это было жестоко съ вашей стороны!.. Меня мучила безсонница; въ мѣсячныя ночи, бывало, до самаго разсвѣта бродила я по парку и все думала, думала... наконецъ, разсудокъ мой сталъ мутиться. Тутъ я какъ-то вспомнила о пистолетахъ Тома Дэрси, взяла одинъ изъ нихъ и ходила съ нимъ по ночамъ. Я еще сама не знала: зачѣмъ брала съ собой пистолетъ... Наконецъ, я почувствовала какую-то дикую потребность убить кого нибудь. Однажды въ паркѣ я прицѣлилась въ оленя, но животное такъ жалобно посмотрѣло на меня, что я—вмѣсто того чтобы убить оленя—поласкала его. Потомъ я стала бродить около дома... и вотъ однажды въ ярко освѣщенной комнатѣ увидала двухъ *новобрачныхъ* — двухъ счастливыхъ, наслаждавшихся блаженствомъ медоваго мѣсяца. Я увидѣла, Джемсъ, вашу дочь—сіяющую, счастливую, гордую... И тутъ мнѣ пришла въ голову мысль сдѣлать ее вдовой, разбить ей сердце, превратить въ прахъ ея гордость и счастье...

— Дьявольскій замыселъ!—проговорилъ лордъ Черитонъ.

— Три дня и три ночи эта мысль не выходила у меня изъ головы!—продолжала мистриссъ Портеръ.—Богъ знаетъ, какъ я жила это время... Удивляюсь, какъ люди, видавшіе меня въ ту пору, не примѣтили по моему лицу, что я готова совершить убійство. Я только ждала случая, и когда удобный случай представился, рука моя не дрогнула! Черитонскіе ста-

рожилы и теперь еще вамъ скажутъ, что Эвелина Стрэнгвей отлично стрѣляла, стрѣляла лучше братьевъ. Моя рука не разучилась владѣть пистолетомъ, — и вотъ ваша дочь черезъ три недѣли послѣ брака овдовѣла. Хотя ея счастье было короче моего, но она все таки была счастливѣе меня... Я была ея злымъ рокомъ... Я была Немезидой! Да!.. грѣхи отцовъ взыщутся на дѣтяхъ... Такъ сказано въ писаніи!—прошептала она, откидываясь на спинку кресла и закрывая лицо руками.

Послѣ такого признанія, лордъ Черитонъ не могъ оставаться долѣе съ ней. Она совершенно послѣдовательно разсказывала о своемъ преступленіи... Ему даже казалось, что она какъ будто бы наслаждалась содѣяннымъ ею зломъ; она, какъ будто бы,—еслибы представилась возможность,—вновь совершила бы такое же преступленіе. Казалось, злой духъ обуялъ ее... Лордъ Черитонъ вышелъ въ коридоръ и, попросивъ жену полисмена присмотрѣть за больной, удалился въ гостинную и принялся ходить по ней взадъ и впередъ въ ожиданіи докторовъ. Какъ-то они выскажутся о состояніи ея умственныхъ способностей? Теперь она говорила вполнѣ сознательно. Временное помѣшательство прошло безслѣдно. Судя по теперешнему ея положенію, ее слѣдовало счесть преступницей, заслуживающей самой строгой кары закона.

Но тотъ, кто зналъ ея исторію за послѣднія 20 лѣтъ, кто зналъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ этой гордой, чувствительной женщинѣ, тотъ не могъ ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что умственныя способности ея уже давно были невполнѣ нормальны. Онъ съ безпокойствомъ ожидалъ приговора докторовъ, ибо единственное спасеніе для несчастной грѣшницы видѣлъ въ томъ, чтобы помѣстить ее въ пріютъ для душевно-больныхъ... Находка пистолета неминуемо послужитъ темой для разговоровъ въ Черитонѣ, и весьма возможно, что подозрѣніе, наконецъ, падетъ на настоящаго виновника преступленія. Онъ во что бы то ни стало долженъ скрыть эту женщину: вѣдь онъ никогда не могъ забыть того, что ея жизнь и счастье разрушены имъ...

Первымъ прибылъ докторъ Менвэрингъ. Это былъ человѣкъ очень умный, образованный, съ любовью занимавшійся тою же профессіей, которой посвятили свою жизнь его отецъ

и дѣдъ. Онъ часто встрѣчался въ Лондонѣ съ лордомъ Черитономъ, посѣщалъ его въ провинціи, и вообще они были такъ дружны, какъ могутъ быть дружны дѣловые свѣтскіе люди. Его очень удивило неожиданное приглашеніе въ такую мѣстность, какъ Кемберуэль-Гровъ, но, какъ человѣкъ тактичный, онъ ничѣмъ не выдалъ своего изумленія и совершенно спокойно выслушалъ предварительныя объясненія лорда Черитона.

— Я не могу много сказать вамъ, пока вы сами не увидите больную...—говорилъ ему лордъ Черитонъ.—Если вы и Вильмотъ найдете, что ее нужно отдать подъ врачебный надзоръ, то я желалъ бы немедленно помѣстить къ вамъ, въ Чешунтъ. Я увѣренъ, что въ вашемъ пріютѣ ей было бы всего лучше, и конечно, въ этомъ случаѣ я могу разсчитывать на вашу доброту.

— Будьте увѣрены, дорогой мой Черитонъ, что я сдѣлаю все, отъ меня зависящее, для того лица, въ которомъ вы принимаете участіе. Но и помимо того, какъ вы сами знаете, каждый больной субъектъ интересуетъ меня... Не подвержена ли ваша больная припадкамъ бѣшенства?

— Нѣтъ, она очень спокойна.

— И нѣтъ у нея маніи самоубійства?—спрашивалъ докторъ Менвэрингъ.

— До сего времени ничего подобнаго не замѣчалось въ ней. Сегодня утромъ она очень страннымъ, неожиданнымъ образомъ уѣхала изъ дому... и затѣмъ еще нѣкоторыя обстоятельства встревожили меня.

— Не было ли у нея какихъ нибудь иллюзій?

— Вотъ именно подъ вліяніемъ иллюзіи она и пришла въ этотъ пустой домъ! Она здѣсь жила много лѣтъ тому назадъ, и тецерь, разговаривая съ ней, я увидалъ, что она вообразила себя молодой женщиной, — громадный промежутокъ времени какъ бы исчезъ для нея.

— Она была больна въ послѣднее время?

— Сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ!

— Ну, кажется, насчетъ ея теперешняго состоянія сомнѣній быть не можетъ... Вы пойдете со мной? Она не такъ встревожится, если увидитъ меня вмѣстѣ съ вами... Ахъ, да! Сидѣлка, о которой вы просили, скоро будетъ здѣсь.

— Вотъ это хорошо...

Лордъ Черитонъ и докторъ вошли въ ту комнату, гдѣ мистриссъ Портеръ сидѣла у окна, смотря на вьющіяся растенія, свѣшивавшіяся съ крыши веранды. Заглохшій, запущенный садъ казался очень печальнымъ подъ дымнымъ лондонскимъ небомъ... Мистриссъ Портеръ быстро оглянулась, заслышавъ шаги, и поднялась съ кресла.

— Кто это?—спросила она, обращаясь къ лорду Черитону.—Вы хотите отправить меня въ тюрьму? Вы не потеряли времени напрасно.

— Этотъ джентльменъ — мой старый...—отвѣчалъ лордъ Черитонъ.—Онъ принимаетъ въ васъ участіе, хочетъ помочь вамъ...

— Вы лучше оставьте насъ однихъ!—замѣтилъ ему д-ръ Менвэрингъ.

Лордъ Черитонъ молча ушелъ изъ комнаты и сталъ бродить по передней, съ сильной тревогой прислушиваясь къ смутному говору, раздававшемуся въ столовой. Собесѣдники не возвышали голоса. „Мистриссъ Портеръ, очевидно, не волнуется“, раздумывалъ лордъ Черитонъ въ ожиданіи результатовъ разговора. Въ ту минуту раздался звонокъ, и лордъ Черитонъ поспѣшилъ отпереть дверь вновь прибывшему. Это, оказалось, былъ мистеръ Вильмотъ,—другой врачъ, также старый знакомый лорда Черитона. Этотъ докторъ былъ человѣкъ живой, веселый, которому было приличнѣе присутствовать на свадьбахъ, чѣмъ на похоронахъ, для котораго было пріятнѣе прописывать дистиллированную воду съ сахаромъ, чѣмъ находиться у постели умирающаго. Менвэрингъ, заслышавъ голоса, вышелъ въ переднюю.

— А, Вильмотъ! Какъ поживаете?—сказалъ онъ.—Вамъ будетъ мало хлопотъ съ этой бѣдняжкой. Ступайте, поговорите съ ней, а мы съ Черитономъ той порой пройдемся по саду!

Онъ отворилъ дверь; докторъ Вильмотъ, весело улыбаясь, вошелъ въ столовую и мягкимъ тономъ заговорилъ:

— Дорогая леди! Мой пріятель, Менвэрингъ, предложилъ мнѣ немного поболтать съ вами, пока онъ и лордъ Черитонъ пройдутся по саду. Очень хорошенькій садъ, честное слово! особенно для лондонскаго предмѣстья. Даже трудно въ наше время найти подъ Лондономъ такой укромный уголокъ... А

каковъ у васъ пульсъ? Позвольте вашу руку... Такъ! Благодарю. Пульсъ немного ускоренный...

— Къ чему всѣ эти подходы?—съ раздраженіемъ вскричала мистриссъ Портеръ. — Я не больна. Вы—докторъ или переодѣтый полисменъ? Если вы хотите вести меня въ тюрьму, то я готова идти за вами. Я пріѣхала въ Лондонъ нарочно для того, чтобы предать себя въ руки правосудія. Вамъ не нужно говорить обиняками. Я готова!

„Больна! совсѣмъ больна!“—подумалъ докторъ Вильмотъ, испытующимъ взглядомъ смотря на нее.

Между тѣмъ, лордъ Черитонъ и докторъ Менвэрингъ медленно ходили по заросшей мохомъ песчаной дорожкѣ, и лордъ Черитонъ спрашивалъ пріятеля:

— Ну, какъ же вы нашли ее?

— Въ началѣ разговора она была замѣчательно спокойна и сосредоточенна!—говорилъ докторъ Менвэрингъ.—Еслибы не мутный взглядъ ея глазъ и не судорожныя движенія рукъ, то я нашелъ бы, что она также здорова, какъ вы и я. Я говорилъ съ ней о различныхъ предметахъ, и отвѣты ея были вполнѣ разсудительны, хотя, повидимому, мое присутствіе нѣсколько раздражало ее. Только когда я спросилъ: зачѣмъ она пріѣхала въ Лондонъ? она начала волноваться, заговорила о какомъ-то убійствѣ и о своемъ намѣреніи сознаться въ преступленіи. Она сама хотѣла отдаться въ руки правосудія. Она не боялась послѣдствій. Жизнь ей наскучила; смерть не страшила. Все ея манеры, при этомъ, всѣ движенія обличали глубокое душевное разстройство, и я держусь того мнѣнія, что ея разсудокъ помрачился уже задолго до настоящаго времени. Сумашедшіе часто взводятъ на себя какое нибудь преступленіе, котораго въ дѣйствительности никогда не совершали, и иногда обвиняютъ себя такъ настойчиво и ловко, что приходится производить очень тщательное разслѣдованіе...

— Такъ вы примете ее въ свой пріютъ? — спросилъ его лордъ Черитонъ.

— Конечно, если докторъ Вильмотъ будетъ одного мнѣнія со мной! Но, для того чтобы помѣстить ее ко мнѣ, — нужно удостовѣреніе еще третьяго врача. Безъ надзора ее нельзя оставить... Теперь она, положимъ, спокойна, но вѣдь нельзя по-

ручиться за то, чтобы она не пустилась странствовать по Лон дону и отыскивать полицію... Да вотъ и Вильмотъ! Ну, Вильмотъ, что вы скажете объ этомъ случаѣ?

— Больна, безусловно больна, — отозвался тотъ. — Она приняла меня за полисмена, заговорила о своемъ преступленіи и о желаніи предаться въ руки правосудія.

— Вотъ видите! Это ея манія! — со вздохомъ промолвилъ Менвэрингъ.—А какъ давно, Черитонъ, носится она съ этой идеей?

— Право, не знаю! Она жила у меня въ имѣньѣ совсѣмъ на особенномъ положеніи, въ одномъ изъ моихъ коттэджей, и не несла никакихъ обязанностей. Она была сама себѣ госпожей и вела жизнь очень уединенную, — послѣ исчезновенія дочери. Я послалъ за ея дочерью, и та, вѣроятно, скоро будетъ здѣсь... Одинъ молодой врачъ, посѣтившій Черитонъ, первый обратилъ мое вниманіе на ея умственное разстройство. Онъ познакомился съ мистриссъ Портеръ и пришелъ къ тому заключенію, что она или прежде когда нибудь страдала душевною болѣзнью, или подобная болѣзнь угрожаетъ ей въ будущемъ. Его замѣчанія поразили меня, и я уже хотѣлъ пригласить васъ къ себѣ, Менвэрингъ,—какъ вдругъ ея сегодняшній внезапный отъѣздъ заставилъ меня серьезно встревожиться. Я поѣхалъ за ней въ Лондонъ... сначала зашелъ на квартиру къ ея дочери, а затѣмъ направился сюда, гдѣ надѣялся найти ее.

— А какъ вы думаете: ужасное событіе прошлаго года— убійство вашего зятя — не могло ли довести ее до этой маніи?

— Весьма возможно. Это событіе произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на всѣхъ въ Черитонѣ. Она, какъ женщина чувствительная, конечно, много думала объ этомъ преступленіи...

— И, наконецъ, отождествила себя съ личностью убійцы!— замѣтилъ Вильмотъ.—Это всего вѣроятнѣе... А убійца все еще не найденъ?

— Нѣтъ.

— Но противъ этой леди, полагаю, не можетъ быть подозрѣній? Она не можетъ быть причастна къ этому преступленію?

— Я думаю: стоитъ только посмотрѣть на нее, чтобъ не нуждаться въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ,— сказалъ лордъ Черитонъ.—Такъ вы сейчасъ исполните всѣ требуемыя формальности для помѣщенія ее въ пріютъ?

Доктора были согласны. Вильмотъ съѣздилъ за ближайшимъ врачемъ, и тотъ, послѣ непродолжительнаго разговора съ больной, подписалъ съ Вильмотомъ требуемое удостовѣреніе.

Было шесть часовъ, и тѣни уже сгущались въ столовой, гдѣ сидѣла мистриссъ Портеръ, какъ бы погруженная въ летаргію. Когда сидѣлка, присланная изъ Чешунта, вошла въ комнату, мистриссъ Портеръ почти не обратила на нее вниманія. Сидѣлка, замѣтивъ, что больная не дотрогивалась до кушанья, поставленнаго передъ нею, пошла къ лорду Черитону и посовѣтовала ему послать за мяснымъ экстрактомъ и за водкой.

— Она кажется такой слабой и изнуренной, какъ будто нѣсколько дней не ѣла!—говорила ему сидѣлка.—Если сегодня же вечеромъ ее надо везти въ Чешунтъ, то ей необходимо подкрѣпиться. Дорога не близкая.

Лордъ Черитонъ послалъ жену полисмена за водкой и за мяснымъ экстрактомъ, а самъ пошелъ нанять экипажъ, съ тѣмъ чтобы тотъ къ семи часамъ прибылъ къ Миртовому коттэджу. По возвращеніи въ коттэджъ, онъ нашелъ Мерси съ матерью, но мать, повидимому, не узнавала ея, и Мерси съ грустью должна была признаться, что докторъ Менвэрингъ—правъ, что мать ея дѣйствительно больна.

— Я не удивляюсь!—съ горечью промолвила Мерси.—Я ужь давно замѣчала ея странности... Она, бывало, цѣлыя ночи напролетъ ходила по спальнѣ взадъ и впередъ и тяжко вздыхала, думая, что я сплю и никто не слышитъ ея.

Черезъ часъ мистриссъ Портеръ съ сидѣлкой и съ дочерью отправились въ Чешунтъ. Она не выказывала ни малѣйшаго сопротивленія и съ апатическимъ равнодушіемъ дѣлала все, что́ ей указывали; на дочь она по прежнему не обращала вниманія, и какъ бы вовсе не сознавала ея присутствія. Но было очевидно, что умъ ея только временно затмился, а не помрачился вовсе, ибо—когда лордъ Черитонъ вышелъ провожать ее на крыльцо—она вдругъ остановилась и посмотрѣла на него.

— Встрѣтимся ли мы когда нибудь еще, Джемсъ Дальбрукъ?—торжественнымъ тономъ спросила она его.

— Лучше намъ больше не встрѣчаться!—серьезно промолвилъ лордъ Черитонъ.—Я отдаю васъ на попеченіе такимъ людямъ, у которыхъ вамъ будетъ хорошо...

— Вы отсылаете меня въ домъ умалишенныхъ! сказала мистриссъ Портеръ.—Домъ умалишенныхъ—вмѣсто Черитонъ-Чеса, вмѣсто того дома, о которомъ я такъ долго мечтала и въ которомъ намъ слѣдовало жить мужемъ и женой. Я тамъ родилась, Джемсъ... И зачѣмъ я не умерла тамъ, прежде чѣмъ встрѣтилась съ вами!?...

Сидѣлка поспѣшила усадить ее въ карету, бормоча что-то объ „иллюзіяхъ“, но докторъ Менвэрингъ, какъ человѣкъ опытный, иначе отнесся къ прощальнымъ словамъ мистриссъ Портеръ. Онъ догадался, что въ этихъ словахъ, сказанныхъ вполнѣ сознательно, заключался намекъ на прежнія отношенія мистриссъ Портеръ къ Джемсу Дальбруку, первому барону Черитону. Это открытіе объясняло нѣкоторыя темныя мѣста въ поведеніи лорда Черитона, которыя до сего времени казались непонятными его другу—доктору.

XXXI.

Лорду Черитону казалось, когда онъ ѣхалъ съ докторомъ Менвэрингомъ въ Викторія-Стритъ, что пережитый имъ день былъ самымъ долгимъ, томительнымъ днемъ въ его жизни. Онъ припомнилъ, какъ въ то утро онъ спокойно, не торопясь, занимался своимъ туалетомъ, раздумывая о находкѣ пистолета; онъ вспомнилъ ту минуту, какъ слуга подалъ ему записку Теодора, призывавшаго его немедленно въ западный коттэджъ, — и какъ онъ подумалъ о томъ, что тѣ страхи, которые уже давно мучили его днемъ и ночью, наконецъ, должно быть, осуществились... Затѣмъ, самоуниженіе передъ дочерью... опасеніе за несчастную женщину, опасеніе за то, чтобы исторія его прошлаго не огласилась... Наконецъ, это мучительное свиданіе съ Эвелиной... Блѣдный и разстроенный, откинулся онъ въ уголъ кареты и молчалъ.

— *Не заѣдете* ли вы ко мнѣ, Черитонъ? Не отобѣдаете ли

со мной?—спросилъ докторъ Менвэрингъ, когда они переѣзжали мостъ.—Вамъ лучше пообѣдать со мной, чѣмъ одному въ пустомъ домѣ.

— Вы очень добры!—отозвался лордъ Черитонъ.—Но я теперь не гожусь вамъ въ собесѣдники... Я вамъ очень признателенъ... вижу, что вы—мой истинный другъ... я увѣренъ, что вы сдѣлаете все, что можно, для той несчастной!

— Будьте спокойны на этотъ счетъ! Еслибы я поднялъ мистриссъ Портеръ на улицѣ, то и въ такомъ случаѣ не оставилъ бы ее безъ помощи. Но она—ваша знакомая, и я, понятно, буду къ ней еще внимательнѣе. Долго ли вы останетесь въ Лондонѣ? Не навѣстите ли вы ее въ Чешунтѣ?

— Нѣтъ! мнѣ завтра же нужно возвратиться въ Дорсетширъ. Едва ли я увижу...

— Вы только изъ сожалѣнія интересуетесь этою бѣдной леди?

— Только изъ сожалѣнія!—подтвердилъ лордъ Черитонъ.

— Но—простите, если я коснусь старой раны!—мнѣ думается, что вы прежде когда-то любили ее!

Уличные фонари горѣли тускло, внутри кареты было почти темно, и докторъ Менвэрингъ не могъ замѣтить, какое впечатлѣніе произвелъ на собесѣдника его вопросъ.

— Да, вы правы... Прежде я любилъ ее! — медленно произнесъ лордъ Черитонъ.

Лордъ Черитонъ вышелъ у своего дома въ Викторія-Стритъ, а карета съ докторомъ покатилась далѣе въ сѣверномъ направленіи. По дорогѣ отъ Вестминстера къ Вельбекъ-Стриту, Менвэрингу было достаточно времени поразмыслить о всемъ происшедшемъ. „Мнѣ нужно постарательнѣе заняться моею новою паціенткою! — думалъ онъ. — Въ обвиненіи ей самой себя—есть правда... Мнѣ кажется, что я теперь держу въ рукахъ дѣйствительную убійцу сэра Годфри Кармичиля“...

Этотъ августовскій день проходилъ въ Прайори спокойно и мирно. Леди Черитонъ, Джуанита и нянька съ ребенкомъ проводили время на зеленой лужайкѣ передъ домомъ. Теодоръ Дальбрукъ два раза ходилъ въ деревню въ почтовую контору, съ тайной мыслью разузнать что нибудь о мистриссъ Портеръ. Но Теодоръ ничего не слыхалъ о ней въ деревнѣ, зато во

второе посѣщеніе почтовой конторы нашелъ тамъ телеграмму лорда Черитона и очень обрадовался ей.

— Случилось что нибудь пріятное, Теодоръ?—проговорила Джуанита, замѣтивъ его просіявшее лицо.—Все утро вы были такъ мрачны, а теперь вдругъ развеселились. Не разговаривали ли вы съ дочерьми нашего викарія?

— Нѣтъ, Джуанита! Я только слышалъ ихъ голоса, когда проходилъ мимо дома викарія. Дѣвушки, кажется, ссорились... Я получилъ извѣстія изъ Лондона.

— Отъ отца?—спросила Джуанита.

— Да,—отвѣтилъ Дальбрукъ.

— Ахъ, Теодоръ! Зачѣмъ вы меня мучите своею скрытностью? Я ужь знаю, что что нибудь случилось!

— Черезъ нѣсколько дней, Джуанита, вы все узнаете. Слава Богу, страхи мои разсѣялись. Теперь я безъ всякихъ опасеній могу смотрѣть на васъ и на ваше дитя...

Джуанита пытливо взглянула на него.

— Я за себя не боялась,—сказала она.—Дѣло не во мнѣ! А будетъ ли отомщенъ мой мужъ—и скоро ли? Скоро ли?

— На этотъ вопросъ, кажется, вы скоро получите отвѣтъ,—отозвался Теодоръ.

— Я измѣнилъ свое намѣреніе, Джуанита! — заговорилъ онъ, немного погодя.—Теперь мнѣ не нужно оставаться здѣсь... Теперь уже нѣтъ той опасности, которой боялся вашъ отецъ!

— Есть опасность или нѣтъ, а вы все таки оставайтесь!—возразила Джуанита.—Мать любитъ васъ и мой сынъ также...

— Но онъ больше любитъ Кетберта Рамсея!—съ горечью замѣтилъ Теодоръ.

— Ну, вы можете ѣхать или оставаться здѣсь, какъ вамъ угодно!— съ раздраженіемъ проговорила она, отвернувшись отъ него.

И Теодоръ, конечно, остался, но въ то же время съ грустью признался себѣ, что Джуанита—любитъ Рамсея...

Лордъ Черитонъ на слѣдующій день возвратился въ Дорсетширъ. Онъ проѣхалъ изъ Верегема въ Прайори и передъ обѣдомъ долго разговаривалъ съ Теодоромъ наединѣ.

— Вы вели это несчастное дѣло для моей дочери,—промолвилъ онъ, передавъ ему о всемъ случившемся въ Лондонѣ и о помѣщеніи мистриссъ Портеръ въ Чешунтъ.—Джуани-

та вамъ болѣе довѣряетъ, чѣмъ мнѣ,—своему отцу, и я поэтому передаю дѣло въ ваши руки. Походатайствуйте за меня передъ нею... Попросите у нея прощенія за меня... Пусть она сжалится надъ несчастной женщиной! Трудное дѣло поручаю я вамъ, Теодоръ, но я вѣрю, что вы можете тронуть ея великодушное сердце.

— Вы можете положиться на мою преданность!—отозвался Теодоръ.

И лордъ Черитонъ уѣхалъ изъ Прайори, не повидавшись ни съ дочерью, ни съ женой, которыя на ту пору ушли переодѣваться къ обѣду.

— Вашему отцу нужно было поговорить со мной о дѣлахъ... Но онъ очень усталъ съ дороги и предпочелъ обѣдать дома!—сказалъ Джуанитѣ Теодоръ, когда та съ матерью пришла въ столовую.

— Здоровъ ли онъ?—съ безпокойствомъ спросила леди Черитонъ.

— Совершенно здоровъ, только усталъ...—успокоилъ ее Теодоръ.

Послѣ обѣда, леди Черитонъ отправилась въ дѣтскую, а Джуанита пригласила Теодора въ свою комнату.

— Вы видѣлись съ отцомъ? Ну, что жъ! Теперь вы можете сказать мнѣ все?—спросила она, пытливо, настойчиво смотря на него.

— Могу!—отвѣтилъ Теодоръ.

— Вы знаете: кто убилъ моего мужа?

— Преступникъ самъ сознался.

— Сознался?.. Онъ—въ тюрьмѣ... и будетъ повѣшенъ?

— Убійца сознался, но онъ—не въ тюрьмѣ и, кажется, благодаря Бога, не будетъ повѣшенъ!

— Вы жалѣете убійцу, Теодоръ!—съ горестью промолвила Джуанита.—А вамъ не жаль моего мужа? Его смерть не будетъ отомщена? Неужели его жизнь ничего не стоитъ?

— Нѣтъ, Джуанита! Жизнь его дорого стоитъ, — и повѣрьте мнѣ, что онъ отомщенъ. Его убила одна сумашедшая...

— Женщина?

— Да, женщина! Вы ее знаете... вы ее много разъ ви-

дѣли у западныхъ воротъ, въѣзжая въ Черитонъ-Чесъ и выѣзжая изъ него...

— Мистриссъ Портеръ?

— Да.

— Боже мой, за что же убила она моего мужа?

— Она была очень несчастлива... она много и долго страдала—такъ что разсудокъ ея помрачился отъ горя. При видѣ вашего счастья, она окончательно обезумѣла... разрушая ваше счастье, она мстила за себя вашему отцу.

— Что жъ онъ ей сдѣлалъ? Онъ былъ ея другомъ и благодѣтелемъ...

— Онъ былъ болѣе, чѣмъ другомъ и благодѣтелемъ для Эвелины Стрэнгвей,—возразилъ Теодоръ.

— Стрэнгвей!—вскричала Джуанита, всплеснувъ руками.—Ну, вотъ!.. Я вѣдь говорила... Такъ, значитъ, и есть... Мы съ Годфри въ ту ночь слышали на террасѣ ея шаги... шаги одного изъ Стрэнгвеевъ. Одинъ изъ Стрэнгвеевъ убилъ моего мужа. А вы мнѣ говорили, что всѣ они умерли и исчезли съ лица земли, что я боюсь призраковъ. Я вамъ говорила, что стрѣлялъ кто нибудь изъ Стрэнгвеевъ,—и вотъ видите: инстинктъ не обманулъ меня... Женщина изъ фамиліи Стрэнгвеевъ жила у воротъ нашего дома и втайнѣ питала къ намъ ненависть!

— Да, къ несчастью, инстинктъ не обманулъ васъ!—согласился Теодоръ. А мы ошибались... ненависть Стрэнгвеевъ не умерла. Одинъ изъ членовъ этой фамиліи—на горе вамъ—пережилъ всѣхъ остальныхъ.

— Но мой отецъ... чѣмъ же онъ навлекъ на себя ея ненависть?

— Нѣкогда онъ любилъ ее, много лѣтъ тому назадъ... прежде чѣмъ встрѣтилъ вашу мать. Эвелина Стрэнгвей была его любовницей... и онъ далъ торжественное обѣщаніе жениться на ней. Какъ честный человѣкъ, онъ долженъ былъ сдержать свое обѣщаніе; онъ былъ связанъ съ этой женщиной крѣпкими узами. Но онъ увидѣлъ вашу мать, полюбилъ ее—и измѣнилъ Эвелинѣ Стрэнгвей. Прошло много лѣтъ,—и онъ думалъ, что Эвелина простила его, забыла нанесенное ей оскорбленіе... Онъ думалъ, что грѣхъ его юности глубоко похороненъ въ прошломъ, а теперь видитъ, что этотъ грѣхъ

гбельнымъ, роковымъ образомъ отразился на судьбѣ его до-
ри. Его дочь, ни въ чемъ не повинная, сдѣлалась жертвой...
нъ поручилъ мнѣ, Джуанита, разсказать вамъ эту печаль-
ую исторію. Онъ страдаетъ за васъ. Онъ взываетъ къ вашей
юбви и къ состраданію. Онъ смиренно проситъ прощенія у
асъ... Что же мнѣ сказать ему отъ васъ, Джуанита?

— А что сдѣлалось съ той женщиной... съ этимъ безжа-
стнымъ извергомъ?—прошептала она.

— Теперь она въ домѣ умалишенныхъ!—отвѣтилъ Теодоръ.

— Но вѣдь нужно еще доказать, что она сумашедшая...
. если окажется, что она — не сумашедшая, ее нужно су-
ить, казнить... Жизнь за жизнь!

— Жалкое мщеніе, Джуанита, — отнять жизнь у такого
есчастнаго существа, которому и жить-то осталось недолго
которое до самой смерти останется въ домѣ умалишенныхъ!—
оворилъ Теодоръ.—Ея преступленіе пока извѣстно лишь ва-
ему отцу и мнѣ... Если же начать дѣло, предать его глас-
ости, привлечь эту женщину на скамью подсудимыхъ, то это
начитъ—обезславить вашего отца. Всѣмъ будетъ казаться,
то на скамьѣ подсудимыхъ, рядомъ съ этой женщиной, слѣ-
уетъ сидѣть и вашему отцу...

— Такъ преступникъ останется не наказаннымъ?

— Неужели, Джуанита, вы не считаете наказаніемъ то,
то преступницѣ придется вынести, выстрадать въ домѣ ума-
ишенныхъ при воспоминаніи объ ея прошломъ?

Джуанита, повидимому, не слыхала его; она задумчиво
одила по комнатѣ, скрестивъ руки на груди.

— Теперь я вспоминаю...—проговорила она какъ бы про
ебя.—Когда мы наканунѣ убійства проѣзжали мимо коттэд-
а, я видѣла въ окнѣ ея блѣдное, мстительное лицо... Я
огла бы догадаться и должна была бы принять предосто-
ожности, подумать, о безопасности моего возлюбленнаго
одфри...

— Что же мнѣ сказать, Джуанита, вашему отцу?—спра-
ивалъ Теодоръ. — Я не долженъ оставлять его въ неизвѣ-
тности. Подумайте какъ тяжело ему просить прощенія у
очери!

— Но ему не въ чемъ просить прощенія и мнѣ нечего
рощать ему!—промолвила Джуанита.—Развѣ же онъ предпо-

лагалъ, что въ человѣческомъ сердцѣ можетъ таиться такая дьявольская злоба? Развѣ онъ могъ думать, что за нанесенное имъ оскорбленіе будутъ мстить другому, невинному человѣку? Было бы лучше, еслибы она убила меня... О, какъ горько чувствовать, что моя любовь была причиной преждевременной смерти Годфри, что онъ и теперь могъ бы еще жить довольный и счастливый, еслибы женился не на мнѣ...

— Безполезно думать, Нита, о томъ, что могло бы быть...— замѣтилъ Теодоръ.—Вашъ мужъ былъ счастливъ,—и многіе могутъ позавидовать ему!

— Да я-то не могу забыть своей потери... Я желала отомстить за него. Я жила съ этой мыслью,—и теперь должна отказаться даже отъ этого жалкаго утѣшенія.

— Что жъ мнѣ сказать вашему отцу?

— Скажите, что я не причиню горя ни ему, ни матери!— отвѣтила Джуанита.—Я не забуду, что я ихъ дочь—также точно, какъ не забуду и того, что я вдова Годфри... Доброй ночи, Теодоръ! Вы сдѣлали для меня все, что могли, но сама судьба противъ насъ...

Жители Черитонской деревни очень удивились исчезновенію мистриссъ Портеръ, удивились также немало и тому, что невозможно было добиться никакого толку отъ ея глупой служанки. Знали только, что мистриссъ Портеръ съ утреннимъ поѣздомъ уѣхала въ Лондонъ и туда же высланъ ей багажъ. Наконецъ, пришли къ тому заключенію, что мистриссъ Портеръ, должно быть, получила наслѣдство и задумала поселиться въ городѣ. Затѣмъ возникъ вопросъ: кто поселится въ западномъ коттэджѣ? — Этотъ вопросъ скоро разрѣшился: въ коттэджѣ поселился старшій садовникъ съ женой. Въ половинѣ октября пронеслись слухи о томъ, что лордъ и леди Черитонъ уѣзжаютъ на зиму за границу. Говорили, что лордъ Черитонъ боленъ. Онъ въ ту осень ни разу не ѣздилъ на охоту и почти все время проводилъ въ библіотекѣ надъ Гораціемъ или Ювеналомъ.

Да! лордъ Черитонъ былъ боленъ... Съ того времени какъ дочь, склонившись къ нему на грудь, горько плача и рыдая, высказывала ему свое сочувствіе, свое сожалѣніе, и говорила, что она прощаетъ ему причиненное ей горе — съ того часа Джемсъ Дальбрукъ потерялъ, такъ сказать, всякій вкусъ къ жизни и ни въ чемъ не находилъ себѣ отрады. Гулялъ ли онъ въ паркѣ, ѣздилъ ли верхомъ по знакомымъ проселочнымъ дорогамъ, смотря на поля и на пастбища, сердце его болѣло при воспоминаніи о той женщинѣ, которой мечты и надежды онъ разбилъ въ прахъ. Образъ Эвелины Дэрси, проводившей грустную жизнь въ домѣ умалишенныхъ, преслѣдовалъ его на каждомъ шагу... Жена замѣтила въ немъ перемѣну и настояла, чтобы онъ посовѣтовался съ врачемъ, и по совѣту доктора онъ рѣшился провести зиму въ Египтѣ или въ Алжирѣ.

— Сначала поживемъ въ Алжирѣ, а если тамъ не понравится—отправимся на берега Нила! — говорилъ лордъ Черитонъ.

Въ половинѣ ноября онъ съ женой покинулъ Англію, когда блѣклые желтые листья слетали съ деревьевъ подъ дуновеніемъ юго-западнаго вѣтра, дующаго, обыкновенно, въ ту пору надъ Дорсетширомъ и приносящаго съ собой горько-соленый запахъ моря, а иногда и густые, сѣрые туманы...

Мистриссъ Портеръ уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ жила въ Чешунтѣ, и Теодоръ три раза за это время навѣщалъ ее и дважды встрѣтилъ у нея Мерси.

Онъ нашелъ мистриссъ Портеръ спокойною и, повидимому, довольною своею участью.

— Я иногда спрашиваю себя: что почувствовали бы всѣ окружающіе меня, еслибы они узнали, *что* я сдѣлала въ *ту ночь*?..—съ мрачной улыбкой сказала она однажды Теодору.— Они считаютъ меня самой обыкновенной больной,—заурядной личностью. Никто бы не повѣрилъ мнѣ, еслибы я сказала имъ, что убила человѣка, не обидѣвшаго меня ни единымъ словомъ. Они не повѣрили бы, что подобное злодѣйство возможно въ наши дни въ Англіи. Они думаютъ, что только на югѣ—да и то въ старые годы—женщина умѣла сама мстить за себя.

Это былъ единственный случай, когда мистриссъ Портеръ заговорила о своемъ преступленіи. Во время слѣдующихъ по-

сѣщеній, она, повидимому, не узнавала Теодора. Дочь она узнавала, но присутствіе Мерси какъ будто не доставляло ей удовольствія.

— Докторъ Менвэрингъ позволяетъ мнѣ два раза въ недѣлю навѣщать ее!—говорила ему Мерси, когда они шли на станцію.—Вотъ и все, что я могу сдѣлать для нея...

— Вы все таки не намѣрены воспользоваться предложеніемъ лорда Черитона?—спросилъ ее Теодоръ.—Вы не сжалились надъ нимъ?

— Мнѣ очень жаль его, но я все таки не приму отъ него никакой милости! Мнѣ не позабыть того, что онъ былъ причиной несчастья моей матери.

— И вы будете вести ту же трудовую жизнь?

— Да! Но для меня предвидится нѣкоторая перемѣна. Вчера вечеромъ у миссъ Ньютонъ я долго разговаривала съ вашимъ другомъ, мистеромъ Рамсеемъ, и надѣюсь съ его помощью сдѣлаться сестрой милосердія. Лучше ухаживать за несчастными, за больными, чѣмъ шить на богатыхъ людей.

— Тяжелое дѣло вы избираете, Мерси! — замѣтилъ Теодоръ.

На вокзалѣ они разстались: Мерси сѣла въ вагонъ 3 класса, а онъ отправился въ курительный вагонъ и всю дорогу до Лондона продумалъ о жизни двухъ женщинъ, погибшихъ подъ колесами тріумфальной колесницы лорда Черитона...

Опустѣлъ и замокъ Черитонъ-Чесъ; ставни были наглухо заперты; цвѣтники остались безъ цвѣтовъ. Безмолвенъ и уныль стоялъ большой домъ, и только деревья парка глухо шумѣли кругомъ него... А въ Мильбрукъ-Прайори той порой были жизнь и движенье. Монингсайды и Гренвили опять понаѣхали сюда съ дѣтьми и съ няньками, и заняли свои комнаты. Леди Дженъ по прежнему хозяйничала, но Джуанита на этотъ разъ уже не сторонилась отъ общества; у нея явились новые интересы въ жизни и она охотно принимала участіе въ семейныхъ развлеченіяхъ. Теперь Джуанита очень сблизилась съ мистриссъ Гренвиль: „дѣтскій вопросъ“ служилъ неистощимой темой для ихъ разговоровъ. Дѣтская маленькихъ Гренвилей была рядомъ съ комнатами крошечнаго сэра Годфри, и Джуанита радовалась, видя, какъ ея сынъ игралъ со своими кузенами.

Теодоръ Дальбрукъ, послѣ трехмѣсячной усидчивой работы, пріѣхалъ на рождество въ Дорчестеръ и, разумѣется, при первомъ же удобномъ случаѣ явился въ Прайори. Онъ нашелъ въ Джуанитѣ большую перемѣну. Такой веселой и счастливой онъ еще ни разу не видалъ ея послѣ смерти мужа. Нельзя было сказать, что она забыла своего Годфри, что равнодушно относилась къ его памяти,—нѣтъ! при каждомъ намекѣ на прошлое, лицо ея омрачалось и глаза смотрѣли грустно. Но не оставалось сомнѣнія, что разсвѣтъ болѣе счастливой жизни начиналъ разсѣивать окружавшій ее мракъ. Вліяніе дитяти и—наконецъ—раскрытіе тайны, такъ долго тяготившей ея душу, сдѣлали свое дѣло. Она уже не мучилась вопросами, и болѣе не думала объ одномъ и томъ же. Она узнала все, самое худшее, и сожалѣніе къ отцу заставляло ее забыть причиненное ей великое горе.

Она по дружески встрѣтила Теодора и провела его въ дѣтскую, загроможденную игрушками и залитую свѣтомъ рождественскихъ свѣчей.

— Это дѣтскій праздникъ! Дѣти теперь хозяева! — съ нѣжностью проговорила Джуанита, беря сына на руки и прижимая къ своему лицу его розовое разгорѣвшееся личико.— Почему не является мистеръ Рамсей? — вдругъ спросила она Теодора.—Вѣдь онъ такъ любитъ ребятъ.

— Онъ усиленно работаетъ въ госпиталѣ!—отвѣтилъ Теодоръ.

— И на праздники онъ не пріѣдетъ къ вамъ?

— Кажется, что—нѣтъ!

— Почему же онъ такъ усиленно занимается?—спросила она, помолчавъ и наклоняясь къ ребенку.

— Онъ не объяснялъ мнѣ причинъ своей усиленной дѣятельности, но я догадываюсь о нихъ...

— А именно?..

— Люди иногда стараются въ трудѣ найти забвеніе для своихъ несбывшихся мечтаній... Вотъ къ такимъ-то людямъ, напримѣръ, принадлежу и я, да къ нимъ же, кажется, можно отнести и Рамсея. Онъ за послѣдніе мѣсяцы сильно измѣнился...

— Жаль мнѣ васъ обоихъ... жаль, что вы такъ сантиментальны! — съ нервнымъ смѣхомъ промолвила Джуанита, скрывая свое лицо въ кудряхъ сынишки.

— Если, по вашему, любить одну женщину и всю жизнь оставаться ей вѣрнымъ, значитъ быть сантиментальнымъ,—то я, конечно, сантименталенъ!—отозвался Теодоръ.—Я любилъ васъ съ тѣхъ поръ какъ понялъ значеніе слова „любовь", и любилъ не смотря на то, что не видѣлъ съ вашей стороны ни малѣйшаго ободренія. Я любилъ васъ и въ то время, какъ вы отдали свою любовь другому. Я любилъ васъ, когда вы были веселой дѣвочкой, любилъ и въ вашемъ горѣ, и буду любить до могилы. Но я знаю, что любовь моя—безнадежна... Ваша дружба ко мнѣ служитъ тому доказательствомъ.

— Дорогой мой Теодоръ! Еслибы вы знали, какъ я цѣню васъ, какъ я дорожу вами, какъ уважаю васъ, — то, право, вы удовольствовались бы моею дружбой! — промолвила она, смотря на него сквозь слезы. — Еслибы мы встрѣтились съ вами, какъ посторонніе, тогда мои чувства къ вамъ могли бы быть иными. Но къ вамъ я съ дѣтства привыкла относиться, какъ къ другу и брату. Я не могу любить васъ иначе!

— А Кетберта Рамсея вы можете *иначе* любить, Нита!—замѣтилъ Теодоръ.—Не сердитесь! Я ужъ давно собирался высказать вамъ все. Я увидѣлъ свой приговоръ на вашемъ лицѣ, когда Кетбертъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ. Я видѣлъ, что онъ съумѣлъ васъ такъ заинтересовать, какъ я никогда не могъ; видѣлъ, что онъ вышелъ побѣдителемъ изъ той битвы, въ которой я былъ побѣжденъ.

— Вы не имѣете права такъ говорить!

— Нѣтъ, Джуанита, во имя дружбы съ Кетбертомъ, я имѣю право говорить!—возразилъ Теодоръ.—Если кто нибудь изъ насъ не помѣшаетъ, Рамсей въ началѣ будущаго года отправится въ изгнаніе.

— Какъ такъ? Что вы такое говорите, Теодоръ?—вскричала Джуанита.

— Въ будущемъ году отправляется экспедиція въ Ледовитый океанъ, и возвратится она не раньше, какъ черезъ три года, — если только возвратится. Рамсей ѣдетъ въ качествѣ врача.

— Почему онъ ѣдетъ туда?

— Я его не спрашивалъ о причинѣ, но подозрѣваю, что причина—вы!

— Теодоръ!?

— Насколько я могу догадываться, онъ уѣхалъ изъ Черитона совершенно влюбленный въ васъ, но отказался отъ всякой мысли о васъ по двумъ причинамъ... Во-первыхъ, онъ зналъ, что я люблю васъ, и—какъ человѣкъ честный—не хотѣлъ стать между своимъ другомъ и любимою имъ женщиной. Во-вторыхъ, онъ бѣденъ и считалъ бы унизительнымъ для себя ухаживать за богатой женщиной... Вотъ поэтому-то онъ и отправляется въ другую часть свѣта—созерцать звѣзды полярнаго неба...

— Три года!..—прошептала Джуанита.—Конечно, не особенно большое время, но... эти экспедиціи въ Ледовитый океанъ часто кончаются такъ несчастливо...

— Не удержать ли его?—спросилъ Теодоръ.

— Пожалуйста!

— Только я едва ли удержу его, если...

— Если—что?..—перебила Джуанита.

— Если не скажу ему, что вы желаете, чтобы онъ остался здѣсь!

Густой румянецъ разлился по щекамъ Джуаниты, и молодая женщина еще ниже наклонилась надъ дитятей.

— Скажите ему, что хотите!—промолвила она.— Попросите его пріѣхать сюда на пасху и поиграть съ дѣтьми. Онъ любитъ дѣтей, и я увѣрена, что мои племянники и племянницы понравятся ему... Ахъ, Теодоръ! Будьте моимъ братомъ!—добавила она, протягивая ему руку.—Позабудьте, что вы желали большаго... Какъ я буду рада, когда узнаю отъ васъ, что вы наконецъ полюбили другую женщину!

— „Полюбилъ!“.. Это легко сказать, Джуанита, — съ грустью замѣтилъ Теодоръ.

Пока дѣти, въ этотъ долгій рождественскій вечеръ, забавляются игрушками, а взрослые сидятъ передъ огнемъ камина, поднимемъ таинственную завѣсу времени и заглянемъ въ будущее...

Мы увидимъ тамъ прежде всего—гробъ, привезенный въ Англію моремъ, издалека, и съ надлежащей церемоніей поставленный въ склепъ на Дорчестерскомъ кладбищѣ; въ газетахъ—некрологи и краткія хвалебныя біографіи лорда Чери-

тона, превозносящія его высокія достоинства и его заслуги передъ страной.

Затѣмъ мы увидимъ вдову сэра Годфри Кармичиля женой Кетберта Рамсея. Она очень гордится научными трудами своего мужа; въ ихъ лондонскомъ домѣ собирается цвѣтъ англійской интеллигенціи—ученые, писатели, артисты.

Наконецъ, мы увидимъ одного начинающаго адвоката, преуспѣвающаго на своемъ поприщѣ. Онъ живетъ съ женой и съ двумя дѣтьми въ старомъ, тихомъ домѣ, въ Чисвикѣ. Онъ почти однихъ лѣтъ съ женой, и оба они одинаково любятъ хорошія книги, картины, музыку—и чуждаются свѣтскихъ удовольствій. Знакомыхъ у нихъ немного, но зато ихъ знакомые — все люди избранные, и изъ числа ихъ самымъ близкимъ другомъ считается старая дѣва, Сара Ньютонъ. Этотъ начинающій адвокатъ—Теодоръ Дальбрукъ; жену его зовутъ Мерси. Мистриссъ Портеръ умерла незадолго до смерти лорда Черитона, и свѣтъ не знаетъ прошлой исторіи Мерси; знаютъ только, что у Теодора Дальбрука—очень любящая и преданная жена.

Лордъ Черитонъ, по духовному завѣщанію, написанному имъ за три мѣсяца до смерти, оставилъ Мерси Портеръ 20,000 фунт. стерл.—съ тѣмъ чтобы процентами съ этой суммы пожизненно пользовалась Сара Ньютонъ.

Конецъ.

ОСЕНЬ.

Люблю осеннюю печальную пору,
Люблю ея задумчивую прелесть,
Лучей и птицъ послѣднюю игру,
И вѣтра шумъ, и листьевъ грустный шелестъ.
Въ вечерній часъ и рано поутру —
Мерцанье звѣздъ въ лазури блѣдно-синей,
Нѣмыхъ полей безжизненный просторъ,
Сѣдой туманъ и серебристый иней,
И сонныхъ рощъ рѣдѣющій уборъ.
Есть красота и въ грустномъ увяданьѣ!
Чаруетъ взоръ природы чудный видъ
Въ ея нѣмомъ, задумчивомъ молчаньѣ,
Когда надъ ней не грѣетъ, не блеститъ
Свѣтлѣй лазурь, на землю смотрятъ ясны
И, какъ хрусталь, прозрачны небеса;
И—словно спятъ—недвижны и безгласны
Стоятъ въ багрецъ одѣтые лѣса.
Сады молчатъ—въ нихъ смолкли голоса
Веселыхъ птицъ,—и пѣсни отзвучали...
Кругомъ шуршатъ поблекшіе листы...
На цвѣтникахъ склонилися въ печали
Дыханьемъ бурь помятые цвѣты...
Тамъ гроздьями поникнули рябины,
Краснѣетъ кленъ, и въ воздухѣ порой
Сверкаетъ нить дрожащей паутины
Тончайшею серебряной струной...
Какъ хорошо!.. Спокойно дышетъ грудь,
Но странная встаетъ въ душѣ тревога...

Мечты въ быломъ разсыпались, какъ ртуть,
Уснувшихъ чуствъ проснулось въ сердцѣ много!
Какъ свѣтлый сонъ, минувшее встаетъ,
Порой мелькнутъ и дорогія лица,—
И сердце вдругъ то радостно замретъ,
То задрожитъ, какъ трепетная птица;
То въ свѣтлый міръ мечтаній улетитъ,
Припомнивъ дней чарующую прелесть,
И о быломъ надолго загруститъ,
Подъ вѣтра шумъ и мертвыхъ листьевъ шелесть!

Л. Афанасьевъ.

СѢДАЯ СТАРИНА.

(Оригинальный романъ изъ древнѣ-египетской жизни).

XXIX. До Іирдуна (Іордана).

Обширный, хорошо укрѣпленный и обнесенный высокою стѣною Кацатъ считался столицею Цахи, хотя вся филистимская земля, простиравшаяся,—до исхода евреевъ изъ Хеми,—до Мертваго моря, почти никогда не бывала подъ властью одного князя. Большею частью цахи, представляя въ сущности отважную, неугомонную орду съ крайне слабыми задатками политическаго развитія, распадались на нѣсколько княжествъ, управляемыхъ князьками, не признававшими надъ собою ничего, кромѣ грубой силы. Послѣ знаменитаго штурма Аскалина (или Аскалона) при Рамессу-Міамунѣ, преобладающее значеніе въ странѣ цаховъ получили египтяне. Во многихъ городахъ стояли египетскіе гарнизоны, а кацатскій губернаторъ считался военнымъ и политическимъ представителемъ перъ-ао.

Филистимскіе князья въ Герарѣ, Кацатѣ, Аскалинѣ, Азотѣ, Аккаронѣ и Тамнаѳѣ играли въ описываемую эпоху жалкую роль. Это были скромные старшины колѣнъ, подчиняющіеся губернатору. Болѣе выдающуюся роль играли кацатскіе и аскалинскіе князья, благодаря тому, что ихъ подданные вели осѣдлую жизнь и принимали участье въ торговлѣ между Хеми и Халу. Когда-то могущественные герарскіе и тамнаѳскіе князья вѣчно враждовали съ евреями и постепенно теряли землю по клочкамъ. Аккаронскіе князья платили дань одновременно Хеми, Ротенну и евреямъ.

Дворецъ, выстроенный для египетскаго намѣстника (или, вѣрнѣе, военнаго губернатора), былъ расположенъ на западной сторонѣ города и представлялъ изъ себя подобіе цитадели; съ крыши, на которой нерѣдко Небанхъ давалъ аудіенцію, видно было вдали Средиземное море и песчаный берегъ, покрытый раковинами.

Самый дворъ былъ обнесенъ прочною оградою на случай возможнаго возстанія цаховъ, и египетскій гарнизонъ былъ вѣчно на военномъ положеніи.

Послѣ спокойно проведенной ночи на хорошо приготовленныхъ ложахъ, когда полуденное солнце хотѣло напомнить минувшіе жары, не смотря на наступившее повсемѣстно время жатвы,—въ прохладной залѣ дворца собрались наши путешественники для переговоровъ съ мацхоромъ Небанхомъ.

— Объясни мнѣ, достойный Небанхъ, теперешнее положеніе дѣлъ?—сказалъ адонъ.

— Эрпа адонъ,—съ поклономъ началъ мужчина лѣтъ сорока, видной, представительной наружности: — со смертью князя Ога, сына Цура и внука знаменитаго Дагона, претендентами на престолъ является нѣсколько сыновей Ога: Циппоръ, Дагонъ, Оребъ, Зибъ и Цуръ, кромѣ того, братъ Ога, Дагонъ. Вопросъ заключается въ томъ, кого слѣдуетъ поддержать? Старшій изъ сыновей, Циппоръ, покóренъ его святѣйшеству, но вѣчно упивается виномъ и нелюбимъ народомъ; его братъ Дагонъ войнолюбивъ, храбрый полководецъ, народный любимецъ, но относится къ намъ враждебно; Оребъ недавно женился на цорской (т. е. тирской) принцессѣ и постоянно окруженъ фенехами, слѣдовательно, не надеженъ; Зибъ подпалъ вліянію евреевъ, которые подбиваютъ его на вражду и съ нами и съ Ротенну, но онъ безхарактеренъ; Цуръ вѣчно молится и почти живетъ въ храмѣ, народъ его совсѣмъ почти не знаетъ; Дагонъ, братъ покойнаго—безпокойный интриганъ, который заботится только о наполненіи своей казны; его можно купить за деньги, хотя невозможно быть увѣреннымъ, что онъ не перейдетъ къ врагамъ за бóльшую сумму.

— Я долженъ воздать хвалу достойному Небанху,—заговорилъ Бекенъ-Хонзу, внимательно выслушавъ оцѣнку: — благодаря его добросовѣстному отношенію къ дѣлу, мнѣ извѣстны всѣ шесть принцевъ, какъ давнишніе знакомые.

— А каково твое мнѣніе? — съ легкою улыбкою спросилъ Ранубъ-Пехути.

— Увѣренъ, что на этотъ вопросъ тебѣ отвѣтитъ одинаково со мною Пинехасъ,—серьезно отвѣтилъ первосвященникъ, указывая на своего ученика.

— Если вамъ угодно выслушать меня, то я скажу слѣдующее: изъ шести принцевъ, перечисленныхъ высокороднымъ Небанхомъ наше вниманіе должно остановиться исключительно на молодомъ Дагонѣ. Онъ враждебенъ Хеми, тѣмъ неожиданнѣе для него будетъ поддержка съ нашей стороны; народъ его любитъ и поэтому благо-

склоннѣе отнесется къ намъ, видя насъ на сторонѣ любимца; Дагонъ войнолюбивъ, но честенъ, а потому — самый надежный данникъ.

— Сама мудрость говоритъ твоими устами! — воскликнулъ Небанхъ:—можно думать, что это слова старца съ сѣдыми волосами, а не юноши.

— Да, мой братъ и его другъ Тунари съумѣли воспитать достойнаго египтянина,—весело произнесъ Ранубъ-Пехути:—мысли Пинехаса—это мои мысли.

Переговоривъ съ Небанхомъ о подробностяхъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ дѣла аскалинскихъ принцевъ, адонъ удалился съ братомъ и Пинехасомъ изъ залы; они отправились на крышу, чтобы тамъ на свободѣ переговорить о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Мальчики-кушиты слѣдовали за ними съ опахалами, а фенехи подали на особыхъ столикахъ сласти и нацитки.

Въ это время явился служитель и доложилъ о рохирѣ Пауерѣ.

— Что скажешь, любезный Пауеръ? — ласково обратился къ вошедшему адонъ.

— Эрпа, — началъ серьезный ро-хиръ: — когда ты намѣренъ ѣхать далѣе?

— Что касается меня, то я выѣзжаю завтра съ мацхоромъ, но мастеръ-строитель намѣренъ отдѣлиться отъ меня и ѣхать въ верхній Ротенну.

— Да,—вмѣшался Бекенъ-Хонзу, — я желалъ бы осмотрѣть берега Іирдуна и выбрать мѣсто для дворца его святѣйшества въ Кати (т. е. Галилеѣ).

— Такимъ образомъ, вы соединитесь въ Эмаеѣ,—сталъ разсчитывать Пауеръ:—дорога отъ Кацата почти безопасна, у эрпа Ранубъ-Пехути будетъ войско, часть котораго можетъ сопутствовать до Эмаеы и конвоировать багажъ. А мы съ нашимъ конвоемъ пройдемъ весь верхній Ротенну, потому что никто лучше меня не знаетъ дорогъ среди еврейскихъ горъ.

— Я очень доволенъ, что Пауеръ поѣдетъ съ нами. Завтра мы тоже можемъ съ Пинехасомъ двинуться впередъ. Да благословятъ тебя боги!

Пауеръ почтительно поклонился высшимъ сановникамъ Хеми и удалился дѣлать свои распоряженія насчетъ раздѣленія каравана. На другой день, Бекенъ-Хонзу и Пинехасъ, снабженные легкимъ багажемъ, сопровождаемые пятью плѣнными евреями,—которымъ дали особыя носилки, кромѣ Аоливамы и Іегошуа, сидѣвшихъ съ Пинехасомъ, — отправились изъ Кацата по «большой царской дорогѣ на востокъ; для охраны ихъ служилъ весь конвой Ваалъ-

Мохара и служители Пауера. Что касается подарковъ кадешскому двору, то они были отправлены подъ охраною сильнаго эскорта, даннаго губернаторомъ, прямо въ Цоръ (финикійскій Тиръ), гдѣ должны были ожидать Ранубъ-Пехути, пока онъ окончитъ свои дѣла въ Аскалинѣ.

Первое время дорога была такая же пустынная, какъ и раньше: однородныя песчаныя равнины не веселили взора и выказывали полное отсутствіе земледѣлія. Но вскорѣ характеръ мѣстности измѣнился. Появились холмы, появилась ласкающая взоръ зелень, стали показываться цѣлыя рощи, а наконецъ и небольшія пашни. Но холмы стали расти, выситься, и передъ путешественниками обрисовался горный хребетъ, долго служившій границею между филистимлянами и евреями. Переваливъ невысокій проходъ, караванъ сталъ спускаться въ теперешнюю Палестину, и первымъ этапомъ его былъ городъ, самою природою превращенный въ крѣпость и называвшійся у египтянъ Кана-Ханъ, или Канаанъ, давшій свое имя всему верхнему Ротенну въ позднѣйшія времена. Отправляющійся къ евреямъ говорилъ: «ѣду за Канаанъ» или просто «въ Канаанъ». Старшина этого города пользовался большимъ значеніемъ и имѣлъ титулъ ха (т. е. князя).

Оставляя въ сторонѣ Бетъ-Шебу и Секелагъ, караванъ направился на сѣверо-востокъ, вдоль русла Бесоры, среди зеленѣющихъ рощъ и отливающихъ золотомъ нивъ. Мѣстами виднѣлись деревушки, жители которыхъ съ любопытствомъ слѣдили за проходящимъ караваномъ, а иногда абы (т. е. старшины) и ребби (т. е. учителя) выходили привѣтствовать представителей верховнаго властелина Хеми, которому всѣ еврейскія колѣна со временъ Сети I, платили дань, хотя были совершенно независимы во внутреннемъ управленіи. Ветрѣчались обгорѣлыя селенія, на пепелищѣ которыхъ бѣдняки оплакивали близкихъ, уведенныхъ въ плѣнъ эдомитами и амалекитянами; благодаря обилію лѣсовъ, новыя жилища воздвигались быстро, но за сгорѣвшимъ хлѣбомъ приходилось обращаться въ города и селенія на сѣверѣ. Однако, въ общемъ, картина была привлекательнѣе, чѣмъ въ Цахи, и Пинехасъ съ удовольствіемъ любовался всѣмъ.

Среди угрюмыхъ, дикихъ проходовъ караванъ вышелъ на равнину, привлекавшую съ незапамятныхъ временъ всельниковъ съ далекаго востока. Здѣсь, среди роскошныхъ, величественныхъ дубовыхъ рощъ, былъ расположенъ живописный Хевронъ, носившій до нашествія гакъ-шазу на Хеми имя Мамре. По преданію евреевъ, это былъ ихъ первый осѣдлый пунктъ при движеніи изъ Нагараины въ долину Нила. Здѣсь Бекенъ-Хонзу и Пинехасъ зано-

чевали послѣ пышнаго угощенія предложеннаго іудейскимъ княземъ Цебулономъ. Уважая въ верховномъ жрецѣ личнаго друга перъ-ао и восхищенный тѣмъ, что Пинехасъ свободно владѣлъ еврейскимъ языкомъ, Цебулонъ не пожалѣлъ расходовъ на пиръ, выказавъ въ полномъ блескѣ гостепріимство самаго могущественнаго изъ еврейскихъ князей.

— Мастеръ-строитель бога Пта, — говорилъ совершенно свободно по египетски Цебулонъ, представительный мужчина съ черными сросшимися бровями,—меня сердечно радуетъ твое прибытіе въ мои владѣнія, и первый сосудъ съ виномъ я выпиваю во славу и долгіе дни его святѣйшества, сутенъ-шебта Хеми.

— Благодарю за привѣтъ,—любезно отвѣчалъ Бекенъ-Хонзу:— и пью за мирные успѣхи всего союза еврейскаго подъ кроткимъ руководительствомъ первосвященника въ Шиломѣ, а также за всѣхъ двѣнадцать князей еврейскихъ.

Аоливаму Цебулонъ узналъ, выразилъ ей сожалѣніе по поводу смерти ея отца и предложилъ остаться въ его домѣ, пока онъ не пріищетъ ей мѣсто при молитвенномъ домѣ, какъ дочери левита. Но молодая дѣвушка скромно поблагодарила князя за его ласку и объявила, что желаетъ остаться рабою своего благодѣтеля, который первый выказалъ ей расположеніе послѣ родителей.

— Какъ знаешь, дитя мое, — улыбаясь, отвѣтилъ ей Цебулонъ:—но высокородный Пинехасъ, какъ я понялъ изъ его словъ, намѣренъ ѣхать на край свѣта, поэтому мнѣ кажется, что ты стѣснишь его въ пути собою.

— Тогда онъ прогонитъ меня,—съ трогательною покорностью отвѣтила молодая дѣвушка, взглянувъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ на Пинехаса.

— Я господинъ своего слова и для названной сестры у меня всегда найдется кусокъ хлѣба, который мы преломимъ вмѣстѣ,— отвѣтилъ тотъ.

Миновала ночь и съ восходомъ солнца путешественники отправились изъ Хеврона далѣе на сѣверъ, мимо Махпелы, Одоллама и Бетъ-Лема. Пастухи, попадавшіеся раньше на пути, ночевали нерѣдко подъ открытымъ небомъ, на горныхъ площадкахъ, подвергаясь нападенію дикихъ звѣрей и ничѣмъ не защищенные отъ непогоды; но за Хеврономъ характеръ мѣстности измѣнился, пошли великолѣпныя пастбища, показались многочисленныя стада, прятавшіяся на ночь въ обширныя сухія пещеры, и возлѣ пастуховъ въ овчинахъ стали играть главную роль ихъ неизмѣнные друзья и помощники—собаки.

— Всемогущій Боже! — воскликнула въ восторгѣ Аоливама, простирая руки впередъ: — что я вижу? дивный Шалемъ передо мною! моя дорогая родина!

И, заливаясь радостными слезами, она поцѣловала руку Пинехаса, затѣмъ догнала невозмутимаго Пауера, который снисходительно улыбался ей.

— Господинъ! Развѣ ты не видишь, вѣдь это онъ, вѣдь это Шалемъ!

Восхищенная дѣвушка упала на колѣни и поцѣловала родную землю. Дѣйствительно, среди живописныхъ холмовъ и нѣжно журчащихъ рѣчекъ, передъ путешественниками появился Шалемъ, столица бенъ-іоменскаго князя Кислона. Однако Пауеръ нашелъ болѣе удобнымъ продолжать путь, не останавливаясь въ Шалемѣ, черезъ Анатоеъ до Іерихона, гдѣ была предположена ночевка. Когда небольшой караванъ достигъ цѣли и расположился въ домѣ, выстроенномъ по распоряженію египетскаго правительства для своихъ путешественниковъ по верхнему Ротенну, Іегошуа немедленно убѣжалъ наводить справки о своихъ родныхъ. Вся ночь прошла; уже Бекенъ-Хонзу и Пинехасъ подкрѣпились пищею послѣ утренней молитвы, а молодаго еврея все еще не было. По сигналу Пауера, путники тронулись въ дорогу, которая за городомъ огибала кладбище и поворачивала на сѣверъ, въ горную долину между хребтами Ефроимъ и Ге-Ваалъ. Какой-то еврей, увидя Пауера и Ваалъ-Мохара впереди каравана, выбѣжалъ изъ-за ограды кладбища и бросился на дорогу. Это оказался молодой Іегошуа.

— Ребби, ребби, — воскликнулъ еврей, падая на пыльной дорогѣ передъ носилками, въ которыхъ сидѣли Пинехасъ и Аоливама:—не покидай меня, сироту!

Носилки остановились и Пинехасъ поспѣшно вышелъ съ дѣвушкою.

— Какое горе ниспослано тебѣ свыше, любезный Іегошуа? скажи мнѣ?

— Два года, какъ мой достойный отецъ Адонирамъ погребенъ въ пещерѣ, у входа которой я пролежалъ всю ночь; горе и тоска грызли его сердце и онъ предалъ духъ свой въ руки Іеговы, не видя никого изъ своей семьи. Имущество его, поля и постройки жадный князь Кислонъ взялъ себѣ, уступивъ небольшую часть левитамъ, и я теперь—сирота и нищій. Я долженъ бродить по дорогамъ и около стѣнъ храма, чтобы питаться подаяніемъ; меня всѣ забыли, и дальніе родственники отрекаются отъ меня. Я одинъ, покинутъ всѣми!

— Господинъ!—и взволнованная Аоливама опустилась къ но-

гамъ Пинехаса:—твое сердце доступно милосердію, прими его подъ твою защиту, хотя онъ и еврей.

— По мудрому закону войны, я твой рабъ,—снова заговорилъ Іегошуа,—поэтому заклинаю тебя именемъ Адонаи-Цебаота: не отвергни меня, дозволь остаться при тебѣ; какъ лучшая сторожевая собака, я буду охранять твой покой и безопасность въ томъ далекомъ пути, который предпринимаетъ твоя премудрость, равви!

— Іогошуа,—началъ послѣ раздумья молодой ученый,—мой разсудокъ и мое сердце не признаютъ рабства. Если, дѣйствительно, судьба свела насъ такъ странно, то я готовъ оставить тебя при себѣ, но только свободнымъ человѣкомъ, товарищемъ, а не невольникомъ. Желаешь ты сопутствовать мнѣ въ моемъ далекомъ путешествіи, переносить холодъ и голодъ, всѣ опасности странствія по землямъ, названія которыхъ я даже не знаю, подвергаться всѣмъ лишеніямъ,—тогда изволь, я принимаю тебя и мы будемъ все дѣлить пополамъ.

Молодая дѣвушка, молча, съ восхищеніемъ цѣловала колѣни Пинехаса. Іегошуа, взволнованный до глубины души, всталъ и выпрямился во весь ростъ.

— Ребби, — торжественно произнесъ онъ, протянувъ руку по направленію къ кладбищу:—клянусь прахомъ отца, что въ счастьѣ и въ несчастьѣ я не покину тебя. Да поразитъ меня проклятье Датана и Хавирона, если я забуду твое великодушіе. Добровольнымъ рабомъ я послѣдую за тобою всюду, куда ты пойдешь.

— Когда такъ, ѣдемъ! Мы и такъ отстали, Пауеръ будетъ сердиться.

Вскорѣ они догнали караванъ и продолжали путь среди живописныхъ горъ, то разступавшихся на востокъ и на западъ, то сдвигавшихся въ довольно узкій проходъ. Глазъ отдыхалъ на зеленѣющихъ отлогихъ скатахъ, гдѣ бродили многочисленныя стада. Иногда испуганныя овцы и козы бросались съ дороги въ сторону и мчались, не разбирая мѣста, до тѣхъ поръ пока передовыя не останавливались передъ какою нибудь преградою версты за двѣ отъ каравана; иногда же Пауеръ останавливался подлѣ загорѣлаго, обросшаго волосами пастуха и покупалъ у него барана или козу для конвойныхъ солдатъ. Изрѣдка попадались небольшія нивы, но хлѣбъ былъ уже сжатъ или скошенъ на нихъ; встрѣчались небольшія деревни, мазанки которыхъ лѣпились по кручамъ и казались недоступными. Прощальные лучи солнца золотили шлемъ Ваалъ-Мохара, когда египетскій караванъ вступилъ въ столицу всей земли еврейской, гдѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе духовный владыка страны, первосвященникъ Авишуа, который велъ свой

родъ отъ Аарона, брата великаго Моше (Моисея) и былъ первымъ служителемъ единаго Бога.

Не успѣлъ караванъ достичь базарной площади, какъ къ носилкамъ верховнаго жреца Бекенъ-Хонзу приблизились двое молодыхъ левитовъ съ низкими поклонами.

— Что скажете, любезные братья?—дружески обратился къ нимъ египтянинъ.

— Святѣйшій владыка Авишуа прислалъ насъ привѣтствовать твое счастливое прибытіе въ Шиломъ и просить считать его домъ своимъ.

— Благодарю за гостепріимство верховнаго пастыря, но я боюсь стѣснить его, такъ какъ я не одинъ: со мною «видящій» Пинехасъ, хиръ-сешта.

— Святѣйшему владыкѣ это извѣстно и онъ горитъ нетерпѣніемъ назвать своимъ другомъ высокороднаго хиръ-сешту Пинехаса.

По знаку Бекенъ-Хонзу, носильщики направились съ базарной площади въ сѣверную улицу, въ концѣ которой возвышалась высокая храмовая ограда. Достигнувъ послѣдней, носилки повернули влѣво, вдоль ограды, и вскорѣ остановились у воротъ, гостепріимно распахнувшихся для гостей.

Во дворѣ, по лѣвой рукѣ, возвышался красивый дворецъ изъ тесанаго камня, съ колонками и мраморными ступенями. Гостей ввели въ просторную залу, ярко освѣщенную, съ мраморнымъ поломъ и стѣнами, покрытыми живописью. На невысокомъ тронѣ сидѣлъ величавый старикъ лѣтъ восьмидесяти, въ серебряномъ тканой одеждѣ и съ «тумиммомъ» на лбу (родъ священной повязки левитовъ). При входѣ Бекенъ-Хонзу и Пинехаса, старецъ сошелъ съ трона на встрѣчу.

— Благословляю тотъ часъ, когда ты вступилъ подъ мой кровъ!—произнесъ Авишуа и два первосвященника обнялись, цѣлуя другъ друга въ плечо.

— Прими искренній привѣтъ могущественнаго сутенъ-шебта Хеми, который радуется твоему долгоденствію и проситъ твоего благословенія.

— Въ лицѣ твоемъ, любезный братъ, призываю благословеніе Адонаи-Цебаота на священную особу мудраго и кроткаго сердцемъ монарха.

— Не откажи, владыка, въ твоемъ благорасположеніи моему бывшему ученику, а нынѣ другу, хиръ-сештѣ Пинехасу. Онъ молодъ годами, но сердце его, опытность и знанія почтеннѣе, чѣмъ у другаго старца.

— Я счастливъ, что могу оказать гостепріимство мудрому юношѣ, слава котораго уже извѣстна мнѣ давно. Меня восхищаетъ его знаніе еврейскаго языка.

Завязалась оживленная бесѣда, подъ конецъ которой Авишуа пригласилъ гостей подкрѣпиться ужиномъ. Взаимно довольные, собесѣдники разошлись поздно послѣ ужина, причемъ, не смотря на настойчивыя приглашенія любезнаго хозяина, Бекенъ-Хонзу объявилъ, что рано утромъ отправится далѣе, такъ какъ Ранубъ-Пехути будетъ ожидать его въ Эмаѳѣ, но что на обратномъ пути изъ Кадша постарается погостить въ Шиломѣ болѣе продолжительное время. Авишуа пожелалъ имъ покойной ночи, и они разстались совсѣмъ, такъ какъ гости уѣзжали очень рано изъ города.

Не успѣли умолкнуть послѣдніе звуки пастушьей свирѣли подъ стѣнами Шилома, какъ египетскій караванъ, имѣя во главѣ Пауера и Ваалъ-Мохара, двинулся чрезъ восточныя ворота по направленію къ рѣчкѣ Кариѳъ, притоку Іирдуна. Виднѣвшіеся вдали отроги Ге-Ваала освѣщались восходящимъ солнцемъ, а въ долинахъ еще чувствовалась утренняя сырость. Вдоль Кариѳа разстилались заливные луга, попадались небольшіе хутора, мелькнули стада воловъ далеко влѣво, но путникамъ некогда было любоваться всѣмъ этимъ, такъ какъ они спѣшили по торной дорогѣ пройти дневной путь до Энона, незначительнаго городка въ княжествѣ Манашэ.

Вскорѣ Кариѳъ сталъ уходить отъ дороги вправо; извиваясь среди зеленѣющихъ луговъ, онъ постепенно исчезъ изъ глазъ, хотя дорога стала взбѣгать по холмамъ, покрытымъ мелкимъ лѣсомъ, все выше и выше. Черезъ нѣсколько часовъ, почва стала понижаться и вдали показался Мафуа, также притокъ Іирдуна. Переправа совершилась быстро на плотахъ, и часа черезъ два караванъ достигъ величаваго, многоводнаго Іирдуна.

Послѣ небольшого отдыха, Пауеръ подалъ знакъ къ отправленію. Съ этого пункта дорога повернула на сѣверъ, слѣдуя прихотливымъ изгибамъ Іирдуна, то удаляясь, то приближаясь къ рѣкѣ. Далеко на горизонтѣ къ западу виднѣлись очертанія горъ, но ближе постояно чередовались хорошо обработанныя поля съ веселыми лугами, гдѣ гуляли стада, и съ рощами, дававшими пріятную прохладу. Мелькнулъ на противоположной сторонѣ рѣки рядъ деревень, широкій притокъ Іабокъ, и наконецъ путники достигли Энона.

XXX. Вдоль Іирдуна.

Тихо и спокойно прошла ночь, проведенная въ Энонѣ. Утро слѣдующаго дня привѣтливо встрѣтило проснувшихся путешественниковъ; прислуга торопливо поднялась при первыхъ лучахъ солнечныхъ, разсыпавшихся изъ-за Іирдуна, и принялась за обычныя работы: поить лошадей, задавать корму имъ и верблюдамъ, готовить утреннюю пищу товарищамъ. Солдаты чистили лошадей и свои одежды, а затѣмъ осматривали оружіе, все ли было въ исправности. Когда Пауеръ и Ваалъ-Мохаръ явились пожелать добраго утра верховному жрецу, послѣдній уже бесѣдовалъ съ Пинехасомъ, заботливо поучая его, какъ продолжать путешествіе, когда они разстанутся въ Кадешѣ.

Наконецъ сигналъ поданъ, все всколыхнулось и тронулось въ путь; евреи, высыпавшіе изъ городишки, провожали уѣзжающихъ ласковымъ словомъ, потому что египтяне не буйствовали и не грабили, а пріобрѣтали жизненные припасы за наличныя деньги, какъ подобало подданнымъ великаго государства, превосходившаго своимъ благоустройствомъ всѣ остальныя.

Миновали Сѣверный Шалемъ и, направляясь къ Бетъ-Шану, стали удаляться отъ Іирдуна къ западу. Окружающая мѣстность рѣзко перемѣнилась, какъ только караванъ вступилъ въ княжество Иза-Цохеръ. Мрачный, непривѣтный кряжъ Гелвуй, съ незапамятныхъ временъ представлявшійся для окрестныхъ жителей таинственнымъ мѣстопребываніемъ злыхъ духовъ, полнымъ ужасовъ, уже издали вырисовывался на безоблачной синевѣ неба, нагоняя невольный страхъ. Веселые луга исчезли, поля также, стадъ не было видно; охватывавшее со всѣхъ сторонъ одиночество наводило на грустныя мысли.

Въ Бетъ-Шанѣ двѣ еврейки-сестры, захваченныя у шазу, пришли проститься къ Пинехасу, который дозволилъ имъ отправиться въ ихъ родной городъ Боцра, въ княжествѣ Шимонъ-Ази; онѣ пустились въ путь вдвоемъ прямо къ Іирдуну, за которымъ лежало селеніе Пеллахъ, а оттуда былъ прямой путь на Хессеуръ, Салху и Боцру-Васанскую. По просьбѣ Пинехаса, Пауеръ далъ еврейкамъ небольшой запасъ провизіи, и тѣ удалились, благословляя судьбу.

Перебравшись по плохому мостику чрезъ рѣчку Израэль, путники покинули Бетъ-Шану; старшина города посовѣтовалъ имъ быть осторожнѣе, чтобы не попасть въ руки злаго духа и его слугъ, обитающихъ въ неприступныхъ ущеліяхъ Гелвуя, а главное: не раздражать знаменитую прорицательницу въ Аэндорѣ, черезъ

который имъ надо было проходить; въ заключеніе старшина сказалъ:

— Впрочемъ, Пауеръ съ вами, а на него можно положиться, онъ благоразуменъ.

Одна старая еврейка, глядя съ ненавистью на египтянъ, проговорила:

— О, еслибы Ягве поразилъ ихъ проклятіемъ въ гелвуйскихъ скалахъ!

— Кто это Ягве? въ первый разъ слышу,—обратился Пауеръ къ Пинехасу.

— Въ старину евреи называли такъ единаго Бога, теперешняго Цебаота,—отвѣчалъ ему молодой ученый, прерывая свой разговоръ съ Іегошуа.

— А что, если ея злое желаніе исполнится? — спросила испуганная Аоливама.

— Будь увѣрена, что для тебя я пожертвую жизнью!—пылко отвѣтилъ Іегошуа.

Дѣвушка покраснѣла, а Пинехасъ снисходительно улыбнулся и произнесъ:

— Защищать слабыхъ — благородное назначеніе сильныхъ и храбрыхъ.

Разговоръ вскорѣ прекратился. Темная обожженная земля, изрѣдка попадающіеся уродливые дубы и пальмы, черныя обнаженныя скалы и ущелья, въ которыхъ чувствовался холодъ могилъ, все это не располагало къ бесѣдѣ.

Дорога стала подниматься все выше и выше, наконецъ караванъ вошелъ въ длинное и мрачное, ущелье, среди отвѣсныхъ скалъ, гребни которыхъ были увѣнчаны дико шумящимъ лѣсомъ; противоположное устье этого горнаго прохода казалось вдали блестящею звѣздочкою. Полное молчаніе воцарилось въ караванѣ, состоявшемъ изъ тридцати пяти человѣкъ; все разноплеменное собраніе, какъ бы по уговору, соблюдало тишину и только стукъ лошадиныхъ копытъ по каменистой почвѣ гулко раздавался по дорогѣ, отдаваясь гдѣ-то вдали эхомъ. Вдругъ, впереди ро-хира, шагахъ въ двадцати, на остромъ выступѣ базальтовой скалы сверкнулъ огонь; маленькая искорка быстро превратилась въ длинный пламенный языкъ, который, дрожа и переливаясь, колыхался, то удлиняясь, то дѣлаясь короче. Лошади ро-хира и конвойнаго начальника разомъ остановились, тревожно шевеля ушами, а за ними по неволѣ остановились остальные всадники и пѣшіе. Тьма подкралась какъ-то незамѣтно и неслышно охватила перепуганныхъ путниковъ, не сводившихъ своихъ глазъ съ блѣдно - синеватыхъ

огней, появившихся на нѣсколькихъ остріяхъ изъ базальта. Казалось, чьи-то невидимыя губы раздували эти переливающіеся язычки. Гдѣ-то вдали раздался грохотъ, словно огромная скала, оторвавшись отъ своего основанія, покатилась по каменистому ложу внизъ въ долину. Этотъ грохотъ становился все гулче и слышнѣе; наконецъ, надъ головами людей сверкнуло зарево, охватившее почти все видимое небо, и въ ту же секунду оглушительный раскатъ грянулъ съ невѣроятною силою.

— Благородный господинъ,—прошепталъ старый фенехъ на ухо Пауеру:—сейчасъ небесныя воды низвергнутся на насъ по волѣ всесильныхъ боговъ.

Слова старика оправдались: не успѣлъ ро-хиръ надвинуть на голову кожаный капюшонъ, какъ страшный ливень окатилъ весь караванъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ огромные потоки неслись на узкую дорогу по крутымъ скатамъ, съ шумомъ и ревомъ опрокидывая дрожащихъ, перепуганныхъ лошадей. Стоны и крики раздались среди путешественниковъ, и все смолкло въ темномъ мрачномъ ущельѣ, среди однообразнаго шума дождя и раскатовъ грома. Прошло съ полчаса. Темнота исчезла также быстро, какъ и наступила; голубое, чистое небо засіяло передъ измученнымъ караваномъ, измокшимъ и продрогшимъ, а сзади на нихъ лились лучи полдневнаго солнца. Все ожило и встрепенулось. Бекенъ-Хонзу вышелъ изъ носилокъ и, обратясь къ сіяющему богу Ра, произнесъ длинную благодарственную молитву. Набожные египтяне столпились вокругъ верховнаго жреца; къ нимъ присоединились и фенехи, и общая горячая молитва благотворно повліяла на всю толпу. Пережитые ужасы были забыты, испытанныя ощущенія разсказывались уже съ веселымъ смѣхомъ, и какъ только Пауеръ и Ваалъ-Мохаръ убѣдились, что никто не погибъ, что все сошло благополучно, то немедленно былъ поданъ сигналъ къ отправленію. Радостные клики встрѣтили слова первосвященника:

— Въ первомъ катійскомъ городѣ—обѣщалъ Бекенъ-Хонзу:—всѣ воины и прислуга получатъ отъ меня пива, сколько пожелаютъ для своего здоровья.

Миновавъ такъ напугавшее ихъ ущелье, караванъ сталъ спускаться по отлогому склону въ печальную долину, среди которой виднѣлся вдали Аэндоръ, небольшой городокъ, славящійся тѣмъ, что тамъ имѣла мѣстопребываніе таинственная прорицательница, славившаяся отъ Нила до Евфрата.

При въѣздѣ въ городокъ, на порогѣ небольшой мазанки, сидѣла старая еврейка, худая, изсохшая, съ длинными космами сѣдыхъ волосъ и босая; большіе, черные сверкающіе глаза одни вы-

казывали страстную, нервную натуру: они пугали всякаго смѣльчака и никто не выдерживалъ взгляда старухи. Сверхъ хитона, на плечахъ еврейки была накинута короткая мантія, называемая по еврейски «эфодъ».

— Старая Іохабетъ привѣтствуетъ чужестранцевъ!—съ рѣзкимъ, продолжительнымъ хохотомъ встрѣтила старуха приближающійся караванъ: — гелвуйскіе вороны уже полетѣли на Таборъ съ донесеніемъ, что скоро ваши трупы дадутъ возможность знатно попировать таборскимъ орламъ. Торопитесь же туда!

Ваалъ-Мохаръ растерянно оглянулся, а старый ро-хиръ смущенно заговорилъ:

— Премудрая Іохабетъ навѣрно пожелаетъ намъ лучшую будущность, когда увидитъ подарки изъ благодатной долины Нила, предназначенные ей.

Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ сбѣгались жители и слушали бесѣду.

— Не прельщай меня дарами, глупый ро-хиръ,—крикнула Іохабетъ, поднявшись на ноги и протягивая впередъ обѣ обнаженныя костлявыя руки: — пророчица божія не нуждается въ нихъ, она богаче всѣхъ царей земныхъ. Небесные духи служатъ ей также покорно, какъ твой конь тебѣ, и изъ никому неизвѣстнаго Аэндора Іохабетъ можетъ безпрепятственно управлять всѣмъ міромъ. Кто не покоряется мнѣ, противъ того самъ Ягве и Бэлъ, а я—первая слуга ихъ!

Старуха медленно и громко говорила, наводя трепетъ на слушателей. Бекенъ-Хонзу вышелъ изъ носилокъ и подошелъ къ Пинехасу, задумчиво слушавшему старуху.

— Угомони эту безумную, которая морочитъ дураковъ, — тихо обратился верховный жрецъ къ молодому человѣку:—а то она задержитъ насъ и надѣлаетъ непріятностей.

Пинехасъ очнулся, съ легкою улыбкою взглянулъ на Бекенъ-Хонзу и сошелъ на землю. Видя это, Аоливама схватила его за край плаща и жалобно проговорила:

— Ребби, не ходи къ ней, она волшебница и убьетъ тебя; ея гнѣвъ опасенъ!

— Будь спокойна, Аоливама! Власть Іохабеты безсильна надо мною,—отвѣчалъ ей Пинехасъ:—смотри издали, что можетъ сдѣлать Пинехасъ, твой братъ.

Ровнымъ, спокойнымъ шагомъ приблизился онъ къ зловѣщей прорицательницѣ.

— Бабушка, сколько тебѣ лѣтъ? — спросилъ ее громко хиръ-сешта.

— Этотъ дерзкій вопросъ мнѣ предлагалъ еще Іегошуа-Небенъ, знаменитый вождь израильскій, и я сказала ему, что моимъ годамъ нѣтъ числа и нѣтъ конца.

— А можешь ли ты лишить дыханія жизни на время, добрая бабушка?

— Нѣтъ тайны въ природѣ, которой я не знала бы, — гордо отвѣтила старуха.

— Если такъ, то дай видъ смерти одному изъ стоящихъ передъ тобою, и я увѣрую, что ты во истину первая слуга Ягве и Бэла, всесильная надъ людьми.

Этотъ прямой вызовъ наполнилъ ужасомъ присутствующихъ и смутилъ прорицательницу. Но она не хотѣла сразу признать себя побѣжденною.

— Дерзкій юноша! напрасно искушаешь ты тайную волю боговъ!

— Исполни то, о чемъ прошу тебя, иначе я заставлю тебя упасть къ моимъ ногамъ и сознаться въ твоемъ безсиліи совершить что бы то ни было.

Угроза, высказанная громко передъ затаившею дыханіе толпою, вызвала на лицѣ Іохабеты давно не выступавшій яркій румянецъ. Она возмутилась.

— Кто ты, презрѣнный, чтобы смѣть угрожать мнѣ, Іохабетѣ?

— Кто я? Ты ослѣпла, старуха, если не узнаешь меня. Всмотрись же хорошенько и узнай «гелвуйскаго старца», своего учителя и властелина.

Старуха вздрогнула и видимо смутилась, невольно опуская глаза передъ засверкавшимъ взоромъ противника. Ей на самомъ дѣлѣ почудился «гелвуйскій старецъ», легенду о которомъ Аолибама какъ-то разсказывала Пинехасу дорогою.

— Исполни же то, чего я отъ тебя требовалъ! Пусть народъ увидитъ твою силу.

— Если ты тотъ, за кого выдаешь себя,—лицемѣрно заговорила Іохабетъ:—то не мнѣ поражать народъ чудесами. Предоставляю эту честь тебѣ, юноша!

Пинехасъ молча устремилъ на старуху свой взоръ, странно повліявшій на прорицательницу. Она подняла голову, взглянула нѣсколько разъ на хиръ-сешту, затѣмъ стала безпокойно отворачиваться отъ него, поднимала раза четыре руки, какъ бы защищаясь отъ кого-то, но постепенно всѣ движенія прекратились; Іохабетъ покорно склонила голову и тихо опустилась на землю. На глазахъ всей толпы старуха заснула, подчиняясь какому-то невидимому вліянію.

— Кто изъ васъ старшина аэндорскій? — обратился къ толпѣ Пинехасъ.

Выступилъ благообразный мужчина съ длинною рыжеватою бородою.

— Я Іосія, сынъ Амрахама, старшина Аэндора въ княжествѣ Иза-Цохеръ.

— Итакъ, слушай, Іосія, сынъ Амрахама, мои слова. Іохабетъ спитъ, въ чемъ всякій изъ васъ можетъ убѣдиться. Поручаю ее вашей охранѣ до моего возвращенія, которое можетъ произойти только черезъ нѣсколько лѣтъ. Когда я исполню возложенное на меня порученіе и буду возвращаться, то разбужу ее. Безъ меня никто не долженъ даже пытаться будить ее. Я сказалъ. Пауеръ!— обратился онъ къ ро-хиру:—веди караванъ далѣе и будь спокоенъ, дурное пророчество этой женщины останется безъ исполненія, несчастья не случится.

Пораженные изумленіемъ и страхомъ, аэндорскіе жители столпились вокругъ безмятежно спящей Іохабеты, почтительно пропустили путешественниковъ и, только когда послѣдніе конвойные исчезли изъ виду, заговорили быстро между собою, передавая другъ другу свои впечатлѣнія.

Между тѣмъ караванъ быстро подвигался впередъ, стараясь до наступленія ночи достичь подножія горы Таборъ въ княжествѣ Цебулонъ. Переходъ, благодаря разразившейся въ Гелвуѣ грозѣ, которая задержала путниковъ, былъ довольно великъ, но, къ величайшему удовольствію Пауера, когда солнце исчезло за горизонтомъ, передъ его глазами виднѣлось большое селеніе Карѳа, раскинувшееся у подошвы Табора, величественная вершина котораго поднималась такъ высоко, что съ нея можно было видѣть озеро Геницаретъ, простирающееся на нѣсколько верстъ къ сѣверу, и городъ Гадару за Іирдуномъ.

Карѳа лежала какъ разъ на рубежѣ древняго Кати (значительно позднѣе: Галилея). Многолюдное селеніе, обитаемое смѣсью катійцевъ, хеттеевъ, евреевъ, фенеховъ и аммореевъ, было богато и гостепріимно; многочисленныя стада пользовались обширными пастбищами, полными роскошной травы, а раскинувшееся въ нѣсколькихъ верстахъ озеро Геницаретъ изобиловало разнообразною рыбою, обильно попадавшею въ сѣти трудолюбивыхъ и дѣятельныхъ карѳянъ. Гостепріимство и хлѣбосольство ихъ вошло въ поговорку. Роскошные луга и нивы давали имъ довольство, а отсутствіе торгашества и воинственности дѣлали катійцевъ вообще мирнымъ народомъ съ мягкимъ, общительнымъ характеромъ. Безъ особой борьбы они покорялись и аммореямъ, и вассанамъ, и хеттеямъ, и нако-

нецъ евреямъ; но побѣдители, поселявшіеся среди нихъ, быстро подчинялись ихъ кроткимъ обычаямъ и сами дѣлались крайне мирными.

Неугомонный Пауеръ не далъ заспаться утомившимся путешественникамъ и съ первыми лучами солнца принялся всѣхъ будить. Не прошло получаса, какъ уже караванъ выступилъ въ путь. Изъ Карѳы дорога поворачивала на западъ, къ Нацарету, столицѣ княжества Цебулонскаго. Веселая, холмистая мѣстность, пересѣкаемая ручьями и рѣчками, располагала къ разговорамъ; рощицы оглашались пѣніемъ птицъ, порхавшихъ безбоязненно съ вѣтки на вѣтку; нѣжные напѣвы пастушьей свирѣли напоминали о душевномъ спокойствіи и матеріальномъ довольствѣ жителей. Словомъ, все веселило и радовало мирныхъ путешественниковъ; даже застѣнчивая Аоливама рѣшилась спѣть іевусейскую пѣсенку, выученную ею на родинѣ.

Цебулонскій князь Аодъ возвращался изъ Каны, гдѣ осматривалъ свои стада; онъ ѣхалъ скромно на ослѣ, сопровождаемый двумя пѣшими рабами, и въ виду столицы догналъ караванъ. Узнавъ высокое положеніе путешествующаго Бекенъ-Хонзу, Аодъ сталъ убѣдительно приглашать къ себѣ и, такимъ образомъ, они въѣхали въ Нацаретъ, среди радостныхъ восклицаній попадавшихся на пути жителей.

Мелхола, красавица-же на князя, выказала въ полномъ блескѣ свое гостепріимство. Ея дочери, Шора и Рахиль, принесли немедленно мѣдные тазы и глиняные кувшины, обмыли ноги Бекенъ-Хонзу, Пинехасу, Аоливамѣ и Іегошуа, отерли ихъ бѣлоснѣжными тканями изъ льна, а затѣмъ, при помощи матери, предложили подкрѣпиться не роскошными, но вкусными блюдами. Катійская женщина, отбитая египтянами у шазу и освобожденная Пинехасомъ, имѣла счастье встрѣтить мужа при входѣ въ городъ; легко представить ихъ взаимную радость послѣ шестилѣтней разлуки. Благодарный мужъ зазвалъ къ себѣ Ваалъ-Мохара со всѣмъ конвоемъ и угостилъ ихъ на славу. Затѣмъ, къ вечеру явился съ женою благодарить великодушнаго ребби и поднесъ ему въ подарокъ стеклянную амфору съ дорогимъ финикійскимъ виномъ и изящно сдѣланный льняной эфодъ.

— Мои дочери работали этотъ эфодъ для первосвященника въ Шиломѣ,—говорилъ катіецъ Агагъ:—но твое благодѣяніе побуждаетъ меня измѣнить первоначальное намѣреніе, и потому прошу тебя: прими мой даръ дружески.

— Съ удовольствіемъ принимаю, добрый Агагъ, твой даръ и благодарю за него.

Тѣмъ временемъ, Бекенъ-Хонзу переговорилъ съ Аодомъ относительно покупки мѣста для перъ-ао, чтобы выстроить загородный дворецъ. Послѣ продолжительныхъ обсужденій, рѣшено было, что Аодъ уступитъ одну изъ своихъ пустошей на востокъ отъ Каны, невдалекѣ отъ селенія Далмануеы. Съ этою цѣлью, Бекенъ-Хонзу и Аодъ, сопровождаемые конвоемъ Ваалъ-Мохара, съѣздили въ Далмануеу, осмотрѣли пустошь, расположенную въ живописной мѣстности, и вскорѣ торгъ былъ заключенъ: двадцать пять локтей виссона и золотая шейная цѣпь съ портретомъ Минепты-Хотепа были условленною цѣною за землю.

Пинехасъ отдыхалъ два дня въ обществѣ Мелхолы, ея дочерей и своихъ добровольныхъ спутниковъ, Аоливамы и Іегошуа. Узнавъ о его таинственномъ поединкѣ съ Іохабетою, цебулонская княгиня стала смотрѣть на египетскаго хиръ-сешту съ глубокимъ уваженіемъ, граничащимъ съ страхомъ, и невольно стѣснялась въ разговорахъ съ нимъ. Зато Шора, 15-лѣтній ребенокъ съ золотистыми кудрями, съ жадностью прислушивалась къ каждому слову Пинехаса, сидя, по обычаю страны, у его ногъ, и даже позволяла себѣ разсматривать молодаго ученаго. Странное ощущеніе испытывалъ Пинехасъ, подмѣтивъ своимъ зоркимъ взоромъ то тревожное настроеніе, въ которомъ находилась Аоливама во время его бесѣдъ съ Шорою. Она видимо была недовольна, иногда мѣнялась въ лицѣ и даже, вопреки своей обычной кротости, рѣзко отвѣчала Іегошуа на его вопросы. До этой минуты Пинехасъ какъ-то не обращалъ вниманія на не покидавшую его во все время путешествія дѣвушку, но теперь ему сдѣлалось ясно, что сердце молодой іевусеянки впервые забилось для любви, и любить она его, Пинехаса.

— Ребби,—спрашивала между тѣмъ Шора:—скажи мнѣ, которому богу больше вѣрить, Іеговѣ или Ваалу? который изъ нихъ могущественнѣе?

— Дитя мое, когда евреи удалились изъ Хеми лѣтъ триста тому назадъ, то самое цѣнное, что Моше съумѣлъ похитить у насъ, это было ученіе о единомъ Богѣ. А разъ истинною вѣрою слѣдуетъ считать вѣру въ одного Бога, то нѣтъ надобности ставить рядомъ нѣсколькихъ боговъ и сравнивать ихъ.

— Значитъ, Богъ Израэля есть истинный богъ? другимъ вѣрить не надо?

— Богъ одинъ, но каждый народъ называетъ его по своему; по невѣдѣнію же, многія свойства бога они выдѣляютъ и поклоняются имъ, какъ особому богу.

Шора задумалась; ея кудрявая головка опустилась на нѣжную руку.

— О, ребби, отчего ты не левитъ, не нашъ учитель! Твои слова такъ ясны и вразумительны! Совсѣмъ не то, что̀ я слышала въ Шиломѣ на праздникѣ.

— Милая Шора,—усмѣхнулся хиръ-сешта:—я говорю по убѣжденію, то, что̀ чувствую, а ваши левиты и жрецы говорятъ по обязанности. Это большая разница!

— Какъ?—изумленно переспросила дѣвушка:—по обязанности, значитъ противъ своего желанія, утверждая то, во что душа и умъ не вѣрятъ?

— Совершенно вѣрно! Въ этомъ-то все зло освященныхъ вѣками кастъ. Евреи пошли впередъ по этому пути и сохранили только одну касту левитовъ. Но настанетъ время, когда кастъ не будетъ, всѣ люди будутъ равны передъ богомъ и передъ закономъ. Не будетъ рабовъ вовсе, военноплѣнныхъ не станутъ обращать въ невольниковъ-скотовъ, всѣ будутъ равными членами государства.

— Ребби, ребби, какая дивная картина! Какъ ты великъ въ эту минуту!—и на глазахъ Іегошуа, внимательно слушавшаго, показались слезы.

— Итакъ, завтра мы можемъ выѣхать отсюда, — весело проговорилъ Бекенъ-Хонзу, входя въ комнату и дружески привѣтствуя присутствующихъ.

Дѣйствительно, на другое утро, путешественники отправились дальше, напутствуемые всевозможными пожеланіями княжеской семьи. На лицѣ Аоливамы виднѣлось радостное чувство; она была крайне довольна, что Шора разлучалась съ Пинехасомъ; въ наивной ревности своей она радовалась, что ея дорогой ребби будетъ бесѣдовать только съ нею, а больше ни съ кѣмъ. Быстро мелькали поля, съ которыхъ хлѣбъ былъ уже убранъ; луга, на которыхъ бродили стада или гдѣ косили вторую траву; богатыя и многолюдныя селенія. Прошли Кану, Далмануеу и къ полдню были въ Геницаретѣ, небольшомъ городкѣ, привольно раскинувшемся на берегу озера. Городокъ оказался почти пустыннымъ и только вдали, на зеркальной поверхности водъ, мелькали черныя и бѣлыя точки; это были рыбачьи лодки съ парусами. Тѣ же картины сопровождали караванъ до Сафеда, большаго селенія не въ дальнемъ разстояніи отъ озера Меромъ; здѣсь пришлось переночевать. Насталъ послѣдній день пути до соединенія съ Ранубъ-Пехути. Природа не измѣнилась и караванъ миновалъ Кадешъ-Амморейскій, Ашуръ, Лаисъ, гдѣ окончательно покинулъ Іирдунъ и направился среди живописныхъ холмовъ на западъ, къ рѣкѣ Леон-

тесу, на берегу которой стоялъ городъ Эмаеъ; тутъ сходились обѣ дороги, восточная и западная, ведущія изъ Цоана въ Кадешъ-Хеттейскій.

XXXI. До Кадеша-Хеттейскаго.

На сѣверъ отъ Кати и на востокъ отъ Фенеха (т. е. Финикіи) лежалъ нижній Ротенну, составлявшій въ описываемую эпоху главную часть сравнительно юнаго государства, называемаго «союзъ Ротенну». Этотъ союзъ, въ своемъ политическомъ устройствѣ, имѣлъ много сходства съ Хеми и древнею Индіею; онъ состоялъ изъ длиннаго ряда княжествъ, начиная отъ Тхамаску (позднѣйшій Дамаскъ), на границѣ Кати, до Ура-Халдейскаго на сѣверѣ и до Карья-Каймеша (позднѣе Кархемышъ) на востокѣ. Всѣ эти княжества были совершенно независимы во внутреннемъ управленіи, но въ политическомъ, военномъ и отчасти финансовомъ отношеніяхъ подчинялись общему главѣ, вначалѣ выборному, а потомъ наслѣдственному.

Возникло это государство въ то время, когда гаки Паториса подняли знамя возстанія противъ гакъ-шазу, окончившееся полнымъ изгнаніемъ послѣднихъ. Толчокъ, данный на берегахъ Нила, отозвался въ Азіи до подножія Арарата, гдѣ было сильное царство гайканъ, и до Геллеспонта, по берегамъ котораго тянулось не менѣе сильное царство треенцевъ. Транзитная торговля пуновъ, или фенеховъ, съ Бабъ-Илономъ и другими пунктами за-евфратскаго востока стала страдать отъ всколыхнувшихся кочевниковъ, и нѣкоторые города нижняго Ротенну рѣшили заключить между собою торгово-оборонительный союзъ, такъ какъ отъ этой торговли зависѣло ихъ благосостояніе и даже самое существованіе. Скромный союзъ, взявшій за образецъ союзъ прибрежныхъ пуновъ, повелъ удачно свое дѣло и число его членовъ стало увеличиваться, хотя вновь создавшаяся федерація не имѣла никакого политическаго значенія. Однако дѣло совершенно измѣнилось, когда къ союзу примкнули хетѳи и лиманониты, только что сбросившіе съ себя слабое иго Хеми. Въ какія нибудь сто лѣтъ, ничтожный торгашескій союзъ превратился въ могущественное государство отъ устья Аруната до Тигра и отъ горъ Киликіи и Арменіи до песчаныхъ равнинъ сѣверной Аравіи. Находиться во главѣ такого государства было почетно и выгодно. По этой причинѣ, между князьями-союзниками начались междоусобія, которыя могли погубить юный союзъ, еслибы князья Кадеша-Хеттейскаго въ скоромъ времени не взяли окончатель-

наго перевѣса надъ соперниками. Князь Хитассаръ былъ признанъ мелехомъ (т. е. императоромъ) союза Ротенну, и это высокое званіе оставалось наслѣдственнымъ въ его родѣ нѣсколько столѣтій. Въ энергичныхъ рукахъ «хитассаритовъ» Ротенну пріобрѣлъ блескъ и значеніе первой державы въ Азіи. Пуны, разселившіеся довольно узкою полосою вдоль Средиземнаго моря отъ горъ Тавра до равнинъ филистимскихъ, когда-то покровительствовали союзу, а теперь сами стали искать его защиты и помощи. На развалинахъ древней Сумиро-Аккадской имперіи возникли новыя государства, которыя держались только потому, что на нихъ никто серьезно не нападалъ; эти государства были: Бабъ-Илонъ, Ниневія, Аккадъ, Уръ и еще нѣсколько болѣе мелкихъ въ позднѣйшей Мидіи и Персіи. Большинство этихъ царствъ признали себя въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Кадешу, сдѣлавшемуся столицею Азіи. Слабымъ мѣстомъ Ротенну была южная граница, близко подходившая къ Цахи. Мелкіе филистимскіе князьки вѣчно волновались и воевали, то съ сосѣдями, то между собою. Сбрасывая съ себя иго Хеми, они искали покровительства Ротенну, а черезъ нѣсколько лѣтъ поступали наоборотъ. Благодаря цахамъ (т. е. филистимлянамъ), которыхъ нельзя было назвать ни кочевыми, ни осѣдлыми, Ротенну вынужденъ былъ вступить въ непріязненныя отношенія съ Хеми, единственнымъ государствомъ, превосходившимъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Сутенъ-шебты постоянно одерживали верхъ надъ мелехами, но, придерживаясь традиціонной политики предковъ, не дѣлали завоеваній, а ограничивались только назначеніемъ большей или меньшей дани. Наконецъ, мелехъ Хитассаръ II сознаЛъ безполезность борьбы и искренно предложилъ Рамессу II дружбу и союзъ. Этотъ союзъ былъ скрѣпленъ бракомъ дочери Хитассара съ самимъ Рамессу-Міамуномъ, и съ тѣхъ поръ согласіе между Хеми и Ротенну не нарушалось.

Читатель видѣлъ раньше, какъ честно выполнялъ Ротенну условія договора, когда Ходорнакунта, племянникъ и преемникъ Хитассара II, прислалъ вспомогательное войско во время борьбы Минепты-Хотепа съ бреномъ Маураемъ и его союзниками. Точно также поступилъ и сутенъ-шебтъ, поддержавъ своего родственника при усмиреніи возстанія дикихъ горцевъ Тавра въ странѣ Аупъ (позднѣйшая Киликія). Взаимныя услуги скрѣпляли дружбу, и, когда скончался Ходорнакунта, Минепта-Хотепъ отправилъ торжественное посольство привѣтствовать новаго мелеха Мауроссара. Разрозненныя части посольства сошлись въ Эмаѣ, торговомъ, богатомъ городѣ, расположенномъ на лѣвомъ берегу Леонтеса, на границѣ Кати, Фенеха и Ротенну. Когда караванъ, предводимый Пауеромъ

и Ваалъ-Мохаромъ, приблизился къ городскимъ стѣнамъ, часовой далъ знать; ворота отворились и египетскій губернаторъ Эмаеы выступилъ съ конвоемъ на встрѣчу верховному жрецу менъ-неферскому, двоюродному брату могущественнаго адона. Молодой губернаторъ Менъ-Мара приблизился къ носилкамъ Бекенъ-Хонзу и палъ ницъ предъ нимъ.

— Боги да благословятъ вѣрнаго слугу властителей Паториса и Патомхита,—ласково произнесъ первосвященникъ: — встань, достойный мацхоръ!

Менъ-Мара поднялся и почтительно привѣтствовалъ верховнаго жреца.

— Любимецъ боговъ, божественный мастеръ-строитель бога Пта, прими отъ ничтожнаго мацхора Менъ-Мары привѣтъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ столь далекій отъ Хеми городъ, который почитаетъ себя счастливымъ, такъ какъ его охраняетъ милостивое око великаго сутенъ-шебта.

— Благодарю, любезный Менъ-Мара. Скажи, прибылъ ли мой братъ?

— Эрпа-адонъ Ранубъ-Пехути уже вторыя сутки ожидаетъ счастья припасть къ груди своего высокоуважаемаго брата, мастера-строителя.

Караванъ двинулся впередъ, встрѣчаемый почтительными привѣтствіями египтянъ, фенеховъ, евреевъ и хеттеевъ, и черезъ четверть часа путешественники входили въ губернаторскій домъ, построенный на крутомъ берегу Леонтеса; дворъ дома, по обыкновенію, былъ обнесенъ стѣною.

Встрѣча братьевъ была вполнѣ родственная. Когда всѣ успокоились, то Ранубъ-Пехути и Бекенъ-Хонзу, пригласивъ Пинехаса, удалились для дружеской бесѣды на роскошно обставленную часть крыши, обращенную къ рѣкѣ.

— Надѣюсь, Ранубъ-Пехути, ты подѣлишься новостями со дня нашей разлуки въ Кацатѣ, а затѣмъ мы разскажемъ наши приключенія.

— Изволь, любезный братъ,—весело началъ адонъ:—въ ожиданіи вечерней трапезы, у насъ достаточно свободнаго времени побесѣдовать. Когда мы разстались съ тобою въ Кацатѣ, намъ слѣдовало отправиться съ Небанхомъ въ Аскалинъ. Черезъ часъ послѣ вашего отъѣзда, мы также выѣхали и безъ всякихъ происшествій достигли богатаго Аскалина, гдѣ находились уже всѣ князья-соперники, жаждущіе захватить престолъ покойнаго Ога.

— Навѣрно всѣ были въ сборѣ, кромѣ молодого Дагона?— тихо спросилъ Пинехасъ.

— Ты угадалъ, любезный Пинехасъ!—съ удивленіемъ отозвался адонъ:—молодой Дагонъ преспокойно охотился въ геескихъ лѣсахъ. Пришлось послать за нимъ. Когда всѣ собрались, я открылъ семейный совѣтъ и предложилъ наивный вопросъ: кто долженъ наслѣдовать князю Огу? Подобострастный Циппоръ тотчасъ указалъ мнѣ на свое право первородства и принялся убѣждать, что при немъ цахи перестанутъ бросать слова на вѣтеръ. Хитрый Оребъ перебилъ брата и краснорѣчиво сталъ доказывать, что цахамъ суждено играть важную роль, благодаря ихъ положенію вдоль моря; въ союзѣ съ фенехами и подъ покровительствомъ сутенъ-шебта, Цахи сдѣлается образованнымъ и торговымъ государствомъ, вернувъ свои старыя владѣнія до Моавитскаго моря (т. е. Мертваго). Цуръ прямо заявилъ, что отрекается отъ власти и желаетъ быть жрецомъ. Старый Дагонъ лицемѣрно, чуть не падая ницъ предо мною, громогласно заявилъ, что престолъ Аскалина всецѣло зависитъ отъ сутенъ-шебта, который выберетъ, конечно, опытнаго, знающаго князя, а не мальчишекъ. Зибъ указалъ, что самымъ мирными данниками Хеми были евреи, а потому онъ надѣется послѣдовать ихъ примѣру и оправдать довѣріе его святѣйшества. Молодой Дагонъ ничего не сказалъ, а только насмѣшливо поглядывалъ на всѣхъ, видимо обнаруживая нетерпѣніе...

— Вотъ это крайне любопытно! — воскликнулъ первосвященникъ: — очевидно, онъ разсчитывалъ на что-то, по его мнѣнію вполнѣ убѣдительное.

— Совершенно вѣрно! Пользуясь поднявшимся шумомъ, онъ подошелъ ко мнѣ и, не говоря ни слова, показалъ на рукѣ перстень своего отца Ога.

— Какое благородство съ его стороны и прямодушіе!—проговорилъ Пинехасъ.

— Я такъ и понялъ этого юношу. Увѣренный, что посланникъ сутенъ-шебта обязанъ быть представителемъ правды, Дагонъ не считалъ нужнымъ унижаться и просить, вѣря въ силу кольца, переданнаго ему умирающимъ отцомъ. Когда братья достаточно наговорились, я послалъ Небанха созвать народъ на дворцовую площадь; глашатаи быстро обошли городъ и черезъ часъ площадь была залита аскалинцами. Мы поднялись на крышу, я подошелъ къ самому краю и сказалъ рѣчь. Призываю боговъ въ свидѣтели, я говорилъ хорошо, такъ что даже самъ себѣ удивлялся; затѣмъ подозвалъ молодаго Дагона, надѣлъ на него золотую цѣпь и объявилъ аскалинскимъ княземъ. Народъ заревѣлъ отъ восторга. Жа-

лѣю очень, что васъ не было, а то вы могли бы видѣть вытянутыя лица князей, обманувшихся въ своихъ ожиданіяхъ.

— И что же? они подчинились, не затѣяли ссоры?—спросилъ Бекенъ-Хонзу.

— Даже очень зашумѣли, но Небанхъ, по моему знаку, всѣхъ арестовалъ. Когда народъ разошелся, я объявилъ Дагону, что предоставляю арестованныхъ въ его руки, и онъ благоразумно оставилъ ихъ въ заключеніи, приказавъ только обходиться съ ними ласково и не обижать. Затѣмъ новый князь устроилъ пиръ, на который пригласилъ кацатскаго князя Амала и геѳскаго князя Кацайлони. На другой день послѣ пира, я поѣхалъ сюда, причемъ пришлось потерять день въ Цорѣ, чтобы доставить удовольствіе князю Адгерваалу.

Въ это время приблизился интендантъ дома, ожидавшій вдали конца разговора, и почтительно пригласилъ къ вечернему столу губернатора. На слѣдующій день посольство выѣхало изъ Эмаѳа; перебравшись на паромѣ черезъ Леонтесъ, Пауеръ повелъ караванъ къ Сарептѣ по большой торговой дорогѣ, хотя существовала ближайшая, прямо на сѣверъ, вдоль Леонтеса и Аруната; послѣдняя называлась военною, потому что по ней обыкновенно проходили только войска, не боявшіяся набѣговъ свободолюбивыхъ лиманонитовъ, которые обитали на угрюмыхъ склонахъ Ливана, покрытыхъ лѣсами изъ дуба и кедра. Караваны же шли обыкновенно на Сарепту, гдѣ было безопасно. Вскорѣ холмы стали понижаться, показались безконечные луга и заботливо обработанныя поля. Небольшія деревушки мелькали по сторонамъ; наконецъ показались длинные складочные сараи и амбары сарептскихъ торговцевъ. Здѣсь путешественниковъ охватилъ тотъ характеръ дѣятельности, котораго они до сихъ поръ не встрѣчали. Неугомонный, немолчный шумъ города, переполненнаго снующимъ взадъ и впередъ народомъ, множество невиданныхъ чужестранцевъ, беззаботно отдыхающихъ на землѣ или ведущихъ серьезные разговоры съ владѣльцами товаровъ,—все это производило ошеломляющее впечатлѣніе.

Однако, путешественникамъ не было времени останавливаться въ Сарептѣ и они прошли весь городъ, едва замѣченные, вышли въ его сѣверное предмѣстье и продолжали свой путь къ Цидунѣ (на греческій ладъ: Сидонъ). Зеркальная поверхность Средиземнаго моря, едва колеблемая чуть слышнымъ западнымъ вѣтеркомъ, находилась отъ дороги въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей и навѣвала пріятную прохладу. Песчаный, покрытый мелкими и крупными раковинами, берегъ производилъ странное впечатлѣніе своимъ однообразіемъ послѣ роскошныхъ видовъ Кати. И этотъ не-

престанно плещущій берегъ, на которомъ часто появлялись морскія птицы съ своимъ громкимъ крикомъ, тянулся безконечною лентою; иногда вдали, на горизонтѣ, виднѣлся пуническій корабль, идущій то на веслахъ, то на парусахъ, держа курсъ къ Цору или же къ острову Асеби (т. е. Кипръ). Вечерняя сырость уже давала себя знать на приморскомъ открытомъ берегу, когда вдали показалась Цидуна. Ваалъ-Мохаръ съ нѣсколькими солдатами поскакалъ впередъ, чтобы найти ночлегъ; долго не возвращался офицеръ, и караванъ вступилъ уже въ городъ, когда онъ появился. Ночлегъ былъ разысканъ на постояломъ дворѣ, гдѣ останавливались путники. Ночь прошла спокойно и, расплатившись съ владѣльцемъ двора, караванъ покинулъ Цидуну, чтобы достичь богатѣйшаго города пуновъ, Біарута. Этотъ переходъ былъ очень непріятенъ, такъ какъ бурный порывистый вѣтеръ нагналъ тучи отъ Асеби и надъ путешественниками разразился сильный дождь. Задержанный караванъ вынужденъ былъ переночевать въ Біарутѣ (позднѣе Беритъ, а нынѣ Бейрутъ), и только на другой день продолжалъ свой путь вдоль моря, мимо городка Арки, а къ ночи достигъ сильнѣйшей пунической крѣпости Шебатуна, на берегу рѣки того же названія, въ виду послѣднихъ сѣверныхъ остроговъ Ливана. Отсюда дорога поворачивала на востокъ, покидая морской берегъ. Покинувъ предѣлы Халу (т. е. Финикіи), путники вступили въ Ротенну и вскорѣ прибыли въ Арунамъ, гдѣ хеттейскій гарнизонъ охранялъ долину Аруната отъ набѣговъ лиманонитовъ. Наконецъ, на шестыя сутки по выѣздѣ изъ Эмаѳы, посольскій караванъ благополучно достигъ столицы Ротенну—Кадеша.

Комендантъ крѣпости Арунамъ, узнавъ о посольствѣ къ новому мелеху отъ сутенъ-шебта, немедленно отправилъ гонца въ Кадешъ съ рапортомъ. Благодаря этому, когда караванъ приблизился къ роскошнымъ рощамъ, среди которыхъ начиналась столица Ротенну, на встрѣчу имъ явился придворный чиновникъ, въ сопровожденіи гвардейскаго отряда, для поздравленія съ почетнымъ для мелеха прибытіемъ ихъ въ Кадешъ. Чиновникъ провелъ ихъ по шумнымъ улицамъ города, причемъ вездѣ приготовлялись къ торжественной коронаціи и простые обыватели, и воины, и жрецы, и вельможи; наконецъ, невдалекѣ отъ дворца, въ одной изъ изящныхъ финикійскихъ построекъ въ два этажа, путешественники нашли приготовленное для нихъ помѣщеніе. Пріемъ посольства былъ вполнѣ торжественный и соотвѣтствовалъ достоинству обоихъ государствъ. Лишь только Ранубъ-Пехути и Бекенъ-Хонзу приняли ванну, освѣжились отъ пути и перемѣнили нарядъ, какъ явился одинъ изъ царскихъ совѣтниковъ поздравить ихъ съ благополучнымъ прибы-

тіемъ отъ имени молодаго монарха и предложить сластей и фруктовъ съ царскаго стола; затѣмъ вельможа любезно освѣдомился, не имѣютъ ли гости въ чемъ либо нужды, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, удалился съ пожеланіями провести пріятно наступающую ночь.

— Итакъ, дитя мое, — обратился Бекенъ-Хонзу къ Пинехасу за ужиномъ:—наступаетъ время разлуки. После коронаціи Мауроссара, мы возвратимся обратно, а твой путь еще только начинается. Когда-то мы увидимся?

— Великій учитель мой! Жизнь одного человѣка такъ ничтожна въ сравненіи съ цѣлымъ необъятнымъ міромъ, что я не думаю даже о себѣ. Высокая задача, возложенная на меня Его святѣйшествомъ, такъ сладостна моему уму, что я охотно готовъ потерять дыханіе жизни, лишь бы достичь благой цѣли и способствовать обновленію нашей религіи.

— Твое одушевленіе даетъ мнѣ надежду на радостное окончаніе дѣла. Труды, понесенные Тунари и мною для твоего воспитанія и образованія твоего ума, я считаю вполнѣ вознагражденными, видя тебя такимъ, каковъ ты теперь. Ты не увлечешься чѣмъ нибудь презрѣннымъ, достойнымъ осмѣянія, но неуклонно и энергично будешь идти къ намѣченной цѣли.

— Я думаю о предстоящемъ путешествіи достойнаго Пинехаса,— вмѣшался Ранубъ-Пехути:—дорогою необходимо быть готовымъ ко всему, а потому мнѣ пріятно, что хиръ-сешта, достигая высокихъ степеней знанія, не пренебрегъ развитіемъ своего тѣла и пріобрѣлъ силу и ловкость.

— Да, Хеми всегда заботился въ дѣлѣ воспитанія развить сильный умъ въ сильномъ тѣлѣ. Это наша гордость и наша слава многихъ вѣковъ. Ты бывалъ, братъ, среди чужестранцевъ чаще моего, и потому можешь судить: гдѣ, у какихъ народовъ руководятъ разумнѣе юношество и дѣтей?

— Клянусь памятью высокаго отца моего, Хеми выше всѣхъ народовъ.

— Слушай, Пинехасъ,—обратился верховный жрецъ къ молодому человѣку:—обдумалъ ли ты всѣ способы твоего путешествія въ Гинду?

— Даже не давалъ себѣ труда, такъ какъ свѣдѣнія святыхъ отцовъ Хеми въ землеописаніи не идутъ дальше лѣваго берега рѣки Тигра. Мнѣ необходимо побесѣдовать съ мудрецами земли Ротенну, и они научатъ меня, какъ слѣдуетъ поступать, чтобы успѣшнѣе достичь цѣли.

— Тогда тебѣ придется обождать конца всѣхъ церемоній, такъ

какъ теперь всѣ заняты предстоящими празднествами, — замѣтилъ адонъ.

— Напрасно ты думаешь такъ!—возразилъ ему Бекенъ-Хонзу:— мудрые служители храмовъ заняты коронаціею, это правда, но есть немало такихъ, которые вполнѣ погружены въ науку и рѣдко показываются въ народѣ.

— Мнѣ кажется, учитель мой, что мнѣ не тамъ надобно искать помощи. Святые отцы знаютъ много, но странствующіе торговцы и ро-хиры лучше съумѣютъ разсказать мнѣ, гдѣ какія земли и какіе народы. Съ ихъ помощью мнѣ легче узнать, что̀ приходится переносить страннику въ тѣхъ далекихъ странахъ, куда я направлю свой путь.

— Ты правъ, мой другъ, — сказалъ Ранубъ-Пехути, покидая трапезу:—у тебя вполнѣ дѣльная мысль, и я желаю тебѣ полнаго успѣха.

Собесѣдники разошлись по своимъ комнатамъ для ночнаго отдыха. Часу въ пятомъ утра, на безоблачномъ небѣ ярко свѣтило солнце, когда Пинехасъ поднялся на кровлю занимаемаго посольствомъ дома.

— Вотъ куда лежитъ мой путь,—задумчиво проговорилъ молодой ученый, любуясь природою:—туда, на востокъ! Свѣтъ истины на востокѣ!

— Преданія моего народа, — произнесъ Іегошуа, сидѣвшій у баллюстрады: — древнія сказанія евреевъ передаютъ, что наши предки пришли изъ Ура, мудрецы котораго еще въ тѣ отдаленныя времена говорили, что свѣтъ истины на востокѣ. Скажи, ребби, зачѣмъ ты стремишься на востокъ?

— Любезный Іошуа, я ѣду за свѣтомъ истины, я ищу истиннаго Бога.

— О, какъ ты великъ!—съ восторгомъ воскликнулъ юноша:— во дни моего рабства, у меня бывали досуги и я охотно тратилъ время на размышленія о богѣ. Душа и разсудокъ подсказывали мнѣ, что въ ученіи шиломскаго первосвященника есть не одинъ пробѣлъ, не одна пустота, но чѣмъ пополнить эти пробѣлы, я не могъ додуматься. А ты рѣшаешь вопросъ такъ просто: свѣтъ истины на востокѣ, такъ и иди на востокъ!

— Да, другъ мой, мудрецы Хеми указали мнѣ на далекій Гинду. Тамъ я найду разгадку того, что̀ такъ мучитъ меня. Но какъ туда попасть?

— Въ первый разъ я слышу названіе Гинду. Что это за страна?

— Если ты не отступаешься отъ своего слова, — улыбнулся

Пинехасъ:—то мы вмѣстѣ побываемъ тамъ, и тогда узнаемъ, что̀ это за страна.

— О, ребби, хотя бы я долженъ былъ подвергнуться всевозможнымъ мукамъ, я не покину тебя и всюду стану сопровождать. Когда, покрытый славою, ты вернешься на родину, люди скажутъ: Іегошуа былъ съ нимъ.

— Но они добавятъ еще, что Аоливама также не покидала своего учителя,—раздался нѣжный голосъ іевусеянки, появившейся на кровлѣ.—Господинъ! — обратилась она къ Пинехасу, обнимая его колѣни:—ты не прогонишь отъ себя своей рабы, которая будетъ служить тебѣ по мѣрѣ силъ?

— Друзья мои!—проговорилъ растроганный Пинехасъ: — вы знаете, что впереди будущее темно и мрачно. Если вы не пугаетесь неизвѣстнаго, то я охотно принимаю васъ, какъ товарищей на все, на радость и на горе. Будемъ неразлучны и, если погибнемъ, то всѣ вмѣстѣ, одинъ за другого!

XXXII. Въ царствѣ Ротенну.

Больше часу продолжалась бесѣда Пинехаса съ Аоливамою и Іегошуа. Сирота-дѣвушка, привязавшаяся къ своему благотворителю со всѣмъ пыломъ юности, тѣмъ болѣе что онъ, замѣнилъ ей отца и мать, съ нескрываемымъ восторгомъ цѣловала его ноги и руки, когда услыхала его согласіе не разлучаться. Она не задавалась матеріальными соображеніями, что̀ стала бы она дѣлать, оставаясь одинокою въ мірѣ; такія мысли были далеко отъ нея, она радовалась только тому, что тотъ, который казался ей высшимъ существомъ, чуть не богомъ, снисходитъ до нея, говоритъ съ нею, не отталкиваетъ отъ себя. Наивное дитя горныхъ долинъ Моріа, она любила впервые, но не сознавала своего чувства, а потому и не опасалась его.

Іегошуа, хотя былъ молодъ, перенесъ въ жизни немало; судьба заносила его далеко отъ Іерихона; онъ видѣлъ близко смерть, бесѣдовалъ съ людьми, которые никогда не слыхали о евреяхъ, переносилъ голодъ, жажду, зной и стужу. Все это значительно повліяло на его характеръ и сгладило много своеобразныхъ особенностей еврея. Онъ былъ тихъ, ровенъ, спокоенъ; философская мечтательность въ немъ была довольно сильна, но она скрывалась подъ маскою равнодушія. Встрѣча съ Пинехасомъ повліяла на него сильно; до сихъ поръ съ нимъ обращались, какъ съ рабомъ, и никто не считалъ его равнымъ себѣ. Этого было достаточно, чтобы

возбудить въ немъ фанатическую привязанность къ хиръ - сештѣ. Разумныя, дружескія слова Пинехаса падали на благодарную почву и дѣлали изъ Іегошуа и Аоливамы людей, готовыхъ за него въ огонь и воду. О себѣ, о своемъ прошломъ хиръ-сешта не разсказывалъ имъ ничего, но они видѣли, какъ къ нему относятся Бекенъ-Хонзу и Ранубъ-Пехути, высшіе вельможи Хеми; они слышали, что онъ любимецъ перъ-ао Минепты-Хотепа, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы они, не смотря на всѣ его усилія, держали себя передъ нимъ приниженно, готовые дѣлать все, какъ рабы. Послѣ его поступка съ Іохабетою въ Аэндорѣ, они даже боялись его. И вдругъ, въ ту минуту, когда онъ собирался пуститься въ далекій, опасный путь, онъ обратился къ нимъ съ словами безусловнаго братства и равенства. Эти ослѣпительно чудныя слова, въ эпоху власти физической силы, казались божественными и возбуждали въ слушателяхъ чувства благоговѣйнаго восторга. Іегошуа склонился, рядомъ съ Аоливамою, у ногъ Пинехаса и далъ клятву быть вѣрнымъ своему ребби до послѣдняго дыханія. Аоливама подтвердила слова его. Пинехасъ едва успокоилъ обоихъ.

— Любезный Іегошуа, навѣрно почтенный Пауеръ никуда не выходилъ изъ дому; попроси его подняться сюда и поговорить со мною,—сказалъ хиръ-сешта.

Іегошуа спустился съ крыши, а Пинехасъ обратился къ Аоливамѣ:

— Сестра моя, мы отправляемся въ далекій путь втроемъ, поэтому считаю необходимымъ напомнить тебѣ, что между нами не должно быть секретовъ. Ты, конечно, замѣтила, какъ относится къ тебѣ Іегошуа? ты замѣтила, что онъ желаетъ имѣть тебя не простою спутницею, а женою своею?

— Можетъ быть, ребби, но я не хочу его знать!—вспыхнула дѣвушка.

— Онъ прекрасный юноша; что же ты можешь имѣть противъ него?

— Ребби,—и черные глазки Аоливамы вспыхнули огонькомъ:—я сирота и нашла въ тебѣ втораго отца. Поэтому ты вправѣ распорядиться мною, какъ тебѣ угодно; ты можешь отдать меня Іегошуа, продать въ неволю; роптать я не посмѣю. Но по доброй волѣ я не хочу знать Іегошуа.

— Насиловать твою волю я не желаю, но объясни мнѣ причину?

На лицѣ дѣвушки, разгорѣвшемся отъ внутренняго волненія, была видна борьба. Она долго колебалась выдать свою тайну, свято хранимую.

— Причина простая. Іегошуа я не люблю, но люблю тебя, дорогой ребби!

Выговоривъ эти слова, Аоливама съ невѣроятною смѣлостью обняла обнаженными ручками Пинехаса и прижалась къ его груди лицомъ, какъ бы ища у него защиты отъ тѣхъ чувствъ, которыя охватили ее. Пинехасъ задумчиво поцѣловалъ ее въ лобъ; передъ его мысленнымъ взоромъ мелькнулъ образъ дивной красавицы Хашопъ, но... онъ былъ все таки дитя своего вѣка.

— Выслушай меня, Аоливама,—началъ онъ, лаская волны ея черныхъ волосъ:—ты молода и неопытна, простое чувство благодарности ты могла принять за любовь, а потомъ, когда ты истинно полюбишь Іегошуа или другаго кого нибудь, то тогда тебѣ будетъ ясно твое теперешнее заблужденіе. Поэтому, пускай пройдетъ время, чтобы ты могла убѣдиться въ своемъ чувствѣ.

— Но ты не запрещаешь мнѣ любить тебя? — тихо спросила дѣвушка.

— Для любви и ненависти нѣтъ запрета; въ этомъ отношеніи, по моему, человѣкъ долженъ быть совершенно свободнымъ. Я могу заковать въ цѣпи твое тѣло, силою рукъ принудить тебя сдѣлать что нибудь противъ твоего желанія, но мысль твоя всегда свободна, что бы ни говорили люди власти.

— И если ты убѣдишься, что моя любовь истинна? — проговорила дѣвушка.

— Тогда... тогда ты будешь моею подругою!—и противъ воли философъ нѣжно поцѣловалъ алыя губки Аоливамы, трепетавшей отъ восторга.

— О, какъ я счастлива! Благодарю тебя, дорогой ребби, благодарю.

Послышались шаги на лѣстницѣ и Аоливама, какъ юркій котенокъ, быстро убѣжала отъ Пинехаса и почти перевѣсилась черезъ баллюстраду, желая скрыть отъ постороннихъ свое счастливое личико.

— Привѣтъ тебѣ, почтенный ро-хиръ, — обратился Пинехасъ къ Пауеру, появившемуся съ Іегошуа:—я желалъ позаимствоваться твоею опытностью, прежде чѣмъ надолго скроются изъ моихъ очей лица дорогихъ мнѣ египтянъ.

— Благодарю, святой отецъ, за довѣріе, — серьезно отвѣчалъ Пауеръ:—ты желаешь, конечно, поговорить насчетъ успѣшности дальнѣйшаго пути?

— Ты не ошибся. Въ предѣлахъ Ротенну мой путь безопасенъ, я знаю это, но мнѣ хотѣлось бы лучше примкнуть къ какому ни-

будь каравану, направляющемуся къ Уру или Карья-Каймешу, чѣмъ странствовать одному.

— Вполнѣ разумное желаніе,—одобрительно кивнулъ головою ро-хиръ:—и я могу въ этомъ помочь. Исмидаганъ, мой знакомый ро-хиръ, долженъ на дняхъ вести караванъ, но я не знаю, куда именно. Поэтому, если желаешь, поспѣшимъ застать его дома, чтобы переговорить раньше, чѣмъ онъ уѣдетъ на базаръ.

— Охотно, почтенный Пауеръ,—поднялся Пинехасъ съ дивана: — когда такъ, поспѣшимъ, чтобы сегодня же я зналъ, чего слѣдуетъ держаться.

— Довольно далеко живетъ Исмидаганъ, но хорошая прогулка по такому городу, какъ Кадешъ, вполнѣ вознаградитъ за испытанную усталость.

Не садившійся изъ приличія Пауеръ послѣдовалъ за Пинехасомъ внизъ. Хиръ-сешта зашелъ въ свою комнату и завернулся въ бѣлый плащъ. На террасѣ остались въ полномъ уединеніи молчаливые молодые люди. Іегошуа нѣкоторое время безцѣльно смотрѣлъ на виднѣвшуюся вдали оживленную базарную площадь; затѣмъ взглядъ его перенесся на перевѣсившуюся граціозную фигуру Аоливамы; нѣкоторое время онъ молча любовался ею, затѣмъ съ нѣкоторою робостью сталъ приближаться къ ней. Близко подошелъ Іегошуа къ дѣвушкѣ, но долго не рѣшался заговорить съ нею и видимо мѣнялся въ лицѣ.

— Аоливама!—рѣшился онъ наконецъ окликнуть задумавшуюся іевусеянку.

Та медленно повернулась къ нему и выжидательно уставилась на юношу.

— Выслушай меня,—рѣшился Іегошуа, опуская однако глаза:—мнѣ двадцатый годъ, но я не зналъ радости въ моей жизни. Еще ребенкомъ увели меня въ плѣнъ, и мнѣ пришлось вкусить всего горькаго, что выпадаетъ на долю несчастныхъ невольниковъ. Восемнадцать дней тому назадъ, солнце счастья послало мнѣ свой лучъ и благородный ребби Пинехасъ сдѣлалъ меня свободнымъ. До настоящаго времени я не зналъ женщинъ, не искалъ ихъ и не нуждался въ нихъ, но когда слово свобода перестало быть пустымъ звукомъ для меня, я почувствовалъ желаніе имѣть подругу. Твое дружеское, ласковое обхожденіе во время пути внушило мнѣ мысль, что мы близки одинъ другому, какъ уроженцы земли іевусеевъ. Трогательное твое заступничество предъ нашимъ ребби, когда я узналъ, что остался одинокимъ въ мірѣ, заставило меня думать, что и ты не прочь быть моею женою. Теперь, когда мы предпринимаемъ путешествіе въ невѣдомый Гинду, мнѣ хотѣлось бы знать,

не согласишься ли ты быть моею единственною женою, такъ какъ обѣщаюсь при тебѣ не имѣть другой жены.

Воцарилось молчаніе; только издали неслись слабые звуки музыки.

— Ты добрый и хорошій человѣкъ, Іегошуа; быть твоею сестрою и любить тебя я согласна, такъ какъ мы сироты и одиноки передъ Іеговою, но быть твоею женою я не могу и не желаю; только ты не сердись за это на меня.

— Ты не можешь и не желаешь! Что это значитъ? какъ тебя понять?

— Какъ хочешь, такъ и понимай,—уклончиво отвѣтила жестокая.

— Одно могу я подумать, что ты уже любишь кого нибудь?

— А еслибы и такъ? Развѣ ты хочешь запретить мнѣ любить?

— Аоливама, яркій лучъ въ моей жизни, украшеніе Шалема, зачѣмъ ты говоришь такимъ голосомъ? Вѣдь я не властенъ надъ тобою, я не могу ничего запрещать. Но скажи только мнѣ: кто избранникъ твой?

— Зачѣмъ же тебѣ знать? къ чему это женское любопытство?

— Скажи мнѣ, какъ брату. Если онъ достойнѣе меня, я охотно уступлю, чтобы не нарушать твоего благополучія въ объятіяхъ любимаго человѣка.

— Скрываться мнѣ нѣтъ надобности. Я могу сказать тебѣ одно, что благородный Пинехасъ позволилъ мнѣ любить его, какъ я только умѣю.

Іегошуа поблѣднѣлъ и машинально прислонился къ баллюстрадѣ.

— Прости меня, Аоливама,—заговорилъ онъ тихо, послѣ долгаго молчанія:—я былъ слѣпъ и самонадѣянъ по моей молодости. Бороться съ ребби Пинехасомъ я не рѣшусь, конечно, и съ этихъ поръ ты не услышишь о моей любви.

— Благодарю тебя за уступчивость и помни, что лучшей сестры ты не найдешь ни въ комъ, какъ во мнѣ. По мѣрѣ силъ, я готова служить тебѣ.

Съ этими словами, Аоливама ушла съ террасы въ комнаты, оставивъ Іегошуа одного. Молодой человѣкъ, съ разбитыми мечтами, опустился на стоящій вблизи мягкій табуретъ и глубоко задумался о чемъ-то.

Тѣмъ временемъ, Пинехасъ и Пауеръ быстро шагали по оживленнымъ улицамъ Кадеша, переполненнымъ снующими обитателями. Они миновали шумный базаръ, гдѣ разноплеменные купцы на разныхъ языкахъ выкрикивали достоинства своихъ товаровъ; тутъ лежали груды иноземныхъ фруктовъ, въ досчатыхъ балаганахъ были навалены различныя ткани, начиная отъ грубой льняной, не-

бѣленой, до тончайшаго пурпурнаго виссона; въ толпѣ расхаживали полунагіе уроженцы горнаго Ашура (или Ассиріи) съ ларцами, переполненными драгоцѣнными каменьями; а въ сторонѣ, подъ обширнымъ навѣсомъ, торговали невольниками. Тутъ были представители и представительницы разныхъ странъ: отъ глубины Негеба до береговъ Дуная и сѣверныхъ склоновъ Кавказа, отъ береговъ Арно и Тибра до хребта Гинду - Кушъ; живой товаръ щупали, заставляли скалить зубы, воловьи бичи щелкали по спинамъ неповоротливыхъ или непокорныхъ, и тутъ же заключались сдѣлки. А между тѣмъ среди толпы расхаживали свѣтловолосые либу и горбоносые гайкане, веселя народъ пѣснями и фокусами. Надо всѣмъ же базаромъ господствовалъ немолчный шумъ и гамъ, сливаясь въ общій гулъ.

Кое-какъ удалось египтянамъ пересѣчь базаръ и они пошли по сравнительно спокойной улицѣ, искривленной, изрытой колеями, но также полной народа, спѣшившаго на базаръ. Пинехасу и Пауеру пришлось пересѣкать нѣсколько улицъ, поворачивать то вправо, то влѣво, чтобы не быть сбитыми съ ногъ рослыми носильщиками съ большими тяжестями, какъ вдругъ на небольшой площади, окаймленной глиняными мазанками, имъ попался на встрѣчу высокій, полный мужчина, краснощекій, съ тюрбаномъ на головѣ.

— Исмидаганъ, будь здоровъ!—окликнулъ его Пауеръ, останавливаясь.

— А, Пауеръ, боги да покровительствуютъ тебѣ! — отвѣчалъ незнакомецъ на бѣгломъ, хотя плохомъ египетскомъ языкѣ, и быстро подошелъ къ нему.

— Передъ тобою святой отецъ Пинехасъ, ученѣйшій хиръ-сешта Хеми, — отрекомендовалъ Пауеръ своему знакомому молчавшаго Пинехаса.

Исмидаганъ быстро дотронулся земли пальцами, привѣтствуя ученаго.

— Святый отецъ, благослови недостойнаго ро-хира Исмидагана.

— Развѣ ты исповѣдуешь нашу религію?—съ удивленіемъ спросилъ Пинехасъ.

— Положимъ, что нѣтъ! Но боги всѣхъ странъ, которыя я посѣщалъ и посѣщаю, благосклонно покровительствуютъ мнѣ, а потому я глубоко уважаю служителей всѣхъ боговъ, какіе только существуютъ въ мірѣ.

— Мы направлялись къ тебѣ, Исмидаганъ,—началъ серьезный Пауеръ.

— Если вы желаете здороваго невольника для носки тяжестей или красивую наложницу, умѣющую танцовать, то опоздали, такъ

какъ еще третьяго дня я продалъ остатки и теперь у меня пусто, какъ въ сумѣ нищаго.

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло,—усмѣхнулся Пауеръ:—ты когда намѣренъ отправиться съ караваномъ и въ которую сторону будетъ твой путь?

Исмидаганъ поправилъ на головѣ съѣхавшій тюрбанъ и задумался.

— Положимъ, меня торопитъ богатый Ребисуана и его другъ Хирамъ, но мнѣ хочется остаться въ Кадешѣ на праздникъ коронаціи мелеха.

— Мой другъ, это все таки не отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Лукавый хеттей громко захохоталъ, причемъ его щоки затряслись.

— Узнаю грознаго Пауера. Не дастъ отдыха, пока не отвѣтишь ему. Но я желалъ бы знать, почему ты спрашиваешь меня объ этомъ?

— Святой отецъ Пинехасъ желаетъ ѣхать изъ Кадеша при караванѣ.

— А сколько будетъ недостойному Исмидагану за прибавку хлопотъ?

— Объ этомъ мы поговоримъ тогда, когда будемъ знать, что можетъ предложить святому отцу ро-хиръ Исмидаганъ,—отвѣтилъ практичный Пауеръ.

— Предполагаю, что объ этомъ неудобно бесѣдовать на площади; зайдемте лучше къ Таргатѣ; это близко возлѣ базара и за кружкою пива мы живо покончимъ.

— Кто это Таргата? — съ видомъ недоумѣнія спросилъ Пинехасъ.

— Святой отецъ, это благочестивый служитель богини Астарты, у котораго всякій странникъ найдетъ пріютъ, пищу и платье,— отвѣчалъ Исмидаганъ.

— Я пойду туда, если буду знать, куда направляется твой караванъ.

Жадный до угощенья хеттей долго мялся въ нерѣшимости, поправляя поясъ.

— Послушай, Исмидаганъ,—началъ рѣзко Пауеръ:—мы знаемъ другъ друга нѣсколько лѣтъ и съ твоей стороны просто глупо думать, что святой отецъ или я перебьемъ твою работу. Я, какъ ты знаешь, ѣзжу только изъ Цоана въ Кадешъ и состою на государственной службѣ, а святой отецъ—путешественникъ, чуждый торговли.

— Знаю отлично, достойный Пауеръ, и ты не сердись на меня, вѣдь каждый оберегаетъ себя,—залебезилъ Исмидаганъ, и затѣмъ

дружелюбно обратился къ Пинехасу: — святой отецъ, я человѣкъ простой и прямой, у меня слово нераздѣльно...

— Скажи, Исмидаганъ, куда ты поѣдешь и когда?—перебилъ его Пауеръ.

— Я ѣду въ Грееннту треенскую,—съ видимымъ сожалѣніемъ произнесъ хеттей.

— Зачѣмъ же ты насъ задерживалъ такъ долго! Идемъ, святой отецъ!—съ гнѣвомъ крикнулъ Пауеръ и быстро зашагалъ обратно къ базару, не простясь со знакомымъ.

Исмидаганъ покачалъ головою, глядя на удаляющихся, прищелкнулъ нѣсколько разъ языкомъ и даже поднялъ обѣ руки къ верху, какъ бы призывая небеса въ свидѣтели своей невиновности въ происшедшемъ. Постоявъ немного на мѣстѣ, онъ пошелъ къ базару.

Раздосадованный Пауеръ уже врѣзался съ Пинехасомъ въ густую толпу, тѣснившуюся въ узкомъ проходѣ возлѣ невольничьяго навѣса, какъ вдругъ ро-хиръ остановился неожиданно, такъ что шедшій сзади его фенехъ невольно ударилъ его въ спину. Нѣсколько секундъ Пауеръ соображалъ что-то среди общаго гвалта.

— Идемъ сюда!—проговорилъ онъ, увлекая молодаго ученаго подъ навѣсъ.

Растолкавъ налетѣвшихъ на нихъ торговцевъ невольниками, на перебой предлагавшихъ и выхвалявшихъ свой товаръ, ро-хиръ добрался до величаваго фенеха, сидѣвшаго въ отдаленномъ углу навѣса на массивномъ кедровомъ обрубкѣ. Это былъ пожилой мужчина безъ бороды, худощавый, какъ Пауеръ, гордо задрапированный въ красный плащъ съ золотымъ аграфомъ, изъ-подъ котораго выглядывали его почернѣвшія отъ непогоды руки и шея. Словно владыка, онъ отдавалъ приказанія подручнымъ, такъ какъ половина наличныхъ невольниковъ составляли его собственность; прикащики то и дѣло передавали ему плату.

— Привѣтъ тебѣ, достойный Гацеримъ! — подошелъ къ нему важно Пауеръ.

— Благословляю часъ, когда мои очи увидѣли тебя,—любезно отвѣтилъ Гацеримъ, но не вставая съ мѣста: — Хирамъ, подай сидѣнье моимъ господамъ.

Бойкій черноглазый юноша быстро и ловко исполнилъ приказаніе.

Гости сѣли и нѣсколько времени молчали, какъ того требовалъ этикетъ.

— Желаніе ваше будетъ немедленно исполнено,—обратился къ

нимъ фенехъ:—какую вамъ нужно: полную, худощавую, высокую маленькую, бѣлую, темную...

— Товаръ почтеннаго Гацерима такъ доброкачественъ,—польстилъ ро-хиръ:—что нашихъ денегъ не хватило бы оплатить послѣднюю дурнушку...

— Египтяне народъ богатый, и я повѣрю на вексель съ переводомъ на брата.

— Но на этотъ разъ цѣль нашего посѣщенія—не прекрасныя невольницы.

— Простите, если такъ, мою болтливость. Я нѣмъ, какъ степь въ полдень.

— Святой отецъ Пинехасъ, сидящій направо отъ тебя, желаетъ присоединиться къ какому либо каравану, отправляющемуся на востокъ. Зная, что Гацеримъ всегда самъ водитъ свои караваны, и помня его дружбу и расположеніе, я пришелъ спросить, не затруднитъ ли тебя, если святой отецъ примкнетъ къ тебѣ на весь путь, имѣя при себѣ мужчину и женщину.

— Я помню услуги, оказанныя мнѣ Пауеромъ два раза, а потому скажу: мой караванъ выступаетъ послѣ завтра, а святой отецъ будетъ мнѣ сыномъ. Теперь же, святой отецъ, — обратился Гацеримъ къ молчавшему все время Пинехасу:—не сочти за трудъ сказать, кто ты и куда направляешься изъ Хеми?

— Пинехасъ мое имя, менъ-неферскіе ученые даровали мнѣ званіе хиръ-сешты, а ѣду я по волѣ его святѣйшества на крайній востокъ, за пустыни.

Гацеримъ опустилъ голову и задумался на нѣсколько мгновеній, затѣмъ всталъ передъ Пинехасомъ и степенно дотронулся рукою до земли.

— Если ты Пинехасъ, сынъ моего друга Мардохъ-Идинакэ, то я самъ, вмѣстѣ со всѣмъ моимъ состояніемъ безусловно отдаюсь въ твое распоряженіе. Слава объ ученомъ другѣ великаго сутенъ-шебта достигла и до моихъ скромныхъ ушей.

— Благодарю, достойный Гацеримъ, отъ имени моего отца, дорогаго отца, за ласку и доброту; надѣюсь, конечно, что я не очень обременю тебя своимъ присутствіемъ въ пути?

— Послѣ завтра я ожидаю тебя съ восходомъ солнца у сѣверныхъ воротъ.

Дружески распростившись съ Гацеримомъ, Пинехасъ и Пауеръ вышли изъ-подъ навѣса и, пробравшись сквозь шумную толпу на базарѣ, не спѣша, направились къ посольскому дому, съ любопытствомъ разсматривая все попадающееся на пути. Они попали какъ разъ въ обѣденную пору.

За обѣдомъ, Ранубъ-Пехути передалъ Пинехасу, что молодой монархъ Ротенну, Мауроссаръ, выразилъ желаніе познакомиться съ египетскимъ хиръ-сештою, отправляющимся въ столь отдаленное путешествіе, и помочь ему въ его предпріятіи по мѣрѣ возможности. Аудіенція должна была произойти негласно, такъ какъ коронація назначалась только на слѣдующій день.

Темнота уже спустилась надъ Кадешомъ и неугомонный городъ затихъ, когда изъ посольскаго дома шесть рослыхъ та-хонтовъ вышли съ носилками, въ которыхъ сидѣли главнокомандующій и философъ; вокругъ нихъ до десятка рабовъ шли съ факелами, освѣщая путь, а впереди шелъ Ваалъ-Мохаръ съ почетнымъ конвоемъ. Кортежъ направился къ одному изъ подъѣздовъ дворца.

— Ученый мужъ,—любезно говорилъ стройный, красивый мелехъ:—когда я былъ наслѣдникомъ, то самъ мечталъ странствовать по далекимъ и безвѣстнымъ странамъ. Увы, боги не дозволили осуществиться моему желанію! Узнавъ отъ высокороднаго эрпа Ранубъ-Пехути о твоемъ намѣреніи, я пожелалъ помочь тебѣ, а потому повелѣлъ изготовить охранную грамоту, во имя которой всѣ правители въ предѣлахъ союза Ротенну окажутъ тебѣ помощь и покровительство. Прими отъ меня эту грамоту, припоминая дорогою малоопытнаго въ жизни, и будь здоровъ!

Послѣ церемоніальнаго поклона, мелехъ удалился изъ комнаты, а египтяне спокойно и весело возвратились домой по улицамъ спящаго Кадеша.

XXXIII. Отъ Кадеша до Карья-Каймеша.

— Боги да сопутствуютъ намъ въ нашемъ пути и да защитятъ насъ отъ чаръ и дурныхъ намѣреній злыхъ духовъ!—произнесъ Гацеримъ торжественно, сидя верхомъ на конѣ передъ своимъ караваномъ, и совершилъ возліяніе богамъ.

Окончивъ религіозный обрядъ, смуглый фенехъ въ красномъ плащѣ и тюрбанѣ поворотилъ лошадь и караванъ тронулся въ путь изъ столицы Ротенну. Такъ какъ спеціальностью Гацерима, очень уважаемаго и богатаго человѣка, была торговля невольницами, то неутомимый фенехъ, обладающій желѣзнымъ здоровьемъ, имѣлъ три конторы, если такъ можно выразиться: въ Тирѣ (египетскій Цоръ), Кадешѣ и Бабъ-Илонѣ. Такъ какъ, благодаря многолѣтней своей практикѣ, онъ хорошо зналъ вкусы покупателей, то сортировалъ свой товаръ, и поэтому рѣдко случалось, чтобы по окончаніи торговли ему приходилось увозить обратно болѣе какого

нибудь десятка невольницъ. Такъ было и на этотъ разъ. Окончивъ дѣла въ Кадешѣ, онъ ѣхалъ теперь пополнять кадры своихъ рабынь на востокъ: при караванѣ было всего четыре женщины, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ уже на проданныхъ, зная навѣрняка, что въ Карья-Каймешѣ ихъ купятъ у него. Заботливый купецъ, онъ не позволялъ имъ идти пѣшкомъ и онѣ помѣщались въ приличныхъ носилкахъ. Третьи щегольскія носилки принадлежали Пинехасу, который занималъ ихъ съ Аоливамою и Іегошуа. Впереди и сзади носилокъ выступали верблюды, на горбатой спинѣ которыхъ помѣщался багажъ. Все это охватывалось кольцомъ невольниковъ, которые, по первому знаку хозяина, превращались въ солдатъ и смѣло дрались съ нападающимъ врагомъ, зная, что безстрашный Гацеримъ, хотя суровъ и непривѣтенъ, но справедливъ и безъ награды никогда не оставитъ вѣрнаго и преданнаго слугу. Этотъ конвой, хорошо дисциплинированный и повинующійся малѣйшему знаку своего хозяина, доходилъ до пятидесяти человѣкъ; за поясомъ у каждаго было по два ножа: одинъ прямой, въ родѣ мясницкаго, а другой—кривой, похожій на ятаганъ; кромѣ того, въ особой повозкѣ, которую везли два рослыхъ невольника,—одинъ пелазгъ, а другой гайканъ,—помѣщались тяжелыя палицы, топоры и луки со стрѣлами. Средствъ къ защитѣ было много.

Отъ сѣверныхъ воротъ Кадеша дорога сначала шла одна, но вскорѣ она раздѣлилась на три. Сѣверный путь направлялся на Уръ, одинъ изъ стариннѣйшихъ городовъ нижняго Ротенну (нынѣшней Сиріи); средній — на Бамбице и Харранъ, лежащіе на рубежѣ Нагараины (т. е. Междурѣчье, или Месопотамія); третій, самый южный, шелъ на Татсакъ и Карья-Каймешъ, омываемые Евфратомъ и служившіе посредниками между Финикіею и Бабъ-Илономъ. Гацеримъ повернулъ коня на послѣднюю дорогу, прямо на востокъ. Обогнувъ красивое озеро, раскинувшееся среди веселыхъ рощъ на часъ ѣзды отъ Кадеша, караванъ вступилъ въ роскошную равнину, которая тянулась отъ Аруната до Евфрата. Тамъ, гдѣ теперь голые пески и безводная, обнаженная пустыня, богатая лишь историческими воспоминаніями, въ ту отдаленную эпоху виднѣлись пальмовые лѣса, обильные травою луга, заботливо содержащіяся нивы и шумные, многолюдные города, изъ которыхъ почти каждый принималъ дѣятельное участіе въ торговлѣ Запада съ Востокомъ. Одно только темное пятно было у нижняго Ротенну. Южная граница его соприкасалась со степями сѣверной Аравіи, обитатели которой нерѣдко врывались бурнымъ ураганомъ, рѣзали, грабили и жгли все, попадавшееся на пути, кое-кого забирали въ плѣнъ и затѣмъ безслѣдно исчезали.

— Да, — говорилъ задумчиво Гацеримъ, подъѣхавъ къ носилкамъ Пинехаса.—немало похоронилъ я здѣсь человѣческихъ жизней, я, простой торговецъ, а сколько погибло въ этихъ живописныхъ мѣстностяхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей! Сколько погребено состояній, имуществъ! А между тѣмъ, никакихъ мѣръ охраны!

— Дѣйствительно, на первый взглядъ странно!—подтвердилъ Пинехасъ:—И какая разница, если сопоставить Хеми съ Ротенну! Тамъ, на родинѣ, полная забота охраняетъ жизнь и имущество подданныхъ, такъ какъ перъ-ао сознаётъ, что его слава и величіе находятся въ полной зависимости отъ благосостоянія государства, а здѣсь? Торгашескій лагерь, который заботится только о текущемъ днѣ, ничуть не думая, что будетъ завтра. Возникъ Ротенну по милости нѣсколькихъ алчныхъ барышниковъ, неспособныхъ ни къ какому серьезному труду, и по ихъ же винѣ долженъ будетъ погибнуть безславно.

— Не хочешь ли ты этими словами бросить грязью въ мое дѣло?

— Нѣтъ, любезный Гацеримъ, ты не торгашъ, а торговецъ, а это не одно и то же, какъ я думаю! — слегка улыбнулся Пинехасъ, глядя на фенеха.

— Я не привыкъ къ такимъ тонкостямъ, поэтому объяснись, святой отецъ!

— Ты торговецъ, человѣкъ разсудительный и добросовѣстный. Съ издержками, затратами, усиленными личнымъ трудомъ, подвергаясь опасностямъ жизни, ты добываешь тотъ или другой товаръ, требуемый покупателемъ. Кто же вправѣ будетъ упрекнуть тебя въ желаніи заработать что нибудь сверхъ затраченнаго тобою. И ты не одинъ такой, весь Халу честно и усердно зарабатываетъ кусокъ хлѣба въ потѣ лица; всѣ фенехи, разсѣянные по всѣмъ различнымъ землямъ, одинаково симпатичны по своему трудолюбію. Но возьми теперь хеттеевъ. Чѣмъ они занимаются, какъ они заработываютъ насущное пропитаніе? Въ лѣвую руку берутъ товаръ сосѣда, а правою рукою передаютъ другому сосѣду. Въ этомъ весь ихъ трудъ! И чтобы обезпечить себѣ барыши, они заключили союзъ между собою: бить всякаго, кто будетъ имъ мѣшать въ этомъ. Вотъ какъ создалось государство Ротенну. Явились честолюбцы и создали могущественный союзъ, съ мелехомъ во главѣ; всѣ заботы мелеха, князей и старѣйшинъ обращены только на то, чтобы разбогатѣть, но никто не заботится о безопасности пахаря и ремесленника.

— Такъ вотъ ты кого называешь торгашемъ, — проговорилъ внимательно слушавшій фенехъ:—вижу теперь, что тебя неда-

ромъ назвали мудрецомъ. Твои слова отъ сердца, а потому они разумны и правдивы. Многія мысли являлись и въ моей головѣ, но я словъ не находилъ. Что ты, Хирамъ?

— Хозяинъ, впереди, по правую руку, очень подозрительная пыль, — скороговоркою доложилъ молодой Хирамъ, котораго мы видѣли уже на базарѣ.

Гацеримъ пришпорилъ коня и понесся во главѣ нѣсколькихъ конныхъ рабовъ впереди каравана на нѣсколько десятковъ шаговъ. Шедшій впереди десятникъ, замѣтивъ условный знакъ хозяина, остановился, а за нимъ сталъ и весь караванъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось томительное молчаніе. Всѣ съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ Гацерима, зорко вглядывавшагося въ ясную, лучезарную даль, затемненную на горизонтѣ облакомъ пыли. Наконецъ, старый фенехъ махнулъ рукою и все пришло въ движеніе, караванъ снова тронулся въ путь. Хозяинъ опять подъѣхалъ къ Пинехасу.

— Ложная тревога!—проговорилъ онъ равнодушно:—эта тревога только подтверждаетъ нашъ разговоръ о премудромъ союзѣ князей Ротенну. Только и вздохнешь свободно, когда пріѣдешь въ нашу Финикію. Правда, насъ безпокоятъ филистимляне и киликійцы, но противъ нихъ приняты мѣры и путешествіе по всей странѣ безопасно: не надо остерегаться, что вотъ—вотъ налетятъ враги.

— Это правда! Но солнце близко къ закату; гдѣ мы будемъ ночевать?

— Конечно, въ Каматѣ, такъ какъ до него остался одинъ часъ пути, не болѣе.

Перекидываясь незначительными фразами, они незамѣтно подвигались впередъ и неожиданно вступили въ своеобразный, весь потонувшій въ садахъ, городъ Каматъ. Узнавъ богатаго Гацерима, дежурный полицейскій у городскихъ воротъ съ почтительною улыбкою принялъ отъ него «благодарность» въ видѣ нѣсколькихъ вещицъ изъ стекла, а затѣмъ подозрительно взглянулъ на египетскаго хиръ-сешту, чутьемъ угадавъ, что онъ—чужой Гацериму. Пинехасъ молча подалъ ему охранную грамоту. Увидя царскую печать, полицейскій мгновенно перемѣнился и раболѣпно сталъ извиняться за безпокойство.

— Дай ему что нибудь!—шепнулъ старый фенехъ Пинехасу, пока хеттей величалъ его «святѣйшимъ отцомъ», «лучезарнымъ другомъ мелеха» и «владыкою».

Пинехасъ послѣдовалъ совѣту Гацерима и полицейскій отвязался отъ нихъ. Ночь на заѣзжемъ дворѣ прошла безъ всякихъ

приключеній и на слѣдующее утро караванъ двинулся въ путь, ничѣмъ не отличавшійся отъ пройденнаго наканунѣ. Слѣдующій ночлегъ былъ въ небольшомъ городкѣ Дебеху, въ которомъ даже полицейскихъ не было. Здѣсь, въ знакъ довѣрія къ Пинехасу, Гацеримъ позвалъ при немъ невольницъ и накормилъ ихъ ужиномъ за общимъ столомъ. Первое время онѣ стѣснялись, думая, что передъ ними покупатель, но, убѣдившись въ своей ошибкѣ, принялись весело болтать между собою на пелазгическомъ языкѣ, котораго никто не понималъ. У Іегошуа и глаза разгорѣлись, глядя на этихъ чужеземныхъ красавицъ, но суровый хозяинъ скоро прогналъ ихъ спать. На утро пришлось отправиться дальше на востокъ. Уже прошелъ полдень, когда ложная тревога возобновилась. На горизонтѣ показались вооруженные люди; оказалось, что тадморскій князь Цауа-Цасъ со свитою ѣхалъ въ Кадешъ. Гордый князь быстро проскакалъ мимо каравана, не удостоивъ даже отвѣтить на поклонъ торговца невольницами, и быстро исчезъ среди облаковъ пыли. Ничтожная деревушка не внушала довѣрія Гацериму, и онъ рѣшился устроить ночлегъ подъ открытымъ небомъ, среди пышныхъ пальмъ и смоковницъ, на берегу скромнаго ручья. Пинехасъ устроился поудобнѣе на сонъ грядущій подъ старою смоковницею, имѣя вблизи Іегошуа; носилки онъ предоставилъ Аоливамѣ, гдѣ она была болѣе защищена отъ ночной свѣжести. Тихій сонъ смежилъ очи хиръ-сешты, какъ вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то дергаетъ его за руку.

— Ребби, проснись! — проговорила чуть слышно ему на ухо молодая дѣвушка:—я видѣла сейчасъ за этимъ костромъ голову страшнаго бедави.

Беззвучно и тихо поднялся Пинехасъ. Тогда Аоливама торопливо передала ему, что ей отчего-то не спалось и она любовалась чуднымъ звѣзднымъ небомъ, какъ вдругъ на нѣкоторомъ разстояніи за сторожевымъ костромъ мелькнула характерная бритая голова шазу. Разбудивъ Іегошуа, Пинехасъ велѣлъ ему завыть краснымъ степнымъ волкомъ; это былъ условный знакъ. Чуткій старый Гацеримъ былъ моментально на ногахъ, какъ только подражаніе Іегошуа коснулось его уха. Онъ быстро подошелъ.

— Въ чемъ дѣло? — беззвучно спросилъ онъ, приблизясь къ Пинехасу.

— Если Аоливама не ошиблась, къ намъ подкрались смѣлые шазу.

Однако вой краснаго волка разбудилъ многихъ невольниковъ, бывавшихъ въ опасной передѣлкѣ. Не прошло минуты, какъ запасные костры запылали по всей линіи и освѣтили довольно да-

леко зеленѣющую равнину. Привычный фенехъ быстро роздалъ оружіе и смѣло сталъ впереди всѣхъ.

Благодаря отблеску огней, на широкой равнинѣ обозначилась грозная толпа бедави, частью пѣшихъ, частью конныхъ. Видя, что ихъ присутствіе открыто, начальникъ нападающихъ тихо сказалъ что-то окружавшимъ его, и всѣ пѣшіе двинулись впередъ, пуская наугадъ стрѣлы и испуская крики:

— Впередъ, дѣти пустыни! впередъ за Колай-Харбомъ, добыча насъ ждетъ!

— Дружно на врага! — раздался голосъ Гацерима съ такою силою, что Іегошуа вздрогнулъ:—Горцы Лиманона, докажите, что вы не трусливыя бабы!

Большинство невольниковъ стараго фенеха были лиманониты, съ незапамятныхъ временъ отличавшіеся мускульною силою и неустрашимостью. Бодро встрѣтили они натискъ шазу и, подпустивъ ихъ на близкое разстояніе, пустили въ ходъ палицы, окованныя на концѣ мѣдью; искусно владѣя этимъ страшнымъ въ опытныхъ рукахъ оружіемъ, отрядъ Гацерима быстро перешелъ въ наступленіе. Стоны раненыхъ, отрывистыя восклицанія дерущихся и багровое пламя костровъ придавали отчасти фантастическій видъ этому неожиданно возникшему сраженію. Іегошуа первое время оробѣлъ отъ неожиданности нападенія, растерялся и не зналъ, что дѣлать, но видя, какъ Пинехасъ спокойно взялъ въ руки палицу и сталъ въ ряды бойцовъ, довольно скоро опомнился, вскочилъ на первую попавшуюся лошадь и, вооруженный топоромъ, присоединился къ кучкѣ конныхъ невольниковъ, сторожившихъ издали. Дѣйствительно, пока пѣшіе отступали подъ меткими ударами лиманонитовъ, конные шазу тихо стали подкрадываться къ тылу каравана у самаго ручья, разсчитывая захватить врага съ тыла. Однако они ошиблись въ разсчетѣ; ихъ ожидали и съ этой стороны. Тогда оба отряда спѣшились и схватились въ рукопашную. Быстрымъ движеніемъ шазу смяли рабовъ, но Іегошуа очутился впереди всѣхъ и съ безумною отвагою вступилъ въ бой. Каждый ударъ его топора наносилъ смерть, а быстрота движеній спасала его самого; шазу должны были сознаться, что встрѣтили достойнаго противника, такъ какъ въ сражающемся они цѣнили больше всего силу удара и легкость движеній.

Кучка шазу, стоявшая вдали съ Колай-Харбомъ, своимъ предъ водителемъ, не выдержала, когда отрядъ Гацерима сталъ тѣснить ихъ единоплеменниковъ, и бросилась на помощь, оставивъ лошадей на произволъ судьбы.

— Впередъ за Колай-Харбомъ! — раздался ихъ воинственный

кличъ, и бой на ножахъ, палицахъ и топорахъ загорѣлся еще сильнѣе по всей линіи.

— Впередъ за мной!—гремѣлъ Гацеримъ, размахивая окровавленнымъ топоромъ.

Пинехасъ молча подвигался впередъ; его страшная палица ни разу не опускалась безполезно, каждый ударъ повергалъ на землю шазу съ разбитымъ черепомъ. Какъ вдругъ сильный встрѣчный ударъ вырвалъ изъ его рукъ смертоносное оружіе и передъ нимъ очутился Колай-Харбъ, тоже съ пустыми руками.

— Помѣряемся лучше такъ!—крикнулъ громко стройный предводитель, и у сына пустыни началось единоборство съ воспитанникомъ храмовъ Хеми.

Хотя у Гацерима дрогнуло сердце за его гостя, какимъ онъ считалъ Пинехаса, однако, уважая воинскую честь, не смѣлъ броситься на помощь. Тѣ же побужденія руководили и противною стороною; такимъ образомъ, бой незамѣтно прекратился и водворилась тишина, причемъ лиманониты и шазу внимательно слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ Колай-Харба и Пинехаса,

Костры потухали, но, взамѣнъ ихъ, за ручьемъ брызнули первые лучи восходящаго солнца, озаряя своимъ блескомъ печальное мѣсто побоища.

Долго поединокъ продолжался при одинаковыхъ условіяхъ, но усталость дала себя знать арабскому герою, проведшему всю ночь безъ сна; онъ почувствовалъ упадокъ силъ въ крѣпкихъ объятіяхъ соперника и въ эту секунду ихъ глаза встрѣтились. Обыкновенно блѣдное лицо Пинехаса слегка зарумянилось, глаза его искрились, а сильныя руки все плотнѣе и плотнѣе прижимали къ груди Колай-Харба; наконецъ Пинехасъ почувствовалъ, что руки шазу разжались и онъ сталъ какъ бы биться въ судорогахъ, затѣмъ все стихло. Руки побѣдителя тоже опустились, и гордый предводитель упалъ къ его ногамъ, какъ снопъ.

— Впередъ за мной! — грянулъ Гацеримъ и ринулся впередъ на шазу.

Это было уже не сраженіе, а бойня. Упавшіе духомъ, охваченные страхомъ при видѣ смерти вождя-героя, шазу почти не защищались. Не прошло и десяти минутъ, какъ всѣ дѣти пустыни были безжалостно перебиты.

Предсмертные крики умирающихъ подъ ударами лиманонитовъ раздавались еще при солнечномъ сіяніи, а Пинехасъ задумчиво стоялъ на колѣняхъ передъ низверженнымъ врагомъ и пытливо вглядывался въ его смуглое лицо, выразительное и красивое. Когда

онъ случайно поднялъ голову, то увидалъ передъ собою Аоливаму, стоявшую въ нѣмомъ восхищеніи въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Знаешь что, дитя мое? мнѣ кажется, что Колай-Харбъ живъ,—тихо, но радостно проговорилъ молодой ученый, забывая, что онъ побѣдитель.

Чуткое сердце іевусеянки подсказало ей все величіе милосердія.

— Великій передъ богомъ и передъ людьми! Аоливама все сдѣлаетъ, если ты велишь ей: она твоя раба. Ты желаешь, чтобы онъ жилъ, онъ будетъ жить.

— Да, — величаво произнесъ Пинехасъ, поднимаясь во весь ростъ:—я хочу, чтобы онъ жилъ. Колай-Харбъ, проснись, я приказываю тебѣ именемъ бога...

Произнося эти слова, хиръ-сешта сдѣлалъ таинственныя движенія руками надъ тѣломъ шазу. Вотъ дрогнули вѣки мертвеца, грудь заколебалась отъ дыханія, онъ слабо взмахнулъ руками и открылъ усталые глаза. Затѣмъ, медленно поднялся съ земли, съ изумленіемъ поглядывая на своего побѣдителя и на незнакомую ему молодую дѣвушку-красавицу.

— Что я вижу? этотъ степной волкъ еще живетъ?—съ изумленіемъ проговорилъ Гацеримъ, поднимая свой окровавленный топоръ.

— Оставь его. По законамъ войны, онъ моя собственность, и я хочу, чтобы онъ жилъ, — медленно, но выразительно отвѣчалъ Пинехасъ.

— Святой отецъ, еслибы я взялъ въ плѣнъ всѣхъ этихъ шазу, то, не задумываясь, подарилъ бы тебѣ, такъ какъ тебѣ одному я обязанъ и своевременною тревогою, и блестящею побѣдою надъ врагомъ.

— Колай-Харбъ,—возвысилъ голосъ Пинехасъ:—я дарю тебѣ свободу!

Арабскій вождь вздрогнулъ отъ неожиданности; его глаза невольно устремились вдаль, гдѣ мелькали силуэты коней, но сверкнувшій взоръ потухъ; онъ опустилъ печально голову и остался неподвижнымъ.

— Могучій владыка, твой излишній даръ мнѣ не нуженъ. Я вихремъ носился съ оазиса на оазисъ среди родныхъ степей, во главѣ отважнаго племени бенъ-нуамановъ; не одна мать, убаюкивая ребенка, сулила ему славу Колай-Харба, и имя это гремѣло отъ устья Евфрата до чернаго камня за Ятребомъ. Я былъ славою и гордостью бенъ-нуамановъ, вся степь считала меня своимъ, и гдѣ бывала опасность, туда звали Колай-Харба. А теперь? Бенъ-нуаманы болѣе не существуютъ, я—послѣдній; куда же

я пойду? Женщины скажутъ: «Бѣглецъ, онъ одинъ уцѣлѣлъ, потому что трусъ; изъ презрѣнія ему дали свободу, потому что онъ не нуженъ даже какъ невольникъ, чтобы качать колыбель ребенка»! И это скажутъ Колай-Харбу, грозѣ всѣхъ сильныхъ воителей?! Нѣтъ, лучше смерть!

Этотъ сердечный крикъ сына пустыни тронулъ даже Гацерима.

— Другъ мой, — тихо проговорилъ Пинехасъ: — чего же ты хочешь?

— Владыка,—отвѣчалъ, подумавъ, бенъ-нуаманъ:—ты побѣдилъ меня въ честномъ бою, позволь мнѣ быть твоимъ младшимъ братомъ.

— Изволь, я согласенъ, Колай-Харбъ,—и недавніе враги обнялись.

Въ это время, къ Пинехасу подошелъ десятникъ невольниковъ.

— Святой отецъ, твой спутникъ доказалъ, что онъ не изъ трусовъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—съ удивленіемъ спросилъ ученый.

— Твой Іегошуа нашелъ свою судьбу во время битвы. Онъ убитъ.

Искреннее сожалѣніе выразилось на лицахъ присутствующихъ. Аоливама первая бросилась по указанному направленію и громко вскрикнула: передъ нею лежало тѣло молодаго іевусея съ разбитою головою. Однако, оставаться долго на одномъ мѣстѣ не входило въ разсчеты Гацерима; онъ пересчиталъ свой конвой, убѣдился, что потерялъ пятнадцать человѣкъ, велѣлъ перевязать раны троимъ-четверымъ и, накормивъ всѣхъ, подалъ знакъ къ отправленію съ мѣста сраженія. Тѣла павшихъ остались, конечно, безъ всякаго погребенія на лугу. Дальнѣйшій путь продолжался безъ приключеній. Миновали Бадмору, жалкій городишка, имѣющій однако своего князя; затѣмъ прошли богатый и сильно укрѣпленный Танакъ, гдѣ путешественниковъ приняли очень дружелюбно, и, къ концу третьяго дня послѣ боя съ шазу, они вступили въ многолюдный и обширный Карья-Каймешъ на берегу Евфрата.

XXXIV. Среди жрецовъ-маговъ.

За три дня пути, сильно грустившій Колай-Харбъ ознакомилъ «старшаго брата» со своимъ прошлымъ. Оно было просто и обыденно. Отецъ арабскаго героя былъ шейхомъ сильнаго и отважнаго племени бенъ-нуамановъ, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ

въ безконечныхъ степяхъ Аравіи; мать Колай-Харба была дочерью могущественнаго гадрамаутскаго царя, и изъ всѣхъ претендентовъ на ея руку отдала предпочтеніе Амріолъ-Кассаю. Это вооружило противъ послѣдняго высокомѣрнаго Харетъ-эль-Раиша, шейха племени бенъ-ашрафъ, и вызвало ожесточенное междоусобіе. Борьба съ поперемѣннымъ счастьемъ продолжалась лѣтъ двадцать; давно была забыта первоначальная причина вражды, но боевыя схватки, засады, внезапные набѣги и глубокая ненависть не прекращались. Умеръ Амріолъ-Кассай въ честномъ бою, и сѣдой Харетъ-эль-Раишъ воспользовался случаемъ, налетѣлъ коршуномъ на становище бенъ-нуамановъ, пользуясь отсутствіемъ Колай-Харба, и безпощадно перерѣзалъ всѣхъ, въ томъ числѣ и отказавшую ему Асмагу.

Старшій сынъ Амріолъ-Кассая погибъ въ бою рядомъ съ отцомъ и случайно уцѣлѣвшій отрядъ бенъ-нуамановъ призналъ своимъ шейхомъ отважнаго Колай-Харба. Съ этого времени началась его жизнь бродяги, искателя приключеній, полная опасностей, славы и безцѣльности. Изъ народнаго вождя онъ сдѣлался простымъ степнымъ разбойникомъ, сохранившимъ однако родовыя традиціи гордости и племенной чести; такъ, онъ грабилъ только богатыхъ и «злыхъ», подводя подъ это понятіе и при-евфратскихъ помѣщиковъ, и хеттейскихъ торговцевъ, и еврейскихъ скотовладѣльцевъ. Отважные набѣги на Ротенну совершались бенъ-нуаманами неоднократно, но послѣдній изъ нихъ оказался несчастнымъ, такъ какъ жалкіе остатки племени были перебиты поголовно.

По прибытіи въ Карья-Каймешъ, Гацеримъ объявилъ Пинехасу, что долженъ пробыть въ этомъ городѣ четверо сутокъ, чтобы имѣть возможность сбыть свой живой товаръ и затѣмъ отправиться въ Бабъ-Илонъ налегкѣ. Въ обширномъ караванъ-сераѣ, гдѣ остановился караванъ фенеха, Пинехасу удалось получить, при содѣйствіи Гацерима, особую комнату, гдѣ ему не мѣшали многочисленные путешественники, являвшіеся съ разныхъ земель. Благодаря этому обстоятельству, хозяинъ караванъ-серая счелъ хиръ-сешту за очень высокопоставленное лицо и оказывалъ ему знаки глубокаго уваженія. Въ тотъ же вечеръ, когда прибылъ караванъ, хозяинъ, улучивъ свободную минутку, сбѣгалъ въ храмъ, къ которому принадлежалъ караванъ-серай, и сообщилъ товарищамъ-жрецамъ о пріѣздѣ духовнаго вельможи изъ Хеми.

— Кто онъ, зачѣмъ пріѣхалъ и куда направляется?—спросилъ старшій жрецъ, сѣдовласый Намуродъ, задумчиво выслушавъ заявленіе содержателя караванъ-серая.

— Не знаю, святой отецъ,—почтительно отвѣчалъ ему содер-

жатель, Нанаи:—едва я понялъ, что это за пріѣзжій, какъ поспѣшилъ къ твоей святости.

— Хвалю тебя за это. Мы должны здѣсь все рѣшительно знать раньше другихъ.

— Онъ одинъ пріѣхалъ или съ кѣмъ нибудь?—спросилъ чернобородый Адирома.

— Съ нимъ пріѣхала молодая и очень красивая дѣвушка, должно быть, его наложница; по виду она еврейка. Кромѣ того, какой-то шейхъ или просто бедави, сразу не разобрать, но очень гордый, видно, что привыкъ быть начальникомъ. Всѣ они пріѣхали при караванѣ знакомаго вамъ фенеха Гацерима.

— Этого дерзкаго нечестивца, не уважающаго насъ... Очевидно, мы должны быть готовы ко всякимъ случайностямъ, — началъ нерѣшительно Адирома.

— Стой, Адирома,—благосклонно остановилъ его Намуродъ:—твое рвеніе похвально, но надо обсудить спокойно все дѣло. Вы знаете, — возвысилъ онъ голосъ, обращаясь ко всѣмъ: — только бабъ-илонскіе жрецы не подчиняются намъ, но въ остальныхъ городахъ мы пользуемся большимъ значеніемъ и вліяніемъ, какъ ревностные служители великаго бога Молоха.

— Вѣрно! за это хвала премудрому Намуроду, нашему верховному вождю, хранителю завѣтовъ прошлаго! — воскликнули разомъ присутствующіе.

— Да!—и горькая усмѣшка явилась на устахъ старика:—было время, когда Молохъ былъ самодержавенъ отъ Бактры до Нила. А потому наша задача только начата. Мы должны безъ устали трудиться. Нанаи говоритъ, что пріѣхалъ жрецъ изъ Хеми, но кто онъ: другъ или врагъ Молоха?

Собраніе молчало, не зная, что отвѣтить на такой вопросъ.

— Мы должны знать это,—продолжалъ Намуродъ:—а потому поручаю тебѣ, Песахалесъ, завтра утромъ явиться къ нему и выспросить, со свойственнымъ тебѣ умѣньемъ, этого чужестранца обо всемъ, что нужно.

— Воля твоя будетъ исполнена, — съ поклономъ отвѣтилъ Песахалесъ.

Ночь прошла тихо и спокойно подъ гостепріимною кровлею караванъ-серая.

Раскрытое окно въ комнатѣ, занимаемой Пинехасомъ, давало возможность дышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, тѣмъ болѣе, что передъ окномъ билъ фонтанъ среди обширнаго и пустыннаго сада, принадлежащаго Нанаи.

— Ребби, ты, кажется, хочешь уйти?—спросила Аоливама Пинехаса.

— Ты не ошиблась, дитя мое, я намѣренъ посѣтить жрецовъ Молоха.

— Не дѣлай этого, братъ мой, а то будетъ плохо,—вмѣшался шейхъ.

— Что заставляетъ тебя такъ говорить?—изумился хиръ-сешта.

— Хотя моя жизнь текла въ родныхъ степяхъ на полдень, но слухи доходили и до меня, что карья-каймешскіе жрецы составляютъ тайное братство съ какими-то загадочными цѣлями, и они убиваютъ тѣхъ, кто сопротивляется имъ и не признаётъ ихъ мрачной власти. Острый ножъ, ядъ, подкупъ, насиліе—все въ ихъ рукахъ, все пускаютъ они въ ходъ.

— Вѣрю тебѣ, Колай-Харбъ, все разсказанное тобою, можетъ быть, истина, но вѣдь я чужестранецъ, для нихъ не опасный и безвредный. Какая же имъ надобность убивать меня? Я имъ не врагъ, не соперникъ. Сегодня я здѣсь, а завтра горный вѣтеръ занесетъ даже слѣды моихъ ногъ по дорогѣ.

— Все это такъ, но смотри: они первые будутъ искать тебя, а не ты ихъ.

Въ это время тихо и почтительно вошелъ бывшій жрецъ, Панаи.

— Святѣйшій отецъ,—обратился онъ къ Пинехасу:—смиренный служитель великаго бога Молоха, премудрый Песахалесъ, желаетъ припасть къ твоимъ стопамъ и получить твое благословеніе. Дозволишь ли ему войти?

— Считаю за честь его лестное для меня посѣщеніе. Спѣши ввести его.

Не прошло минуты, какъ представительный Песахалесъ, съ пріятнымъ, открытымъ лицомъ, скромно вошелъ и палъ ницъ предъ хиръ-сештою.

— Встань, отецъ мой,—серьезно произнесъ Пинехасъ: — дай мнѣ насладиться словами мудрости, исходящими изъ устъ достойнаго служителя храма.

Песахалесъ всталъ и, кинувъ быстрый взглядъ на Колай-Харба и Аоливаму, что не укрылось отъ Пинехаса, сѣлъ на предложенный ему табуретъ.

— Верховный магъ (т. е. первосвященникъ) Намуродъ, — началъ онъ послѣ легкаго молчанія: — освѣдомившись о твоемъ прибытіи въ Карья-Каймешъ, послалъ меня привѣтствовать твою святость и узнать, что привлекло тебя къ намъ.

— Привѣтствіе великаго верховнаго мага Намурода,— важно

ныхъ пророческихъ книгахъ, завѣщанныхъ намъ премудрыми хранителями завѣтовъ вѣры, сказано, что, послѣ гибели монархіи сумировъ, настанетъ минута, когда явится человѣкъ, который глубоко потрясетъ священный союзъ маговъ. Эта страшная минута для нашего союза настала, этотъ грозный врагъ явился! Этотъ врагъ — египтянинъ Пинехасъ, который хочетъ возстановить единобожіе!

Глухой шумъ, словно грозный рокотъ бушующаго моря, раздался въ залѣ. Извѣстіе оказалось столь неожиданнымъ и ужаснымъ, что сѣдовласый Намуродъ въ сильномъ раздраженіи сдернулъ съ себя зеленый тюрбанъ.

— Страшны твои слова, Песахалесъ, — заговорилъ глухо верховный магъ: — но ты обязанъ намъ разсказать все подробно; тогда мы обсудимъ.

Бывшій посолъ точно передалъ свое свиданіе съ египтяниномъ. Когда онъ кончилъ, въ собраніи настала тишина, предвѣстница урагана.

— Я говорю: смерть нечестивому мечтателю! — отчеканилъ Намуродъ.

— Смерть! смерть! смерть! — раздались со всѣхъ сторонъ голоса.

— Приговоръ единогласенъ,—и старикъ выпрямился во весь ростъ:—египтянинъ осужденъ и онъ умретъ, Такъ будетъ поступлено со всякимъ, кто дерзнетъ нарушить законъ жрецовъ и откроетъ народу тайну единобожія. Эта великая тайна можетъ быть доступна лишь избраннымъ умамъ, а потому еще предки наши положили завѣтъ: казнить дерзкаго, кто вздумаетъ святая святыхъ религіи сдѣлать достояніемъ подлой толпы.

— Святой отецъ,—возвысилъ голосъ одинъ магъ:—прежде чѣмъ казнить нечестивца, ты попытаешься, конечно, разъяснить ему его заблужденіе.

— Ты не ошибся; когда египтянинъ будетъ въ нашей власти, мы попытаемся вразумить его, но затѣмъ все таки онъ будетъ казненъ.

— Не надо забывать охранной грамоты мелеха, — замѣтилъ Адирома.

— Понятно, мы дадимъ ему выѣхать изъ Карья-Каймеша и только дорогою схватимъ его. Но не мѣшало бы пригласить его теперь къ намъ, чтобы узнать степень его развращенности и испорченности,—предложилъ верховный магъ.

— Какъ предусмотрителенъ нашъ владыка и святой отецъ,— заговорилъ Маусанъ:—въ каждомъ предпріятіи насъ ожидаетъ полный успѣхъ.

— Чтобы знать, будетъ ли намъ теперь успѣхъ, обратимся къ богамъ.

И Намуродъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ, падая ницъ на своемъ мѣстѣ.

Всѣ послѣдовали его примѣру. И вдругъ на гладкой, чистой стѣнѣ, лишенной какого бы то ни было украшенія, вспыхнуло таинственное сіяніе, трепетнымъ блескомъ озарившее величавую фигуру Молоха; надъ его головою виднѣлась отчетливо надпись сумирскими письменами: «Ягве есть молохъ всякаго дыханія». Здѣсь необходимо пояснить, что еврейско-хеттейскій «мелехъ», сумирскій «молохъ» и арабскій «мелекъ» означаютъ титулъ верховнаго властителя, князя князей или царя. Лишь съ теченіемъ времени нарицательное существительное сдѣлалось собственнымъ.

Тихимъ, но увѣреннымъ голосомъ старый Намуродъ запѣлъ на древнемъ священномъ языкѣ сумировъ хвалебный гимнъ всемогущему единому богу; присутствующіе стройно подхватили напѣвъ, мѣрно покачивая въ тактъ головою и, по временамъ, закидывая руки на затылокъ. Когда хоръ запѣлъ послѣднюю строфу, то недалеко отъ изображенія Ягве на стѣнѣ появилась въ точно такомъ же сіяніи фигура идеально прекрасной женщины съ ребенкомъ на рукахъ; надъ нею была сумирская надпись: «Царская дочь Деванагія съ сыномъ Іезеу». Громко и шумно закончился старинный гимнъ; всѣ пали ницъ и дивное видѣніе исчезло.

— Мы удостоились божественнаго вниманія, мы лицезрѣли дивный обликъ нашего творца всемогущаго и таинственной женщины, которая представляетъ для насъ загадку, такъ какъ нѣкоторыя книги сумировъ потеряны,—заговорилъ верховный магъ;—но мы твердо вѣримъ, что появленіе ихъ знаменуетъ для насъ несомнѣнный успѣхъ. А потому—за работу во славу Ягве!

Послѣ почтительнаго поклона Намуроду, собраніе разошлось изъ залы. Тѣмъ временемъ, Гацеримъ не дремалъ и дѣлалъ свое дѣло. Онъ побывалъ во дворцѣ князя, посѣтилъ высшихъ вельможъ и на третій день вошелъ въ комнату Пинехаса, самодовольно ударяя себя по поясу, гдѣ лежали только что полученныя деньги за четырехъ невольницъ. Торгъ былъ для него удаченъ.

— Святой отецъ, завтра мы выѣзжаемъ на лодкѣ внизъ по Евфрату.

— Какъ такъ? а лошади и верблюды? развѣ мы бросимъ ихъ здѣсь?

— Съ ними я отправлю Хирама и Гервaала, а мы сами спокойно отдохнемъ на богато отдѣланныхъ лодкахъ самого князя

Таргатацаса. Онъ былъ такъ восхищенъ покупкою Геллы, что подарилъ мнѣ двѣ большихъ лодки.

— Но развѣ мы умѣстимся всѣ въ этихъ двухъ лодкахъ? — спросилъ шейхъ.

— Въ одну я посажу рабовъ, кромѣ погонщиковъ, которые пойдутъ съ Герваломъ, а въ другой—мы расположимся сами съ нѣсколькими гребцами.

Явившійся въ это время Нанаи попросилъ позволенія войти Песахалесу.

— Чего захотѣлось этой лживой твари?—грубо спросилъ Гацеримъ.

— Ничего, пусть войдетъ! Тогда увидимъ, что̀ ему надо, — улыбнулся хиръ-сешта.

Безстрастный, спокойный Песахалесъ вошелъ и палъ ницъ по старому.

— Встань, ученый магъ, и объясни цѣль твоего посѣщенія,— обратился къ нему Пинехасъ, отодвигая отъ себя шахматный столикъ.

— Верховный магъ Намуродъ призываетъ на тебя благословеніе боговъ, желаетъ тебѣ успѣха въ твоихъ предпріятіяхъ и отечески проситъ—почтить и украсить его вечернюю трапезу своимъ присутствіемъ.

— Высокая честь, оказываемая мнѣ, смущаетъ меня, но все-таки я долженъ съ грустью отказаться, такъ какъ завтра утромъ выѣзжаю.

— Неужели старый Намуродъ, — засмѣялся Гацеримъ:—потерялъ разсудокъ, воображая, что личный другъ великаго сутенъшебта унизитъ себя настолько, что пойдетъ въ логовище стараго развратника и вкуситъ его хлѣба?

— Отецъ мой, — скромно отвѣтилъ Песахалесъ: — почтенныя твои сѣдины должны бы были остановить тебя отъ клеветы на верховнаго мага Намурода.

— Полно, хитрая лисица! неужели ты думаешь, что мнѣ неизвѣстно, для кого куплена была вчера одна изъ моихъ невольницъ, красавица Эропа?

Съ видомъ оскорбленной невинности, Песахалесъ отвернулся отъ Гацерима.

— Я жду твоего отвѣта,—обратился онъ почтительно къ Пинехасу.

— Мое слово сказано уже, — холодно и гордо отвѣтилъ послѣдній.

Съ обычными церемоніями Песахалесъ удалился изъ комнаты на дворъ.

Лишь только Карья-Каймешъ проснулся для обычной дневной дѣятельности, Гацеримъ пошелъ къ Нанаи, разсчитался съ нимъ за простой и за пищу всей своей свиты, и велѣлъ выносить багажъ на подаренныя ему суда. Когда Пинехасъ хотѣлъ внести свою долю, старый фенехъ возмутился и заявилъ, что онъ не карья-каймешскій жрецъ, что онъ помнитъ добро и не позволитъ платить тому, кому онъ обязанъ, быть можетъ, жизнью. Послѣ небольшаго спора, Пинехасъ долженъ былъ уступить, пообѣщавъ, что онъ найдетъ возможность отплатить Гацериму и выказать благодарность.

На оживленной и шумной пристани толпилось много народу, такъ что пришлось расталкивать носильщиковъ и гребцовъ, лишь бы имѣть возможность добраться до судовъ, красиво колыхающихся по водамъ Евфрата. Наконецъ, всѣ хлопоты были окончены, багажъ размѣщенъ, люди усажены и Гацеримъ хотѣлъ дать знакъ къ отплытію, когда его позвали съ берега. Удивленный фенехъ сошелъ по мосткамъ на пристань къ незнакомому купцу.

— Почтенный отецъ мой,—началъ незнакомецъ:—если не ошибаюсь, съ соизволенія боговъ ты держишь путь въ Бабъ-Илонъ. Крайность вынуждаетъ меня просить тебя, чтобы ты принялъ меня на свое судно; за труды и безпокойства назначай плату, какую твоя воля опредѣлитъ. Плачу впередъ.

Хитрый фенехъ внимательно выслушалъ и потомъ спросилъ:

— Достопочтенный торговецъ, не сочти за трудъ сказать мнѣ твое имя.

— Я скромный торговецъ тканей Адирома и спѣшу къ больному отцу.

— Когда ты вернешься къ верховному магу Намуроду, то скажи ему, что старый Гацеримъ переодѣтыхъ жрецовъ къ себѣ не допускаетъ. Будь здоровъ!

Черезъ минуту паруса надулись по вѣтру и обѣ лодки тронулись въ путь внизъ по рѣкѣ, искустно лавируя между судами, стоявшими у пристани на якоряхъ и канатахъ.

А. Быковъ.

(Продолженіе будетъ).

СОНЕТЪ.

Какимъ-то чуднымъ сномъ себя я окружилъ,
И грубый міръ людей померкъ въ его сіяньѣ,—
Какъ лѣтомъ блекнетъ свѣтъ арктическихъ свѣтилъ
Сквозь блескъ обѣихъ зорь въ малиновомъ туманѣ.
Не слышенъ шумъ толпы,—ихъ хохотъ и рыданье:
Поэты мнѣ поютъ!.. и чары тайныхъ силъ
Зовутъ прошедшее въ воскресшемъ упованьѣ
Покинуть сумерки классическихъ могилъ.
И тянетъ этотъ сонъ такъ тихо и такъ властно!..
Не такъ ли внизъ влечетъ съ лобзаньями волна
Слабѣющихъ пловцовъ къ тиши морскаго дна?
И лишь по временамъ, (но, вѣрно, все напрасно!)
Я вспоминаю жизнь и то, что̀ быть могло...
Да, счастье есть и въ ней,—не только скорбь и зло!

Гр. П. Бутурлинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Осеннее затишье въ политикѣ.—Значеніе послѣднихъ поѣздокъ Вильгельма II въ Ронштокъ и Штирію.—Приготовленія къ внутренней кампаніи противъ соціализма.—Консерваторы, пугающіе Германію призракомъ сепаратизма.—Спокойствіе соціалистовъ и празднованіе ими 1-го октября.—Программа соціализма.—Буржуазія и пролетаріи.—Статистика двадцатилѣтняго преслѣдованія соціалистовъ.—Фіаско бисмарковскихъ мѣръ. — Отчего у стараго канцлера явилась дружба къ Россіи? — Паденіе орлеанизма и манифестъ графа Парижскаго.—Положеніе Италіи и рѣчи Криспи.—Жидовствующій „Journal de St.-Pétersbourg".

Давно не было такого сильнаго затишья въ западной Европѣ, какъ въ нынѣшнемъ октябрѣ. Палаты вездѣ были закрыты и представители націй не собирались на парламентскія пренія, наслаждаясь вилледжіатурой, а главы народовъ покончили со всякими маневрами, предаваясь занятіямъ охотою. Даже странствующій императоръ (Reisekaiser) вернулся въ свой Weltstadt и отдыхалъ отъ своихъ вояжей, предпринятыхъ не только съ увеселительною, но и съ политическою цѣлью. Прежде всего, надо было доказать своему другу и союзнику, что лигу мира нисколько не пошатнула поѣздка въ Нарву, и для этого союзникъ былъ вызванъ въ замокъ Ронштокъ, въ Силезію, отнятую у Австріи Фридрихомъ II. Затѣмъ Вильгельмъ II поѣхалъ въ гости къ Францу-Іосифу въ Штирію, на охоту. Но для этой поѣздки неловко было миновать Вѣну и она приготовила торжественную встрѣчу своему союзнику, который отказался однако отъ всякихъ овацій и, чтобы не поворачиваться опять спиною къ первому министру Австріи, графу Таафе,—какъ сдѣлалъ два года назадъ, во время перваго пріѣзда въ Вѣну,—вовсе не принялъ ни министровъ, ни офиціальныхъ лицъ и тотчасъ же оставилъ столицу, а съ охоты отправился прямо въ Берлинъ, не заѣзжая въ Вѣну. И офиціальныя газеты только и твердили о томъ, что поѣздка эта не имѣетъ

никакого политическаго значенія,—надо же было чѣмъ нибудь утѣшиться и объяснить эти, дѣйствительно, немного странные ронштокскіе и штирійскіе визиты. Но въ то время, когда Францъ-Іосифъ, обнадеженный своимъ другомъ, что «курсъ остается прежній», хотя и не «на всѣхъ парахъ», давалъ знать своему излюбленному Кобургу, что его никто не попроситъ,—какъ ходили сначала слухи,—выѣхать изъ Болгаріи, Вильгельмъ повторялъ всѣмъ, что его вояжи совершенно упрочили миръ въ Европѣ, хотя прусское правительство пальцемъ не пошевельнуло, чтобы измѣнить что нибудь въ бисмарковскомъ режимѣ, въ его экономической войнѣ съ сосѣдями, боевыхъ пошлинахъ, запрещеніи ввозить мясо изъ-за границы и проч. Даже такой вопіющій финансовый произволъ, какъ запрещеніе имперскому банку принимать въ залогъ русскія государственныя бумаги, остается до сихъ поръ неотмѣненнымъ. Тутъ «курсъ остается все прежній», не смотря на то, что онъ давно измѣнился даже на берлинской биржѣ. Зато на словахъ мы слышимъ очень много увѣреній въ мирѣ и дружбѣ.

Теперь германскій императоръ готовится, впрочемъ, къ своей внутренней кампаніи противъ соціалистовъ, а для этого, конечно, необходимо полное спокойствіе извнѣ. Капиталисты и крупные заводчики, ожидавшіе, съ уничтоженіемъ закона противъ соціалистовъ, кровавой соціальной революціи, и обманувшіеся въ своихъ предсказаніяхъ,—пугаютъ теперь мирныхъ бюргеровъ развитіемъ въ Германіи партикуляризма, ненависти къ прусской гегемоніи. Даже такія противоположныя по направленію и враждебныя другъ другу газеты, какъ «Кельнская» и «Фоссова», прямо указываютъ на явное усиленіе сепаратистскихъ стремленій въ Баваріи Виртембергѣ, Баденѣ, Ганноверѣ, Мекленбургѣ, Гессенъ-Касселѣ. Антагонизмъ южногерманскихъ державъ несомнѣненъ. Католическія страны всегда льнули къ родственной имъ по религіи и іезуитскому духу Австріи, но Бисмаркъ еще болѣе озлобилъ ихъ своими экономическими мѣрами, заставивъ работать и тратиться «для прусскаго короля». Централизація лишила всѣ эти Мюнхены, Штутгардты, Дрездены не только ихъ прежняго политическаго и экономическаго значенія, но даже культурнаго. Берлинъ предписывалъ имъ даже свои моды, а страшные военные расходы, ежегодно требуемые Пруссіею отъ общаго отечества, довели это отечество до такого обнищанія, что благодушные нѣмцы начали уже громко высказывать свое недовольство прусскимъ режимомъ и его грубымъ казарменнымъ милитаризмомъ. Все это такъ, но отъ этого недовольства до распаденія имперіи еще очень далеко, и нѣмцы хорошо понимаютъ, что, только сплотившись въ одну націю, они могли побѣдить своихъ вѣчныхъ враговъ французовъ, и что отдѣльное самостоятельное существованіе мелкихъ державъ въ наше время мыслимо только или при твердой федераціи, или при объединеніи въ одну имперію. По-

этому, консервативная нѣмецкая партія напрасно думаетъ, что боязнь сепаратизма заставитъ народъ и правительство подняться противъ соціализма. Уничтожая исключительные законы противъ соціалистовъ, Вильгельмъ II очень хорошо зналъ, что эти «обновители общества» далеко не патріоты и охотнѣе сближаются со своими французскими и англійскими единомышленниками, чѣмъ съ нѣмецкими бюргерами. Но онъ зналъ также, что они «вовсе не звѣри», какъ говорилъ онъ, не анархисты, съ которыми ихъ нарочно смѣшивали ретрограды, а люди, желающіе бо́льшаго блага для бо́льшаго числа людей на землѣ, а не для однихъ богачей. И они доказали это тѣмъ, что когда 1-го октября были уничтожены драконовскіе законы, преслѣдовавшіе ихъ безпощадно — они не только не произвели нигдѣ никакихъ безпорядковъ, но даже не праздновали своего возвращенія въ число гражданъ, равноправныхъ съ другими сословіями своего отечества. На сходкѣ ихъ въ Галле высказывались самыя примирительныя тенденціи. Переставъ быть паріями въ глазахъ нѣмецкаго общества и «завѣдомыми злоумышленниками» въ глазахъ правительства, состоящими подъ вѣчнымъ надзоромъ полиціи и въ полномъ ея распоряженіи, соціалисты получили, кромѣ того, одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ воздѣйствія на умы — право развивать свои идеи и пропагандировать свои ученія путемъ печати и публичныхъ сходокъ. Сознаваться открыто въ единомыслiи съ ними—перестало считаться государственнымъ преступленіемъ.

Главный органъ германскихъ соціалистовъ «Berliner Volksblatt» отпраздновалъ день 1-го октября тѣмъ, что напечаталъ программу партіи, направленной «къ освобожденію рабочаго сословія, превращеніемъ орудій труда, въ общее достояніе общества, къ урегулированію всѣхъ видовъ труда при употребленіи барышей на общую пользу, къ отмѣнѣ наемнаго труда, къ учрежденію соціалистическихъ производительныхъ ассоціацій при содѣйствіи государства и подъ демократическимъ контролемъ» и т. д. Сверхъ того, праздничный номеръ «Volksblatt» содержитъ передовую статью, въ которой проводится идея, что, благодаря закону о соціалистахъ, германская соціаль-демократія многому научилась, но ничего не позабыла; какъ прежде, такъ и впредь, она будетъ стремиться къ выполненію своей задачи, подчиненіемъ интересовъ отдѣльныхъ личностей общему благу; отмѣну исключительнаго закона празднуетъ она, какъ высшее торжество своей партіи, ибо ей удалось одержать нравственную побѣду надъ ея гонителями. Подобныя же идеи проводились въ рѣчахъ, которыя были произнесены выдающимися вождями соціалистовъ на семи большихъ вечеринкахъ, устроенныхъ въ различныхъ мѣстахъ Берлина и привлекшихъ массы соціалистовъ обоего пола. Въ «Bockbrauerei» говорилъ Бебель. По его словамъ, для того чтобы вести борьбу съ соціаль-демократіей, противники ея должны были заимствовать у нея оружіе борьбы

путемъ соціальнаго законодательства, они стремятся съ одной стороны укротить рабочихъ, а съ другой, продолжать по прежнему эксплуатировать ихъ налогами и таможенною политикою. При этомъ Бебель сознался, что «если законъ былъ отмѣненъ, то благодаря лишь высочайшей волѣ», но поспѣшилъ присовокупить, что эта высочайшая воля нагляднѣе всего свидѣтельствуетъ о нравственной побѣдѣ, одержанной соціально-демократическою партіей. Въ заключеніе Бебель сказалъ: «Послѣднее сраженіе не послѣдуетъ на парламентской почвѣ, но все таки выборы—прекрасное орудіе агитаціи. Да здравствуетъ международная соціаль-демократія!» Въ «Norddeutsche Brauerei» главнымъ ораторомъ былъ Либкнехтъ. «Сегодня—сказалъ онъ — мы празднуемъ великое историческое событіе. Законъ о соціалистахъ отмѣненъ, красное знамя взвилось наверхъ. Если противники уповаютъ на расколъ въ партіи, то это свидѣтельствуетъ лишь объ ихъ полномъ незнакомствѣ съ соціаль-демократіей». Въ другихъ помѣщеніяхъ говорили Зингеръ, Ауербахъ, Фохтгерръ и другіе. Всѣмъ ораторамъ много аплодировали, пиво лилось рѣкою и, когда кончились рѣчи, начались танцы, продолжавшіеся до глубокой ночи. Безпорядковъ не было, и полиція безусловно воздержалась отъ присутствованія на собраніяхъ, а только стояла на улицѣ, да и то не въ большомъ числѣ.

Для того, чтобы понять, какъ будетъ дѣйствовать соціалистическая партія, приводимъ главные пункты программы, обнародованной въ газетѣ «Berliner Volksblatt»:

«Трудъ есть источникъ всякаго богатства и всякой культуры, и такъ какъ общеполезный трудъ можетъ быть производимъ только обществомъ, то обществу, т. е. всѣмъ его членамъ, принадлежитъ общій продуктъ труда, на одинаковыхъ правахъ, каждому согласно его благоразумнымъ потребностямъ. Въ нынѣшнемъ обществѣ орудія труда составляютъ монополію капиталистовъ. Обусловленная этимъ, зависимость рабочаго класса служитъ причиною бѣдности и рабства во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Освобожденіе рабочаго класса требуетъ преобразованія орудій труда въ общее достояніе общества и товарищескаго урегулированія общаго труда при общеполезномъ его примѣненіи и справедливомъ распредѣленіи продукта труда. Освобожденіе труда должно быть дѣломъ рабочаго класса, по отношенію къ которому всѣ прочіе классы представляютъ не болѣе, какъ реакціонную массу.

«Исходя изъ этихъ принциповъ, соціалистическая рабочая партія въ Германіи стремится всѣми средствами къ образованію свободнаго государства и соціалистическаго общественнаго строя; къ сокрушенію желѣзнаго закона о наймѣ, отмѣною системы труда по найму; къ уничтоженію эксплуатаціи во всѣхъ ея видахъ; къ устраненію всякаго неравенства въ соціалистическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Соціалистическая партія въ Германіи, хотя временно дѣйствующая въ націо-

нальныхъ рамкахъ, проникнута, однако, сознаніемъ международнаго характера рабочаго движенія и готова исполнять всѣ обязанности, возлагаемыя этимъ фактомъ на рабочихъ, съ цѣлью доказать на дѣлѣ, что всѣ люди—братья».

Для того чтобы положить начало рѣшенію соціальнаго вопроса, программа требуетъ учрежденія соціалистическихъ производительныхъ товариществъ при содѣйствіи государства, и тутъ слѣдуетъ рядъ требованій, имѣющихъ скорѣе общеполитическій, чѣмъ строго соціалистическій характеръ, какъ-то: общее избирательное право, рѣшеніе самимъ народомъ вопроса о мирѣ и войнѣ, замѣна постоянной арміи народнымъ ополченіемъ, отмѣна всѣхъ исключительныхъ законовъ, въ особенности закона о печати и объ ассоціаціяхъ, безвозмездное судопроизводство, даровое образованіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, единый прогрессивный подоходный налогъ для государства и общины, нормальный рабочій день, запрещеніе работы дѣтей, охрана рабочихъ вообще и т. д. Все это, кромѣ трехъ послѣднихъ пунктовъ, относящихся прямо къ рабочему вопросу, не болѣе какъ утопія, и неосуществимо—при нынѣшнемъ положеніи соціальнаго вопроса. Но вѣдь такихъ утопій съ древнихъ временъ и до нашихъ дней предлагалось множество, и никто не запрещалъ высказывать ихъ въ сочиненіяхъ философовъ и соціологовъ. Нынѣшніе нѣмецкіе соціалисты даже не исключаютъ себя изъ сословія буржуазіи и вотъ что говорилъ Бебель корреспонденту парижской газеты «Gilblas»: «Каждый буржуа—тотъ же бывшій пролетарій. Либкнехтъ кончилъ курсъ въ двухъ, если не въ трехъ университетахъ; у него теперь есть состояніе, онъ былъ даже сотрудникомъ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» въ то время, когда газета эта не получала еще субсидій изъ фонда пресмыкающихся. Карлъ Марксъ тоже былъ буржуа, какъ и Лассаль, этотъ поэтъ соціализма. Я самъ почти буржуа, и хоть остался рабочимъ, но близко знакомъ съ буржуазіею и сужу о ней гораздо объективнѣе и справедливѣе, чѣмъ въ мои молодые годы. Чего собственно мы требуемъ? Болѣе справедливаго распредѣленія государственныхъ повинностей и общественнаго достоянія. Мы отвергаемъ всякія насилія. Либкнехтъ и я разоблачили на конгрессѣ происки Вернера и его друзей. Это—либо безумцы, либо agents provocateurs. Въ 1883 году русскіе нигилисты обратились къ намъ за содѣйствіемъ, но мы даже отказались вступить съ ними въ какіе бы то ни было переговоры. Къ Россіи мы относимся индиферентно, но казаковъ столько же ненавидимъ, сколько самого Бисмарка, потому что — я на этомъ особенно настаиваю—мы, ставъ соціалистами, не перестали быть нѣмцами. Противъ воинской дисциплины мы никогда не вели пропаганды. Я только протестовалъ противъ дурнаго обращенія нѣкоторыхъ офицеровъ съ солдатами. Императоръ пресѣкъ эти злоупотребленія справедливымъ и безпощаднымъ образомъ».

И, между тѣмъ, къ прусскому, собственно къ бисмарковскому режиму Бебель относится съ неумолимою строгостью. На конгрессѣ въ Галле онъ приводилъ любопытныя статистическія данныя о томъ, къ чему привело 12 лѣтнее преслѣдованіе соціалистовъ. За этотъ періодъ времени было запрещено 155 періодическихъ изданій и 1,200 книгъ и брошюръ, выслано административнымъ порядкомъ 900 человѣкъ и подвергнуто различнымъ наказаніямъ по приговору суда болѣе 1,500 человѣкъ. По мнѣнію Бебеля, никакая другая партія не была бы въ состояніи перенести подобные удары, что̀ доказываетъ живучесть соціалистической партіи. Этимъ, конечно, партія обязана неутомимой дѣятельности ея вождей, но совершенно невѣрно, что они организовали тайное сообщество, распространяющееся на всю Германію; даже попытокъ въ этомъ направленіи не дѣлалось. Другимъ доказательствомъ живучести соціалистической партіи служитъ фактъ, что, не смотря на исключительный законъ, силы ея росли изъ года въ годъ. Въ 1871 г., за соціалистическихъ кандидатовъ въ рейхстагъ подано было всего 102,000 голосовъ, а на послѣднихъ выборахъ—1.427,000. «Уже одно это обстоятельство—присовокупилъ Бебель—свидѣтельствуетъ о томъ, что агитація на общихъ выборахъ составляла существеннѣйшій моментъ этого грандіознаго развитія и что въ будущемъ должно держаться этой тактики». Выставивъ затѣмъ на видъ, что императорскій указъ 4-го февраля должно толковать въ смыслѣ большаго успѣха международныхъ соціально-демократическихъ стремленій и что со времени парижскаго соціалистическаго конгресса сознаніе взаимной солидарности значительно возросло, Бебель заявилъ, что отнынѣ можно разсчитывать еще на бо̀льшіе успѣхи. Уже теперь соціалистическая печать проявляетъ большую дѣятельность. Партія располагаетъ въ настоящее время 19 ежедневными газетами и 40 политическими еженедѣльными журналами,—всего 59 періодическими изданіями съ 254,000 подписчиковъ. Къ этой печати должно присоединить ремесленныя газеты и журналы, которыхъ теперь уже 43, съ 200,000 подписчиковъ, да 2 карикатурныхъ листка съ 100,000 подписчиковъ; всего, слѣдовательно, служатъ интересамъ партіи 104 періодическихъ изданія, съ 600,000 подписчиковъ. И денежныя средства партіи замѣтно растутъ. На виденскомъ конгрессѣ доходы простирались всего до 37,000 мил., на копенгагенскомъ—до 95,000, на сенгалленскомъ они возросли уже до 188,000, а за послѣдніе три года доходовъ было болѣе 300,000, при 160,000 расходахъ. Изъ-за границы получались щедрыя пожертвованія.

И такія силы Бисмаркъ думалъ подавить только репрессивными, полицейскими мѣрами! Не правъ ли былъ молодой императоръ, взявъ въ свои руки изъ грубыхъ солдатскихъ лапъ рѣшеніе этого вопроса, который такъ усердно замалчивался въ послѣднее время офиціозными органами печати всѣхъ странъ, не говоря уже о дипломатахъ и министрахъ, считавшихъ

ниже своего достоинства изслѣдованіе соціальнаго ученія. Старый канцлеръ, недовольный тѣмъ, что его бывшій ученикъ и поклонникъ, выйдя изъ подъ его опеки, осмѣлился имѣть свое сужденіе о соціализмѣ, явился, конечно, въ своихъ «Гамбургскихъ Извѣстіяхъ» зловѣщимъ предсказателемъ, что всѣ планы Вильгельма для разрѣшенія соціальнаго вопроса потерпятъ фіаско, но на ворчаніе отставленнаго отъ дѣлъ чиновника въ Берлинѣ давно перестали обращать вниманіе, и его политическія выходки гораздо больше безпокоятъ Вѣну, все еще не привыкшую къ мысли, что Европою можно управлять не только безъ Бисмарка, но и несогласно съ его направленіемъ. Да и какъ было не встревожиться рутинной австрійской политикѣ, когда творецъ лиги мира сталъ явно отрекаться отъ своего созданія и доказывать въ своихъ органахъ, по поводу ронштокскаго свиданія, что всякая поддержка, оказанная Пруссіею монархіи Габсбурговъ, «противополагаемой Россіи», была бы оказана въ ущербъ интересамъ Германіи. Не мудрено, что за такою выходкою въ офиціальныхъ вѣнскихъ органахъ послѣдовало еще болѣе категорическое названіе Бисмарка «заклятымъ врагомъ Австріи». И при этомъ жидовско-іезуитская «Neue Freie Presse» проговорилась, что считаетъ примиреніе между Россіей и Австріей «несбыточною мечтою». Не мудрено, что существенное штирійское свиданіе вознаградило Франца-Іосифа за неосуществившіяся мечтанія и опасенія, что поѣздка Вильгельма въ Нарву будетъ имѣть политическія послѣдствія. Что же касается до внезапной любви къ Россіи, охватившей Бисмарка, мы видимъ въ ней только желаніе порицать нынѣшнее направленіе прусской политики. Человѣкъ, принудившій въ 1879 году престарѣлаго Вильгельма I измѣнить традиціонной дружбѣ къ Россіи и заключить союзъ съ имперіею, униженною имъ 13 лѣтъ назадъ—не заслуживаетъ никакого довѣрія ни къ одному его слову.

Вмѣстѣ съ буланжизмомъ, во Франціи съ политической сцены сходитъ, повидимому, и орлеанизмъ. Послѣ неудачной попытки молодаго наслѣдника французскаго престола... in partibus—явиться патріотомъ своего отечества, вступивъ въ ряды арміи,—еще болѣе неудачнымъ явился манифестъ графа Парижскаго, адресованный имъ, передъ отъѣздомъ въ Америку, французской націи, по случаю разоблаченія орлеанскихъ интригъ въ «закулисной исторіи буланжизма». Авторъ манифеста очень развязно признаётъ совершенно законными тѣ средства, которыми онъ пробовалъ, при содѣйствіи злополучнаго Буланжэ, возбудить раздоръ между республиканцами. Сѣять смуты въ своемъ отечествѣ, составлять противъ него заговоры и возбуждать одну часть гражданъ противъ другой—въ глазахъ будущаго короля, дѣло вполнѣ законное и, по его словамъ, «представитель монархіи не долженъ пренебрегать никакимъ случаемъ, чтобы подготовить ея торжество». Но вѣдь случаи бываютъ разнаго рода,—отъ пораженія Франціи непріятелемъ до возстанія коммунаровъ,—стало быть, графъ Па-

рижскій готовъ воспользоваться и этими «случаями» народныхъ бѣдствій для достиженія своихъ цѣлей. Но хоть графъ и католикъ—не всѣ католики, и даже далеко не всѣ орлеанисты, признаютъ іезуитскій принципъ, что «цѣль оправдываетъ средства». Послѣ такого откровеннаго манифеста, многіе изъ монархистовъ отвернулись отъ претендента, и даже такія почтенныя личности, какъ Дюге-де-ла-Фоконери, признали республику и образуютъ особую партію, готовую поддерживать нынѣшнее правительство. Вообще вражда политическихъ партій все болѣе сглаживается во Франціи, и Карно, на маневрахъ въ Камбрэ, указалъ на почву, на которой можетъ прекратиться эта вражда во имя общей идеи. Онъ обратился съ привѣтствіемъ къ арміи, которую справедливо отожествилъ «съ націей, стоящей въ готовности къ защитѣ чести и безопасности отечества, и гарантирующей странѣ миръ и безопасность труда». Это было сказано кстати, въ такую минуту, когда «кулисы буланжизма» подняли вопросъ о политической благонадежности если не всей французской арміи, то нѣкоторыхъ изъ ея генераловъ и офицеровъ. Отожествляя вооруженныя силы страны съ самою націею, Карно указалъ почву, на которой можетъ проявиться единодушіе всѣхъ гражданъ республики. О монархическомъ прошломъ страны начинаютъ уже забывать приверженцы прежнихъ партій. Въ двадцать лѣтъ существованія республики, на политическую арену уже начинаютъ выходить люди, не имѣющіе ничего общаго съ прошлымъ, не понимающіе, какъ могутъ свободные граждане добровольно навязывать себѣ властителей въ лицѣ какихъ-то наполеонидовъ или орлеанистовъ, предки которыхъ когда-то захватили власть въ свои руки. Но какое право даетъ имъ этотъ захватъ и теперь составлять заговоры противъ своего отечества?

Когда въ парламентскихъ странахъ дѣла внутренней и внѣшней политики идутъ плохо, министры начинаютъ обыкновенно произносить рѣчи въ частныхъ собраніяхъ и бесѣдовать съ газетными репортерами. Этимъ политическимъ заговариваніемъ зубовъ отличается въ особенности Салисбюри и еще болѣе его—достойный коллега Криспи. Послѣдній, при Бисмаркѣ, игралъ роль эха и повторялъ только то, что̀ ему диктовали изъ Берлина. Но теперь, не получая инструкцій изъ руководящаго источника, итальянскій премьеръ пускается въ откровенности съ разными корреспондентами, а газеты, за неимѣніемъ болѣе серьезныхъ предметовъ для обсужденія, коментируютъ эту, ни къ чему не ведущую, болтовню.

Въ длинномъ разговорѣ съ однимъ изъ редакторовъ «Figaro», Криспи высказалъ мысль, что постоянныя вооруженія въ концѣ концовъ разорятъ Европу въ пользу Америки и что онъ готовъ воспользоваться каждымъ предлогомъ къ тому, чтобы прекратить новые расходы на армію и флотъ; но, къ сожалѣнію, его долгъ—держать Италію въ состояніи за-

щищаться въ случаѣ нападенія; нападенія же слѣдуетъ опасаться со стороны Франціи, которая и должна подать примѣръ разоруженія.

Для опроверженія разсужденій Криспи, лучше всего взглянуть на бюджеты Италіи. Въ 1879 г., въ мѣсяцъ приступа къ тройственному союзу, расходы ея слагались изъ слѣдующихъ цифръ: расходы, не подлежащіе сокращенію (проц. по долгамъ, пенсіи, дотаціи) 566 мил. военные расходы 232, издержки взиманія 117, всѣ остальные расходы 270. Итого 1,185 милліоновъ лиръ. Тѣ же цифры, по послѣднему отчету за 1888—89 гг., доходятъ до 1,740 милліоновъ лиръ или франковъ.

Другими словами, за десять лѣтъ союза съ Германіей и Австро-Венгріей государственные расходы Италіи возрасли на 555 мил. фр. или 47 проц., но, относительно общаго итога бюджета, всѣ расходы, кромѣ военныхъ, абсолютно увеличились только на 65 мил., тогда какъ военныя издержки, составлявшія до тройственнаго союза пятую часть бюджета, составляютъ теперь треть или, точнѣе, 32 проц. Между тѣмъ, во Франціи, съ ея громадными затратами на военную часть, армія и флотъ поглощаютъ только 24 проц. общаго бюджета расходовъ.

И это непомѣрное возрастаніе военныхъ издержекъ производилось въ то время, когда бѣдность массы населенія во всѣхъ почти частяхъ Аппенинскаго полуострова доходила до крайнихъ предѣловъ. Во время недавняго обсужденія проэкта закона о подчиненіи надзору государства благотворительныхъ учрежденій, вѣрнѣе о конфискаціи въ пользу опустѣвшей итальянской казны капиталовъ этихъ учрежденій, Криспи забавлялъ своихъ депутатовъ насмѣшками надъ тѣмъ, что существуютъ еще учрежденія для выкупа невольниковъ у пиратовъ и для лѣченія прокаженныхъ.—«Теперь нѣтъ ни пиратовъ, ни прокаженныхъ», воскликнулъ онъ, при хохотѣ и рукоплесканіяхъ министерскаго большинства. Эти слова также вѣрны, какъ и другія завѣренія итальянскаго премьера. Проказа вовсе не думала исчезать изъ Европы, а по завѣренію медицинскихъ авторитетовъ свирѣпствуетъ въ Италіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Пираты современные—на биржѣ — нисколько не лучше старинныхъ грабителей. Невольниковъ же въ Италіи, если не de jure, то de facto,—милліоны, если не десятки милліоновъ. Развѣ не невольники—рабочіе въ сѣрныхъ копяхъ, рыбаки и ловцы коралловъ, эмигранты, сотнями тысячъ запродающіе свой трудъ въ Америку, наконецъ, почти всѣ крестьяне-contadini, бѣдствующіе повсюду, такъ что круглый годъ не видятъ мяса, кромѣ какъ случайно, отъ собственной, издохшей отъ болѣзни, скотины, а мѣстами не знающіе даже соли!

Редакторство нашего французскаго журнала перешло изъ рукъ еврея Горна въ руки швейцарца Трикэ, но еврейскій духъ, повидимому, остался въ этой газетѣ. Такъ, недавно «Сѣв. Телеграфное Агентство» весьма обстоятельно передало рѣчь виленскаго генералъ-губернатора, и нелестная

оцѣнка вызывающаго образа дѣйствій еврейской народности, сдѣланная въ этой рѣчи, была дословно напечатана всѣми, даже іудействующими, нашими газетами. Исключеніе составилъ только «Journal de St.-Pétersbourg». Онъ выкинулъ изъ телеграммы всю сущность рѣчи генерала Каханова, оставивъ только ея начало, въ которомъ говорится, что русскіе евреи силятся отстоять свою обособленность; затѣмъ, сдѣлавши огромный скачокъ, депеша нашего дипломатическаго органа кончаетъ «приглашеніемъ», обращеннымъ къ почетнымъ лицамъ еврейства, вліять на своихъ соотечественниковъ съ цѣлью общаго блага. Любопытно было бы знать, съ какою цѣлью сдѣлано подобное искаженіе рѣчи виленскаго генералъ-губернатора? Ужь не для того ли, чтобы не огорчить еврейскихъ публицистовъ «Figaro» и «Times'a»?

НОВЫЯ КНИГИ.

Я. А. Новиковъ. *Протекціонизмъ.* Спб. 1890.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, въ государственномъ совѣтѣ будетъ разсматриваться проэктъ новаго таможеннаго тарифа. Министерство финансовъ, озабоченное приведеніемъ въ сколько нибудь систематическій порядокъ нынѣшняго тарифа, не отвѣчающаго ни выводамъ науки, ни потребностямъ современной промышленности, давно уже разослало компетентнымъ учрежденіямъ и лицамъ приглашенія доставить свои соображенія о желаемыхъ измѣненіяхъ въ тарифѣ, и получило немало проэктовъ этихъ измѣненій. Даже такое медленно-спѣшащее общество, какъ вольно-экономическое, въ послѣдней книжкѣ своихъ «Трудовъ» напечатало чрезвычайно обстоятельный и вѣскій разборъ недостатковъ и несообразностей нашихъ таможенныхъ установленій и, въ особенности, метко и неопровержимо опровергло новый тарифный проэктъ химика г. Менделѣева, оказавшагося весьма слабымъ политико-экономистомъ. Книга г. Новикова является поэтому въ самую пору, въ самый разгаръ столкновенія противоположныхъ мнѣній, ученій и—особенно—интересовъ: она возбудитъ, конечно, сильные споры въ рядахъ приверженцевъ и противниковъ охранительной системы, и затрогиваетъ такіе существенные вопросы, относящіеся къ народному благосостоянію, что на нее необходимо обратить вниманіе. Авторъ считаетъ нужнымъ заявить читателямъ, что онъ самъ промышленникъ, что, впрочемъ, излишне, такъ какъ съ первыхъ страницъ его книги видно вполнѣ основательное знакомство съ условіями и нуждами нашей промышленности. Книга г. Новикова раздѣляется на три части: въ первой доказывается вредъ, причиняемый протекціонизмомъ; во второй разъясняется, что положеніе протекціонистовъ о пользѣ ихъ систе-

мы не выдерживаетъ критики; въ третьей—опровергаются утвержденія протекціонистовъ, что система ихъ оберегаетъ интересы народныхъ массъ. Въ книгѣ нѣтъ никакого вступленія, никакихъ научныхъ и теоретическихъ положеній. Съ первой же главы: «Охранительная система съ точки зрѣнія справедливости», авторъ становится прямо на практическую почву и, сказавъ, что протекціонизмъ, налагающій дань на всѣхъ потребителей, есть ничто иное, какъ нѣсколько смягченная форма рабства, — доказываетъ это примѣромъ изъ обыденной жизни: въ Россіи всего три фабрики зеркальныхъ стеколъ, производящія всего на 500,000 товару въ годъ. Между тѣмъ, зеркала вовсе не роскошь, а предметъ почти первой необходимости и встрѣчаются въ каждомъ домѣ. Поэтому Россія выписываетъ изъ-за границы еще ежегодно на 1.046,000 зеркалъ, платитъ за нихъ 170,000 пошлинъ таможнѣ, и зеркала у насъ стоютъ втрое дороже, чѣмъ въ Англіи и Франціи. Справедливо ли это? Пошлину получаетъ, конечно, казна, а не заводчики, но отъ этого потребителю не легче и охранительная система въ этомъ случаѣ, какъ впрочемъ и при обложеніи почти всѣхъ другихъ производствъ, имѣетъ въ виду фискальныя цѣли, а вовсе не покровительство отечественной промышленности. Ни въ одномъ государствѣ нельзя издать, напр., такого распоряженія: для того чтобы иксъ, вырабатывающій ковры, могъ получить за нихъ извѣстную сумму въ годъ, каждый гражданинъ обязанъ платить въ своемъ отечествѣ за коверъ на 25 процентовъ дороже, чѣмъ онъ стоитъ за границей. Но дайте этому распоряженію другую форму: «для поощренія отечественной промышленности, на привозные ковры налагается пошлина, равная 25 проц. ихъ стоимости» — и оно дѣлается закономъ... Какъ легко человѣчество довольствуется одними словами! Россія потребляетъ въ годъ около 20 милліоновъ сахара, то есть по 8 фунтовъ на человѣка, Англія по 77 фунтовъ, и тамъ фунтъ сахара стоитъ 4 копѣйки, а у насъ 14, но зато мы нормируемъ огромные барыши разныхъ Перепеченко, Шельменко и другихъ сахароводовъ. Недаромъ говорится въ одномъ юмористическомъ куплетѣ: «Если протекціонизму уступить хоть ноготокъ, онъ тотчасъ тебѣ отхватитъ руку всю по локотокъ».

Такими осязательными примѣрами г. Новиковъ утверждаетъ свой тезисъ, что «протекціонизмъ есть такой соціальный строй, при которомъ иныя лица получаютъ законное право вѣчно взимать дань со своихъ потребителей. Для общества это право, пожалуй, пагубнѣе тайныхъ похищеній и кражъ со взломомъ». Воръ обираетъ людей съ состояніемъ; «покровительствуемый» заводчикъ обираетъ бѣдныхъ. Въ Англіи, до утвержденія пошлины на хлѣбъ въ тридцатыхъ годахъ, потребители приплачивали за него каждый годъ до 175-ти милліоновъ рублей. Но въ своихъ выводахъ г. Новиковъ заходитъ уже слишкомъ далеко, говоря «въ матерьяльномъ отношеніи протекціонизмъ злокачественнѣе воровства,

а въ нравственномъ—его послѣдствія, можетъ быть, еще хуже». Онъ забываетъ, что охранительная система преслѣдуетъ преимущественно фискальныя цѣли, даже когда уничтожаетъ кавказскій транзитъ, по ходатайству московскихъ промышленниковъ, требующихъ также, чтобы англичанамъ было запрещено плавать по Енисею, такъ какъ это можетъ повредить русской торговлѣ. «Государства ведутъ по истинѣ странную политику,—говоритъ г. Новиковъ:—продавецъ пользуется у нихъ всѣми симпатіями, а на покупателя воздвигается гоненіе. Я долженъ платить пошлину, чтобы процвѣталъ отечественный производитель. Но почему же я менѣе интересный гражданинъ для моего правительства, чѣмъ этотъ фабрикантъ?» Если промышленность у насъ все таки идетъ впередъ, то не благодаря протекціонизму, а вопреки ему. Россія получаетъ отъ таможенъ не болѣе 20 милліоновъ дохода, то есть 2 процента обыкновенныхъ доходовъ, и нельзя утверждать, что пошлины безусловно необходимы для равновѣсія нашей росписи. Г. Новиковъ предлагаетъ замѣнить ихъ налогомъ на потребленіе, такъ какъ ихъ легко взимать посредствомъ акциза. Онъ доказываетъ, что промышленность можетъ развиваться и безъ протекціонизма, что онъ вовсе не необходимъ для безопасности государства, что не основательно требовать отъ потребителя, чтобы онъ приносилъ жертвы для поощренія промышленности во имя національной солидарности.

Всѣ эти положенія авторъ отстаиваетъ горячо и доказательно, но неужели онъ полагаетъ, что какое нибудь государство, прочтя его книгу, уничтожитъ таможенныя пошлины, особенно теперь, когда охранительная система одерживаетъ вездѣ верхъ? Теоріи г. Новикова уважительны и убѣдительны, но отъ нихъ далеко до практическаго осуществленія. И потомъ, онъ не разрѣшаетъ вопроса о пошлинахъ, а разсѣкаетъ его, какъ гордіевъ узелъ, хотя для этого надобно быть Александромъ Македонскимъ, а не скромнымъ ученымъ. Съ излишнимъ увлеченіемъ относится онъ и къ другимъ вопросамъ, входящимъ въ область его изслѣдованій. Такъ, онъ «краснѣетъ отъ стыда,» слыша, когда говорятъ, что нѣмцы, пріѣзжая въ Россію, не дѣлаются русскими, а остаются паразитами, чуждыми нашему организму. «Позорно утверждать такія вещи—говоритъ онъ:—это значитъ принижать насъ на степень варварскихъ народовъ, индусовъ, которые не могутъ ассимилировать англичанъ». А пробовалъ ли г. Новиковъ ассимилировать нашихъ жидовъ? Для чего же повторять избитыя фразы о благотворномъ вторженіи чужеземныхъ элементовъ?.. Хотя авторъ и надѣется, что, по примѣру уничтоженія вывозныхъ пошлинъ, «правительства поймутъ наконецъ, что право покупки на иностранныхъ рынкахъ также священно, какъ и право продажи»,—но уничтоженіе пошлинъ на привозные товары — такая утопія, которая не можетъ

осуществиться при настоящихъ международныхъ и политичекихъ отношеніяхъ европейскихъ державъ.

Д. Г. Льюисъ. **Исторія философіи**, отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени. Съ указателемъ. Спб. 1889 г., переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей *В. Чуйко.*

Двѣнадцать лѣтъ назадъ, появилась на англійскомъ языкѣ исторія философіи, доказывающая, что въ наше время дѣло философіи завершено, что хотя ея роль была велика въ драмѣ цивилизаціи и обогатила послѣдующіе вѣка, завѣщавъ имъ богатое наслѣдство, оставляемое всякимъ великимъ дѣломъ, но что во всякомъ случаѣ ея роль сыграна и возбуждаетъ только историческій интересъ. Великій ученый даже не считалъ философію наукой, а только родоначальницей науки. Философія стремится къ познанію сущностей и причинъ, положительныя науки стремятся лишь къ познанію законовъ природы. Но наше время отказалось отъ исканія причинъ, придя къ убѣжденію, что единственный методъ, который можетъ привести къ достовѣрности, есть методъ провѣрки, непримѣнимый къ вопросу о причинахъ. Современное человѣчество,—конечно, вполнѣ разумно,—не занимается умозрѣніями, не думаетъ проникать въ тайны вселенной, а просто изслѣдуетъ ее. Наука даетъ намъ возможность осуществить такія фактическія чудеса, которыя показались бы невозможными всѣмъ древнимъ философамъ. Книга Льюиса, изложенная вполнѣ популярно, имѣла громадный успѣхъ—и черезъ десять лѣтъ вышла вторымъ изданіемъ, но уже совершенно переработанная авторомъ въ менѣе популярной и въ болѣе научной формѣ. Теперь она является и на русскомъ языкѣ,—какъ справедливо говоритъ Льюисъ, —совершенно новою книгою, въ которой не осталось почти ни одного параграфа въ прежнемъ видѣ. Ученіе многихъ философовъ передано въ измѣненной и дополненной формѣ, не говоря уже о прибавкѣ изслѣдованія многихъ философскихъ системъ, пропущенныхъ въ первомъ изданіи. И теперь авторъ ничего не говоритъ о философіи Востока, о современныхъ ученіяхъ Шопенгауэра, Гартмана и др., и останавливается на Огюстѣ Контѣ, но въ книгѣ и безъ того 760 страницъ, и одиннадцати эпохъ, на которыя авторъ дѣлитъ исторію философіи, достаточно для того, чтобы принять его взгляды. Они до того вѣрны, ясны и опредѣлительны, что не соглашаться съ ними приходится рѣдко—и то въ частностяхъ, въ подробностяхъ, а не въ главныхъ выводахъ. Трудъ автора распадается на двѣ части: половину книги занимаетъ исторія древней и именно греческой философіи, вторая половина излагаетъ въ болѣе сжатомъ и, мѣстами, недостаточно развитомъ видѣ философію новѣйшую. Ученіе грековъ изложено популярно и нельзя только согласиться съ Льюисомъ, что востокъ не имѣлъ вліянія на развитіе философскихъ идей въ Греціи и что Римъ не прибавилъ къ нимъ ни одной новой идеи. Въ опредѣленіи основныхъ началъ въ системахъ нѣкоторыхъ

философовъ мы желали бы также бо́льшей точности. Такъ, говоря о томъ, что Анаксименъ и Діогенъ Аполлонійскій считали воздухъ началомъ вещей, Льюисъ говоритъ: «жизненная сила его очевидна, слѣдовательно, онъ живетъ и разуменъ». Отчего это жизненность обусловливаетъ идею разумности? Мы понимаемъ, когда Декартъ говоритъ: cogito, ergo sum, но мысль его, выраженная греческими философами наоборотъ: существую — значитъ размышляю—требуетъ поясненій. Что̀ означаетъ также въ изложеніи ученія Ксенофона выраженіе: «вполнѣ неподвижное всегда и остается на мѣстѣ, безъ всякой перемѣны, хотя по временамъ и мѣняетъ видъ». Кто виноватъ въ этой туманной фразѣ: Ксенофонъ, Льюисъ или русскій переводчикъ? Вообще переводъ оставляетъ желать многаго и въ немъ особенно небрежна корректурная часть: опечатокъ бездна, а въ философскомъ сочиненіи одно невѣрно-употребленное слово искажаетъ часто весь смыслъ фразы. Такъ, на страницѣ 459, при изложеніи ученія Спинозы, недостаетъ цѣлыхъ словъ, выпавшихъ изъ набора, а это уже непростительная типографская небрежность. При разборѣ нѣкоторыхъ системъ, какъ напримѣръ, Эмпедокла, Льюисъ посвящаетъ цѣлыя страницы филологическимъ и лингвистическимъ изслѣдованіямъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ философіи. «Опредѣленія Сократа, — говоритъ онъ, — были могущественны, но слабы»,—въ одно и то же время? Изъ исторіи всей греческой мысли, отъ «воды» Ѳалеса до «абсолютнаго отрицанія» Плотина, Льюисъ выводитъ мысль о безплодности метафизики. «Сколько лѣтъ трудныхъ исканій, — говоритъ Льюисъ, — сколько усилій великихъ умовъ, и все таки, послѣ столькихъ вѣковъ, остаются тѣ же вопросы и только отвѣты становятся остроумнѣе въ своей нелѣпости. Но столѣтія умозрѣній не пропали даромъ, они воспитывали человѣчество, научили его той истинѣ, что безконечное не можетъ быть постигнуто конечнымъ, что человѣку, какъ существу конечному, доступны только явленія. Труды, столь безплодные по своей непосредственной цѣли, послужили косвенно уроками». Исторія новѣйшей метафизической философіи есть разсказъ о тѣхъ же столкновеніяхъ, которыя волновали и грековъ. Теперь снова ожили тѣ же задачи и на нихъ даны тѣ же отвѣты. Метафизика осталась областью сомнѣнія, но умъ человѣческій, въ своихъ усиліяхъ изслѣдовать эту область, узналъ свою слабость и свою силу. Греческая философія была ошибкой, но греческій духъ изслѣдованія имѣлъ громадные результаты. Этика была возведена на степень науки. Но этика грековъ была узкою и эгоистичной, она касалась только личности, распространялась на семью и не имѣла понятія о томъ, что̀ мы называемъ соціальными отношеніями. Немногіе только учили, что слѣдуетъ вести себя сообразно съ началами справедливости, и никому не приходило въ голову, что если всякій станетъ такъ вести себя, то и всѣмъ будетъ жить отлично, что это и есть лучшее разрѣшеніе соціальной за-

дачи. Древняя философія окончилась съ Прокломъ. «Слѣдующія эпохи носятъ названіе христіанской философіи, но это названіе неправильно. Философія рѣшаетъ метафизическія задачи съ помощью разума, тогда какъ сущность религіи заключается въ вѣрѣ. Слѣдовательно, не можетъ быть религіозной философіи, и эти два термина несовмѣстимы. Философія можетъ заниматься тѣми же вопросами, какъ и религія, но она употребляетъ совершенно другіе методы и зависитъ совершенно отъ другихъ принциповъ».

Исторію новѣйшей философіи Льюисъ начинаетъ со схоластики и излагаетъ ученія Абеляра, Альгацали, Джіордано Бруно (этихъ философовъ не было въ первомъ изданіи), Бекона, Декарта, Спинозы, Гоббеса, Локка, Лейбница, Юма, Кондильяка; затѣмъ—Гартли, Дарвина (Эразма), Кабаниса и Галля. Но ученіе первыхъ двухъ англичанъ слишкомъ мелко, а двухъ послѣднихъ нельзя назвать философами, въ строгомъ смыслѣ слова, и этихъ четырехъ мыслителей не было также въ первомъ изданіи. Изложеніе ихъ ученія, положимъ, не лишнее, но оно заставило автора передать въ слишкомъ сжатомъ видѣ систему Канта и Шеллинга, а подробное изложеніе нравственнаго ученія Канта было бы гораздо полезнѣе теорій второстепенныхъ англійскихъ мыслителей, излагая которыя, даже такой умный человѣкъ, какъ Льюисъ, не могъ отрѣшиться отъ пристрастія къ своимъ соотечественникамъ и отъ національнаго предубѣжденія. Ученію Фихте авторъ также приписываетъ слишкомъ много значенія, а между тѣмъ не объясняетъ ни мысли, Фихте: «то, что́ мы называемъ міромъ, есть воплощеніе нашего долга», ни Гегеля: «абстрактъ есть ничто, оно не имѣетъ условій и, по причинѣ этой необусловленности, есть ничто». Приводя подобныя мысли изъ «Логики» Гегеля, Льюисъ наивно замѣчаетъ: «должно признаться, что это очень похоже на логику сумашедшихъ», и прибавляетъ далѣе: «отъ Ѳалеса до Гегеля словесныя различія всегда составляли основу философіи». Слишкомъ усердно и подробно авторъ доказываетъ также все ничтожество френологіи. О Контѣ и позитивизмѣ можно было бы сказать гораздо больше. Общій выводъ книги Льюиса тотъ, что древнія изслѣдованія о происхожденіи знанія кончились скептиками и стоиками, а новѣйшія изслѣдованія повели къ идеализму, скептицизму и здравому смыслу. Александрійская школа хотѣла подчинить разумъ религіозному экстазу. Шеллингъ отожествилъ философію съ религіей; такимъ образомъ, мы и въ девятнадцатомъ столѣтіи стоимъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ стояли въ пятомъ. Исторія умозрѣнія представляетъ прогрессивное движеніе только по тѣмъ вопросамъ, которые доступны положительному изслѣдованію. «Еслибы нашелся читатель, котораго эта исторія не убѣдила бы въ невозможности философіи, то пусть онъ твердо помнитъ, что прежде всего долженъ рѣшить вопросъ: имѣемъ ли мы идеи, независимыя отъ

опыта? отвѣтъ на это всегда былъ и останется отрицательнымъ».—Такова заключеніе книги, появленію которой на русскомъ языкѣ нельзя не порадоваться.

Д. Дриль. *Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями.* (Частная психологія преступности). Москва, 1890 г.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ изслѣдованій западныхъ криминалистовъ, въ уголовномъ правѣ сильно развилась такъ называемая антропологическая, или позитивная школа. Авторъ вышедшаго нынѣ изслѣдованія изложилъ исторію развитія этой школы въ своемъ прежнемъ сочиненіи: «Малолѣтніе преступники». Ревностный послѣдователь Ломброзо и другихъ корифеевъ этой школы, г. Дриль написалъ изслѣдованіе инстинктивной природы человѣка и его характера, въ особенности по отношенію къ преступной дѣятельности. Отличительныя черты характера авторъ видитъ не въ интеллектуальной сторонѣ человѣка, а въ его инстинктивной природѣ, начиная съ самаго ранняго дѣтства. Наблюденія свои авторъ основываетъ на медицинскомъ и психіатрическомъ опытѣ, представляя множество фактовъ, хотя и не считаетъ истолкованія ихъ непогрѣшимымъ. Антропологическую школу упрекали не разъ въ томъ, что она приписываетъ чрезмѣрное значеніе органическому элементу въ преступности человѣка, упуская изъ виду громадное значеніе общественныхъ условій въ сферѣ преступленія. Г. Дриль горячо вступается за антропологическую школу и приводитъ ея основные тезисы, съ которыми, въ общихъ чертахъ, нельзя не согласиться. Прежде всего школа эта отказалась отъ принципа возмездія, какъ цѣли наказанія, и признала этою цѣлью—исключительно потребность огражденія общества путемъ исправленія преступника, или путемъ изъятія его изъ общества. Школа изучаетъ, прежде всего, самого преступника, а потомъ уже его преступленіе, въ которомъ видитъ результатъ взаимодѣйствія всѣхъ особенностей сложившейся психофизической организаціи преступника, какъ несчастной, неуравновѣшенной и не приспособленной организаціи. Въ причинахъ преступленій школа видитъ болѣе отдаленныя, предрасполагающія условія и наслѣдственность. Но это-то и составляетъ самый шаткій принципъ школы. Отчего же у вполнѣ нормальныхъ лицъ являются преступныя дѣти? Требованія школы относительно упорядоченія условій общественнаго быта и примѣненія къ каждому преступнику особой мѣры наказанія, въ строгой зависимости съ психофизическими особенностями преступника—едва ли достижимы при нынѣшнихъ условіяхъ общества. Въ книгѣ своей г. Дриль изслѣдуетъ нервозныхъ, истериковъ, алкоголиковъ, эпилептиковъ и проч., говоритъ о неблагопріятности условій современной общественной жизни для представителей сангвиническаго и нервнаго темперамента. Во второмъ отдѣлѣ книги, авторъ даетъ общую характеристику процесса

оскудѣнія организма, говоритъ о слабонервныхъ натурахъ, о профессіональныхъ преступникахъ, о мелкихъ ворахъ, борьбѣ съ бродягами и нищими, разсказываетъ исторію колоній для нищихъ, разбираетъ, хотя и несовсѣмъ умѣстно, типы Рудина и Обломова, и заключаетъ свои наблюденія замѣчаніемъ о роли государства въ борьбѣ съ процессомъ оскудѣнія организма. «Въ этомъ отношеніи, государство можетъ сдѣлать очень много. Пусть не говорятъ, что преступленіе—такое же естественное и непреложное явленіе, какъ рожденіе и смерть. Нѣтъ, оно только горькій плодъ общественныхъ настроеній и зла, съ которыми вполнѣ возможно успѣшно бороться». Таковъ заключительный выводъ книги, замѣчательной по множеству приводимыхъ авторомъ фактовъ, относящихся болѣе всего къ психіатрическимъ явленіямъ, но изъ которыхъ г. Дриль нерѣдко хочетъ вывести основные, положительные законы организма. Излишнее обобщеніе исключительныхъ, ненормальныхъ фактовъ не можетъ однако служить къ подтвержденію конечныхъ выводовъ автора, нуждающихся вообще въ строгой научной провѣркѣ.

С. И. Уманецъ. **Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ Исламѣ.** Петербургъ, 1890.

Этотъ почтенный, хотя и спеціальный трудъ носитъ еще слѣдующій подзаголовокъ: «Опытъ исторіи мусульманскаго сектантства, отъ смерти Магомета до нашихъ дней». Авторъ, дѣйствительно, взялъ на себя совершенно спеціальную задачу: разсказать исторію важнѣйшихъ мусульманскихъ сектъ востока и запада. Онъ говоритъ въ предисловіи, что ему вовсе не приходилось встрѣчаться съ русскими сочиненіями о мусульманскихъ сектахъ. Такихъ монографій немного и на иностранныхъ языкахъ, но нельзя сказать, чтобы предметъ этотъ преставлялъ особый интересъ. Если въ исторіи всѣхъ религій много страннаго и непонятнаго, то въ исторіи отступленія отъ главныхъ догматовъ религій встрѣчается еще болѣе примѣровъ людскаго недомыслія, изъ-за котораго человѣчество проливало, однако, рѣки крови. Если мы хорошо знакомы съ сектами нашего раскола и еврейскаго фанатизма, допускающаго даже убійство христіанскихъ дѣтей съ религіозною цѣлью, то мусульманскія секты мало знакомы намъ, не смотря на многочисленность русскихъ подданныхъ—поклонниковъ Магомета. Г. Уманецъ представляетъ полную, хотя и сжатую картину мусульманскихъ сектъ, начиная со временъ первыхъ халифовъ. Уже въ первые вѣка преобладанія ученія суннитовъ, въ исламѣ явился расколъ въ лицѣ нѣсколькихъ сектаторовъ, но исторія всѣхъ этихъ мутазилитовъ, ибадитовъ, сифатитовъ и пр. можетъ интересовать развѣ только правовѣрныхъ и не имѣетъ историческаго значенія. Только съ возникновеніемъ шіитовъ и принятія персіянами ихъ ученія, вражда между суннитами и шіитами принимаетъ серьезные размѣры. Хариджитамъ авторъ посвящаетъ особую главу,

хотя значеніе ихъ въ исламѣ было кратковременно, также какъ и возникновеніе измаилитовъ. Суфизму г. Уманецъ приписываетъ совершенно основательно внѣмусульманское зарожденіе и видитъ въ немъ пантеизмъ и вліяніе философіи Платона. Особая глава посвящена также развитію ислама на западѣ и испанскимъ альморавидамъ и альмогадамъ. Послѣднія двѣ главы, 7-ая и 8-ая, посвящены двумъ сектамъ, имѣющимъ за собою болѣе философское значеніе: это—вахабиты и бабиды. Хотя вахабизмъ, это восточное протестанство, и не имѣло успѣха въ мусульманскомъ мірѣ, но оно оставило во многихъ мусульманахъ желаніе реформы. Послѣдняя мусульманская секта бабидовъ, возникшая въ Персіи въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, не смотря на насильственную смерть ея основателя и преслѣдованія правительства, имѣетъ за собою будущее; хотя самъ основатель секты почти вовсе не игралъ активной роли, но ученіе его, развитое учениками: жить не по буквѣ, а по духу закона — имѣетъ до сихъ поръ многочисленныхъ приверженцевъ. На востокѣ бабизмъ пріобрѣлъ всеобщее сочувствіе и г. Уманецъ убѣжденъ, что бабизмъ, какъ шагъ впередъ въ умственной и соціальной жизни ислама, представляя прогрессъ въ магометанской культурѣ, уже поэтому не можетъ и не долженъ погибнуть. Съ этимъ нельзя не согласиться. Зачѣмъ только авторъ пишетъ вездѣ: куранъ, Мухаммедъ,—это, можетъ быть, и правильнѣе, но мы привыкли уже къ другой орѳографіи.

Люди темные. Очерки и картинки изъ народнаго быта. *И. Н. Захарьина* (*Якунина*). Спб. 1890.

Захарьинъ,—Якунинъ тожъ,—принадлежитъ къ числу нашихъ второстепенныхъ, но охотно читаемыхъ авторовъ. Онъ могъ бы уже праздновать 25-лѣтній юбилей своей литературной дѣятельности, такъ какъ первыя стьтьи его о евреяхъ печатались еще въ 1865 году, въ Аксаковскомъ «Днѣ», потомъ въ виленскихъ и кіевскихъ газетахъ, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и въ «Голосѣ». Онъ писалъ во всѣхъ отрасляхъ литературы. Въ семидесятыхъ годахъ, его статьями «о театрѣ» были наполнены «Биржевыя Вѣдомости», «Будильникъ», «Дѣло», «Голосъ». Самъ онъ написалъ одну драму и три комедіи, напечатанныя въ «Зарѣ» и даже въ «Ремесленной газетѣ». Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ явился съ серьезными юридическими статьями по уголовному судопроизводству, печатавшимися, подъ разными названіями, въ фельетонахъ «Новаго Времени» и въ «Недѣлѣ». Болѣе серьезныя статьи его, историческаго содержанія, печатавшіяся въ «Русскомъ Архивѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Старинѣ», издалъ въ 1885 году г. Суворинъ, подъ названіемъ «Тѣни прошлаго». Наконецъ, въ прошломъ году вышли вторымъ изданіемъ его стихотворенія, подъ названіемъ «Грезы и пѣсни». Все это доказываетъ разнообразіе литературнаго дарованія автора. Вышедшій нынѣ томъ его

разсказовъ изъ народнаго быта составленъ изъ очерковъ, печатавшихся въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Молвѣ», въ «Живописномъ Обозрѣніи». Книга состоитъ изъ двухъ большихъ разсказовъ, восьми маленькихъ картинъ и отдѣльнаго приложенія, подъ названіемъ: «Лѣтопись нашего города», которую авторъ посовѣстился включить въ свои разсказы, чувствуя, вѣроятно, какъ она слаба и неестественна. Это—до крайности утрированная исторія, гдѣ городскія власти не знаютъ, что такое квадратная сажень, статистическія свѣдѣнія, арестуютъ и допрашиваютъ свинью, принимаемую за вѣдьму, схватываютъ губернаторскаго чиновника, посланнаго на ревизію, брѣютъ ему половину головы и надѣваютъ колодки. Такихъ анекдотовъ не печатаютъ уже и въ уличныхъ листкахъ и незачѣмъ сохранять ихъ въ книгахъ. Но два большихъ разсказа г. Захарьина очень недурны. Герои ихъ являются, конечно, весьма мало развитыми, но отъ русскаго крестьянина никто и не ждетъ особенно яркихъ типовъ. Въ первомъ разсказѣ: «Капканъ» передается очень простая деревенская исторія: на масляницѣ къ роднымъ пріѣзжаетъ мужикъ и умираетъ ночью съ перепоя; къ мертвому тѣлу, составляющему такой привлекательный источникъ дохода для становыхъ и исправниковъ, приставляютъ караулъ, но изъ опасенія, чтобы тѣло не унесли волки, ставятъ вокругъ его капканы до пріѣзда начальства. Въ капканъ вмѣсто волка попадаетъ письмоводитель становаго. Можно представить себѣ, какая изъ-за этого поднимается исторія на селѣ и чего она стоитъ бѣднымъ мужикамъ. Разсказъ написанъ живо и бойко, хотя страдаетъ длиннотами и въ немъ мѣстами проскальзываетъ подражаніе Глѣбу Успенскому. Другой разсказъ: «Огонекъ» основанъ также на крестьянскомъ недомысліи и также оканчивается ограбленіемъ мужиковъ ихъ начальствомъ, потому что къ факту появленія на могилѣ спившагося мужика «болотнаго огонька» примѣшивается исторія крестьянки, убившей своего ребенка и повѣсившейся до производства надъ нею слѣдствія. Маленькіе разсказы—значительно слабѣе большихъ. Тутъ выведены типы: мужеубійцы, дѣтоубійцы, самоубійцы изъ-за украденнаго мѣшка ячменя, деревенскій знахарь, солдатъ, прощающій своей женѣ прижитаго не отъ него ребенка. Дѣйствіе послѣднихъ трехъ разсказовъ происходитъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ; въ одномъ разсказана исторія двухъ швей, изъ которыхъ одна выбрала веселую жизнь, а другая сошлась съ порядочнымъ человѣкомъ. Въ очеркѣ: «Раскольница» представленъ типъ женщины, жертвующей всѣмъ для любимаго ею человѣка, тогда какъ этотъ порядочный человѣкъ оказывается порядочною тряпкою по отношенію къ своей возлюбленной, особенно когда раскольницу арестуютъ за то, что у нея въ спальнѣ находятъ спрятанною раскольничью чудотворную икону. Все это разсказано литературно и читается съ интересомъ.

Собраніе сочиненій Р. А. Фадѣева. *Томъ первый.* Изданіе *В. В. Комарова.* Спб., 1890.

Послѣ смерти генерала Фадѣева, русскіе и славянскіе его друзья и почитатели высказали желаніе, чтобы сочиненія этого извѣстнаго въ свое время дѣятеля и публициста были собраны въ новомъ, по возможности, полномъ изданіи, съ подробной біографіей покойнаго писателя. Нынѣ г. Комаровъ осуществляетъ это желаніе, выпустивъ въ свѣтъ первый томъ сочиненій Фадѣева съ его біографіей и обзоромъ литературной дѣятельности. Въ своемъ предисловіи къ первому тому, г. Комаровъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что для всесторонней и окончательной біографіи Р. А. Фадѣева не наступило еще время. Будучи военнымъ спеціалистомъ, Фадѣевъ всегда стремился выступить въ роли политическаго дѣятеля и, кромѣ военныхъ вопросовъ, писалъ много о современномъ состояніи Россіи и о восточномъ вопросѣ, такъ что для насъ, въ настоящее время, Фадѣевъ главнымъ образомъ является политическимъ писателемъ, несомнѣнно имѣвшимъ въ свое время нѣкоторое вліяніе въ Россіи и обратившимъ на себя вниманіе Европы — своими рѣзко-опредѣленными мнѣніями о международной роли Россіи и своею нескрываемою нелюбовью къ нѣмцамъ. Не получивши систематическаго школьнаго образованія, не покидая военнаго мундира почти всю свою жизнь, Фадѣевъ тѣмъ не менѣе употребилъ свои лучшіе годы на самообразованіе и самосовершенствованіе и, дѣйствительно, достигъ въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ результатовъ. Это обстоятельство довольно явственно сказалось и въ его литературной дѣятельности. Кратковременное вліяніе школы на него не могло быть особенно сильно; онъ не подвергся обезличенію общественнаго воспитанія, не потерялъ ни способности расширить свой кругозоръ внѣ казенной программы, ни привычки цѣнить свои убѣжденія. Вслѣдствіе этого, его произведенія, въ которыхъ хотя и замѣчается отсутствіе систематической мысли, отличаются тѣмъ не менѣе замѣчательно-яркою оригинальностью. Все, что онъ писалъ,— замѣчаетъ авторъ обзора его литературной дѣятельности,—не походило на тѣ извлеченія и размазыванія литографированныхъ профессорскихъ лекцій, какими обыкновенно отдаетъ отъ всѣхъ начинающихъ свое поприще публицистовъ по вопросамъ общественнымъ, юридическимъ, военнымъ и политическимъ. «Онъ выступилъ на писательское поприще, будучи молодымъ человѣкомъ, но послѣ упорныхъ научныхъ трудовъ и послѣ самаго серьезнаго жизненнаго опыта». Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, что самобытность его живой и всегда ясной мысли отличаетъ его отъ множества публицистовъ, писавшихъ о тѣхъ же общественныхъ вопросахъ, о которыхъ писалъ и онъ. Вѣроятно, эта самая самобытность и независимость помѣшала ему примкнуть вплотную къ какой

либо изъ литературныхъ партій или къ какому либо общественно-политическому направленію.

Многіе считали, а, можетъ быть, и теперь считаютъ Фадѣева славянофиломъ, но это несовсѣмъ вѣрно. Взгляды Фадѣева діаметрально противоположны взглядамъ славянофиловъ. Онъ всѣ свои надежды полагалъ на русскую интеллигенцію и только въ ней видѣлъ спасеніе; онъ враждебно относился къ бюрократизму, но былъ не теоретикъ, подобно славянофиламъ, а практическій публицистъ. Со многими взглядами Фадѣева на нашу внутреннюю политику и на славянскій вопросъ невозможно согласиться, но эти взгляды, во всякомъ случаѣ, достойны вниманія; они въ свое время оказывали практическое вліяніе и довольно ясно опредѣляютъ его положеніе въ русской политической печати. По мнѣнію Фадѣева, кромѣ возможности рѣшенія славянскаго вопроса въ нѣмецкомъ смыслѣ, т. е. онѣмеченія всѣхъ западныхъ славянъ и «сліянія всѣхъ ихъ ручьевъ въ *нѣмецкомъ* морѣ», представляется возможнымъ еще и другой исходъ: *образованіе славянскаго союза помимо Россіи*. Фадѣевъ думаетъ, что «такой исходъ оказался бы для насъ, русскихъ, еще хуже перваго. Рядомъ съ нами стала бы новая, исполинская, всеславянская Литва XIV вѣка, перенесенная въ XIX-й, съ магнитнымъ притяженіемъ всего, что̀ есть въ Россіи не великорусскаго». Въ возможность отдѣльнаго, независимаго существованія маленькихъ славянскихъ государствъ Фадѣевъ точно также не вѣритъ. По его мнѣнію, славяне, и въ томъ числѣ поляки, не могутъ бороться съ нѣмцами иначе, какъ схватившись за русскую руку, а, поднявшись сами, не могли бы сохранить независимости иначе, какъ опираясь на Россію. Такимъ образомъ, идеалъ Фадѣева—это *славянское единеніе во главѣ съ Россіей*; взглядъ, конечно, не новый, но, сколько намъ помнится, впервые высказанный имъ въ такой категорической и ясной формѣ. Фадѣевъ убѣжденъ, что отъ рѣшенія славянскаго вопроса именно въ этомъ смыслѣ зависитъ вся будущность Россіи. Восточный вопросъ, по мнѣнію Фадѣева, неразрѣшимъ на Балканахъ; польскій вопросъ не распутывается въ Варшавѣ; вопросъ о Черномъ морѣ не кончается на Босфорѣ; всѣ эти затрудненія стянуты общимъ узломъ, лежащимъ на среднемъ Дунаѣ или,—согласно послѣдней поправкѣ Фадѣева,—въ Берлинѣ.

Въ только что вышедшемъ первомъ томѣ сочиненій Фадѣева помѣщены: его первое произведеніе или, вѣрнѣе, очеркъ: «Шестьдесятъ лѣтъ кавказской войны» и «Письма о Кавказѣ», служащія разъясненіемъ событій, разсказанныхъ въ этомъ очеркѣ. Эти письма первоначально были напечатаны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1864 и 1865 годовъ. Въ настоящее время, эти произведенія имѣютъ лишь историческій интересъ, хотя не лишены серьезности взгляда и дѣйствительнаго историческаго чутья.

Вмѣсто связной и систематической біографіи, въ первомъ томѣ помѣщены, впрочемъ, довольно подробныя «Воспоминанія о Ростиславѣ Фадѣевѣ» Н. А. Ф—го. Эти воспоминанія читаются съ интересомъ, но не лишены общаго всѣмъ біографамъ недостатка—слишкомъ большой и, можетъ быть, неумѣстной въ воспоминаніяхъ восторженности по отношенію къ покойному писателю. «Обзоръ литературной дѣятельности Р. Фадѣева», хотя и очень подробный, страдаетъ нѣкоторой неясностью и неопредѣленностью въ сужденіяхъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Продолженіе толковъ о „переутомленіи“ учащихся въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Рядъ послѣдовательныхъ нападокъ на школьную систему въ Германіи.—Мнѣнія доктора Лоринзера и профессора Кона.—Петиціи нѣмецкихъ обществъ.—Параллельное движеніе во Франціи.—Наши „отрицатели“ sui generis. — Н. Бакстъ, идущій по стопамъ доктора Захарьина.—Смѣлый проэктъ объ изгнаніи врачей изъ учебныхъ заведеній.—А. С. Виреніусъ, заступающійся за послѣднихъ. — Любопытные факты и серьезные доводы, имъ приводимые.

Многіе изъ нашихъ читателей, вѣроятно, помнятъ еще то время, когда,—лѣтъ двадцать тому назадъ,—стогны нашей печати оглашались яростными воплями по поводу «окончательнаго насажденія» классицизма въ русскихъ гимназіяхъ. Вмѣсто того чтобы говорить языкомъ науки и спокойно, логически обсуждать данный предметъ, наши классики, съ покойнымъ Катковымъ во главѣ, потщились перевернуть весь вопросъ такъ, какъ будто бы дѣло шло не о лучшей постановкѣ системы средняго образованія, не о болѣе внимательномъ приспособленіи ея къ потребностямъ и силамъ учащагося юношества, но о какомъ-то сакраментальномъ, таинственномъ *нѣчто*, отъ котораго зависитъ не только внутреннее благополучіе, но даже и внѣшняя безопасность русскаго государства. Цѣлые разряды наукъ (какъ напр., естествознаніе, географія, а въ особенности—злосчастная словесность) изгонялись изъ гимназической программы, чтобы дать время братьямъ-славянамъ изложить какъ слѣдуетъ тайны gerundium'а; а когда защитники всесторонняго гармоническаго развитія юношества пробовали замолвить слово за изгоняемые отдѣлы человѣческихъ знаній,—имъ отвѣчали инсинуаціями и даже прямо обвиненіями уголовнаго характера. Въ такое положеніе попалъ, напр., самъ предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго

просвѣщенія, А. С. Вороновъ, — одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей русской педагогики, классикъ по образованію, не желавшій, однако, доводить эту систему обученія до крайностей умственной тираніи. Но его голосъ прозвучалъ въ пустынѣ, вмѣстѣ съ голосами другихъ, не менѣе серьезныхъ и авторитетныхъ педагоговъ. Авторъ блестящей статьи: «Старые и новые боги», краснорѣчиво осуждавшей всякое слѣпое преклоненіе предъ кумирами, М. Н. Катковъ, самъ превратился къ тому времени въ «стараго бога», и его страстныя, нелогическія филиппики противъ всѣхъ наукъ, исключая классической филологіи, принимались профанами, какъ непреложныя изреченія оракула.

Двадцать слишкомъ лѣтъ—довольно продолжительный срокъ для того, чтобы опредѣлить безошибочно результаты какой бы то ни было образовательной системы. И вотъ мы присутствовали не такъ давно при торжественномъ осужденіи этихъ результатовъ не только со стороны частныхъ органовъ общественнаго мнѣнія, но даже при участіи «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», пожелавшаго проявить свое полное безпристрастіе въ этомъ важномъ вопросѣ.

«Недостатокъ умственнаго, нравственнаго и религіознаго развитія учащихся»; «обиліе физическихъ болѣзней, проистекающихъ отъ *переутомленія*»; «полная разорванность между наставниками и учащимся юношествомъ»; а, наконецъ, (что всего неожиданнѣе) «плохое знаніе древнихъ языковъ»—вотъ результаты многолѣтняго и строжайшаго примѣненія той панацеи, которая, по предвѣщаніямъ «старыхъ боговъ», должна была исцѣлить наше отечество отъ всяческихъ соціальныхъ и политическихъ недуговъ, избавить отъ умственнаго шатанія и нравственной разнузданности... Нужно подивиться, что изъ всѣхъ перечисленныхъ недостатковъ гимназическаго образованія—вопросу о *переутомленіи* учащихся непосильными уроками какъ-то особенно посчастливилось въ русской печати, и ему посвящена уже цѣлая спеціальная литература. Другіе же, болѣе крупные недочеты такъ и остались безъ должнаго вниманія, хотя не мѣшало бы призадуматься надъ тѣмъ: отчего же это хваленый классицизмъ привелъ такъ неожиданно къ всестороннему отупѣнію юношества (умственному, нравственному и религіозному) и какими средствами возможно возстановить порванную нравственную связь между учащимися и учащими,—ту связь, безъ которой немыслимъ никакой прочный успѣхъ въ педагогическомъ дѣлѣ? Быть можетъ, это предпочтеніе, оказанное второстепенному вопросу передъ главными, объясняется тѣми огра-

ничительными рамками, въ какихъ послѣдняя реформа гимназическаго образованія представлена была на обсужденіе государственнаго совѣта. Наше высшее законодательное учрежденіе было на сей разъ призвано рѣшить вопросъ о «возможномъ облегченіи занятій учащихся»; а такъ какъ государственный совѣтъ, по уставу, не имѣетъ собственной законодательной иниціативы (хотя и не лишенъ права *предлагать* министрамъ, по поводу внесеннаго доклада, «войти съ новымъ проэктомъ» въ предуказанномъ смыслѣ), то онъ и вынужденъ былъ ограничиться, въ данномъ случаѣ, предѣлами проэкта министерства народнаго просвѣщенія. Министерство же спрашивало только о томъ, на сколько уроковъ слѣдуетъ убавить преобладаніе древнихъ языковъ надъ остальными предметами гимназической программы, и государственный совѣтъ отвѣчалъ на это въ смыслѣ болѣе широкомъ, чѣмъ предлагалъ министерскій проэктъ.

Какъ бы то ни было, но *излишество* въ обученіи древнимъ языкамъ и, проистекающее отсюда, *переутомленіе* учащихся—были признаны государственнымъ совѣтомъ въ мѣрѣ нѣсколько бо́льшей, чѣмъ это допускалось проэктомъ министерства народнаго просвѣщенія. Вотъ отсюда-то и возникла непомѣрная тревога въ лагерѣ нашихъ ультра-классиковъ, которые до сихъ поръ повторяютъ твердо заученныя ими катковскія вокабулы и, въ своемъ раболѣпномъ повиновеніи, даже думать не дерзаютъ, чтобы въ твореніи ихъ «стараго бога» самая послѣдняя мелочь могла быть измѣнена или переставлена на другое мѣсто. А тутъ вдругъ компетентныя учрежденія говорятъ имъ, что не слѣдуетъ забивать экстемпораліями невполнѣ сложившіяся умственныя способности дѣтей и юношей; что, вообще, преподаванію древнихъ языковъ не подобаетъ придавать исключительно буквоѣдскій характеръ и что, наконецъ, не слѣдуетъ приносить всѣхъ другихъ предметовъ гимназическаго образованія въ жертву классическому Молоху. Сыръ-боръ загорѣлся, конечно, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а затѣмъ—«внутренній пожаръ» распространился и въ сердцахъ якобы-ученыхъ докторовъ и сомнительныхъ физіологовъ.

Между тѣмъ ларчикъ открывался уже давно и очень просто. Еще гораздо раньше, чѣмъ мы собрались пересаживать къ себѣ рабскія копіи съ прусскихъ гимназій, намъ было время одуматься и, по крайней мѣрѣ, внести въ этотъ типъ средняго училища тѣ необходимыя улучшенія, о которыхъ настоятельно вопіяла практика. А въ числѣ зловредныхъ вліяній школы, подлежащихъ устраненію, нѣмецкая практика, *слишкомъ полстолѣтія назадъ* (срокъ

достаточно долгій, чтобы и намъ извѣститься объ этомъ событіи!), указывала съ особенной силою на переутомленіе учащагося юношества. Подъ словомъ «мозговое переутомленіе» (neurasthenia cerebralis) разумѣютъ обыкновенно такой надрывъ умственныхъ силъ у учащихся, который лишаетъ ихъ способности работать на болѣе или менѣе долгое время и обнаруживается въ явленіяхъ тѣлесной и душевной усталости, смѣняющейся иногда крайне болѣзненной чувствительностью ко всякаго рода впечатлѣніямъ. Чѣмъ слабѣе и болѣзненнѣе человѣкъ, тѣмъ скорѣе всякое сильное умственное напряженіе можетъ привести къ переутомленію и, наоборотъ, чѣмъ онъ крѣпче, тѣмъ долѣе противодѣйствуетъ вреднымъ вліяніямъ. Юноши и отроки, вслѣдствіе быстраго роста и болѣе энергическаго обмѣна веществъ въ тѣлѣ, отличаются бо́льшею выносливостью къ повышенной работѣ мозга и даже, при продолжительномъ насилованіи этою работою, не поражаются сразу «нейрастеніей», а нѣкоторое время успѣшно борятся съ нею. Повторяясь часто, мозговое утомленіе оказываетъ однако несомнѣнное вліяніе на задержку тѣлеснаго развитія, но такъ какъ этотъ болѣзненный процессъ совершается довольно медленно, то обыкновенно и не обращаетъ на себя вниманія ни родителей, ни даже врачей. (Эти научныя подробности о несоотвѣтствіи современной школы гигіеническимъ требованіямъ мы заимствуемъ изъ весьма содержательной брошюры извѣстнаго доктора-гигіениста *А. С. Виренiуса:* «Переутомленіе у учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи». С.-Пе́тербургъ, 1890 г. Цѣна 50 к.). Всѣмъ этимъ школа пользуется довольно безцеремонно — и *медленность въ развитіи зла*, ею причиняемаго, относитъ не къ свойству юнаго возраста, а *къ своимъ попеченіямъ о здоровьѣ учащихся!* Тѣмъ не менѣе, зловредные результаты школьныхъ «попеченій» рано или поздно обнаруживаются сами собою. Причины зла лежатъ, прежде всего, въ самой конструкціи нашей гуртовой, насильственной «учебы», не считающей нужнымъ, а, пожалуй, и не имѣющей возможности сообразоваться съ индивидуальностью учащагося, и затѣмъ—въ крайностяхъ школьнаго режима, отъ которыхъ, при желаніи, можно было бы легко освободиться. Въ теоріи, для учащагося нужны: 1) отвѣчающія его силамъ и способностямъ умственныя занятія; 2) удовлетворительная нравственная обстановка и 3) такая же тѣлесная. Если одно изъ этихъ условій, а тѣмъ болѣе всѣ три нарушены,—то повышенная умственная дѣятельность учащагося должна повлечь за собою болѣзненныя измѣненія въ отправленіяхъ нервной системы, особенно центральной (мозга).

При обсужденіи педагогическихъ вопросовъ, совершенно упускается изъ виду разсмотрѣніе того: *подходитъ ли въ самомъ принципѣ школа къ природѣ человѣка*, или это есть искусственное культурное учрежденіе, приносящее иногда болѣе вреда, чѣмъ пользы. А между тѣмъ, къ такому скептицизму насъ приводятъ слѣдующія соображенія. Вся жизнь человѣка представляетъ съ перваго дня до послѣдняго безконечное чередованіе движенія и покоя, дѣятельности и отдыха. Отношенія же между движеніемъ и покоемъ, между дѣятельностью и отдыхомъ никогда не бываютъ тожественны, но подвержены едва уловимому множеству измѣненій въ теченіе сутокъ, мѣсяцевъ и годовъ. Самая элементарная мышечная работа—и та представляетъ на дню неодинаковыя степени *напряженія и удовлетворенія*; что же касается работы чисто умственнаго или эстетическаго характера, связанной съ тончайшею игрою внѣшнихъ чувствъ, то тутъ являются чередованія напряженной, увлекательной дѣятельности и чуть не паралитическаго изнеможенія, часто ускользающія отъ всякаго контроля и даже какъ бы издѣвающіяся надъ всѣми апріористическими соображеніями, Не только геній работаетъ порывами и проводитъ мѣсяцы въ совершенномъ бездѣйствіи, смущающемъ невѣждъ и близорукихъ людей, но и всякая средняя личность имѣетъ свои индивидуально-особые часы наиболѣе производительнаго труда и почти никуда негоднаго «стряпанья». Талантливый человѣкъ работаетъ съ увлеченіемъ, забывая все окружающее; но и посредственный умственный рабочій имѣетъ извѣстные, болѣе или менѣе прихотливые сроки для успѣшныхъ занятій и дорожитъ моментами свойственнаго ему вдохновенія. И такая неправильная, повидимому, работа, даже при крайнемъ напряженіи, по большей части не только не приноситъ вреда, но даже, при соотвѣтственномъ отдыхѣ, доставляетъ полное наслажденіе.

Вопреки этому естественному, нормальному и, въ концѣ концовъ, наиболѣе производительному чередованію труда и отдыха, современная школа стремится притянуть своего ученика къ работѣ строго опредѣленной, разсчитанной не то что по днямъ, но по часамъ и минутамъ, — т. е. стремится измѣнить природные рабочіе инстинкты на болѣе или менѣе автоматическую дѣятельность, искусственно размѣренную по порціямъ. Но, для успѣха въ такомъ предпріятіи, нужно безконечное подавленіе рефлексовъ и поочередное «открываніе и закрываніе клапана» вниманія и сосредоточенности на работѣ,—слѣдовательно, извращеніе и порабощеніе природы воспитываемаго на условный, чисто эмпирическій ладъ. «Школа — по словамъ доктора А. С. Виреніуса — требуетъ

отъ живаго, свободнаго существа равномѣрной дѣятельности и равномѣрнаго отдыха въ теченіе столькихъ-то и столькихъ-то мѣсяцевъ, по шестидневнымъ періодамъ, по десятичасовымъ срокамъ, по тричетвертичасовымъ отдѣламъ умственнаго напряженія. Ничего подобнаго природа не указываетъ и ни подо что подобное человѣка подогнать нельзя. Подгонъ, вымуштрованіе, выдрессированіе человѣка на подобіе охотничьей собаки—возможны, но, конечно, подъ условіемъ потери извѣстной доли индивидуальности, *оригинальности, доброкачественности выучки*».

Не смотря, однако, на то, что школа дѣйствуетъ вопреки требованіямъ природы и почти совсѣмъ не слушаетъ раціональныхъ совѣтовъ науки,—съ этимъ зломъ приходится по неволѣ мириться, въ виду невоможности радикальнаго его устраненія. Тѣмъ не менѣе, гг. педагоги невправѣ утверждать, что школа стоитъ на правильныхъ началахъ, что она удовлетворяетъ естественнымъ и законнымъ потребностямъ человѣческаго организма. А если она поставлена нераціонально, если не отвѣчаетъ запросамъ природы,—то, значитъ, она неизбѣжно дѣйствуетъ къ бо́льшему или меньшему вреду нервной системы учащагося или, точнѣе, основнаго органа умственной дѣятельности — мозга; значитъ, неправильно напрягаетъ его и насилуетъ его отправленія. Такимъ образомъ, примиряясь съ неотвратимыми покуда ненормальностями гуртоваго школьнаго обученія, мы должны требовать, чтобы школа отнюдь не злоупотребляла своимъ правомъ на эти ненормальности, чтобы она не доводила ихъ до степени неисцѣлимаго вреда, влекущаго за собою вырожденіе цѣлыхъ поколѣній, если не расъ. Школа должна все таки приносить пользы болѣе, а вреда—наивозможно менѣе; а для этого она должна обставить дѣло воспитанія наивозможно ближе къ требованіямъ природы человѣка,—слѣдовательно, относиться наивозможно осторожнѣе къ напряженію мозга и всей нервной системы. А между тѣмъ школа поступаетъ какъ разъ на оборотъ и, не убавляя неизбѣжно присущаго ей зла, только обостряетъ его непомѣрнымъ расширеніемъ своихъ программъ, въ особенности по части древнихъ языковъ, изученіе которыхъ давно уже обратилось, — по выраженію саксонскаго министра народнаго просвѣщенія фонъ-Гербера,—«въ *тонкую и трудную лингвистику*, поднимающую въ невѣдомой прежде мѣрѣ грамматическія требованія». Вотъ и извольте тутъ развивать въ молодомъ поколѣніи mens sana in corpore sano, по классической пословицѣ, словно на смѣхъ цитируемой иногда гг. педагогами! Что гнилой воздухъ школы отравляетъ кровь, что тьма слѣпитъ людей, что полусуточ-

ное сидѣнье въ душныхъ и плохо вентилируемыхъ комнатахъ нарушаетъ все кровообращеніе, что недостаточный сонъ подрываетъ силы человѣка, что нравственныя пытки убиваютъ не менѣе тѣлесныхъ,—всѣ эти азбучныя истины невѣдомы до сихъ поръ только профессіональнымъ «урокодавателямъ», озабоченнымъ гораздо больше количествомъ своихъ уроковъ, чѣмъ здоровьемъ и нравственнымъ благомъ своихъ учениковъ.

Первый выстрѣлъ по этой школьной твердынѣ былъ сдѣланъ еще *въ 1836 г.* докторомъ Лоринзеромъ, который въ своей замѣчательной, по тому времени, статьѣ стремился доказать (и отчасти доказалъ, не смотря на отсутствіе правильной статистики и медицинскихъ наблюденій), что господствовавшая тогда организація школъ, мало измѣнившаяся въ наши дни, «*затрудняетъ нормальное развитіе юныхъ организмовъ* и такимъ образомъ *содѣйствуетъ общему пониженію здоровья*». Указанія Лоринзера были подтверждены и извѣстнымъ въ свое время докторомъ Фрорипомъ. Нужно прибавить, что въ тридцатыхъ годахъ (время появленія статьи Лоринзера) вопросъ о санитарномъ состояніи школы и учащихся, съ научной точки зрѣнія, и не затрогивался по очень простой причинѣ: врачи почти не знали гигіены вообще, а о спеціальной школьной гигіенѣ не было и рѣчи. Врачи тогда «прописывали микстурки» больнымъ ученикамъ, но въ подробности ихъ жизни, доводившей до болѣзненнаго состоянія, не входили да и не смѣли входить. Врачъ учебнаго заведенія былъ просто субалтернъ-офицеръ по отношенію къ своему полковому командиру—директору гимназіи, и безъ его вѣдома не могъ ни слова пикнуть противъ санитарнаго безобразія въ школѣ. Такимъ образомъ, «Христіаны-Ивановичи» лѣчили кое-кого, сочиняли во славу начальства якобы-медицинскіе отчеты и отдавали ихъ на благоусмотрѣніе самого директора заведенія, который, конечно, не зѣвалъ и отъ себя вклеивалъ «нѣчто», могущее поднять его репутацію въ министерствѣ. Въ Пруссіи, въ особенности, школьная дисциплина была всегда самою жестокою, какъ по отношенію къ учащимся, такъ и по отношенію къ самимъ служащимъ: такою осталась она и до сихъ поръ. Натурально, что, въ силу такого режима, на всѣ вопросы о внутреннемъ благосостояніи училища, о здоровьѣ и успѣхахъ учениковъ, о качествѣ преподавателей, отвѣтъ получался по общему трафарету: «все хорошо въ этомъ лучшемъ изъ міровъ». И вдругъ въ этомъ лучшемъ изъ міровъ возникаетъ внутренняя распря, и докторъ Лоринзеръ прямо настаиваетъ на томъ, что, по крайней мѣрѣ, здоровье учащихся обстоитъ совсѣмъ не благополучно, и что

виновницею этого безобразія должна быть признана школа съ ея санитарными и учебными распорядками. Статья Лоринзера была не особенно богата фактами, изобиловала апріорными взглядами, но, горячо и эффектно написанная, она успѣла таки поднять цѣлую бурю въ прусскомъ образованномъ обществѣ, которое стало горой за смѣлаго обличителя. Совсѣмъ иначе отнеслось къ дѣлу прусское министерство народнаго просвѣщенія. «Катилина подошелъ къ самымъ вратамъ Рима»! И вотъ, вмѣсто того чтобы обсудить указанія Лоринзера на соединенномъ собраніи врачей и педагоговъ, прусское министерство отдало ихъ на судъ однимъ педагогамъ-чиновникамъ, а тѣ дружно присудили: «виновную рыбу... бросить на утопленіе въ воду».

Самый вопросъ, однако, не канулъ въ воду. Лѣтъ 14 спустя, профессоръ Конъ подошелъ къ нему съ другой стороны, и въ строго-научномъ, фактическомъ изслѣдованіи доказалъ, что школа страшно развиваетъ *близорукость* и болѣзни глазъ у учащихся. Новый толчокъ былъ данъ общественному мнѣнію. Изслѣдованія Кона почти вполнѣ подтвердились наблюденіями другихъ ученыхъ, и въ короткое время образовалась цѣлая внушительная литература по этому предмету. Выскочило, правда, нѣсколько министерскихъ доброжелателей, разошедшихся въ мнѣніяхъ съ профессоромъ Кономъ насчетъ непосредственнаго вліянія школы на близорукость, но они не въ состояніи были поколебать ни одного изъ существенныхъ выводовъ Кона и его продолжателей. Въ 1864 г. докторъ Гейеръ сдѣлалъ нѣкоторыя общія указанія относительно развитія *душевныхъ болѣзней* среди учащихся. Въ 1874 г. комитетъ «общества нѣмецкихъ психіатровъ» обратился даже съ петиціею къ министерству по поводу опасности, угрожающей юношеству отъ чрезмѣрнаго нравственнаго утомленія; а черезъ два года послѣ того общее собраніе «нижнерейнскаго общества гигіены» обратило вниманіе на вредъ всякаго чрезмѣрнаго напряженія силъ отъ ранняго вступленія въ школу и отъ ненормальнаго обремененія дѣтей домашними занятіями, и требовало участія врачей въ совѣщаніяхъ о школьной гигіенѣ. Въ 1877 г. такая же приблизительно резолюція была принята «собраніемъ общественной гигіены» въ Нюрнбергѣ. Наконецъ, уже въ 80-хъ годахъ, докторъ Гассе выступилъ съ цѣлымъ трактатомъ о связи между школьнымъ режимомъ и развитіемъ *умопомѣшательства* среди учащихся. Суть разсужденій Гассе состоитъ въ томъ, что въ прусскихъ школахъ дѣти страдаютъ отъ всевозможныхъ антигигіеническихъ условій: отъ гнилаго воздуха, плохаго освѣщенія, непосильныхъ занятій и т. д. Такъ какъ

большинство дѣтей, при неблагопріятной экономической и гигіенической обстановкѣ своей среды, растетъ и развивается неправильно, то понятно, что къ такимъ дѣтямъ и школа должна бы предъявлять сравнительно меньшія требованія, а не взваливать имъ на плечи массу непосильныхъ занятій. Вслѣдствіе этого, ученикамъ постоянно грозитъ опасность испытывать на своемъ тѣлѣ, — особенно же на нервной системѣ,—тѣ или другіе симптомы болѣзненнаго разстройства, могущіе окончиться даже умопомѣшательствомъ. Докторъ Гассе и приводитъ семь такихъ случаевъ, — количество, конечно, небольшое въ отдѣльности; но, въ связи съ массою другихъ данныхъ, указывавшихъ на возможность такого же результата, эти семь случаевъ произвели въ Пруссіи впечатлѣніе громоваго удара. Прусское министерство до того взволновалось, что рѣшилось выставить противъ Гассе не одного, а двухъ свѣтилъ нѣмецкой медицинской науки—профессоровъ берлинскаго университета, Вирхова и Вестфаля. По порученію министерства, эти ученые составили успокоительный докладъ, въ которомъ заявили, что существующія данныя «недостаточны *пока* для научнаго сужденія о развитіи переутомленія среди учащихся». Но, не говоря уже о томъ, что названные ученые вовсе не представляютъ собою авторитетовъ собственно по вопросамъ школьной гигіены, которою они никогда и не занимались спеціально, — самое обращеніе ихъ съ фактами не даетъ никакой гарантіи въ вѣрности выводовъ. Такъ напримѣръ, обращаясь къ даннымъ рекрутскихъ присутствій въ Пруссіи за 1877—1881 гг. съ цѣлью узнать, сколько *вольноопредѣляющихся изъ гимназистовъ* оказались негодными къ военной службѣ, именитые ученые *произвольно* не вѣрятъ найденной ими цифрѣ (почти 55 проц.), да кстати забываютъ отмѣтить, что изъ числа лицъ, *не бывшихъ въ средней школѣ*, всего только 37 проц. оказались непригодными къ службѣ.

Недовольство классическою системою образованія, со всѣми ея тяжелыми послѣдствіями, не ограничивается предѣлами Германіи. Оно выражается уже въ сильной мѣрѣ и во Франціи, — которая до сихъ поръ ревнивѣе всѣхъ другихъ государствъ стояла на стражѣ классицизма, — что̀ видно изъ напечатанной въ нашемъ журналѣ статьи г. Цакни. Во Франціи, какъ и въ Германіи, первую позицію въ этой аттакѣ занимаютъ лучшіе представители медицины, близко соприкосающіеся съ учебнымъ міромъ. Д-ръ Кассъ, напр., предлагаетъ устраивать на берегахъ моря «не только госпитали, но коллежи и пансіоны», въ которыхъ учащееся юношество

было бы освобождено отъ господствующихъ нынѣ вредныхъ вліяній и могло бы «укрѣпить свое *слишкомъ слабое здоровье*, возстановить свой *изможденный организмъ*». Цитируя это мнѣніе, другой французскій докторъ (Гамо изъ Аркашона), въ своей брошюрѣ: «De l'action des climats maritimes dans les affections tuberculeuses», прибавляетъ отъ себя: «Обыкновенный режимъ нашихъ лицеевъ, коллежей и пансіоновъ достаточно непригоденъ съ гигіенической точки зрѣнія. Не углубляясь въ интеллектуальную сторону вопроса,—о которой, по счастію, уже много шума поднято было въ послѣдніе годы, — можно принять за достовѣрное, что часы труда все еще отнимаютъ много времени у рекреацій и что развитіе ума отъ этого ничего не выигрываетъ, тогда какъ тѣлесный организмъ теряетъ многое. Коллежи, устроенные на морскихъ климатическихъ станціяхъ, съ хорошо выбранною и удовлетворительною пищею, съ просторными и здоровыми помѣщеніями, съ многочисленными и толково-распредѣленными рекреаціями,—явятся самыми необходимыми учрежденіями *для возрожденія юношества, пораженнаго лимфатизмомъ или преслѣдуемаго чахоткою*».

Такимъ образомъ, въ число разныхъ недуговъ, приписываемыхъ нѣмецкими докторами зловредному вліянію школьнаго режима, французскіе медики включаютъ еще лимфатическое перерожденіе крови и наклонность къ чахоткѣ; а русскій гигіенистъ, г. Вирениусъ, присовокупляетъ къ этому, что «всевозможныя нервныя боли представляютъ положительно характеристическую особенность гражданскихъ учебныхъ заведеній». Для примѣра онъ беретъ *болъ зубную*. Боль эта,—какъ показываютъ его личныя наблюденія,—постепенно повышается у учащихся къ ноябрю и декабрю, уменьшается за дни рождества и опять повышается до пасхи,—словомъ, *совпадаетъ съ усиленіемъ и ослабленіемъ умственныхъ занятій въ курсѣ*. Въ числѣ страданій нервной системы, ученики подвергаются еще довольно часто болѣзни, сопровождаемой нарушеннымъ состояніемъ пищеваренія, а именно—*нервной диспепсіи*, которая находится въ несомнѣнной связи съ нервнымъ утомленіемъ: преслѣдуетъ больнаго въ учебное время, проходитъ въ каникулярное, подъ вліяніемъ усиленныхъ тѣлесныхъ движеній и купанья, и вновь проявляется съ началомъ учебныхъ занятій. Если даже держаться мнѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, что диспепсія эта происходитъ не отъ мозговаго утомленія, а отъ сидячей жизни, то и въ такомъ случаѣ вину болѣзни должна принять на себя школа, ибо сидячая жизнь есть неизбѣжное условіе существованія современной школы, устранимое только при широкихъ гигіеническихъ

реформахъ. Кромѣ того, по замѣчанію того же доктора Виреніуса, сидячая жизнь ведетъ обыкновенно къ *застоямъ крови въ тазовыхъ органахъ*; застои же эти, при болѣзненно-настроенной чувствительности учащихся, обусловливаютъ наклонность къ *половымъ аномаліямъ*. Одно изъ характеристическихъ свойствъ вѣка, это—половыя увлеченія съ ранняго, сравнительно, возраста. Юноша, въ особенности пылкаго темперамента, видя сцены и слыша (даже въ классѣ, на урокахъ древней миѳологіи) разговоры по «эротической части», и подготовленный антисанитарными условіями школы къ раздраженію половой чувствительности, легко дѣлается жертвою перваго увлеченія. Это зло въ значительной степени способствуетъ общему истощенію организма, а наряду съ нимъ и нервному переутомленію.

Если принять къ свѣдѣнію всѣ эти фактическія данныя, добытыя непосредственнымъ научнымъ наблюденіемъ, то европейскія среднія школы (о нихъ преимущественно и идетъ здѣсь рѣчь) давно уже слѣдовало бы называть «привилегированными лабораторіями дѣтскихъ болѣзней», а вовсе не учебно-воспитательными заведеніями.

Каково же должно было быть изумленіе русскаго образованнаго общества, когда, по поводу ничтожнаго сокращенія числа уроковъ по древнимъ языкамъ, раздались у насъ голоса якобы-ученыхъ людей, которые, вопреки неопровержимому опыту, вопреки наблюденіямъ безпристрастныхъ и близко стоящихъ къ дѣлу людей,—наблюденіямъ, производившимся въ теченіе цѣлаго полувѣка,—стали выкрикивать чуть не проклятія по адресу «враговъ классицизма» и съ наглостью утверждать, что никакого переутомленія въ нашихъ школахъ не водится и что слѣдовало бы, поэтому, не убавлять, а прибавлять количество филологическихъ упражненій!! Казалось бы, что если ужь во всей Европѣ раздаются жалобы на *излишество лингвистики*, то эти жалобы всего основательнѣе у насъ, гдѣ учениковъ заставляютъ изучать, кромѣ древнихъ языковъ, еще *одинъ иностранный* и *церковно-славянскій* (съ прибавкою чтенія по остромірову евангелію). Если французы и нѣмцы не знаютъ, какъ спасти своихъ дѣтей отъ массы непереваренныхъ словъ и грамматическихъ тонкостей, насильственно втискиваемыхъ въ голову, то что же намъ дѣлать съ *четырьмя* грамматиками, *исключая отечественной?* Да, кромѣ того, съ *однимъ* обязательнымъ иностраннымъ языкомъ не обойдешься, а приходится давать дѣтямъ приватные уроки и *по другому*. Французы, нѣмцы и англичане могутъ легко обойтись безъ знанія русскаго

языка, но намъ отказаться отъ знакомства съ европейской литературой и наукой—значитъ, вернуться ко временамъ Котошихина. Тѣмъ не менѣе, нашлись и у насъ двое глубокомысленныхъ «Христіановъ - Ивановичей», у которыхъ существуетъ своя особая гигіена и своя специфическая мѣрка для мозговаго переутомленія. Первымъ изъ нихъ объявился знаменитый по Москвѣ не столько своею ученостью, сколько анекдотическою практикою, докторъ Захарьинъ; а затѣмъ, какъ Бобчинскій, «пѣтушкомъ-пѣтушкомъ» по слѣдамъ Захарьина побѣжалъ и ничѣмъ не знаменитый петербургскій «физіологъ» Н. Бакстъ. Г. Захарьинъ развязно объявилъ, что число уроковъ по древнимъ языкамъ можетъ быть у насъ увеличено на добрую треть, не обременяя мозга учащихся, а г. Бакстъ, не заходя такъ далеко, «причиликнулъ» что все это нервное переутомленіе *выдумано* сердобольными родителями, мечтающими о какой-то «идиллической дѣтской республикѣ», да строптивыми врачами, неразумно возстающими противъ излишества классныхъ и домашнихъ занятій учениковъ. Но такъ какъ «упразднить» родителей (по рецепту щедринской барышни) невозможно, то г. Бакстъ ополчается всею силою на врачей и въ заключительныхъ положеніяхъ своей книжки смѣло провозглашаетъ противъ нихъ настоящій остракизмъ. «*Участіе врачей* въ опредѣленіи школьныхъ требованій въ наукахъ—вѣщаетъ онъ—*должно быть признано совершенно преждевременнымъ*. До допущенія такого участія, необходимо *предварительно подождать* дальнѣйшихъ, болѣе существенныхъ успѣховъ въ области физіологіи центральнаго нервнаго аппарата». Другими словами: извольте подождать, покуда ученый Захарьинъ, въ союзѣ съ менѣе ученымъ, но столь же безцеремоннымъ г. Бакстомъ, удосужатся сдѣлать удивительныя открытія въ области физіологіи, а въ ожиданіи этого счастливаго времени примиряйтесь и съ умопомѣшательствомъ, и съ нервною диспепіей, и съ анеміей, и съ половыми аномаліями, и съ чахоткою, и со всѣми другими плодами непосильнаго зубренія! Докторъ Виреніусъ не вытерпѣлъ этого глумленія надъ наукою, этого крайняго безсердечія по отношенію къ учащемуся юношеству и, какъ истинный другъ молодаго поколѣнія, возразилъ г. Баксту вѣской брошюрой, многими данными которой мы уже воспользовались въ предъидущемъ изложеніи. «Государству — справедливо говоритъ уважаемый гигіенистъ — нужны крѣпкіе и здоровые граждане, крѣпкіе и здоровые отцы и матери семействъ; *да такіе же, впрочемъ, субъекты нужны и для культивированія наукъ и искусствъ*... Не погибаютъ въ борьбѣ

за существованіе только сильные и здоровые индивидуумы, да и въ наукѣ великіе люди, которые сохранялись долго, всегда отличались образцовымъ тѣлосложеніемъ или, во всякомъ случаѣ, образцовою нервною и даже мышечною системою. Если и имѣются примѣты, что нѣкоторыя талантливыя личности были слабаго здоровья и погибали во цвѣтѣ лѣтъ, то эти примѣты служатъ только подтвержденіемъ сказаннаго, а именно: что для продолжительнаго и успѣшнаго служенія наукамъ и искусствамъ нужны только здоровые и крѣпкіе рабочіе».

А между тѣмъ современная дѣйствительность какъ будто и знать не хочетъ этихъ элементарныхъ истинъ, уже усвоенныхъ себѣ даже не спеціалистами по физіологіи и гигіенѣ.

«Благодаря продолжительному сидѣнію въ четырехъ стѣнахъ—продолжаетъ свои горячія изобличенія докторъ Виреніусъ — въ спертомъ воздухѣ, при неудовлетворительномъ освѣщеніи, при неподходящей мебели, за книгой съ плохой бумагой и мелкой грязной печатью, учащійся наживаетъ тѣ недуги, которые характеризуютъ школьную жизнь. Головныя боли, малокровіе, близорукость, искривленіе позвоночника, нервозность суть вѣрные спутники бо́льшей части учащихся. Они находятся въ самой тѣсной причинной зависимости отъ школы и ученія, а если и встрѣчаются внѣ школы, то при тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ, какія свойственны школѣ. *Вмѣсто того чтобы измѣнить всѣ вредныя условія школы, школьная администрація большею частію упорно ихъ отстаиваетъ* и даетъ, такимъ образомъ, полную возможность развиваться у учащихся упомянутымъ недугамъ, столь тягостно отзывающимся и на тѣлесномъ, и на душевномъ ихъ состояніи. Равнодушное отношеніе школьной администраціи къ учащимся обнаруживается особенно рѣзко и наглядно въ пору установленія половаго развитія».

Г. Виреніусъ критикуетъ нынѣ дѣйствующую систему средняго образованія, какъ медикъ и гигіенистъ, но не болѣе высокое о ней мнѣніе выражаетъ и талантливый философъ, профессоръ Н. Я. Гротъ, съ точки зрѣнія умственнаго и культурнаго прогресса. «Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ,—до сихъ поръ дѣло культуры человѣческой мысли поставлено на такихъ основаніяхъ, которыя противорѣчатъ простому требованію здраваго смысла. Низшая культура его большею частію основана на сообщеніи сказокъ, миѳовъ и другихъ продуктовъ фантазіи, а затѣмъ—на развитіи ложныхъ побужденій, состоящихъ въ страхѣ передъ наказаніями, въ стремленіи къ похваламъ и наградамъ. Высшая культура, *пренебрегая сообщеніемъ положительныхъ знаній по всѣмъ отраслямъ природовѣдѣнія*,

наполняетъ умъ юношей схоластической дребеденью, пустыми грамматическими схемами и фактами того же миѳологическаго свойства. На мѣсто изученія природы, человѣка и исторіи развитія человѣческихъ обществъ, ставится безсмысленное заучиванье грамматическихъ формулъ отжившихъ языковъ, *ознакомленіе съ сальными миѳами* примитивнаго человѣчества и запоминаніе цѣлой груды историческихъ именъ и цифръ, лишенныхъ всякаго назидательнаго содержанія».

Будемъ надѣяться, что мнѣнія, высказанныя такими знатоками дѣла, какъ гг. Гротъ и Вреніусъ, возьмутъ верхъ надъ изувѣрскими воплями застарѣлыхъ и новоявленныхъ фанатиковъ, — и дѣло улучшенія нашего средняго образованія не остановится на первыхъ шагахъ.

ФОНОГРАФЪ.

(фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Нѣкоторыя дополненія къ предъидущему фельетону.—Алупка и Гурзуфъ.—Примитивный способъ морскаго купанья. — Отсутствіе подъемныхъ машинъ.—Кавказскія минеральныя воды.—Счастливая группировка ихъ на 17 верстномъ разстояніи. — „Битва русскихъ съ кабардинцами“ изъ-за обладанія... ваннами.—Военно-грузинская дорога.—Прелести и богатства кавказской природы. — Два типа ландшафтовъ. — Тифлисъ и Боржомъ.—Миньятюрный павильонъ минеральныхъ водъ. — Полное отсутствіе всѣхъ культурныхъ удобствъ.

Въ предъидущемъ фельетонѣ, дѣлая легкую „смѣту“ крымскимъ климатическимъ станціямъ, я совсѣмъ не упомянулъ о нѣкоторыхъ пунктахъ, заслуживающихъ вниманія по своему счастливому мѣстоположенію. Но этотъ пропускъ учиненъ мною по той простой причинѣ, что эти мѣстности я видѣлъ только мелькомъ, съ высоты горнаго перевала, или пробылъ въ нихъ самый короткій срокъ, тогда какъ въ другихъ пунктахъ волшебнаго полуострова мнѣ приходилось payer de ma propre personne за всѣ удобства и наслажденія „климатической“ жизни. Впрочемъ, чтобы не заслужить упрека въ неполнотѣ и пристрастности нашего обзора, поговоримъ и объ этихъ счастливыхъ исключеніяхъ, награжденныхъ — вопреки общему правилу природы „южнаго берега“—довольно богатой растительностью. Но исключенія только подтверждаютъ, какъ

извѣстно, общее правило, и недостатокъ Крыма по части лѣсныхъ насажденій особенно рельефно бросается въ глаза по сравненію Ялты (гдѣ, кромѣ жалкаго мордвиновскаго садика, некуда укрыться отъ палящаго зноя)—съ закутанною въ зелени крошечною Алупкою и, окруженнымъ виноградными гроздіями, Гурзуфомъ.

Алупку я видѣлъ, что называется, „съ птичьяго полета", проѣзжая берегомъ моря отъ Байдарскихъ воротъ въ Ялту, но и мимолетнаго взгляда достаточно, чтобы предпочесть эту мѣстность оголенной Ялтѣ съ ея сквозными вѣтрами и загаженной всякими нечистотами бухтой. Подъ сѣнью своихъ миндальныхъ деревьевъ, южныхъ акацій и пирамидальныхъ тополей, Алупка глядитъ такъ красиво и заманчиво, что я чуть было не поворотилъ фаэтона въ ея сторону. И жалѣю, что не поворотилъ, потому что это избавило бы меня отъ жестокой простуды въ холодномъ морѣ, да еще подъ ялтинскими вѣтрами... Но благодатная Алупка занимаетъ такое ничтожное пространство; она такъ тѣсно ютится на самомъ берегу Чернаго моря, подъ сѣнью своей тропической растительности, что найти тамъ удобное помѣщеніе чрезвычайно трудно, въ особенности во время сезона; а нужно забираться спозаранку и обязать гостепріимнаго хозяина условіемъ—не грабить съ наступленіемъ сезонной масляницы. А безъ этого условія васъ безъ церемоніи выгонятъ изъ единственной гостинницы или изъ меблированныхъ комнатъ, какъ только начнется прилетъ съ сѣвера алчущихъ здоровья пижоновъ. Не менѣе Алупки красивая Оріанда тоже обладаетъ отличнымъ паркомъ и высокимъ утесомъ, откуда открывается великолѣпный видъ на морскую даль; но такъ какъ она составляетъ частную собственность великаго князя Константина Николаевича, то—понятно—въ ней и нѣтъ постоянныхъ помѣщеній для путешественниковъ. Впрочемъ, благодаря всегдашней любезности августѣйшаго хозяина, ворота парка почти никогда не закрываются для публики, которая—по крайней мѣрѣ, въ 1887 г.—свободно гуляла въ немъ съ утра до ночи, доходя вплоть до скромнаго домика, гдѣ обиталъ самъ владѣлецъ, послѣ пожара, истребившаго дотла его прекрасный дворецъ.

Мѣстоположеніе Гурзуфа, утопающаго въ зелени, въ виду

Аю-Дага, воспѣтаго Пушкинымъ, особенно благопріятно для людей, ищущихъ уединенія и спокойствія. Ялта отстоитъ отъ него на нѣсколько часовъ ѣзды—и центромъ населенія является громадная гостинница (при мнѣ строилась уже и другая) г-на Губонина, новѣйшаго гурзуфскаго хана. Новый ханъ устроилъ для путниковъ дѣйствительно комфортабельное помѣщеніе—цѣлый палаццо въ нѣсколько этажей,—завелъ не только газовое, но даже электрическое освѣщеніе, пригласилъ оркестръ музыки и пр. Но отъ россійскихъ бѣшеныхъ цѣнъ онъ не отрекся и сдѣлалъ даже „легкую надбавку“ за услажденіе: слуха—доморощеннымъ пиликаньемъ на мусикійскихъ орудіяхъ, а зрѣнія—роскошнымъ электрическимъ солнцемъ. Оно и понятно. Нашъ отечественный капиталистъ, принимаясь за какое бы то ни было предпріятіе,—начиная отъ мелочной лавчонки и кончая крупнымъ комерческимъ дѣломъ,—никакъ не примирится, если не наживетъ при этомъ рубль на рубль; полтинникъ считается не очень заманчивымъ процентомъ на вложенный капиталъ. Разсчетъ обыкновенно ведется у насъ не на то, чтобы расширить кругъ покупателей или посѣтителей, завлечь ихъ умѣренной цѣною при возможно лучшемъ качествѣ предлагаемаго „товара“,—будь то кусокъ матеріи или нумеръ въ гостинницѣ,—а на то, чтобы ободрать случайно набѣжавшихъ простаковъ, которые, послѣ продѣланной надъ ними вивисекціи, конечно, никогда уже и не заглянутъ на прежнее мѣсто. Въ то время, когда европейскій комерсантъ считаетъ себя счастливымъ, добившись 5—6 процентовъ съ затраченнаго капитала, россійскій Кить-Китычъ смѣется себѣ въ бороду надъ такимъ жалкимъ барышемъ и предпочитаетъ, лежа на боку, отстригать купончики на ту же самую сумму отъ нашихъ казенныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ. Когда же алчность и невѣжество нашихъ хищниковъ приводятъ въ промышленныхъ дѣлахъ къ своему естественному результату, т. е. къ тому, что русскіе „потребители“ начинаютъ обращаться къ иностранному производству, не смотря на почти запретительную золотую пошлину, да уѣзжать за границу, теряя на размѣнѣ кредитнаго рубля,—тогда Кить Китычи вопіютъ и къ небу, и къ министерству финансовъ о злокозненной конкуренціи заграничныхъ товаровъ,

о подрывѣ россійской торговли, и готовы обложить чудовищными штрафами заграничные паспорты, чтобы никто и думать не смѣлъ—избѣжать ихъ загребистыхъ московскихъ лапъ.

То же самое, что происходитъ у насъ въ торгово-промышленномъ мірѣ, творится и въ ресторанномъ предпринимательствѣ на нашихъ климатическихъ станціяхъ и минеральныхъ водахъ. Въ юго-западной Франціи, на самомъ берегу Атлантическаго океана, вы имѣете комфортабельную комнату за 5—6 франковъ и прямо изъ нея кидаетесь въ объятія моря; въ Крыму,—хотя бы у того же г. Губонина,—эти франки превращаются уже въ рубли, да, кромѣ того, вы должны, съ бѣльемъ подъ мышкой, отправляться за полверсты къ морскому берегу и тамъ, на виду у всѣхъ гуляющихъ, принимать образъ первобытнаго человѣка. „Морскихъ костюмовъ“, надѣваемыхъ за границей, въ Крыму не полагается. Хорошо это или дурно—должны рѣшить прежде всего тѣ щедринскія „дамочки“, которыя въ своихъ европейскихъ скитаніяхъ любуются несмѣтнымъ количествомъ развѣшанныхъ по морскому берегу мужскихъ кальсоновъ; но мы знаемъ, что, помимо своего гигіеническаго удобства, морскіе костюмы даютъ еще возможность купаться въ одномъ мѣстѣ и мужчинамъ, и женщинамъ, не нарушая требованій приличія. Да и гуляющимъ по берегу кавалерамъ не такъ занимательно наводить свои бинокли на группы одѣтыхъ купальщицъ... Намъ скажутъ, что въ нашей благодатной странѣ дозволить обоимъ поламъ совершать свои омовенія вмѣстѣ, хотя бы и не нагишомъ, — никакъ невозможно. Могутъ найтись такіе любители тѣлесной скульптуры, которые за легкими абрисами шерстяной куртки будутъ искать чего нибудь болѣе существеннаго и учинять „рукоприкладство“ тамъ, гдѣ этого вовсе не полагается по свѣтскому кодексу. Мы не будемъ отрицать, что такое необычное соединеніе въ одну группу кавалеровъ и дамъ обогатитъ на первыхъ порахъ нашу скандальную хронику нѣсколькими выдающимися курьезами; но вѣдь мировые суды и арестные дома могутъ быстро внушить скандалистамъ, что творить безобразія одинаково воспрещено и на сушѣ, и на морѣ.

Затѣмъ, не мѣшаетъ отмѣтить еще одну культурную особенность, которая никакъ не прививается къ нашему оте-

честву, хотя за границей она составляетъ уже заурядную принадлежность не только шикарныхъ гостинницъ, но и такъ называемыхъ „меблированныхъ домовъ“. Мы говоримъ о подъемныхъ машинахъ, которыя моментально переносятъ васъ изъ швейцарской подъ самую крышу, и такимъ образомъ дѣлаютъ совершенно нечувствительнымъ различіе въ этажахъ. Въ движеніе эти машины приводятся посредствомъ воды, и устройство ихъ вовсе не представляетъ ни особыхъ затрудненій, ни большихъ матеріальныхъ затратъ; управляться съ ними тоже весьма легко, и въ Парижѣ, напр., къ нимъ приставляютъ обыкновенно чуть не дѣтей. Между тѣмъ, у насъ даже въ Петербургѣ, гдѣ проведенная повсюду вода могла бы облегчить до послѣдней возможности устройство ассансуаровъ,—эта „европейская выдумка“, кажется, и нашла себѣ мѣсто только въ одной „Европейской гостинницѣ“. Изъ частныхъ же домовъ, такимъ сокровищемъ обладаетъ едва ли не одинъ домъ Жербина на Михайловской площади, и эта новинка,—я помню, — такъ поразила въ свое время петербуржцевъ, что многіе любители сильныхъ ощущеній, даже не живя въ этомъ счастливомъ домѣ, катались „по машинѣ“ только для собственнаго удовольствія. А ужъ если Петербургъ сплоховалъ въ этомъ отношеніи и никакъ не можетъ сообразить, что подъемная машина легко могла бы окупиться нѣкоторымъ повышеніемъ цѣны на верхнія квартиры въ многоэтажныхъ домахъ, — то отъ крымскихъ гостинницъ нечего и требовать подобныхъ „новшествъ“. Да притомъ же и наша почтеннѣйшая публика опасливо относится къ этому нововведенію и предпочитаетъ измѣривать ежедневно собственными шагами высоту четвертыхъ и пятыхъ этажей. „А ну какъ, неровенъ часъ, полетишь съ вышки-то, торчмя головой?! Тутъ и молитвы сотворить не успѣешь!“— будетъ думать какой нибудь благочестивый „женихъ изъ ножевой линіи“, и предусмотрительно шмыгнетъ мимо дивана подъемной машины. Говорятъ, что въ домѣ Жербина и бывали такія несчастныя оказіи съ головоломными послѣдствіями.

II.

„Группа кавказскихъ минеральныхъ водъ“ издавна славится не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Я лично видалъ людей, которыхъ (еще задолго до постройки кавказской желѣзной дороги) приходилось „съ великимъ береженьемъ“ выносить изъ помѣщичьихъ домовъ и *класть* полумертвыми въ тарантасы для дальняго маршрута въ Пятигорскъ, и которые возвращались оттуда совершенно здоровыми и помолодѣвшими на двадцать лѣтъ. Для многихъ больныхъ кавказскія минеральныя воды представляютъ послѣднее, самое сильное средство возстановить утраченное здоровье, и ужъ если это средство не подѣйствовало,—прямо ложись и умирай! Дѣйствительно, нигдѣ въ Европѣ природа не представляетъ такого счастливаго соединенія, на незначительномъ пространствѣ, самыхъ разнообразныхъ минеральныхъ источниковъ. Въ 17 верстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, вы находите здѣсь и „богатырскій“ ключъ *Нарзана* (на мѣстномъ нарѣчіи это названіе значитъ: *богатырь*), и различные сорты ессентукской воды, и желѣзноводскіе источники, и сѣрные пятигорскіе. Словомъ, чего хочешь, того и просишь. Нѣкоторымъ больнымъ такъ и приходится, для полнаго курса лѣченія, переѣзжать съ одного мѣста на другое,—и такое передвиженіе совершается замѣсто пріятной прогулки, въ открытомъ экипажѣ, подъ яснымъ небомъ.

Казалось бы, чего-чего нельзя здѣсь устроить, при такомъ феноменальномъ сочетаніи природныхъ богатствъ?! Если-бы такого рода сокровище очутилось въ рукахъ предпріимчивыхъ и цивилизованныхъ европейскихъ капиталистовъ, то они оживили бы всю эту мѣстность на сотни верстъ кругомъ; настроили бы тутъ и дворцовъ, и скромныхъ помѣщеній, привлекли бы массу рабочихъ силъ и всѣмъ имъ дали бы соотвѣтственный заработокъ, отъ простаго каменщика до ученѣйшаго доктора-бальнеолога. Но на то они и европейцы, чтобы не сидѣть сложа руки, не зариться на какую-то сказочную наживу, не клянчить подачки изъ казеннаго ящика, а надѣяться только на свои собственныя средства, на энергію

своихъ рукъ и головы. Мы же... что сдѣлали мы съ этимъ даннымъ отъ Бога „талантомъ“? Если мы не зарыли его въ землю, то только потому, что этотъ кладъ спокон вѣка лежитъ въ землѣ, но мы и пальцемъ не пошевелили, чтобы разработать его такъ, какъ того требуютъ условія культурной жизни. Долго пребывали кавказскія минеральныя воды въ рукахъ грязныхъ „арендателей“,—которые и валили это дѣло черезъ пень въ колоду,—покуда не попали онѣ, наконецъ, на казенное содержаніе, обезпечивающее ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ окончательнаго засоренія и истощенія. А то, пожалуй, не осталось бы и слѣдовъ отъ „богатырскаго“ ключа, ни отъ цѣлебнаго 17-го нумера ессентукской воды! Съ ними произошло бы то же самое, что и съ гремучимъ ключемъ въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова:

Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ!

Но казенное содержаніе, разумѣется, никогда нейдетъ дальше простаго присмотра за сохраненіемъ казеннаго добра. Эта машина не такъ устроена, чтобы давать просторъ разнымъ „фантазіямъ“; тутъ нѣтъ мѣста ни риску, ни крупнымъ пожертвованіямъ, безъ которыхъ однако не можетъ развиваться никакое комерческое дѣло. Иногда нужно сразу затратить огромную сумму, чтобы черезъ много лѣтъ ожидать отъ нея барыша; а между тѣмъ кто же не знаетъ, какимъ многоэтапнымъ формализмомъ обставлено у насъ израсходованіе каждой казенной копѣйки...

И вотъ—пресловутая „группа кавказскихъ минеральныхъ водъ“ сиротствуетъ, плачевно сиротствуетъ до нашихъ дней. При всѣхъ неоцѣненныхъ качествахъ своихъ минеральныхъ субстанцій, эти воды едва привлекаютъ къ себѣ *тысячу-другую* посѣтителей (со всѣхъ-то концовъ нашей стомилліонной матушки-Руси!); иностранцы же почти совсѣмъ не заглядываютъ на нихъ, вѣроятно, потому что слухомъ земля полнится и европейской требовательности трудно было бы примиряться съ нашей халатностью, съ нашимъ безобразнымъ живодерствомъ. Въ Европѣ если съ васъ берутъ дорого, то

знаютъ за что̀ берутъ, и вы сами можете это понимать; не обидно и платить высокія цѣны, когда за нихъ васъ вознаграждаютъ комфортабельной обстановкой, пріятными развлеченіями, здоровымъ столомъ, вѣжливою предупредительностью. У насъ же совсѣмъ наоборотъ: цѣны разбойничьи, а комфорта, въ большинствѣ случаевъ, никакого. Вы скверно помѣщены, вы глотаете отвратительную пищу, за естественными потребностями бѣгаете во дворъ или ждете очереди по дорогѣ къ ватерклозету; вы постоянно натыкаетесь на грубость и неряшество прислуги, страдаете отъ паразитовъ, о существованіи которыхъ совсѣмъ уже забыли въ мало-мальски чистоплотныхъ европейскихъ жилищахъ, не говоря уже о порядочныхъ гостинницахъ. Натурально, что при такихъ условіяхъ образованный европеецъ предпочитаетъ свои, быть можетъ, и менѣе цѣлебные источники — нашимъ богатырскимъ водамъ съ ихъ разслабляющими антисанитарными порядками. На всей группѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ, если вы не попали въ какую нибудь *единственную* гостинницу, похожую на человѣческое жилье, и съ васъ не содрали за это сколько вздумается,—то вы являетесь совсѣмъ уже погибшимъ человѣкомъ, не смотря ни на какія деньги. Вамъ приходится искать себѣ логовища въ станичной избѣ, питаться чѣмъ Богъ послалъ, и спать въ свиной закутѣ.

Самое устройство ваннъ на сѣверномъ Кавказѣ какъ будто разсчитано на то, что ихъ никогда и не будетъ посѣщать достаточное количество пріѣзжихъ. У самаго сильнаго кавказскаго источника—нарзана—имѣется въ Кисловодскѣ что-то около десятка ваннъ, и можно себѣ представить, какія старанія требуются отъ паціента, чтобы своевременно попасть въ эту Виѳезду! А между тѣмъ паціентовъ набирается изрядная толпа, такъ какъ нарзанъ служитъ очистительною купелью для всѣхъ, лѣчившихся на другихъ группахъ. Сюда стекаются въ августѣ всѣ отбывшіе свой срокъ и въ Пятигорскѣ, и въ Ессентукахъ, и въ Желѣзноводскѣ. Понятно, что и происходитъ передъ ваннами ежедневная „битва русскихъ съ кабардинцами“. Холодные сѣверяне дѣйствуютъ больше подкупомъ и подговоромъ прислуги; пылкіе кабардинцы разсчитываютъ на физическій натискъ, а въ крайнемъ случаѣ и

на свои ятаганы, которые неизмѣнно болтаются у нихъ при бедрѣ.

III.

Быть на сѣверномъ Кавказѣ и не прокатиться по военно-грузинской дорогѣ — значитъ, быть въ Римѣ и не видать папы, или читать „Гражданинъ“, не наткнувшись на розги.

Многіе путешественники такъ и дѣлаютъ: набравшись силъ въ богатырскомъ нарзанѣ, они ѣдутъ до Владикавказа по желѣзной дорогѣ, а тамъ, въ виду снѣговыхъ кавказскихъ великановъ, берутъ фаэтонъ или мѣсто въ дилижансѣ и переваливаютъ черезъ горный хребетъ. И дѣйствительство, тутъ не пожалѣешь ни времени, ни издержекъ. Проѣздъ по военно-грузинской дорогѣ, приведенной въ настоящій видъ при бывшемъ намѣстникѣ Кавказа, князѣ А. И. Барятинскомъ, помимо удивленія передъ техническими трудностями постройки, поражаетъ туриста еще цѣлою массою такихъ разнообразныхъ впечатлѣній, какихъ не вынесешь и изъ нѣсколькихъ поѣздокъ по другимъ странамъ Европы. Отъ Владикавказа и до Тифлиса, на протяженіи двухсотъ верстъ, вы видите, при каждомъ взглядѣ, при каждомъ поворотѣ экипажа, все новыя картины природы, все новые и красивѣйшіе ландшафты. Здѣсь, какъ бы въ одномъ фокусѣ, сосредоточены и кисловодскіе невысокіе холмы съ протекающимъ между ними Подкумкомъ, и крымскіе голые утесы, и суровая дичь и глушь нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ, съ бѣшено скачущими горными рѣчками, и улыбающіяся зеленыя вершины южной Франціи и Италіи. Недаромъ Пушкинъ и Лермонтовъ, съ ихъ тонкой поэтической чуткостью, облюбовали Кавказъ и посвятили ему свои лучшія вдохновенныя строфы. Ихъ стихи ежеминутно припоминаются вамъ на этомъ, довольно длинномъ пути, который, по новости и свѣжести впечатлѣній, кажется очень короткимъ.

И Терекъ, *прыгая, какъ львица,*
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ—и хищный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,

Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали.
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны.

Эти лермонтовскія строфы неизбѣжно воскресаютъ въ вашей памяти, когда вы проѣзжаете Дарьяльское ущелье. При видѣ развалинъ „дворца Тамары", составляющаго какъ бы продолженіе той скалы, на которой онъ построенъ,—какъ не процитировать про себя:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.

Дарьяльское ущелье характеризуетъ собой одну — мрачную—сторону кавказской природы. Сѣрые дикіе камни, лишенные всякой растительности, узкая воронка подъ вашими ногами, откуда до самой вершины горъ долетаетъ вой и гулъ расходившагося Терека — вотъ типическія черты этого ландшафта. Но слѣдомъ за нимъ наступаетъ другой ландшафтъ, въ противоположномъ вкусѣ. За высшей точкой горнаго перевала вы какъ бы вступаете въ предѣлы Италіи, съ ея цвѣтущими долинами и лѣсистыми горными хребтами. Въ то время года, когда я проѣзжалъ по военно-грузинской дорогѣ, наступившая осень еще не оборвала роскошной листвы деревьевъ, а только расцвѣтила ее самыми прихотливыми красками, сохраняя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ природный изумрудный колеръ. Серебристые листья чередовались съ ярко-золотыми, блѣдно-желтыми, коричневыми и фіолетовыми, а всѣ вмѣстѣ, съ сохранившеюся зеленью лѣта, представляли такой волшебный, роскошный коверъ, что,—будь я живописцемъ,—непремѣнно „срисовалъ" бы себѣ на память эту прелестную пассанаурскую панораму. Когда вы добираетесь, наконецъ, до самаго верхняго пункта этой полуфантастической дороги,—вы опять припоминаете чудныя строфы другаго поэта:

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины.
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ *я вижу потоковъ рожденье*
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной,
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады,
Надъ ними—утесовъ нагія громады,
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой,
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужь и люди гнѣздятся въ горахъ
И ползаютъ овцы по злачнымъ равнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ...
И нищій наѣздникъ таится въ ущельѣ,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельѣ.

Въ этихъ рельефныхъ, словно изъ металла чеканенныхъ строчкахъ Пушкинъ даетъ намъ не только рядъ живописныхъ образовъ, но и географически-вѣрную картину *послѣдовательной смѣны* кавказскихъ ландшафтовъ. Все срисовано съ натуры: и „рожденье потоковъ“ изъ горныхъ снѣговъ, и „смиренныя тучи“, идущія подъ ногами путника, и „тощій мохъ“, и—наконецъ—„зеленыя сѣни“ и „веселыя долины“ Арагвы. До сихъ поръ можно видѣть и „нищаго наѣздника“, который превратился уже въ пѣшаго оборванца съ кинжаломъ, спрятаннымъ въ лохмотьяхъ, и, какъ звѣрь, выглядываетъ иногда на проѣзжихъ изъ звѣриныхъ норъ горнаго ущелья. Не дай Богъ встрѣтиться ночью, глазъ на глазъ, съ такими „джигитами“: ихъ дерзость такъ велика, что они врываются даже въ вагоны желѣзной дороги, какъ это было недавно въ Кубани, возлѣ Екатеринодара. Тѣмъ менѣе поцеремонятся они съ одинокимъ путникомъ, ѣдущимъ въ фаэтонѣ, и это обстоятельство нельзя не причислить къ числу тѣхъ, которыя отбиваютъ охоту совершать живописную прогулку по отрогамъ кавказскихъ горъ...

Живопись—живописью, но сколько природныхъ, еще никѣмъ не тронутыхъ, богатствъ таится въ нѣдрахъ этой велико-

лѣпной страны, до сихъ поръ страдающей отъ „мерзости запустѣнія“! Въ своемъ пророческомъ предвидѣніи, Лермонтовъ говорилъ когда-то о кавказскихъ горахъ:

И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая *мѣдь и злато*,
Врѣжетъ страшный путь...

„Мѣди“ и „злата“ мы до сихъ поръ не нашли на Кавказѣ (можетъ быть, потому что плохо рылись!) но богатство минеральныхъ источниковъ—здѣсь неизсякаемое. Помню, недалеко отъ станціи Коби, кондукторъ дилижанса соскочилъ съ козелъ и предложилъ путешественникамъ выпить „по стаканчику зельтерской воды“. Источникъ этой воды оказался въ двухъ шагахъ отъ дороги, и для него устроенъ былъ особый колодецъ. Я соблазнился предложеніемъ кондуктора и отвѣдалъ природнаго кавказскаго напитка. На вкусъ онъ представляетъ второй экземпляръ нарзана и также шипитъ въ стаканѣ. При нѣкоторой предпріимчивости мѣстныхъ жителей, этотъ источникъ, конечно, не пропадалъ бы безъ вниманія, но у насъ онъ не имѣетъ даже особаго русла и преспокойно насыщаетъ собою какую-то горную рѣчонку. Для удовольствія путниковъ, остается только часть воды, задержанная въ маленькомъ колодцѣ. А вѣдь здѣсь могъ бы возникнуть второй Кисловодскъ! И такихъ источниковъ—цѣлая масса по обѣимъ сторонамъ пути.

Военно-грузинская дорога приводитъ васъ въ „Тыфлысъ“,—полуазіатскій, полуевропейскій городъ, до сихъ поръ достаточно грязный, не смотря на то, что онъ пробылъ нѣсколько десятковъ лѣтъ резиденціею полномочныхъ намѣстниковъ Кавказа. Климатъ Тифлиса—убійственный, даже лѣтомъ, и мало-мальски состоятельные жители, при первой возможности, убѣгаютъ изъ города на дачи, гдѣ и живутъ до заморозковъ.

Впрочемъ, искать хорошаго климата и живописныхъ окрестностей—отъ Тифлиса не далеко. Вы садитесь въ вагонъ закавказской желѣзной дороги (въ Батумъ) и черезъ нѣсколько часовъ выходите на станціи Михайлово, откуда уже фаэтонъ доставляетъ васъ хорошею шоссированною дорогою — въ *Боржомъ*. „Поэтъ въ прозѣ“, г. Джаншіевъ, воспѣвшій въ

особой книжкѣ прелести своей страны, называетъ это мѣстечко „перломъ Кавказа“, и насчетъ справедливости такого эпитета съ нимъ можно согласиться... на половину. Да! это, дѣйствительно, перлъ; но перлъ въ коростѣ, перлъ не отдѣланный и безъ всякой приличной оправы. Дайте этотъ перлъ въ руки европейскихъ людей—и изъ него вышелъ бы второй Виши, тѣмъ болѣе, что и минеральныя воды Боржома подходятъ по своему составу къ водамъ французскаго источника (желѣзно-щелочныя и, просто, щелочныя). Но, не смотря на роскошь климата—Боржомъ укрытъ въ котловинѣ между довольно высокими горами, защищенными густымъ хвойнымъ лѣсомъ—не смотря на цѣлебный смолистый ароматъ, насыщающій собою всю окрестность на десятки верстъ, въ это мѣстечко нельзя зазывать больныхъ туристовъ, просто потому, что, въ случаѣ большаго наплыва, имъ придется селиться подъ открытымъ небомъ и стрѣляться другъ съ другомъ изъза обладанія ваннами. Здѣсь есть только одна сносная гостинница „Кавалерская“—и, кто не попалъ въ нее, долженъ ѣхать на базаръ, къ г. Михайлову, „заведеніе“ котораго напоминаетъ своимъ комфортомъ и своими запахами байдарскій постоялый дворъ, о которомъ мнѣ приходилось уже говорить. Занимать же квартиры въ частныхъ домахъ—здѣсь также удобно, какъ въ ессенктукскихъ станичныхъ избахъ. „Зданіе“ минеральныхъ водъ до забавности миньятюрно: такого сорта игрушечный павильонъ можно было воздвигнуть развѣ только для потребы одного не очень большаго семейства, а не для цѣлой толпы пріѣзжихъ, которые будутъ ждать по мѣсяцамъ своей очереди—полѣзать въ ванну.

Я былъ въ Боржомѣ два года тому назадъ и боялся опоздать со своими впечатлѣніями. „А ну какъ тамъ,—думалъ я,—насталъ такой періодъ процвѣтанія, что не только „Кавалерская гостинница“ разрослась до размѣровъ, по крайней мѣрѣ, аркашонскаго Grand-Hôtel'я, усвоивъ себѣ и европейскія гигіеническія требованія, но и базарная гостинница стала похожа на человѣческое жилище, такъ что въ ней не приходится дышать воздухомъ отхожихъ мѣстъ?!“ Однако, торопиться не слѣдуетъ... тише ѣдешь—дальше будешь.

„Пройдитесь мимо „Кавалерскаго дома“, около 8 часовъ

вечера,—прочелъ я недавно въ одной кавказской газетѣ, въ корреспонденціи изъ Боржома,—когда въ ущельѣ полное безвѣтріе, подышите *одуряющимъ запахомъ*, и тогда вы поймете, какъ много надо желать Боржому, этому *неряшливому красавцу*, чтобы пребываніе здѣсь дачниковъ было сколько нибудь сносно. Всевозможные кухонные отбросы изъ „Кавалерскаго дома“ выносятся и бросаются *не въ глубь Боржомки* (??), а на берегъ рѣки, гдѣ они и гніютъ. Рядомъ съ этимъ возьмите во вниманіе то, что ретирадныя мѣста—въ полномъ запущеніи. Наконецъ, достойно вниманія то обстоятельство, что *масса дачниковъ пьетъ изъ Боржомки воду, набираемую недалеко отъ того мѣста, куда выливаются ванны*“.

Очевидно, что въ Боржомѣ не совершилось за это время никакого „треклятаго“ прогресса. На что ужь неприхотливы требованія боржомскаго „скоропандента“—бросать кухонные отбросы въ глубину рѣки, а не на берегъ; выливать воду изъ ваннъ въ ту же злосчастную рѣчку, но только не прямо въ ротъ дачникамъ, а чуточку подальше—но и этихъ скромныхъ требованій боржомцы отнюдь не хотятъ уважить... Ну, и Господь съ ними; только ужь пусть они и не ждутъ себѣ гостей изъ Виши! Грустно, очень грустно.

Ефимъ Простосердовъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 11-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	Стран.
I. Въ приморскомъ городкѣ. Очеркъ. Ф. Д. Нефедова.	5
II. Наши сельскія библіотеки. В. Крандіевскаго	59
III. Отрывокъ. Стихотвореніе Ап. Коринфскаго.	79
IV. Кавказскія преданія и легенды. В. Свѣтлова.	81
V. Тамбовскія смуты. И. Дубасова	108
VI. Дорогою цѣною. Романъ. *Окончаніе.* А. Апраксина.	123
VII. Изъ крымскаго дневника. Стихотвореніе Ив. Бунина	177
VIII. День настанетъ. Романъ. *Окончаніе.* Бреддонъ.	179
IX. Осень. Стихотвореніе Л. Афанасьева	279
X. Сѣдая старина. (Оригинальный романъ изъ древне-египетской жизни). А. А. Быкова.	281
XI. Сонетъ. Гр. П. Д. Бутурлина.	334

Современное обозрѣніе.

XII. Политическая хроника	1
XIII. Новыя книги	10
XIV. Наши внутреннія дѣла	22
XV. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). «И смѣхъ, и горе». (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова.	36

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

„НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ имѣются въ продажѣ полные экземпляры «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ» за 1880, 1881, 1884, 1885, 1887 и 1889 гг. Выписывающіе эти экземпляры за всѣ шесть лѣтъ платятъ 18 р. съ перес. за три года—10 руб.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издавалась по слѣдующей программѣ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагалась, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщались обыкновенно, подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ, и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

Изданіе „Народной Школы" пріостанавливается на неопредѣленное время, и подписка на журналъ, на 1890 г., приниматься не будетъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1891 году (годъ десятый).

Журналъ будетъ издаваться въ 1891 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

По желанію, заявленному многими подписчиками, **«Наблюдатель»** *возвратился къ прежнему сроку выпуска нумеровъ* и выходитъ ежемѣсячно, *перваго числа* (вмѣсто 15-го), книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, подписная же цѣна остается прежнею: 12 р. за годъ безъ доставки; 13 р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ; 14 р. съ перес.; 17 р. съ пересылкою за границу.

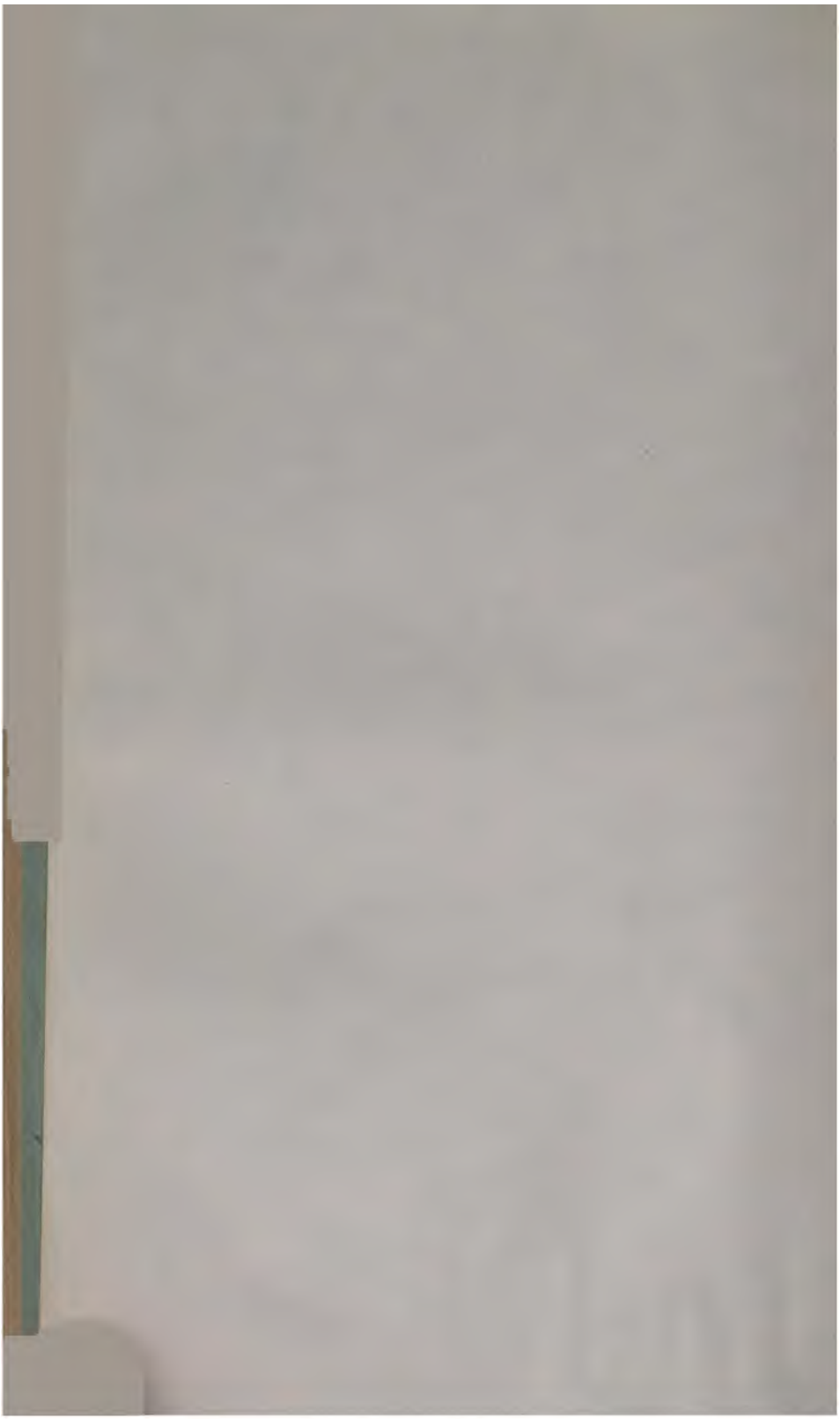
Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6, кв. 14); **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета), въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ конторѣ Гиляровскаго (Столешниковъ пер., д. Корзинкина); **въ Варшавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова; а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, **кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, съ часу до двухъ.**

Подписка на текущій годъ продолжается.

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**



STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

Stanford University Libraries
3 6105 004 943 705
AP
50
N33
v.9
no.11
1890

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-600
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D APR 28 1994
JUN 1994